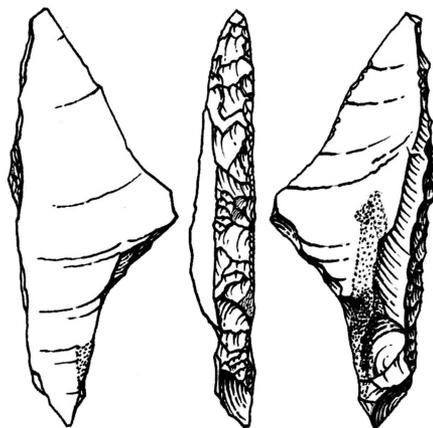

**ПРОБЛЕМЫ ЗАСЕЛЕНИЯ
СЕВЕРО-ЗАПАДА ВОСТОЧНОЙ ЕВРОПЫ
В ВЕРХНЕМ И ФИНАЛЬНОМ ПАЛЕОЛИТЕ
(КУЛЬТУРНО-ИСТОРИЧЕСКИЕ ПРОЦЕССЫ)**

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
ИНСТИТУТ ИСТОРИИ МАТЕРИАЛЬНОЙ КУЛЬТУРЫ

**ПРОБЛЕМЫ ЗАСЕЛЕНИЯ
СЕВЕРО-ЗАПАДА ВОСТОЧНОЙ ЕВРОПЫ
В ВЕРХНЕМ И ФИНАЛЬНОМ ПАЛЕОЛИТЕ
(КУЛЬТУРНО-ИСТОРИЧЕСКИЕ ПРОЦЕССЫ)**

Санкт-Петербург
2013

УДК 902"634" (470.1/6/)
ББК 63.3 (2)4
В40

Рекомендовано к печати Ученым советом ИИМК РАН

Грант РГНФ № 09-01-00573а/Б

Грант РГНФ № 13-21-01006а(м)

Программа фундаментальных исследований Президиума РАН «Историко-культурное наследие и духовные ценности России».

Культурно-исторические процессы на рубеже плейстоцена-голоцена на северо-западе Русской равнины

Проблемы заселения северо-запада Восточной Европы в верхнем и финальном палеолите (культурно-исторические процессы). Сборник научных статей. — СПб.: ЭлекСис, 2013. 262 с.

Под редакцией Г.В. Сеницыной (ИИМК РАН, Санкт-Петербург)

Рецензенты: доктор исторических наук А.Н. Сорокин (ИА РАН, Москва)
кандидат исторических наук В. И. Беляева (СПбГУ, Санкт-Петербург)

В сборнике «Проблемы заселения северо-запада Восточной Европы в верхнем и финальном палеолите (культурно-исторические процессы)» рассматривается широкий круг дискуссионных вопросов, связанных с проблемой первичного заселения северо-запада Восточной Европы в постгляциальный период.

Реконструкция культурно-исторических процессов связана с возможностью определения возраста памятников. Естественнонаучные методы датирования, показывают одновременность формирования сходных культурных элементов на широких территориях, что является основанием для изменения традиционных представлений о соотношении миграционных и автохтонных процессов. В сборнике рассматриваются локальные модели развития археологических культур в широких хронологических рамках верхнего – финального палеолита.

Проект осуществлен в рамках российско-белорусского сотрудничества.

Книга предназначена для специалистов археологов, историков, интересующихся древней историей Русской равнины на рубеже переходных периодов и проблемой адаптации древних человеческих коллективов в условиях резкого изменения климата.

На обложке изображение наконечника гренского типа из материалов стоянки Вышегора I.

ISBN 978 – 5- 904247-50-8

©Федеральное государственное бюджетное
учреждение науки Институт истории
материальной культуры РАН, 2013

©Авторы статей, 2013

©Сеницына Г.В., 2013

От редакции

Тематический сборник "Проблемы заселения северо-запада Восточной Европы в верхнем и финальном палеолите (культурно-исторические процессы)" представлен статьями участников Российско-белорусского гранта и дополнен статьями участников программы Президиума РАН, объединенных задачей поиска истоков формирования финальнопалеолитических культурных традиций.

Хронологически сборник охватывает три подраздела современной периодизации: верхнего, позднего и финального палеолита. Характеристика первого (28-20 тыс. лет н.) дана в статьях: А.А. Сеницына "Граветт Костенок в контексте граветта Восточной Европы"; М. Н. Желтовой "Место каменных индустрий Костенок 4 в контексте верхнего палеолита Европы"; Е.Г. Калечиц "История изучения палеолита Беларуси"

Период 18-13 тыс. лет н. представлен статьями Г.В. Григорьевой "Верхнепалеолитические памятники Среднего Поднепровья мадленского времени" и А.А. Бессуднова, посвященной анализу позднепалеолитических материалов бассейна Верхнего и среднего Дона, имеющих важное значение для понимания хода культурно-исторических процессов этого времени на Русской равнине.

Культуры эпохи финального палеолита (12-10 тыс. лет) рассматриваются в статьях: Г.В.Сеницыной "О миграциях и автохтонном развитии культур финального палеолита на северо-западе Русской равнины"; А.В. Колосова "О заселении бассейна р. Сож в позднеледниковое время"; О.Л. Липницкой "Проблема заселения запада Беларуси на рубеже плейстоцена-голоцена (по материалам стоянки Красносельская-5)".

Сочетание элементов преемственности культурных традиций и инноваций, связанных как с автохтонным формированием новых компонентов, так и с инородными включениями, позволяет внести определенные изменения в традиционные представления о культурно-исторических процессах формирования, эволюции и дифференциации финальнопалеолитического мира северо-запада Восточной Европы.

Г.В. Сеницына

А. А. Сеницын

Институт истории материальной культуры РАН

ГРАВЕТТ КОСТЕНОК В КОНТЕКСТЕ ГРАВЕТТА ВОСТОЧНОЙ ЕВРОПЫ *

В последние два десятилетия в археологии палеолита проблемы происхождения, развития и исчезновения археологических культур и надкультурных объединений ставятся, в основном, в рамках проблемы перехода от среднего к верхнему палеолиту, и на привлекаемых к ее решению материалах. Ни по количеству публикаций, ни по числу участвующих в ее обсуждении авторов, она не сопоставима с проблемой возникновения, эволюции и смены других культурных образований. Повышенный интерес к одним вопросам и снижение интереса к другим на определенных этапах развития науки представляет собой нормальное явление. Однако, решение круга проблем высокого уровня обобщения материала, таких как проблемы механизма формирования нового культурного качества и культурных трансформаций, внедрения инноваций, вариативности палеолитических индустрий... невозможно без их рассмотрения в контексте аналогичных проблем всего палеолита.

Граветт в общеевропейском контексте

Проблема формирования, эволюции и дифференциации граветта занимает в этом круге вопросов особое место, поскольку:

а) его появление знаменует собой начало среднего этапа верхнего палеолита, принципиально меняющего бимодальную структуру раннего этапа, одним из компонентов которого является ориньяк пан-Европейского распространения, вторым — серия локальных «переходных» культур (шательперрон, улуццо, линкомб, селет, стрелецкая культура). Различия качественные, оцениваются по-разному, вплоть до «индустриальной революции» (Hoffecker, 2011);

б) в рамках верхнего палеолита граветт является первой, собственно европейской культурной традицией: ориньяк признается пришлым, инородным для Европы явлением, а «переходные» культуры связаны с мустьерскими традициями;

в) численность граветтских памятников, полнота источника, в первую очередь разнообразие жилых конструкций, фигуративного и орнаментального искусства дает реальную фактическую основу для его дифференциации не только по кремневому инвентарю, но и по другим категориям источника. Начиная с граветта, появляются основания для постановки проблемы соответствия культурных образований, выделенных по кремню локальным вариантам, выделенным по костяному инвентарю, украшениям, искусству, жилым конструкциям;

г) по сравнению с ранним верхним палеолитом, в граветте меняется не только технико-типологический состав материальной культуры, но и структура поселений: появляются крупные по площади стоянки, реально сопоставимые с родовыми поселками этнографической современности;

* Работа выполнена по теме «Прерывистость и преемственность культурного развития палеолита Костенковской группы» в рамках Программы фундаментальных исследований Президиума РАН «Традиции и инновации в истории и культуре» и гранты РГНФ №13-21-01006а(м) №13-01-18038.

д) согласно современным представлениям и на современном уровне датирования, граветт появляется практически одновременно в пределах 30–28 тыс. лет на всем Европейском континенте от Атлантического побережья до бассейна Дона. Относительно более древние даты для Австрийских и Швабских памятников (Moreau, 2009; 2010; 2012; Jöris, Moreau, 2010), скорее всего, обусловлены тем, что они получены в относительно недавнее время, на современном оборудовании и с применением современных методов очистки образцов. Опыт современного передатирования палеолитических памятников (Jacobi et al., 2010) свидетельствует о явной тенденции к удревнению возраста стоянок, особенно по сравнению с датами 60–80-х годов прошлого века, когда были получены определения возраста для большинства ключевых памятников Европейского граветта. Для памятников старше 30 тыс. лет омоложенными признаются до 70% старых датировок (Higham, 2011); для последнего ледникового максимума — до 40% (Gamble et al., 2005).

Современное состояние проблемы граветта

При том, что круг проблем граветта целиком совпадает с проблематикой всего верхнего палеолита, в первую очередь из-за полноты источника, не уступающей даже мадлену с его шедеврами пещерной живописи, целый ряд вопросов для понимания граветта как общеевропейского культурного феномена, имеет особое значение. Два из них являются принципиальными: вопрос содержания и вопрос происхождения — трансформации.

Проблема содержания

Для того чтобы определить содержание любого явления, необходимо знать рамки его вариабельности, то есть границы, за пределами которых оно становится другим явлением. Для того чтобы установить эти границы, надо знать рамки вариабельности всех, или, по крайней мере, **основных его составляющих, то есть определить**. Практический выход из замкнутого круга один: принять за исходный некий эталон, реальный или синтезированный на основе современных научных представлений, относительно которого любое отклонение может быть оценено по степени его значимости. Проще всего принять за эталон эпонимную стоянку: граветтом считать только памятники типа Ля Граветт. Но длительный период изучения европейского граветта делает этот путь неприемлемым, поскольку большое количество локальных вариантов и стадий развития до минимума сократит область привлекаемого для решения проблемы фактического материала, вразрез сложившейся традиции, которая складывалась в течение десятилетий и далеко не на пустом месте.

Здесь, в качестве рабочей гипотезы, мы исходим из понимания граветта как индустрии, техническая основа которой ориентирована на получение трех видов заготовки: крупной пластины, пластинки и микропластины, на которых, соответственно, выполнен весь типологический набор индустрии. Это позволяет отличить граветт от ориньяка, техническую основу которого составляют заготовки двух типов, полученных на основе двух различных технологий: пластины и микропластины; и от мадлена, где пластинчатые заготовки любого размера получены одной технологией расщепления, основанной на едином наборе технических приемов. При том что предложенное понимание не более чем гипотеза, оно, на настоящий момент, кажется наиболее «работоспособным» как для развития представлений о граветте как едином культурно-историческом явлении, так и для его дифференциации.

В последнее десятилетие проблема внутренней дифференциации граветта становится принципиальной, в связи с: а) изменениями «классической» аквитанской модели (Djindjian et al., 1999; Djindjian, 2011), которая сохраняет роль эталона, несмотря на все ограничения ее действия; б) постепенной заменой понятия граветтского технокомплекса, как исчерпавшего свои познавательные возможности, «граветтской мозаикой» (от: Svoboda, 2004); и, наконец, в) внутренними потребностями археологии, направленными на уточнение и детализацию категорий анализа.

Одним из основных направлений развития любой научной дисциплины является ее изменение в сторону детализации анализа источника и уточнения дефиниций. Если в археологии палеолита середины прошлого века достаточно было определение принадлежности материала

памятника на уровне ориньяка или граветта, то во второй половине необходимым стало его соотнесение с их конкретной стадией или локальным вариантом. Если в 80-е годы прошлого столетия понимание граветта как технокомплекса, основанного на пластинчатой заготовке прямого профиля и типологическом наборе, основным компонентом которого являются граветтские острия и пластинки с притупленным краем, отвечало потребностям его отчленения от предшествующей структуры раннего верхнего палеолита и последующего позднего (Kozłowski, 1986), то сейчас оно все меньше соответствует современным требованиям детализации.

Обусловлено это естественной тенденцией увеличения детализации и точности технических разработок, выделением новых вариантов граветта (Klarić, 2007) и расширением спектра технических приемов, характерных для его локальных вариантов. Действительно, трудно найти реальные технико-типологические основания для объединения в рамках одного технокомплекса граветта с резцами Ноай, граветта с остриями Фон-Робер, Павловскую, Костенковско-Авдеевскую и Пушкаревскую культуры. Если принять во внимание, что, например, в коллекции Мэзер-Канал, бесспорно основанной на граветтской технологии, представлено только одно острие граветтского облика (Heinzellin, 1973), то и типологический набор других локальных вариантов граветта больше «работает» на их разделение (мозаичность), чем на объединение в рамках единого технокомплекса.

Во-вторых, технико-типологическое единство граветта основывается на приемах и типах изделий, имеющих широкое пространственно-временное распространение, выходящее за пределы собственно граветта. Нуклеусы встречного двуплощадочного скалывания, направленные на получение пластин, пластинок и микропластинок прямого профиля, лежащие в основе граветтской техники первичного расщепления, представлены во всех крупных над-культурных образованиях верхнего палеолита, хотя не являются в них определяющими. Массовый материал: острия граветтского облика и пластинки с притупленным краем тоже имеют более широкое, чем собственно граветт, распространение.

Труднее определить потребности современного уровня изучения граветта, точнее, трудно их разглядеть за широким спектром конкретных разработок.

Итогом исследований граветта в XX веке можно считать обобщения М. Отта (Otte, 1981), Я. Козловского (Kozłowski, 1986; также в: Djindjian et al., 1999) и материалы симпозиума UISPP в Форли (Palma di Cesnola et al., 1996).

В последнее время ситуация претерпела существенные изменения. Современный уровень понимания граветта и современный круг связанных с этим проблем определяется международными конференциями последнего десятилетия (Rigaud, 2007; Goutas et al., 2011) и рядом защищенных диссертаций, частично нашедших отражение в печати (Лев, 2003; Klarić, 2007; Noiret, 2009; Morgeau, 2009; 2010; 2012; Pessese, 2010; 2011).

Задача состоит в том, чтобы «увидеть лес за деревьями». Предлагаемая попытка дифференциации культурных образований Костенок, традиционно относимых к граветту, как кажется, может иллюстрировать этот процесс.

Проблема происхождения.

Современное состояние проблемы генезиса палеолитических культур и более крупных объединений сформировалось в середине прошлого века и существует без особых изменений в настоящее время. Оно предполагает наличие технического и/или типологического сходства в памятниках предшествующего времени, желательного расположенных на близких территориях. По существу, проблема генезиса сформулированной считаться не может. Во-первых, *после этого* совсем не означает *вследствие этого*. Во-вторых, все концепции эволюции, наряду с постепенными изменениями, предполагают наличие резких, скачкообразных изменений, которые являются имманентной частью теории эволюции. Наличие качественных и резких изменений никак не может быть свидетельством отсутствия эволюции и преемственности. Наконец, в-третьих, поиск решения проблемы генезиса практически осуществляется в рамках двух моделей: автохтонной и аллохтонной, что явно не соответствует потребностям современного уровня, по мере увеличения количества факторов, могущих влиять и влияющих на культурную изменчивость.

Попытка И. Свободы (Svoboda, 2007a; 2007б) связать происхождение граветта Центральной Европы с внешним влиянием Ближневосточных культурных традиций предшествующей эпохи остается единственной. Не получила распространения и попытка вывести граветт из индустрии VII слоя пещ. Козьярника с датами 36.2–39.3 тыс. (Sirakov et al., 2007) даже при признании элементов сходства с вышележащими слоями стоянки, отнесение которых к граветтскому кругу сомнений не вызывает. Тем не менее, поиск в этом направлении имеет продолжение (Tsanova et al., 2012) и исключен из рассмотрения быть не может.

Проблема генезиса, как и любая проблема, решение которой связывается с эмпирическим исследованием, может существовать и формулироваться в двух разновидностях. В форме парадокса, когда наличный фактический материал не может быть объяснен в рамках существующей парадигмы; и в форме софизма, когда на основании существующих представлений явление или процесс должны иметь место, но современными средствами анализа не фиксируются. В первом случае решение связывается с изменением парадигмы, если методы идентификации и методология устраивают исследователя; во втором, без изменения оставляется парадигма, а поиск направляется на методологию анализа. После полувековой доминанты парадоксальной формы постановки проблемы генезиса граветта и результатов, значительно уступающих ожиданиям, есть основания попытаться сформулировать ее в форме софизма.

Перефразируя высказывание Ф. Борда (Bordes, 1972) о верхнем палеолите, можно утверждать, что если граветт не был занесен из космоса, то его происхождение должно быть связано с культурными образованиями предшествующей эпохи. Исходя из современной логики, исходя из современного уровня анализа материала, его происхождение, практически для всех географических областей Европы, считается аллохтонным, связанным или напрямую с миграцией, или с диффузией, что в данном случае мало что меняет. Попытки связать формирование граветта как с ориньяком, так и с «переходными» культурами раннего верхнего палеолита имели место (Kozlowski, 1986, Grigorieva, Anikovich, 1991), но распространения не получали. В относительно недавнее время ситуация стала меняться на противоположную: точка зрения об автохтонном происхождении граветта приобретает все более широкое распространение (Pesesse, 2010; 2011; Borgia et al., 2011).

Важно, что эта тенденция свидетельствует о необходимости постановки проблемы генезиса граветта в софистической форме, согласно которой за аксиому принимается его безальтернативное происхождение из предшествующего круга культур, а проблема реально формулируется следующим образом: под каким углом зрения материал должен быть рассмотрен, что нужно сделать, какие категории анализа и методологические приемы необходимы, что это зафиксировать эмпирически.

Задачей настоящего обзора является рассмотрение материалов Костенок, традиционно относимых к граветту, под углом зрения возможности их объединения в рамках единого надкультурного образования.

Граветт Костенок

Граветтские памятники Костенок занимают особое место в общеевропейском кругу проблем, в первую очередь из-за их разнообразия и расположения в пределах одного небольшого района, ограниченного территорией сел Костенки и Борщево. Принимая во внимание то, что за одним исключением (Костенки 8-II) все они относятся к одному изохрону и расположены в пределах одной «экологической ниши», вопрос об их соотношении с, а тем более, зависимости от природного окружения, очевидно, решается в пользу отсутствия таковой. Если учесть, что почти все они представляют собой долговременные стоянки с полным, скорее всего, круглогодичным циклом домашне-хозяйственной активности и отсутствием свидетельств функциональной специализации, культурный и социальный факторы остаются единственными реальными основаниями интерпретации различий их материальной культуры (Sinitsyn, 2007; Бессуднов, 2006; Otte, 2011).

Несмотря на наличие существенных специфических черт, на настоящий момент Костенки являются самой восточной точкой Европейского палеолитического мира, по своей структуре

отличного от Сибирского и Центрально-Азиатского. Следствием и основанием этого является возможность использовать для анализа материала типологические критерии европейского палеолита для культурной дифференциации.

Ранний граветт. Костенки 8 (II культурный слой)

Наиболее ранним проявлением граветта Восточной Европы долгое время оставалось поселение II культурного слоя Тельманской стоянки (Костенки 8). Основанием этому служило его залегание в отложениях верхней гумусовой толщи (Рогачев, 1951; 1957; Лазуков, 1954; 1957а, б; 1961; Величко, Рогачев, 1969; Праслов, Рогачев, 1982). После работ 1979 г. вмещающие его геологические отложения были оценены как завершающий этап ее накопления и переотложения. После получения радиоуглеродной даты 27700 ± 750 (GrN-10509) этим временем был определен верхний предел возраста стоянок, связанных с отложениями верхней гумусовой толщи, а II культурный слой Тельманской стоянки был признан самым молодым памятником группы. Полученные для слоя, в том числе относительно недавно, более молодые даты в рамках 22–23 тыс. до н. д. приемлемого объяснения пока не имеют.

Предсказуемое изменение представлений о нижней хронологической границе граветта Восточной Европы связано с получением современных радиоуглеродных датировок, пока немногочисленных:

— предварительной даты для Межигорцев 27070 (Haesaetr et al., 2004:45) и

— дат для сл. 6-1 Буран-Кай 3: $31900 \pm 240/220$ (GrA-37938) 31320 ± 820 (GifA-10021/SacA-19018) (Prat et al., 2011), хотя граветтская атрибуция инвентаря слоя не так однозначна, как это представляется авторам публикации.

Поселение II культурного слоя Тельманской стоянки характеризуется остатками как минимум пяти легких наземных жилых конструкций с очагом в центре (Литовченко, 1966), скорее всего, со сменным положением, близким ситуации реконструированной Ф. Бордом для Корбиак (Bordes, 1968).

Коллекция кремневого инвентаря стоянки насчитывает около 23000 предметов. Техника расщепления характеризуется предельной экономией сырья. Из-за незначительного количества нуклеусов, большая часть которых представлена остаточными формами, можно констатировать только доминирование пластинчатой техники первичного, скорее всего с использованием двух самостоятельных технологий расщепления: одной направленной на получение крупных пластин на основе призматических нуклеусов; другой — направленной на получение пластинок и микропластинок. Большее значение, чем в других случаях, здесь приобретает проблема использования в качестве заготовок для орудий резцов, часть из которых, несомненно, использовалась только как нуклеусы.

Более 2000 изделий с вторичной обработкой составляют 9% общего числа расщепленных кремней. Типологический облик коллекции кремневого инвентаря определяется подавляющим преобладанием резцов (24%) над скребками (2.5%) при доминировании микроострий и микропластинок с притупленным краем (43%). Наряду с широко распространенными формами острий, здесь присутствует ряд специфических разновидностей, таких как «игловидные» двуконечные острия в различных модификациях, трапеции, сегменты. Большое типологическое разнообразие острий, в сочетании с высокой степенью стандартизации, свидетельствует о развитии облике индустрии, или, по крайней мере, ее микрокомпонента. Оригинальность индустрии подчеркивается наличием проколов, выемчатых орудий, единичных скребловидных орудий (рис. 1) (Рогачев, 1951; Литовченко, 1969; Челидзе, 1968; Тарасов, 2002).

Костяная индустрия состоит из широко распространенных типов изделий, таких как стержни из бивня и кости, шилья, ложила. Украшения представлены пронизками из костей птиц и мелких млекопитающих, украшенными орнаментом из параллельных насечек.

Начиная со времени открытия стоянки, ее инвентарь был определен как граветт Средиземноморского облика (Ефименко, 1956; 1960) с ближайшими аналогиями в гроте Пайличи. В настоящее время это сходство подтверждено близкими радиоуглеродными датами стоянок (Palma di Cesnola, 1996). До сих пор эта аналогия сохраняет свое значение, неожиданно получившее новую интерпретацию. Если для российских исследователей Италия всегда рассматри-

валась как исходный пункт распространения средиземноморского варианта граветта в Восточную Европу, то недавно П. Гамбасини (Gambassini, 2007) было высказано предположение о обратном направлении процесса. Согласно предложенной модели реконструируется волна заселения Аппенинского полуострова с востока (носителями граветта с игловидными острями) вдоль Адриатического побережья, одновременно с волной заселения (носителями граветта типа Ноай) из Франции вдоль Тирренского побережья. Современное состояние хронологии раннего граветта, основанное в первую очередь на радиоуглеродной хронологии, допускает оба варианта, если считать миграции единственно возможным вариантом интерпретации сходства материальной культуры.

Таксономическая позиция комплекса II культурного слоя Костенок 8 остается неясной из-за (практически) полного отсутствия в Восточной Европе аналогичных памятников граветтского облика с игловидными острями, сегментами и трапециями возраста 27–28 тыс. лет.

Важно отметить, что ранний граветт Костенок существует одновременно и параллельно с городцовой археологической культурой — специфическим восточноевропейским явлением, не имеющим аналогий на Западе. Этим контекст формирования граветта в Восточной Европе отличается от Центральной и Западной, где граветт существует как единственная культурная традиция, местами, возможно, наряду с поздним ориньяком.

Проблема хронологического разрыва

Современная радиоуглеродная хронология палеолита Костенок свидетельствует о наличии хронологического разрыва между памятниками, связанными с гумусами, и памятниками, залегающими в покровных суглинках.

Согласно наиболее широко распространенной в третьей четверти прошлого века точке зрения о прямом сопоставлении верхней гумусовой толщи с Брянской почвой возраста 32–25 тыс. лет и возрожденной в последнее время (Аникович, 2003; Аникович и др., 2008), его продолжительность составляет 2–3 тысячи лет. Согласно признанию II культурного слоя Тельманской стоянки (~27–28 тыс. лет) самой поздней стоянкой этой хронологической группы, его длительность оценивается периодом 5–6 тыс. лет. Дискуссионной может оставаться проблема длительности хиатуса, но не его наличие.

В пользу его реальности свидетельствуют и археологические данные: традиция граветта II культурного слоя Костенок 8 продолжения не имеет.

Поздний /развитый/ граветт

Одной из отличительных особенностей палеолита Костенок является необычно широкое разнообразие культурных традиций, относимых к граветту на уровне 23–21 тыс. лет. Ни одна другая региональная модель Европы не дает такого разнообразия.

На настоящий момент насчитывается как минимум четыре разновидности граветта Костенок. Различия охватывают технико-типологические характеристики каменного инвентаря, костяной инвентарь, набор украшений и произведений искусства, жилые и бытовые конструкции, погребальную обрядность, то есть всю совокупность материальных остатков, что соответствует статусу археологических культур.

Современное состояние радиоуглеродного датирования не дает оснований для установления их различий во времени существования. Стратиграфия тоже: ни на одном памятнике в толще покровных суглинков не установлено залегание двух культурных слоев граветтской атрибуции одного над другим. Исходным для их рассмотрения поэтому является их принципиальная (в геологическом смысле) одновременность.

Отдельную проблему составляет сосуществование граветтских памятников с памятниками не-граветтской атрибуции, наиболее выразительными из которых являются: I слой Костенок 8, I слой Костенок 4 (комплекс округлых жилищ) и памятники, объединяемые в Замятнинскую культуру (Костенки 2, 3, 19, 11-Ia).

Памятники костенковско-авдеевской культуры. Проблема «восточного граветта» и костенковско-виллендорфского единства

Костенковско-авдеевская культура остается единственным культурным образованием, представленным в Костенках четырьмя стоянками и имеющим распространение за пределами Костенковско-Борщевского района.

Все костенковские стоянки, относимые к этой культуре расположены в пределах Покровского лога: Костенки 1 (I), Костенки 13, Костенки 18 рядом в приустьевой части лога на его левом борту; Костенки 14 (I) — на правом, в глубине, почти в 2 км от его устья. Общепринятым является мнение о возможности их рассмотрения как пунктов единой обширной зоны активности одного поселения, возможно, функционально различных. Базовое поселение I культурного слоя Костенок 1 характеризуется специфическим типом организации пространства обитания, представленного большими жилыми площадками (первая, полностью раскопанная 36 × 14–15 м) с рядом очагов, упорядоченных вдоль длинной оси и окруженных жилыми конструкциями земляночного типа и хозяйственными ямами, перекрытыми крупными костями мамонта (Ефименко, 1958; Grigorjev, 1967; Сергин, 1987; 2002).

Триада специфических типов орудий костенковско-авдеевской культуры была определена сразу после первых раскопок верхнего слоя Костенок 1 (Ефименко, 1928) как сочетание реалистической женской статуэтки, наконечника с боковой выемкой специфических пропорций и ножа костенковского типа. В дальнейшем количество специфических особенностей этой самой яркой палеолитической культуры Восточной Европы увеличилось (Гвоздовер, 1961; 1998; Праслов, Рогачев, 1982) (рис. 2), но культуру-определяющее значение триады сохранило свое значение: культурное единство стоянок, содержащих все три компонента, сомнений не вызывает; двух, обычно, тоже; при наличии одного необходимо привлечение дополнительных критериев оценки культурной близости.

Памятники костенковско-авдеевской культуры за пределами Костенок

Полная триада специфических (диагностических) типов костенковско-авдеевской культуры происходит со стоянок:

— Авдеево (рис. 3), стоянки полностью идентичной Костенкам 1-I по всем компонентам: организации жилого пространства, кремневому и костяному инвентарю, искусству, украшениям (Гвоздовер, 1961; 1998; Gvozdover, 1995);

— Гагарино (рис. 4), стоянка отличается от Костенок 1-I и Авдеева по ряду компонентов: структуре поселения, стилистике женских статуэток, элементам костяного инвентаря, наличием специфических технических приемов, в первую очередь, использованием биконического сверления, не имевшего применения в Костенках и Авдеево. Наиболее показательными специфическими чертами Гагаринской стоянки являются: иные пропорции наконечников с боковой выемкой, специфических форм пластинок с боковой выемкой, и ножей костенковского типа (Замятнин, 1934; Замятнин, 1935; Тарасов, 1979);

— Хотылево 2 (рис. 5), стоянка имеет ряд существенных отличий как от площадок обитания Костенок 1-I и Авдеево, так и от жилища Гагаринской стоянки (Заверняев, 2000; Гаврилов, 2008). При несомненном сходстве с этими комплексами по составу компонентов, специфика Хотылево 2 охватывает стилистику женских изображений (Заверняев, 1978; Gavrilov, 2012), украшения, декоративные элементы, включая уникальный случай орнаментации кремневых орудий по желвачной корке, оригинальные типы костяного инвентаря. Специфические черты кремневого инвентаря охватывают как количественные показатели типологического состава индустрии, так и наличие специфических типов (Заверняев, 1991; Гаврилов, 2002; 2004; Селезнев, 1998). Проблема принадлежности Хотылево 2 костенковско-авдеевской культуре остается дискуссионной, больше чем в других случаях;

— Зарайская стоянка (рис. 6). После открытия женских статуэток в 2005 г. (Амирханов, Лев, 2007; Amir Khanov, Lev, 2008), принадлежность стоянки костенковско-авдеевской культуре сомнений не вызывает (Трусов, 1994; 1998; Амирханов, 1998; 2000; 2009). Специфические черты определяются, в первую очередь, уникальной скульптурой бизона необычной стилистики (Амирханов, Лев, 2002; 2004; 2007). Наиболее серьезные проблемы связаны с определением

длительности обитания стоянки, в связи с большим разбросом радиоуглеродных дат и рядом микро стратиграфических данных;

— Бердыж (рис. 7). Хотя женские статуэтки и ножи костенковского типа в коллекции памятника отсутствуют, наличие наконечников с боковой выемкой типично костенковско-авдеевского облика являются серьезным аргументом для отнесения стоянки к этой культурной традиции (Поликарпович, 1968; Будько, 1964; 1970; Калечиц, 1984; Калецыц и др., 2010; Ксензов, 1988; также Сергин, 2005).

Хотя инвентарь каждой из перечисленных стоянок имеет свои специфические особенности, их культурная атрибуция, отнесение к кругу Костенковско-Авдеевской традиции в широком смысле сомнению не подвергается.

Круг проблем, связанных с памятниками этой группы, очень широк и, по существу, охватывает весь спектр проблем верхнего палеолита из-за выразительного облика материала, его многочисленности и типологического разнообразия. Диапазон точек зрения на структуру и таксономическую позицию костенковско-авдеевской культуры также предельно широк и разнообразен: от рассмотрения ее как части более крупного Костенковско-Павловско-Виллендорфского единства до представления группы как суммы относительно независимых культур; от признания памятников принципиально одновременными (в геологическом смысле как относящиеся к одному изохрону) до попыток выстроить их в единую последовательность (Григорьев, 1966; 1998; Grigor'ev, 1993; Тарасов, 1979; Аникович, 1998; Булочникова, 1998; Гаврилов, 2002; 2004; 2005; 2008; Софер, 1993; Soffer, 1987; 1993; Амирханов, 1998; Kozłowski, 1969; 1970; 1986; 1998).

Отнесение памятников, связанных с костенковско-авдеевской культурой, к граветту в настоящее время представляется более проблематичным, чем это казалось ранее. Основанием этому, в первую очередь, послужило обоснование связи технической основы костенковско-авдеевской традиции первичного расщепления с нуклеусами типа «новгород-северских гигантолитов» (Girja, Bradley, 1998) как основы получения специфической костенковско-авдеевской пластины. Это не означает, что другие приемы первичного раскалывания носителями этой культуры не использовались, но именно с ним связана ее техническая специфика, отличающая ее от других культурных образований граветта и являющаяся для нее базовой (также Лев, 2009). С другой стороны, идентичная техника описана и также признана базовой для стоянок позднего мадлена Парижского бассейна (из недавних обобщений: Valentin, 2006), на основании чего ее граветтская атрибуция становится далеко не очевидной. После того как В. Усиком (2001; 2002) эта же техника была описана для стоянки Радомысль 1 (традиционно относимой к ориньяку) и Королево 2-2, ее статус специфической Костенковско-Авдеевской становится более чем сомнительным, если учесть то, что ее использование в других разновидностях граветта (пока) не зафиксировано. Принимая во внимание сомнения в ориньякской принадлежности Радомышля 1 (Кононенко, 2003; 2010), стоянка, в любом случае, граветтской не является. Если считать, что техническая основа одновременно является основой культурного своеобразия каменных индустрий, то нет оснований рассматривать костенковско-авдеевскую технологию первичного расщепления в рамках граветта.

Нелишне напомнить, что относительно недавно костенковско-авдеевская культура имела «ориньяко-солютрейскую» атрибуцию (Ефименко, 1953; также Ghilde, 1956) и на основе этого и в рамках господствующей тогда стадияльной концепции, датировалась ориньяко-солютрейским временем. Теперь она имеет граветтскую атрибуцию. Принципиальных изменений ни в материале, ни в его оценочных критериях не произошло. Изменились только представления о хронологии, которые основанием для определения видовой принадлежности материала быть не могут. Кроме того, граветтские острия и пластинки/микропластинки с притупленным краем, несомненно, составляющие важный компонент индустрий, являются массовым материалом, на основании чего их значение для культурной диагностики определяющим признано быть не может. Показательно, что в монографии П. П. Ефименко (1958) раздел о граветтских остриях отсутствует и типичные граветтские острия в коллекции очень редки. Если сюда добавить проблему различия граветтских, мадленских и эпи-граветтских

острий и пластинок с притупленным краем, то их значение снижается до ранга второстепенных.

Проблема целесообразности рассмотрения костенковско-авдеевских памятников внутри граветтской совокупности остается (Амирханов, 1998; Григорьев, 1998; Булочникова, 1998), также как остается проблема оснований для ее отнесения к граветту. В пользу ее вынесения за пределы граветта свидетельствует техническая основа и типологический состав кремневой индустрии; в пользу граветтской атрибуции — искусство и ряд косвенных показателей (размеры поселений, хронология и пр.).

Костенки 4 (Александровская ст.), II культурный слой (комплекс длинных жилищ)

Специфика Александровского варианта граветта Костенок состоит в:

- уникальном типе жилых конструкций, представляющих собой остатки длинных наземных конструкций (35×5.5 м и 23×5.5 м), слабо углубленных от дневной поверхности на 20–30 см, с рядом очагов, расположенных вдоль длинной оси на расстоянии около метра друг от друга;
- специфической кремневой индустрии с подавляющим преобладанием пластинок и острий с притупленным краем, а также необычно высоким содержанием долотовидных орудий.

Коллекция кремневого инвентаря поселения (рис. 8) насчитывает более 60000 единиц расщепленного кремня, изделия со вторичной обработкой составляют среди которых более 7000 предметов (~12%). Пластины, пластинчатые отщепы и отщепы с ретушью, не образующие типологически распознаваемых форм, преимущественно фрагментированные, составляют большинство изделий с вторичной обработкой — около 2600 (41%). Острий и пластинок с притупленным краем — 37% (2600 включая фрагменты); долотовидных орудий — около 1200 (17%). Специфической чертой коллекции является малое содержание резцов (2%) и скребков (1%) при отсутствии каких-либо специфических разновидностей. Острия и пластинки с притупленным краем представлены набором разновидностей, отличных от Тельманской, но близких по морфологии типичным граветтским остриям граветта Западной Европы типа Ля Граветт (Lacotte, 1960). Специфика коллекции состоит в необычно высоком содержании долотовидных орудий, нигде более в таком количестве в граветтском контексте неизвестном.

Костяной инвентарь и украшения немногочисленны и представлены широко распространенными типами.

По мнению автора раскопок А. Н. Рогачева (1955; также Праслов, Рогачев, 1982), комплекс нижнего культурного слоя Костенок 4 не имеет прямых аналогий среди одновременных памятников Восточной Европы. Существующее мнение о его «западном» облике (Сеницын, 1997; Желтова, наст. сб.), несомненно, требует детального обоснования, но из рассмотрения исключено быть не может.

Костенки 11 (Аносовка 2), II культурный слой

Сочетание оригинальной кремневой индустрии и произведений искусства, наиболее выразительными среди которых является мелкая зооморфная пластика (рис. 7), является основанием для выделения Костенок 11-II в особую разновидность граветта.

Специфика каменного инвентаря стоянки состоит в:

- наличии многочисленной и разнообразной серии пластин с поперечно и косо усеченным концом, в том числе вогнуто усеченных, часто на контакте с боковым ретушированным краем образующих шип;
- относительно низком показателем резцов (15%) и необычно низким содержанием скребков (менее 1%);
- наличием изделий с черешком в сочетании с другими орудийными элементами;
- наличии симметричных листовидных форм плоско-выпуклого и двояковыпуклого профиля с частичной двусторонней обработкой;
- в повышенном содержании острий и пластинок с притупленным краем, которые в совокупности составляют более 50% всех изделий с вторичной обработкой (Рогачев, 1961; Праслов, Рогачев, 1982; Попов, 1983, Попов и др, 2004; Попов, Пустовалов, 2004). Специфической особенностью этой группы изделий является то, что наряду с остриями типа граветт здесь при-

существует устойчивая группа изделий, по своей морфологии идентичная федермессерам (рис. 9). Проблема различения граветтских острий и ножей федермессер, широко обсуждавшаяся в 70-е гг. прошлого века, имеет принципиальное значение в проблеме культурной диагностики не только II культурного слоя Костенок 11, поскольку именно эта разновидность острий с притупленным краем является одной из специфических черт индустрий Костенок 21-III, Пушкарей и Клюссов.

Оригинальная индустрия II культурного слоя Костенок 11 остается не имеющей прямых аналогий в палеолите Восточной Европы. Однако по отдельным и специфическим компонентам аналогии есть. По мелкой зооморфной пластике — с Костенками 1-I, Костенками 4-I, Костенками 9 (Абрамова, 1961; 1962; Рогачев, 1961; 1962 Аникович, 1983); по специфическим формам острий типа федермессер — с Пушкарями 1 (рис. 10), Клюссами, Костенками 21-III. Их интерпретация остается неоднозначной, как и других подобных частичных аналогий. В любом случае, случайными они оценены быть не могут, поскольку касаются важных, во многом определяющих элементов культуры.

Индустрии Аносовской разновидности граветта за пределами Костенок

Пушкари 1 и Клюссы составляют пару идентичных индустрий, по степени сходства сопоставимых с парой Костенки 1-I — Авдеево.

Стоянка Пушкари 1 (рис. 10) характеризуется наличием трехочажной жилой конструкции из костей мамонта; каменным инвентарем, основу которого составляют разнообразные острия, включая подлистовидные формы, но без двусторонней ретуши, и острия с притупленным краем, часть из которых по морфологии близка ножам федермессер. В сочетании с низким индексом резцов и скребков, при отсутствии их специфических разновидностей, инвентарь стоянок дает основание для выделения оригинального типа культуры, отличной от территориально близких стоянок бассейна Днепра (Борисковский, 1953; 1984; Беляева, 1997; 2002).

Хотя о Клюссах имеется только ограниченная информация (Шовокпляс, 1967; Нужный, 1992), их сходство с Пушкарями сомнения не вызывает.

Костенки 21, III культурный слой

Несмотря на наличие аналогий по ряду компонентов с другими индустриями, материальная культура III культурного слоя Костенок 21 представляет собой оригинальное культурное явление. Специфика охватывает все элементы материальной культуры: кремневый и костяной инвентарь, произведения искусства, украшения (рис. 11) (Праслов, 1964; Праслов, Рогачев, 1982; Иванова, 1981; 1985). В кремневом инвентаре это, в первую очередь, наконечники с боковой выемкой, пропорций отличных от наконечников с боковой выемкой костенковско-авдеевской культуры, но близких пропорциям этих орудий Западной Европы, и уже упоминавшиеся орудия, близкие ножам федермессер. Среди костяной индустрии это специфические формы орудий непонятного назначения; среди произведений искусства — уникальные для палеолита Восточной Европы гравировки животных на каменных плитках (рис. 11).

Костенки 9 – Борщево 5

Единственная разновидность граветта Костенок, которая выделяется по количественным показателям, именно, по большому количеству пластинок с притупленным краем и прямо или выпукло усеченными концами, сформированными преимущественно вентральной, реже двусторонней ретушью. Сходство двух памятников подчеркивается немногочисленными остриями как симметричными, так и асимметричными с двумя ретушированными краями, обработанными полукрутой ретушью (рис. 12) (Лисицын, 2004).

Заключение

1. Первые проявления граветта фиксируются практически одновременно, на территории от Атлантики до Костенок. Комплекс современных данных, в первую очередь радиоуглеродных дат, свидетельствует о его полицентричном формировании. Его проявление на уровне 30–29 тыс. лет в Абри-Пато в Аквитании, Пайличи в Италии, Мэзьер-канал в Бельгии, Павлове I и

Дольни Вестоницах I в Моравии, Вайнбергхелле и Гайсенккестерле в Германии... может считаться принципиально одновременным. Костенки 8-II являются частью общеевропейского процесса спонтанного формирования граветта и являются, на настоящий момент, самой восточной точкой его проявления.

2. Появление граветта невозможно связать с климатическими изменениями. Его формирование происходило внутри относительно теплого периода Арси-Денекампа (~II хронологическая группа Костенок), без связи со сменой климатических условий. Хронология принципиальных изменений палеолитического мира Европы также свидетельствует в пользу того, что стабильность природного окружения является благоприятным условием увеличения роста населения, усиления контактов и, как следствие этого, катализатором культурной изменчивости.

3. Варианты граветта Костенок являются качественно различными явлениями статуса археологических культур, поскольку основаны на различии практически всех категорий материальной культуры: кремневого и костяного инвентаря, жилых и бытовых конструкций, украшений, искусства. Их утверждению в качестве полноценных археологических культур препятствует один момент: они представлены единичными памятниками, а культурное единство предполагает, кроме стабильности компонентов, определение рамок их варибельности, что при наличии единичных стоянок установить невозможно.

4. Разновидности граветта Костенок являются частью общего Европейского процесса культурной дифференциации. Наиболее отчетливо это проявляется в наличии вариантов Западно-Европейского облика внутри группы позднего граветта (Костенки 4-II и Костенки 21-III).

5. Установленная связь технической основы костенковско-авдеевской культуры с пренуклеусами типа Новгород-Северских гигантолитов, в сочетании с не-граветтскими компонентами каменного инвентаря, является основанием для ее вынесения за пределы граветта, нецелесообразности ее рассмотрения внутри граветтской совокупности, даже как «восточной» его разновидности.

6. Аналогичным образом современным представлениям о технологии и типологическом составе граветта не соответствует индустрия II культурного слоя Костенок 11, которая в совокупности с Пушкарями 1, Ключами, возможно, Радомышлем, представляет собой своеобразную Восточно-Европейскую культурную традицию.

7. Предполагаемое ограничение круга Костенковских памятников, традиционно относимых к граветту, не означает ограничение материалов, привлекаемых к решению проблем граветта Восточной Европы, а только попытку конкретизации проблематики в свете современных тенденций на уточнение дефиниций.

Литература

- Абрамова З. А.. Изображения животных с палеолитической стоянки Александровка // КСИА, 82. М., 1961.
- Абрамова З. А. Палеолитическое искусство на территории СССР // САИ. Вып. А4-3. М.; Л., 1962.
- Амиханов Х. А.. Восточный граветт или граветтоидные индустрии Центральной и Восточной Европы // Восточный граветт /ред. Х. А. Амиханов. М., 1998.
- Амиханов Х. А. Зарайская стоянка. М., 2000.
- Амиханов Х. А. Исследования палеолита в Зарайске. 1999–2005. М., 2009.
- Амиханов Х. А., Лев С. Ю. Сравнительная характеристика и стилистический анализ статуэтки бизона с Зарайской стоянки // Археология, этнография и антропология Евразии. № 3 (11). Новосибирск, 2002.
- Амиханов Х. А., Лев С. Ю. Статуэтка бизона с Зарайской стоянки // Проблемы каменного века Русской равнины /ред. Х. А. Амиханов/. М., 2004.
- Амиханов Х. А., Лев С. Ю. Новые произведения палеолитического искусства с Зарайской стоянки // РА. № 1. М., 2007.
- Аникович М. В. К проблеме синхронизации некоторых позднепалеолитических памятников Костенковско-Борщевского района // КСИА АН СССР. Вып. 173. М., 1983.
- Аникович М. В. Днепро-Донская историко-область охотников на мамонтов: от «восточного граветта» к «восточному эпиграветту культурная» // Восточный граветт /ред. Х. А. Амиханов. М., 1998.

- Аникович М. В. Ранняя пора верхнего палеолита Восточной Европы // Археология, этнография и антропология Евразии. № 2 (14). Новосибирск, 2003.
- Аникович М. В., Попов В. В., Платонова Н. И. Палеолит Костенковско-Борщевского района в контексте верхнего палеолита Европы // Труды Костенковско-Борщевской археологической экспедиции. Вып. 1. СПб., 2008.
- Беляева В. И. Граветтийские элементы в индустрии Пушкарей 1 // «Восточный граветт». Тезисы докладов международного коллоквиума. Зарайск-Москва. 1–7.IX.1997) / ред. Х. А. Амирханов. М., 1997.
- Беляева В. И. Каменная индустрия Пушкарей I // Верхний палеолит — верхний плейстоцен: динамика природных событий и периодизация археологических культур / ред. Н. Д. Праслов. Материалы Международной конференции, посвященной 90-летию со дня рождения А. Н. Рогачева. СПб., 2002.
- Бессуднов А. А. Культурные различия и модели адаптации граветта Костенок // Позднекайнозойская геологическая история севера аридной зоны (Кайеозойский мониторинг природных событий аридной зоны юга России) / ред. Г. Г. Матишов. Материалы международного симпозиума. Ростов-на-Дону, 2006.
- Борисковский П. И. Палеолит Украины. МИА 40. М.;Л., 1953.
- Борисковский П. И. (ред.) Палеолит СССР. Сер.: Археология СССР. М., 1984.
- Будько В. Д. О жилищах Бердыжской палеолитической стоянки // КСИА АН СССР. Вып. 101. М., 1964.
- Будько В. Д. Палеолит // Очерки по археологии Белоруссии. Часть 1. Минск, 1970.
- Булочникова Е. В. Вчера и сегодня понятия «восточный граветьен» // Восточный граветт / ред. Х. А. Амирханов. М., 1998.
- Величко А. А., Рогачев А. Н. Позднепалеолитические поселения на Среднем Дону // Природа и развитие первобытного общества на территории Европейской части СССР (к VIII Конгрессу INQUA, Париж, 1969) / ред. И. П. Герасимов. М., 1969.
- Гаврилов К. Н. О культурной принадлежности Хотылевской верхнепалеолитической стоянки // Верхний палеолит — верхний плейстоцен: динамика природных событий и периодизация археологических культур / ред. Н. Д. Праслов. Материалы Международной конференции, посвященной 90-летию со дня рождения А. Н. Рогачева. СПб., 2002.
- Гаврилов К. Н. Типология каменных орудий и культурная принадлежность Хотылевской верхнепалеолитической стоянки // Проблемы каменного века Русской равнины / ред. Х. А. Амирханов. М., 2004.
- Гаврилов К. Н. О периодизации восточнограветтийских стоянок Днепро-Деснинского бассейна // Каменный век лесной зоны Восточной Европы и Зауралья (к 70-летию Л. В. Кольцова) / ред. М. Г. Жилин. М., 2005.
- Гаврилов К. Н. Верхнепалеолитическая стоянка Хотылево 2. М., 2008.
- Гвоздовер М. Д. Специфические черты кремневого инвентаря Авдеевской палеолитической стоянки // КСИА. Вып. 82. М., 1961.
- Гвоздовер М. Д. Кремневый инвентарь Авдеевской верхнепалеолитической стоянки // Восточный граветт / ред. Х. А. Амирханов. М., 1998.
- Григорьев Г. П. Кремская, виллендорфская и павловская культуры в Средней Европе // Археология Старого и Нового Света / ред. Н. Я. Мерперт, П. М. Кожин. М., 1966.
- Григорьев Г. П. Отношение восточного граветьена к Западу // Восточный граветт / ред. Х. А. Амирханов. М., 1998.
- Ефименко П. П. Некоторые итоги изучения палеолита СССР // Человек. № 1. Л., 1928.
- Ефименко П. П. Первобытное общество. Киев, 1953.
- Ефименко П. П. К вопросу о характере исторического процесса в позднем палеолите Восточной Европы (о памятниках так называемого селетского и гримальдийского типа // СА. Т. XXVI. М., 1956.
- Ефименко П. П. Костенки 1. М.;Л., 1958.
- Ефименко П. П. Переднеазиатские элементы в памятниках позднего палеолита Северного Причерноморья (к происхождению мадленской культуры Восточной Европы) // СА. № 4. М., 1960.
- Желтова М. Н., Хлопачев Г. А. Каменные и костяные острия Костенок 4 как культурно-хронологические индикаторы // Верхний палеолит — верхний плейстоцен: динамика природ-

- ных событий и периодизация археологических культур / ред. Н. Д. Праслов. Материалы Международной конференции, посвященной 90-летию со дня рождения А. Н. Рогачева. СПб., 2002.
- Заверняев Ф. М. Антропоморфная скульптура Хотылевской верхнепалеолитической стоянки // СА. № 4. М., 1978.
- Заверняев Ф. М. Кремневый инвентарь Хотылевской верхнепалеолитической стоянки // СА. № 4. М., 1991.
- Заверняев Ф. М. Остатки жилищно-бытового и хозяйственного комплекса на Хотылевской верхнепалеолитической стоянке // РА. № 3. М., 2000.
- Замятнин С. Н. Раскопки у с. Гагарина (верховья Дона, ЦЧО) // Известия ГАИМК. Вып. 118. М.;Л., 1935.
- Иванова М. А. Жилой комплекс Гмелинской позднепалеолитической стоянки в Костенках // КСИА. Вып. 165. М., 1981.
- Иванова М. А. Структура Гмелинского палеолитического поселения (по результатам планиграфического и типологического анализа кремневого инвентаря). Автореф. канд. дисс. Л., 1985.
- Калечиц Е. Г. Первоначальное заселение территории Белоруссии. Минск, 1984.
- Калечиц А. Г., Коласаў А. У., Абухоўскі В. С. Палеалітычныя помнікі Беларусі. Мінск, 2010.
- Кононенко О. М. Палеолітична стоянка Радомишль: істориографія // Кам'яна доба України. Вип. 4. Київ, 2003.
- Кононенко О. М. Різці верхньопалеолітичної стоянки Радомишль I: технологія, типологія, статистика // Даследаванні каменнага і бронзавага вякоў (да юбілеяў У. Ф. Ісаенкі і М. М. Чарняўскага). — Матэрыялы па археалогіі Беларусі. Вып. 18. Мінск, 2010.
- Ксензов В. П. Палеолит и мезолит Белорусского Поднепровья. Минск, 1988.
- Лазуков Г. И. Геолого-геоморфологическая характеристика Костенковско-Боршевского района и природные условия времени обитания верхнепалеолитического человека // Материалы по палеогеографии. Вып. 1. М., 1954.
- Лазуков Г. И. Геология стоянок Костенковско-Боршевского района // МИА. № 59. М.;Л., 1957а.
- Лазуков Г. И. Природные условия эпохи верхнего палеолита в Костенковско-Боршевском районе // СА. № 3, М., 1957б.
- Лазуков Г. И. Относительный возраст стоянок Костенковско-Боршевского района (по геолого-геоморфологическим данным) // Материалы совещания по изучению четвертичного периода. Т. 1, М., 1961.
- Лев С. Ю. Каменный инвентарь Зарайской стоянки (типологический аспект) // Исследования палеолита в Зарайске. 1999–2005 / ред. Х. А. Амирханов. М., 2009.
- Лисицын С. Н. Хроностратиграфия стоянки Борщево 5 по данным раскопок 2002–2003 гг. // Костенки и ранняя пора верхнего палеолита Евразии: общее и локальное. Материалы Международной конференции. Костенки 23–26.VIII.2004 / ред. М. В. Аникович, Н. И. Платонова. Воронеж, 2004.
- Литовченко Л. М. О группе жилищ второго культурного слоя Тельманской стоянки // Вопросы истории и археологии. Минск, 1966.
- Литовченко Л. М. Тельманская палеолитическая стоянка (II культурный слой) // СА. № 3. М., 1969.
- Нужний Д. Ю. Розвиток мікролітичної техніки в кам'яному віці. Київ, 1992.
- Поликарпович К. М. Палеолит Верхнего Поднепровья. Минск, 1968.
- Попов В. В. Анализ кремневого инвентаря стоянки Костенки 11 (II культурный слой) // Древние памятники на территории Восточной Европы. Известия ВГПИ. Т. 227. Воронеж, 1983.
- Попов В. В., Аникович М. В., Хоффекер Д., Дудин А. В., Пустовалов А. Ю., Чернышев С. С. Костенки 11 (Аносовка 2) // Костенки и ранняя пора верхнего палеолита Евразии: общее и локальное. Путеводитель и тезисы Международной конференции, посвященной 125-летию открытия палеолита в Костенках / ред. М. В. Аникович, Н. И. Платонова. Воронеж, 2004.
- Попов В. В., Пустовалов А. Ю. Поселение II-го культурного слоя стоянки Костенки 11 (Аносовка 2) // Археологические памятники бассейна Дона / ред. А. Сурков. Воронеж, 2004.
- Праслов Н. Д. Гмелинская стоянка в Костенках // КСИА. Вып. 97. М., 1964.
- Праслов Н. Д., Рогачев А. Н. (ред.) Палеолит Костенковско-Боршевского района на Дону. 1879–1979. Некоторые итоги полевых исследований. Л., 1982.
- Рогачев А. Н. О нижнем слое культурных остатков Тельманской стоянки в Костенках // КСИИМК. Вып. XXXVII. М.;Л., 1951.

- Рогачев А. Н. Александровское поселение древнекаменного века у села Костенки на Дону // МИА. № 45. М.;Л., 1955.
- Рогачев А. Н. Многослойные стоянки Костенковско-Борщевского района на Дону и проблема развития культуры в эпоху верхнего палеолита на Русской равнине // МИА. № 59. М.;Л., 1957.
- Рогачев А. Н. Аносовка II — новая многослойная стоянка в Костенках // КСИА. Вып. 82. М., 1961.
- Рогачев А. Н. Схематичные скульптуры животных из Костенок (Аносовка II) // В: Абрамова З. А. Палеолитическое искусство на территории СССР. М.;Л., 1962.
- Рогачев А. Н., Аникович М. В. Поздний палеолит Русской равнины и Крыма // Палеолит СССР / ред. П. И. Борисковский. Сер.: Археология СССР. М., 1984.
- Селезнев А. Б. Техника расщепления кремня на стоянке Хотылево 2 // Восточный граветт / ред. Х. А. Амирханов. М., 1998.
- Сергин В. Я. О сущности Костенковско-Авдеевских комплексов // КСИА АН СССР. Вып. 189. М., 1987.
- Сергин В. Я. Размещение культурных остатков в комплексе 1 верхнего слоя Костенок 1 // Особенности развития верхнего палеолита Восточной Европы / ред. А. А. Синецын, В. Я. Сергин, Дж. Ф. Хоффекер. — Костенки в контексте палеолита Евразии. Труды Костенковской экспедиции ИИМК РАН, серия: Исследования. Вып. 1. СПб., 2002.
- Сергин В. Я. Что раскопано в Бердыже? // Каменный век лесной зоны Восточной Европы и Зауралья (к 70-летию Л. В. Кольцова) / ред. М. Г. Жилин. М., 2005.
- Синецын А. А. «Западный граветт» Восточной Европы // «Восточный граветт». Тезисы докладов международного коллоквиума. Зарайск–Москва. 1–7.IX.1997 / ред. Х. А. Амирханов. М., 1997.
- Синецын А. А., Праслов Н. Д., Свеженцев Ю. С., Сулержицкий Л. Д. Радиоуглеродная хронология верхнего палеолита Восточной Европы // Радиоуглеродная хронология палеолита Восточной Европы и Северной Азии. Проблемы и перспективы / ред. А. А. Синецын, Н. Д. Праслов. СПб., 1997.
- Соффер О. А. Верхний палеолит Средней и Восточной Европы: люди и мамонты // Проблемы палеоэкологии древних обществ / ред. Н. Б. Леонова, С. А. Несмеянов. Сер. Палеоэкология и региональная геология палеолита. Вып. А-1 (I). Изд. Российского открытого университета. М., 1993.
- Тарасов Л. М. Гагаринская стоянка и ее место в палеолите Европы. Л., 1979.
- Тарасов Л. М. Поселение второго слоя Тельманской стоянки // Верхний палеолит — верхний плейстоцен: динамика природных событий и периодизация археологических культур / ред. Н. Д. Праслов. Материалы Международной конференции, посвященной 90-летию со дня рождения А.Н. Рогачева. СПб., 2002.
- Трусов А. В. Культурный слой Зарайской верхнепалеолитической стоянки // Древности Оки / ред. Г. Ф. Полякова. Труды ГИМ. Вып. 85, М., 1994.
- Трусов А. В. Кремневый комплекс Зарайской палеолитической стоянки // Восточный граветт / ред. Х. А. Амирханов. М., 1998.
- Усик В. И. К вопросу о «гигантолитах», топорах и формах мустьерских нуклеусов в позднепалеолитических комплексах (по материалам ремонтажа коллекций комплекса 2 Королево 2 и стоянки Радомишль) // Vita Antiqua. 3–4. Київ, 2001.
- Усик В. И. Технологічні аспекти виготовлення клиноподібних нуклеусів у пізньому палеоліті — Королево 2, комплекс 2, Радомишль // Археологія. № 2. Київ, 2002.
- Челидзе Л. М. Тельманская стоянка и некоторые вопросы развития верхнепалеолитической культуры в Восточной Европе. Автореф. канд. дис. Л., 1968.
- Шовкопляс И. Г. Палеолитическая экспедиция в 1965–66 гг. // Археологические исследования на Украине 1965–66 гг. Вып. I. Киев, 1967.
- Amirkhanov H. A., Lev S. Y. New finds of art objects of the Upper Palaeolithic site of Zaraysk, Russia // Antiquity. Vol. 82. London, 2008.
- Bordes F. Emplacement de tentes du Périgordien supérieur évolué à Corbiac // Quartär. T. 19. Bonn, 1968.
- Bordes F. Du Paléolithique moyen au Paléolithique supérieur, continuité ou discontinuité? // Origine de l'homme moderne (Actes du colloque de Paris, 2-5.IX.1969, organisé par l'UNESCO en collaboration avec l'INQUA) / ed. F. Bords. Paris, 1972.
- Borgia V., Ranaldo F., Ronchitelli A., Wierer U. What differences in production and use of Aurignacian and early Gravettian Lithic assemblages? The case of Grotta Paglicci (Rignano Garganico, Foggia, Southern Italy) // À la recherche des identités gravettiennes: actualités, questionnements et perspectives (Actes de la table ronde sur le Gravettien en France et dans les pays

- limitrophes. Aix-en-Provence, 6-8.X.2008) / eds. N. Goutas, L. Klaric, D. Pesesse, P. Guillermain. — Mémoires de la Société Préhistorique Française. T. LII. Paris, 2011.
- Childe V. G.* Kostenki: 'East Gravettian' or 'Solutrean'? // University of London. Institute of Archaeology. Twelfth annual report. London, 1956.
- Djindjian F.* Chronostratigraphie du Gravettien d'Europe occidentale: un modèle à réviser? // À la recherche des identités gravettiennes: actualités, questionnements et perspectives (Actes de la table ronde sur le Gravettien en France et dans les pays limitrophes. Aix-en-Provence, 6-8.X.2008) / eds. N. Goutas, L. Klaric, D. Pesesse, P. Guillermain. — Mémoires de la Société Préhistorique Française. T. LII. Paris, 2011.
- Djindjian F., Otte M., Kozłowski J.* Le paléolithique supérieur en Europe. Paris, 1999.
- Gambassini P.* Traits essentiels du Gravettien en Italie // Le Gravettien: entités régionales d'un paléoculture européenne (Actes de la table ronde, Les Eyzies-de-Tayac, 7-9.VII.2004) / dir. J.-Ph. Rigaud. — Paléo. № 19. Les Eyzies-de-Tayac, 2007
- Gamble C., Davies W., Pettitt P., Hazelwood L., Martin Richards M.* The Archaeological and Genetic Foundations of the European Population during the Late Glacial: Implications for 'Agricultural Thinking' // Cambridge Archaeological Journal. Vol. 15. No 2. Cambridge, 2005.
- Gavrilov K. N.* New female figurines from the site Khotylevo 2 // L'art pléistocène dans le monde / Pleistocene art of the world / Arte pleistoceno en el mundo, Actes du Congrès IFRAO, Tarascon-sur-Ariège, septembre 2010, Symposium «Art mobilier pléistocène» / ed. J. Clottes. No spécial de Préhistoire, Art et Sociétés, Bulletin de la Société Préhistorique Ariège-Pyrénées. LXV–LXVI, 2010–2011. Toulouse, 2011.
- Giria Y., Bradley B.* Blade technology at Kostenki 1/1, Avdevo and Zaráisk // Восточный граветт / ред. X. A. Амирханов. М., 1998.
- Goutas N., Klaric L., Pesesse D., Guillermain P.* (eds.) 2011. À la recherche des identités gravettiennes: actualités, questionnements et perspectives (Actes de la table ronde sur le Gravettien en France et dans les pays limitrophes. Aix-en-Provence, 6-8.X.2008) // Mémoires de la Société Préhistorique Française. T. LII. Paris, 2011.
- Grigorjev G. P.* A new reconstruction of the above-ground dwelling of Kostenki // Current Anthropology. Vol. 8. № 4. 1967.
- Grigor'ev G. P.* The Kostenki-Avdevo archaeological culture and the Willendorf-Pavlov-Kostenki-Avdevo cultural unity // From Kostenki to Clovis. Upper Paleolithic — Paleo-Indian Adaptations / ed. O. Soffer, N. D. Praslov. New-York, London, 1993.
- Grigorieva G. V., Anikovich M. V.* Au sujet des liens culturels entre certaines industries du Paléolithique supérieur d'Hongrie et de l'Europe de l'Est // Le Paléolithique et le Néolithique de la Roumanie en contexte européen / ed. V. Chirica, D. Monah. — Bibliotheca Archaeologica Iassiensis. Vol. IV. Iași, 1991.
- Gvozdozer M.* Art of the Mammoth Hunters: The Finds from Avdevo, Oxford, 1995.
- Haesaerts P., Borziak I., Chirica V., Damblon F., Koulakovska L.* Cadre stratigraphique et chronologique du gravettien en Europe Centrale // The Gravettian along the Danube (Proceedings of the Mikulov Conference, 20–21.XI.2002) / eds. J. A. Svoboda, L. Sedláčková. — The Dolní Věstonice Studies. Vol. 11. Brno, 2004.
- Heinzelin de J.* L'industrie du site paléolithique de Maisières-Canal // Institut Royal des Sciences Naturelles de Belgique. Mem. 171. Bruxelles, 1973.
- Higham T.* European Middle to Upper Palaeolithic radiocarbon dates are often older than they look: problem with previous dates and some remedies // Antiquity. Vol. 85. 2011.
- Hoffecker J. F.* Landscape of the mind: human evolution and the archaeology of thought. N-Y., 2011.
- Jacobi R. M., Higham T. E. G., Haesaerts P., Jadin I., Basel L. S.* Radiocarbon chronology for the Early Gravettian of northern Europe: new AMS determinations for Maisières-Canal, Belgium // Antiquity. Vol. 84. No 323. 2010.
- Jöris O., Moreau L.* Vom Ende des Aurignacien — zur chronologischen Stellung des Freilandfundplatzes Breitenbach (Burgenlandkr.) im Kontext des Frühen und Mittleren Jungpaläolithikums in Mitteleuropa // Archäologisches Korrespondenzblatt, Jahr. 40/1. Mainz, 2010.
- Klaric L.* Regional groups in the European Middle Gravettian: a reconsideration of the Rayssian technology // Antiquity. Vol. 81. 2007.
- Kozłowski J. K.* Problem tzw. kultury Kostienkowsko-Willendorfskiej. Cz. I. Analiza inwentarzy kamiennych // Archeologia Polski. T. XIV, zes. 1. Wrocław, 1969.

- Kozłowski J. K.* Problem tzw. kultury Kostienkowsko-Willendorfskiej. Cz. II. Analiza inwentarzy kościanych i zabytków sztuki // *Prace Archeologiczne*, zesz. 12. Kraków, 1970.
- Kozłowski J. K.* The gravettian in Central and Eastern Europe // *Advances in World Archaeology*. Vol. 5. 1986.
- Kozłowski J. K.* La géochronologie de l'horizon à pointes à cran en Europe Centrale // *Восточный граветт* / ред. X. A. Амирханов. М., 1998.
- Lacorre F.* La Gravette, le Gravettien et le Bayacien. Barnéoud, 1960.
- Moreau L.* Geißenklösterle. Das Gravettien der Schwäbischen Alb im europäischen Kontext. Tübingen, 2009.
- Moreau L.* Geißenklösterle. The Swabian Gravettian in its European context // *Quartär*. 57. 2010.
- Moreau L.* Le Gravettien ancien d'Europe centrale revisité: mise au point et perspectives // *L'anthropologie*. Vol. 116. Paris, 2012.
- Noiret P.* Le Paléolithique supérieur de Moldavie. Essai de synthèse d'une évolution multi-culturelle // *ERAUL*, 121. Liège, 2009.
- Otte M.* Le Gravettien en Europe centrale. Vol. 1, 2. *Dissertationes Archaeologicae Gandenses*, XX. Brugge, 1981.
- Otte M.* La Gravettien, considéré en 2010 // À la recherche des identités gravettiennes: actualités, questionnements et perspectives (Actes de la table ronde sur le Gravettien en France et dans les pays limitrophes. Aix-en-Provence, 6-8.X.2008) / eds. N. Goutas, L. Klaric, D. Pesesse, P. Guillermain. — *Mémoires de la Société Préhistorique Française*. T. LII. Paris, 2011.
- Palma di Cesnola A., Montet-White A., Valoch K.* /eds./ The origine of the Gravettian // XIII Congrès International d'IUSPP. Section 6, colloquium XII. Forli, 1996.
- Palma di Cesnola A.* Le Gravettien le plus ancien en Italie // XIII Congrès International d'IUSPP. Forli, 1996. Section 6: The Upper Palaeolithic / eds. A. Palma di Cesnola, A. Montet-White, K. Valoch. Colloquium XII: The origine of the Gravettian. Forli, 1996.
- Pesesse D.* Quelques repères pour mieux comprendre l'émergence du Gravettien en France // *Bulletin de la Société Préhistorique Française*. T. 107, No 3. Paris, 2010.
- Pesesse D.* Réflexion sur les critères d'attribution au Gravettien ancien // À la recherche des identités gravettiennes: actualités, questionnements et perspectives (Actes de la table ronde sur le Gravettien en France et dans les pays limitrophes. Aix-en-Provence, 6-8.X.2008) / eds. N. Goutas, L. Klaric, D. Pesesse, P. Guillermain. — *Mémoires de la Société Préhistorique Française*. T. LII. Paris, 2011.
- Prat S., Péan S. C., Crépin L., Drucker D. G., Puaud S. J., Valladas H., Lázničková-Galetová M., van der Plicht J., Yanevich A.* The oldest Anatomically Modern Humans from Far Southeast Europe: direct dating, culture and behavior // *PLoS ONE*. Vol. 6, issu 6. San Francisco, Cambridge, 2011.
- Rigaud J.-Ph.* /ed./ Le Gravettien: entités régionales d'une paléoculture européenne // *Paléo*. No 19. Les Eyzies-de-Tayac, 2007.
- Sinitsyn A. A.* Variabilité du Gravettien de Kostienki (Bassin moyen du Don) et des territoires associés // Le Gravettien: entités régionales d'un paléoculture européenne (Actes de la table ronde, Les Eyzies-de-Tayac, 7-9.VII.2004) / dir. J.-Ph. Rigaud. — *Paléo*. No 19. Les Eyzies-de-Tayac, 2007.
- Sirakov N., Tsanova T., Sirakova S., Taneva S., Krumov I., Dimitrova I., Kovatcheva N.* Un nouveau faciès lamellaire du début du Paléolithique supérieur dans les Balkans // *Paléo*. No 19. Les Eyzies-de-Tayac, 2007.
- Soffer O.* Upper Paleolithic connubia, refugia, and the archaeological record from Eastern Europe // *The Pleistocene Old World. Regional Perspectives* / ed. O.Soffer. New York, London, 1987.
- Soffer O.* Migration vs. Interaction in Upper Palaeolithic Europe // *Cultural Transformations and Interpretations in Eastern Europe* / eds. J. Chapman, P. Dolukhanov. — *Worldwide Archaeological Series*, vol. 6. Newcastle-upon-Tyne, 1993.
- Svoboda J. A.* Afterwords: the Pavlovian as a part of the Gravettian mosaic // The Gravettian along the Danube (Proceedings of the Mikulov Conference, 20-21.XI.2002) / eds. J. A. Svoboda, L. Sedláčková. — *The Dolní Věstonice Studies*, vol. 11. Brno, 2004.
- Svoboda J.* On Modern Human penetration into Northern Eurasia: the multiple advances hypothesis // Rethinking the human revolution: new behavioral and biological perspectives on the origin and dispersal of modern humans / eds. P. Mellars, K. Boyle, O. Bar-Yosef, Ch. Stringer. Cambridge, 2007a.
- Svoboda J.* The Gravettian on the Middle Danube // Le Gravettien: entités régionales d'un paléoculture européenne (Actes de la table ronde, Les Eyzies-de-Tayac, 7-9.VII.2004) / dir. J.-Ph. Rigaud. — *Paléo*. No 19. Les Eyzies-de-Tayac, 2007b.

- Tsanova T., Zwins N., Eizenberg L., Teyssandier N., Le Brun-Ricalens, Otte M.* Le plus petit dénominateur commun: réflexion sur la variabilité des ensembles lamellaire du Paléolithique supérieur ancien d'Eurasie. Un bilan autour des exemples de Kozarnika (Est des Balkans) et Yafteh (Zagros central) // L'anthropologie. Vol. 116. Paris, 2012.
- Valentin B.* Le travail du silex // La dernier hiver à Pincevent: les Magdaléniens du niveau IV0 (Pincevent, La Grande Paroisse, Seine-et-Marne). — Gallia Préhistoire. T. 48. Paris, 2006.
- Zamiatnine S. Gagarino.* La station aurignacienne de Gagarino et les données nouvelles qu'elle fournit sur les rites magiques des chasseurs quaternaires // Bulletin de l'Académie de l'Histoire de la culture matérielle. Fasc. 88. Moscou; Leningrad, 1934.

A. A. Sinitsyn

THE GRAVETTIAN OF KOSTENKI IN THE CONTEXT OF EAST EUROPEAN GRAVETTIAN

The paper deals with the problem of cultural differentiation for the sites of Kostenki group, traditionally united in Gravettian technocomplex. Five varieties are distinguished with different degree of the probability. Problems of removing the Kostenki-Avdeevo cultural tradition, and the Anosovo (Kostenki 11-II) variant from Gravettian entity are discussed, also as a problem of the possibility for Akexandrov' (Kostenki 4-II) and Gmenlin' (Kostenki 21-III) variants to be identified as «western Gravettian».

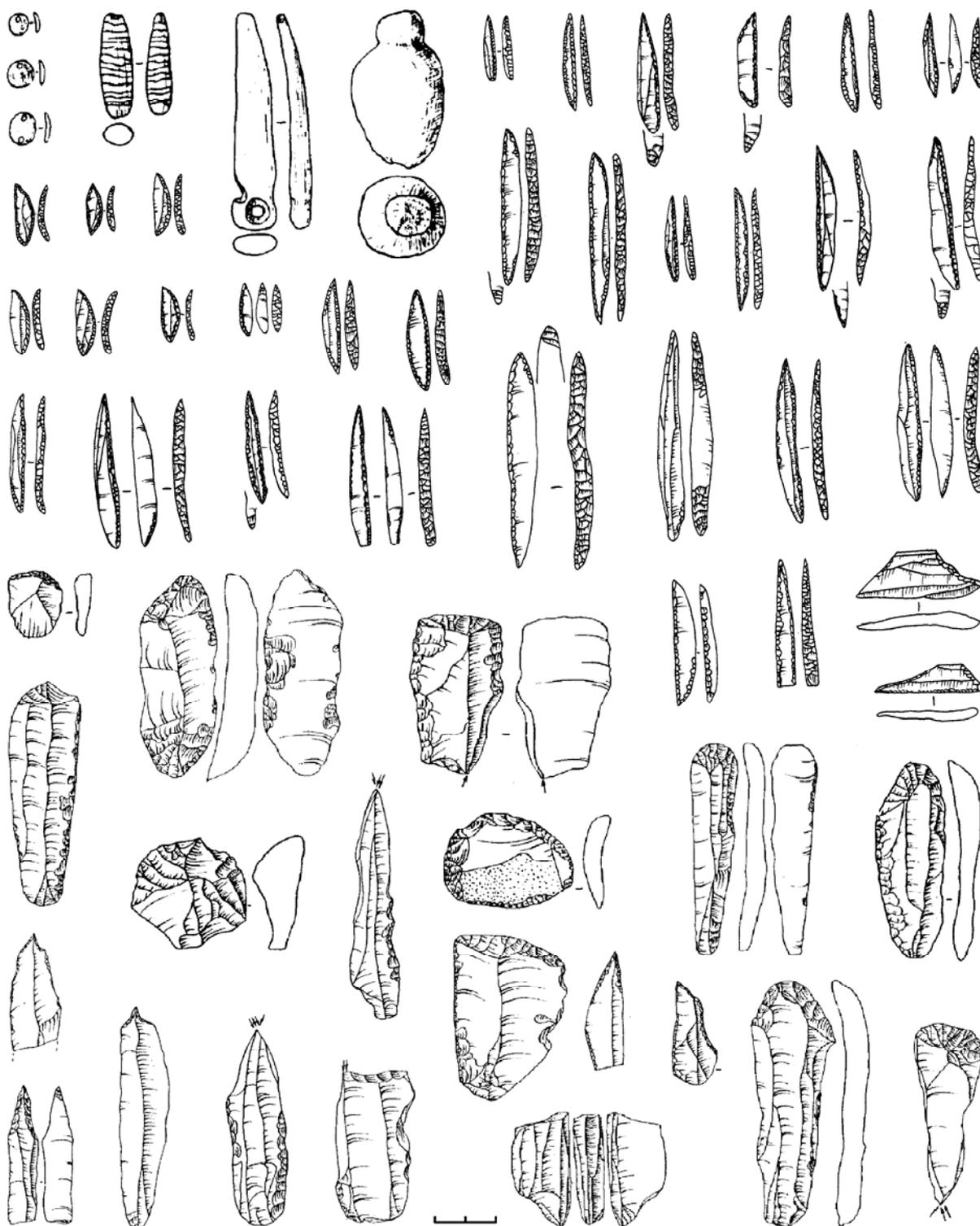

Рис. 1. Костенки 8, II культурный слой. Кремневый и костяной инвентарь, украшения (по: Рогачев, 1951; Литовченко, 1969 с добавлениями)

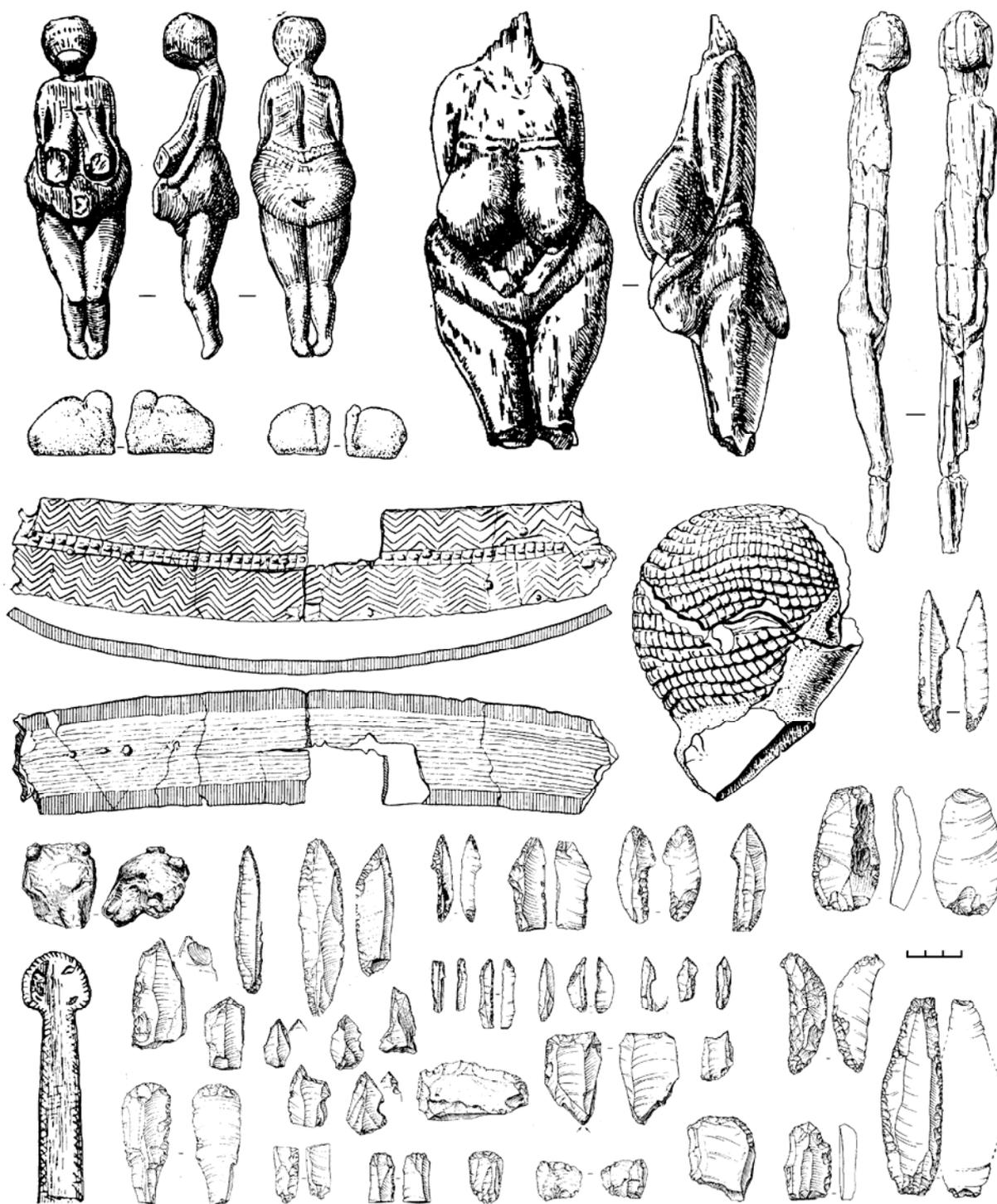

Рис. 2. Костенки 1, I культурный слой. Кремневый и костяной инвентарь, искусство, украшения (по: Праслов, Рогачев, 1982)

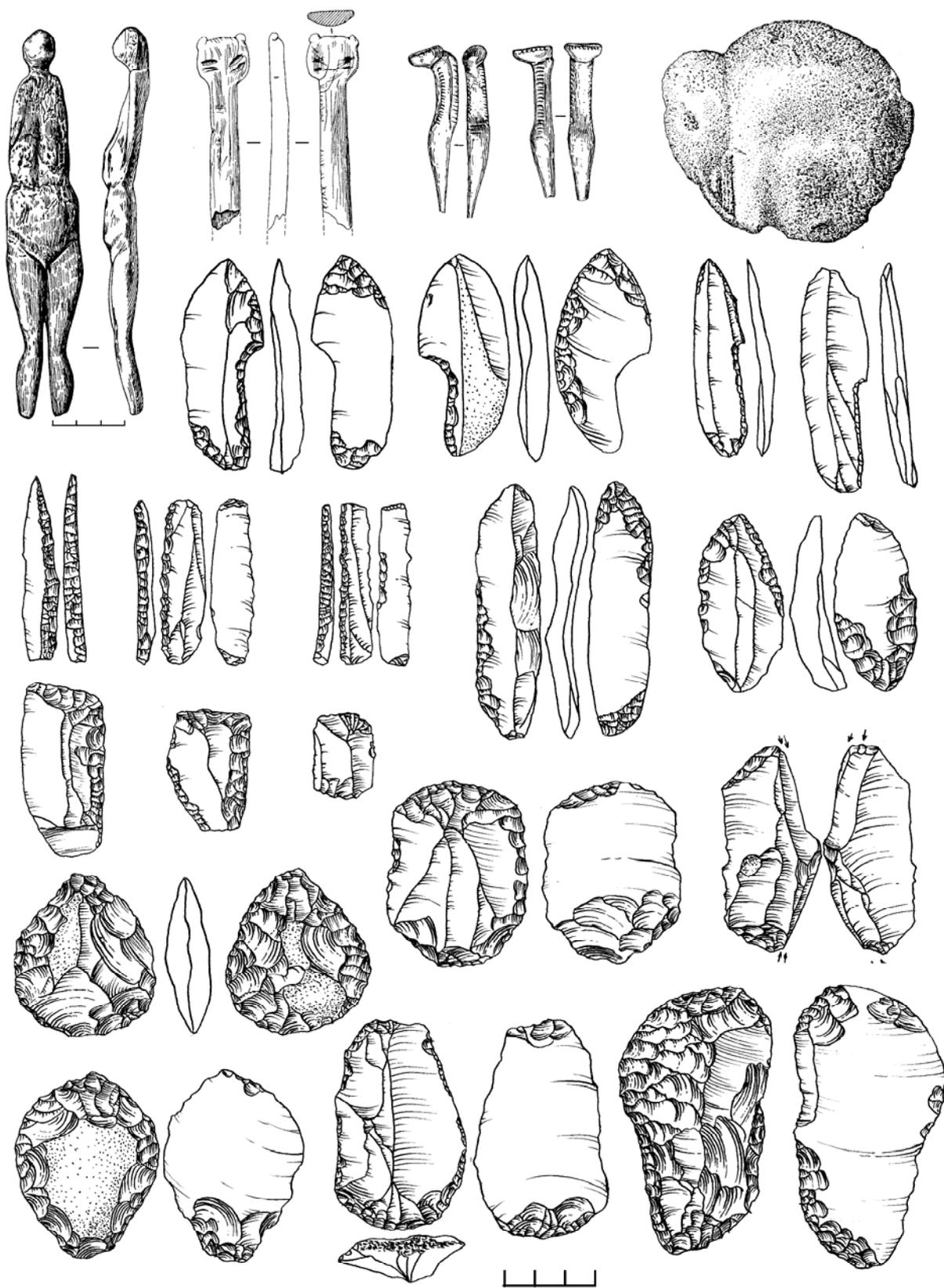

Рис. 3. Авдеево. Кремневый и костяной инвентарь, искусство
(по: Гвоздовер, 1961; 1998; Абрамова, 1962)

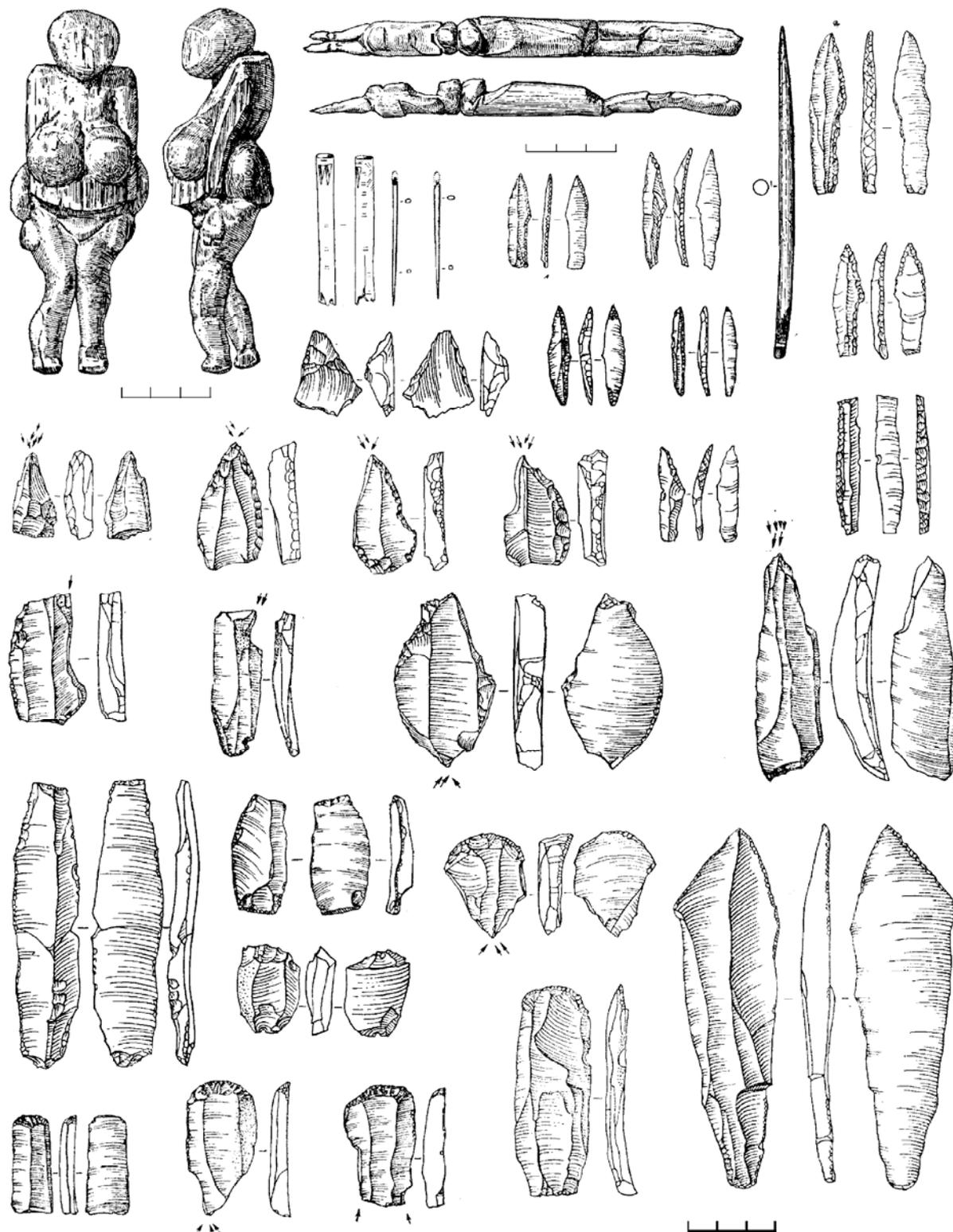

Рис. 4. Гагарино. Кремневый и костяной инвентарь, искусство (по: Тарасов, 1979)

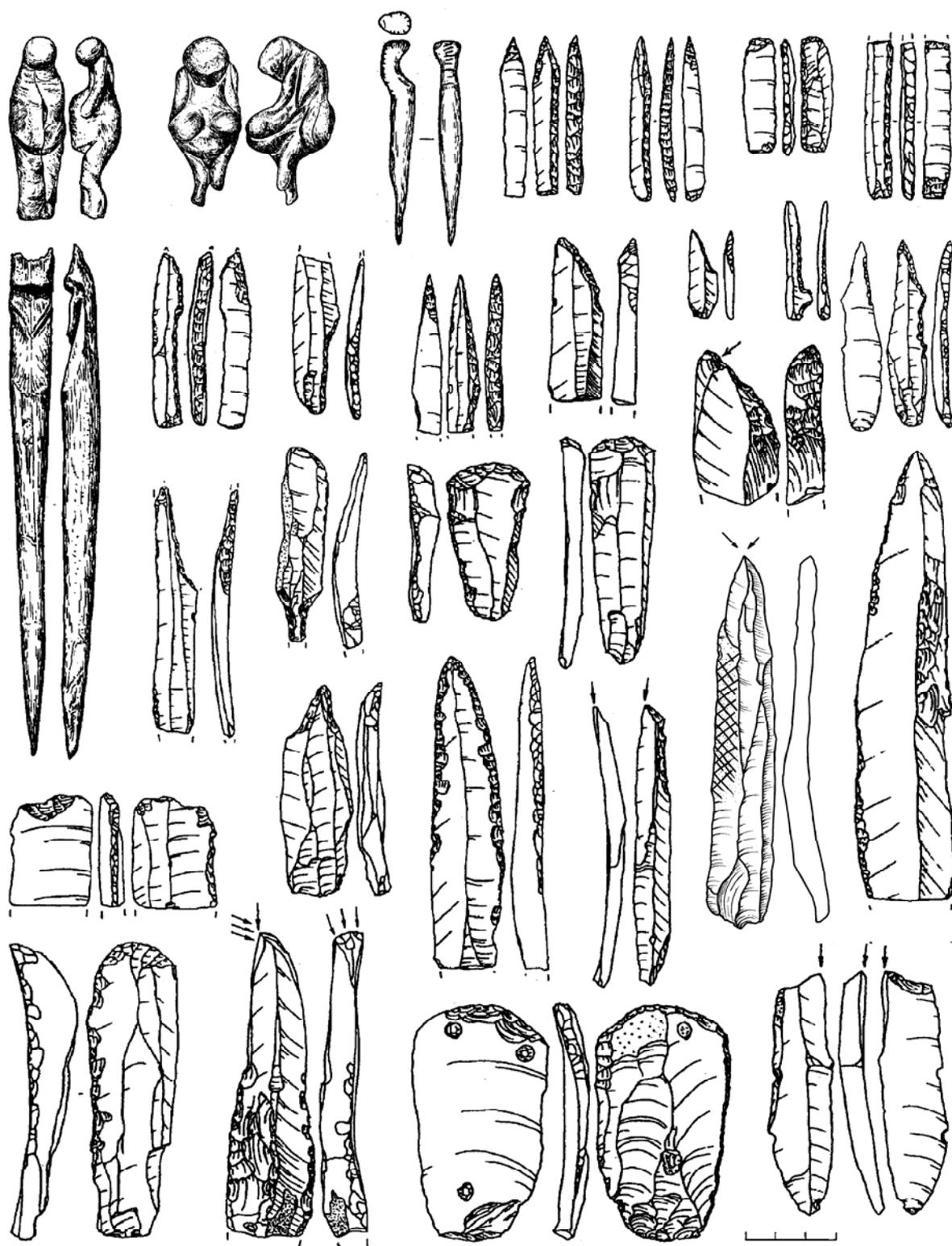

Рис. 5. Хотылево 2. Кремневый и костяной инвентарь, искусство
(по: Заверняев, 1978; 1991; Гаврилов, 2008)

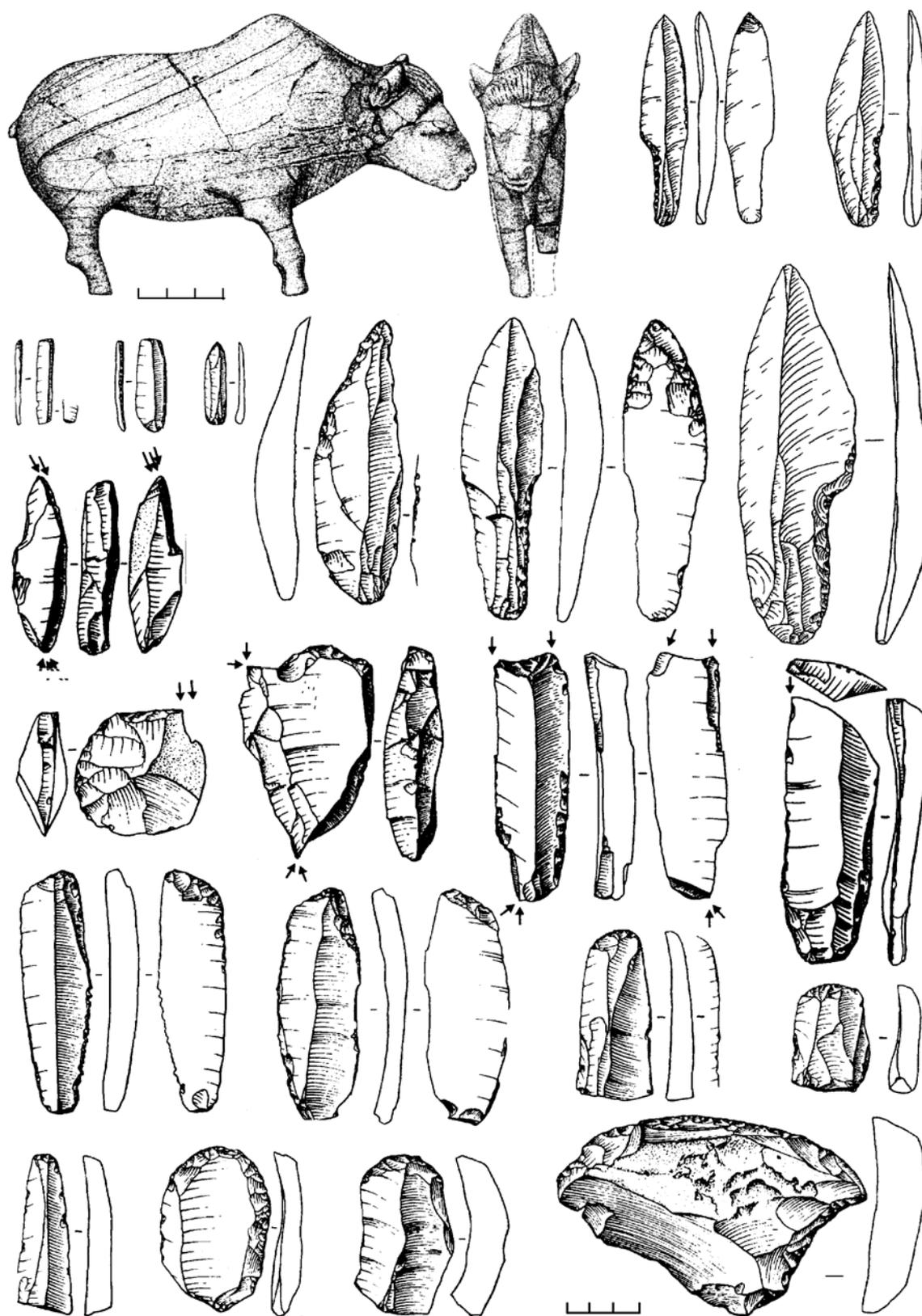

Рис. 6. Зарайская стоянка. Кремневый инвентарь, искусство (по: Амирханов, 2009)

Рис. 7. Бердуж. Кремневый инвентарь (по: Калечиц, 1984; Ксензов, 1988)

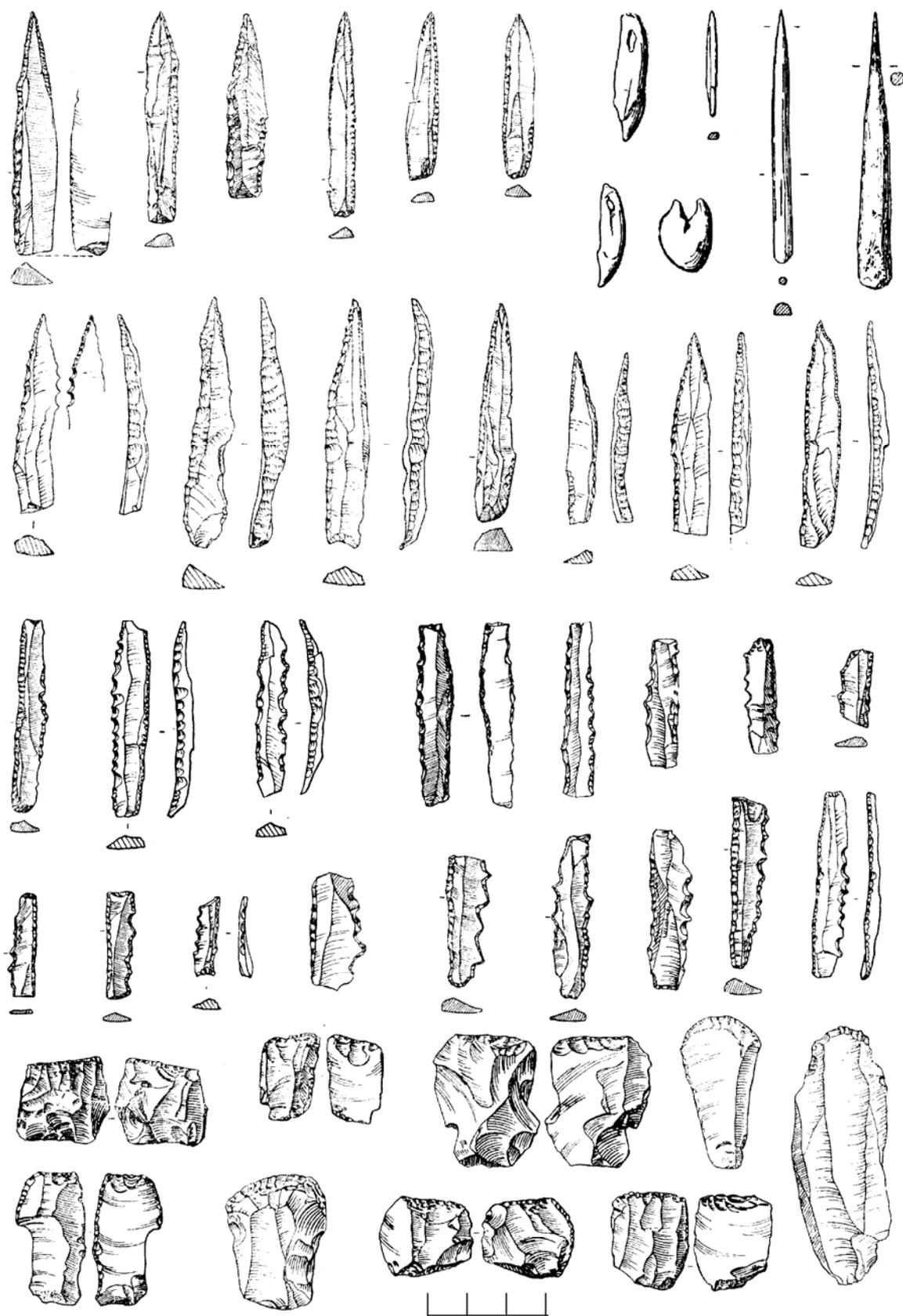

Рис. 8. Костенки 4, II культурный слой. Кремневый и костяной инвентарь, украшения (по: Рогачев, 1955)

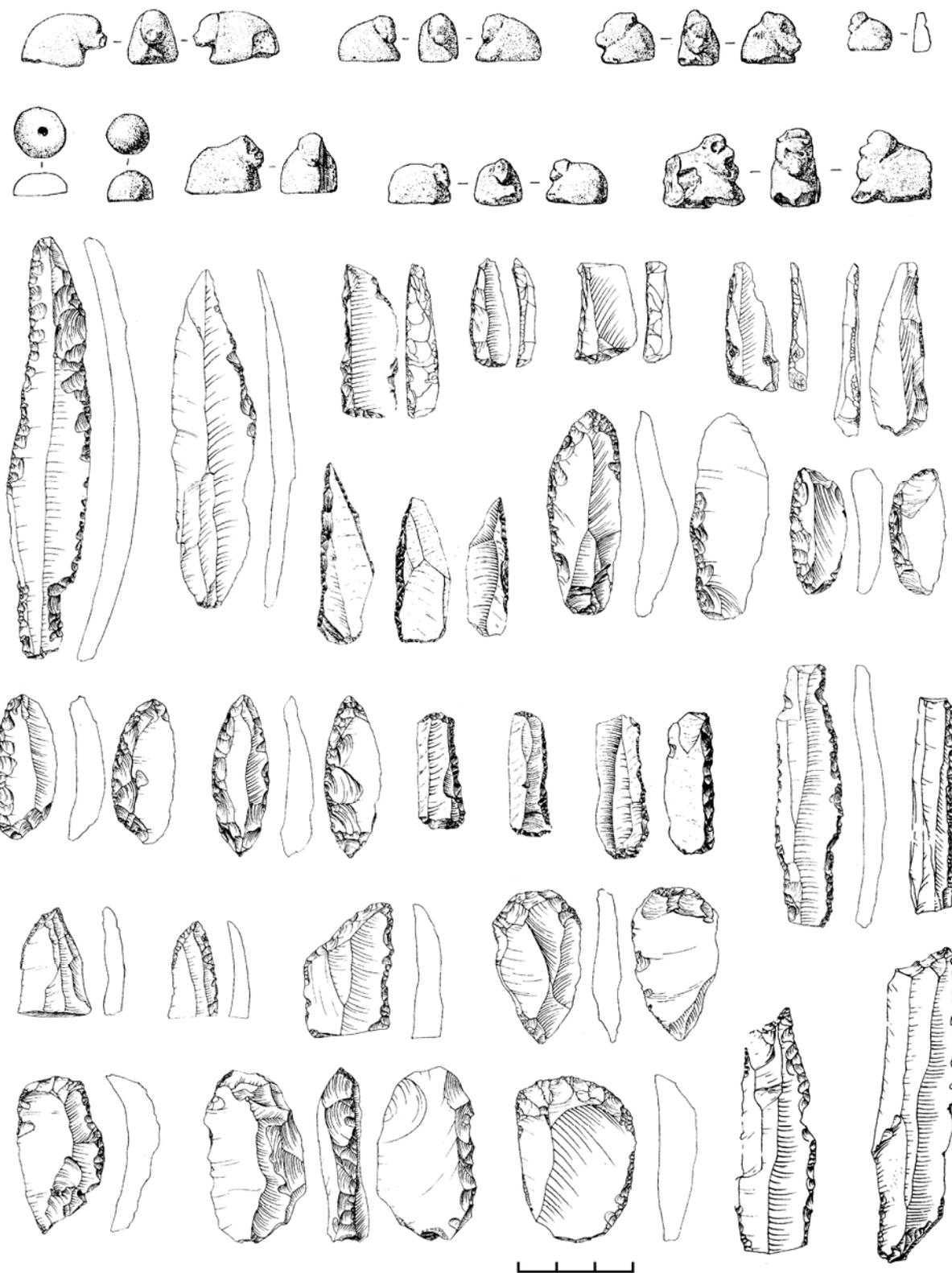

Рис. 9. Костенки 11, II культурный слой. Кремневый инвентарь, искусство (по: Рогачев, 1961; Попов, 1983 с добавлениями)

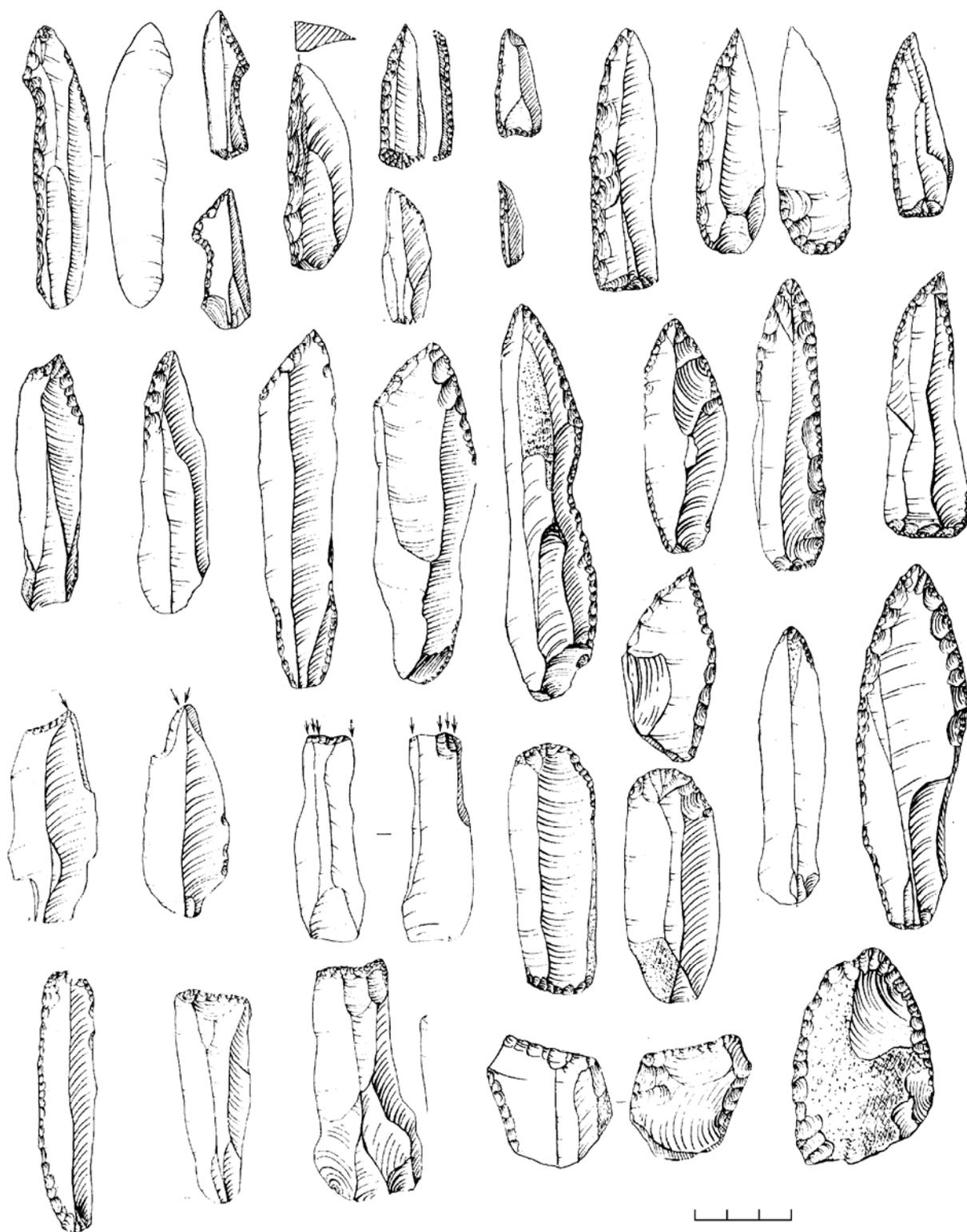

Рис. 10. Пушкари I. Кремневый инвентарь (по: Рогачев, Аникович, 1984)

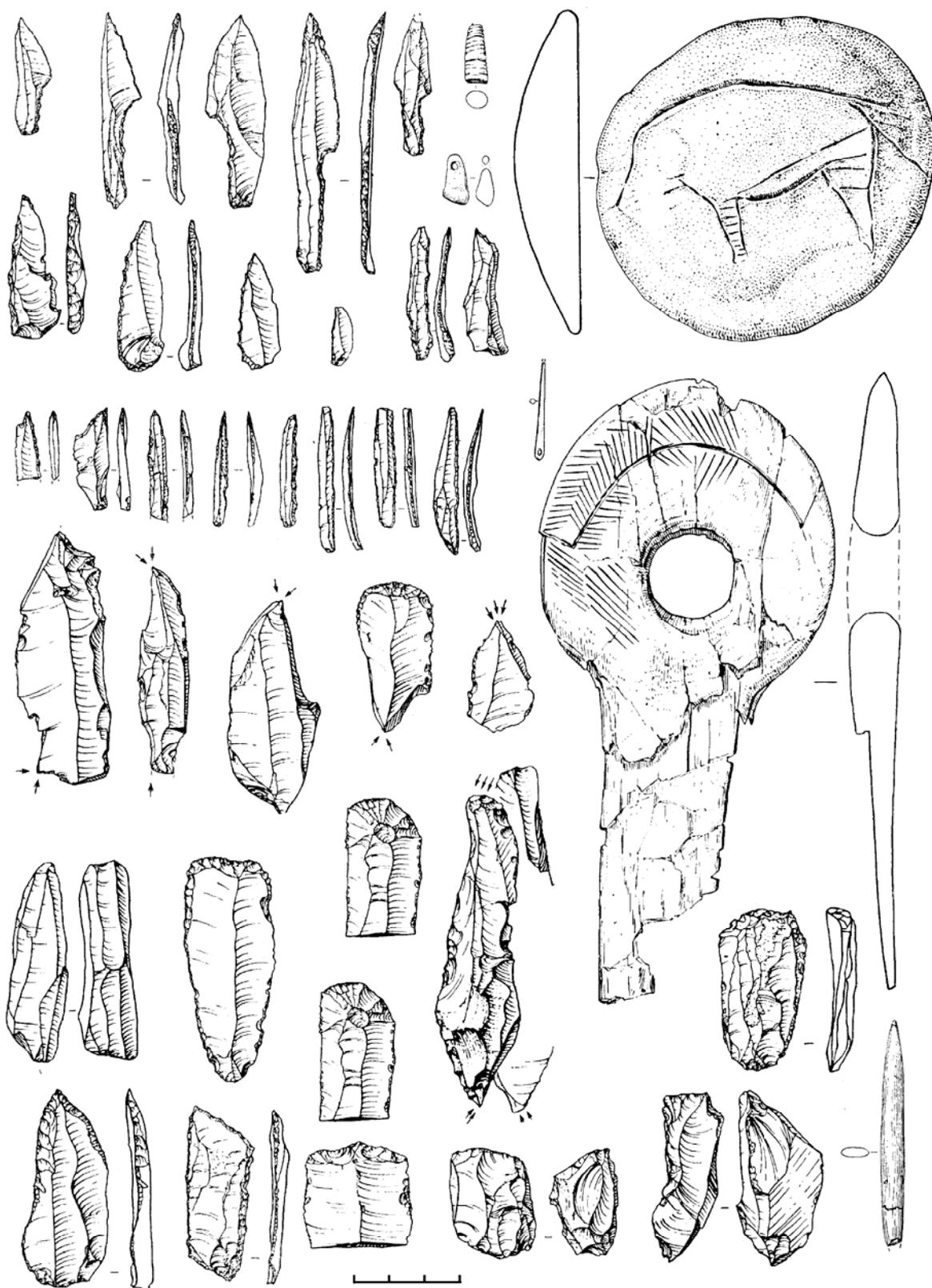

Рис. 11. Костенки 21, III культурный слой. Кремневый и костяной инвентарь, искусство, украшения (по: Праслов, Рогачев, 1982)

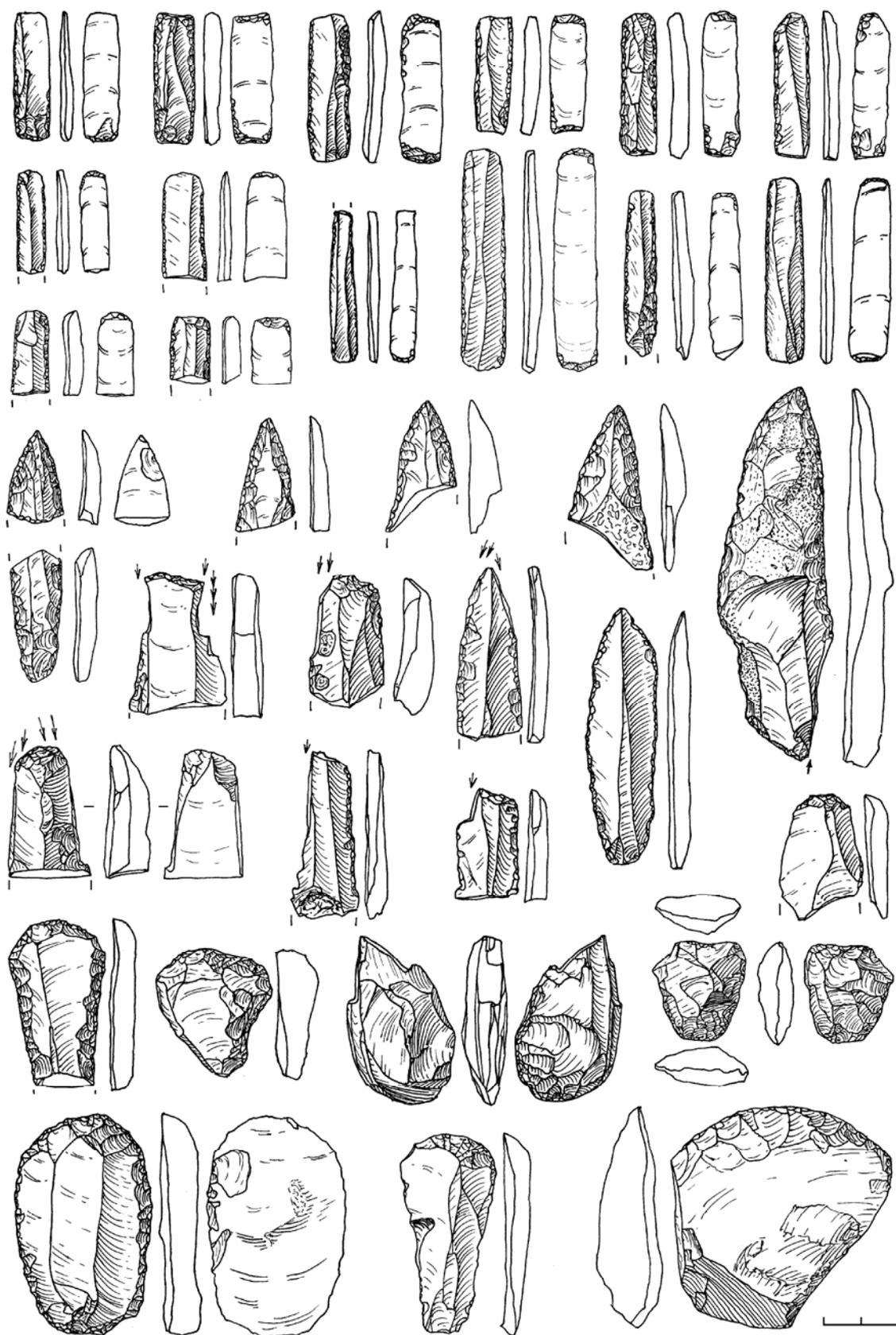

Рис. 12. Боршево 5, I культурный слой. Кремневый инвентарь (по: Лисицын, 2004)

Е. Г. Калечиц

Институт истории НАН Беларуси, Минск

ИСТОРИЯ ИЗУЧЕНИЯ ПАЛЕОЛИТА БЕЛАРУСИ

Несмотря на большой интерес к проблеме изучения времени и направлений первоначального заселения территории Беларуси человеком и ряд статей по палеолиту, которые периодически появляются в печати и имеют региональные обзоры по затронутой теме (Будько, Сорокина, 1969; Будько, Вознячук, Калечиц, 1971; Калечиц, 1984; 1987а, 1987б; 2003; и др.), найти обобщающую работу по истории изучения этого периода на территории всей страны невозможно. Это связано в значительной степени с отсутствием узкой специализации белорусских ученых, которые почти до последнего времени работали строго в рамках соответствующих регионов и занимались изучением всего, что попадало в руки во время раскопок или сборов с поверхности.

Очевидно, что история выявления палеолитических древностей неразрывно связана с историей становления, развития и изучения археологии каменного века Беларуси в целом. В той или иной степени такая проблема неоднократно освещалась в археологической литературе. В данном разделе мы сконцентрируем внимание на обобщении данных по истории изучения памятников наиболее древнего периода — палеолита¹.

В период становления археология каменного века прошла этап краеведения (Каханоўскі, 1984). В музеях Минской, Виленской, Могилевской губерний и в частных коллекциях находились изделия из камня, кремня, костей, глины, монетные клады и другие артефакты. Ошибочная интерпретация отдельных материалов в то время — закономерный процесс, характерный для этапа становления практически любой научной дисциплины. Публикации о коллекциях, которые попадали в музеи, появились в «Записках Виленской археологической комиссии» (1856); в «Известиях Минского общества любителей естествознания, этнографии и археологии» (1914), в работах В. Семенова, А. Фурсова и других исследователей. Впервые о наличии памятников каменного века на территории Могилевской губернии сообщалось в докладе П. Муромцева на Первом Археологическом съезде, проходившем в Москве в 1869 г.

Первые исследования памятников каменного века на территории современной Беларуси связаны с деятельностью Е. Романова, М. Беляшевского, А. Ланочевского, Е. Данилевича, В. Семёнова, А. Спицына, А. Сапунова, Н. Турбина, А. Сементовского и др. В архиве ИИМК РАН хранится ряд дел, которые ярко свидетельствуют об активных работах некоторых названных лиц в конце XIX века. А. Ланочевский проводил сборы с поверхности на территории Гомельского уезда, М. Беляшевский осуществил разведки по Днепру и его притокам, а также был первопроходцем в исследовании древностей на территории Западного Полесья. В 1898 г. он выявил 18 первобытных памятников на правом берегу Западного Буга (Беляшевский, 1901. С. 673–713). В. Данилевич нашел в 1893 г. стоянку каменного века к северу от д. Кистени Рогачёвского района. В 1910 г. берега Споровского и Черного озер обследовал Е. Романов, который при этом открыл несколько поселений каменного века (Романов, 1911). Наиболее значительными в этот период были работы и первые теоретические обобщения Е. Романова (1903; 1908; 1910; 1912) и

¹ Подробную библиографию по теме см.: Е. Г. Калечиц, 2003.

А. Спицына (1897). Несомненный интерес представляет работа В. Антоновича (1901. С. 1–130), в которой он обобщил сведения о древностях соседней Волыни.

Изучение первобытных памятников Понеманья имеет почти 200-летнюю историю. Первые письменные сведения о древностях Западной Беларуси принадлежат перу Теодора Нарбута, когда в Вильно вышла его работа «Dzieje starożytne narodu litewskiego» (Narbutt, 1835), в которой среди других находок упоминаются изделия из камня. С 40-х годов XIX в. изучению разновременных древностей Понеманья, в том числе и каменного века, уделяли большое внимание братья Константин и Евстафий Тышкевичи (Tyszkiewicz, 1842; 1850). Собранные коллекции они передавали во вновь созданный Виленский музей, а для сохранения материалов из Центральной Беларуси братья основали первый музей древностей в Логойске.

В период второй половины XIX в. и до начала Второй мировой войны на территории Понеманья были найдены десятки памятников разных археологических периодов. Необходимо вспомнить имена З. Глогера и В. Шукевича, Ирэны и Людвига Савицких, З. Шмита, Ю. Едковского, В. Антоневица, М. Федоровского и других. Во время поверхностных сборов эти исследователи собирали большие коллекции и передавали их в музеи. Часть материалов сохранилась до наших дней. При этом названные лица не только описывали вещи, но и пытались делать их классификацию, а также определять культурную принадлежность и хронологию.

В границах бывшего Лидского уезда в долинах Котры, Уллы и Дитвы в 80-х годах XIX в. — 20-х годах XX в. активно работал Вандалин Шукевич. Как отмечает В. Лакиза (Лакіза, 2008. С. 12): «Только на Правобережье Верхнего и Среднего Немана им (В. Шукевичем — Е. К.) было выявлено около 130 местонахождений каменного века». Как оказалось позже, среди собранных материалов были и финальнопалеолитические. Огромный вклад в накопление палеолитических древностей в начале XX века внес Ю. Едковский (Jadkowski, 1913. S. 80–88). Все собранные материалы он передавал в фонды Гродненского музея. Результаты этих работ подытожил З. Глогер (Gloger, 1903. S. 19–23). Наиболее интересными для нас являются сведения о нескольких памятниках каменного века, расположенных к северу от Гродно в окрестностях деревень Лихачи и Пальница.

Попытки осмысления накопленных материалов в конце XIX века прослеживаются в работах Е. Романова, который вошел в состав Подготовительного комитета IX Археологического съезда и принял самое активное участие в его подготовке и проведении. Как отмечает Г. Кохановский (Каханоўскі, 1984), согласно с правилами проведения съезда, на территории Северо-Западного края для сбора и изучения первоисточников создавались экспедиции, по волостям рассылались опросные листы, были завершены археологические карты губерний.

Съезд, который состоялся в Вильно в 1893 г., стал поворотным событием в истории исследований археологии Беларуси и развития гуманитарных наук в целом. К его началу Е. Романовым была составлена археологическая карта Могилевской губернии, в основу которой положены исследования М. Фурсова, С. Чаловского, С. Церхе. Несколько ранее (в 1869 и 1890 г.) А. Сементовский опубликовал сведения об археологических памятниках Витебской губернии. Ф. Покровский (1899; 1895) составил карту археологических памятников Виленской и Гродненской губерний. Про разновременные археологические памятники Слонимского уезда на съезде сделал доклад священник Я. Михайловский (1893. С. 177–186). В отмеченных публикациях, как и в ответах на анкеты, разосланные в 1882 г. всем волостным писарям, сведения о памятниках каменного века весьма скудные.

Этап краеведения, случайных находок и пробуждения интереса к материалам каменного века продолжался практически до начала 20-х годов XX века, когда произошла значительная активизация археологических исследований, которая связана с открытием в БССР научных учреждений и их практической деятельностью по реализации исследовательских программ. Краеведческий характер дореволюционной археологии сменился систематическим планомерным изучением древностей и созданием белорусской археологической научной школы, которая вобрала всё лучшее от предшественников. В связи с тем, что связь поколений была утрачена, послереволюционная национальная археология начала работу с формирования новых кадров.

История этих событий, в том числе создания научных учреждений, неоднократно освещалась в печати. Достаточно сослаться на публикации С. Дубинского (Дубінські, 1928); А. Лявданского (1932); К. Поликарповича (1934; 1957; Палікарповіч, 1949); В. Тарасенко (Тарасенка, 1958); В. Будько, А. Митрофанова, Г. Штыхова (1970в); Л. Алексеева (1967; 1968); В. Копытина (1990); В. Вергей (Вяргей, 1981; 1992а, б), а также историографические разделы монографий и диссертационных работ, посвященных данной тематике и выполненных в республике и на соседних территориях.

Существенным моментом в развитии послереволюционной археологии стало открытие в 1923 г. при Инбелкульте Историко-археологической секции, с момента создания и следующей трансформации которой началась серьезная работа. Организатором археологической науки в республике стал М. Довнар-Запольский, который возглавил в 1925 г. Историко-археологическую комиссию. В её состав входили А. Лявданский, С. Дубинский, Д. Довгялло, К. Поликарпович, И. Сербов, П. Харлампович.

Первоочередными задачами, которые ставили перед собой члены комиссии, было сплошное обследование территории страны, планомерные раскопки, накопление и систематизация источников. Особенно интенсивные исследования с 1924 г. развернулись в Посожье. Они связаны, в первую очередь, с деятельностью К. Поликарповича, который провел сплошное обследование берегов р. Сож на всем его протяжении и нанёс на археологическую карту свыше 250 памятников каменного и бронзового веков. Разведки на отрезках долин Днепра, Ипути, Беседи, Березины, Друти осуществили А. Лявданский, А. Коваленя, А. Кротов, С. Бабарыкин, С. Шутов, В. Тарасенко, И. Ющенко, И. Колодкин, С. Бузанов, К. Кернажицкий, Д. Василевский, М. Конвисаров, М. Улащик, С. Рынейский, И. Сербов и другие исследователи.

Первые археологические сведения научного характера о Погост-Загородском регионе были получены благодаря работам Р. Горошкевича в 20-е годы XX в. В это же время памятники каменного века на Побужье и Верхней Припяти выявляли и исследовали З. Шмит, Д. Георгиевский. В 30-е годы в поисковую деятельность включились В. Антонец, А. Вислотский, В. Данилевич, К. Завистович.

Наиболее детальная характеристика проведения археологических исследований на территории Западной Беларуси в межвоенный период (1919–1939 гг.) представлена В. Вергей (Вяргей, 1992а. С. 83–90). Она отмечает: «В отличие от Советской Беларуси в Западной Беларуси не сложился национальный исследовательский центр и археологические работы разворачивались в составе польской науки, в развитии которой наступил новый этап, отмеченный также и сменой организационных форм» (Вяргей, 1992а. С. 83). В 1920 г. был создан Комитет консерваторов доисторических древностей, который до 1926 г. возглавлял профессор Варшавского университета В. Антонец, а позже доцент Г. Якимович. Консерватором восточных воеводств (Западная Беларусь и Волынь) был назначен Л. Савицкий — специалист в области изучения каменного века.

Важную роль в развитии первобытной археологии сыграли кафедры доистории, созданные в межвоенный период в Варшавском, Познаньском, Львовском и Краковском университетах (Вяргей, 1992а. С. 83), новые музеи (Археологический музей Виленского университета, Государственный археологический музей в Варшаве, краеведческие музеи в Гродно, Пинске, Слониме, Волковыске). Рядом с профессиональными учеными там работали и краеведы-энтузиасты, которые собирали древние орудия, в том числе финальнопалеолитического времени. Об археологических памятниках, выявленных на территории Западной Беларуси, в то время активно сообщалось в ряде научных журналов «Wiadomości archeologiczne», «Przegląd archeologiczne», «Rocznik archeologiczne», «Światowit», «Z othlani wieków», «Ziemia».

Среди разных проблем и направлений, которые начали развиваться параллельно с упомянутыми работами археологов, проблема первоначального заселения традиционно является одной из наиболее сложных и актуальных. На территории Беларуси интерес к этому вопросу очевиден еще с начала прошлого века, когда Е. Романов (1912. С. 46) поднял вопрос о том, что «появление человека на территории нашего Северо-Западного края должно быть отнесено к очень отдаленной эпохе...». Автор обосновал свой вывод большой глубиной залегания

культурных остатков, занесенных более поздними образованиями, рядом с которыми были найдены кости мамонта, первобытного быка и других животных.

Его предвидения осуществились в предвоенное время, когда были открыты на территории Белорусского Поднепровья палеолитические стоянки около деревень Подлужье (Бердыжская стоянка) Чечерского района и Юровичи Калинковичского района Гомельской области, а также Елисеевичская, Юдиновская и другие памятники, расположенные в соседних районах Брянской области. Значительным вкладом в археологическую науку явилось также открытие мустьерского местонахождения в урочище Каменная Гора около поселка Светиловичи.

Понимание неразрывной связи человека с окружающей средой изменило ход исследовательских работ с первых шагов развития палеолитоведения. Перспективным оказался поиск палеолитических стоянок методом внимательного обследования мест находок ископаемых фаунистических остатков, который был использован К. Поликарповичем (Палікарповіч, 1932а. С. 167–185). Так были найдены Ново-Бобовичская, Елисеевичская, Юдиновская, Куровская палеолитические стоянки.

Раскопки Бердыжа и Юровичей проводились при участии палеонтологов, геологов и представителей других природоведческих наук. Уже в первой обобщенной работе по мезолиту и палеолиту Беларуси (Палікарповіч, 1932б) приведены сведения о геологическом, палеоботаническом и палеоклиматическом изучении археологических памятников Верхнего Поднепровья. Во время поиска названных выше памятников впервые в Беларуси был применен метод картографирования. Использование указанных методов определило начало применения в археологии комплексных исследований, которые включали попытки палеогеографических реконструкций. Эта область знаний прошла долгий и сложный путь развития. Данные палеогеографических наблюдений положены в основу большого круга специальных дисциплин. Сосредоточим внимание только на некоторых аспектах, которые связаны с изучением первобытной археологии.

Первыми результатами сотрудничества археологов с представителями смежных специальностей стали публикации В. Громова (1928; 1948; Громаў, 1930), Г. Мирчинка (1929; 1934; Мірчынк, 1930) и некоторых других учёных. Внимание этих исследователей концентрировалось на вопросах, связанных с условиями залегания памятников, определением их возраста, на сопоставлении стоянок Поднепровья со стоянками соседних территорий. Ведущая роль в изучении указанных проблем принадлежала Г. Мирчинку и В. Громову. Их совместным усилиям мы обязаны успешному применению геолого-стратиграфического метода в исследовании палеолита. Работы этих ученых посвящены важнейшим методологическим и общеисторическим проблемам каменного века.

Нельзя не упомянуть и об открытии в те годы за короткое время свыше 30 поселений и местонахождений эпохи мезолита. В довоенный период они исследовались главным образом путем поверхностных сборов. Были открыты мезолитические стоянки в урочищах Латки, Гренск, Коромка, Столбун на территории Гомельской области, Печенеж, Журавель в Могилевской области и раскопана на небольшой площади (12 кв. м) только стоянка Журавель. Как выяснилось позже, многие из этих памятников содержали также материалы финальнопалеолитического времени.

В межвоенный период был найден комплекс финальнопалеолитических стоянок и мастерских в непосредственной близости от Беларуси на берегах оз. Нобель (территория Украины), где стационарные раскопки в 1938 г. проводил известный польский археолог С. Круковский (Krukowski, 1939). На протяжении пяти лет разведки по берегам Западного Буга осуществил З. Шмит (Szmit, 1929). На территории Полесья в предвоенные годы работали также археологи и любители К. Пшемьский, К. Салевич, Р. Якимович, штатные и внештатные сотрудники созданного в 1926 г. музея в Пинске Г. Горошкевич, Д. Георгиевский, И. Обуховский, В. Ягодянка и другие. Большой интерес для нашей работы представляют найденные ими финальнопалеолитические памятники, расположенные на территории Побужья около деревень Галачево, Величковичи, Колодно, Шумаки и др.

Разновременные материалы, среди которых были и палеолитические, собирали Л. Савицкий и его жена И. Савицка. Они нашли артефакты архаичного облика около Лагишина (Абухоўскі, 2003. С. 31–32. Мал. 25:1–11. Мал. 26:1–5). В 1933–1939 годах эти исследователи выявили богатейшие стоянки каменного века вблизи Гродно (Ковальцы, Жукевичи, Жиличи). Огромные поверхностные сборы около д. Носки на Ясельде в 1935 г. провел археолог-любитель В. Касинский (Kasinski, 1937. С. 110). Именно здесь еще в XIX в. такие работы осуществил Ю. Стабровский, а в начале XX века частную коллекцию начал создавать местный шляхтич Б. Крашевский. Как оказалось, на этом памятнике часть орудий была изготовлена из импортного «шоколадного» кремня, что дало основу для размышлений о процессах обмена в древности, миграциях населения и их направлениях.

Первые попытки классификации части полученных в этот период материалов, определение их хронологии и культурной принадлежности в контексте развития первобытных общностей Европы нашли отражение в обобщающих работах польских археологов В. Антоневича, С. Круковского, Я. Кастшевского, Р. Якимовича (Antoniewicz, 1930; Krukowski, 1939–1948. С. 1–117; Kostrzewski, 1939–1948. С. 118–360; Jakimowicz, 1939–1948. С. 361–446).

Таким образом, можно констатировать, что довоенный период развития белорусской археологии и, вместе с тем, палеолитоведения начался с накопления разновременных источников, ознаменовался развертыванием планомерных поисков, попытками обобщения и систематизации древностей, разработкой относительной хронологии культур, публикацией материалов. Создание ряда специализированных археологических учреждений привело к началу целенаправленных исследований. Это период открытия и раскопок палеолитических поселений, начала их комплексного исследования.

Этап углубленного изучения археологических объектов с использованием данных природоведческих наук начался после Великой Отечественной войны. Несмотря на то, что ядерный материал, как и значительная часть геологических и археологических фондов погиб, новое поколение ученых, опираясь на достижения предшественников, не только смогло восстановить утраченное, но в ряде случаев открыло путь новым областям знаний.

Количественный и качественный скачок в изучении всех периодов каменного века произошел в последние десятилетия XX века, когда отечественная археология вышла на новый интерпретационный уровень. Этот этап выделялся неравномерностью изучения разных периодов камня и бронзы, значительной активизацией исследований, появлением множества публикаций материалов и теоретических обобщений, выделением ряда новых культур и закрытием некоторых старых, разработкой найденных стратиграфических схем неоплейстоцена и голоцена, попытками корреляции истории человека и окружающей среды.

Широкие и разносторонние исследования четвертичной толщи Беларуси, проведенные Г. Гарецким, П. Леоновичем, Е. Гиммельштейном, М. Грипинским, М. Цапенко, Е. Мандер, К. Лукашовым, Л. Вознячуком, Н. Махнач, В. Щегловой, Э. Левковым, В. Мотузом, А. Коптевым, Е. Ильиным, А. Пидопличко, П. Дорофеевым, Б. Гурским, Р. Левицкой, А. Матвеевым, Я. Еловичевой, А. Санько, П. Калиновским и другими исследователями позволили выработать детальную региональную схему стратиграфического расчленения антропогенного периода, которая все время совершенствуется и уточняется. Благодаря их усилиям, а также исследованиям, проведенным в послевоенные годы представителями различных научных и производственных учреждений, знания о последовательности событий, особенностях лито- и морфогенеза, развитии органического мира и человеческого общества на протяжении верхнего плейстоцена значительно пополнились.

Стратиграфическая схема позднего плейстоцена Беларуси основана на трёхчленном делении валдайских (поозерских) отложений, которые включают ранне-, средне- и нововалдайскую мегастадии с мегаинтерстадиалами между ними. Это очень сложно построенные этапы одного периода (без межледниковья — *Е. К.*), направленного в сторону неизбежного похолодания с рядом стадиялов и интерстадиальных потеплений, которые все время чередовались, и максимумом похолодания на рубеже 18–17 тысячелетий.

Параллельно с учетом и детализацией стратиграфической шкалы верхнего плейстоцена накапливались данные по геологии палеолитических памятников, результаты изучения которых

имеют большое практическое значение для разработки стратиграфической шкалы, выявления истории развития речных долин и решения вопросов стратиграфии, периодизации и корреляции позднего палеолита Восточной и Центральной Европы.

Стала очевидной необходимость обязательного комплексного изучения стоянок для исключения тех ошибок, которые связаны с использованием только археологических датировок. Серия дат, полученная в 1970–1980-х гг. в геохронологической лаборатории СПб Государственного университета Х. Арслановым (Арсланов и др., 1972), открыла новую страницу в изучении первоначального заселения страны. Впервые были получены данные абсолютного возраста для палеолитических стоянок Беларуси, что позволило уверенно отнести начало верхнего палеолита не к рисскому времени, как считало вслед за В. Громовым (Громов, Шанцер, 1958) подавляющее большинство исследователей еще лет сорок назад, а к значительно более позднему вюрмскому времени. Первыми на это еще в 20-х годах прошлого столетия указывали А. Павлов и Г. Мирчинк, а несколько позже В. Резниченко, У. Крокас, И. Герасимов и другие исследователи.

В 2009 году профессором Хансом ван дер Плихтом в лаборатории Центра изотопных исследований университета Гронингена (Нидерланды) получены методом ^{14}C новые абсолютные даты по костным остаткам мамонта со стоянок Бердыж и Юровичи, а также по кости лошади со стоянки Ковальцы (Гродненский район Гродненской области). GrA — 38918 Berdyzh 23790 ± 120 BP; GrA — 38919 Yurovichi 25660 (+160, -150) BP; GrA — 38920 Kovaltsy 12420 ± 50 BP. Определение сделано в рамках Международного научного проекта РФФИ–NOW № 047.017.2006 (в Нидерландах) и проекта № 07-05-92312 НВОа (в РФФИ). Руководители проектов профессор Т. Ван Кольфсхотен (Нидерланды) и доктор наук А. Маркова (РФФИ) любезно разрешили использовать полученные даты в открытой печати, за что автор и вся научная археологическая общественность Беларуси им весьма признательны.

Поскольку на этапе накопления материалов их культурно-хронологическая дифференциация не проводилась, исследователи каменного и бронзового веков иной раз непреднамеренно пополняли фонды палеолитическими материалами. Именно на этапе активного сотрудничества археологов с представителями природоведческих наук активизировались работы на территории Западной Беларуси. Поиск палеолитических древностей и выделение их из множества накопленных источников одновременно осуществили ученые Беларуси, Польши, Украины, Литвы, России.

В 50–60-е годы прошлого века на территории Северо-Западной Беларуси активными поисками древних памятников и их изучением занимались А. Митрофанов, С. Тараканова, Ф. Гуревич, Л. Клейн, И. Тюрина. Палеолитические материалы были выявлены на северо-западе страны Н. Гуриной (1965). С середины 60-х годов первобытные памятники этой территории начал изучать М. Чернявский, а на юге страны, в Полесье — В. Исаенко. На территории Западного Полесья систематические поиски и исследования разновременных памятников в послевоенный период проводил Ю. Кухаренко. Сведения обо всех известных на то время древностях, в том числе и палеолитических, которые в ту пору не были идентифицированы, приведены им в каталоге «Первобытные памятники на территории Полесья» (Кухаренко, 1962).

Несмотря на активные действия и проведение систематических поисков и исследований памятников каменного века на территории Белорусского Подвинья в межвоенный период (например, археологическая экспедиция 1933–1934 гг. в составе К. Поликарповича, А. Ковалени, А. Лявданского осуществила разведки вдоль Западной Двины от ее истоков до г. Полоцка), так и в послевоенное время (работы Н. Гуриной, М. Чернявского, И. Тихоненкова, Э. Зайковского, В. Ксензова и других исследователей) Белорусское Подвинье остается белым пятном на археологической карте Беларуси. Особенно это относится к периоду первоначального заселения этой территории в палеолите и мезолите.

Усилиями ряда исследователей в послевоенное время на территории Западного Полесья были открыты памятники, материалы которых атрибутированы как мезолитические. Часть из них в работе В. Исаенко (1976) отнесена к кругу более ранних. Среди них памятники расположенные около д. Колодно (р. Лесная), г. Белоозёрск (оз. Белое), д. Ополь и Ласинцы

(бассейн Ясельды), д. Бобровичи (оз. Бобровичское), д. Пульма (оз. Свитязьское), д. Орехово (оз. Ореховское) и в ряде пунктов на приграничных территориях Украины (Нобель, Любязь и др.). Данные по сборам в этих пунктах приведены в отчетах В. Исаенко и не опубликованы. К позднепалеолитическому времени им отнесены, как правило, единичные находки архаического облика, найденные среди мезолитических материалов. Обе публикации В. Исаенко (1966б; 1977), в которых упомянуты и перечисленные пункты, не имеют в названиях слова «палеолит».

Многочисленное совместное с В. Исаенко посещение автором статьи названных пунктов позволило составить собственное представление о стратиграфии и топографии памятников, масштабах их разрушения и наличии огромного количества расщепленного кремня. Издержки методики, когда проводились не тотальные сборы, а выборочные, без фиксации находок на плане естественно сказались на дальнейшем осмыслении материалов. В публикации В. Исаенко (1966б. С. 46) высказана мысль о том, что Западная часть Полесья относится к территориям с преимущественным производством макролитических орудий свидероидных форм. Вывод основан на абсолютном преимуществе в коллекциях крупных рубящих форм. После многократных сборов таких «макролитов» следующая волна исследователей имела дело с оставшимися на поселении «микролитами» и очень редкими находками «макролитов». Это сильно повлияло на выводы и исказило естественное положение дел. Необходимость рассматривать всю совокупность артефактов стала очевидной.

В публикациях соотечественников до последнего времени на территории Западного Полесья было отмечено только несколько памятников свидерской культуры (Исаенко, 1966б; 1976; Кудряшов, 1996). Польская исследовательница С. Сульгустовска, опираясь на коллекционные сборы и публикации предшественников и используя материалы собственных наблюдений, значительно пополнила эти сведения и написала монографию (Sulgostowska, 1989) посвященную финальнопалеолитическим древностям междуречья Вислы, Немана и Днестра. Работа содержит значительную информацию о палеолитических материалах, собранных на территории Западной Беларуси, с указанием авторства и привязки к местности. Она приводит в том числе сведения о стоянке финального палеолита культуры Лингби около д. Одрижин Ивановского района Брестской области.

Ряд публикаций, посвященных проблеме первоначального заселения территории страны, был опубликован в последней четверти прошлого столетия (Будзько, 1960; Будзько, 1962б; 1967а; Калечиц, 1984; Копытин, 1990; 1992; 2000а; Ксянзоў, 1983; Ксензов, 1988; 1989; и др.), а целенаправленным изучением этих вопросов в последние десятилетия занималась Е. Калечиц (1987а, б; 2003; и др.). В монографиях «Первоначальное заселение территории Белоруссии», «Человек и среда обитания. Восточная Беларусь. Каменный век» проведено обобщение накопленных на территории Белорусского Поднепровья палеолитических материалов, проведен их анализ на фоне широких палеоэкологических реконструкций. Продолжением этих работ автора стали широкие разведки и раскопки памятников различных исторических эпох, включая палеолитические, на территории Западного Полесья, особенно в границах Мотольского микрорегиона (Ивановский район Брестской области).

Словосочетание «финальный палеолит» впервые в Беларуси на обложку своей монографии вынес В. Копытин (1992), который раскопал ряд соответствующих памятников и «де факто» на конкретном материале констатировал проникновение разных этнических группировок на территорию Восточной Беларуси в эпоху финального палеолита. С освящением истории различных регионов страны в финальном палеолите связаны некоторые работы В. Ксензова (1988), В. Кудряшова (1996), а в последнее время А. Колосова (2008).

Первым попытку описания древностей с территории Беларуси, которые хранятся в музеях Польши, осуществил Л. Поболь (1979). Среди упомянутых им древностей присутствуют и финальнопалеолитические материалы. Полученные сведения существенно дополнены данными, приведенными В. Обуховским (Обухоўскі, 2003). В этой монографии он обобщил сведения о материалах от палеолита до раннего железного века, хранящихся в фондах Государственного Археологического Музея Варшавы. Проблеме палеолита и мезолита бассейна Немана была посвящена его магистерская работа (Obuchowski, 1998), написанная на основе обобщения литературных источников, архивных собраний и работ автора на Понёманье.

Она хранится в библиотеке Института Археологии в Варшаве. Преждевременная смерть не позволила этому талантливому археологу довести до конца попытку проанализировать данные по палеолиту и мезолиту всей Западной Беларуси. Такая работа должна была стать его диссертационным исследованием. Отдельные материалы, собранные исследователем, напечатаны в издании «Swiatowit» № XIV (Obuchowski, 2009).

По мере того, как археология Беларуси начала переходить к активным спасательным работам в зонах новостроек, В. Обуховский стал одним из самых активных участников таких работ. Мы провели большие совместные разведки и раскопки на берегах Августовского и Огинского каналов, вместе работали в Ополе и на Юровичской стоянке, обработали результаты раскопок на памятниках Бобровичского озера и стоянки Мотоль-17. Последние годы жизни подарили ему прекрасный долгожданный памятник Ковальцы-4, который он исследовал вместе со студентами Белгосуниверситета и своими друзьями Т. Остраускасом и В. Сидоровичем. Датировка памятника радиоуглеродным методом, приведенная выше, позволяет утверждать, что он является наиболее древним из известных сегодня на Понёманье.

После многолетних полевых исследований и пересмотра коллекций, хранящихся в фондах Института истории, музеях страны и зарубежья список палеолитических памятников на территории страны многократно увеличился. На берегах Августовского канала в связи с его реконструкцией в 2004–2005 гг. объединенной экспедицией Института истории НАН Беларуси в составе Е. Калечиц, В. Лакизы, М. Чернявского и Белгосуниверситета (В. Обуховский) были проведены широкие разведки, в результате которых было выявлено 48 разновременных памятников. На одиннадцати из них были проведены раскопки. Значительная часть новых поселений содержала финальнопалеолитические материалы.

В соответствии с требованием времени, на территории Гродненского и Мостовского районов началось и в настоящее время ведётся строительство Гродненской ГЭС. Согласно существующему законодательству, перед началом создания водохранилища, строительства плотины и прокладки обводного канала археологи осуществили срочные спасательные работы. При этом были также найдены новые палеолитические памятники. Мы работали приблизительно на тех же местах, где некогда проводили поверхностные сборы археологи первой половины XX века.

Определенные трудности в идентификации различных источников часто связаны с различными привязками к местности. Так, например, в 1958 г. Л. Клейн, который работал в составе Славяно-Литовского отряда Прибалтийской экспедиции, обследовал и провел сборы с поверхности в 63 пунктах на территории Понёманья. Среди них были и ранее известные памятники и стоянки, выявленные впервые. Те, на которых были собраны единичные артефакты палеолитического возраста, позднее детально исследовались другими археологами. Среди мест обследованных Л. Клейном, фигурируют такие населенные пункты как Ковальцы, Славичи, Красное Село, Погораны, Баля Сольная. Но в отчете, который хранится в архиве Института истории НАН Беларуси (Клейн. Отчет обследования стоянок каменного века Славяно-Литовским отрядом Прибалтийской экспедиции в 1958 г. ААНД ДНУ «Инстытут гісторыі НАН Беларусі» — Арх. № 178. — 23 с., 4 с. фото), представлены очень расплывчатые привязки к местности. При наличии множества новых данных о тех же пунктах, полученных в последнее время, очень трудно установить о каком конкретно памятнике идет речь и решить вопрос, кто что открыл первым.

Со времени открытия древних поселений около деревень Жукевичи, Жиличи, Ковальцы прошло много лет. Изменился облик окрестностей упомянутых деревень. Одни урочища поросли лесом, другие сильно повреждены ветровой эрозией. Ушли из жизни владельцы имений и земель, на которых собирали древности Ирэна и Людвиг Савицкие в далекие 30-е годы прошлого столетия. Об их поисках благодарные потомки имеют представления только из собраний, которые сохранились в фондах музеев. Очевидно, что привязки к местности стали другими, некоторые пункты исследованы впервые. Так в кратком виде выглядит история накопления палеолитических древностей на территории современной Беларуси.

Проблема первоначального заселения

Вопросы, связанные с выяснением геологического возраста ископаемых гоминид, их распространением в Старом и Новом свете, рассмотрены и обобщены С. Бибиковым; И. Ивановой; Н. Прасловым; П. Борисовским; В. Гладилиным; Г. Григорьевым; В. Громовым, Е. Шанцером; П. Ефименко; К. Поликарповичем и многими другими исследователями².

Принципиально важные изменения в решении этой проблемы произошли в последние десятилетия, когда появилась возможность использовать новые методы геохронологии, новые подходы и методические разработки европейских исследователей. Публикации Г. Синицыной (1996); А. Величко, В. Соффер (1997); С. Васильева (2000); А. Деревянко (2005); А. Величко, П. Долуханова, А. Куренковой (2008); П. Павлова (2008а); П. Долуханова (2008а, б); М. Аниковича и др., (Аникович, Анисюткин, 2008а; Аникович, Попов, Платонова, 2008б) и многих других отражают широкий спектр изменений, произошедших в области изучения вопросов, связанных с появлением гоминид, разветвлением этого древа, проникновением человека на все континенты, последовательностью этого процесса, новыми сенсационными открытиями. Белорусским исследователям новые тенденции стали известны совсем недавно, благодаря выполнению совместных грантов, широкому обмену литературой с учеными других стран и в первую очередь с археологами России.

Значительное количество докладов, сделанных на заседаниях 1 и 2 секций (XVIII) Всероссийского археологического съезда в Суздале в 2008 г. и опубликованных в виде тезисов этого съезда, посвящено упомянутой тематике. Результаты исследований последних лет и материалы, презентованные в них, свидетельствуют о ряде сенсационных открытий, позволяющих скорректировать выводы по теме.

Наиболее активно сегодня рассматриваются вопросы о времени и направлениях миграционных потоков гоминид и первоначальном заселении Европы (Колпаков, 2008; Щелинский, Кулаков, 2008; Долуханов, 2008б; Павлов, 2008б; Зубов, Васильев, 2006), о процессах неандертализации и проблемах перехода от среднего к верхнему палеолиту (Васильев, 2008; Аникович, Анисюткин, Вишняцкий, 2007), о соотношении природных и культурных изменений и роли внешних факторов в этом процессе (Синицын, 2008; Долуханов, 2008б; Аникович, Анисюткин, 2008а), о культурных связях в эпоху палеолита (Гаврилов, 2008; Долуханов, 2008а; 2008б; Степанчук, 2008; Любин, 2008); о вопросах хозяйственной деятельности в палеолите (Аникович, Анисюткин, 2008а) и многие другие. На основе результатов ДНК строятся схемы корреляции неандертальцев с человеком современного физического типа (Вишняцкий, 2008). Антропологические наблюдения свидетельствуют о наличии элементов культурной адаптации уже на ранних стадиях антропогенеза (Долуханов, 2008б).

Природная среда всех межледниковых эпох плейстоцена была благоприятной для проникновения и жизни на земле Беларуси представителей любого звена рода *Homo*. Учитывая, что эволюция и расселение палеоантропов (неандертальцев и неандерталоидных форм) на территории Восточной Европы на север от 50-й параллели относится к концу среднего — началу неоплейстоцена (200–40 (33) тыс. л. н.), а также в связи с большой глубиной залегания отложений нижнего плейстоцена, поиски следов домустьерского населения на территории Беларуси практически бесперспективны.

Первые свидетельства о проникновении человека на территорию Белоруссии датируются мустьерским временем.

Мустьерские местонахождения

Сообщение о первой находке мустьерского возраста в Беларуси сделал К. Поликарпович (Палікарповіч, 1937). Речь идет об остроконечнике (по К. Поликарповичу), который нашел

² Подробная библиография по проблеме изложена в монографиях Е. Г. Калечиц (2003) и А. Г. Калечиц, А. У. Коласаў, В. С. Абухоўскі (2010). В данной статье приведена основная литература по позднему палеолиту и истории исследования эпохи палеолита территории Беларуси в целом.

учитель П. Чайковский в урочище Каменная Гора вблизи д. Светиловичи Ветковского района Гомельской области (рис. 1Б: 3).

В 1955 г. К. Поликарпович (1955) сообщил о первой стоянке мустьерского возраста, которую нашли около д. Подлужье Чечерского района Гомельской области. Раскопки этого памятника послужили ему основой для выдвижения тезиса о появлении на территории Беларуси людей в значительно более раннее, чем поздний палеолит. С той поры и почти до публикации посмертной монографии (Поликарпович, 1968) он оставался на твердых позициях относительно возраста Подлужья. На большой площади шести раскопов (350 кв. м), которые были заложены в 100–120 м «к северо-западу от местонахождения ориньякской культуры», К. Поликарпович собрал около 1000 кремней, часть которых, по его мнению, имела мустьерский возраст.

В. Будько, который продолжил исследования подлужского комплекса памятников, сделал вывод о том, что «...типичных мустьерских форм орудий и остатков фауны здесь (в Подлужье-2 — Е. К.) не было. Наличие хорошо выраженных верхнепалеолитических форм орудий и их преобладающее количество не подтверждает вывод К. Поликарповича о мустьерском возрасте стоянки» (Будько, 1962б. С. 7).

Типологически мустьероидными орудиями, выявленными на территории Беларуси, сегодня считаются три артефакта, которые были найдены в бассейне р. Сож в разные годы. Это скребло-нож из ур. Колодежки около д. Подлужье (рис. 1Б: 1). Найдено в 1928 г. К. Поликарповичем «в песках, подстилавших мощный слой костей мамонта с ориньякскими орудиями» на правом берегу Сожа; остроконечник из урочища Каменная Гора около д. Светиловичи Ветковского района. Найден в 1929 г. П. Чайковским на правом берегу Беседи (рис. 1Б: 3); скребло, поднятое в 1960 г. Л. Поболем и Я. Бибиковым в урочище Красная Горка около д. Обидовичи Быховского района, на левом берегу Днепра (рис. 1Б: 2).

С учетом этих единичных находок архаического облика, которые лишь типологически датируются мустьерским временем, историю заселения человеком территории Беларуси, таким образом, правомерно начинать с мустьерского времени. С течением времени вывод о несомненном проникновении мустьерских охотников на территорию Беларуси скорректирован и сегодня такая возможность не исключается. Дело в том, что перечисленные находки не имеют четкой геологической привязки и сопровождающей органики. Проведенные стратиграфические наблюдения в местах их выявления показали, что геоморфологическая ситуация не противоречит предложенной археологами датировке орудий эпохой мустье, но более узкие временные рамки их бытования определить невозможно. Отсутствие устойчивых серий таких находок и отмеченные выше обстоятельства позволяют только гипотетически предположить проникновение первых людей на территорию Восточной Беларуси в промежутке времени 100–40 (33) тысяч лет назад.

Проблема путей проникновения человека на территорию Беларуси тесно связана с решением вопроса о первоначальном заселении Восточно-Европейской равнины и Европы в целом, но здесь, по мнению Н. Праслова «проблема перехода от ашеля к мустье на материалах Русской равнины пока не решается» (Праслов, 1984. С. 100). Этот сложный дискуссионный вопрос будет уточняться по мере накопления источников, но при этом, возможно, никогда не будет решен однозначно. Продолжительный и сложный процесс расселения человека происходил из нескольких центров, неоднократно прерывался по разным причинам и снова возобновлялся.

Ближайшие к территории Беларуси памятники мустьерского времени найдены вблизи д. Хотылево, около Житомира, Чулатово-3 и Бетово (Подесенье); поселений Красная Глинка (Поволжье) и Пещерный Лог (Прикамье). Находки этого времени выявлены в верховьях Оки около д. Белево, собраны на отмелях Волги между Казанью и Самарой, содержатся среди материалов пещеры Вильотне (Польша), Кеннингсауе (Германия) и в других местах.

Позднепалеолитические памятники

Если первое проникновение человека на территорию Беларуси при современном уровне знаний можно отнести к мустьерскому времени, то первое заселение ее просторов несомненно связано с населением позднего палеолита. Прямые доказательства существования

палеолитических охотников получены при изучении материалов широко известных Юровичской и Бердыжской познепалеолитических стоянок (рис. 1А). Оба памятника в той или иной степени опубликованы, но при этом почти не известны широкому читателю. Появление статей с упоминанием этих памятников и попыткой анализа их изучения и содержания (например, Сергин, 2005) свидетельствует о непреходящем интересе к белорусскому палеолиту. В связи с этим попытаюсь изложить мои наблюдения, так как являюсь последним звеном в исследовании указанных памятников и попытках распутать хитросплетения, связанные с их изучением. Несмотря на недавние публикации сведений о последних работах на Юровичской стоянке (Калечиц, 2007а; Калечиц и др., 2008а. С. 25–39) в данной работе привожу короткий обзор сведений об этом памятнике с учётом вновь открывшихся обстоятельств.

Юровичская стоянка (Калинковичский район Гомельской области)

История изучения. Уже в конце XIX века, когда по тальвегу оврага, рассекавшего на окраине деревни Юровичи, высокое моренное плато, которое проходило с запада на восток, начали прокладывать широкую грунтовую дорогу на Хойники, стали поступать первые сообщения о костях крупных животных, найденных на склонах оврага. Однако, сама стоянка была открыта только осенью 1928 г., благодаря сообщению в Белорусскую Академию наук, поступившему от учителя местной школы Ю. Попеля. Это имя долгое время оставалось незаслуженно забытым в истории археологии. По сведениям, собранным В. Исаенко, Ю. Попель родился в 1880 году в Холмской губернии в семье протоиерея. Окончил юридический факультет Санкт-Петербургского университета и Санкт-Петербургский археологический Институт. Работал следователем Санкт-Петербургского и Минского окружных судов, с марта 1919 года следователем Новогрудского и Речицкого уездов. Основал в 1919 году общественную гимназию, а затем школу в Юровичах. Был директором и учителем этой школы. В 1938 г. репрессирован, сослан. Известия о Ю. Попеле теряются в 1942 году. Дальнейшая судьба, обстоятельства дата смерти и место погребения этого человека не известны. Ю. Попель первым обратил внимание на находки костей и наличие обработанных кремней в Юровичах. Его сообщение в Академию наук в Минск в 1929 г. стало поводом для посещения Юровичей К. Поликарповичем и второго открытия стоянки.

Увлекательная книга А. Чубура (2006), посвящённая жизнеописанию патриарха белорусской археологии К. Поликарповича, написана с использованием подлинных документов (личных дневников исследователя, писем и комментариев к ним). В этой книге можно узнать подробности этого события (см. с. 160–161). А. Чубур приводит ранее не публиковавшееся письмо К. Поликарповича коллегам — А. Лявданскому и С. Дубинскому.

«Многоуважаемые Александр Николаевич и Сергей Антонович! Я сегодня уже послал на кафедру телеграмму о палеолите в Юровичах и о выделении дополнительных средств на ведение раскопок. Дело в том, что от 200 руб. у меня осталось рублей 130–140. На эти деньги вести большие раскопки сложно. Необходима сумма рублей в 300, чтобы развернуть работы как следует. Может быть, Президиум Академии и отыщет нужную сумму — 200 руб. Если, паче чаяния, такие средства были даны, я приступил бы к работе немедленно и просил бы приехать Вас, по телефону можно было бы вызвать Ющенко из Комарина — он бы наверное приехал бы. Таким образом, набралось бы 6 человек (с Коваленей и со мной). Привезите с собой большой фотоаппарат с соответствующим количеством пластинок и ящик со всем необходимым, что было собрано для Бердыжа Коваленей. Если средства могут дать позже — телеграфируйте, когда именно. Прошу также телеграфировать и об отрицательном решении Президиума, которое в летних условиях (разъезд, ассигнование сверх сметы...) представляется наиболее вероятным... Стоянка обнаружена 8 июля после начатой 6 июля и ведомой с перерывами пробной раскопки на месте находки в ноябре 1928 г. ископаемой кости, сохраненной учителем местной семилетней школы Ю.Ю. Попелем. Последний указал мне место находки — откос на мысу южной стороны оврага, который прорезает высокий берег долины Припяти (Припять протекает в 1–1,5 км) под местечком... Глубина залегания костей от 1 до 5 м в откосе, протяжение метров 12 приблизительно, верхний пласт над костями — песок. Костей много, очень плохой сохранности. Разбросаны в беспорядке, мамонта имеется по-видимому 3 экз., найдена фаланга какого-то малого животного (в сноске указано — лошади — Е. К.), обнаружен один череп и одна нижняя

челюсть и несколько зубов молодых мамонтов, из кремня — два острия типа граветт (ориньяк). Всего раскопано около 10 квадратных метров вдоль откоса. В Мозыре я также обнаружил, по-видимому, палеолит, но без кремней и костей: ископаемую почву с углями под слоем лёсса в 10 м толщиной. Это место подробнее отмечу по окончании работ на Припяти... Будьте здоровы! К. Поликарпович, 9.7.1929, Мозырь».

Судя по описанию дальнейших событий (Чубур, 2006. С. 161) С. Дубинский «сумел похотатайствовать о выделении дополнительных средств на раскопки. В итоге более масштабные исследования начались с 16 сентября и длились до 7 октября 1929 г., в них помимо К. Поликарповича участвовали А. Лявданский, С. Дубинский, С. Шутов (Инбекулт) и Г. Гиттерман (Новозыбковский политехникум). Рабочим, набранным из местных крестьян, выплачивалось по 3 руб. 50 коп за вынутый куб земли. В ходе летних и осенних работ было вскрыто 36 м² разрушенного склоновыми процессами культурного слоя. Главными находками оказались плохо сохранившиеся кости мамонта и чуть более десятка обработанных кремней».

В. Исаенко, который долгие годы работал в Юровичах, а затем проводил там раскопки памятников каменного века и вместе с А. Гарченко основал школьный музей, попытался воссоздать картину истории изучения палеолитической стоянки. При этом, по его устному сообщению, он опирался на подлинные дневники К. Поликарповича тех лет, которые ему на короткое время предоставил а затем забрал В. Будько³. На основании статьи В. Исаенко (1999) можно сделать вывод о том, что кости мамонта, а также кремни с обработкой были обнаружены в небольшой седловине, возле тропинки, поднимавшейся на платообразное моренное возвышение. По его сведениям, в 1929 г. на западной стороне упомянутой седловины К. Поликарпович заложил шурф 3 × 3 м (раскоп 1). От наивысшей точки мыса, прорезая слои лессовидных суглинков, шурф углублялся до 3,6–4 м и достигал горизонта с костями.

По данным книги К. Поликарповича (1968. С. 61), известно, что на запад от раскопа наблюдался сплошной выход костей мамонта в направлении запад — восток на протяжении десяти шагов. Здесь, с целью оконтурить памятник, была расчищена площадка длиной 7 м, шириной 1 метр. Общая площадь раскопа 2 могла достигать 5–7 кв. м. Кости залегали на глубине 0,6–0,9 м от поверхности склона. Раскоп 3, который непосредственно примыкал к раскопу 2, имел размеры 6 на 5 м. Указанные источники дают расхождение в цифрах общей вскрытой площади (36 или 46 кв. м. было вскрыто в 1929 г.? — *Е. К.*).

Далее А. Чубур (2006. С. 161) без ссылки на источник сообщает: «Продолжились раскопки новой стоянки в 1931 г. Вместе с К. М. Поликарповичем на этот раз в них участвовал молодой археолог А. Д. Коваленя, раскоп вскрыл 23 м² все такого же разрушенного культурного слоя. Найденные кости были преимущественно мамонтовыми, лишь несколько экземпляров, по мнению палеонтологов В. Громова и В. Щегловой (определения В. Щегловой могли быть сделаны только значительно позже, так как в раскопках тех лет она не участвовала! — *Е. К.*), принадлежали лошади, быку и плейстоценовому песцу. За два сезона количество найденных кремневых артефактов едва превысило 30 штук (рис. 2). При этом трудоёмкость раскопок оказалась чересчур высокой — приходилось снимать шестиметровый балласт. Новый памятник быстро перестал казаться перспективным. Более в Юровичи Константин Поликарпович не возвращался».

Об этих событиях более подробно повествует В. Исаенко (на основании дневниковых записей К. Поликарповича — *Е. К.*). Сообщается (Исаенко, 1999) о том, что в 1931 г. было заложено ещё два раскопа. Первый, размерами 3 на 6 м, был вытянут с севера на юг, второй, площадью 30 кв. м, был заложен в 7 м к юго-востоку от основного раскопа 1929 года. Несмотря на то, что он был вскрыт на глубину 9,5 м, никаких материалов найдено не было.

В ходе раскопок вверх по склону, примерно до горизонтали 28 м были сформированы четыре метровые и три двухметровые ступени, препятствующие обвалу. Основание их находилось на горизонтали 18 м над урезом Припяти. Г. Мирчинк (1934. С. 47–48) уточняет, что сто-

³ Среди привезенных мной из дома покойного В. Будько в архив Института истории НАН Беларуси бумаг и фотографий, которые любезно передала нам дочь покойного, таких документов не было. Основная масса записей касалась раскопок В. Будько в Елисеевичах и Юдиново. Дальнейшая судьба этих важных для историографии документов по сей день неизвестна.

янка находилась на высоте 24–25 м над уровнем реки, т. е. на 17–18 м выше поймы. Тогда же он опубликовал наиболее полный разрез памятника, который был многократно опубликован и здесь не приводится. Самой яркой находкой 1931 г. был большой (3,5 × 14 см) кремнёвый ост-роконечник на пластине с приостряющей ретушью по краю.

В 1959–1960 гг. исследование стоянки продолжил В. Бутько. В работах участвовали белорусские геологи М. Цапенко и Л. Вознячук. Раскопы выводились от горизонталей 20–24 м, т. е. располагались выше по склону, чем довоенные, но не более чем на расстоянии 1–2 м от них. Раскоп 1959 г. был расположен южнее, т. е. под теми ступенями, которые в свое время оставляли для укрепления склонов. Раскоп 1960 г. примыкал к предыдущему с южной стороны. Было вскрыто 122 кв. м (рис. 3). По мнению В. Бутько (1967б. С. 29–41), им исследовались два культурных горизонта, которые сохранились в ненарушенном состоянии. «Опубликованные им сенсационные материалы говорили о наличии двух слоев, массе находок, каменных вымостках у очагов. Беда лишь в том, что о результатах раскопок трудно судить, поскольку сам Владимир Дмитриевич, похоже, смешал свои находки с материалами из прежних раскопок стоянки Елисеевичи и так “создал” часть инвентаря верхнего культурного слоя», — делает вывод А. Чубур (2006. С. 162).

После раскопок 1959–1960 гг. В. Бутько и его коллеги (Цапенко и др., 1961. С. 73) отмечали, что «кости и кремни залегают здесь на дне древнего погребенного оврага, врезанного в склон плато, выполненного склоновыми лессовидными ритмично-слоистыми осадками... Однако характер залегания костей и кремней в раскопах 1959 г. указывает на их переотложение в пределах балки». Позднее В. Бутько (1967б. С. 32) предполагает, что все находки относятся к нижнему культурному горизонту, который только и был вскрыт в 1959 году. Что касается верхнего горизонта, исследованного в следующем году, то он находился в слое желтовато-серого ритмично-слоистого песка на глубине 2,3–2,4 м от поверхности склона и подстилался зеленовато-серыми песками.

Указанные противоречия свидетельствует о том, что стратиграфия памятника была установлена лишь в самых общих чертах, и это обстоятельство обуславливало необходимость проведения дальнейших работ. Дополнительное геолого-геоморфологическое изучение памятника было проведено в 1970 г. Л. Вознячуком и автором статьи. В присутствии Г. Горецкого и Х. Арсланова были отобраны образцы костей на датировку методом ¹⁴C, сделаны новые профили. В лаборатории ЛГУ по зубу мамонта была получена первая дата поселения, ставшая хрестоматийной — 26470±420 лет назад (ЛУ-125) (Арсланов и др., 1972. С. 162–165). Как мы отмечали выше, новая дата, полученная в Гронингене, несколько моложе первой (GrA – 38919 Yurovichi 25660 (+160, –150) BP).

В 1976 г. раскопки Юровичской стоянки были продолжены под руководством В. Ксензова (Ксензов и др., 1977). Раскоп общей площадью 87 кв. м примыкал с южной стороны к участку, исследованному в 1959–1960 гг. Культурные остатки залежали в слое крупнозернистого песка, насыщенного галькой, плохо отсортированного и ожелезнённого на глубине 4,7 м в южной части, под слоем пестроцветных песков. В 6–7 м далее к северу они оказались уже на базальном горизонте на глубинах от 5,4 до 6,4 м от современной поверхности (Ксензов и др., 1977. С. 69). Были найдены костные остатки мамонта и лошади и только 11 кремней (рис. 4). Среди них призматический нуклеус, двойной скребок, многофасеточный резец, три пластины и отщепы.

Несмотря на длительный период изучения Юровичской стоянки и участие в этом процессе специалистов разных профессий, культурно-хронологическая идентификация материалов, стратиграфия и сам статус памятника долгое время оставались не до конца понятными. Не было также единого мнения относительно хронологии и культурной принадлежности материалов Юровичской стоянки. К. Поликарпович (Палікарповіч, 1930б. С. 500) сначала датировал ее верхнеориньякским временем, а позднее (Палікарповіч, 1947. С. 53; Поликарпович, 1968. С. 190) пришел к выводу, что, по-видимому, она имеет «мадленский и даже нижнемадленский возраст». Г. Мирчинк (1934. С. 45–54) отнес стоянку ко времени, наступившему после прекращения накопления аллювия и образования уступа второй надпойменной террасы, накопления аллювия первой надпойменной террасы и датировал ее начальными этапами двинской (поздневалдайской) стадии последнего оледенения. В. Бутько (1962б. С. 13) относил Юровичскую сто-

янку «примерно к первой трети поморской (поздневалдайской) стадии последнего оледенения», а «нижний горизонт к поздней поре верхнепалеолитической эпохи».

Геологические исследования, проведенные на памятнике в 1959–1961 гг., позволили Л. Вознячуку в основном подтвердить вывод Г. Мирчинка. Стоянка датировалась начальными этапами формирования аллювия первой террасы, т. е. двинской (поздневалдайской) стадии. В 1967 г. (Будько, Митрофанов, 1967а. С. 29) последовало уточнение: «оба культурные горизонта Юровичей имеют домадленский возраст и относятся к поздней поре верхнепалеолитической эпохи», а геологически — к началу двинской стадии валдайского оледенения и близки по времени к памятникам костенковско-авдеевской культуры. Памятник может быть объединен с Елисеевичами на р. Судость в одну культурно-хронологическую группу.

По мнению В. Ксензова (Ксянзоў, 1983. С. 71), которое он высказал после проведения раскопок поселения в 1976 г., памятник относится к концу вюрмского оледенения. Весь комплекс данных, в том числе изучение профилей раскопов 1960 года, инвентаря и радиоуглеродная датировка 26470 ± 420 лет назад (ЛУ-125) позволили ему высказать предположение о том, что стоянка появилась накануне мадлена, до максимума валдайского оледенения и существовала короткое время. «Она относится к кругу памятников так называемого “восточного граветта”, который представляется более древним, чем западный».

Суммируя данные о палеонтологических находках, можно убедиться в том, что за два года довоенных раскопок на всей вскрытой площади было найдено по 1 экз. костей лошади, быка и песка, скопление множества осколков разбитых костей не менее 15 особей молодых мамонтов, а также около 30 кремней с обработкой. Среди них острия типа граветт, несколько микропластинок с ретушированным краем, пластинка с притупленным краем.

Проблематично в связи с этим утверждение В. Будько (1967б. С. 37), что во время раскопок 1959–1960 гг. им было найдено более 60 резцов бокового типа, 2 острия типа граветт, 47 концевых скребков (есть и двойные), пластины с ретушью (30) и без нее (68) и другие изделия. При этом острия типа граветт и все нуклеусы будто бы концентрировались в нижнем горизонте, а боковые резцы — в верхнем.

Таким образом, к началу XXI века в изучении древнейшей на территории Беларуси верхнепалеолитической стоянки Юровичи можно выделить три периода: 1) 1928–1931; 2) 1958–1961; 3) 1976 г. После тридцатилетнего перерыва в 2005–2006 гг. в связи с необходимостью благоустройства территории вокруг памятника под руководством автора статьи был начат четвертый этап его изучения.

Итоги работ 2006 года стали наиболее важными и принесли неожиданные результаты. В этих работах участвовали В. Обуховский, В. Лакиза, студенты и волонтеры из БГУ и Гомеля. С целью получения наиболее полной картины и максимально достоверной информации авторы предприняли попытку углубленного изучения стратиграфии, а также полученных остеологических и археологических артефактов. Кремнёвый материал идентифицирован и зарисован В. Обуховским. Остеологические материалы определял доцент географического факультета Белгосуниверситета, палеонтолог А. Мотузко. Литологию образцов, определение гранулометрического состава и рентгенометрический анализ глинистых фракций провела старший научный сотрудник Лаборатории литологии и геохимии ИГ и Г НАН Беларуси В. Абраменко. Результаты этих работ подробно изложены в статье (Калечиц и др., 2008а. С. 25–39). Остановимся кратко лишь на отдельных моментах, о которых в указанной публикации сведения ограничены.

В результате неоднократных археологических раскопок, которые проводились в предвоенные и послевоенные годы на Юровичейской верхнепалеолитической стоянке на высоте 10 м от подножья склона, на котором она располагалась, образовалась площадка, амфитеатром врезанная в моренную грядку. Её поверхность была косо наклонена к дороге, перекрыта делювием, заросла деревьями и кустарником.

Можно констатировать, что результаты работ 2006 года оказались довольно неожиданными. Мы полагали, что культурные остатки могут быть найдены лишь на очень узких участках, в зоне стыка раскопов разных лет. Однако, как выяснилось, стыковка эта очевидно из-за больших перерывов в работе была очень приблизительной, а интерпретация обнаруженных древностей и их состав — весьма произвольны. Благодаря имевшиеся в нашем распоряжении

литературным и архивным источникам, а также показаниям местных жителей, удалось локализовать места и очередность закладки раскопов в предвоенные и послевоенные годы.

Всю площадку на площади 200 кв. м вскрывали четырьмя секторами (раскопами), разбитыми на квадраты со стороной 1 метр. Между всеми секторами оставлялись бровки, шириной до 0,5 м, позднее разобранные, которые состояли из делювия и перекопанного слоя.

Раскоп 1 (сектор А) площадью 50 кв. м разбили на северо-западной оконечности мыса. Длинной стороной он был вытянут с запада на восток. В направлении север — юг было разбито пять линий квадратов, в направлении запад — восток — десять. Цифровые обозначения были даны с севера на юг, буквенные — с запада на восток. В слое делювиальных напластований в пределах квадратов К, И-3, 4 было найдено первое скопление костных остатков. Они лежали компактно и состояли из большого количества мелких фрагментированных костей главным образом рёбер мамонта. После тщательной расчистки и разборки скопления под ним были найдены стёкла. Стало понятно, что скопление — это артефакты, выброшенные из раскопов прежних лет. Опрос местных жителей подтвердил наши предположения. По их рассказам, после раскопок 1976 года В. Ксензов имел намерение отправить находки в Минск в почтовых ящиках. Но поскольку они туда не помещались, он их просто высыпал на раскоп и присыпал землёй.

Среди этих материалов А. Мотузко определены: обломок лопатки мамонта; обломки рёбер мамонта — 7 (один фрагмент под вопросом); рёбра мамонта — 2; остатки фрагментов черепа мамонта, обломки костей мамонта — около 20 (среди определяемых — лучевая кость, верхний отдел; фрагмент головки бедренной кости; кость запястья, обломок верхней части лучевой кости; фрагмент зуба детеныша мамонта); обломки рёбер лошади — 10; обломки тазовых костей лошади — 3; обломок позвонка лошади (?) (остевая часть). Остальные фрагменты — это обломки рёбер — 22 экз.; обломки мелких костей — 10; обломки трубчатых костей — 5; неопределённые обломки — 2; куски губчатой массы неопределимых животных.

Основной горизонт находок (исключительно остеологических) начался на крайних южных квадратах (Д-К-3-5) сектора А. Здесь мы наткнулись на никогда ранее не вскрывавшийся участок культурного слоя, который довольно хорошо сохранился под мощной, почти метровой толщей делювия. Кости были разбросаны среди валунов различных размеров и представлены фрагментами рёбер и черепом молодого мамонта с бивнями и зубами. Череп был перевернут и лежал затылочной частью вниз. Самая тщательная расчистка и попытки очень осторожно снять его с места, ибо глубже двигаться было невозможно, успехом не увенчались. Поскольку солифлюкционные напластования начались далее к югу, длительное пребывание близко от поверхности привело к тому, что все пустоты в черепе были заполнены корнями и древесной трухой. При первом же прикосновении череп раскололся по трещинам на несколько крупных фрагментов. Бивни также выпали из альвеол.

Среди валунов, происхождение которых очевидно и связано с размывом и переносом по склону древнего оврага моренных отложений, в которые были вовлечены эти камни, особо выделялся громадный многотонный валун, создававший препятствие для спуска по склону. За ним, к югу, образовалась промоина. Это была своего рода западня (ловушка), в которую попадали загнанные животные. После снятия черепа мамонта, под ним было найдено ещё довольно много костных остатков. Следует отметить находку нескольких зубных эмбриональных пластин мамонта.

Раскоп 2 (сектор В) площадью 70 кв. м примыкал к первому с востока. Он был шире на два метра по линии север — юг (семь квадратов), а длинной стороной, как и первый, был вытянут в направлении восток — запад (десять квадратов). В секторе В характер культурного слоя был аналогичным. Среди валунов, на кв. М-4 лежал череп ещё одной особи мамонта, плохой сохранности. В этом секторе найдены бивни молодого и старого животных довольно хорошей сохранности, целые и фрагментированные рёбра, зубы, трубчатые кости, отдельно лежащие позвонки, атлант, костная труха. По мере приближения к восточной стене раскопа в основании культурного слоя, в базальном горизонте размыва были найдены кремни без обработки и со следами обработки. Многочисленные валуны, бесспорно, не образовывали каких либо искусств-

венных сооружений, а были разбросаны бессистемно и находились там, куда их принёс в своё время водный поток, перемещали ветер, делювиальные и солифлюкционные процессы.

К сожалению, наши предшественники до него не дошли и многократно вскрывали периферийный участок памятника. В связи с этим вся площадь сектора В усыпана костной трухой и фрагментами полуистлевших останков. В пределах этого сектора находилась часть раскопа 1976 года В. Ксензова. На площади квадратов М–О–6–9 этим раскопом прорезан весь слой делювия, но костные остатки остались не снятыми. Культурный слой содержал остеологические материалы, разбросанные среди валунов, единичные артефакты. На площади этого раскопа, в его южной стене отчётливо обозначились следы раскопа В. Ксензова 1976 года. Стало ясно, что культурный слой на этом участке был пройден до материка лишь на ограниченной площади, а к западу и востоку остался нетронутым. Именно здесь были выявлены нерасчленённые анатомические остатки молодого мамонта и прочие сопутствующие палеонтологические остатки, о которых подробно рассказано в указанной выше статье.

Раскоп 3 (сектор С) был вытянут с севера на юг и в связи с угрозой обвала 10-метровой толщи покровных ритмично-слоистых отложений вскрывался тремя ступенями. Ширина их равнялась пяти метрам, а высота была различной (первая ступень имела высоту 4 м; вторая — 3 м; третья — от 3 до 4 м). Здесь удалось осуществить наблюдение лишь за стратиграфией отложений, так как артефактов не было.

Раскоп 4 (сектор D) располагался к востоку от сектора С. Он имел длину 4 м в направлении север — юг, 10 м по северной стене и 8 м по южной в направлении запад — восток. На глубине 175–180 см от поверхности склона в него был врезан раскоп В. Ксензова 1976 года площадью 12 кв. м (3 на 4 метра длинной стороной в направлении север — юг). Судя по восточной стене, раскоп был врезан в склон ещё на 2 метра, но до культурного слоя, как было отмечено выше, он был не пройден.

Таким образом, все палеонтологические остатки и кремнёвые артефакты были собраны в пределах раскопов 1 и 2 (сектора А и В). Сектора С и D находок не дали. Этими раскопами была исследована вся относительно горизонтальная площадка. Далее к югу необходимо было врезаться в склон. Поверхность перекрывала мощная толща делювиальных отложений. Учитывая, что перед нами была десятиметровая стена легко сыпучих грунтов, продвижение в этом направлении было опасным, а затем стало нецелесообразным.

Важным итогом работ 2006 г. стала находка в пределах двух секторов никем ранее не вскрывавшегося участка культурного слоя. Он был переотложен по склону и перекрыт мощной метровой толщей пестроцветных глинистых отложений, сохранивших следы проявления солифлюкционных процессов. Благодаря этому слою уцелевшие под ним остеологические остатки имели достаточно хорошую, на первый взгляд, сохранность. Если бы в процессе работ, предшествовавших нашим, он был обнаружен и вскрыт, то эти остатки, возможно, удалось бы сохранить в первозданном виде. За 30 лет, прошедших со времени последних работ на повреждённой раскопами поверхности выросли деревья, корни которых полностью заполнили пустоты в скелетных остатках и вскоре привели к их разрушению.

Весь палеонтологический материал А. Мотузко систематизировал и провёл идентификацию находок по особям. Количественный состав приводим впервые. Среди материалов раскопок 2006 г. А. Мотузко определены: мелкие фрагменты рёбер мамонта — 45 экз.; обломки рёбер взрослой особи большого мамонта — 6 экз.; целые рёбра мамонта — 20 экз.; фрагмент нижней челюсти мамонта — 1 экз.; два частично обломанных бивня молодого (примерно 20 лет) мамонта, которые были найдены вместе с черепом. На бивнях следы стёртости от разгребания снега — 2 экз.; фрагменты альвеол от этих бивней — 6 экз.; разрушенные куски эмали и дентина от бивней — более 100 фр.; бивень очень маленького (около 10 лет) мамонта, обломанный с двух концов, а также обломки эмали и дентина — более 30 фр.; бивень взрослой особи мамонта (возраст около 50 лет) со следами каких-то нарезок (насечек). Очевидно, этой же особи принадлежали два зуба и фрагмент нижней челюсти (пункт 4) — 1 экз. Зубы мамонта, которые только заложились в челюсти — ? Многочисленные мелкие фрагменты черепной коробки молодого мамонта (пункты 5, 6) — 667 экз. Зубы верхние с фрагментом черепа молодого мамонта (п. 5, 6, 11) — 2 экз. Фрагменты позвонков молодого мамонта (п. 5, 6, 11, 12) — 35 экз.; запястные кос-

ти от передней ноги молодого мамонта — 8 экз.; заплюсные кости от задней ноги молодого мамонта — 4 экз.; осколки трубчатых костей мамонта от разных особей — 111 экз.; фрагменты черепа взрослой особи мамонта — 13 экз.; нижние (?) суставы бедренных костей трёх особей мамонта (два в обломках) — ?; бедренная кость мамонта без сустава — 1 экз.; неопределимые осколки костей животных — 345 экз.; копытце лошади — 1 экз.; фрагменты рёбер лошади — 2 экз.; верхние суставы лошади — три в 6 обломках; большая берцовая кость шерстистого носорога без сустава — 1 экз.; вторая фаланга конечности шерстистого носорога — 1 экз.; обломок нижней части плечевой кости шерстистого носорога — 1 экз.; верхние суставы плечевой кости мамонтов — 3 (от двух особей). Один из них с погрызами хищников; верхняя часть сустава лучевой кости мамонта — 1 экз.; нижний сустав плечевой кости мамонта — 1 экз.; обломки лучевых костей — 3 экз.; фрагменты (мышцелки) затылочной части черепа взрослой особи мамонта — 2 экз.; четыре фаланги пальцев мамонта — (6 фрагментов); обломки рёбер мамонта — 28 экз.; атлант молодой особи мамонта — 1 экз.; обломок лопатки молодой особи мамонта — 1 экз.; эмбриональные пластинки зубов мамонта М 2 — 26 штук; большая берцовая кость мамонта — 2 экз. (1 фрагментирована); верхняя суставная часть берцовой кости мамонта — 2 фрагмента; фрагмент рога и кости северного оленя — 2; зубы взрослой (примерно 45 лет) особи мамонта — 2 экз.; осколки верхних зубов (зуба?) взрослой (старше 50 лет, шестая смена зубов) особи (особей) мамонта — 2 экз.; пластинки зуба взрослой (возраст более 30 лет) особи мамонта⁴.

Достоверную статистику всех палеонтологических находок из Юровичей получить очень трудно. Этот список необходимо рассматривать с учётом довоенных сборов, а также с учётом того, что костные остатки из раскопок разных лет с течением времени разошлись по ряду музеев. Сотрудники Юровичской средней школы утверждают, что они есть в музеях Гродно, Мозыря, Бобруйска, Киева, Калинковичей. Эти сведения нуждаются в проверке. В нескольких пунктах мы побывали. Самая внушительная коллекция (после хранящейся в г. Калинковичи — Е. К.) хранится в школьном музее д. Юровичи. Среди экспонатов бедренная кость мамонта — 1 экз.; сустав бедренной кости мамонта — 1 экз.; верхний зуб мамонта (шестая смена, возраст особи 50–60 лет) — 1 экз.; фрагмент бивня взрослой особи мамонта — 1 экз.; пяточная кость мамонта — 1 экз.; обломок трубчатой кости мамонта — 1 экз.; обломки рёбер мамонта — 7 фр.; обломки альвеолы взрослой особи мамонта — 2 фр.; тазовая кость взрослого самца мамонта — 1 экз.; шейный позвонок молодого мамонта — 1 экз.; затылочная кость черепа мамонта от двух особей — 2 экз.; фрагменты черепа мамонта(ов) — 4 экз.; фрагмент лопатки мамонта — 1 экз.; фрагменты тазовых костей молодого мамонта — 2 экз.

Кремнёвый инвентарь. В результате раскопок 2006 г. получена коллекция кремнёвых изделий, которая насчитывает 12 экземпляров (рис. 5). Среди них (определения и рисунок В. Обуховского): отщеп; два отщепа со следами желвачной корки; отщеп, полностью покрытый со стороны спинки желвачной коркой; пластинчатый отщеп; кремнёвый обломок; два фрагмента регулярных пластин; фрагмент массивной пластины; фрагмент регулярной пластины со скошенным ретушью концом; фрагмент массивной пластины со следами ретуши; фрагмент массивной нерегулярной пластины.

Найденные артефакты свидетельствуют о том, что население Юровичской стоянки знало и применяло пластинчатую технику расщепления кремня, характерную для эпохи верхнего палеолита. К сожалению, отсутствие в сборах 2006 г. культуроопределяющих орудий не позволяет отнести данный комплекс к той или иной археологической культуре. Наиболее выразительны находки довоенных сборов, рисунки которых сделаны рукой К. Поликарповича (см. Чубур, 2006. С. 162). Они позволили В. Ксензову (Ксянзоў, 1983) отнести Юровичи к «восточному граветту». Количественный состав коллекций всех исследователей памятника не подтверждает неоднократно опубликованную В. Будько информацию о найденных им в Юровичах сотнях орудий труда.

Происхождение ритмично-слоистой толщи. Чрезвычайный интерес вызывает состав и генезис ритмично-слоистой толщи, перекрывающей культурные остатки. Происхождение таких осадков является объектом полемики. Мы взяли несколько образцов их прослоек разного цвета.

⁴ Материалы хранятся в Калинковичском краеведческом музее.

Одна из самых тёмных (образец 1) состоит из алевроита тонкого, полевошпатово-кварцевого, карбонатного. Одна из многочисленных самых светлых прослоек (образец 6) оказалась песком мелкозернистым, мономинеральным, кварцевым, алевроитовым. Очередная тёмная прослойка (образец 7) представлена алевроитом полевошпатово-кварцевым, песчаным, хорошо сортированным, слабо карбонатным. И, наконец, образец 3, отобранный на западной стенке сектора А из толщи слоистого аллювия оказался песком мелкозернистым, мономинеральным, кварцевым, алевроитистым.

Рентгенометрический анализ фракции менее 0,001 мм образца 4 показал, что в его состав входит кварц, полевой шпат, гидрослюда, кальцит и доломит. Зёрна всех фракций не окатаны. Это свидетельствует о том, что они были разбиты ветром и быстро захоронены в результате интенсивных эоловых процессов. Анализ различных пород и даже самой тонкой фракции показал, что они имеют терригенное (обломочные породы), а не аллювиальное происхождение.

Итоги. После работ 2006 г. можно утверждать, что культурный слой памятника практически исчерпан, а единичные остеологические остатки, которые, возможно, попали в делювиальные отложения и на дно погребённого оврага, могут находиться на большой глубине. Если над ними будет сооружён павильон музея, это позволит сохранить уцелевшие остатки в неприкосновенности ещё на многие годы.

Коллекция 2006 года пополнила список видового состава животных. Если в довоенные и послевоенные годы было обнаружено большое количество костных остатков четырех видов животных (мамонта, лошади, быка и песца), то в процессе раскопок 2006 г. найдены также останки шерстистого носорога и северного оленя.

Фактический материал позволил оценить возрастной состав животных, обнаруженных при раскопках. Он свидетельствует о том, что предметом охоты древних людей были животные среднего возраста. Детеныши мамонта и старые животные добывались в два раза реже. Большое количество одновременных останков мамонтов и других животных свидетельствует о том, что это место использовалось древними охотниками в течение длительного времени.

А. Мотузко (Калечиц и др., 2006. С. 38) поставил вопрос о существовании стоянки древних людей вблизи места гибели мамонтов. «Как и современные слоны, мамонты, не имея врагов в природе среди животного мира, имели плохое зрение и совершенное обоняние. Поэтому загнать их к краю обрыва, где поблизости была стоянка их единственных врагов — людей, было бы нереально. В связи с этим, наличие стоянки на месте гибели мамонтов вряд ли возможно», — пишет он.

Анализируя анатомическую структуру фактического материала, А. Мотузко установил, что независимо от местоположения в раскопе, 98% всех фрагментов костей относится к костям черепа, ребрам, фаланг пальцев, зубам и эпифизам проксимальных и дистальных концов трубчатых костей. За исключением одного диафиза бедренной кости без суставов, что составляет лишь 2% от общего количества определяемых остатков в коллекции, самих трубчатых костей передних и задних конечностей, позвонков и костей таза в раскопе не найдено. Это может являться свидетельством того, что древние охотники расчленили туши животных на месте их гибели и уносили наиболее ценные пищевые остатки — шейную, спинную, лопаточную, окорочную и плечевую части, оставляя на месте череп, боковые реберные, пястные и запястные части, как наименее питательные.

О характере охоты древних людей можно судить по остаткам мамонта № 1. Судя по тому, что от животного имеются разные части скелета, можно говорить, что мамонт погиб в результате падения с крутого обрыва, или был загнан в ловчую яму. Первая версия более вероятна, если учесть, что и при предыдущих раскопках были обнаружены остатки нескольких особей. Это было место крутого обрыва с валунами у подножья. К этому обрыву древние охотники подгоняли животных, которые срывались вниз на камни и погибали на месте, или получали значительные травмы. Таким образом, они добывали очень сильных и бесстрашных животных.

Однако имеющиеся материалы свидетельствуют, что успешная охота была в том случае, когда охотникам попадались одиночные животные. В данном случае, исходя из материалов раскопок 2006 года, древние люди добыли детеныша мамонта, молодое животное в возрасте 9–

15 лет, животное в возрасте 20–30 лет, у которого был поврежден грудной отдел позвоночника, и старое животное в возрасте 40–50 лет.

В стратиграфическом отношении наиболее важным является открытие почти метрового слоя полосчатых, серо-зелёных супесей делювиального происхождения, выявленных в южной стене сектора А. Под ними, на большой глубине, мог уцелеть костный материал отличной сохранности, который целесообразно оставить в неприкосновенности для изучения археологами будущих поколений.

Стратиграфия, которая стала отлично видна на большой площади, подтвердила наличие лишь одного культурного слоя. Представляется не отвечающим действительности наличие массового кремнёвого материала в раскопах прежних лет, что подтверждается его отсутствием в музеях страны и фондохранилищах различных учреждений. Ошибочна интерпретация скопления валунов, в которых В. Будько видел остатки жилищ из камней и палеолитических очагов (1962б. С. 12). Маловероятным является также утверждение этого автора о наличии «перемешанного с золой песка», «остатков двух очагов, выложенных по краям вертикально стоявшими каменными плитками и валунами, среди которых встречались обожжённые» (Там же. С. 12). На большой площади раскопа 2006 г. не найдено ни одной плитки песчаника, ни единого угляка.

Стало очевидным, что указанное место является местом забоя и разделки животных, а сама стоянка находится где-то неподалеку, что вселяет надежду на новые находки и открытия в окрестностях д. Юровичи.

Основные выводы. В итоге исследований Юровичской позднепалеолитической стоянки в 2006 г. установлено, что памятник является, бесспорно, однослойным, состав собранных артефактов, геоморфология, геология и стратиграфия культурного слоя свидетельствуют о необходимости изменения его статуса и перевода в категорию «место забоя и разделки добычи». Выводы базируются на результатах изучения характера и состава артефактов, стратиграфических наблюдениях, данных литологического, гранулометрического и других анализов, итогах детального исследования остеологических материалов.

Бердыжская стоянка

В начале этой публикации я обратила внимание читателя на то, что проблему истории открытия и изучения палеолита Беларуси можно смело отнести к жанру классического детективного романа. О Бердыже, изучением которого я занималась в 70-е годы XX в., пытаюсь дойти до истины и так и не смогла этого сделать в ту пору из-за отсутствия подлинных документов, я написала всё, что знала и смогла собрать (Калечиц, 1984; 1987а, б; 2003; 2008б; 2010). Надежды вернуться туда после Чернобыльской катастрофы растаяли как минимум на несколько столетий. Памятник попал в зону полного отселения, сильно пострадал в процессе проведения мероприятий по ликвидации последствий этой трагедии и в настоящее время абсолютно не пригоден для дальнейших работ. Поэтому основным источником для работы с ним по-прежнему остаются малочисленные коллекции и документы. Археологическую общественность можно поздравить с находкой полевых и личных дневников, а также эпистолярного наследия К. Поликарповича на чердаке с. Юдиново. Отдельные сюжеты, опубликованные А. Чубуром (2006; 2009), позволяют сверить некоторые моменты в истории изучения памятника и использовать новые, ранее неизвестные факты. Тень В. Будько, так хорошо начавшего и так печально закончившего свою карьеру археолога, учёного, который пытался сконструировать свою версию первоначального заселения Беларуси, действуя в традициях детективного жанра, витает над всей этой историей.

История изучения. Традиционно считается, что первую палеолитическую стоянку на территории Верхнего Поднепровья (Бердыжскую) нашел 9 августа 1926 г. в ходе планомерных разведок по Сожу К. Поликарпович (Замятнін, 1930. С. 479–490)⁵. Достаточно широко извест-

⁵ Г. Кохановский (1992. С. 50) сообщил о том, что Е. Р. Романов не только первым высказал мысль о заселении Беларуси в эпоху палеолита, но и «доказывал это на примере открытой им (подчеркнуто мной — Е. К.) Бердыжской стоянки, известного ныне памятника палеолита». Источником подобной информации могли быть данные архива г. Львова, где сохранилась часть рукописного наследия Е. Р. Романова.

ная в археологической литературе эта стоянка именуется по названию деревни, удаленной на расстоянии 3 км к северу, в то время как памятник расположен в 0,5 км к югу от д. Подлужье Чечерского района Гомельской области.

Многочисленные фрагменты зуба мамонта были найдены на склоне крутого правого берега реки Сож, в ур. Колодежки (рис. 6), представляющем собой в настоящее время систему двух оврагов (Северного и Южного) с отвершками. В том же 1926 году К. Поликарпович заложил пробный раскоп 10 кв. м, в котором было обнаружено значительное (более 70 ед.) скопление фаунистических остатков, принадлежавших главным образом мамонту, а также лошади и медведю (определения В. Громова) и несколько десятков кремней, четыре из которых (все пластины) носили следы преднамеренной обработки. Было найдено также несколько отщепов без ретуши, угольков и обломочков костного угля. Из восьми шурфов, заложенных на южной стороне Южного оврага, семь находок не дали, и лишь в одном было найдено «ядрище и обломки кремня» (Паликарпович, 1928а. С. 158).

В статье Д. Довгялло (Даўгяла, 1927. С. 358–360) появилось сообщение о находке первой в республике палеолитической стоянки. Поступившее из Инбелкульта в ГАИМК известие об этом привлекло внимание ведущих специалистов П. Ефименко, С. Замятнина, Г. Бонч-Осмоловского и др. На с. 151 публикации А. Чубура (2006) можно прочесть письмо Г. Бонч-Осмоловского из ГАИМК, в котором он признаёт факт открытия стоянки палеолита в Беларуси. «Ввиду того, что в Белоруссии, насколько мне известно, до сих пор не было найдено следов палеолитического человека, открытие тов. Поликарповича имеет большой научный интерес и настоятельно требует продолжения исследования, которое должно осветить одну из древнейших страниц Белорусского края. Старший помощник хранителя Русского Музея Г. Бонч-Осмоловский 1 февр. 1927 г.»

В 1927 г. раскопки памятника возобновились под руководством С. Замятнина. Он оказал высококвалифицированную помощь не только в проведении раскопок, но и в обработке (Замятнин, 1930. С. 470–479) полученных материалов. В составе экспедиции работали К. Поликарпович, С. Дубинский, И. Ющенко, У. Быстржинский, С. Шутов. На место работ прибыл и профессор МГУ Г. Мирчинк, выяснивший геологические условия залегания стоянки (Мирчинк, 1930. С. 1–6).

За три недели работ было вскрыто 60 кв. м. К западу от раскопа 1 1926 г. был заложен раскоп 2 (5 на 6 м), суженный к основанию до 20 кв. м (5,5 на 3,4 м) а на расстоянии 2 м к югу от него — раскоп 3 (6 на 5 м). Западнее и севернее раскопа 2 было заложено четыре шурфа. В раскопе 3 культурный слой выклинился, а в шурфах не был вскрыт из-за большой сыпучести грунта. Все находки 1927 г., таким образом, происходят из раскопа 2.

Согласно описанию С. Замятнина (Замятнин, 1930. С. 470–479), в этом раскопе было найдено множество большей частью фрагментированных костей (по определению В. Громова, они принадлежали 16 мамонтам, лошади, быку, пещерному медведю, песцу и суслику). Выявили также несколько фрагментов обожженной кости и мелкие кусочки костного угля⁶. Из значительного числа кремней лишь два в раскопе 2 и один в раскопе 3 носили следы преднамеренной обработки.

На основании изучения геологических условий залегания культурного слоя, Г. Мирчинк (Мирчинк, 1930. С. 5) датирует Бердыжскую стоянку временем, «следующим за временем максимального продвижения вюрмского ледника накануне образования конечных морен бюльской стадии».

В 1928 г. (и в последующие 1929, 1938, 1939, 1953, 1954 г.) раскопки Бердыжской стоянки были продолжены К. Поликарповичем. В них приняли участие А. Лявданский, В. Громов, Г. Мирчинк и др. Определение костных остатков млекопитающих осуществлялось В. Громовым, грызунов и амфибий С. Оболенским. Вплотную к западной стене раскопа 2

⁶ Позже В. Будько (1964. С. 31–34) на основании этих материалов делает вывод о наличии в раскопе 1927 г. небольшого жилища с остатками очага внутри. Не ясно лишь, какие материалы легли в основу утверждения о наличии «двух крупных линз плотной очажной массы» (Будько, 1964. С. 32).

1927 г. был прирезан новый — № 4, площадью 48 кв. м, в котором Г. Мирчинк продолжил наблюдения за стратиграфией. Он также произвел шурфовку склона Южного оврага, заложив шурф перпендикулярно долине Сожа, в 10 м севернее раскопа 4. Еще два шурфа были заложены на краю плато, к югу от раскопа и один — в вершине едва приметной балочки, впадающей в Южный овраг справа.

Эти исследования, в совокупности с материалами других стоянок, позволили Г. Мирчинку сделать ряд принципиально новых выводов о формировании элементов долин рек бассейна Днепра и соотношении с ними палеолитических стоянок (Мирчинк, 1929. С. 3–29; 1934. С. 45–54; Мирчинк, 1930. С. 1–6).

Участие в изучении Бердыжа специалистов из ГАИМК археолога С. Замятнина, палеонтолога В. Громова, геолога Г. Мирчинка знаменовало начало применения в Беларуси наиболее прогрессивного комплексного метода исследования. Внимание ученых концентрировалось на вопросах, связанных с условиями залегания культурных остатков, на сопоставлении стоянок Поднепровья со стоянками соседних территорий.

Ведущая роль в изучении указанных проблем принадлежала С. Замятнину. Его перу принадлежит первое научное сообщение о Бердыжской стоянке, в котором охарактеризованы материалы и высказано предположение об их позднеориньякском возрасте. Полученный инвентарь сопоставлен с одновременным стоянок Дона, Австрии и Моравии и сделан вывод о непрерывности культурного слоя памятника (Замятнин, 1930. С. 479–490). Г. Мирчинк (1934. С. 45–54) определил время его накопления одной из начальных фаз максимальной (нововалдайской) стадии последнего оледенения.

Стратиграфия культурного слоя и возраст поселения, установленные этим автором, впоследствии полностью подтвердились. Полученные выводы имели большое значение как для палеолитоведения, так и для выработки хронологической шкалы верхнего плейстоцена, выявления этапов истории развития речных долин и решения вопросов стратиграфии и периодизации палеолита Восточной и Центральной Европы.

Дошедшие до нас сведения о результатах раскопок 1928 г. касаются главным образом палеонтологических находок. Всего было обнаружено 679 целых и фрагментированных костных остатков. В частично сохранившихся в Архиве ИИ АНБ (д. 452) тезисах К. Поликарповича о раскопках 1928 г. указано, что тогда в Бердыже впервые были выявлены остатки шерстистого носорога, бурого медведя и филина. Данные диаграммы, однако, не совсем соответствуют плану расположения культурных остатков 1928 г., также хранящемуся в архиве ИИ АНБ. Это вызвано, очевидно, тем, что все имеющиеся планы раскопок Бердыжа, проведенных К. Поликарповичем, не являются подлинниками, а начерчены под руководством В. Бутько (как указано в д. 204 Архива ИИ АНБ) художником В. Конвисаровым значительно позже, уже в 60-е годы, на базе якобы «хранящихся в Архиве ИИ АНБ чертежей К. Поликарповича» (Бутько, 1964. С. 32). Поскольку никаких чертежей в названном архиве нет, установить достоверность и соответствие реалиям названных планов невозможно ⁷.

Публикаций о раскопках 1928 г., за исключением небольшого сообщения Г. Мирчинка (Мирчинк, 1930. С. 5–6), не было. Описание культурного слоя в раскопе 4 проведено В. Бутько. Часть костного скопления на кв. 11–13, 20–21 раскопа 1928 г. интерпретировано им как яма-хранилище № 1 (Бутько, 1964. С. 33). Кремней в раскопе 1928 г. было мало. Наиболее яркой находкой явилось мустьерское рубильце или остроконечник, внешний облик которого, техника обработки, характерная буровато-желтая патина, впервые натолкнули К. Поликарповича на мысль о наличии второго культурного слоя мустьерского возраста. Следует обратить внимание на приведенный А. Чубуром (2006. С. 157, 158) очень важный документ — полевую опись находок 1928 г., которая составлена Громовым. «В нее входят: Мамонт: обломки неопределимые — 48; черепа — 2; фрагменты черепа — 11 (в т. ч. скуловая дуга, 2 мыщелка, 1 межчелюстная кость с зубами М 1–2); челюсти нижние (целые и фрагменты) — 4; бивни —

⁷ К сожалению, неясно, для чего нужно было подлинники документы (коль они были) пропускать через призму чьих-то взглядов. В этом причина многих натяжек, которые имеются в интерпретации бердыжских хозяйственно-бытовых объектов.

10 (в т. ч. 5 концов); позвонки — 99 (в т. ч. 2 эпистрофея и 3 атланта, 2 крестца); ребра — 105 (1 с искусственными нарезками); лопатки — 8 (в т. ч. 1 от молодой особи); плечевые — 7; локтевые — 9; лучевые — 7; тазовые — 15; бедренные — обломков 8 (в т. ч. 1 со следами работы), а нижних эпифизов — 4, причем 1 от молодой особи; больших берцовых — 12, включая 2 от карликовой особи; пяточных костей — 5 (1 от карликовой особи); таранных костей — 4; костей дистальных отделов конечностей (метаподии, фаланги и т. д.) — 60; коленных чашечек — 3. Наконец отдельных зубов найдено — 21, причем нельзя сказать, что подавляющее большинство принадлежит очень молодым особям, как это утверждается в литературе, скорее они отражают типичный возрастной состав мамонтового стада. Оленю принадлежит предположительно 1 трубчатая кость. Песцу — 1 большая берцовая, лошади — 2 ребра, а волку — локтевая, плечевая и две бедренных кости. Всего же найдена была 451 кость. В то же время, согласно описи К. Поликарповича, также обнаруженной в архиве, встречено лишь 80 кремней, среди них всего 4 ножевидных пластины и нож костёнковского типа. Имелись редкие костные угольки». Полагаю, что это наиболее достоверные данные — Е. К.

В 1929 г. раскопки снова велись с востока на запад. В работах участвовали А. Коваленя, И. Ющенко. Раскоп 5, площадью 42 кв. м, примыкал восточной стеной к западной раскопа 1928 г. Нумерация квадратов продолжалась начиная с 49. Описание раскопа, ямы 3 × 1,8 м, глубиной до 0,5 м и признаки ямы в северо-западном углу раскопа 1929 г. появляются уже в послевоенные годы в публикациях В. Будько (Будзько, 1960; 1962б; Будько, 1964). Подлинными документами являются коллекционные описи за 1927–1929 гг. (Поликарпович. Архив ИИ НАНБ, д. № 452). Указаний на наличие каких-либо ям у автора раскопок 1929 г. не содержится. В коллекционных описях этого года значится 624 находки (кости). Согласно В. Будько, (1964. С. 34) «план культурного слоя раскопа 1929 г. отсутствовал». За все эти годы каких-либо признаков структуры поселения так и не было выявлено. Большие скопления костного материала, очень редкие кремни с обработкой — это всё, что сохранилось в Бердыже.

Открытие в 1929 г. второй палеолитической стоянки Беларуси у д. Юровичи, серии стоянок в бассейне Десны (Елисеевичи и Куров — 1930 г., Юдиново — 1934 г.) и их исследование, а возможно, и другие неизвестные нам факторы, почти на десять лет отвлекли внимание К. Поликарповича от раскопок в Бердыже. Они были возобновлены лишь в 1938 г.

Раскопы 6 и 7 1938 г. площадью 54 кв. м примыкали к раскопу 1929 г. с юга на уровне трех крайних западных линий раскопа 1929 г. Некоторые итоги этих работ можно найти у А. Чубура (2006. С. 158). По-видимому, опираясь на заметки К. Поликарповича, он отмечает «Всего в этом году удалось исследовать площадь в 54 м². Скопление культурных остатков тянулось грядой с юго-запада на северо-восток. Оно оказалось связанным с ямой длиной до 10 м, шириной 4 и глубиной до 3 м, заполненной культурными остатками».

В 1939 г. было исследовано еще 60 кв. м. Очевидно, раскоп этого года служил продолжением предыдущего и был прирезан к нему с запада. Каких-либо первоисточников о раскопках этих лет, как и публикаций участников раскопок, в архивах нет.

С разной степенью подробности, работы 1938–1939 гг. изложены лишь в отчете В. Будько за 1959 г. (Архив ИИ АНБ, д. № 204), в его диссертационной работе (Архив ИИМК РАН, д. 1793 и 1394), автореферате (Будько, 1962б) и статьях (Будько, 1962а; 1964). Судя по сносам под планами (Будько, 1964. С. 31), составлены они В. Будько на основе полевой документации К. Поликарповича. Таким образом, ключевые раскопы К. Поликарповича 1938–1939 гг., давшие основание для вычленения из массы костного материала контуров жилищ и двух хозяйственных ям, интерпретированы спустя много лет В. Будько.

Жилища аналогичны, по мнению В. Будько (1964. С. 34), Елисеевичским, Мезинским, а ямы-хранилища — памятникам костенковско-авдеевской культуры. Фактом их наличия этот автор отвергает тезис К. Поликарповича о переотложенности культурных остатков Бердыжа, мысль В. Громова о том, что Бердыж — кладбище замороженных мамонтов. Данных об участниках раскопок этих лет и лицах, принимавших участие в обработке материалов, также нет. Известно лишь, что в 1939 г. в составе экспедиции в Бердыже работали А. Рогачёв, Л. Михайловский и Учёный секретарь Института истории АН БССР Н. Мохнач.

Интересным документом, дошедшим до нас, является первый план места раскопок в урочище Колодежки. Он выполнен в горизонталях в масштабе 1:5 20.10.1938 . старшим землеустроителем Чечерского района В. олецким. Съёмкой охвачен южный склон оврага Южного и мыс, на котором велись раскопки. Сечение горизонталей 1 м. План послужил основой для дальнейших привязок и построений. Помимо общего контура участка, исследованного в 1928–1938 годах, на нём зафиксированы места закладки восьми шурфов. Часть из них, по-видимому, относится к 1938 г., ибо тогда на южной и юго-западной окраине стоянки помимо раскопов 6 и 7 было заложено шесть шурфов общей площадью 20 кв. м.

К. Поликарпович (1968. С. 29) подвел итог раскопок довоенных лет фразой: «жилого комплекса нет, яма не является землянкой, а представляет собой громадный размыв, созданный еще в четвертичное время падающей водой. Он постепенно увеличивался, пока не достиг размеров, установленных раскопками». Здесь же имеется сноска о пересмотре К. Поликарповичем своих взглядов в пользу жилища, не зафиксированная, к сожалению, ни в одной публикации этого исследователя документально.

Материалы довоенных раскопок Бердыжа поступали в различные учреждения страны (ГАИМК, Национальный музей Беларуси и др.) и большей частью утрачены. Результаты раскопок Бердыжа 1926–1939 гг. докладывались в мае 1941 г. К. Поликарповичем на Воронежской конференции по четвертичному периоду. Всего за предвоенные годы на памятнике было раскопано 240 кв. м.

Находка на стоянке остроконечника (рубильца) мустьерского облика предопределила путь дальнейших поисков. В 1953–1954 гг. К. Поликарпович предпринял попытку отыскать мустьерский культурный горизонт в непосредственной близости от Подлужья-1 на противоположном склоне оврага, в его вершине, с целью выяснения генезиса серии кремнёвых изделий, отличавшихся цветом, окатанностью и предварительно датированных мустье (Паликарпович, 1934; 1937). В эту серию входило и «заостренное скребло мустьерского типа» из раскопа 1928 г.⁸

Новые раскопки начались примерно в 120 м северо-западнее прежних на северном склоне Южного оврага. На небольшом удалении друг от друга было заложено четыре раскопа (третий и четвертый смыкались). Пятый раскоп был вскрыт на южном склоне Южного оврага, ближе к его устью, а шестой на днище в верховье оврага. Ни в одном из шурфов фаунистических остатков не встречено.

Основные находки происходили из раскопов 3 и 4 и были представлены кремневым материалом. В коллекционных описях (Архив ИИ НАНБ, д. № 451) зафиксирована 971 находка. Интервал, в котором они находились, от 1,5 до 7,4 м. Абсолютное большинство находок именуется осколками, отщепами, реже чешуйками, пластинами, в единичных случаях предположительно скреблами.

В августе 1953 г. старший инженер-мелиоратор из г. Чечерска Д. Порасочко составил второй план района стоянки. Съёмкой были охвачены оба оврага от истока до устья. Выполнен он в масштабе 1:5 в горизонталях сечением 1 м. Нанесены и схематичные профили раскопов 1–5, позволяющие судить о методике работ исследователя. К. Поликарпович (1968. С. 22), оценивая результаты работ 1953 года, пишет: «Основной вывод о материалах, добытых раскопками на Бердыжской стоянке в 1953 г. заключается в том, что они составили комплекс находок, который в своей совокупности имеет определенно мустьерский облик». Чтобы различить две стоянки, новую назвали Подлужье-2, за старой (ориньяжской) сохранилось название Бердыжская (Подлужье-1). «Находки, сделанные в Подлужье, согласно описи, были таковы: желваки — 10, пластины и их обломки — 64, обломки — 69, отщепы — 642, чешуйки — 137, скребло — 3, нуклеусы — 19 (в том числе 2 обломка, есть с 1, 3, 6 площадками), отбойники — 6, ретушированная пластина — 1», — сообщает А. Чубур (2006. С. 145).

В 1954 г. К. Поликарпович копал Бердыж последний раз. К раскопу 4 с запада был прирезан раскоп 7 длиной 15,80, шириной 7,70 м, при разборке которого найдено свыше

⁸ Подробности работ в 1953 г. в Подлужье, ранее не публиковавшиеся геологические разрезы приведены А. Чубуром в оригинале по ежедневным записям дневника К. Поликарповича (Чубур, 2006. С. 137–145).

1000 кремней, аналогичных материалам 1953 г. 753 единицы зафиксированы в коллекционных описях (Архив ИИ НАНБ, д. № 451). В работе этой экспедиции приняли участие сотрудники Института географии АН СССР А. Величко и Л. Виноградов. В течение недели они изучали условия залегания культурного слоя Бердыжа. Техническую помощь оказали художник Л. Дроздович и Е. Галанова.

В процессе раскопок Подлужья-2 в толще солифлюкционных отложений и слое красно-бурой моренной супеси было собрано около тысячи кремней, в массе своей не диагностичных, сильно окатанных, но в ряде случаев сходных по форме с мустьерскими. Это убедило исследователя в двухслойности памятника и позволило ему сделать вывод о том, что «заселение перигляциальных пространств к северу от 52 параллели произошло в середине ледникового периода, в эпоху существования первобытного стада и неандертальского типа человека» (Поликарпович, 1957. С. 43). «Результат представлялся бесспорным, и, участвуя в VII конференции Института Археологии АН УССР (1–6 февраля 1954 г.), К. Поликарпович сделал доклад «Мустьерская культура в Белоруссии», посвященный новым исследованиям Бердыжа.

Новые раскопки со 2 августа по 8 сентября 1954 года (расширение раскопа 3–4) увеличили число собранных обработанных кремней и позволили исследователю утвердиться в мнении, что он обнаружил наконец-то пусть и переотложенный, но все же находящийся в четких стратиграфических условиях памятник раннего палеолита», — констатирует А. Чубур (2006. С. 145).

Последовавшие разночтения найденных материалов, дополнительные исследования автором статьи ур. Колодежки в районе поисков К. Поликарповичем мустьерской стоянки, изучение стратиграфии напластований, просмотр коллекций из раскопок 1953–1954 гг. не смогли поколебать меня в идентичности культурного слоя двух рядом расположенных участков одного памятника. Не исключаю, что такое мнение — результат недостаточного знакомства с материалами мустьерского облика и я их попросту «не вижу».

Итогом многолетних работ на палеолитических стоянках Белорусского Поднепровья и Подесенья стал посмертный труд К. Поликарповича «Палеолит Верхнего Поднепровья» (1968) под редакцией А. Рогачева — первое монографическое исследование в белорусской археологии. Книга содержит характеристику обширных материалов, найденных на поселениях палеолита. Автор указал на широкое применение костей мамонта не только для хозяйственных нужд, но и при домостроительстве, «прочёл» предметы искусства, найденные на стоянках, связав их с верованиями, поставил вопрос о первоначальном заселении Верхнего Поднепровья в мустьерское время.

Выход монографии через 5 лет после смерти автора и подготовка ее к печати другими исследователями привели к появлению постраничных ремарок и толкований тех или иных моментов, часто коренным образом отличающихся от выводов К. Поликарповича. Как правило, они отражали мнение В. Будько, защитившего к тому времени диссертацию «Палеолит Белоруссии» и, по-видимому, разделялись его научным руководителем, а заодно и научным редактором монографии К. Поликарповича А. Рогачевым. Все схемы раскопов, сводный план «жилища и больших ям в раскопе 1938–1939 гг.» составлены В. Будько (Поликарпович, 1968. С. 31. Рис. 10). При отсутствии первоисточников читателю остается лишь полагаться на добросовестность соисполнителя.

Продолживший исследования палеолитических памятников Беларуси и Брянщины в 60-е годы прошлого столетия В. Будько (Будзько, 1962а; Будзько, 1962б; 1964; 1967а, б; и др.), проводил их в тесном контакте с геологами Л. Вознячуком, М. Цапенко и палеонтологами В. Щегловой, В. Мотузом. Основным итогом их сотрудничества на Бердыжской стоянке явилось накопление материалов по стратиграфии, переосмысление результатов довоенных работ К. Поликарповича и раскопки стоянки Подлужье-1 на площади 130 кв. м.

Дальнейшее изучение памятника связано с сотрудничеством В. Будько и Л. Вознячука. Оба исследователя хорошо осознавали важность комплексного подхода при проведении археологических раскопок. Результатом их совместных исследований в 60-е годы явилось завершение диссертационной работы В. Будько «Палеолит Белоруссии» и научного отчета

Л. Вознячука «Геологические условия залегания и возраст палеолитических стоянок Белоруссии и смежных территорий». К сожалению, ни одна из этих работ не была опубликована.

В 1959 г. Л. Вознячук начал детальное изучение окрестностей Подлужья и геологических условий залегания культурных остатков. С целью уточнения стратиграфии и поиска границ культурного слоя им совместно с В. Будько было заложено девять шурфов. Лишь в четырех из них, расположенных в непосредственной близости от места довоенных раскопок, удалось найти культурный слой. В результате работ 1959 года В. Будько был составлен отчет о полевых исследованиях (Будько, Архив ИИ НАНБ, д. № 204), из которого следует, что археологических изысканий (раскопок) в Бердыже в 1959 г. не проводилось. Отчет представляет собой анализ довоенных работ К. Поликарповича, попытку их систематизации, а также характеристику шурфов, заложенных в 1959 г. и позволивших выявить направление распространения культурного слоя.

Практическая деятельность последующих лет В. Будько связана с проведением довольно значительных по площади раскопок Юровичской, Юдиновской и Елисеевичской стоянок. Изучение стратиграфии Бердыжа, наряду с другими памятниками, продолжал Л. Вознячук. В процессе проведения геолого-стратиграфических наблюдений в Подлужье (1959–1962 гг.) им было сделано 19 расчисток на склонах Северного и Южного оврагов и заложено 15 шурфов, в результате чего впервые на территории Беларуси детально охарактеризованы ритмично-слоистые отложения, известные ранее по работам А. Кайе, Я. Дылика и др., рассмотрена проблема механизма их накопления, подробно описаны различные солифлюкционные образования, криогенные нарушения, широко распространенные на стоянке, построены продольный и поперечный профили Южного оврага (рис. 11–13). В ряде работ (Вознячук, 1962. Отчёт БелНИИГ; Вознячук, Калечиц, 1969б; Арсланов и др., 1972; Будько, Вознячук, 1969а) высказано мнение о возрасте верхнего палеолита Беларуси и соседних территорий вообще и конкретных стоянок (в том числе Бердыжской) в частности.

В эти же годы была разработана новая рабочая схема стратиграфии позднеплейстоценовых отложений и периодизации верхнего палеолита Беларуси (Вознячук и др., 1969а). В 1957–1961 гг. в изучении палеолитических памятников Беларуси приняла участие М. Цапенко (Цапенко и др., 1961). Она сделала вывод о том, что находки из Подлужья-2 (так называемая, мустьерская стоянка) приурочены к рисским межморенным отложениям.

Изучение Бердыжской стоянки В. Будько продолжил лишь в 1968 году. Работы начались с подготовки к вскрытию большого нового участка к западу от места довоенных раскопок. Путем перемещения вскрыши к северу, была создана перемычка в приустьевой части Южного оврага, с целью предотвращения его роста. На некотором удалении от предыдущих был заложен раскоп площадью 60 кв. м и три дополнительных шурфа (на площади раскопа, в его северной части). Кремни с обработкой были встречены лишь в южной части раскопа, а далее к северу их не было, так как здесь слой резко уходил вниз и был найден в указанных дополнительных шурфах. Коллекция 1968 г. (138 изделий из кремня) хранится в фондах ИИ НАН Беларуси.

В 1968–1969 годах автор этой статьи совместно с Л. Вознячуком провела в Подлужье очередные геологические изыскания. В 30 м к югу и 7,7 м к западу от тальвега оврага были заложены соответственно шурфы № 25а и № 26а, почти совпавшие с местом шурфов № 25 и № 26 1959–1961 гг. При этом шурф № 26а располагался на площади раскопа 1968 г. К этому времени у В. Будько и Л. Вознячука сложилось убеждение о наличии в Бердыже двух культурных слоев — поселения ранней поры верхнего палеолита, «относящегося к кругу памятников костенковско-авдеевской культуры более раннего, чем Бердыж» (Будько, Вознячук, 1969а. С. 11) и собственно Бердыжской стоянки, памятника поздней поры верхнего палеолита, датируемой 24–22 тыс. до н. э., остатки которых представлены на юго-восточном склоне Южного оврага. Речь шла о верховьях оврага, где К. Поликарпович в 1953–1954 гг. изучал «мустьерский комплекс», и о приустьевой его части.

Такое заблуждение легко объяснимо резким падением горизонта с культурными остатками вниз. При наличии вскрытых площадей на вершине склона и шурфа на его дне, предположить единство слоя, имеющего разницу в отметках до 4 м трудно. При этом, культурные остатки, залегавшие близко к поверхности, указанные авторы считали переотложенными из верховья-

ев оврага и идентичными слою ранней поры верхнего палеолита Подлужья-2, а залегавшие глубоко — *in situ* и более молодыми (основной культурный слой стоянки — *Е. К.*). До проведения больших площадных зачисток во время самостоятельных изысканий 1971–1972 гг. автор разделяла эту точку зрения.

В 1970 г. Бердыж вновь подвергся раскопкам. Под руководством В. Бутько их осуществляли студенты Гомельского госуниверситета. К западу от раскопа 1929 г.⁹ был вскрыт новый участок (70 кв. м) с большим содержанием находок, в основном, костных остатков. Согласно коллекционной описи, составленной участником раскопок Ю. Ободенко, было найдено 768 большей частью фрагментированных костей (Бутько, Ободенко, 1974). Указано также на находку очередного жилища, очажных пятен, ям, поделок из кости, орудий из кремня.

Часть этой коллекции поступила в Гомельский областной музей. В ходе раскопок 1970 г. был допущен ряд грубых методических ошибок, в результате которым памятнику были нанесены значительные повреждения. Брошенные на месте и слегка присыпанные землёй останки после первого дождя полностью обнажились, что было обнаружено, когда в том же году с целью получения первых в истории Беларуси дат абсолютного возраста палеолитических стоянок методом ¹⁴C в присутствии академика Г. Горецкого, Х. Арсланова, Л. Вознячука, Ф. Величкевича и автора была произведена расконсервация шурфа 25а и отобран на анализ костный материал (зуб мамонта) хорошей сохранности, позже датированный.

В 1971 г. работы на памятнике продолжила автор. Остававшийся неясным вопрос о количестве культурных горизонтов Бердыжа можно было решить, лишь применив метод расчисток на больших площадях. Прделанные в 1971–1972, 1974 г. такие работы оказались весьма эффективными. Обширные расчистки склонов, профили через все поперечное сечение оврага и раскопки на площади 156 кв. м¹⁰ позволили убедиться в наличии в Бердыже лишь одного палеолитического культурного слоя, имевшего резкое падение в сторону тальвега оврага, что приводило к ошибочным выводам при изучении пластов в разрозненных шурфах. Подтвердились выводы Г. Мирчинка и Л. Вознячука в отношении стратиграфического положения культурных остатков, в основном, переотложенных. Почти не нарушены, возможно, лишь небольшие участки культурного слоя, уцелевшие на склонах.

Геолого-геоморфологические изыскания 60–70-х годов обнаружили непреходящую ценность Бердыжской стоянки, как опорного эталонного разреза для изучения процессов криолитогенеза. Поскольку вопрос о количестве культурных горизонтов на стоянке по-прежнему оставался открытым, предстояло продолжить геолого-стратиграфические наблюдения и провести своего рода реставрационно-восстановительные работы.

Археологические исследования велись на трех раскопах. Первый по площади совпал с раскопом В. Бутько 1970 г. Работы носили спасательный характер и были обусловлены острой необходимостью консервации на месте либо изъятия для передачи в музей полуприсяпанных костных остатков, обнажившихся под действием воды и ветра. В процессе расчистки остатков культурного слоя выяснилось, что на трети раскопа (у восточной стены) он был разобран не до конца.

Доборка остатков слоя у восточной стены (Калечиц, 1984. Рис. 23) позволила выявить полуовальное расположение костных остатков и камней, имевшее очевидно продолжение в раскопе 1938 г. К нему удалось привязаться, вскрыв дополнительно по одной линии квадратов в восточном и северном направлении. С севера раскоп 1970 г. вплотную примыкал к шурфу 25а, дважды вскрывавшемуся ранее. Нам представлялось целесообразным проведение расширения и расконсервации его с целью привязки культурных остатков.

Этот раскоп принес интересные материалы, преимущественно костные остатки, и позволил зафиксировать весьма ценные геолого-стратиграфические наблюдения. Стало очевидным

⁹ По глубокому убеждению автора, в 1970 г. повторно изучался довоенный раскоп 1939 г. К. Поликарповича.

¹⁰ В это число входила вся площадь раскопок В. Бутько 1970 г., так как находки были частично сняты, остальные брошены и слегка присыпаны землёй, а слой не добран до конца, шурф 25а и перемычка между раскопами 1968 и 1970 года.

единство слоя на всей площади приустьевой части оврага, идентичность вмещающих слой отложений, несомненная переотложенность культурных остатков (полная в нижней, северной части раскопа и частичная в верхней, южной). На расстоянии 10 м падение костеносного горизонта в сторону тальвега оврага с уклоном к долине Сожа составило 4 м.

Третий участок, вскрытый к западу от раскопа 1970 г. и к югу от раскопа-шурфа 1971 г., был, по существу, перемычкой между раскопами 1968 и 1970 годов. Вмещающий культурные остатки горизонт представлял собой верхнюю часть солифлюкционной толщи, чрезвычайно слабо насыщенной находками. Из-за близости к поверхности, костные остатки совершенно разложились и были представлены единичными костями крайне плохой сохранности и костным тленом. Было найдено также несколько изделий из кремня¹¹.

Результатом работ 1971–1972 гг. явилось построение ряда опорных профилей, окончательно убедивших автора в однослойности памятника, обширная фотофиксация, зарисовка и описание ряда шурфов и зачисток, накопление артефактов (104 ед.), в том числе костного материала¹². На основании этих наблюдений, с привлечением имеющихся в нашем распоряжении указанных архивных документов мы и составили описание Бердыжской стоянки.

Основные черты геоморфологии и геологического строения долины Сожа в районе Подлужья. Изучением геологического строения бассейна р. Сож занимались многие ученые. В публикациях Г. Горецкого, Б. Гурского, В. Исаченкова, Г. Мирчинка, М. Цапенко, Л. Вознячука, А. Величко и других прослежена история формирования долины Сожа с момента ее заложения до современного состояния. Некоторые из указанных работ посвящены проблеме корреляции элементов долины и культурного слоя Бердыжской стоянки. Наиболее детально этот вопрос рассмотрен в работах Г. Мирчинка (1929; 1934; Мирчынк, 1930) и Л. Вознячука (Архив БелНИИГ, 1962.), непосредственно изучавших окрестности д. Подлужье.

Примыкающие к коренному склону водораздельное плато и вторая надпойменная терраса расчленены довольно густой сетью коротких, часто асимметричных оврагов и балок. Систему таких балок Л. Вознячук считал перигляциальными. В днище их часто врезаны современные молодые овраги.

В указанном районе отмечено наличие двух террас высотой 6–8 и 15–18 м над уровнем моря. Широкое развитие они имеют на левом берегу Сожа, где их ширина превышает порой 3–5 км. На правом же берегу террасы часто размыты, а там где сохранились, имеют ширину не более 200–300 м. В строении второй надпойменной террасы принимают участие не только аллювиальные косослоистые пески, замещающиеся в зоне контакта с коренными склонами долины солифлюкционными образованиями, но и неаллювиальные отложения (склоновые ритмично-слоистые и элювиально-делювиальные пылеватые пески и супеси). В цоколе второй надпойменной террасы обычно залегают уцелевший от размыва слой моренной супеси мощностью до 0,5–1 м.

Первая надпойменная терраса сохранилась, главным образом, на левобережье, где тянется прерывистой полосой на значительном протяжении вдоль долины. На ней произрастают обширные сосновые леса, формируются дюнные всхолмления и гряды. В термокарстовых западинах встречаются озера, болотца. На правом берегу Сожа первая надпойменная терраса сохранилась лишь сегментами. Аллювий первой надпойменной террасы представлен светло-серыми и желтыми мелкозернистыми косослоистыми песками с линзами гравия и гальки. В основании, как правило, лежит мощный слой гравия, гальки, валунов, представляющий собой остатки полностью размытой морены. В цоколе первой террасы обычно лежат коренные породы (например, мел), либо рисские подморенные пески.

¹¹ План раскопа 1971 г. с остатками культурного слоя опубликован автором в книге (Калечиц, 1984. Вклейка) и на рис. 12 этой статьи. Я располагаю также планом, который был нарисован в процессе раскопок В. Будько 1971 г. Его мне передал художник, которому было вменено в обязанность «замкнуть овал, дорисовав несколько костей». Затем В. Будько так и забыл о плане, так как писать отчет было не в его правилах. Я помешу его в специальной публикации — Е. К.

¹² Коллекция передана в фонды Национального исторического музея Беларуси, отчет — в Архив ИИ НАН Беларуси (д. №.434).

Пойма Сожа возвышается над урезом воды на 2–3 м. В районе Подлужья ширина ее доходит до 3–4 км, варьируя в целом вдоль долины от 1 до 7 км. Она изобилует старицами, утратившими и не утратившими связь с рекой. В районе стоянки Сож уходит к левому берегу, а вдоль правобережного края поймы тянется цепь сезонно-проточных озер-стариц. Поперечный профиль через долину Сожа, а также разрез вдоль бровки обрыва к долине Сожа в месте впадения балочки и привязка стоянки впервые сделаны Г. Мирчинком (1929; Мирчинк, 1930. С. 3). Эти схематичные разрезы в целом согласуются с более поздними А. Величко (1961) и Л. Вознячука (Архив БелНИИГ. 1962.).

Геолого-геоморфологическое положение стоянки. Поверхность второй надпойменной террасы в ур. Колодежки заметно наклонена к востоку, то есть долине Сожа. Высота ее уступа в районе стоянки равна 15,6 м. К западу она незаметно переходит в склон водораздельного плато, которое повышается до 25 м над долиной. На месте древнего погребенного оврага, глубиной не менее 8–10 м, на поверхности террасы хорошо видна ложбина-вогнутость с пологими склонами, вытянутая с юго-запада на северо-восток. Длина ложбины не менее 120 м, ширина изменяется от истоков к устью от 30 до 70 м, глубина не превышает 3 м. В ее днище врезан современный «Южный овраг». Тальвеги оврага и ложбины не совпадают. «Начинаясь у тыловой окраины второй надпойменной террасы, овраг подходит к ложбине с запада и пересекает наискось ее среднюю и приустьевую части», — отмечал Л. Вознячук (1962. С. 10). В 20 м севернее Южного, параллельно ему расположен более узкий и короткий «Северный» овраг (рис. 6). Мыс между ними Л. Вознячук считал уцелевшим от размыва участком первой надпойменной террасы.

В отчете о работах 1959–1961 гг. он рассматривал как самостоятельные геоморфологические уровни три части ур. Колодежки: 1) участок второй надпойменной террасы; 2) участок перигляциальной ложбины и 3) участок первой надпойменной террасы, с приуроченными к ним соответственно культурными слоями ранней поры верхнего палеолита стоянки Подлужье-2, верхнепалеолитической Подлужье-1 (или Бердыж) и мадленской Подлужье-3. На наш взгляд, эти археологические параллели не совсем соответствуют действительности (кроме стоянки Бердыж), а мыс между Северным и Южным оврагом является не первой, а сильно денудированным участком второй надпойменной террасы, и приуроченные к нему находки, лежащие в базальном горизонте, синхронны таковым Бердыжской стоянки. Большое количество (более 50) шурфов и зачисток, сделанных разными авторами в разное время на склонах оврагов и долины, а также в различных местах ложбины (и террасы в целом), свидетельствуют о сложной, но достаточно четкой стратиграфической ситуации, имеющей место в районе стоянки. Чрезвычайно сложно построены, в силу криогенных нарушений, лишь верхние горизонты перигляциальной ложбины.

Сводный геологический разрез, составленный на основе изучения многочисленных расчисток и шурфов, представлен в работе автора (Калечиц, 1984. С. 75–77). Помимо мерзлотных клиньев мерзлотные нарушения имеют вид складчатых и столбчатых инволюций, а на некоторых участках структуру ископаемых «тундровых бугров». В толще замещающихся по простиранию и переслаивающихся аллювиальных отложений второй надпойменной террасы и солифлюкционных образований еще К. Поликарповичем были обнаружены кремни, многие из которых имели архаичный облик (Поликарпович, 1937).

Как мы отмечали выше, он считал возможным датировать эти находки мустьерским временем. Позже В. Будько (Будзько, 1962а) отметил их как наиболее ранние из верхнепалеолитических. Культурный слой Подлужья-2, как показали наши исследования, является аналогом перетолженного культурного слоя из шурфов 25а, 26а Бердыжской стоянки. Залегает он в том же солифлюкционном горизонте, текстура которого чрезвычайно своеобразна и сложна.

Выделенная В. Будько еще одна, более молодая стоянка Подлужье-3, которую он (Будько, 1966) относит, наряду с Коромкой, к группе ранних свидерских памятников, была изучена с помощью шурфа 33, заложенного Л. Вознячуком на мысу между Северным и Южным оврагами. В этом шурфе был выявлен большой мерзлотный клин (Будько, 1966; Калечиц, 1984. Рис. 26) длиной 2,2 м, стенки которого отмечены ортзандами. Верхняя половина клина достигала в ширину 0,3–0,4 м, книзу ширина уменьшалась до 5 см. Клин заполнен белесыми пылева-

тыми песками. По мнению Л. Вознячука (Архив БелНИИГ. 1962.), образование клина относится к той же фазе весьма сурового континентального климата (несколько напоминающего климат современной арктической тундры), в течение которой сформировались мерзлотные клинья на стоянке Бердыж (Подлужье-1).

Очевидно, что мощности отдельных горизонтов, их пространственное расположение сильно варьируют, местами выклиниваясь, либо замещая друг друга. Наиболее молодые образования — белесые покровные пески — плащеобразно покрывают все элементы ландшафта: и водораздельное плато, и надпойменные террасы, и склоны, и днище ложбины.

Более сложно устроена нижележащая песчаная толща, также имеющая повсеместное распространение. На отметках свыше 14 м на юго-восточном склоне ложбины она лежит непосредственно на культурных остатках. В центральной части ложбины эти пески становятся более однородными по составу и приобретают в нижней части характер слоистости.

На участке предполагаемого комплекса Подлужье-2 они также имеют заметную слоистость, близкую к ритмичной. Основной отличительной особенностью этого горизонта является ярко выраженная мерзлотная деструкция. Песчаные прослойки искривлены и смяты в мелкие пликативные складочки. В их толщу вовлечены гнезда более крупного песка, иногда с галькой и гравием. Они выполняют собой мерзлотные клинья, глубоко вдающиеся в нижележащие горизонты. Мелкие нарушения особенно хорошо подчеркнуты деформациями ортзандов. Большинство мерзлотных нарушений этого слоя носит характер «складчатых и столбчатых инволюций» (Вознячук. Архив БелНИИГ. 1962. С. 23; Калечиц, 1984. Рис. 24–27).

Ритмично-слоистые отложения распространены главным образом на приустьевом участке погребенного оврага. Менее выразительные аналоги их имеют распространение по всей ложбине. На юго-восточном склоне они подстилаются солифлюкционными образованиями, на днище оврага слоем грубообломочного материала — коррелянта размытой морены. Мощность ритмично-слоистых отложений достигает 5 м. Полностью этот горизонт в своем классическом проявлении выклинивается на высоте 10–12 м над поймой. Кровля толщи, следуя очертаниям погребенного оврага, прогнута. Также наклонно к оси оврага лежат и перемежающиеся слои песков и алевроитов.

Рассматривая генезис осадков, Л. Вознячук вслед за Я. Дыликом считал, что ритмично-слоистые отложения Бердыжа, как и найденные аналогичные им отложения у Мозыря и Юровичей, принадлежат к склоновым образованиям, определяющим фактором для формирования которых служило морозное выветривание. Однако механизм накопления подобных осадков достаточно сложен и, как отмечает Л. Вознячук, «как происходило формирование рассматриваемых ритмично-слоистых отложений, еще не совсем ясно» (Вознячук. Архив БелНИИГ. 1962. С. 28.). Если рассматривать изолированно небольшой участок этих отложений, особенно в юго-восточной части урочища, чрезвычайно правильная и четко выраженная слоистость, горизонтальное направление слоев создают иллюзию ленточных осадков, отложившихся в условиях водоёма.

Учитывая, что ритмично-слоистые отложения принадлежат к склоновым образованиям, процесс накопления которых имел место по обоим склонам древнего оврага вплоть до его истоков, нам кажется правомерным и нижнюю часть покровной толщи на участке северного склона Южного оврага рассматривать как аналог ритмично-слоистой толщи, так хорошо выраженной к устью балки.

На наш взгляд, более широкое, чем указано у Л. Вознячука, распространение имел и солифлюкционный горизонт. Отмечая, что «на северо-западном склоне оврага солифлюкционные отложения отсутствуют» (Вознячук, 1962. С. 30. Отчёт БелНИИГ), исследователь вместе с тем, характеризуя местонахождение кремневых орудий Подлужье-2, указывает, что слой, их вмещающий, — «чрезвычайно сложно построенная толща замещающихся по простиранию и переслаивающихся аллювиальных отложений 2 надпойменной террасы и солифлюкционных образований, к которым приурочены многочисленные находки кремневых орудий ранней поры верхнего палеолита» (Вознячук. Архив БелНИИГ. 1962. С. 13).

Естественно, что формы проявления процессов солифлюкции на склонах разной крутизны различны, однако зеленовато-серый суглинок, сильно деформированный как по подошве, так и по

кровле, прослежен по обоим склонам оврага вплоть до его устья. Как правило, подошва солифлюкционного горизонта совпадает с кровлей подстилающей его морены, либо горизонтом грубообломочного материала, оставшегося в местах размыва морены. В толщу солифлюкция вовлечены песчаные гнезда (Калечиц, 1984. Рис. 5, 27) самых разных форм, линзы грубообломочного материала, происхождение которых А. н связывает с проявлением «языковой» или «веретеной» солифлюкции. Развиваться эти процессы могли в условиях распространения тундровых бугров, при наличии пластичных, обладающих текучестью грунтов (моренный суглинок).

Очевидно, солифлюкционные процессы в Подлужье продолжались довольно продолжительное время, ибо на юго-восточном склоне оврага представлены все этапы их развития. Языковая солифлюкция, приведшая к перемещению вниз по склону больших масс грунта, сменилась плоскостной и покровной, обладающих незначительной транспортирующей способностью.

Овражный аллювий небольшой мощности представлен лишь в приустьевой части балки на отметках ниже 12 м. В основании его, как правило, лежат гнезда гравия с галькой и валунами. Моренный горизонт различной мощности вскрыт почти повсеместно, размыт и замещен большим количеством грубообломочного материала также у устья.

Толща подморенных песков делится по цвету и составу на две. Верхний горизонт тонких глинистых зеленовато-серых песков развит лишь в границах распространения морены. Нижний, значительной мощности (вскрыто 6 кв. м), представлен светло-желтыми песками с микроленточной слоистостью и распространен повсеместно. При зачистке профиля западной стены раскопа 1968 г. был вскрыт еще один, ранее не выявленный горизонт зеленовато-бурого суглинка (Калечиц, 1984. Рис. 20, горизонт 3), залегающий над ритмично-слоистыми осадками. Очевидно, он имеет позднеледниковый возраст и образовался в условиях небольшого стоячего водоёма-блюдца.

Закладка шурфов на юго-восточной окраине Южного оврага вплоть до 1970 г. не позволяла решить вопрос о количестве культурных слоев. Достаточно было отступить на 2–3 м к северу или югу от предыдущего раскопа, чтобы с разницей по высоте в 1,5–2,0 м найти «верхний» либо «нижний» культурный слой. Представлялось необходимым произвести сплошную зачистку западной стены раскопа 1968 г., продолжив ее к северу через овраг, и южной стены, чтобы понять этот феномен.

Южная стена Южного оврага была зачищена нами на участке раскопа В. Будько 1970 г. на площади 3 × 4 м. Перпендикулярно к южной стене нами было расчищено два профиля — маленький (вдоль западной стены раскопа 1971 г.) и большой (вдоль западной стены раскопа 1968 г.). Отчетливо видно раздвоение, а затем расслоение на три горизонта солифлюкционной толщи, вмещающей культурные остатки.

Раскопки 1971 г. на южном склоне оврага (место Бердыжской стоянки) позволяют предположить наличие ряда горизонтов, вмещающих культурные остатки, а не самостоятельных слоев. Формирование этих горизонтов связано, по-видимому, не столько с различными этапами одной культуры, материалы которых разделены стерильными прослойками из-за кратковременных уходов со стоянки, сколько с условиями седиментации осадков, заполнивших древнюю балку и захоронивших культурные остатки.

Одной из насущных задач автора стало выяснение взаиморасположения культурных горизонтов (слоев?), а также культурной принадлежности памятника, о чем будет сказано ниже. Особенно сложно устроена южная половина профиля-зачистки. В толщу мореноподобных отложений вовлечены не только пестроцветные прослойки песков, супесей, суглинков, но и ранее не встречавшиеся треугольные структуры (Калечиц, 1984. Рис. 27), состоящие из рыжих песков, стоящих вертикально.

Зачистка берегового обрыва на мысу между Северным и Южным оврагами является продолжением большого профиля западной стены к северу (рис. 11). Здесь на большой площади отчетливо видны проявления мерзлотных деформаций в толще покровных пылеватых песков и песков их подстилающих. Представлены они разнозернистыми песками с многочисленными включениями, охристыми пятнами, прослойками ортзандов, подчеркивающими нарушения слоев. Ниже вскрыто северное крыло ритмично-слоистых отложений, с отчетливо выраженным падением слоев вниз к оврагу.

Между ритмично-слоистыми и подморенными песками лежит сложно построенная пестроцветная, литологически весьма разнородная толща, верх и низ которой венчают горизонты размыва. В верхнем, синхронном уровню распространения солифлюкционных отложений противоположного южного склона балки, найдено несколько кремней. На наш взгляд, они однообразны с основным подлужским комплексом.

Таковы основные стратиграфические наблюдения, проведенные нами в 1971–1972 гг. Анализируя их, можно предположить поступательное смещение к северу тальвегов древней ложбины, врезанного в нее древнего оврага, ставшего после прекращения солифлюкционных процессов более узким и менее глубоким, и современного. В результате наибольшему размыву подверглись отложения северной половины ложбины. Если сейчас круче и выше северный склон оврага Южного, то в древности, на наш взгляд, оставаясь более высоким, он был пологим, в то время как южный (место древней стоянки) был достаточно крут. Тальвег ручья, протекавшего по его днищу, сейчас фиксируется котлообразным углублением, к которому приурочена основная масса переложженных остатков. Сезонно талые воды продолжали стекать по его дну даже в период интенсивного развития солифлюкционных явлений (перемешивание овражного аллювия и солифлюкционного горизонта с культурными остатками). На наш взгляд, очень четкая ритмичная слоистость горизонта 3 также обусловлена участием в его формировании не только склоновых процессов (поставщиков материала), то и действием сезонно-талых вод (создавших подобную текстуру).

Условия залегания и содержание культурного слоя. Культурный слой Бердыжской стоянки, благодаря залеганию в толще хорошо выраженной серо-зеленой супеси солифлюкционного характера, легко вычлняется в разрезе. Специфическая окраска и текстура слоя, вмещающего культурные остатки, представленные преимущественно костным материалом различной сохранности, были замечены еще в процессе первых раскопок (1926–1927 гг.). Меняясь по мощности (как по горизонтали, так и по вертикали), культурный слой неизменно поднимался вверх и продолжался вглубь южного склона балки, имея отчетливое падение к тальвегу и долине Сожа. В 1926 г. мощность суглинка с находками колебалась от 0,1 до 0,5 м, в 1927 г. — от 0,35 до 0,6 м, в 1938 г. она достигла 3,5 м, в 1971 (шурф 25а) — 2 м, уменьшаясь постепенно до 1–1,5 м на западной стене. Однако предельную мощность костеносный слой имел лишь в зоне довольно узкого понижения (тальвега древнего оврага), существовавшего до начала солифлюкционных процессов.

Ширина наиболее глубокой части колебалась от 1,5 до 4 м. Распространение (растекание) культурного слоя, вовлеченного в солифлюкционный поток, далее к тальвегу происходило в результате переполнения пониженной части (элемент перехода языковой солифлюкции в плоскостную) и естественного растекания в сторону понижения склона.

Направление понижения, заполненного культурными остатками, соответствует направлению тальвега древнего оврага, а его основание — днищу. Площадь распространения солифлюкционной толщи на юго-восточном склоне равна 500 кв. м. Соответствует ли эта цифра площади поселения, существовавшего на мысу и оползшего по склону вниз? На наш взгляд, примерно соответствует, ибо растекание, растаскивание по склону культурных остатков вниз компенсируется уплотнением, концентрацией их в зоне тальвега. Отдельные находки встречались и вдоль обоих склонов оврага. Если в зоне тальвега сосредоточен главным образом остеологический материал, то выше и ниже по склону культурные остатки представлены в основном изделиями из кремня (Табл. 1–2).

Таблица 1. Количественное соотношение остеологического материала стоянки Подлужье (сведения фрагментарны)

№ п/п	Остеологический материал		№ п/п	Остеологический материал	
	наименование	кол-во		наименование	кол-во
	<i>Кости мамона</i>			<i>Другие виды</i>	
1	Лопатки	50	1	Песец	единичны
2	Плечевые	20	2	Северный олень	единичны
3	Локтевые	18	3	Благородный олень	единичны

4	Лучевые	37	4	Медведь бурый	единичны
5	Запястья	33	5	Косуля	единичны
6	Фаланги	39	6	Первобытный зубр	единичны
7	Тазовые	34	7	Лошадь	единичны
8	Бедренные	17	8	Шерстистый носорог	единичны
9	Коленные чашечки	38	9	Волк	единичны
10	Берцовые	12	10	Лисица	единичны
11	Заплюсны	29	11	Заяц-беляк	единичны
12	Кости стопы	48	12	Обский лемминг	единичны
13	Кости черепа	154	13	Бобр	единичны
14	Челюсти	112	14	Суслик рыжеватый	единичны
18	Бивни	95	15	Слепушка обыкновенная	единичны
16	Зубы	65	16	Полевка обыкновенная	единичны
17	Позвонки (в т. ч. шейные)	256 (90)	17	Пеструшка	единичны
18	Крестцы	3	18	Крыса водяная	единичны
19	Ребра (целые и во фрагментах)	495	19	Филин	единичны
20	Неопред. трубчатые кости	238			

Таблица 2. Количественное соотношение кремневых изделий стоянки Подлужье (сведения фрагментарны)

№ п/п	Кремневые изделия		№ п/п	Кремневые изделия	
	наименование	кол-во		наименование	кол-во
1	Конкреции	21	18	Чешуйки	2
2	Кремни с единичными сколами от 1 до 3 см от 3 до 5 см больше 5 см	6	19	Отщепы с ретушью	4
		42			
		8			
3	Нуклевидные кремни	5	20	Отщепы с резцовыми сколами	6
4	Нуклеусы одноплощадочные двухплощадочные аморфные	16	21	Орудия рубящего типа (в т. ч. долотовидные)	9 (2)
		9			
		3			
5	Осколки нуклеусов	6	22	Скребки на отщепах на пластине	10 1
6	Сколы оживления площадок нуклеусов	2	23	Резцы на углу сломанных пластин на осколке кремня	12 1
7	Ретушер	1	24	Резец двойной на углу сломанной пластины	1
8	Отбойник	1	25	Резцы двугран. на пластине	4
9	Пластины без ретуши от 1 до 3 см от 3 до 5 см больше 5 см	21	26	Резец двугран.-угловой на сломе отщепа	1
		103			
		52			
10	Фрагменты пластин	18	27	Резец двугранно-ретушный на пластине	1
11	Пластины с ретушью	13	28	Резец ретушный на пластине	1
			29	Резец двойной ретушный на нуклеусе	1
12	Ребристые пластины	15	30	Резцы нуклевидные	3
13	Микропластины	5	31	Орудия с заострениями на отщепах на пластине	5
					1

14	Микропластины с притупленной спинкой	8	32	Орудия с выемками (скобели)	3
15	Пластины с резцовыми сколами	4	33	Наконечники с боковыми выемками (ножи?)	6
16	Пластинчатые отщепы	5			
17	Отщепы без ретуши		34	Фрагменты орудия с двусторонней обработкой поверхности	2
	от 1 до 3 см	50			
	от 3 до 5 см больше 5 см	134 19			

Имеющаяся коллекция фрагментарна. Полностью отсутствуют данные о кремневом инвентаре раскопа 1970 г., фаунистических находках 1938–1939 гг. В настоящее время в фондах Национального музея Беларуси хранится 668 кремневых изделий и 200 костных остатков. Если к этим цифрам добавить данные еще о 243 кремневых предметах, перечисленных в описях 1927 г., и 116 из описей 1968 г., общее число этой категории находок не достигнет и тысячи (985 ед). Еще более отрывочны сведения о костном материале (есть сведения о 1793 находках).

Очевидно, обе цифры следует хотя бы удвоить, чтобы получить приблизительно верные данные. Впрочем, небольшое количество орудий может быть связано и с обилием сырья в районе стоянки, когда нужную вещь можно было сделать в любой момент. Несмотря на относительно хорошую сохранность костного материала, в Бердыже отсутствуют следы костяной индустрии. Лишь в дневниковых записях, касавшихся раскопок В. Будько 1970 года (он показывал их мне в те годы — Е. К.) было указание на находку «значительного количества заготовок из бивней мамонта со следами продольных и поперечных разрезов», а также дубинки с рукояткой и пластинки «из бивня мамонта с характерным для верхнего слоя Костёнок-I орнаментом». Однако эти изделия не опубликованы и местонахождение их не известно.

Во время работ автора в 1971 году на кв. Д-12 небольшой бивень мамонта также носил едва заметные следы обработки. Один конец был искусственно соструган, а на противоположном расщепленном остался след сделанного в древности среза. На кв. Д-8 была найдена половинка расчлененного вдоль небольшого бивня. Из описей находок 1970 г. (составлены Ю. Ободенко) следует, что почти все ребра имели следы нарезок. Эти находки также не опубликованы и местонахождение их не известно. В коллекции (известной по письменным источникам и небольшим сборам автора) абсолютное большинство костей принадлежит мамонту (найденно около 2000 ед., принадлежащих примерно 50 особям). Представлены практически все отделы костной системы этого животного. Количественно преобладают целые и фрагментированные ребра, позвонки, расколотые, изредка целые трубчатые кости, фрагменты черепа, бивней и др. За исключением нескольких черепов, нижних челюстей, бивней, режее лопаток и костей таза, остатки сильно фрагментированы, раздроблены.

Лучше всего сохранились зубы. Этот материал послужил для датирования стоянки методом ^{14}C , дал основание для выделения В. Щегловой в Бердыже мамонта переходного типа (Щеглова, 1963). В комплекс вошли нынешние обитатели тундры, леса, степи и полizonальные виды. Его состав соответствует типичному для эпохи валдайского оледенения перигляциальному верхнепалеолитическому фаунистическому комплексу, своеобразному по составу, что явилось следствием смещения ландшафтов с севера на юг и наличием достаточно широкой экологической пластичности животных.

Те скудные крупицы сведений о довоенных раскопах, которые дошли до нас из первоисточников, не позволяют произвести детальный анализ культурного слоя. При отсутствии нивелировочных отметок, профилей, послонных и поквдратных записей невозможно выявить взаимное расположение культурных остатков. На наш взгляд, реконструкции В. Будько хозяйственно-бытовых объектов Бердыжа полностью ошибочны. Значительное скопление костей, в том числе, нескольких целых (черепа, бивни, челюсти, ребра и др. мамонта) косвенно указывает на наличие здесь жилых построек. Но существовали они бесспорно до развития солифлюкционных процессов, а сама стоянка размещалась выше по склону, то есть южнее. Последующая деструкция слоев, к сожалению, оставила нам лишь деформированные остатки поселка. Из выше изложенного следует, что автор считает артефакты Подлужья-1 и Подлужья-2 однородным комплексом. Единичные кремни, встреченные в основании ритмично-слоистых отложений

приустьевой части балки и их аналогах в верховьях оврага (Подлужье-2), в абсолютном большинстве случаев сильно окатаны, патинизированы и не несут следов искусственной обработки. А кремни, приуроченные к солифлюкционному горизонту, развитому на северном склоне Южного оврага, одновозрастны с основным культурным слоем его юго-восточной части. Насыщенность кремнем моренного горизонта объясняется размывом меловых отложений, залегающих очень близко к поверхности.

Не исключено присутствие в надморенных отложениях и единичных артефактов, действительно обработанных рукой человека. Ведь ритмично-слоистые отложения, коль их считать склоновыми образованиями, являются следующим звеном (после прекращения солифлюкционных процессов) в единой цепи делювиального перемещения грунта. Они также формировались за счет размыва склонов и состояли из моренных отложений, насыщенных кремнем. Вначале в их основание попали некоторые изделия, оставшиеся в зоне разрушенной стоянки. Сильная окатанность таких кремней, на наш взгляд, является еще одним доказательством участия в формировании ритмично-слоистой толщи, помимо склоновых процессов, водных потоков (сезонно-талых вод).

Очевидно, что обитатели Подлужья не могли ограничить свои «владения» лишь мысом. Не случайно кремни с обработкой найдены в горизонте размыва на противоположном северной склоне. С ними мы связываем часть коллекции В. Будько, выделенной им в «свидерский» комплекс Подлужье-3. Остальные происходят из культурного слоя голоценового возраста. Ведь жизнь в районе ур. Колодежки возобновлялась по меньшей мере еще дважды. При закладке нами раскопов на мысу между Южным и Северным оврагами достоверно установлены следы поселений эпохи неолита и раннего бронзового века. Не исключено наличие стратиграфически не вычлняющихся мезолитических материалов.

Абсолютный возраст памятника. Несмотря на интенсивное развитие методов абсолютного датирования в нашей стране и за рубежом, наиболее слабыми звеньями в палеолитоведении остаются вопросы хронологии археологических памятников, корреляции археологических и геологических датировок. Решению этой проблемы в некоторой степени способствуют полученные в минувшие десятилетия даты абсолютного возраста для Юровичской и Бердыжской стоянок (ЛУ-125 26470+420 и ЛУ-104 23430+180) и новые даты, полученные в 2010 г. (см. выше).

Первые предположения об археологическом возрасте Бердыжа высказал С. Замятин (Замятин, 1930. С. 490). Он датировал стоянку позднеориньякским временем, сопоставляя полученный инвентарь с таковым верхнепалеолитических стоянок Дона, позднеориньякских Австрии и Моравии. Первые геологические датировки содержатся в работе Г. Мирчинка (Мирчинк 1930). Изучив в 1927–1928 гг. геологию Бердыжской стоянки, он определил её возраст не раньше конца максимального вюрма и не позже конца образования конечных морен бюльсхой стадии (это поморская стадия, вюрм-3).

В 1934 г., еще более уточнив возраст, Г. Мирчинк пришел к выводу, что поселение человека было основано «после прекращения процесса накопления аллювиальных образований на второй надпойменной террасе и образования уступа к нижней и в самом начале накопления аллювиальных образований на нижней надпойменной террасе» (Мирчинк, 1934. С. 50).

В. Громов (1948) датировал стоянку концом ресса или началом ресс-вюрма. Затем М. Цапенко (1957), а за нею и К. Поликарпович удревили памятник. Позже М. Цапенко, В. Будько, Л. Вознячук (1961. С. 72–75) утверждали, что предполагаемый мустьерский комплекс Подлужье-2 относится к заключительным этапам последнего межледниковья (мезо-неовюрмского или мазурского) и ко времени похолодания, предшествовавшего второму надвигу ледника в позднем антропогене.

Последующее изучение стоянки и датирование ее методом ^{14}C показало, что основной культурный слой Бердыжа, расположенный частично на мысу между склоном долины Сожа и древней балкой, но главным образом на ее южном склоне на высоте 7–12 м над современным уровнем реки, можно датировать одной из ранних фаз заполнения балки осадками. Образование древнего оврага было вызвано врезанием Сожа до цоколя второй надпойменной террасы в нововалдайскую (брянскую, паудорфскую) интерстадиальную эпоху (30–40 тыс. лет назад) или несколько ранее, а заполнение его осадками накоплением «наметыванием» аллювия второй

террасы, в начале максимальной (двинской, нововалдайской, неовюрмской) стадии последнего оледенения. Согласно этой версии, культурный слой Бердыжской стоянки относится к начальным фазам первой половины максимальной (нововалдайской) стадии и имеет абсолютный возраст 25–23 тыс. лет (от наших дней), что подтверждается результатами радиоуглеродных датировок.

Детальное выяснение стратиграфического положения на территории ур. Колодежки таких маркирующих горизонтов как культурный слой, солифлюкционный горизонт, характерной зеленой окраски с языками оплывшей моренной супеси и овальными веретенообразными гнездами песка, ритмично-слоистые отложения позволяет сделать следующие выводы.

1. В эпоху позднего палеолита на склонах древнего оврага (ныне Южного) в ур. Колодежки человек селился лишь однажды. При этом поселок с жилыми сооружениями располагался на мысу южного склона балки.

2. Суровые климатические условия времени заселения стоянки человеком, значительное (более 2000 ед.) скопление костных остатков, близость кремневой индустрии поселения к традициям создателей виллендорфско-костенковской культуры позволяют предположить в Бердыже наличие жилых комплексов. В пользу жилых, а возможно и хозяйственных построек свидетельствует присутствие целых черепов, бивней, челюстей, ребер мамонта, а также нескольких костей с искусственно пробитыми отверстиями.

3. Реконструкция жилищ, выявление их количества, выяснение планиграфии поселка не возможны в связи с деструкцией и переотложенностью культурного слоя. Площадь распространения солифлюкционной толщи (около 500 кв. м) на наш взгляд примерно соответствует площади существовавшего на мысу древнего поселка, остатки которого оползли по склону вниз.

4. Разночтения в описании количества жилищ, их устройства, параметров, присутствующие в публикациях В. Будько, естественно вытекают из попыток реконструкций переотложенных материалов, полученных в разрозненных шурфах, где на каждые два метра по горизонтали наблюдается падение слоев на 1–1,5 метра по вертикали.

5. Культурные остатки Бердыжа представлены кремневым (более 1000) и остеологическим (более 2000) материалом. Цифры эти предположительно в два раза меньше истинных. Среди указанного количества расщепленного кремня лишь 63 законченных орудия.

Сырьем для их изготовления служил «сожский» кремь характерной серой окраски с белыми точечными вкраплениями. Он в изобилии встречается в окрестностях стоянки как в россыпях на поверхности, в виде валунов и термических сколов, так и в коренном залегании среди меловых отложений, обнажающихся в бортах долины р. Сож. Последние представляют собой желваки различной формы, покрытые меловой коркой, чаще белого и голубовато-серых тонов.

Основная масса артефактов покрыта молочно-голубой патиной, окатана и имеет характерный матовый блеск. В связи с этим следы сработанности, либо ретуши по краям изделий часто проблематичны. Лишь отдельные экземпляры, очевидно, быстро законсервированные в толще суглинка и не претерпевшие нивелирующего эффекта от пребывания в водном потоке, дают представление о характере вторичной обработки. Значительную группу составляют конкреции и бессистемно расколотые кремни. Длина их не превышает 6 см по длинной оси, но чаще 3–5 см. Техника первичного раскалывания основана на призматическом одно- и двухплощадочном нуклеусе, со снятием заготовок с большей части периметра (рис. 7: 1–7). Среди нуклеусов, которые отличаются небольшими размерами (от 3,5 до 8,5 см по длинной оси), преобладают призматические со снятием заготовок с 2/3 периметра, преимущественно одноплощадочные. У двухплощадочных характерно расположение площадок под значительным углом друг к другу. На поселении практически не найдено нуклеусов с негативами пластин, длина которых достигала 10 см, ширина 3–4 см. Найдены единичные нуклеусы торцевого скалывания.

Первичное раскалывание направлено на получение пластин длиной 3–5 см, служивших основной формой заготовки (248 экз., рис. 8). В связи с проблемой идентификации их с костенковскими вспомним, что форма последних (по В. Беляевой, 1977; 1979) имеет следующие особенности: 1) точечную ударную площадку; 2) расширение на дистальной половине; 3) сужение к дистальному концу и 4) изгиб в месте расширения профиля.

Сожские заготовки имеют несравненно более прямой профиль. Вторая и третья позиции также менее выражены. Отсутствуют явные следы снятия микропластин. Впрочем, и самих микропластин, чешуек, как и остатков костей мелких животных, на поселении очень мало. Не исключено, что причина этого в переносе их водным потоком и выносе в долину Сожа.

Техника вторичной обработки характеризуется широким употреблением резцового скола, приема вентрального усечения концов, наличием боковой выемки, способа утончения поверхности плоскими сколами, отсутствием двухсторонне обработанных форм и двухсторонней плоской ретуши. С помощью последней создавалась форма костёнковских и авдеевских наконечников (Беляева, 1977; 1979). Характерны крутая и полукрутая ретушь, изредка захватывающие весь край заготовки. Среди орудий наиболее многочисленную технико-морфологическую группу составляют резцы (30 экз.). Преобладают одногранные, на углу сломанной пластины (12 экз.). Двугранные, ретушные, нуклеидные, комбинированные единичны (рис. 9: 7–12). Ретушный резец сделан на пластине с усеченным косо ретушированным концом.

Самые важные культуроопределяющие технико-морфологические группы орудий — наконечники с боковой выемкой (рис. 10: 1–4) и ножи «костёнковского типа», имеющие некоторое своеобразие (рис. 8). Наконечники сделаны из массивных пластин длиной до 6 см. Одинаковая форма этих изделий достигалась путем нанесения крутой нерегулярной ретуши по краю с выемкой (в двух случаях вентральной) и последующей чешуйчатой подтески концов заготовки. Как отмечает В. Беляева (1977; 1979), для ряда стоянок, имеющих сходные типы ножей (Костенки-1, 13, 18; Авдеево; Бердыж), особенностью вторичной обработки значительных участков поверхности этих изделий было сочетание крутой и притупляющей ретуши с плоской.

Бердыжские наконечники занимают промежуточное положение между двумя типами так называемых «типичных» и «атипичных» наконечников с боковой выемкой стоянки Костенки-1. От первого типа костёнковских бердыжские наконечники отличает отсутствие хорошо выраженного дугообразного края, противоположного краю с выемкой, а также не столь регулярная вентральная ретушь. Второй тип костёнковских наконечников миниатюрнее и лишен признаков вторичной обработки, кроме вентральной ретуши, выделяющей черешок и зубец, которая имеется на наконечниках Бердыжа. Отсутствие ретуши на пере может быть связано с прямым профилем заготовок.

Костёнковские наконечники редко срабатывались до дугообразной формы. Из-за обилия сырья проще было сделать новый, чем обновлять старый. При этом, как отмечает В. Беляева (1993), название «наконечники» не имеет отношения к функции этих орудий, а является лишь морфологическим признаком, ибо в палеолите эти предметы вряд ли выполняли функцию метательного оружия.

Близки бердыжским опубликованные В. Беляевой (1979) «ножи костёнковского типа», представляющие собой массивные пластины с усеченным концом и утончением поверхности плоскими сколами. У бердыжских ножей чаще усечен лишь один конец, у костёнковских — оба.

Скребки (рис. 10: 8–11) изготовлены на дистальных концах коротких пластин, реже отщепов. Лезвия выпуклые. Края заготовок не ретушировались, и, как правило, были параллельными. Средние размеры заготовок 4 на 2,5 см. Найден один двойной концевой и один высокий стрельчатый скребок, изготовленный на дистальном конце сужающейся пластины.

Остальные категории изделий совсем малочисленны. Это орудия с выемкой (скобели) (рис. 10: 12, 13), грубое массивное сверло на конце пластины и пять в различной степени выраженных жал (проколки, остря) на естественно заостренных краях отщепов и небольших пластин, подправленных ретушью.

Небольшую группу составляют микроорудия (рис. 10: 14–21). Микропластины Бердыжа включают группу острий, в то время как в Костёнках: «Определяющей формой для микропластинок является “прямоугольник”» (Палеолит..., 1982. С. 56). В связи с тем, что это характерно для всего круга памятников виллендорфско-костёнковской археологической культуры, возможно, часть бердыжских микроострий — механическая примесь.

Сработанные нуклеусы в ряде случаев утилизировались и использовались в качестве рубящих орудий (топоры, долота). Наиболее выразительные из них имеют слегка выраженный обушок, а одно изделие — намечающиеся элементы перехвата. Изучение найденного в Берды-

же комплекса кремневых орудий позволяет утверждать, что: 1) основным типом заготовки для производства орудий была пластина; 2) количество микроорудий незначительно; 3) наиболее типичные приёмы вторичной обработки — резцовый скол, вентральное усечение концов заготовок; 4) культуруопределяющими орудиями являются наконечники с боковой выемкой и ножи костёнковского типа, имеющие некоторое своеобразие.

6. Палеонтологические материалы Бердыжа в разные годы изучали В. Громов, В. Щеглова, В. Зубарева, П. Калиновский и др. Находки представлены как целыми, так и фрагментированными остатками всех отделов костной системы мамонта, принадлежавших примерно 50 особям, а также единичными находками 14 других видов млекопитающих — типичных представителей перигляциальных фаун. Это песец, северный и благородный олени, шерстистый носорог, медведь, бобр, косуля, лошадь, первобытный зубр, волк, лисица, заяц-беляк, филин и группа мелких грызунов, возможно, не синхронных основному комплексу. Смешанный комплекс, когда в один зооценоз входили представители леса, степи, тундры и полизональные виды, хорошо согласуется с перигляциальными условиями времени основания Бердыжской стоянки и типичен для верхнего палеолита.

7. Полученные даты абсолютного возраста Бердыжа вполне корректны и не противоречат геолого-геоморфологической ситуации, выявленной на стоянке. Важнейшим критерием в оценке возраста палеолитических поселений Беларуси является выявление соотношения культурных слоев и вмещающей их толщи с аллювием второй надпойменной террасы Днепра, который сформировался в течение средневалдайского мегаинтерстадиала, первой половины нововалдайской стадии и ее максимальной фазы. С нововалдайскими генерациями этого аллювия сопряжены лёссовидные склоновые ритмично-слоистые, солифлюкционные и овражно-балочные отложения. Установлено, что культурные слои Юровичской и Бердыжской стоянок залегают соответственно ниже и в основании ритмично-слоистой толщи, датируя тем самым соответствующую часть аллювия второй надпойменной террасы.

Решить сегодня однозначно вопрос о путях проникновения палеолитического человека в бассейны Сожа и Припяти не представляется возможным. Длительное «блуждание» нижнего отрезка Сожа, его изоляция вплоть до 18–17 тысячелетий от Днепра на участке ниже г. Ветка и прямая связь с Десной, наличие с юга труднопреодолимого палеогеографического рубежа, каким был Пра-Замглай, позволяет нам отдать предпочтение заселению региона, если оно произошло в канун максимума оледенения, со стороны Деснинского бассейна.

Отмеченные выше признаки с некоторыми вариациями присущи кругу памятников так называемого виллендорфско-павловско-костенковского единства (Григорьев, 1968) или виллендорфско-костенковской культуры (Рогачёв, Аникович, 1984), имеющей локальные варианты. Это Виллендорф в Австрии и Дольни Вестонице в Чехословакии, Краков-Спадзиста в Польше, Авдеево близ Курска, Костенки-1 (верхний слой), Костенки-13, 14, 18 близ Воронежа, синхронные по времени Хотылево-2 на Десне, Сунгирь под Владимиром, Молодово-5 (7 слой) на Днестре и др.

Все они, по мнению археологов, были основаны в интервале 21–24 тысячи лет назад. Как считают указанные авторы, виллендорфско-костенковская культура зародилась в Центральной Европе и постепенно распространилась на Чешско-Моравскую, Малопольскую возвышенности и Восточно-Европейскую равнину, что привело к формированию локальных вариантов. На сегодняшний день Бердыжская стоянка — наиболее северный памятник этой культуры. Бердыжские охотники, очевидно, не были единственными обитателями сожских просторов. Однако все наши попытки найти аналогичные стоянки на территории Беларуси пока тщетны.

Гораздо более благоприятными, чем в ранние фазы деградации ледникового покрова, для расселения человека далеко к северу были условия позднеледникового времени, что соответствует эпохе финального палеолита. До последнего времени словосочетанием «финальный палеолит» не был озаглавлен ни один из разделов обобщающих работ не только по Восточной Беларуси, но и по республике в целом. Это связано со сложной проблемой членения материалов конца палеолита–мезолита и особенно их датировкой. Логично предположить, что в этот период человек должен был вновь появиться на территории Верхнего Поднепровья, ибо он появился много севернее, в том числе и во всей Прибалтике.

Точки над «и» расставил В. Копытин (1992), раскопавший ряд соответствующих памятников и вынесший на обложку одной из своих работ словосочетание «памятники финального палеолита...», где де факто на конкретном материале констатирует факт проникновения различных этнических групп населения на территорию Восточной Беларуси в эпоху финального палеолита.

Отступление поозёрского ледника, исчезновение вечной мерзлоты, постепенное сокращение площадей огромных приледниковых водоёмов, привели к широкому распространению стад северного оленя, который стал основным объектом охоты населения приледниковых территорий Европы, экология которого была причиной перехода к сезонно-подвижному образу жизни населения того времени. В пределах смещения привычной экологической ниши, которой для оленя оставались просторы тундры и лесотундры, начались активные подвижки в пространстве животных, а следом за ними и человека.

Как установлено, во время финального палеолита (который называют ещё веком северного оленя) на территорию современной Беларуси пришло население нескольких археологических культур. Среди них гамбургское, лингбийское, волкушанское и свидерское. Проникновение населения этих культур единодушно связывают с миграционными процессами. Генезис гренской культуры остаётся дискуссионным.

Литература

- Абухоўскі В.* Знаходкі крамянёвых і каменных вырабаў ад палеаліту да ранняга жалезнага веку з тэрыторыі Беларусі ў фондах Дзяржаўнага Археалагічнага Музея ў Варшаве. Варшава, 2003.
- Алексеев Л. В.* Очерки истории белорусской дореволюционной археологии и исторического краеведения до 60-х годов XIX в. // СА. 1967. № 4.
- Алексеев Л. В.* Белорусская археология и историческое краеведение во второй половине XIX — начале XX века // СА. 1968. №3.
- Аникович М. В., Анисюткин Н. К., Вишняцкий Л. Б.* Узловые проблемы перехода к верхнему палеолиту в Евразии // Труды Костёнковско-Борщёвской археологической экспедиции. Вып. 5. ИИМК РАН, СПб, 2007.
- Аникович М. В., Анисюткин Н. К.* Человек и мамонт в палеолите Восточной Европы // Труды II (XVIII) Всероссийского археологического съезда в Суздале. Т. 1. ИА РАН. М., 2008а.
- Аникович М. В., Попов В. В., Платонова Н. И.* Палеолит Костёнковско-Борщёвского района в контексте верхнего палеолита Европы. СПб., ИИМК РАН, 2008б.
- Антонович В. Б.* Археологическая карта Волынской губернии // Труды XI Археологического съезда. Т. 1. М., 1901.
- Арсланов Х. А., Вознячук Л. Н., Калечиц Е. Г., Калесников В. С.* Радиоуглеродные датировки палеолитических стоянок Поднепровья // БКИЧП. Т. 39. М., 1972.
- Беляева В. И.* Опыт создания методики описания «ножей костенковского типа» // Проблемы палеолита Восточной и Центральной Европы. Л., Наука, 1977.
- Беляева В. И.* Кремневый инвентарь Костенок I /. Автореф. дис. ... канд. ист. наук. Л., 1979.
- Беляева В. И.* Печальная публикация // Тэзісы дакл. міжнар. канф.: Час, помнікі, людзі. Мн., 1993.
- Беляшевский Н. Ф.* Дюнные стоянки неолитической эпохи на берегах реки Зап. Буга в его среднем течении // Труды XI археологического съезда в Киеве 1899 г. Т. 1. М., 1901.
- Будзько У. Д.* Да пытання аб першапачатковым засяленні БССР // Весці АН БССР. Сер. грам. навук. 1960, № 4.
- Будзько У. Д.* Бердыжская верхнепалеалітычная стаянка (Падлужжа I) // Весці АН БССР. Сер. грам. навук. № 1. 1962а.
- Будзько В. Д.* Палеолит Белоруссии / Автореф. дис. ... канд. ист. наук. Л., 1962б.
- Будзько В. Д.* О жилищах Бердыжской стоянки // КСИА. Вып. 101.1964.
- Будзько В. Д.* Памятники свидерско-грэнской культуры на территории Белоруссии. // У истоков древних культур: (Эпоха мезолита). МИА. № 126. М.; Л., 1966.
- Будзько В. Д.* Юревичская верхнепалеолитическая стоянка // БД. Мн., 1967б.
- Будзько В. Д.* Палеолит // Очерки по археологии Белоруссии. Ч. 1. Мн., 1970б.
- Будзько В. Д., Митрофанов А. Г.* Археология Белоруссии за советский период // СА. № 4. 1967а,
- Будзько В. Д., Вознячук Л. Н.* Палеолит Белоруссии и смежных территорий (Итоги исследований за годы советской власти) // ДБ. Мн., 1969а.

- Будько В. Д., Сорокина Р. А. Поздний палеолит Северо-Запада Русской равнины // Природа и развитие первобытного общества. М., Наука, 1969б.
- Будько В. Д., Вергей В. С., Кочетков В. И., Шмидт Е. А. Археологические исследования на р.Сож // АО 1969 г. М., 1970а.
- Будько В. Д., Митрофанов А. Г., Штыхов Г. В. Археология // Достижения исторической науки в БССР за 50 лет (1919–1969 гг.). Мн. 1970в.
- Будько В. Д., Вознячук Л. Н., Калечиц Е. Г. Палеолитическая стоянка Бердыж // АО 1970 г. М., 1971.
- Будько В. Д., Ободенко Ю. В. Остатки сооружений из костей мамонта в Бердыже // ДАН БССР. Т. 18, № 12. Мн., 1974.
- Васильев С. А. Проблема перехода от среднего к верхнему палеолиту в Сибири // Stratum Plus. № 1. 2000.
- Васильев С. А. Гейдельбергский человек: кто, где, когда // Труды II (XVIII) Всероссийского археологического съезда в Суздале. Т. 1. М., ИА РАН. 2008.
- Величко А. А. Геологический возраст верхнего палеолита Центральных районов Русской равнины. М.: Изд-во АН СССР, 1961.
- Величко А. А., Соффер О. А. На подходах к концепции первичного расселения человечества // Человек заселяет планету Земля. Глобальное расселение гоминид. — М., ИГ РАН, 1997.
- Величко А. А., Долуханов П. М., Куренкова Е. И. Система адаптации: человек — социально-хозяйственная структура — окружающая среда в позднем палеолите, мезолите и неолите Восточной Европы // Путь на север. Окружающая среда и самые ранние обитатели Арктики и Субарктики. М., 2008.
- Вишняцкий Л. Б. О возможности культурной преемственности между неандертальцами и Homo sapiens // Труды II (XVIII) Всероссийского археологического съезда в Суздале. Т. 1. М., ИА РАН. 2008.
- Вознячук Л. Н., Будько В. Д., Калечиц Е. Г. Схема стратиграфии и палеогеографии верхнего плейстоцена Белоруссии и смежных территорий // ДБ. Мн., 1969а.
- Вознячук Л. Н., Калечиц Е. Г. Некоторые результаты геологических исследований на Бердыжской верхнепалеолитической стоянке в 1959–1960 гг. // Материалы III научной конференции молодых геологов Белоруссии. Мн., 1969б.
- Вознячук Л. Н., Будько В. Д. О значении Бердыжской палеолитической стоянки для определения возраста речных террас бассейна Днепра // Тезисы докладов к конференции по археологии Белоруссии. Мн., 1969в.
- Вяргей В. С. Вывучэнне палеаліту ў Беларусі // Весці АН БССР. Сер. грам. навук. № 4. 1981.
- Вяргей В. С. Археалагічная навука ў Беларускай ССР (1919–1941 гг.). Мн., 1992а.
- Вяргей В. С. Археалагічнае вывучэнне Беларусі ў другой палове XIX ст. // Гістарычна-археалагічны зборнік. Мн., № 22., 1992б.
- Гаврилов К. Н. Культурные связи населения центральных районов Восточно-Европейской равнины и Северного Причерноморья в верхнем палеолите // Труды II (XVIII) Всероссийского археологического съезда в Суздале. Т. 1. М.: ИА РАН. 2008.
- Григорьев Г. П. Начало верхнего палеолита и происхождение Homo sapiens. Л., 1968.
- Громов В. И. Остатки фауны из палеолитической стоянки Бердыж // Природа, № 3. 1928.
- Громаў В. І. Фауна Бердыжскай палеалітычнай стаянкі (па раскопках 1926–1927 гг.) // ПАК. Т. 2. 1930.
- Громов В. И. Палеонтологическое и археологическое обоснование стратиграфии континентальных отложений четвертичного периода на территории СССР (млекопитающие, палеолит) // Труды ИГАН СССР. Сер. геол.-м. наук. Вып. 64. № 17. 1948.
- Громов В. И., Шанцер Е. В. О геологическом возрасте палеолита в СССР // Изв. АН СССР. Сер. геол. наук. № 5. 1958.
- Гурина Н. Н. Новые данные о каменном веке Северо-Западной Белоруссии / Палеолит и неолит СССР // МИА. № 131. М.; Л., 1965.
- Даўгяля Зм. Знаходка палеалітычнае стаянкі ў Беларусі // Гістарычна-археалагічны зборнік Інстытута беларускай культуры. № 1. 1927.
- Деревянко А. П. Переход от среднего к позднему палеолиту — взгляд из Северной Азии // Переход от раннего к позднему палеолиту в Евразии: гипотезы и факты. Новосибирск, ИАЭТ СО РАН, 2005.

- Долуханов П. М. Первоначальное расселение Homo sapiens в Северной Евразии. Геохронологические аспекты // Труды II (XVIII) Всероссийского археологического съезда в Суздале. Т. 1. М., ИА РАН. 2008а.
- Долуханов П. М. Эволюция природной среды и раннее расселение человека в Северной Евразии // Путь на север. Окружающая среда и самые ранние обитатели Арктики и Субарктики. М. 2008б.
- Долуханов П. М. Первоначальное расселение Homo sapiens в Северной Евразии. Геохронологические аспекты // Труды II (XVIII) Всероссийского археологического съезда в Суздале. Т. 1. М., ИА РАН. 2008в.
- Дубінскі С. А. Дзейнасць арганізацый (1919–1928 гг.) // ПКА. Т. 1. Мн., 1928.
- Замятнін С. М. Раскопки Бердыжской палеолитичной стоянки ў 1927 г. // ПАК. Т. 2. 1930.
- Зубов А. А., Васильев С. В. Первоначальное заселение Европы по данным антропологии // Доисторический человек: биологические и социальные аспекты. М., 2006.
- Исаенко В. Ф. Мезолит Восточного Полесья // Вопросы истории и археологии. Мн., 1966а.
- Исаенко В. Ф. Мезолит и неолит Припятского Полесья // Древности Белоруссии. Мн., 1966б.
- Исаенко В. Ф. Неолит Припятского Полесья. Мн., 1976.
- Исаенко В. Ф. Мезолит Припятского Полесья // КСИА. Вып. 149. 1977.
- Исаенко В. Ф. К истории изучения Юровичской стоянки // Гістарычна-археалагічны зборнік. № 14. Мн., 1999.
- Калечиц Е. Г. Первоначальное заселение территории Белоруссии. Мн., Наука и техника, 1984.
- Калечиц Е. Г. Белорусское Поднепровье в каменном и бронзовом веках // Белорусская археология: Достижения археологов за годы Советской власти. Мн., Наука и техника, 1987а.
- Калечиц Е. Г. Памятники каменного и бронзового веков Восточной Белоруссии. Мн., Наука и техника, 1987б.
- Калечиц Е. Г. Человек и среда обитания. Восточная Беларусь. Каменный век. Минск. УП «Экоперспектива», 2003.
- Калечиц Е. Г. Бердыжская стоянка // Na pograniczu światów. Studia z pradziejów międzymorza bałtycko — pontyjskiego ofiarowane Profesorowi Aleksandrowi Koško w 60. rocznicę upodzin. Wydawnictwo Poznanskie. Poznan. 2008б.
- Калечиц А. Г., Абухоўскі В. С., Лакіза В. Л. Работы на Юравіцкай палеалітычнай стаянцы // Гістарычна-археалагічны зборнік. № 21. Мн., 2006.
- Калечиц А. Г. Юравіцкая верхнепалеалітычная стаянка. Новыя дадзеныя, новыя загадкі // Романовские чтения-3. Сборник трудов Международной научной конференции (Могилёв, 23–24 ноября 2006 г.); под ред. И. А. Марзалюка. Могилёв. 2007а.
- Калечиц А. Г., Абухоўскі В. С. Работы на Юравіцкай палеалітычнай стаянцы // Гістарычна-археалагічны зборнік. № 23. Мн., 2007б.
- Калечиц Е. Г., Мотузко А. Н., Обуховский В. С. Юровичская позднепалеолитическая стоянка на р. Припять в свете новых данных // Человек, адаптация, культура. М., 2008а.
- Калечиц А. Г., Коласаў А. У., Абухоўскі В. С. Палеалітычныя помнікі Беларусі. Культурна-храналагічная інтэрпрэтацыя крыніц. Мн., 2010.
- Кахановіцкі Г. А. Археалогія і гістарычнае краязнаўства Беларусі ў XVI–XIX стст. Мн., 1984.
- Колосов А. В. Финальный палеолит и мезолит Белорусского Посожья // Русский сборник. № 5. Брянск, 2008.
- Колпаков Е. М. Новые ашельские памятники Армении // Труды II (XVIII) Всероссийского археологического съезда в Суздале. Т. 1. М., ИА РАН, 2008.
- Копытин В. Ф. Каменный век на территории Белоруссии. Мн., 1990.
- Копытин В. Ф. Памятники финального палеолита и мезолита Верхнего Поднепровья. Могилев. 1992.
- Копытин В. Ф. У истоков гренской культуры. Боровка. Могилев, 2000а.
- Копытин В. Ф. О проблемах финального палеолита Восточной Беларуси. // Ад неалітызацыі да пачатку эпохі бронзы. Культурныя змены ў міжрэччы Одры і Дняпра паміж VI і II тыс. да н. э. Тэз. Міжнароднага сімпозіума. Познань; Мінск; Брэст, 2000б.
- Кохановский Г. А. Историография изучения культуры Беларуси в конце XVIII — начале XX вв. (становление научных знаний по археологии, историческому краеведению и фольклористике) / Автореф. дис. докт. ист. наук. Мн., 1992.
- Ксензов В. П. Палеолит и мезолит Белорусского Поднепровья. Мн.: Наука и техника, 1988.

- Ксензов В. П. Ранний этап гренокской культуры // Проблемы истории и археологии древнего населения Украинской ССР. Киев, 1989.
- Ксензов В. П., Вознячук Л. Н., Кудряшов В. Е. Раскопки Юровичской верхнепалеолитической стоянки // АО 1976 года. М., 1977.
- Ксянзоў У. П. Засяленне тэрыторыі Беларусі ў эпоху палеаліту // Весці АН БССР. Сер. грамад. навук. № 2. 1983.
- Кудряшов В. Е. Заозерье — памятник свидерской культуры // Гістарычна-археалагічны зборнік. № 7. Мн., 1996.
- Кухаренко Ю. В. Первобытные памятники на территории Полесья // САИ. Вып. Б1-18. М., 1962.
- Лакіза В. Л. Старажытнасці позняга неаліту і ранняга перыяду бронзавага веку Беларускага Панямоння. Мн., Беларуская навука. 2008.
- Любин В. П. Новый этап в изучении ранней преистории Кавказа // Труды II (XVIII) Всероссийского археологического съезда в Суздале. Т. 1. М., ИА РАН. 2008.
- Лявданский А. Н. Археологические исследования в БССР после Октябрьской революции // Сообщения ГАИМК. 1932. № 78. Л.
- Мирчинк Г. Ф. О соотношении речных террас и стоянок палеолитического человека в бассейнах рек Десны и Сожа // Бюлл. МОИП. Отд. геолог. Нов. сер. Т. 37. М., 1929.
- Мірчынк Г. Ф. Геалагічныя ўмовы знаходжання палеалітычнай стаянкі каля в. Бердыж на р. Сожы (Гомельшчына) // ПАК. Т. 2. Мн., 1930.
- Мирчинк Г. Ф. Геологические условия нахождения палеолитических стоянок в СССР и их значение для восстановления четвертичной истории // Тр. II Междунар. конф. АИЧПЕ. Вып. 5. М.; Л., 1934.
- Михайловский Е. Археологические очерки Слонимского уезда Гродненской губернии // Труды Виленского отделения Московского предварительного комитета по устройству IX Археологического съезда в Вильне 1893 г. Вильна, 1893.
- Павлов П. Ю. Палеолит Северо-Востока Европы: новые данные // Археология, этнография и антропология Евразии. № 1 (33). 2008а.
- Павлов П. Ю. Начало верхнего палеолита на северо-востоке Европы // Труды II (XVIII) Всероссийского археологического съезда в Суздале. Т. 1. М.: ИА РАН. 2008б.
- Палеолит Костёнковско-Боршевского района на Дону (1879–1979) / А. Н. Рогачев, Н. Д. Праслов, М. В. Аникович и др. Л., Наука, 1982.
- Палікарповіч К. М. Дагістарычныя стаянкі сярэдняга і ніжняга Сажа // ПКА. Т. 1. Мн., 1928а.
- Палікарповіч К. М. Досьледы культур каменнага і бронзавага перыядаў у Усходняй Беларусі // ПКА. Т. 1. Мн., 1928б.
- Палікарповіч К. М. Дагістарычныя стаянкі сярэдняга Сажа // ПАК. Т. 2. Мн., 1930 а.
- Палікарповіч К. М. Раскопки Юравіцкай палеалітычнай стаянкі ў 1929 г. Папярэдняе паведамленне // ПАК. Т. 2. Мн. 1930б.
- Палікарповіч К. М. Досьледы культур каменнага і бронзавага перыядаў у БССР, у заходняй Смаленшчыне і Клінцоўшчыне ў 1928–1929 гг. // ПАК. Т. 2. Мн., 1930в.
- Палікарповіч К. М. Досьледы культур каменнага і бронзавага перыядаў у БССР у 1930–1931 гг. // ПСА. Т. 3. Мн., 1930г. Т. 3.
- Палікарповіч К. М. Знаходкі рэштак чацьвярцавай фауны на тэрыторыі БССР // ПСА. Т. 3. 1932а.
- Палікарповіч К. М. Палеаліт і мезаліт БССР і некаторых суседніх краін Верхняга Падняпроўя // ПСА. Т. 3. Мн., 1932б.
- Палікарповіч К. М. Первая находка мустьерской эпохи в БССР // СА. № 3. 1937.
- Палікарповіч К. М. Вынікі археалагічных даследаванняў на Беларусі // Весці АН БССР. Сер. гісторыя. № 1. 1947.
- Палікарповіч К. М. Праблема палеаліту Беларусі // Матэрыялы юбіл. сесіі АН БССР. Мн., 1949.
- Поболь Л. Д. Древности Белоруссии в музеях Польши. Мн., 1979.
- Покровский Ф. В. Археологическая карта Гродненской губернии // Труды XI археологического съезда. Т. 1. Вильно, 1895.
- Покровский Ф. В. К исследованию бассейна Вилии в археологическом отношении // Труды X Археологического съезда в Риге. Т. 1. Москва, 1899.
- Поликарпович К. М. Палеолит и мезолит БССР и некоторых соседних территорий Верхнего Поднепровья // Тр. II Междунар. конф. АИЧПЕ. Вып. 5. Л.; М., 1934.

- Поликарпович К. М. Новая находка мустьерской культуры на территории Белоруссии // КСИА АН УССР. Вып. 4. Киев, 1955.
- Поликарпович К. М. К вопросу о мустьерской культуре в Верхнем Поднепровье // МА БССР. Т. 1. Мн., 1957в.
- Поликарпович К. М. Палеолит Верхнего Поднепровья. Мн.: Наука и техника, 1968.
- Праслов Н. Д. Ранний палеолит Русской равнины и Крыма // Археология СССР. Т. 1. Палеолит СССР. М., Наука, 1984.
- Роланд Николас. Заселение гоминидами Северной Евразии: адаптивные «пороги» среднего палеолита // Путь на север. Окружающая среда и самые ранние обитатели Арктики и Субарктики. М. 2008.
- Рогачёв А. Н., Аникович М. В. Поздний палеолит Русской равнины и Крыма // Археология СССР. Т. 1. Палеолит СССР. М., 1984.
- Романов Е. Р. Две археологические разведки // Могилевская старина. Вып. 3. Могилев. 1903.
- Романов Е. Р. Старина доисторическая Северо-Западного края // Виленский календарь на 1908. Вильно. 1908.
- Романов Е. Р. Археологический очерк Гомельского уезда // Записки Северо-Западного отдела Русского географического общества. Вильно, 1910, кн. 1.
- Романов Е. Р. К археологии Северо-Западного края: Древние лапидарные памятники Западно-русского края. Вилейский камень // Записки Северо-Западного отдела Русского географического общества, Вильно, 1911, кн. 2.
- Романов Е. Р. Археологические разведки в Могилёвской губернии // Записки Северо-Западного отдела императорского Русского географического общества. Кн. 3. Вильна. 1912.
- Сергин В. Я. Что раскопано в Бердыже? // Каменный век лесной зоны Восточной Европы и Зауралья. М., ИА РАН, 2005.
- Синицын А. А. Культурная и геологическая периодизация верхнего палеолита Восточной Европы: соотношение и проблема корреляции // Труды II (XVIII) Всероссийского археологического съезда в Суздале. Т. 1. М., ИА РАН. 2008.
- Синицына Г. В. Исследование финальнопалеолитических памятников в Тверской и Смоленской областях // Археологические изыскания. Вып. 39. СПб., 1996.
- Спицын А. А. Обзорение некоторых губерний и областей России в археологическом отношении // Записки Русского археологического общества. Т. 9. Вып. 1–2. СПб., 1897.
- Степанчук В. Н. Динамика культурных трансформаций в палеолите Украины // Труды II (XVIII) Всероссийского археологического съезда в Суздале. Т. 1. М., ИА РАН. 2008.
- Тарасенка В. Р. Савецкая археалагічная навука ў БССР // Навука ў Беларускай ССР за 40 год. Мн. 1958.
- Цапенко М. М., Будько В. Д., Вознячук Л. Н. Геологические условия залегания палеолитических стоянок на территории Белоруссии // Труды КИЧП. Т. 17. М., Наука, 1961.
- Чубур А. А. Очарованный древностью. Константин Михайлович Поликарпович: жизнь, открытия, ученики. Брянск: «Карат», 2006.
- Чубур А. А. Константин Михайлович Поликарпович. Жизнь, открытия, ученики. Минск, Белорусская наука, 2009.
- Щеглова В. В. О возрасте фаун Бердыжской и Юровичской палеолитических стоянок // Бюлл. КИЧП. № 26. 1961.
- Щеглова В. В. О фауне антропогенных млекопитающих Белоруссии // Палеонтология и стратиграфия БССР. Вып. 4. Мн., 1963.
- Щелинский В. Е., Кулаков С. А. Ранний палеолит Приазовья: новые открытия // Труды II (XVIII) Всероссийского археологического съезда в Суздале. Т. 1. М., ИА РАН. 2008.
- Antoniewicz W. Czasy przedhistoryczne Ziemi Wilenskiej // Wilnoi Ziemia Wilenska. Wilno. 1930.
- Gloger Z. Dolinami rzek. Opisy podróży wzdłuż Niemna i Wisły, Bugu i Biebrzy. Wycieczka z 1899 roku. Warszawa, 1903.
- Jadkowzki J. Okolice Grodna pod względem archeologicznym. Natatki z wycieczek, odbytych w latach 1904–1910. Swiatowit. Vol. X. Warszawa, 1913.
- Jakimowicz R. Okres wczesnohistoryczny // Prahistoria ziem polskich. Krakow, 1939–1948.
- Kasinski W. Nowe wykopaliska. // Woj. Poleskie, ZOW r. 12, z. 7–8. 1937.
- Kostrzewski J. Od mezolitu do okresu w drowek Ludów // Prahistoria ziem polskich. Kraków, 1939–1948.
- Kozłowski J. Problem tzw. Kultury kostienkowsko-willendorfskiej // Archeologia Polski. 1969. T. 14. Z. 1.

- Krukowski S.* Paleolit, [w:] Prehistoria ziem polskich. Encyklopedia Polska PAU, t. 1. Kraków, 1939–1948.
- Narbutt T.* Dzieje starożytne narodu Lietewskiego w 9 t. T. 1: Mitologia litewska. Wilno, 1835.
- Obuchowski W.* Schyłkowy paleolit i mezolit prawobrzeżnej strefy dorzecza górnego Niemna, maszynopis pracy magisterskiej w bibliotece Instytutu Archeologii UW. Warszawa. 1998.
- Obuchowski W.* Materiały paleolityczne i mezolityczne z zachodniej Białorusi // Swiatowit. 2009. Vol. XVI. IAU Warszawski.
- Soffer O.* The Upper Paleolithic of the Center Russian Plain. Orlando, Academic press, 1985.
- Sulgosłowska Z.* Prahistoria międzyrzecza Wisły, Niemna i Dniestru u schyłku plejstocenu. Warszawa. 1989.
- Szmit Z.* Badania osadnictwa epoki kamiennej na Podlasiu Wiadomości Archeologiczny. T. 10. 1929.
- Tyszkiewicz E.* Rzut oka na źródła archeologii. Wilno, 1842.
- Tyszkiewicz E.* Badania archeologiczne nad zabudkami przedmiotów sztuki i rzemiosł itd. w dawnej Litwie i Rusi Litewskiej. Wilno, 1850.

Архивные материалы

- Будько В. Д.* Дневник за 1960 год // ААНД ДНУ «Инстытут гісторыі НАН Беларусі». Арх. № 459.
- Будько В. Д.* Дневник о работе в Бердыже в 1959 г. // ААНД ДНУ «Инстытут гісторыі НАН Беларусі». Арх. № 395 (см. № 1296).
- Будько В. Д.* Отчет об исследовании Бердыжской палеолитической стоянки (Подлужье 1) в 1959 г. // ААНД ДНУ «Инстытут гісторыі НАН Беларусі». Арх. № 204, 204а (альбом).
- Будько В. Д.* Отчет об исследовании Юревичской стоянки в 1960 г. // ААНД ДНУ «Инстытут гісторыі НАН Беларусі». Арх. № 205.
- Вознячук Л. Н.* Геологические условия залегания и возраст палеолитических стоянок Белоруссии и смежных территорий: Отчет НИР за 1962 г. по теме «Геология и фауна палеолита БССР и смежных территорий». Мн., 1962. Архив БелНИИГ.
- Калечиц Е. Г.* Отчет о полевых исследованиях в 1970 г. // ААНД ДНУ «Инстытут гісторыі НАН Беларусі». Арх. № 365.
- Калечиц Е. Г.* Отчет о полевых исследованиях палеолитического отряда Белорусской археологической экспедиции в 1972 г. // ААНД ДНУ «Инстытут гісторыі НАН Беларусі». Арх. № 434.
- Клейн Л. С.* Отчет обследования стоянок каменного века Славяно-Литовским отрядом Прибалтийской экспедиции в 1958 г. // ААНД ДНУ «Инстытут гісторыі НАН Беларусі». Арх. № 178.
- Ксензов В. П.* Отчет об обследовании археологических памятников Могилевской и Гомельской обл. в 1976 г. // ААНД «Инстытут гісторыі НАН Беларусі». — Арх. № 538. — 29 с., 1 план, 3 профиля, 28 фото, 2 рис.
- Полевые чертежи раскопок Юровичей, Бердыжа, Гренска // ААНД ДНУ «Инстытут гісторыі НАН Беларусі». — Арх. № 401. — 22 чертежа.
- Полевые чертежи стоянки Юровичи в 1959–1960 гг. // ААНД ДНУ «Инстытут гісторыі НАН Беларусі». — Арх. № 400. — 17 чертежей.
- Поликарпович К. М.* Дневники раскопок Юдиново, Бердыжа, Подлужье, Елисеевичи (1936, 1947, 1948 гг.) // ААНД ДНУ «Инстытут гісторыі НАН Беларусі». — Арх. № 1285. — 6 тетрадей.
- Поликарпович К. М.* Коллекционные описи Бердыжской стоянки 1927, 1928, 1929 гг. // ААНД ДНУ «Инстытут гісторыі НАН Беларусі». — Арх. № 452. — 7 тетрадей.
- Поликарпович К. М.* Коллекционные описи стоянок каменного века у дд. Юровичи (1929, 1931 гг.), Колодежки (1953 г.), Подлужье (1954 г.), Гренск (1959 г.) // ААНД ДНУ «Инстытут гісторыі НАН Беларусі». — Арх. № 451. — 237 с.

HISTORY OF STUDIES OF THE PALAEOLITHIC SITES IN BELARUS

Within the territory of Belarus, two Late Palaeolithic sites are known since the 1930s – Berdyzh (or, more correctly, Podluzh'ye) and Yurovichi. This paper summarizes the information obtained in the course of the present author's personal observations during excavations of these sites. The site of Berdyzh has now vanished in the course of liquidation of the consequences of the catastrophe at the Chernobyl atomic power-station. In the history of the studies of this site there are still mysterious plots. Primarily, they are concerned with the problem of the presence and character of dwellings here. The author holds his own opinion about this problem stating that during settlement of this tract of terrain by man, taking into account the period of its occupation and climatic factors then existing, dwellings undoubtedly must have existed but the subsequent destruction of the cultural deposits had completely deformed the structures. Detailed geological and stratigraphic observations have enabled the author to ascertain the presence of only one cultural layer of the Late Palaeolithic period in Podluzh'ye. The other finds are concerned with the repeated human occupation of the terrain during the Final Palaeolithic and afterwards at different phases of the Holocene. Analysis of flint artefacts suggests that the cultural deposits of the Late Palaeolithic period have been left by people of the Willendorf-Kostenki culture

The excavations at the site of Yurovichi were resumed in 2006 after a thirty-year interruption. It has been established during these investigations that the site is, beyond doubt, a single-period one, the composition of the artefacts collected, geomorphology, geology and stratigraphy of its cultural layer suggesting that we must review its status, attributing it as a "place of butchering the game". This conclusion is based on the results of studies of the character and composition of the artefacts, stratigraphic observations, the data of the lithological, granulometric and other analyses, as well as on the data of detailed examination of the osteological finds. The composition of the flint collection confirms V. Ksenzov's supposition that the site had been left by population with East-Gravettian traditions.

Last year, in addition to the dates obtained earlier in a laboratory of the Leningrad State University for finds from the site in question, due to the kind assistance of our colleagues A. Markova and Prof. T. Van Kolshoten from the Centre of Isotopic Studies of the Groningen University (the Netherlands), new ¹⁴C dates close to the familiar ones have been obtained: GrA – 38918 Berdyzh 23790 ± 120 BP; GrA – 38919 Yurovichi 25660 (+160, – 150) BP. The determinations were fulfilled according to the International Scientific Project of RFFR–NOW no. 047.017.2006 (in the Netherlands) and project no. 07-05-92312 HBOa (RFFR).

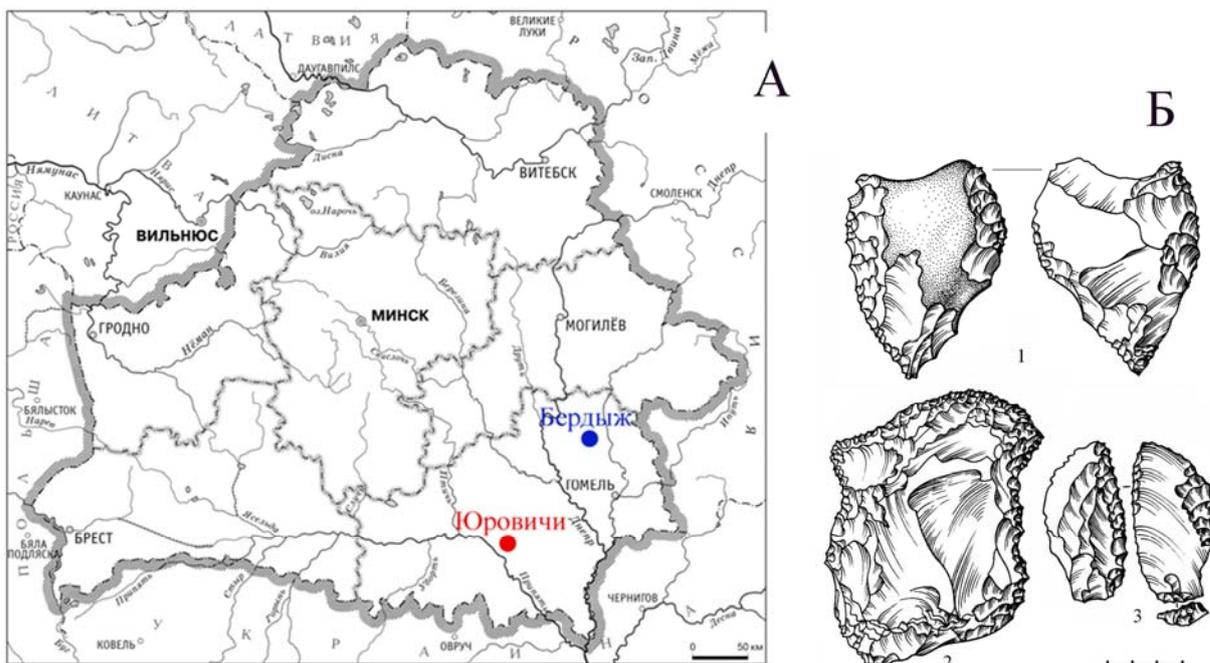

Рис. 1 А — Карта размещения позднепалеолитических стоянок на территории Беларуси; Б — кремнёвые орудия мустьерского типа: 1 — Подлужье; 2 — Обидовичи; 3 — Светиловичи

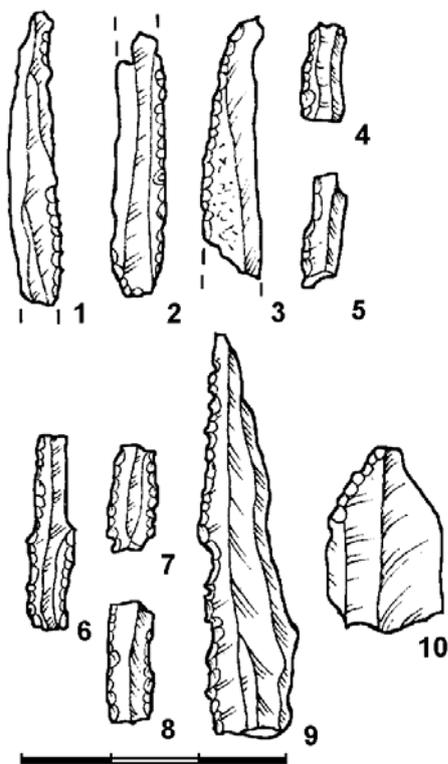

Рис. 2. Юровичи. Кремнёвый инвентарь из раскопов К. Поликарповича 1929, 1931 гг.:
 1–3, 9 — граветтские формы; 4–8 — пластины с притупленным краем;
 10 — обломанная пластина с ретушированным концом (по В. Ксензову, 1988)

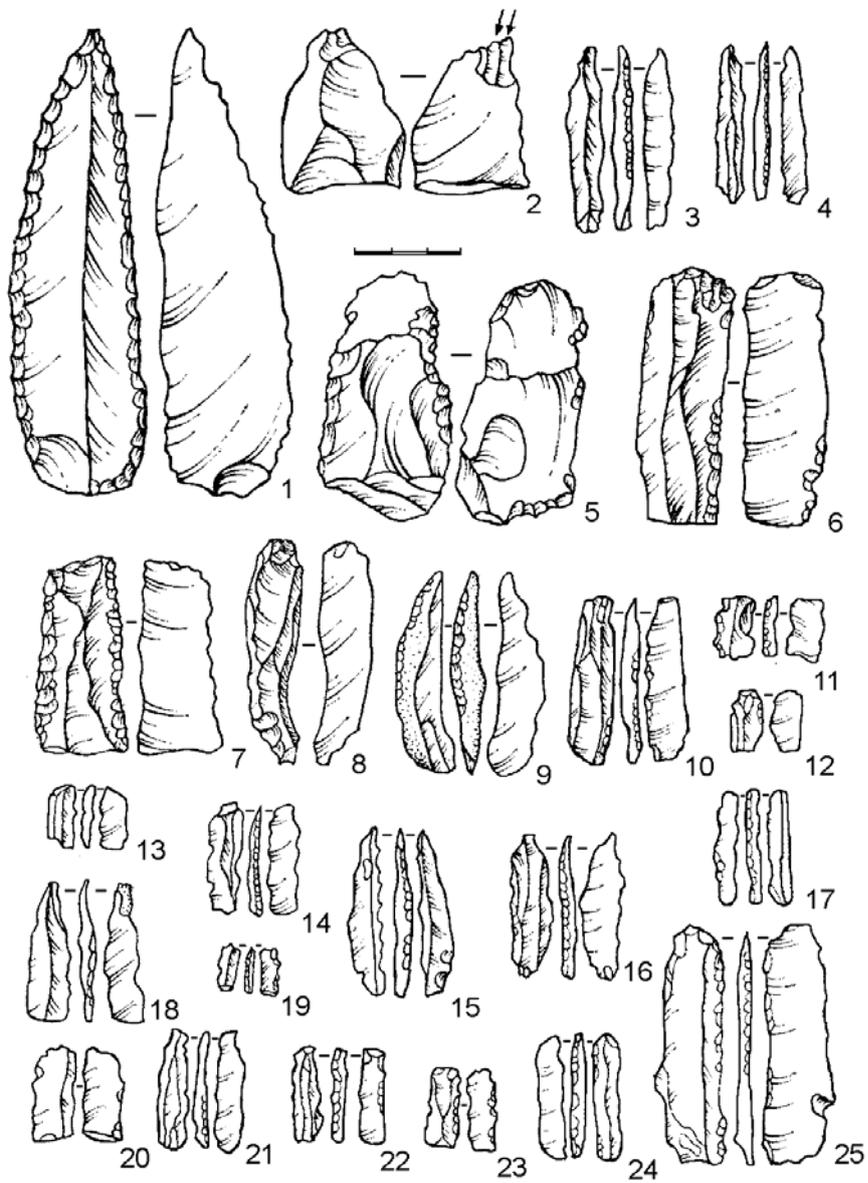

Рис. 3. Юровичи. Кремнёвый инвентарь из раскопов В. Будько 1959–1960 гг.:
1, 5–14, 18–21, 25 — ретушированные пластины; 2 — угловой резец;
3, 4, 15–17, 22–24 — граветтские формы (по В. Ксензову, 1988)

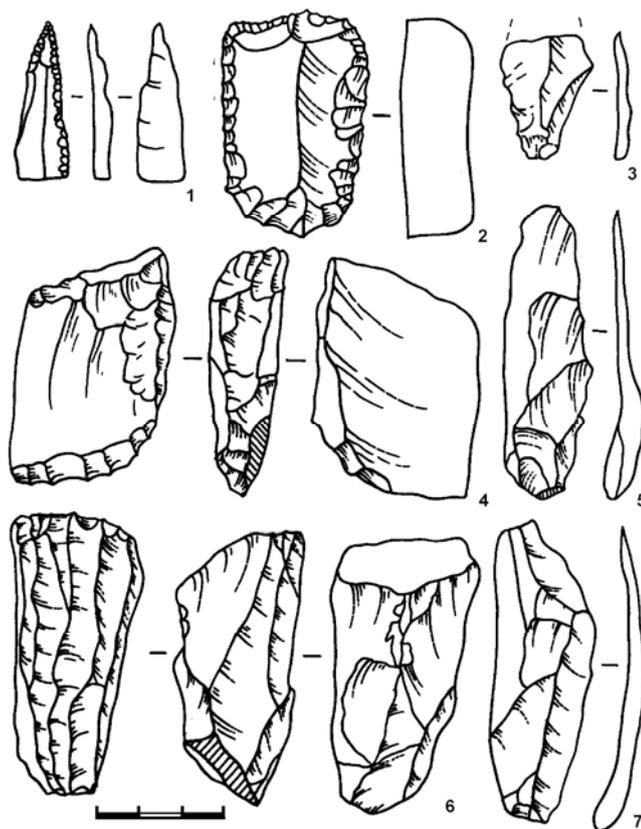

Рис. 4. Юровичи: 1 — проколка; 2 — скребок; 3, 5, 7 — пластины; 4, 6 — нуклеусы (по материалам раскопок В. Ксензова — Ксензов, 1988)

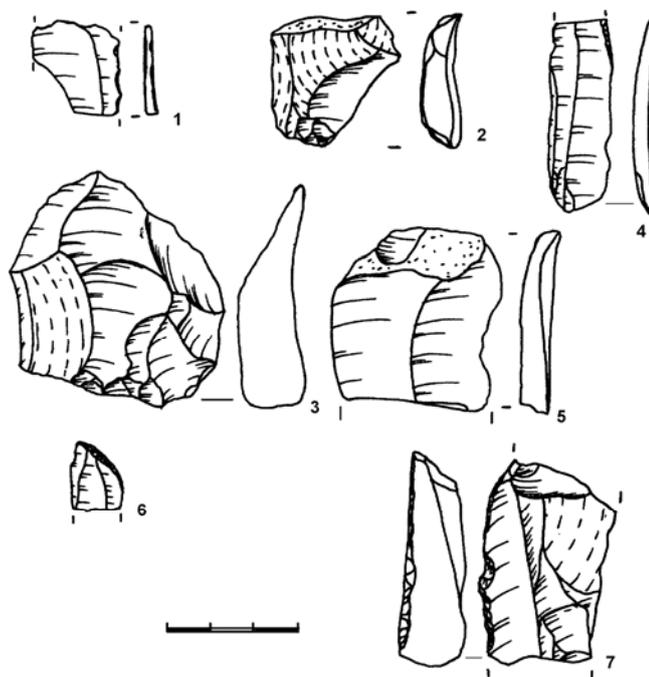

Рис. 5. Юровичи: 1, 4 — фрагменты пластин; 2-3 — отщепы; 5 — фрагмент массивной пластины; 6 — фрагмент регулярной пластины со скошенным ретушью концом; 7 — фрагмент массивной пластины со следами ретуши (по материалам раскопок Е. Калечиц 2006 г. — Калечиц, Мотузко, Обуховский, 2008)

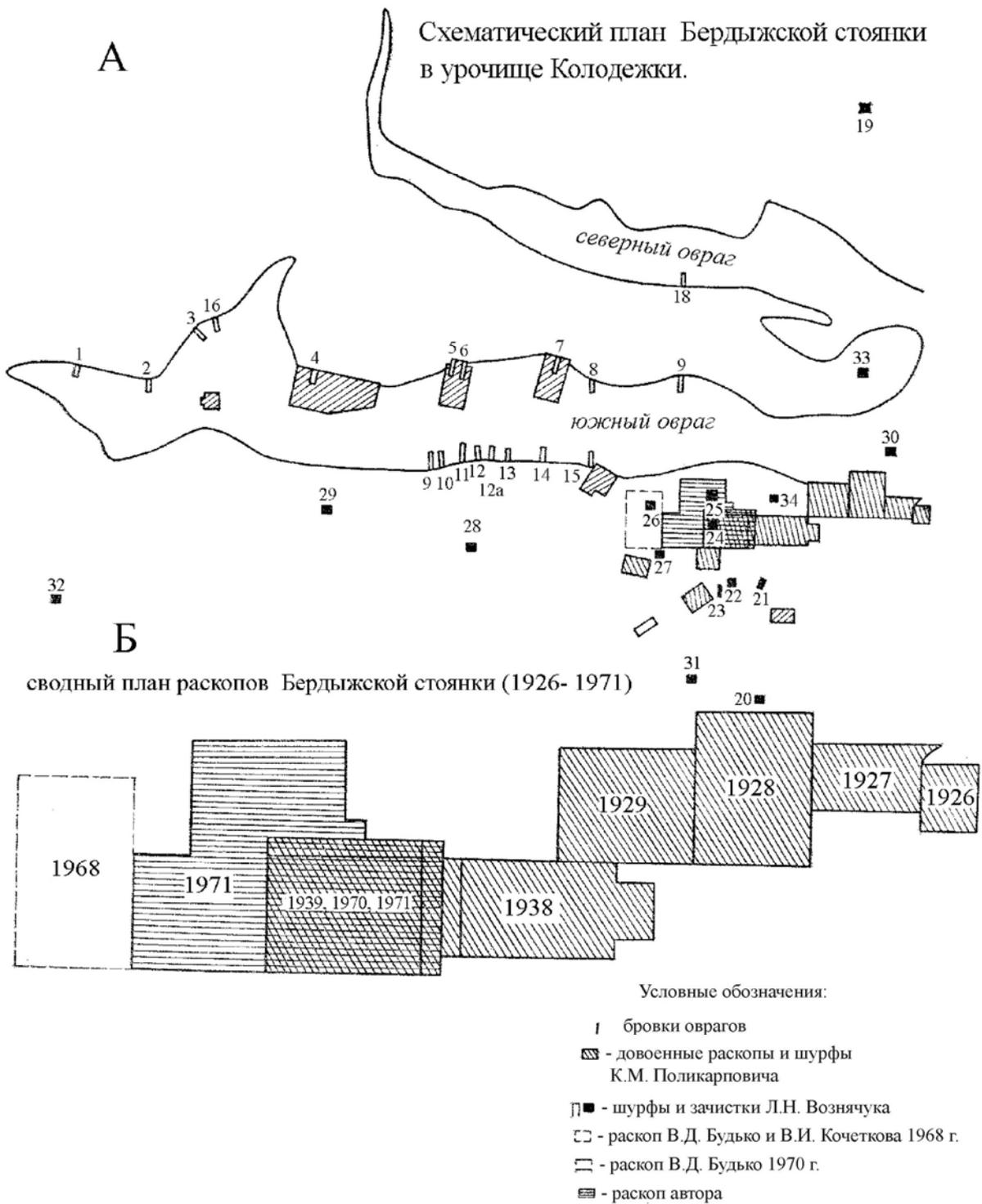

Рис. 6. Подлужье (Бердыж): сводный план раскопок в ур. Колодежки

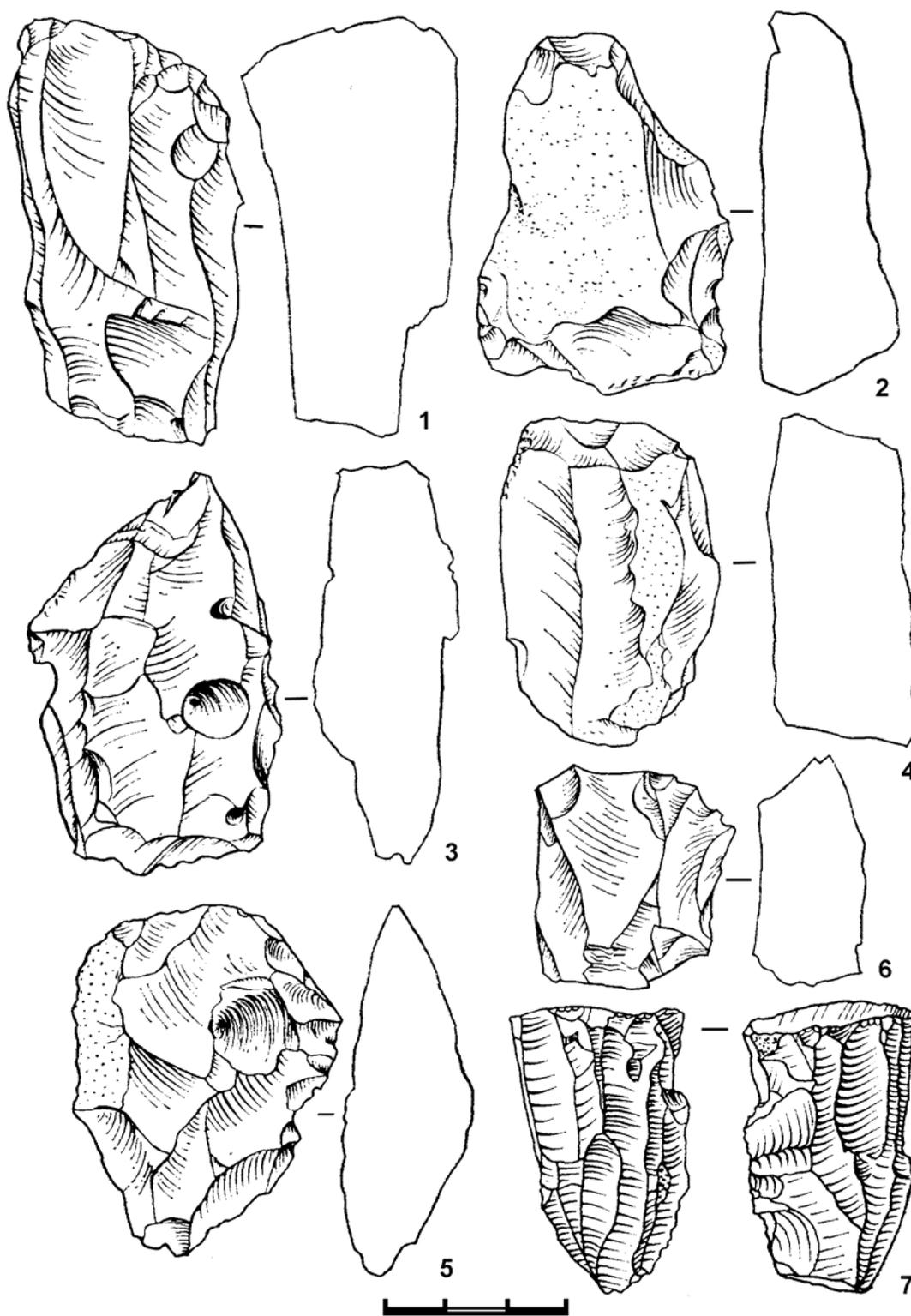

Рис. 7. Подлужье (Бердыж): 1 — нуклеусы
(по материалам раскопок К. Поликарповича 1938–1939 гг. и Е. Калечиц 1971 г.)

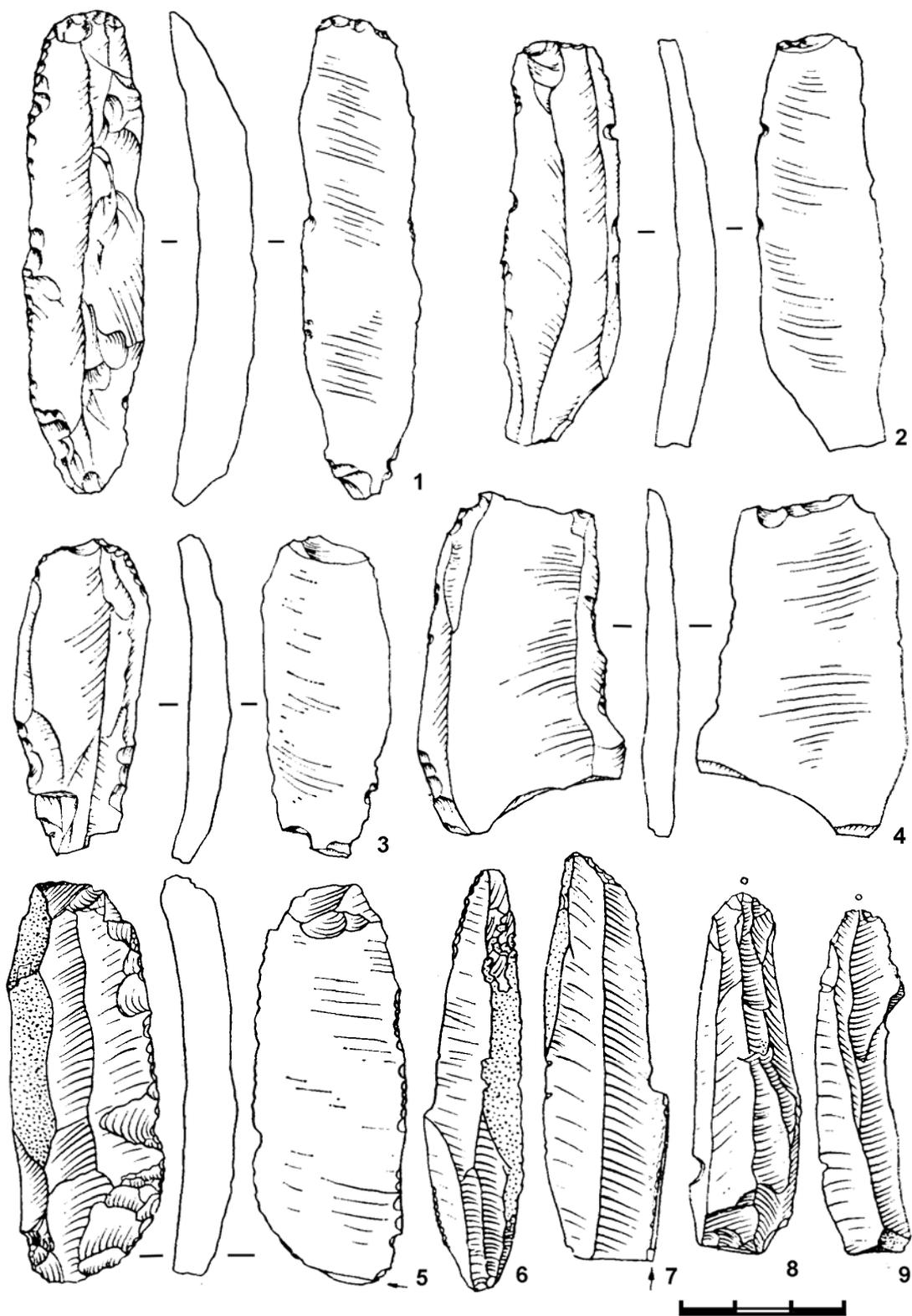

Рис. 8. Подлужье (Бердыж): 1 — пластины
(по материалам раскопок К. Поликарповича 1938-1939 гг. и Е. Калечиц 1971 г. — Калечиц, 1984)

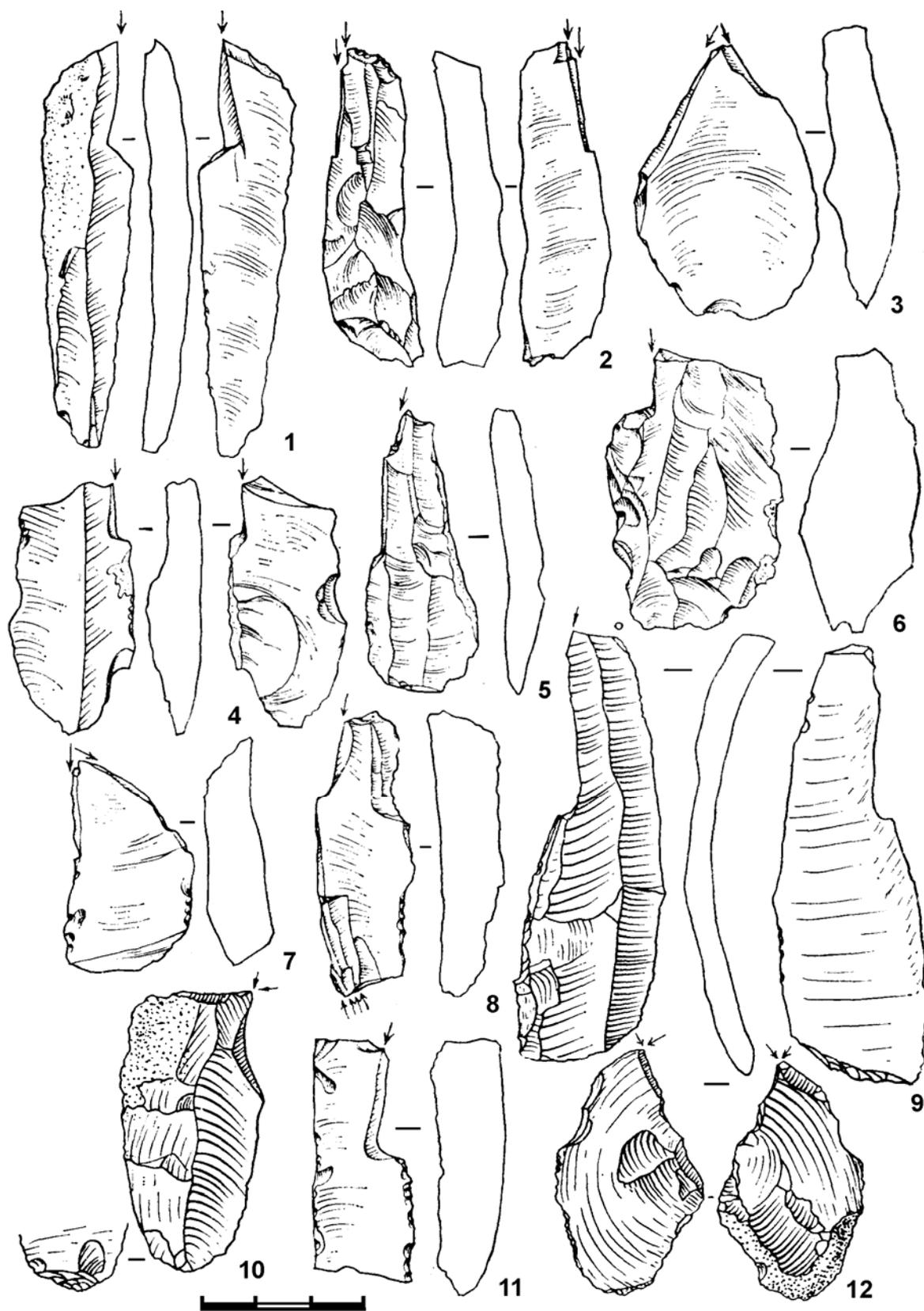

Рис. 9. Подлужье (Бердыж): 1 — резцы
(по материалам раскопок К. Поликарповича 1938–1939 гг. и Е. Калечиц 1971 г. — Калечиц, 1984)

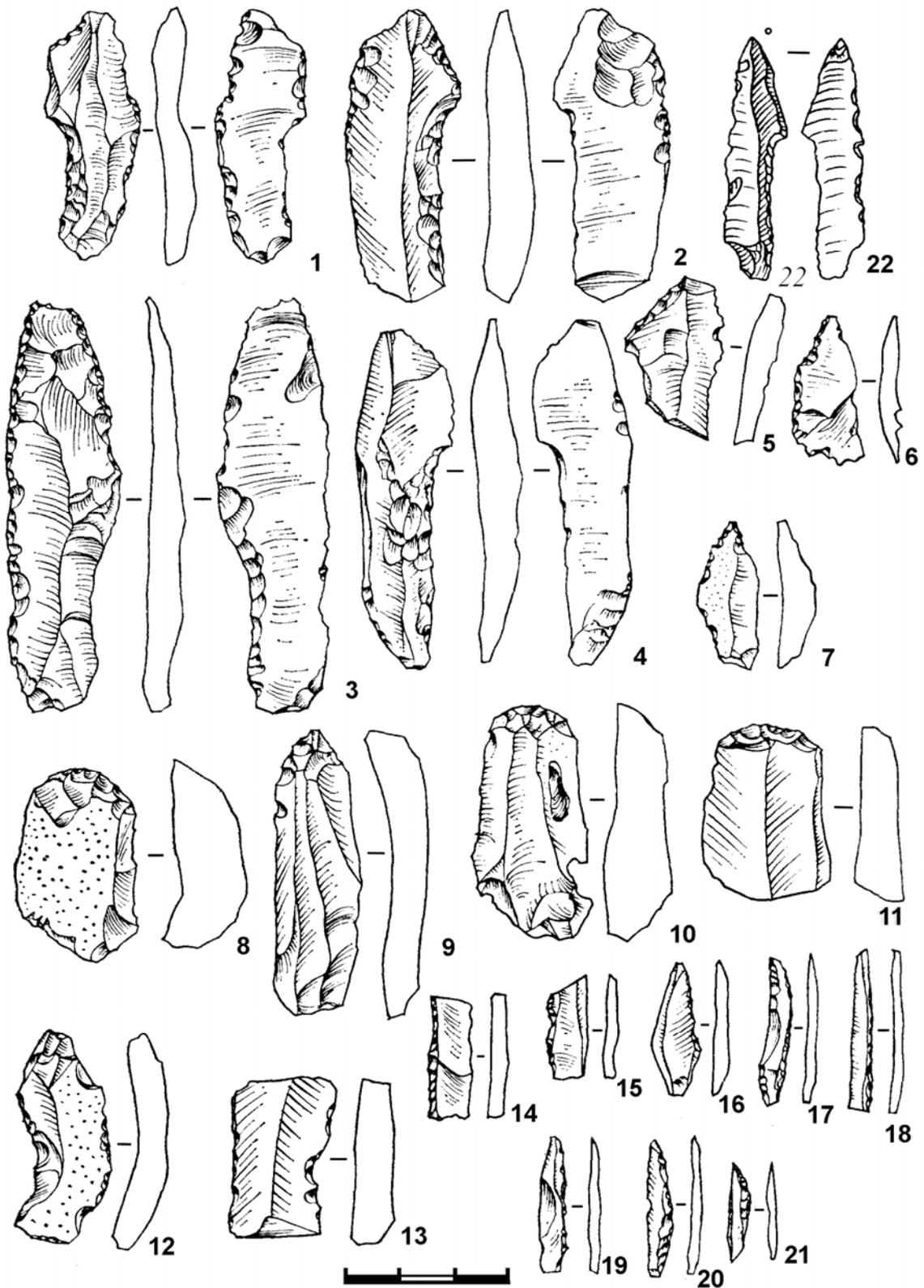

Рис. 10. Подлужье (Бердыж): 1-4, 22 — наконечники с боковой выемкой; 5 — пластина со скошенным концом; 6-7 — орудия с заострением; 8-11 — скребки; 12-13 — скребки; 14-21 — микропластины и микроострия (по материалам раскопок К. Поликарповича 1938-1939 гг. и Е. Калечиц 1971 г.)

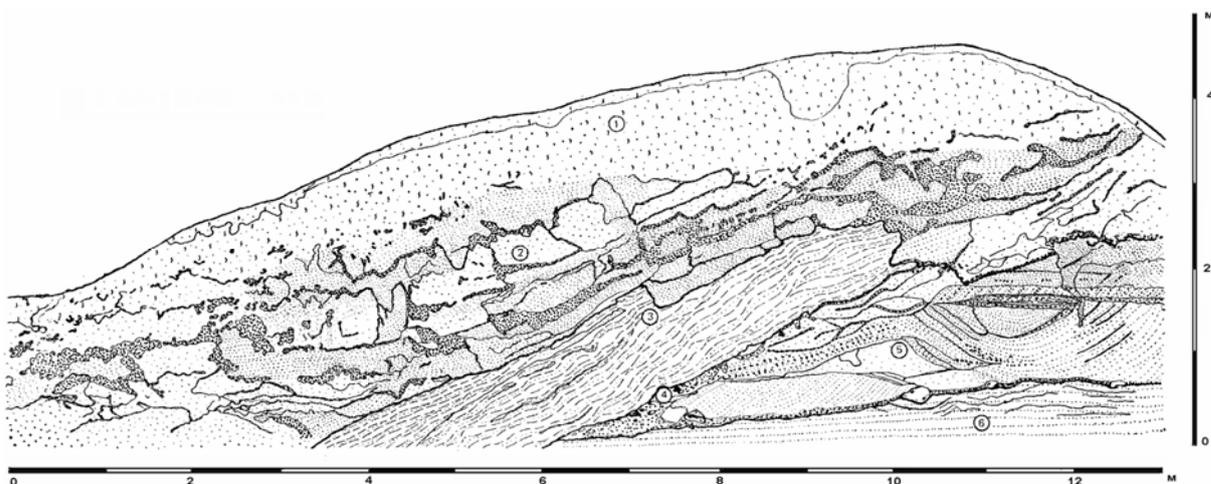

Рис. 11. Подлужье (Бердыж): схематический разрез мыса между Северным и Южным оврагами.
 1 — пылеватые и тонкозернистые пески; 2 — аллювиальные пески, криотурбированные по всей толще;
 3 — ритмично-слоистые отложения; 4 — базальный горизонт размыва; 5 — пестроцветная литологически
 разнородная толща, синхронная горизонту 6; 6 — подморенные пески

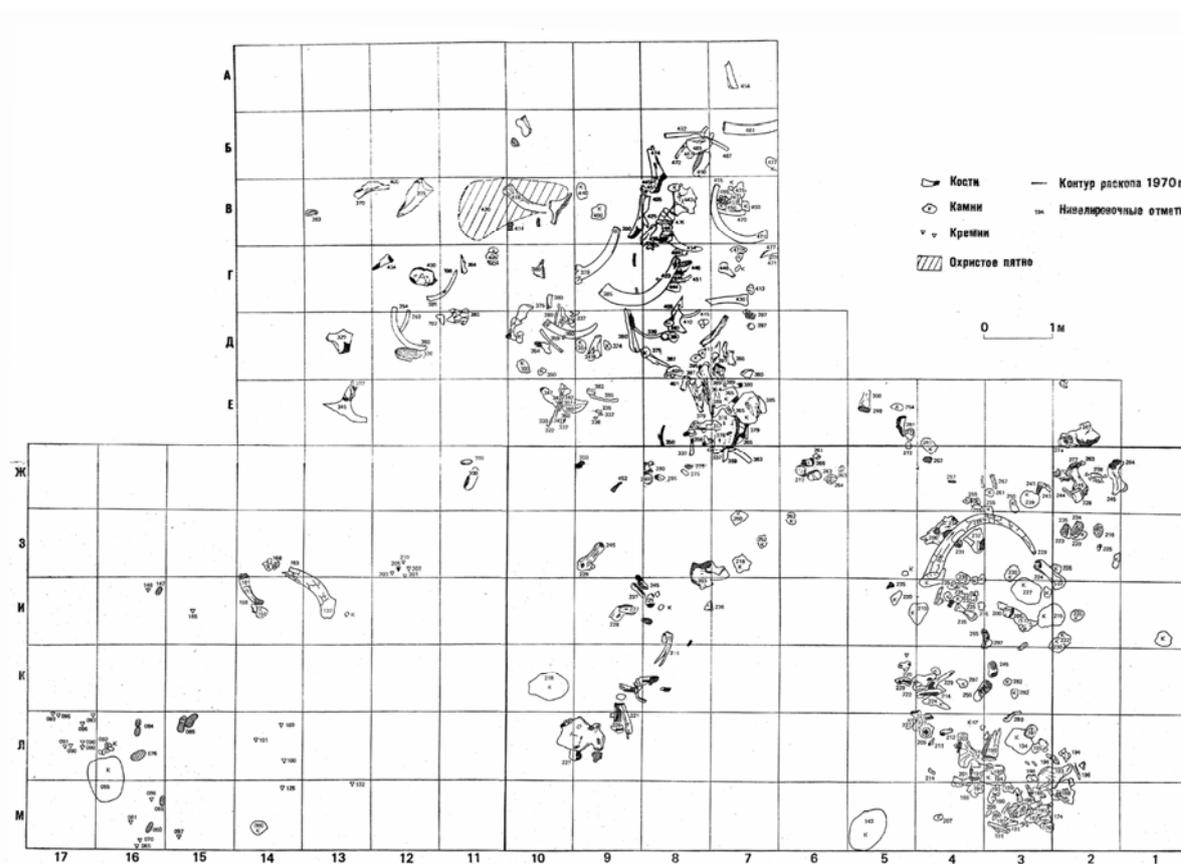

Рис. 12. Подлужье (Бердыж). Сводный план раскопов 1971–1972 гг. Е. Калечиц.
 На плане нанесены культурные остатки, не снятые В. Будько в 1970 г. и недобранные
 в процессе его предыдущих раскопов 1968–1970 гг.

М. Н. Желтова

Институт истории материальной культуры РАН

МЕСТО КАМЕННЫХ ИНДУСТРИЙ КОСТЁНОК 4 В КОНТЕКСТЕ ВЕРХНЕГО ПАЛЕОЛИТА ЕВРОПЫ *

Общая характеристика памятника. Костёнковско-Борщевский район расположен примерно в 40 км к югу от Воронежа, на высоком крутом правом берегу Дона, изрезанном глубокими (до 100 м глубиной) древними логами, где издавна и по сию пору селились люди. О значении этого района для мирового палеолитоведения не требуется говорить подробно, это уникальное явление хорошо известно любому исследователю каменного века. Здесь на относительно небольшой площади сконцентрировано около 60 памятников, разнокультурных и разновременных в пределах всего верхнего палеолита. Их изучение дало нам широкий спектр каменных индустрий, богатейшие коллекции предметов искусства, а также продемонстрировало разнообразие способов адаптации к окружающей среде, проявляющееся, прежде всего, в различных традициях домостроительства и организации структуры поселений.

Костёнки 4 (Александровская стоянка) занимают совершенно особое место среди верхнепалеолитических памятников Костёнковско-Борщевского района.

Памятник залегает в отложениях первой надпойменной террасы Дона, на левом борту оврага, образованного слиянием при впадении в долину Дона Александровского и Бирючьего логов. Имеющиеся радиоуглеродные даты помещают его в хронологическую группу, датируемую 21–23 тыс. лет т. н. Стоянка была открыта С. Н. Замятниным в 1927 г., его раскоп площадью 26 м² в 1928 г. расширил П. П. Ефименко, прирезавший еще 20 м². В 1937/1938 гг., 1953 и 1959 гг. раскопки были продолжены А. Н. Рогачевым (всего было вскрыто 922 м²), обнаружившим остатки чрезвычайно интересного поселения, состоявшего из двух углубленных длинных жилищ, расположенных под небольшим углом друг к другу на расстоянии 17–20 м (рис. 1). Длина южного жилища 34 м, северного — 23, ширина в обоих случаях — 5,5 м. Глубина составляла в среднем 20–30 см. К северному жилищу — сбоку и в конце — аккуратно примыкают два округлых жилых углубления верхнего горизонта, каждое 6 м в диаметре, с очагом в центре. Это обстоятельство, наряду с тем, что мощность обоих горизонтов была невелика и практически равнялась глубине жилой западины, а стерильная прослойка отсутствовала, очень усложнило картину планировки поселения. Между круглыми жилищами наблюдалось смещение двух разных по цвету горизонтов, увеличение общей мощности культурного слоя. Кое-где отчетливо выделялись яркие прослойки, перекрывающие или подстилающие окрашенный культурный слой (Желтова, 2009. С. 25–26). Идея о двух разновременных горизонтах поселения пришла к А. Н. Рогачеву спустя значительное время после раскопок. В первой публикации 1940 года он давал единую картину реконструкции поселения, для чего были определены основания (Рогачев, 1940. С. 40). Позднее, переоценив различные факторы, главным из которых был характер каменного инвентаря, А. Н. Рогачев пришел к выводу о разновременности и разнокультурности этих жилых комплексов.

* Работа выполнена в рамках гранта РГНФ 09-01-00573 а/Б «Проблема заселения Запада лесной полосы Восточной Европы в верхнем и финальном палеолите, мезолите».

Проблемы. После фундаментальной публикации А. Н. Рогачева, подробно освещающей результаты раскопок 1937–1938 гг., когда были раскопаны все четыре жилища, остался неразрешенным ряд вопросов.

Во-первых, поскольку коллекция разделялась по горизонтам спустя некоторое время после раскопок, возникли определенные сомнения, насколько точно это можно было сделать на тех участках, где культурные горизонты были смешаны. А. Н. Рогачев предлагал руководствоваться при этом различием «цвета кремня, техники его обработки и состава орудий» (Рогачев, 1955. С. 21). Самым естественным путем разрешения этой проблемы представлялся пересмотр всей коллекции каменного инвентаря Костёнок 4 в целом. В случае эффективности сформулированных А. Н. Рогачевым критериев разделения материала, процедуру было бы легко повторить, сняв тем самым все существующие вопросы. Однако при ближайшем рассмотрении эти критерии оказались недостаточными для распределения по горизонтам всех находок.

Вторая проблема заключается в определении культурного контекста поселений верхнего и нижнего горизонтов и их индустрий. Жилища такого типа, как в верхнем горизонте, округлые в плане и с одним (пусть и сложным) очагом в центре, распространены достаточно широко во времени и пространстве. Это самая простая и функциональная форма. И здесь не нужно далеко ходить за аналогиями. Зато во всей археологии палеолита больше неизвестно ни одного жилища, подобного длинным домам нижнего горизонта. Их ни в коем случае нельзя поставить в один ряд с так называемым длинным жилищем Костёнок 1, в реальном существовании которого возникает все больше обоснованных сомнений. Вместе с тем и с трехочажным жилищем Пушкарей имеются существенные различия, на которых мы остановимся ниже.

Что касается каменного инвентаря, то здесь ситуация еще более сложная. Первооткрыватель Костёнок 4 С. Н. Замятнин отмечал, что «по характеру своей индустрии Александровская стоянка значительно отличается от других стоянок этого района» (Замятнин, 1929. С. 212). И до сих пор это высказывание вполне справедливо, несмотря на то, что результаты раскопок А. Н. Рогачева полностью изменили первоначальные представления о памятнике. Отметим к тому же, что С. Н. Замятнин исследовал только часть южного длинного жилища, т. е. нижний горизонт. Своеобразие этой индустрии, на его взгляд, определяла наиболее многочисленная группа орудий — «пластинка с притупленным краем», а также большое количество долотовидных орудий, компенсирующее, по мнению автора, почти полное отсутствие резцов (Там же). Именно благодаря многочисленности долотовидных орудий, С. Н. Замятнин поместил Костёнки 4 (нижний горизонт) в одну группу с Костёнками 2 и 3, отмечая специфичность этой индустрии внутри группы.

П. П. Ефименко, также исследовавший часть южного длинного жилища, отнёс Александровскую стоянку к раннемадленскому времени, отметив «ориньякский облик» инвентаря — «производство, не обнаруживающее заботы о качестве материала, грубое по приёмам и бедное видами орудий» (Ефименко, 1934. С. 106). При этом преобладающим типом орудий были названы «грубые резцы», что наряду с бедностью инвентаря и использованием валунного цветного кремня опять же объединяет Александровскую стоянку, по мнению П. П. Ефименко, с такими «раннемадленскими» памятниками, как Костёнки 2 и 3.

Раскопки А. Н. Рогачева многократно увеличили коллекцию инвентаря нижнего горизонта. Открытие северного жилого комплекса к тому же сильно усложнило всю картину за счет чрезвычайно своеобразной коллекции верхнего горизонта. Наличие большой серии шлифованных орудий самых разных форм из сланца и известняка стало полной неожиданностью в то время, когда считалось, что шлифовка, как метод обработки камня, является одним из маркеров неолита. При этом здесь имелся небольшой, но выразительный ряд орудий с двусторонней обработкой, расцененной А. Н. Рогачевым как солютрейская ретушь.

Сложность в понимании общей ситуации в большой степени была продиктована восприятием французской схемы хронологии верхнего палеолита. В самом деле, трудно было себе представить, что раннемадленский слой может быть перекрыт солютрейским слоем (Рогачёв, 1955. С. 156). Если же отставить в сторону эти определения, то проблема переходит в другую плоскость, и, в сущности, проблемой быть перестаёт. Фактически, А. Н. Рогачёв именно это имел в виду, говоря об этнографических различиях в культурах палеолита. Именно материалы

Александровской стоянки привели А. Н. Рогачёва к выводу о невозможности «перенесения на берега Дона западноевропейской схемы эпох верхнего палеолита» (Рогачёв, 1955. С. 160). Однако вопрос о культурном контексте индустрии верхнего горизонта так и не был решен.

Характеристика сырьевой базы и ее значение для решения проблемы разделения материала. Главным из критериев разделения материала по горизонтам А. Н. Рогачев считал «использование различного по характеру кремневого сырья, добывавшегося обитателями круглых и удлиненных жилищ в различных месторождениях» (Рогачев, 1955. С. 37). Отличительным признаком сырьевой базы верхнего горизонта использование светлого мелового кремня, и, наряду с ним, цветного и серого кремня, кварцита и сланца. Для изготовления орудий нижнего горизонта использовался «почти исключительно меловой кремень хорошего качества, темного цвета» (Рогачев, 1955. С. 120).

Рассматривая весь каменный инвентарь из расщепленного сырья в целом, можно отметить следующие черты:

- в коллекции абсолютно доминирует меловой кремень хорошего качества;
- подавляющее большинство артефактов покрыто характерной молочно-голубой патиной;
- использование черного кремня (мелового) хорошего качества почти без патины связано с определенными категориями артефактов. Это граветтийские острия, концевые скребки на пластинах с узким лезвием, пластинчатые отщепы и часть различных микропластинок с притупленным краем. Отщепы других форм и отходы производства из этого кремня отсутствуют, другие орудия тоже;
- примесь цветного кремня хорошего качества минимальна;
- в очень небольшом количестве для изготовления орудий использовался кремнистый известняк;
- имеется ряд артефактов из грубой кремнистой породы плохого качества, трещиноватой. Почти всегда это куски породы с единичными снятиями, однако, есть несколько грубых остроконечников из этого сырья;
- из всех костёнковских памятников Александровская стоянка имеет самую большую коллекцию орудий из кварцита, техника обработки которого не отличалась от техники обработки кремня;

Остановимся на этих наблюдениях чуть подробнее. Что касается мелового кремня, то в коллекции имеется несколько его разновидностей. Это черный непрозрачный кремень, который А. Н. Рогачев считал абсолютным маркером нижнего горизонта, светлый полупрозрачный кремень, темный полупрозрачный кремень, кремень с желтоватым оттенком и, наконец, самый распространенный непрозрачный меловой кремень, черный или темно-серый, имеющий чаще всего светло-серую или молочно-голубую патину и абсолютно доминирующий над прочими разновидностями сырья, причем в коллекциях обоих горизонтов. По всей видимости, этот вид сырья был доступен обитателям стоянки долгое время.

Что касается черного мелового кремня, как уже говорилось, использование его ограничивается некоторыми категориями артефактов. Складывается впечатление, что в виду исключительно хорошего качества его предназначали только для получения тонких и длинных ровных стандартизованных пластинок. Из них потом изготавливали граветтийские острия, вкладыши и скребки с узким лезвием. Речь идет не об индустрии нижнего горизонта в целом, а об утилизации небольшого количества специально принесенного сырья. Светлый полупрозрачный меловой кремень, характерный для индустрии верхнего горизонта, тем не менее «в незначительной мере употреблялся обитателями длинных жилищ» (Рогачев, 1955. С. 14). То есть это сырье было в большей или меньшей степени в ходу у населения длинных домов и круглых жилищ, и в силу этого трудно использовать его наличие как критерий для разделения материала на два горизонта.

Цветной кремень крайне немногочислен, но достаточно разнообразен. Здесь встречены: желтый прозрачный кремень, желтый и желто-коричневый непрозрачные, розоватый мраморовидный с желтыми и серыми прожилками (похожий на цимлянский), темно-коричневый и светло-коричневый с темными прожилками, серый и серо-бежевый. Все это кремень тонкозернистый, хорошего качества, принесенный в небольших количествах из разных источников (часто

в виде единичных артефактов). Например, скребок из южного длинного жилища нижнего горизонта на первичном пластинчатом отщепе серовато-песочного прозрачного кремня хорошего качества, поверхность которого имеет общую залощенность, вкупе с другими признаками свидетельствующую о длительной транспортировке орудия в кожаном мешочке или лоскуте (рис. 9: 8). Не только этот предмет из цветного кремня, но и некоторые другие принесены изда- лека, то есть далеко не весь цветной кремень местного происхождения.

Есть несколько разновидностей средне- и крупнозернистых кремнистых пород: серо- желтый и бурый, а также кремнистый известняк. Эти последние виды сырья, по-видимому, на- ходились неподалеку от стоянки и использовались ситуационно, в том числе для изготовления рубящих орудий.

Попытки решения проблемы источников костёнковского кремня предпринимались по- стоянно разными исследователями, начиная с П. П. Ефименко, и продолжаются по сию пору. Наибольший вклад в ее разработку внесли работы П. И. Борисковского 1957–1959 гг. (Бори- сковский, 1963. С. 166 и далее). В ходе разведок между Доном и р. Оскол, по течению Дона, Тихой Сосны, Оскола и его притоков были определены три зоны: зона отсутствия месторожде- ний мелового кремня (70–90 км к западу, юго-западу и югу от Костёнок), зона распространения мягкого опоквидного серого кремня, непригодного для обработки (100–130 км от Костёнок) и, наконец, зона распространения месторождений черного мелового кремня (рис. 2). С этой зоной связан ряд стоянок-мастерских разного времени, от палеолита до неолита. Петрографические исследования показали резкое отличие костёнковского кремня от деснинского (Пушкари I), приазовского (Амвросиевка, Новоклиновка II) и нижнеднестровского (Большая Аккаржа) (Бо- рисковский, 1963. С. 190). При этом часть костёнковского сырья демонстрирует сходство с ос- кольскими, другая часть — резкое отличие. Однако нам неизвестно, брались ли для этого ис- следования образцы кремня из Костёнок 4, и если да, то какие именно. Поэтому в настоящее время необходимо отобрать образцы максимального количества имеющихся разновидностей кремня, провести их петрографический анализ. Может быть, тогда вопрос о разных источниках кремня удастся решить.

Краткая характеристика техники расщепления. Технику расщепления нижнего гори- зонта Костёнок 4 можно в целом охарактеризовать как пластинчатую, призматическую. Здесь было найдено около 200¹ целых нуклеусов и их осколков (Рогачев, 1955. С. 120). В основном это остаточные формы (3–8 см, что соответствует в основном и размерам орудий). Самая круп- ная пластина достигает длины 11 см. Нуклеусы одно- и двуплощадочные, призматические (рис. 3). Одноплощадочных с прямой площадкой около 20, уплощенных со скошенной площад- кой — 8. Двуплощадочные — уплощенные, с площадками, скошенными назад, их насчиты- вается 37. На тыльной части во многих случаях сохраняется желвачная корка. Почти все нукле- уссы и многие заготовки имеют следы абразивной подработки края ударной площадки. Процент нуклеусов по отношению ко всему расщепленному кремню составляет 0,4, процент орудий — 12 (Борисковский, 1963. С. 167). Самой многочисленной группой артефактов являются пла- стинки разных размеров с ретушью или без таковой. «В культурном слое нередки находки от- щепов с желвачной коркой, но, обычные на местах изготовления кремневых орудий, осколки желваков кремня здесь совершенно отсутствуют» (Рогачев, 1955. С. 120). Однако надо отме- тить немалое количество осколков кремня, в том числе и мелких, в коллекции 1928 г. (южный жилой комплекс, раскопки С. Н. Замятнина).

Верхний горизонт демонстрирует нам совершенно те же типы призматических нукле- усов: обычные одноплощадочные с плоской площадкой (32) (рис. 3: 3), уплощенные двуплоща- дочные со скошенными площадками (18), плюс 40 фрагментов нуклеусов. Отмечается малое количество нуклеусов по сравнению с количеством расщепленного кремня. В западном жили- ще 24 нуклеуса, считая фрагменты, при 8000 единицах кремня, в восточном — 45 при 6500. По

¹ Все подсчеты в этой статье, кроме специально оговоренных случаев, приводятся по А. Н. Рогачеву. Несмотря на некоторые противоречия этих подсчетов, они вполне достаточны, чтобы составить общее впечатление об индустрии.

подсчетам П. И. Борисковского, процент нуклеусов ко всему расщепленному кремню составляет 0,6 (без учета вторичных торцовых нуклеусов), процент орудий — 11.

Как и в нижнем горизонте, пластинки и отщепы с ретушью и различными следами использования составляют самую многочисленную группу артефактов, причем количество пластинок втрое превышает количество отщепов.

Отличительной чертой этой индустрии является наличие серии торцовых нуклеусов на массивных отщепах и сколах, которые формально типологически, по упоминанию А. Н. Рогачева, могут рассматриваться как многофасеточные резцы (Рогачев, 1955. С. 37), составляя значительную часть орудий с резцовыми сколами. Тем не менее, у них обычно совсем неподходящий угол для резца, а многие резцовые сколы формируют в некоторых случаях выпуклый фронт нуклеуса. В западном жилище таких нуклеусов 100 (рис. 3: 6), в восточном — 79. Микропластинки, получаемые с этих нуклеусов, по мнению А. Н. Рогачева, отличались миниатюрностью по сравнению с микропластинками нижнего горизонта и служили основными заготовками для разного рода вкладышей и острий.

Типологическая характеристика кремневой индустрии нижнего горизонта. Микропластинки с притупленным краем (рис. 4), включая острия на таких заготовках, существенно доминируют над другими категориями орудий (свыше 2000 экземпляров) (Рогачев, 1955. С. 122). Среди них есть микропластинки с одним и двумя притупленными краями, с волнистыми и зубчатыми краями, с притупленными концами и различными комбинациями этих элементов. А. Н. Рогачев подразделял эти артефакты на восемь типологических групп, не совсем равнозначных. Первая — самая многочисленная — включает в себя микропластинки с притупленным краем без ретуши на концах, часто с сохранившимся ударным бугорком (87 предметов). Вторую группу составляют микропластинки с притупленным краем и поперечной ретушью дистального конца (48 экз.), а третью — с поперечной ретушью проксимальной части (52 экз.). Скорее всего, по сути своей это одни и те же орудия. Следует упомянуть, применительно ко второй и третьей группе, что речь идет, разумеется, только о целых предметах. Четвертая группа весьма близка двум предыдущим, к ней отнесены 46 микропластинок с притупленным краем и поперечной ретушью на обоих концах. Часто эти предметы имеют ретушь, преднамеренную или вследствие утилизации, на краю, противоположном притупленному. Все эти четыре группы, при минимальных типологических отличиях, представляют собой вкладыши орудий, различимых лишь на трасологическом уровне. Однако детальный трасологический анализ микропластинок Костёнок 4 пока остается делом будущего.

Те же четыре подвиды по наличию и расположению поперечной ретуши можно выделить в пятой группе А. Н. Рогачева — микропластинки с притупленным краем и зубчатой ретушью на противоположном краю (25 предметов, рис. 5: 20–32). Благодаря такому выразительному элементу, как зубчатая ретушь, здесь можно учитывать и фрагменты (еще 75 предметов). Но как раз именно эта группа неоднородна, и дело не столько в расположении или отсутствии поперечной ретуши, сколько в характере зубчатой. По сути, она подразделяется на собственно зубчатую ретушь и волнистую. В первом случае зубчик и соседняя выемка формируются одной фасеткой (рис. 5: 29), либо группой микрофасеток (рис. 5: 25), но зубчики обязательно острые. Что касается функции этих орудий, А. Н. Рогачев рассматривал их не как пилки, а как «специальные орудия для разрезания шкур, сухожилий и т. п.» (Рогачев, 1955. С. 126). Мне более вероятной версией представляется использование этих пластинок в качестве вкладышей охотничьего вооружения — зубчики оставляют рваные раны и животное истекает кровью, даже если не удастся нанести ему решающий удар. Волнистая ретушь — совсем другой элемент с морфологической и функциональной точек зрения. Эта ретушь формируется группами мелких фасеток, образующими плавные выемки и выступы, причем достаточно часто эта ретушь бывает довольно крутой. Решать вопрос об их функциональном назначении можно только с помощью трасологического анализа. Однако их наличие, как и зубчатых микропластинок, несомненно, является ярким элементом культурного своеобразия этой индустрии.

Оставшиеся две группы представляют собой острия на микропластинках (и пластинках) с притупленным краем. Шестую группу составляют т.н. «шиловидные острия, или кремневые

шилья» (30 целых и 70 обломков)² (Рогачев, 1955. С. 126). Притупливающая ретушь, иногда встречаемая, идет до самого конца заготовки, захватывая ее кончик (рис. 6). Острие формируется мелкой ретушью по противоположному краю. Именно в этой группе мы наблюдаем самые прямые в профиле и крупные заготовки, максимальные размеры целых острий: длина — 7 см, ширина — 1,4, толщина — 0,8. Среди этих острий имеется 10 экземпляров с поперечной ретушью на основании и четыре с зубчатой ретушью (плюс три фрагмента). И, наконец, седьмую группу орудий составляют острия типа граветт (9 целых и 54 фрагмента). Их отличие от шиловидных острий А. Н. Рогачев видел в отсутствии ретуши, формирующей острие, в дистальной части края, противоположного притупленному. Причем 30 фрагментов принадлежат остриям, оформленным в проксимальной части заготовки и 24 — в дистальной. Очевидно, что разница между шестой и седьмой группами практически невелика, и те, и другие острия с должным основанием могут быть отнесены к граветтийским.

Последнюю группу представляют собой 50 микропластинок с выемкой на краю заготовки, оформленной крутой ретушью. Прилегающий к выемке конец заготовки у них всегда обломан, что навело А. Н. Рогачева на мысль, что эти предметы сломаны в ходе ретуширования притупленного края.

Оставшиеся фрагменты микропластинок с притупленным краем подразделяются на 210 дистальных фрагментов без поперечной ретуши, 243 дистальных фрагмента с поперечной ретушью, 424 проксимальных фрагмента без поперечной ретуши, 299 проксимальных фрагментов с поперечной ретушью и 900 медиальных фрагментов.

Долотовидные формы (*pièces écaillées*) составляют вторую по численности группу орудий. *Pièces écaillées* чаще всего бывают на отщепах, реже на пластинках, еще реже на орудиях или остаточных нуклеусах (рис. 8). Всего их насчитывается около 1200, включая фрагменты (около 400). Вряд ли действительно оправдано подразделение их на три вида, исходя из заготовки. *Pièce écaillée* относится к тем категориям орудий, где морфология напрямую связана с функцией, т.е. в большой степени является ее следствием и зависит от стадии сработанности орудия. Типология как таковая мало что дает для понимания этого явления. Использовалась ли в качестве *pièce écaillée* пластинка или отщеп, результат будет одинаковым. Немного иная ситуация с нуклеусами, они, как правило, являются остаточными при биполярном расщеплении (Синицын, 2007. С. 11). Как справедливо отметил А. А. Синицын, «в условиях невозможности однозначной привязки *pièces esquillées* к культуре, эпохе или территории связь долотовидных изделий со специфическим видом деятельности остается практически единственным возможным вариантом их интерпретации» (Там же). Рассматривая три наиболее аргументированных точки зрения относительно их функционального определения, А. А. Синицын отмечает, что для Костёнок 4 наиболее реалистичной выглядит предложенная Ф. Ле Брюн-Рикаленом модель использования *pièces écaillées* в качестве посредников для разрубания костей и дерева, в комплекте с камнями с чашечкообразными углублениями.

Относительно мало количество резцов в рассматриваемой индустрии. Их насчитывается всего около 150 экземпляров, включая отщепы с резцовым сколом. Из них на углу сломанной пластинки — 32, боковых ретушных — 27 (15 на пластинке, 12 на отщепе), срединных — 14. Остальные представляют собой предметы с резцовым сколом лишь с формально-типологической точки зрения, резцами они не являются.

Скребки насчитывают 220 экземпляров (плюс 23 обломка), 100 из которых было изготовлено на отщепах и 77 — на пластинках и фрагментах пластинок, причём абсолютно преобладают концевые формы (рис. 9). Надо отметить, что в некоторых случаях лезвие оформлялось в проксимальной части пластин. Обращает на себя внимание серия из десяти концевых скребков с узким дугообразным лезвием на концах длинных геометрически правильных пластин. По форме лезвия концевые скребки подразделяются на выпуклые дугообразные, иногда слегка асимметричные, слабовыпуклые, выемчатые, узкие и узкие с округлым асимметричным выступом, со скошенным лезвием. Лезвие одного скребка имеет четкую стрельчатую форму. Наибо-

² К сожалению, здесь имеется противоречие в подсчетах фрагментов острий, далее А. Н. Рогачев говорит о 7 остриях со сломанными кончиками и 11 обломках кончиков (Рогачев, 1955. С.130).

лее интересными являются скребки с носиком в середине лезвия, с уголками, ограничивающими лезвие и различными комбинациями этих элементов. Другие формы представлены скребками на отщепах: комбинированными с боковым резцовым сколом, скребками на округлых отщепах, боковыми. Надо упомянуть, что у 20 экземпляров наблюдается чешуйчатая подтеска лезвия на вентральной поверхности (рис. 9: 6, 7, 9, 10), а один скребок на фрагменте широкой пластины даже имеет желобчатое вентральное снятие на основании.

Интересна находка восьми каменных наковаленок из твердого песчаника и сланца и шесть камней со следами употребления в ударной функции, например, для дробления костей. Обращает на себя внимание отсутствие отбойников во всей индустрии нижнего горизонта, если не считать несколько галек из северного длинного жилища, имеющих немногочисленные следы ударов по твердому материалу.

Типологическая характеристика кремневой индустрии верхнего горизонта.

Наиболее многочисленной группой орудий, как и в индустрии нижнего горизонта, здесь являются микропластинки с ретушью и острия на них (более 400 экземпляров, считая фрагменты). С точки зрения А. Н. Рогачева, они отличаются меньшими размерами и способом обработки от микропластинок нижнего горизонта. «Вторичная обработка ретушью в большинстве случаев не изменяет форму заготовки» (Рогачев, 1955. С. 42). Что касается размеров заготовки, то в какой-то степени это справедливо, максимальные размеры составляют: длина 5 см, ширина 0,9 см, толщина 0,5 см. По крайней мере, здесь нет таких крупных острий, как в нижнем горизонте, и таких толстых заготовок, где притупленный край оформлялся встречной ретушью. Однако в остальных случаях притупляющая ретушь ничуть не отличается. Наиболее распространенный вариант вторичной обработки представляет собой комбинацию притупленного края с мелкой, чаще всего вентральной ретушью, скашивающей противоположный край в проксимальной и/или дистальной части (рис. 7: 7–18). При этом на основании всегда остается малая часть ударной площадки, так что острие не образуется. В дистальной части иногда оформляется острие, таких целых орудий найдено около десятка. Всего же целых орудий такого типа 79, еще 60 почти целые, обломан только самый кончик. Дистальных фрагментов 94, проксимальных 106 и медиальных 154. Указывая на большое количество аналогичных орудий во втором слое Костёнок 8, А. Н. Рогачев интерпретировал их как составные части рыболовных крючков, выступая против выдвинутой П. И. Борисковским концепции использования их как вкладышей метательного охотничьего вооружения. Однако, учитывая многочисленность находок подобных микропластинок в Амвросиевке и на других стоянках верхнего палеолита Русской равнины, где и речи нет о рыболовстве, точка зрения П. И. Борисковского представляется более основательной. Косвенно она подтверждается и на рассматриваемых материалах, во-первых, отсутствием костей рыб, во-вторых, отсутствием других типов охотничьего вооружения.

Резцы — вторая по численности категория орудий (более 250 экземпляров), причем большинство из них — срединные (139). Большая их часть изготовлена на крупных пластинах, имеется около 20 двойных срединных резцов (рис. 11). Максимальные размеры двойных резцов: длина 12,5 см, ширина 3,5 см, толщина 1 см. Несомненно, надо учитывать, что не все изделия с резцовым сколом в действительности были резцами. Техника резцового скола является одним из любимых приемов обработки в индустрии верхнего горизонта. Как уже говорилось, здесь немало вторичных нуклеусов, представляющих собой с формальной точки зрения многофасеточные резцы. В коллекции присутствуют многочисленные резцовые сколы подправки рабочих лезвий орудий. Кроме того, во многих случаях, на которых мы ниже остановимся специально, резцовыми сколами оформлялась проксимальная часть орудия. Это касается, в частности, некоторых экземпляров двойных срединных резцов (Семенов, 1950. С. 159–165). Остальные резцы представлены 50 экземплярами на углу сломанной пластины и 18 ретушными боковыми.

Листовидные острия на крупных пластинах с основанием, оформленным в виде срединного резца, являются основным специфическим типом индустрии верхнего горизонта. А. Н. Рогачев называл эти орудия просто «листовидными остриями». Значительно позднее появилось название «острия александровского типа», так как очевидно, что эти орудия имеют определенный набор признаков, четко выделяющих их из общего контекста листовидных острий

(Желтова, Хлопачев. С. 121) (рис. 12). А. Н. Рогачевым они рассматривались как универсальные орудия, связанные с охотой, подобно наконечникам с боковой выемкой, т. е. в качестве наконечников дротиков, ножей, а иногда и проколов (Рогачев, 1955. С. 49–50). Тем не менее, два орудия с видимыми невооруженным глазом следами использования, определены С. А. Семёновым как строгальные ножи по дереву (Рогачев, 1955. С. 51) (рис. 12: 8). При этом С. А. Семёнов специально отмечал их существенное отличие от ножей Костёнок 1 и Тимоновки (Семёнов, 1957. С. 134–136). Такое противоречие в понимании роли этих орудий в хозяйстве обитателей верхнего горизонта поселения не могло не обратить на себя внимание, и было предпринято специальное исследование морфологии и функции александровских острий (Желтова, в печати). Первые проблемы возникли с подсчётами: по А. Н. Рогачеву, количество целых острий составляет 35 экземпляров, дистальных фрагментов — 74, проксимальных — 63 и медиальных — 21 (Рогачев, 1955. С. 47). Однако при ближайшем рассмотрении становится ясно, что фактически речь может идти только о целых остриях, а также, с серьёзными оговорками, о дистальных фрагментах. Проксимальные же фрагменты представляют собой морфологически просто обломки срединных резцов, а медиальные — сечения пластин с ретушью. Дистальных фрагментов в коллекции числится 37, из которых семь точно не относятся к остриям александровского типа. Группа целых листовидных острий также далеко неоднородна, к тому же не столь многочисленна, как указано в публикации. Помимо ножа костёнковского типа, очевидно, случайно учтенного в этой категории, три острия имеют ретушированное основание без оформления его в виде срединного резца (рис. 12: 4, 10), есть еще один экземпляр с боковым резцом в проксимальной части (рис. 12: 2) и одно орудие с тупым концом (рис. 12: 8). Классических целых александровских острий всего девять из кремня и одно из кварцита (у второго основание оформлено только краевой ретушью). Если рассматривать их вместе с вышеупомянутыми экземплярами, то они представляют собой орудия на крупных пластинах, у пяти из 16 предметов прямой профиль, у остальных — изогнутый в разной степени. Длина колеблется от 11,7 см до 5 см, ширина — от 4,3 см до 1,6 см, толщина — от 1,6 см до 0,6 см. Индекс массивности пластин (отношение ширины к толщине) лежит в пределах 3,8–2,66. То есть мы видим, что с морфологической точки зрения, эти орудия вряд ли могли являться наконечниками метательного вооружения, при таких пропорциях заготовок изогнутый профиль у них недопустим. За малым исключением, они симметричны, рабочий конец выделен ретушью. Краевая ретушь разнообразна в дистальной части, практически всегда она становится полой уже к середине заготовки. По функции вся группа разбивается на три подгруппы³: 1) инструменты для деревообработки (9), 2) наконечники метательного вооружения, переоформленные в острия александровского типа (3) и 3) ножи для разделки добычи (4). Два острия учитываются одновременно в 1 и 3 группах, так как имеют следы использования по дереву и от разделки добычи. Кстати, кроме трех наконечников из второй подгруппы, больше ни одного в коллекции не обнаружено. А в этой подгруппе из трех предметов всего лишь одно классическое александровское острие. Следует отметить также, что по данным трасологического анализа, проксимальная часть лишь в одном случае использовалась в качестве резца. Следы от рукояти уверенно диагностируются в трех случаях и еще в двух — с некоторой долей вероятности. Соответственно, вопреки приведенному выше предположению А. Н. Рогачева, эти острия, как классические, так и атипичные, не являются своеобразным заменителем наконечников с боковой выемкой в орудийном наборе памятника. Как и многие типы каменных орудий, они полифункциональны, однако в большинстве своем изготавливались и использовались для обработки дерева.

Скребок найдено, по подсчетам А. Н. Рогачева, 76, из них 38 целых и 14 фрагментов концевых на пластинах с выпуклым дугообразным лезвием (рис. 10). Кроме того, имеется 11 скребков с оформлением резца в основании, чаще всего срединного (рис. 10: 8, 12), 6 — на пластинах с ретушью по всему периметру и один двойной концевой на пластине. К верхнему горизонту отнесены еще 16 фрагментов скребков. На самом деле, таких фрагментов больше, а лезвия скребков гораздо более разнообразны. Среди них встречены скребки с выраженными уголками, ограничивающими рабочее лезвие, с острым «носиком» или мягким, округлым вы-

³ Трасологический анализ был выполнен только для кремневых острий.

ступом в центре, с различными комбинациями этих элементов. Есть также асимметричные и выемчатые формы.

Малочисленным, но чрезвычайно выразительным компонентом этой индустрии являются орудия с двусторонней обработкой (рис. 13). Они типологически разнородны. Четыре предмета относятся к охотничьему вооружению, они изготовлены из кремня хорошего качества и отличаются тщательностью вторичной обработки. Самое крупное из них 20 см длиной, 4,7 см шириной и 1,4 см толщиной, узкой листовидной формы с прямым обломанным основанием, интерпретировалось как наконечник копья или клинок охотничьего ножа (Рогачев, 1955. С. 51) (рис. 13: 4.). Дистальная часть орудия, отбитая в древности, найдена рядом с ним. Кромка проксимальной части орудия затуплена от рукояти. Сохранность орудия не очень хорошая для изучения, мешают карбонатные натеки и многочисленные следы клея и мастики от реставрации (орудие было сильно повреждено при раскопках). Несмотря на это, в дистальной части видны микрофасетки и заполировка, характерная для резания мяса. Самый кончик орудия имеет характерный слом для ударно-проникающей функции.

Неподалеку от этого орудия был найден отбитый кончик наконечника или ножа, тонкий в сечении, обработанный покрывающей ретушью с двух сторон. На нем наблюдается «мясная» заполировка на самом кончике и по одному краю (рис. 13: 2).

Третье орудие с такой же двусторонней обработкой представляет собой небольшой (3,7 см длиной, 1,3 см шириной и 0,5 см толщиной) наконечник с боковой выемкой (рис. 13: 1). Его кончик, как и в первом случае, имеет характерный ступенчатый слом, в дистальной части развита «мясная» заполировка, в том числе и на уголках слома кончика. По-видимому, орудие было ретушировано в качестве мясного ножа. По всей поверхности наблюдается легкий люстраж, основание имеет поверхностную заполировку от обертывания кожей (при вставлении в древко).

Еще один предмет, являющийся дистальным фрагментом наконечника с боковой выемкой, также имеет на кончике характерный для наконечников ступенчатый слом (рис. 13: 3).

В отличие от рассмотренных выше орудий, шесть двустороннеобработанных остроко-нечников (из которых на самом деле только три имеют острый конец) отличаются грубостью обработки. Они изготовлены крупными сколами, один из кремня хорошего качества и пять — из трещиноватого зернистого цветного кремня. Об их функциональном назначении пока ничего определенного сказать нельзя.

Последнее орудие из этой группы — т. н. диск, почти линзовидный в сечении, обработанный крупными сколами, 4,2 см в диаметре. Это единственный экземпляр из кремня, зато в коллекции представлены подобные же орудия из сланца.

Всего найдено около 200 сланцевых орудий и кусков со следами обработки. Сланец серый и зеленоватый, реже желтый с белыми полосами добывался в моренных отложениях. Основные две формы сланцевых орудий — диски и стержни. Они изготавливались техникой оббивки, затем тщательно шлифовались. Отходы производства во множестве находились в культурном слое. Целых дисков было найдено 33, обломков 21 и 42 заготовки. Правильную круглую или чуть вытянутую форму имеют 16 дисков, края их остры, сечение линзовидное. Диаметр их колеблется от 3 до 6 см, толщина от 0,5 до 2 см. Диски имеют широкую полосу мелких выбоин, интерпретированных С. А. Семеновым как следы от употребления в качестве ретушера (Семенов, 1953. С. 451–454). Полоса располагается у круглых дисков вокруг центра, но не на самом краю, у овальных — на концах. Свободны от этих следов только самые маленькие диски, заготовка диска и один диск с просверленным с двух сторон отверстием в центре. В коллекции имеется такой же просверленный диск из известняка и несколько фрагментов известняковых дисков с отверстиями.

Из восьми стержневидных поделок, четыре представляют собой оббитые заготовки, а 4 — готовые изделия, тщательно отшлифованные со всех сторон и имеющие клиновидную форму. Самое крупное из них было 17 см длиной, 3 см шириной и толщиной. Основание их было прямым и плоским, что позволило А. Н. Рогачеву выдвинуть идею об их использовании в качестве пестов, т.к. на памятнике было найдено около 40 осколков терочных плит из кварцита и песчаника и около 40 терочников из кварцитовых, песчаниковых и сланцевых галек.

Список сланцевых орудий замыкают два рубящих орудия почти овальной формы из очень твердого сланца, изготовленные оббивкой и шлифовкой краев, и 21 обломок сланца со следами оббивки и шлифовки.

Следует упомянуть серию из 43 пестов-терочников из уплощенных кварцитовых, гранитных, песчаниковых и сланцевых галек. Они имеют от одной до трех смежных стертых плоскостей.

Культурный контекст

Как уже говорилось, вопрос о культурной принадлежности как верхнего, так и нижнего горизонта Костёнок 4 был и остается чрезвычайно сложным. С самого начала изучения памятника по этому поводу делались лишь самые общие заключения, в большинстве своем не имеющие конкретных оснований. Индустрия нижнего горизонта сама по себе не обнаруживает мадленских черт, как и верхнего — солютрейских. Ничего странного нет, что в то время, когда исследовался памятник, такая двусторонняя обработка, как на нескольких предметах из верхнего горизонта, воспринималась как «солютрейская» ретушь. Но с тех пор взгляды на стадиальное развитие в эпоху палеолита существенно изменились. Мало изменилась только ситуация с Костёнками 4. Теперь в археологической литературе укоренилось определение индустрии нижнего горизонта в контексте «граветтоидного» технокомплекса (иногда в сочетании с афонтовским), а верхнего — ориньякского (Аникович, 2008. С. 158, 167). При всей справедливости приводимых аргументов, они опять-таки кажутся недостаточными. Да и «ориньякская ретушь» в качестве аргумента не лучше «солютрейской».

Попробуем рассмотреть вновь всю картину на разных уровнях. У нас имеются два поселения с достаточно четко установленной планировкой. К сожалению, аналогичных по планировке поселений пока не известно, поэтому перейдем к уровню объектов.

А. Н. Рогачев неоднократно обращал внимание на несомненное сходство круглых жилищ верхнего горизонта с жилищем верхнего слоя Костёнок 8 (Рогачев, 1955. С. 28; 1957. С. 89). Форма жилищ, значительная углубленность в землю, размеры и положение очага, ямки в полу — практически все конструктивные детали действительно те же. Примечательно, что в жилище верхнего слоя Костёнок 8 у входа был найден череп пещерного льва. К юго-западу от очага в суглинке, перекрывавшем культурный слой западного круглого жилища, находились рядом две черепные коробки пещерного льва. Вслед за П. П. Ефименко, А. Н. Рогачев высказал предположение, что они, как и череп овцебыка в Костёнках 1, венчали кровлю жилища (Рогачев, 1955. С. 27). Немалое значение А. Н. Рогачев придавал и залеганию мощного культурного слоя с западной стороны от сравниваемых жилищ.

Что же касается длинных домов нижнего горизонта (рис. 1), то они не имеют аналогий. Пожалуй, в какой-то степени, одна (любая) из секций южного жилища могла бы быть сопоставлена с трехочажным жилищем Пушкарей 1, но только в том, что касается земляной его части. Самая большая, западная секция южного жилища Костёнок 4 имела длину 14 м, ширину 5,6 м пологие края, только западная стенка была крутой. Три углубленных очага были расположены по продольной оси, один из них был наполовину разобран раскопом С. Н. Замятина в 1927 г. По предположению А. Н. Рогачева, помимо этого очага, в раскопе 1927 года должны были быть остатки и других, по меньшей мере, двух очагов, однако никаких данных об этом у С. Н. Замятина, к сожалению, нет. Средняя секция размером 9 × 5,4 м была самой глубокой, при общей глубине жилой западины 20–30 см, здесь в северной части на большой площади глубина достигала 40 см. Края её были более крутыми. В средней секции располагалось четыре очажных углубления, первое из которых было перекрыто поверх 4–5-сантиметрового слоя зольной массы слоем стерильного суглинка. Длина восточной секции не превышала 10,5 м. Северный край её был хорошо выражен, а южный полого сливался с древней дневной поверхностью. Три очага, более крупных, чем в западной и средней секциях (диаметр каждого из них достигал 65 см), располагались на расстоянии 2 м друг от друга. Ещё одно очажное углубление, в самом западном конце восточной секции, было заполнено обычным культурным слоем. Лишь на дне были небольшие признаки зольности. Длина углубления пушкаревского жилища — 12,5–13 м, ширина — 5,5 м, глубина — 20–30 см. Стенки крутые, но на северо-востоке и юго-западе — небольшие пологие участки. По продольной оси жилища находились три углубленных чашеобразных очага на расстоянии около 1,8 и 2,5 м друг от друга (по центрам). Собствен-

но говоря, на этом сходство и заканчивается. В конструкции жилища Пушкарей 1 важную роль играли крупные кости мамонта, чего мы совершенно не наблюдаем в длинных домах Костёнок 4. Кроме того, в отличие от жилища в Пушкарях 1, полы длинных домов Костёнок 4 были густо усыпаны ярко-красной охрой. Уже этого достаточно, чтобы отнести жилища Пушкарей 1 (костно-земляное) и нижнего горизонта Костёнок 4 (полуземлянка) к разным типам.

В археологии жилища, подобные длинным домам, встречаются только в гораздо более позднее время. Длинные дома известны очень широко во времени и пространстве только по этнографическим материалам.

Учитывая то, что костяные индустрии обоих горизонтов Костёнок 4 не слишком богаты и выразительны, нам остается лишь пытаться найти какие-то культурные связи на уровне каменного инвентаря. В этой работе не зря основное место уделено обзору каменных изделий верхнего и нижнего горизонтов, без подробного их рассмотрения любые умозаключения будут выглядеть голословными.

Суммируем те немногие аналогии, которые за все время были намечены для отдельных типов кремневых орудий, поскольку сами индустрии пока обособлены в культурном отношении не только в пределах Костёнковско-Борщевского района, но и вообще.

В описании каменного инвентаря верхнего горизонта мы уже упоминали микропластинки с притупленным краем и скошенным вентральной краевой мелкой ретушью основанием или концами, напоминающие «игловидные острия» второго слоя Костёнок 8 и Амвросиевки. В нашем распоряжении есть еще два ножа костёнковского типа и александровские острия. Кроме Костёнок 4, где найдена представительная серия этих острий, известно еще две единичные находки таких предметов — массивное типичное александровское острие из Зарайска, раскопки 2003 г. (С. Лев, устное сообщение) и острие из мужского погребения Костёнок 2. Что касается шлифованных орудий, то следует упомянуть находку очень похожего сланцевого клинообразного орудия из Борщево 6 (Лисицын, в печати).

С нижним горизонтом дела обстоят не лучше. Можно согласиться с М. В. Аниковичем, что большого количества *pièces écaillées* и наличия скребков с вентральными фасетками на лезвии недостаточно для отнесения Костёнок 16 и нижнего горизонта Костёнок 4 к одной культурной традиции (Аникович и др., 2008. С. 167). Равно же и малое количество резцов вкупе с большим количеством *pièces écaillées* — слабое основание для близости с афонтовским технокомплексом. Остаются граветтийские острия и различные варианты пластинок с притупленным краем, в том числе с зубчатой ретушью, то есть граветтийский компонент индустрии.

Граветтийские черты индустрии нижнего горизонта. Признавая принадлежность индустрии нижнего горизонта к граветтийскому технокомплексу, необходимо как-то обосновать эту точку зрения. Само по себе большое количество микропластинок с притупленным краем не является достаточным для этого аргументом. На относительно близких территориях не известно пока материалов, напоминающих в целом Костёнки 4. Совершенно очевидно, что граветтоидная индустрия нижнего горизонта не обнаруживает сходства с так называемым восточным граветтом, и в том числе с памятниками, относящимися к его вариантам в Костёнковско-Борщевском районе. Прежде всего, здесь полностью отсутствуют наконечники с боковой выемкой и ножи костёнковского типа. Основу орудийного набора составляют вкладыши — пластинки с притупленным краем и острия на таких пластинках. Исходя из формы острий, мы попытались рассмотреть степень сходства инвентаря нижнего горизонта с классическим западным граветтом. Для примера были взяты материалы Ла Граветт (Lacotte, 1960), подробно опубликованного с прекрасными иллюстрациями. Безусловно, Ла Граветт представляет собой совсем другой тип памятника, находящийся в иных природных условиях. Речь идет лишь об отдельных, но важных и выразительных чертах каменной индустрии. Отметим и ситуацию с источниками сырья, безусловно влияющую на технику расщепления — если в Костёнках 4 явно присутствуют признаки экономии качественного материала, то в Ла Граветт недостатка в сырье не было. Хотя и там, и там не наблюдается крупных первичных отщепов, что Ф. Лакорр объясняет подготовкой нуклеусов на месте сбора желваков (Там же. С. 146). В Ла Граветт было исследовано три граветтийских слоя (черный, желтый и красный), рассматриваемых в совокупности, так как они сформировались в относительно короткий промежуток времени и между их

каменными индустриями, по мнению Ф. Лакорра, не отмечается существенных различий. Основным специфическим типом здесь являются острия типа граветт, согласно размерам, разделенные на три группы: большие граветты, длиной 8–9 см (60 предметов), средние 5–8 см (108) и мелкие — до 4 см (32). Это острия на пластинках геометрических очертаний с одним притупленным краем, иногда с пологой ретушью по противоположному краю, в очень редких случаях с легкой вентральной подправкой основания (рис. 14). Достаточно часто притупливающая ретушь наносилась встречно.

Вернувшись к описанию шестой и седьмой групп, выделенных Рогачевым для микропластинок с притупленным краем, мы увидим, что можно говорить о наличии серии действительно граветтских острий среднего и малого размера в нижнем горизонте Костёнок 4. Примечательно наличие экземпляров с зубчатой и волнистой ретушью среди острий Ла Граветт (р.15). Хотя здесь отсутствуют представительные серии пластинок с притупленным краем и регулярной зубчатой ретушью, сформированной чередующимися фасетками, как в Костёнках 4, все же немало экземпляров с крутой зубчатой и волнистой ретушью. Зубчатая ретушь встречена в обоих памятниках и на отдельных пластинках и отщепках.

Существенными отличиями являются: отсутствие в Костёнках 4 ножей типа Шательперрон и Абри Оди, наконечников с боковой выемкой, резцов на граветтских пластинах (за исключением повреждений от удара), остроконечников. Пик всего один из сланца, резцов вообще меньше, чем в Ла Граветт, нет такого разнообразия, и сами заготовки отличаются меньшими размерами. Что касается скребков, то в Ла Граветт также имеется небольшая серия концевых на длинных узких пластинах (рис. 16: 1–9), немного скребков на отщепках и в принципе, все те же формы, за исключением скребков с носиком, или шипом. И опять же отметим более крупные заготовки, чем в Костёнках 4. По всей видимости, это свойство всей индустрии объясняется близостью источников сырья хорошего качества. И наконец, в Ла Граветт совсем нет *pièces écaillées*. Так что при несомненном сходстве отдельных типов орудий, различия довольно существенны.

Культурные параллели индустрии верхнего горизонта. Чрезвычайно интересная картина возникает при попытке сопоставления материалов верхнего горизонта Костёнок 4 с материалами Ложери-От Эст, опубликованными Ф. Бордом (Bordes, 1978. Р. 501–521). В этом контексте нами рассматриваются два слоя — 36 и 38, соотносимые со слоем F раскопок Д. и Э. Пейрони. При этом слой 38, окрашенный красной охрой, относится к протомадлену, по определению Пейрони.

Как справедливо заметил Ф. Борд, сравнивать количественно неравнозначные индустрии — процесс чрезвычайно деликатный (Bordes, 1978. Р. 521). Коллекция слоя 36 Ложери-От Эст насчитывает 412 предметов, слоя 38 — 75, а верхнего и нижнего горизонтов Костёнок 4 исчисляется тысячами артефактов. Поэтому нам трудно опираться на количественные показатели, и предстоит сделать основной акцент на качественных.

Прежде всего, обращает на себя внимание, что схема вариантов форм скребковых лезвий абсолютно соответствует таковой для Костёнок 4, при гораздо меньшем их количестве (24 концевых на пластинах, восемь из них на ретушированных, один двойной концевой и три на отщепках, из них один на округлом). Единственный скребок карене происходит, с большой долей вероятности, из нижележащего ориньякского слоя. При этом имеется восемь скребков с оформлением основания в виде срединного резца (рис. 16: 10, 11, 15), таких же точно, как в Костёнках 4 (там их 11). Три из них оформлены на ретушированных пластинах, Ф. Борд подчеркивает не «ориньякский», а «протомадленский» характер ретуши (Bordes, 1978. Р. 504). По Ф. Борду, протомадленская ретушь более пологая и меньше «срезает» край заготовки, чем ориньякская, к тому же она чаще субпараллельная, чем чешуйчатая. Это наблюдение абсолютно верно и для ретуши на крупных пластинах и орудиях верхнего горизонта Костёнок 4.

Что касается резцов, то они представлены одними и теми же типами в Костёнках 4 и Ложери-От-Эст, за малым исключением (рис. 17).

Срединных резцов в Ложери-От Эст насчитывается 40 и два фрагмента, угловых 5 и 23 на углу сломанной пластины. Есть еще 15 срединных многофасеточных резцов. Ретушных резцов 26: 9 из них срединные и 17 угловые, один из них многофасеточный. Картину дополняют семь многофасеточных комбинированных резцов. Все эти формы представлены в индустрии верхне-

го горизонта Костёнок 4, исключение же составляют имеющиеся в Ложери-От Эст резцы карене (2 экз.), два резца типа корбьяк. Поперечные ретушные резцы на отщепах в минимальном количестве присутствуют в обеих индустриях.

В отличие от кремневой индустрии Ложери-От Эст, индустрия верхнего горизонта Костёнок 4 не содержит таких форм, как бек (5 в Ложери-От Эст), цинкен (2), прокол со специально подготовленным длинным жальцем (4).

Из типов, присутствующих в обеих индустриях, но не достаточно выразительных, чтобы участвовать в решении вопроса о культурной принадлежности, можно перечислить усеченные ретушью пластины (25), пластины с краевой ретушью (25), пластины и отщепы с выемками (27).

Описываемые в статье Ф. Борда зубчатые формы (11) также малоинтересны, они разношерстны по характеру оформления, заготовок, морфологии. Складывается впечатление, что некоторые из них имеют случайное происхождение.

Гораздо больший интерес представляет собой группа микропластинок с притупленным краем, следует рассмотреть ее насколько возможно подробно. Во-первых, это 58 микропластинок с притупленным краем, пять из которых имеют встречную притупливающую ретушь, ширина их колеблется от 7 до 2,5 мм. Во-вторых, 22 микропластинки с притупленным краем и поперечной ретушью на конце (3 из них имеют такую ретушь на обоих концах) (рис. 5: 1–19). Ширина этих микропластинок также укладывается в пределы от 7 до 2,8 мм. В-третьих, микропластинки с притупленным краем и зубчатой ретушью, всего три, одна с поперечной ретушью на конце, и одна — на двух концах (самая маленькая 16 мм длиной и 3 шириной) (рис. 5: 13, 14, 15). Две имеют острые зубчики, оформленные чередующимися фасетками, одна — тупые и широкие, ее лезвие можно назвать скорее регулярно-выемчатым. Эти приемы обработки зубчатых лезвий нам хорошо известны по нижнему горизонту Костёнок 4, где серия таких пластинок велика и вариабельна. И, в-четвертых, одно острие на пластинке с притупленным краем.

Последнее, что следует упомянуть, это небольшой диск из мягкого камня, просверленный с двух сторон. Правда, края у него толстые, а не острые, и он не так тщательно отшлифован, как диски из Костёнок 4. Возможно, что обработка предмета не закончена.

Индустрия 38 слоя имеет в целом тот же характер, те же крупные пластины в качестве заготовок большей части орудий и та же «протомадленская» ретушь, те же типы резцов, скребков, пластин с ретушью, выемчатые орудия столь же разномастны. Существенным отличием является только присутствие двух фрагментов граветийских острий с вентральной ретушью на концах, одно микрограветийское острие такого же типа и один нанограветт. Из пяти микропластинок с притупленным краем одна имеет ширину 2 мм.

В обоих горизонтах в малом количестве имеются *pièces écaillées*: в 36 — 1 экземпляр, в 38 — 2 мелких.

Хотелось бы отметить и сходство этих материалов с каменным инвентарем 2 слоя Абри Пато, Здесь присутствуют те же крупные пластинчатые заготовки для большинства форм орудий, «протомадленская» ретушь, доминирование срединных резцов над другими типами, в целом те же формы скребков.

Выводы

1) Итак, мы можем заключить, что индустрия верхнего горизонта Костёнок 4 имеет много существенных общих черт с индустриями слоев 36 и 38 Ложери-От Эст, начиная от характера заготовок (крупные пластины) и приемов вторичной обработки («протомадленская ретушь», оформление срединных резцов как излюбленный технологический прием), и кончая набором типов орудий. Но самое главное, что в этих же горизонтах Ложери-От-Эст, пусть в малом количестве, содержатся аналогии существенным элементам индустрии нижнего горизонта Костёнок 4 — микропластинки с зубчатой ретушью, граветийские острия, *pièces écaillées*.

2) Последнее обстоятельство ставит под еще больший вопрос правомерность разделения индустрии Костёнок 4 на два горизонта сообразно типологическому набору орудий. Что касается сырья, то ситуация требует дополнительного изучения. На наш взгляд, не опирающийся

пока на петрографические данные, здесь также нет твердых оснований для однозначного разделения.

3) Рассмотренные нами материалы пока что единственные, имеющие реальное сходство с Костёнками 4, на более близких территориях ничего похожего не известно. Этого, пожалуй, мало, чтобы говорить о некоем «протомагдаленском» единстве, но вполне достаточно для того, чтобы рассматривать возможные пути миграций древнего населения.

Литература

- Аникевич М. В., Попов В. В., Платонова Н. И.* Палеолит Костёнковско-Борщевского района в контексте верхнего палеолита Европы. Труды Костёнковско-Борщевской археологической экспедиции. Вып. 1. СПб., 2002.
- Борисковский П. И.* Очерки по палеолиту бассейна Дона. Малоизученные поселения древнего каменного века в Костёнках // МИА. № 121. М.; Л., 1963.
- Ефименко П. П.* Палеолитические стоянки Восточно-Европейской равнины // Труды II международной конференции АИЧПЕ. Ленинград, Москва, Новосибирск, 1934.
- Желтова М. Н.* Костёнки-4: взаиморасположение объектов в пространстве и времени (анализ культурного слоя) // Археология, этнография, и антропология Евразии. 2009. № 2 (38). Новосибирск.
- Желтова М. Н.* Острия александровского типа: морфология, функция, контекст // Палеолит и мезолит Восточной Европы (в печати).
- Желтова М. Н., Хлопачев Г. А.* Каменные и костяные острия Костёнок 4 как культурно-хронологические индикаторы. // Верхний палеолит — верхний плейстоцен: динамика природных событий и периодизация археологических культур. СПб., 2002.
- Замятин С. Н.* Экспедиция по изучению культур палеолита в 1927 г. // Сообщения ГАИМК. Т. II. Ленинград, 1929.
- Лисицын С. Н.* Граветтский комплекс стоянки Борщево 5 в Костёнковско-Борщевском районе на Дону. // Палеолит и мезолит Восточной Европы (в печати).
- Рогачев А. Н.* Палеолитическое поселение Костёнки IV // КСИИМК. Вып. IV. М.; Л., 1940.
- Рогачев А. Н.* Александровское поселение древнекаменного века у села Костёнки на Дону // МИА. № 45. М.; Л., 1955.
- Рогачев А. Н.* Многослойные стоянки Костёнковско-Борщевского района на Дону и проблема развития культуры в эпоху верхнего палеолита на Русской равнине // МИА. № 59. Палеолит и неолит СССР. Т. 3. М.; Л., 1957.
- Семенов С. А.* Каменные ретушеры позднего палеолита // МИА. № 39. М.; Л., 1953.
- Синицын А. А.* Долотовидные орудия в палеолите Европы: распространение, типология, информативность. // Верхнедонской археологический сборник. Выпуск 3. Липецк; СПб., 2007.
- Bordes F.* Le Protomagdalénien de Laugerie-Haut-eEst(fouilles F. Bordes) // BSPF. 1978. Т. 75, No 11–12.
- Lacorre F.* La Gravette. Le Gravétien et le Bayacien. Laval, 1960.

THE POSITION OF STONE INDUSTRIES OF KOSTENKI-4 WITHIN THE CONTEXT OF THE UPPER PALAEOLITHIC OF EUROPE

The site of Kostenki-4 is buried in the deposits of the first above-floodplain terrace, its lithologically homogeneous cultural layer being subdivided into two horizons in the northern section of the site. The lower horizon includes two oblong dwelling structures, each with a row of fireplaces along the longitudinal axis. The upper horizon contains two rounded dwellings adjoining immediately the elongated northern dwelling structure.

Three radiocarbon dates obtained attribute the site under consideration to a chronological group within 21-23 millennia BC, alike with Kostenki- 3, Kostenki-21 and the upper layer of Kostenki-1. The Kostenki sites of this chronological group differ by the considerable diversity of their industries, types of dwelling structures and layouts of the settlements.

The results of excavations of Kostenki-4 have been fundamentally published by Alexander N. Rogachev, however a number of problems have remained unsolved.

Firstly, since only some years after the excavations the collection of the artefacts was classified according to the horizons where they were found, certain doubts have arisen as to how precisely it was possible to conduct this division for those areas where the cultural layers were mixed. At a closer examination, a number of typological, technological and raw-material criteria proposed by A.N. Rogachev in this connection have proved to be insufficient.

The second problem is that of identification of the cultural context of settlements of the upper and lower horizons and their industries. So far, there are no known Palaeolithic dwelling structures similar to the long houses of Kostenki-4. The round dwellings of the upper horizon have certain parallels, inter alia in the Kostenki-Borshchevo region, too (Kostenki-8, upper layer), although they are also somewhat peculiar.

As to the stone industries, it is beyond doubts, that the industry of the lower horizon belongs to the Gravettian technocomplex, while that of the upper layer — to the Aurignacian one. Nevertheless, it is presently hardly possible to define these limits more narrowly so as to attain a cultural definition.

This is true especially as regards the industry of the upper horizon including, along with certain specific types of flint tools, a broad series of ground schist tools. However, in recent years, a number of points slightly analogous to the Aleksandrov type, known until now only in Kostenki-4, have been discovered in the Russian Plain.

Basing on the notions of his age, A.N. Rogachev wrote that in Kostenki-4, the early Magdalenian layer was covered with the Solutrean one. This statement hardly is acceptable.

The difficulties in interpretation of the general situation was then to a great extent determined by the adoption of the French scheme for the chronology of the Upper Palaeolithic. If one puts aside those definitions, then the problem acquires another aspect and, indeed, ceases to be a problem. In fact, Rogachev did actually imply this when discussing the ethnographical differences in the cultures of the Palaeolithic. It is exactly the finds from the site of Aleksandrovskaya that draw Rogachev to the conclusion about the impossibility “to transfer the West-European schemes of the Upper Palaeolithic period onto the banks of the Don River”. Indeed, the bifacial working has here nothing to do with the Solutrean industries. Instead, it seems quite logical to compare finds from the upper horizon with those from layer 2 of Abri Pataud – the so-called Périgordian-7 (Proto-Magdalenian).

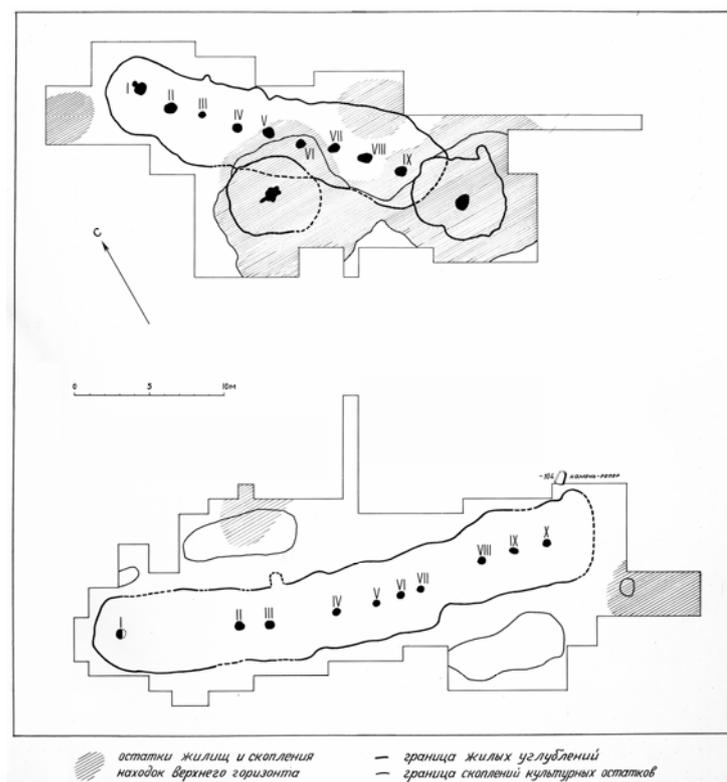

Рис. 1. План поселения Костенки 4

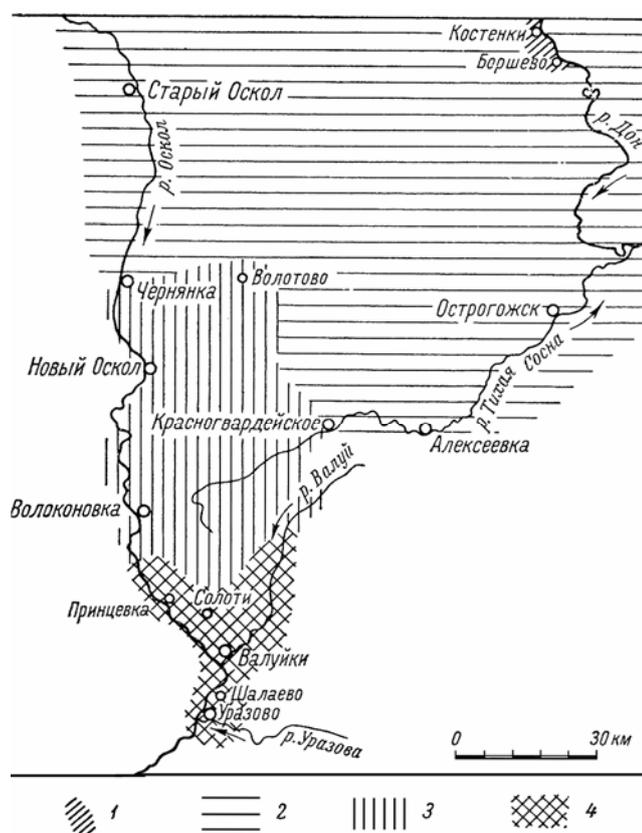

Рис. 2. Схема расположения месторождений кремня (по П. И. Борисковскому)

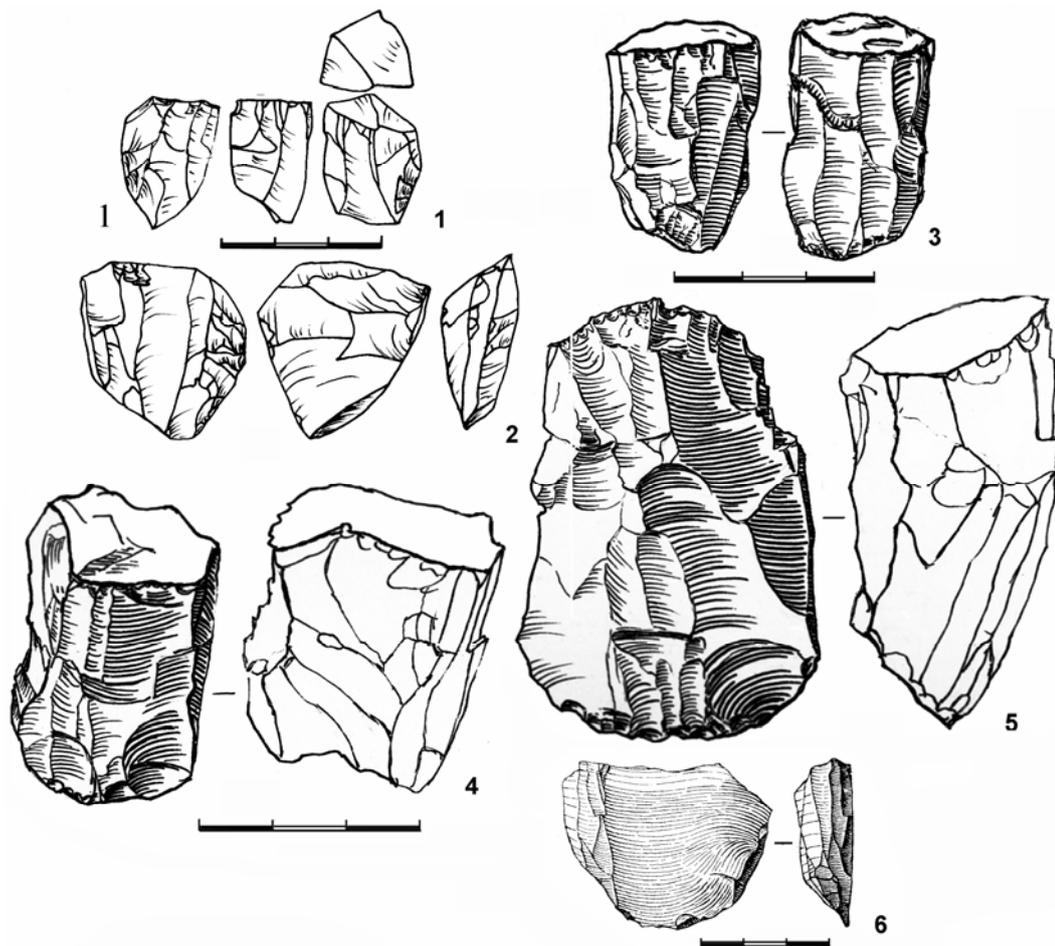

Рис. 3. Нуклеусы Костенок 4. Нижний горизонт: 1, 2 — южное жилище, 4, 5 — северное жилище; верхний горизонт: 3 — восточное жилище, 6 — западное жилище

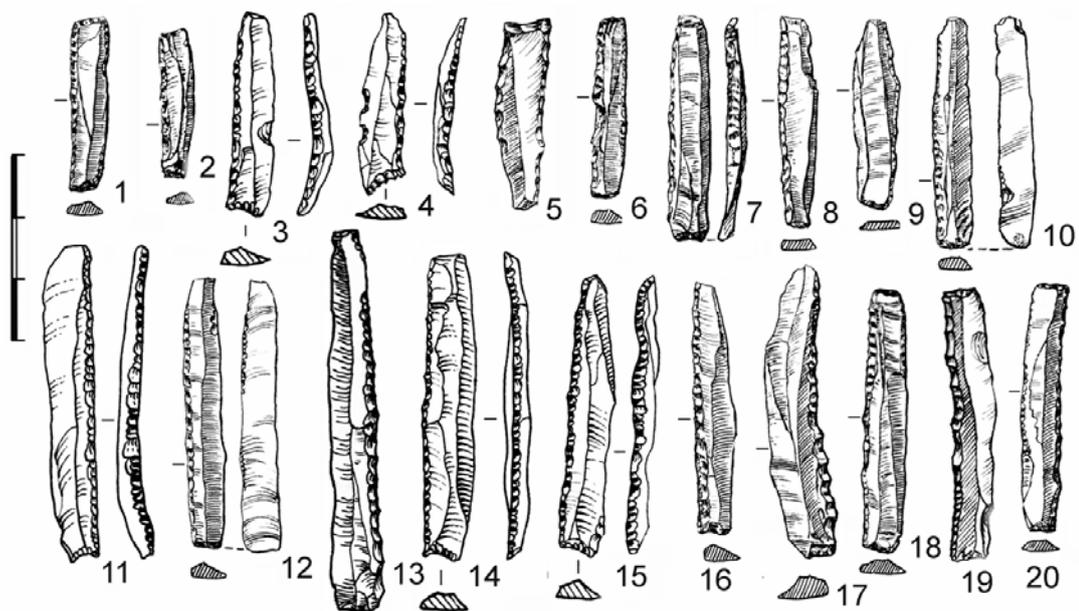

Рис. 4. Микропластинки нижнего горизонта Костенок 4 (по А. Н. Рогачеву)

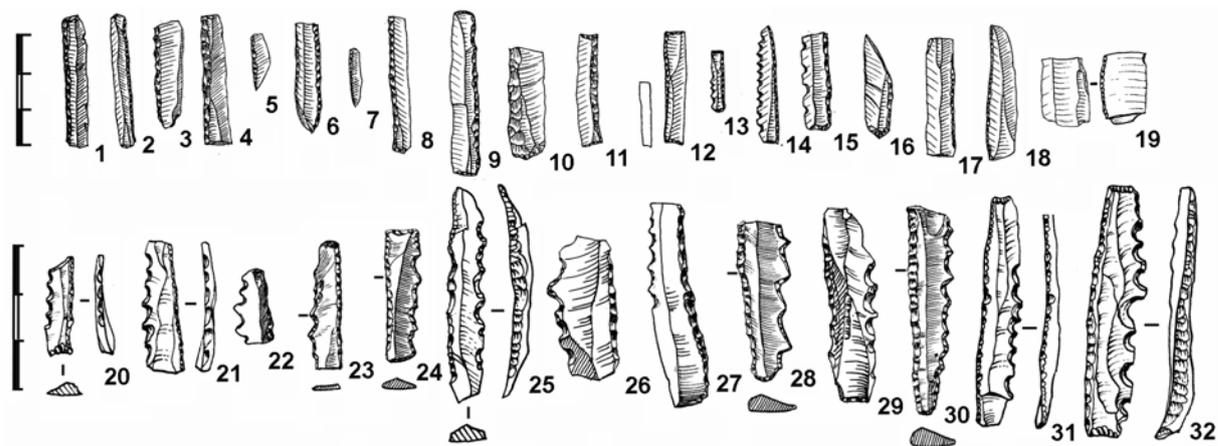

Рис. 5. Зубчатые микропластинки нижнего горизонта Костенок 4 (20–32) (по А. Н. Рогачеву) и микропластинки Ложери-От-Эст, слой 36 (1–19) (по Ф. Борду)

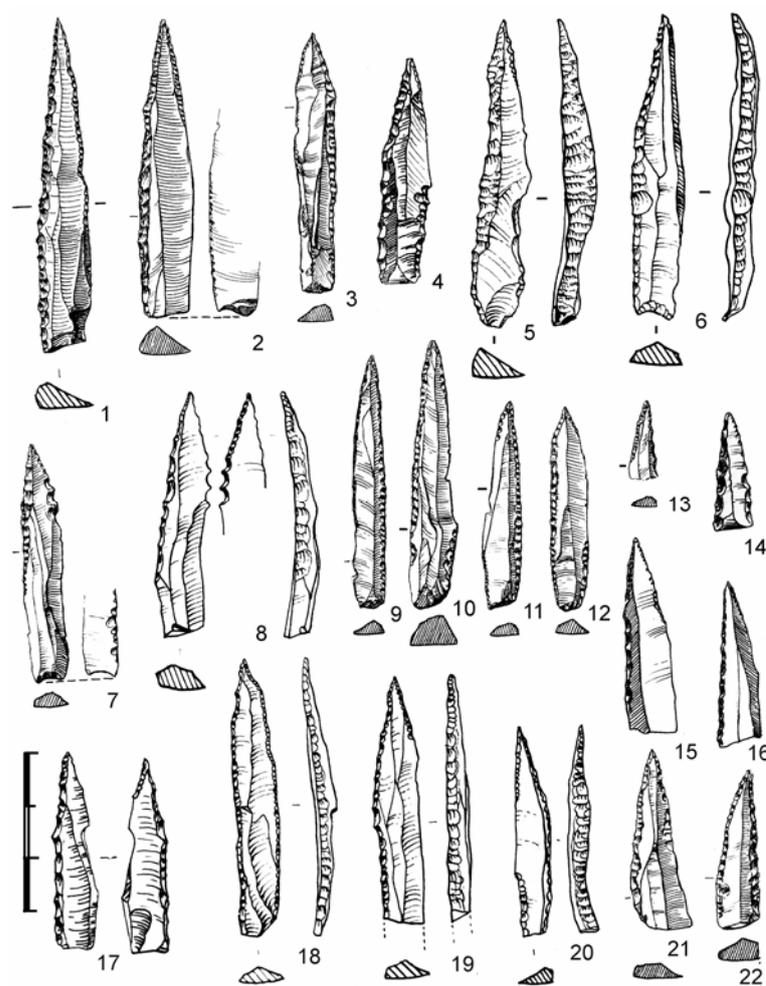

Рис. 6. Граветтийские остря нижнего горизонта Костенок 4 (по А.Н. Рогачеву)

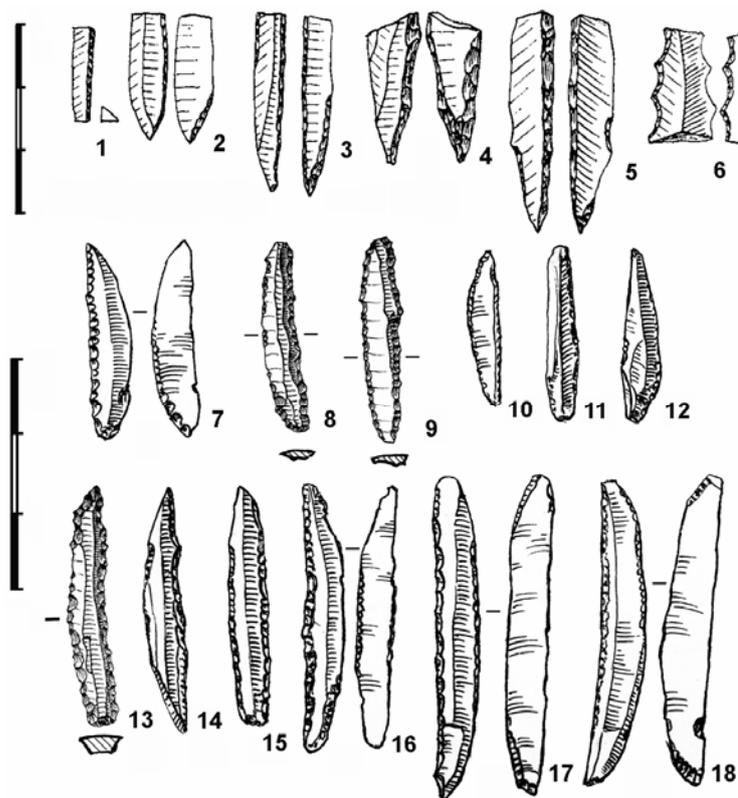

Рис. 7. Микропластинки верхнего горизонта Костенок 4 (7–18) (по А. Н. Рогачеву) и микропластинки Ложери-От-Эст, слой 38 (1–6) (по Ф. Борду)

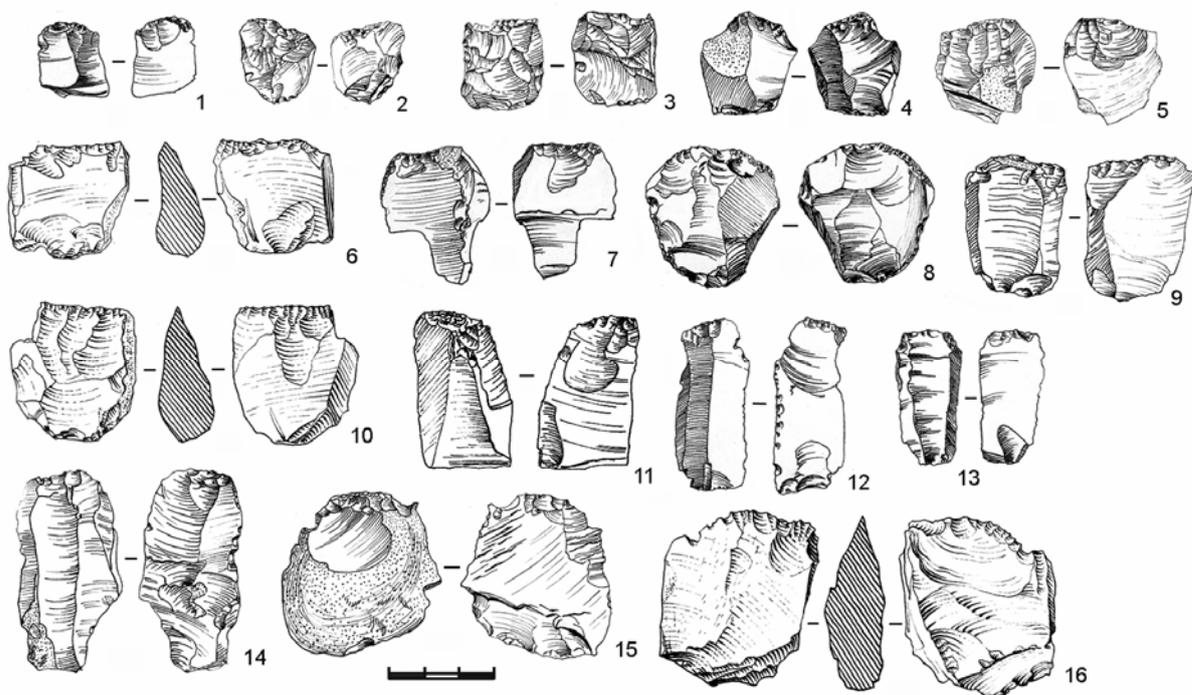

Рис. 8. Долотовидные орудия нижнего горизонта Костенок 4 (по А. Н. Рогачеву)

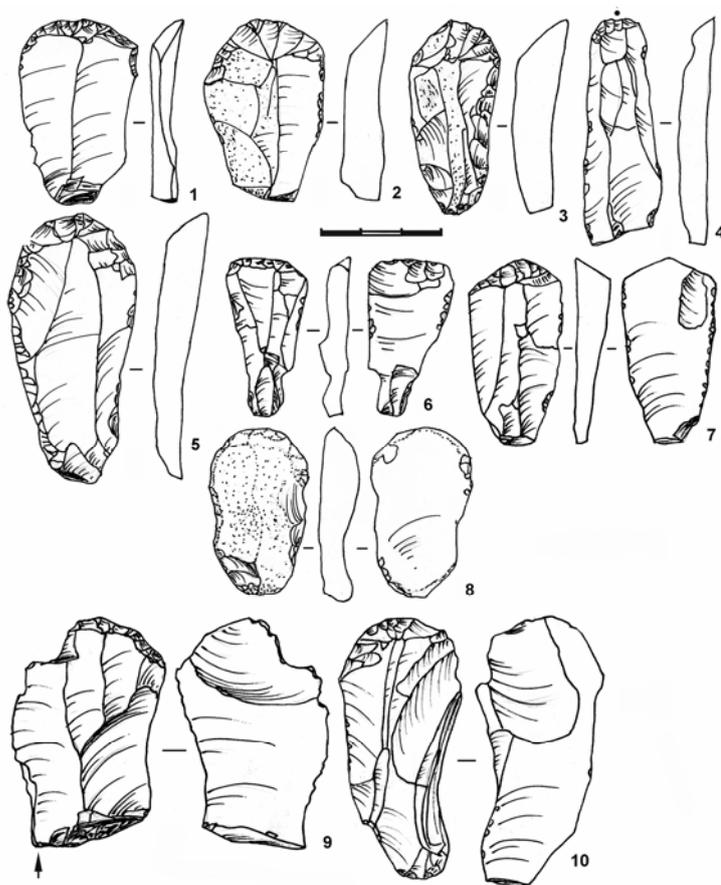

Рис. 9. Скрепки нижнего горизонта Костенок 4

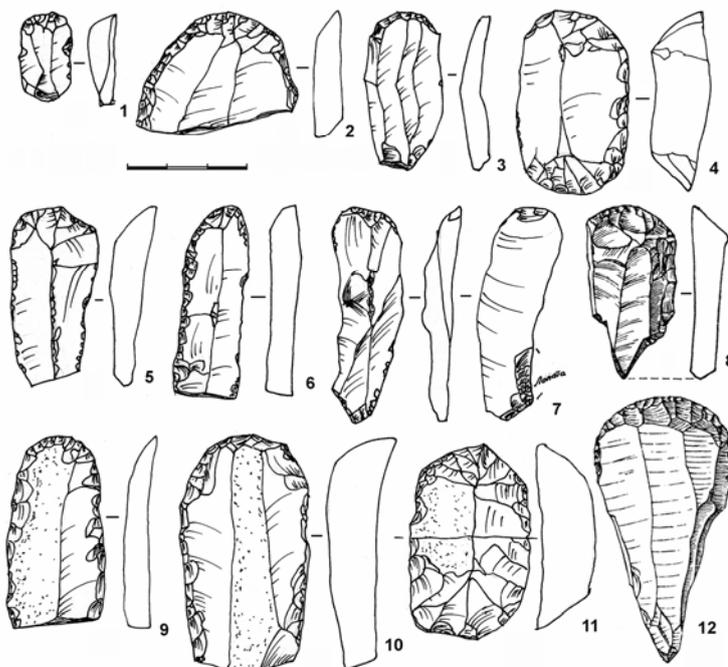

Рис. 10. Скрепки верхнего горизонта Костенок 4

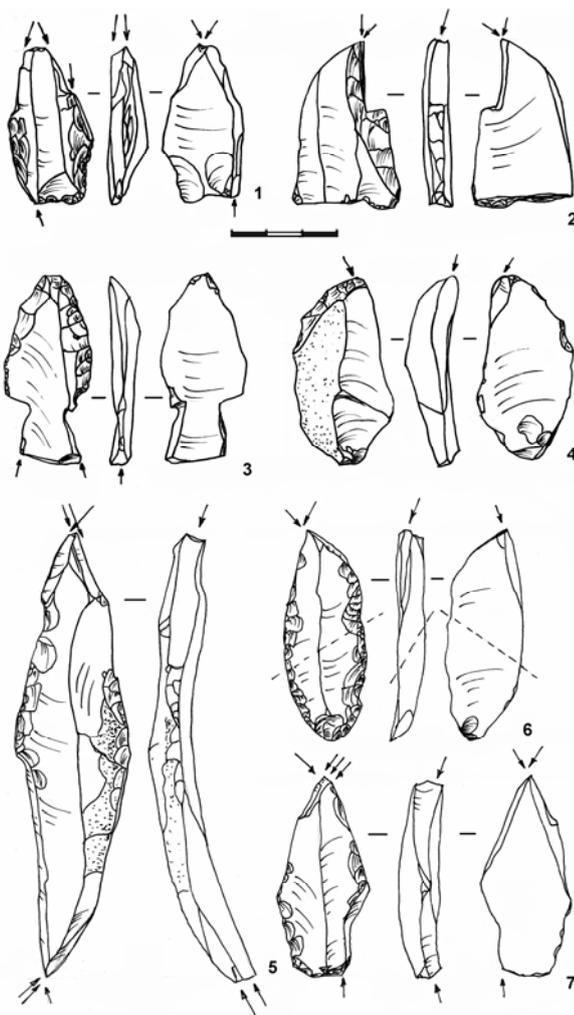

Рис. 11. Резцы верхнего горизонта Костенок 4

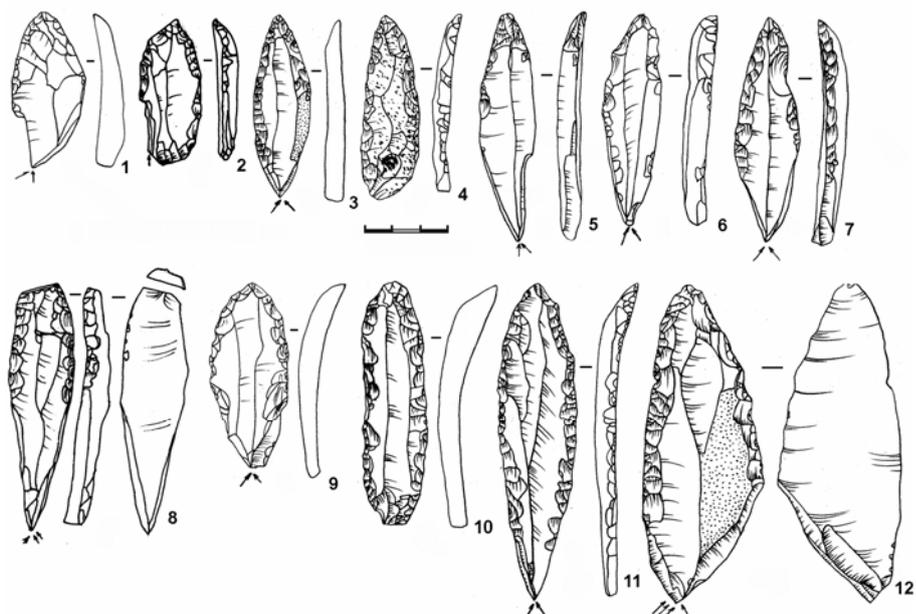

Рис. 12. Острия александровского типа верхнего горизонта Костенок 4

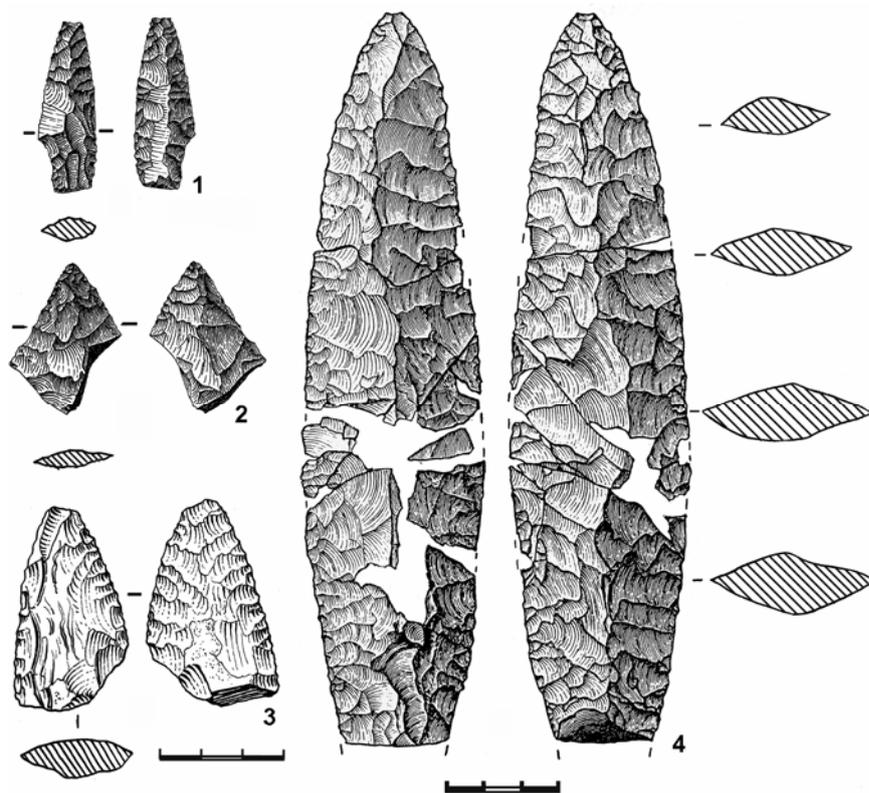

Рис. 13. Двустороннеобработанные орудия верхнего горизонта Костенок 4

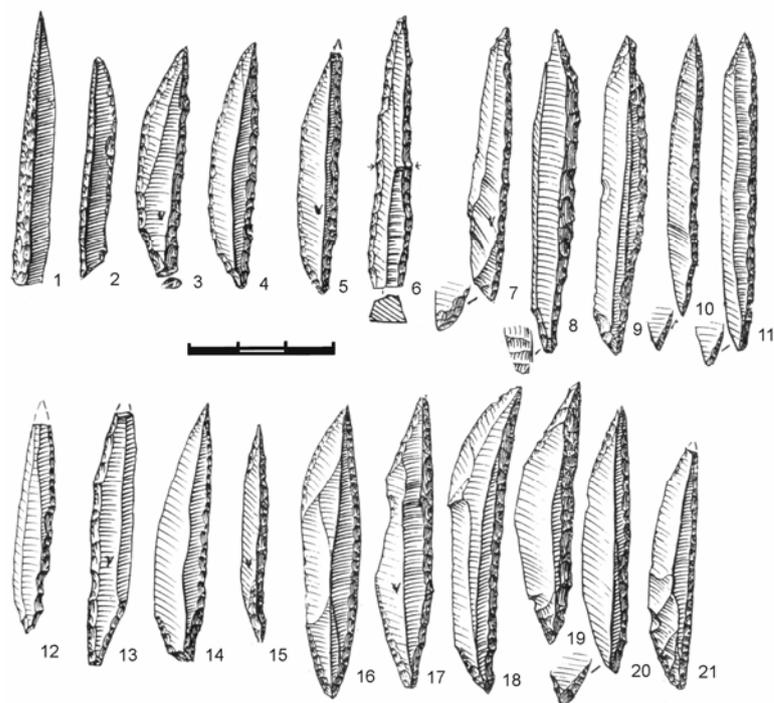

Рис. 14. Граветтские острия из Ла Граветт (по Ф.Лакорру)

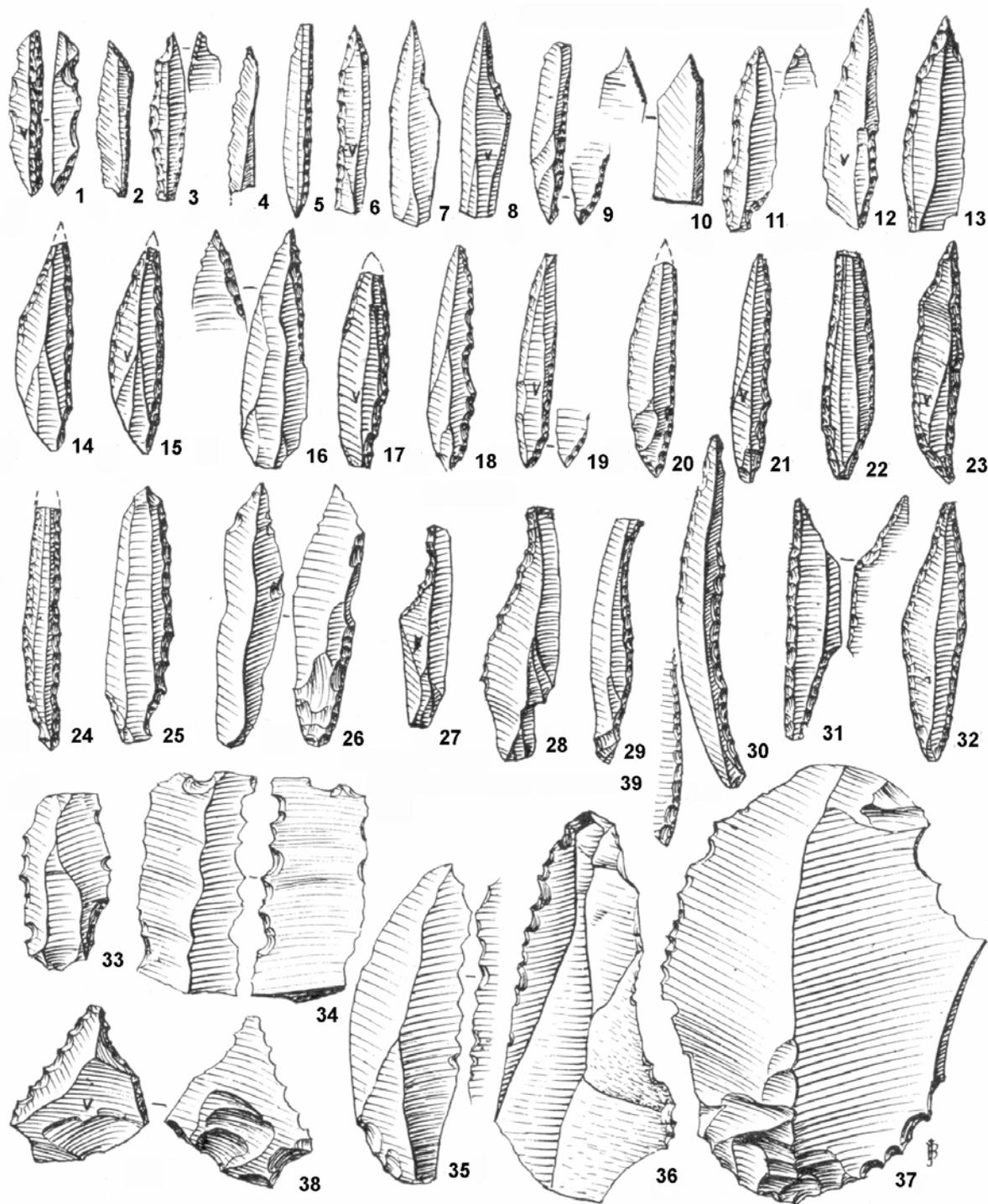

Рис. 15. Орудия с зубчатой ретушью из Ла Граветт (по Ф.Лакорру)

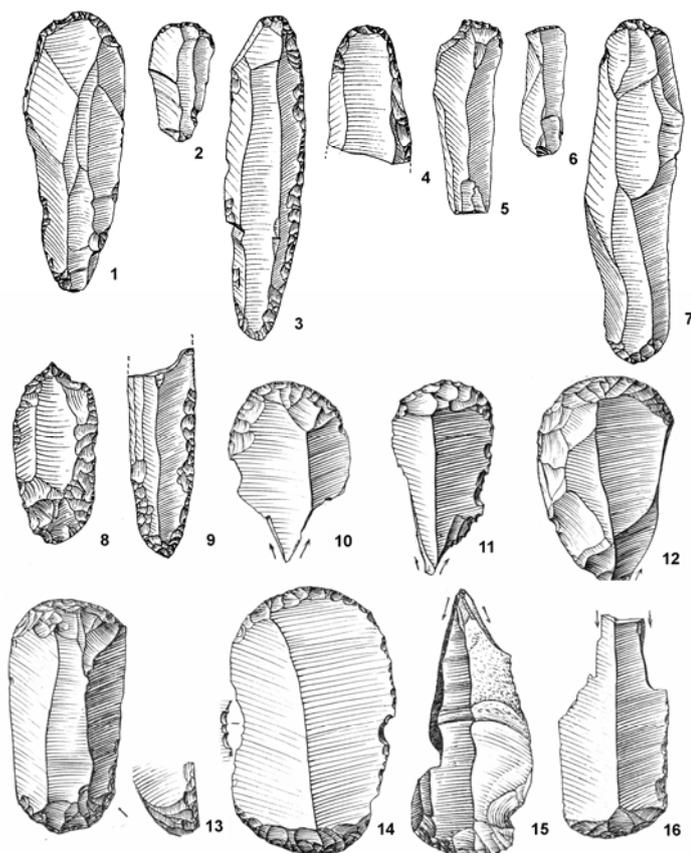

Рис. 16. Скребки из Ла Граветт (по Ф.Лакорру) (1–9), скребки из Ложери-От-Эст (по Ф. Борду)(10–16)

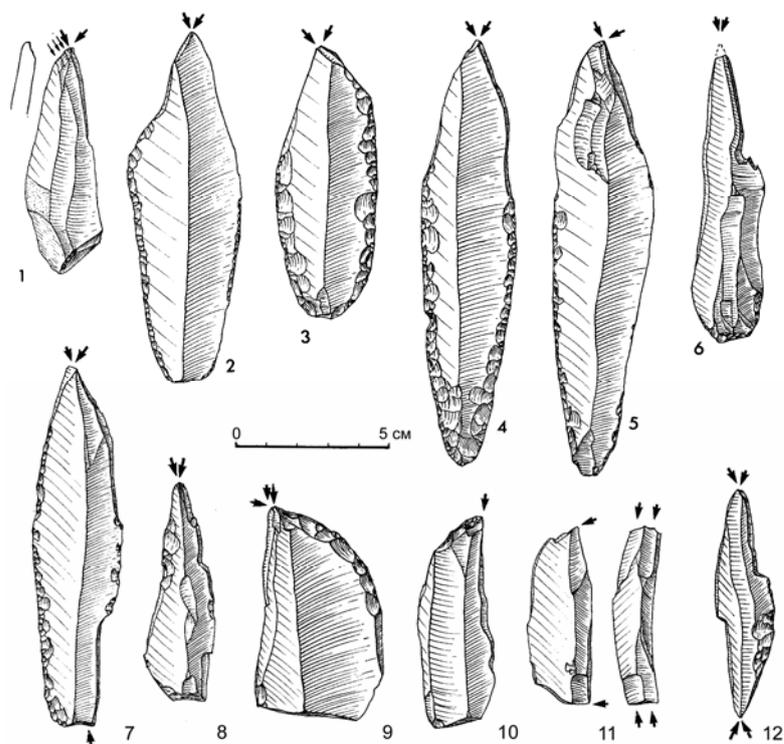

Рис. 17. Резцы слоя 36 из Ложери-От-Эст (по Ф.Борду) (1–6); резцы слоя 38 из Ложери-От-Эст (по Ф.Борду) (7–12)

Г. В. Григорьева

Институт истории материальной культуры РАН, г. Санкт-Петербурге

ВЕРХНЕПАЛЕОЛИТИЧЕСКИЕ ПАМЯТНИКИ СРЕДНЕГО ПОДНЕПРОВЬЯ МАДЛЕНСКОГО ВРЕМЕНИ

Близость верхнепалеолитических памятников Среднего Поднепровья проявляется в культурно-бытовых деталях, представленных группами различного происхождения: жилищами, коллекциями каменных и костяных изделий, орнаментацией.

В верхнем палеолите существовали регионы, в которых в результате длительных связей, взаимных влияний и сходства судеб людей, там живших, сложились культурно-этнографические общности. В общности могут входить как отдельные стоянки, так и группы памятников, различающихся культурно-хозяйственными типами. Такие культурно-этнографические общности могут включать памятники, отличающиеся своими особенностями, например, наличием и отсутствием статуэток, бус-нашивок из бивня.

Верхний палеолит Среднего Поднепровья, датируемый 15–13 тыс. л. н., является примером этого. В среднеднепровских поселениях обнаружены жилища, построенные из костей мамонтов, богатые коллекции каменных и костяных изделий с геометрическим орнаментом.

Геологические данные свидетельствуют о том, что наиболее активное заселение Среднего Поднепровья происходило в период поздневалдайского оледенения (Величко и др., 1997).

Выделено три этапа освоения территории в верхнем палеолите. Первый из них относится к финалу брянского интерстадиала — 27–25 тыс. л. н., времени существования Хотылево II, Новгорода Северского, Бердыжа, Юровичей. Второй этап — 20–16 тыс. л. н., когда даже в период максимального похолодания (20–18 тыс. л. н.) люди продолжали там жить. Это время бытования Пушкарей I, Елисеевичей I. Третий этап — 15–12 тыс. л. н. В этот период существовали две группы поселений. В первую включены памятники, расположенные на высоких берегах и водоразделах, вблизи выходов кремня: Мезин, Тимоновка I, II, Чулатово I и др. Вторая группа, включая Юдиново, была связана с первой надпойменной террасой притоков Днепра. Памятники располагались на высоких участках у рек и были удалены от источников сырья. Древние люди не покидали этой территории, начиная с брянского интерстадиала и до конца позднеледникового. Одним из основных критериев для выбора мест обитания была достаточно стабильная поверхность, которая характеризовалась незначительными ландшафтно-климатическими колебаниями (Грибченко и др., 2002. С. 90, 91). Устойчивая поверхность была важнее, чем мягкий климат.

Заселение Восточной Европы активизировалось после 20 тыс. л. н. и продолжалось до конца ледникового периода — 14–12 тыс. л. н. На некоторых памятниках культурные слои совмещаются с горизонтами слабо выраженного почвообразования. Уровни гумусированности отмечены для разновозрастных стоянок. После 13 тыс. л. н. ландшафтно-климатические условия на Русской равнине значительно изменились: происходило облесение открытых пространств, постепенное исчезновение крупных травоядных животных верхнепалеолитического фаунистического комплекса, прежде всего мамонтов.

Ландшафтные условия — стабильная поверхность — были одним из главных критериев длительного обитания людей в бассейне Среднего Днепра. Радиоуглеродные даты, полученные по костям и костному углю из культурных слоев памятников, соотносятся с периодами относительной стабилизации дневной поверхности, а не со временем потепления.

Данные флоры удостоверяют наличие на Среднем Днепре открытых пространств перигляциальной лесостепи с многолетней мерзлотой и резко континентальным климатом (Величко и др., 1999).

Фаунистические остатки свидетельствуют о том, что это были в основном крупные поселения охотников на мамонтов, кости которых абсолютно преобладают. Собрано много костных остатков и других животных, в том числе и грызунов. Н. К. Верещагин и И. Е. Кузьмина предполагают, что Елисеевичи и Юдиново были центрами «пушного промысла» (Верещагин, Кузьмина, 1977). Иной точки зрения придерживается М. В. Саблин (Саблин, 2002). Большое количество костей хищных животных, на примере Юдинова, он связывает с их нахождением рядом с поселениями людей. Исследования показали, что шкуры животных использовали для разных нужд, мясом питались, а из костей зачастую изготавливали разнообразные изделия. Многих хищников, обитавших недалеко от стоянок, соблазняли запах пищи и добыча, приносимая людьми. Что же касается «пушного промысла», то им занимались скорее зимой, ибо летом мех плохого качества.

Древние охотники хорошо адаптировались в Среднем Поднепровье, одним из доказательств этого является domestикация собаки. В Елисеевичах найдено два черепа, принадлежавших древним собакам (Саблин, Хлопачёв, 2001; 2002). Среди фаунистических остатков Юдинова обнаружена кость бурого медведя с собачьими погрызами. Итак, собаки появились в бассейне Среднего Поднепровья уже в верхнем палеолите.

Нет единого мнения и относительно охоты на мамонтов. Е. Н. Машенко считает, что сосредоточенность мамонтов в отдельных регионах в конце плейстоцена имела скорее отрицательное значение, а снижение их численности на большей части ареала вызывало изменение локальных экосистем. «Это подрывало базу существования самих мамонтов. В ряде регионов большая численность мамонтов на ограниченных участках способствовала длительной специализации позднепалеолитических племен, а охота преимущественно на этих млекопитающих, поскольку мамонты, кроме того, понижали биологическое разнообразие, вытесняя другие виды млекопитающих, потенциально пригодных для охоты человека» (Машенко, 1998).

По наблюдениям М. В. Саблина, в Юдиново основной охотничьей добычей был мамонт, где преобладают костные остатки самок и молодняка; две трети добытых мамонтов — это детёныши и полувзрослые особи. В Юдиново обнаружены остатки молочных мамонтов или эмбрионов, представлены все части скелетов, от хвостовых позвонков, целых грудин до фаланг пальцев, которые являются, по мнению исследователя, «кухонными отходами». Это говорит об активной охоте на мамонтов, и «...доказывает полную несостоятельность гипотезы об отсутствии охоты на мамонтов и пассивном сборе костей давно погибших животных с так называемых “мамонтовых кладбищ” для возведения жилищ» (Саблин, 2002. С. 107).

Фаунистические остатки среднеднепровских поселений указывают на то, что охотились на зверей различных мест обитания: тундры, степи и леса. Мамонт обладал, несомненно, многими преимуществами по сравнению с другими животными.

Исследования среднеднепровских памятников дают представление об организации поселений, структуре жилых комплексов. А. Н. Рогачёвым для верхнего палеолита выделено пять типов жилищ: ановско-мезинский, костёнковско-авдеевский, александровско-пушкарский, александровско-тельмановский и ановско-гмелинский (Рогачев, Аникович, 1984. С. 189). Более детально проанализированы остатки жилых конструкций ановско-мезинского типа (Рогачёв, 1962). Для них характерны жилища округлые в плане, наземные, построенные из костей мамонтов, с наличием ям-кладовых. Сходные конструкции обнаружены в Мезине, Межирич, Супонево, Добраничевке, Юдиново и др. В основном это округлые или округло-овальные жилища. Например, в Мезине и Добраничевке они имеют форму почти правильного круга, в Межирич — разновидности овала, от округло-овального до неправильно-овального. Судя по скоплению костей, в пределах одного поселения были разные формы жилищ (Абрамова, 1997. С. 57–62). По отношению к поверхности, наряду с наземными, были и углубленные жилища. Так, в Добраничевке — два жилища наземные, одно слегка углублено; в Межирич, судя по вкопанным костям, пол был углублен; в Юдиново одно наземное и три жилища углублены. При общем сходстве форм жилищ, каждое из них от-

личалось определенными конструктивными элементами в пределах одного поселения. По-разному были вкопаны черепа мамонтов, служившие основанием жилищ. В некоторых черепках сохранились бивни, а в большинстве случаев они отсутствуют. Обкладку цоколя составляли нижние челюсти мамонтов, вложенные друг в друга (Межирич); «поленницы» и «заборы» из трубчатых костей (Межирич; Юдиново — четвертое жилище). Промежутки между черепами закрепляли костями, уложенными в определенном порядке. Стенами служили переплетенные бивни (Юдиново — третье жилище). Среди конструктивных элементов особо следует отметить наличие лопаток со специально пробитыми отверстиями и вставленными иногда в отверстия ребрами (Елисеевичи, Гонцы, Супонево, Юдиново). Для жилищ использовали разное количество костей мамонтов: черепов, нижних челюстей, лопаток, тазовых, позвончиков, бивней: костей от 80 до 563, черепов от 7 до 46, особей от 11 до 95 (Абрамова, 1997. С. 57). Не во всех жилищах удалось определить входы, и не все имели очаги. В Добраничевке три жилища были с очагами, а одно — без очага; в Юдиново — два жилища с очагами, а два — без очагов; небольшие временные очаги обнаружены и в Мезине (Шовкопляс, 1972. С. 177–182, Шовкопляс, 1965. С. 35–77; Абрамова, 1995. С. 53). Хозяйственно-бытовые комплексы, наряду с жилищами, в большинстве случаев имели ямы-кладовые, заполненные костями (Мезин, Межирич, Добраничевка, Юдиново и др.). При общем сходстве жилища отличались размерами площадей, расположением входов, составом костей, из которых они были сооружены, и некоторыми другими конструктивными элементами.

Анализ каменного инвентаря памятников указывает на довольно однообразный набор изделий, отсутствие выразительных диагностических форм. Для изготовления орудий использовали, главным образом, кремень, реже плитки сланца, песчаника, кварца, кварцита, изредка гранита и гнейса (Межирич, Мезин, Юдиново), янтаря (Добраничевка, Межирич, Юдиново — один фрагмент), хрусталя (Добраничевка).

Техника расщепления на памятниках призматическая, преимущественно пластинчатая. Среди нуклеусов преобладали призматические формы: одно-, двух- и многоплощадочные; прямоугольные, овальные, треугольные, предназначавшиеся для получения пластин и пластинок. Немногочисленны торцевые и единичны дисковидные нуклеусы. Для оформления орудий использовали крутую, полукрутую, встречную, мелкую краевую ретуши, резцовые сколы и подтеску.

Для памятников характерны три основные группы орудий: резцы, скребки и ретушированные пластинки. Среди резцов на большинстве стоянок преобладают боковые, двойные, меньше угловых и срединных. Резцы изготовлены в основном на пластинах и пластинках. Скребки есть крупные и мелкие, на пластинах и пластинках, реже отщепях. Имеются длинные, укороченные и короткие экземпляры. Большинство среди них концевые, меньше двойных, полукруглых и округлых. Многочисленные пластинки и микропластинки с притупляющей ретушью по одному и обоим краям, концу и краю и обоим концам (Мезин, Гонцы, Межирич, Юдиново, Тимоновка I, II). Пластины и пластинки с ретушированными концами некоторые исследователи считают заготовки резцов. Отдельные группы составляют острия и проколки, отличающиеся оформлением и размерами (разнообразны проколки Мезина). Небольшие серии составляют комбинированные орудия: скребки-резцы, резцы-острия, выемчато-зубчатые, долотовидные, единичны рубящие и скребла. Более крупных размеров орудия Мезина и Елисеевичей I. Выразительны одно-, двух- и трехжальные проколки Мезина (Шовкопляс, 1965. С. 164–166). Для Супонева характерны резцы с поперечными резцовыми сколами, супоневского типа, встречающиеся и в других памятниках (Юдиново, Тимоновка I). В отдельных стоянках обнаружены единичные геометрические микролиты сегментовидной и трапециевидной формы (Мезин, Тимоновка I, Юдиново). А в Мезине найдены наконечники, некоторые из них И. Г. Шовкопляс считал близкими к иволистным наконечникам свидерского типа (Шовкопляс, 1965. С. 130). А В. Ф. Копытин полагал, что из трёх разновидностей наконечников, представленных в ранне-грэнском памятнике Боровка, мезинские совпадают с асимметричными наконечниками (Копытин, 2000. С. 116).

Большинство каменных орудий служило для обработки бивня и кости. П. И. Борисковский при описании инвентаря Мезинской стоянки отмечал, что он напоминает

инвентарь Супонева и Тимоновки, а также типичных мадленских памятников Западной Европы, таких, как Петерфельс, для которых характерна развитая техника оформления кремневых изделий, разнообразие орудий, использованных для обработки костей (Борисковский, 1953. С. 273).

Каменный инвентарь среднеднепровских памятников близок по своему составу, хотя каждому из них присущи и свои особенности, но даже количественный набор основных групп орудий больше сближает, чем различает их.

Каменный инвентарь более многочислен и лучше сохранился, чем кость, однако для определения культурной принадлежности и хронологии памятников костяные изделия имеют особое значение.

Верхний палеолит Среднего Поднепровья отличается широким развитием обработки кости, особенно бивня. Костяные изделия присутствуют в большем или меньшем количестве почти во всех памятниках, однако особо следует выделить Мезин, Межирич, Елисеевичи, Юдиново.

Разнообразный костяной инвентарь включает следующие группы: орудия охоты и труда, украшения, произведения искусства. Орудия охоты представляют различные наконечники копий и дротиков из бивня (Елисеевичи, Супонево, Мезин, Межирич, Юдиново и др.). Например, в Юдиново найдено в настоящее время более 750 наконечников. Среди них имеются крупные и массивные, длинные и короткие экземпляры. Крупные наконечники длиной 15–37 см, короткие — 1,5–7,5 см. Наконечники копий и дротиков различаются оформлением. На наконечниках и даже небольших стрелках прорезан геометрический орнамент (Мезин, Юдиново). Орудия труда хозяйственного назначения: шилья, иглы, землекопные орудия, ложила, молотки, игольники, «жезлы» и др. Они присутствуют почти во всех памятниках (Гонцы, Добраничевка, Мезин, Межирич, Юдиново, Тимоновка I). Особо следует отметить юдиновские молотки из рога северного оленя, отличающиеся орнаментацией, и такие единичные изделия как «жезлы» (Супонево, Елисеевичи II, Мезин).

Как украшения или заготовки украшений следует рассматривать пластины и пластинки из бивня с геометрическим орнаментом, некоторые из них имеют отверстие на конце, бусы-нашивки, пряжки (Елисеевичи I, Супонево, Тимоновка I, Юдиново и др.). Среди украшений следует выделить бусы-нашивки, подвески из зубов животных и бивней (Межирич, Елисеевичи, Мезин, Юдиново, Тимоновка I и др.), бусы из кораллов (Елисеевичи I), бусы из янтаря (Межирич), фибулы (Межирич, Мезин, Юдиново), украшения из раковин моллюсков (Мезин, Юдиново, Тимоновка I), «пряжки» (Супонево, Юдиново). Внимания заслуживают браслеты из бивня со сложным геометрическим орнаментом из Мезинской стоянки (Шовкопляс, 1965. С. 236 - 241). Некоторые пластины и пластинки из бивня в Юдиново, возможно, тоже являлись фрагментами диадем и браслетов. Лицевая сторона у них заглажена, сохранившиеся концы закруглены или заужены. На некоторых прорезан орнамент в виде ромбов, штрихов, линий. Многие из перечисленных костяных изделий присутствуют и в Хотылево II.

Важным доказательством развития духовной жизни древних людей являются произведения искусства, к которым относятся женские статуэтки, стержни с навершиями, «лопаточки» и другие. Эти изделия известны в регионе, начиная с Хотылева II, где, кроме статуэток, представлены стержни с навершиями, «лопаточки» с навершиями и другие поделки, напоминающие предметы из костенковско-авдеевских памятников, но отличающиеся стилизацией, подчеркивающей своеобразие хотылевских изделий (Абрамова, 1995. С. 18–20).

Художественные произведения Мезина включают женские стилизованные статуэтки, так называемые «птички», фаллические изображения, фигурки из бивня и схематизированные поделки. В Межиричах стилизованные антропоморфные фигурки отличаются от мезинских формой, стилем и разной гравировкой на костях. Специального внимания заслуживает живопись на костях из Мезина и Межирич. В Мезине обнаружено шесть костей, расписанных охрой. Из них две лопатки: одна — с зигзагообразными линиями, другая — с параллельными линиями и углами; две нижние челюсти, один обломок тазовой и бедренной кости с параллельными линиями и линиями, расположенными под углом (Шовкопляс, 1965. С. 244. Табл. 54–56). Живописные рисунки на мезинских костях аналогичны геометрическому ор-

наменту на пластинах бивня и статуэтках. В Межиричах красной охрой в виде линий, углов и точек расписан череп мамонта. А в Елисеевичах I найдена реалистическая женская статуэтка без головы длиной 15 см, фигурка мамонта из известковистой конкреции и уникальные пластины из бивня — «чуринги» с геометрическим орнаментом (Поликарпович, 1968. С. 116–130; Грехова, 1980). Значительно беднее произведения искусства в других памятниках. В Супонево известна округлая поделка из бивня со следами обработки, которую И. Г. Шовкопляс считал антропоморфной головкой статуэтки; изделие из трубчатой кости овально-удлиненной формы; пластинки и куски бивня с прорезанным геометрическим орнаментом (Шовкопляс, 1950. С. 81–94). Из Добраничевки происходят две стилизованные статуэтки из янтаря и песчаника (Шовкопляс, 1972. С. 186). В Юдиново найдена орнаментированная фигурка птицы из рога и изображения на обломке слегка обгорелой плоской кости, напоминающие рыб и птицу (Будько, 1967. С. 27–28; Григорьева, 2006. С. 65–68). Кроме того, есть пластины и фрагменты бивня с прорезанным геометрическим орнаментом. Из Тимоновки I известны пластинки и обломки бивней с геометрическим орнаментом; обломки ребер с тонкими поперечными линиями и удлиненными ромбами, по форме напоминающие рыб (Абрамова, 1962. С. 37). Из Гонцов опубликован бивень с нарезками (Левицкий, 1947. С. 223–224).

Среднеднепровские поселения выделяются разнообразием костяной индустрии, включающей богатый набор предметов разнообразного назначения: от орудий охоты и труда до произведений искусства. Почти каждый из памятников выделяется особенно произведениями искусства, как это можно наблюдать на примере стилизованных статуэток из Мезина и Межирич, с одной стороны, и реалистической женской скульптуры из Елисеевичей I, с другой. В памятниках отмечается сочетание реалистических изображений людей и животных с условными геометрическими изображениями. П. И. Борисковский, подчёркивая уникальность произведений Мезина, в частности, мадленских орнаментированных браслетов, писал, что западноевропейские произведения искусства не достигли того совершенства, которое мы наблюдаем в этом памятнике (Борисковский, 1953. С. 284). Произведения искусства указывают на исключительно высокий уровень мастерства древних охотников.

К числу достопримечательностей среднеднепровских памятников относится геометрический орнамент. Наиболее распространенными элементами орнамента являются ромбы, среди других — шевроны, углы, треугольники (Гонцы, Елисеевичи I, Супонево, Юдиново, Тимоновка и др.), меандры (Мезин, Супонево), шестиугольники (Елисеевичи I), параллельные и пересекающиеся линии на большинстве стоянок, редко ямки (Юдиново). Сетки из ромбов покрывают основную часть поверхности наконечников, пластинок и фрагментов бивней. Сочетания различных элементов наблюдаются на статуэтках, наконечниках, молотках. Что касается семантики наиболее распространенного ромбического орнамента, то большинство исследователей олицетворяют его с изображениями рыб (Ефименко, 1938. С. 468; Федоров, 1961. С. 140–142). В. А. Городцов отмечал, что в среднеднепровских памятниках широко были распространены изображения рыб, раковин, воды (Городцов, 1935. С. 3–13). Б. А. Рыбаков полагал, что ромбический орнамент для первобытных охотников означал два понятия: мамонта (источник жизни, питание, благополучие) и изображение женщины (символ плодovitости, продолжения жизни, счёт родства) (Рыбаков, 1972. С. 127–134).

Сходства и различия между памятниками отражены и в технике расщепления костей, главным образом, бивней. Г. А. Хлопачёвым, изучавшим стратегию расщепления бивней на стоянках Среднего Поднепровья, выделено две группы памятников. В первую вошли Юдиново, Тимоновка I и II и, возможно, Пушкари I, где бивень расчленили для получения стрижней. Техника получения стержней выявила генетическую связь с более ранней хотылевской технологией, что дает возможность предполагать формирование костяной индустрии на местной основе. Во вторую группу включены Елисеевичи I, Супонево, Мезин, техника расщепления которых базировалась на разных технологиях. Массовой заготовкой были продукты расщепления бивней плоской формы. В Елисеевичах I, например, крупные стержни получали из плоских заготовок или вычленением заготовки из целого бивня, как в Мезине и Супонево. Изучение костяных изделий из крупных поселений (Мезин, Елисеевичи I, Супонево, Юдиново)

свидетельствует о взаимосвязи между технологией расщепления, формой заготовок, метрическими и морфологическими данными готовых изделий из бивня (Хлопачев, 2004. С. 24, 25).

Итак, среднеднепровские памятники обладают богатыми и разнообразными коллекциями костяных изделий. Орудия охотничьего и хозяйственного назначения представлены почти во всех памятниках. Даже в Чулатово II, где костяные изделия единичны, имеются молотки из рога, далеко не самые распространенные предметы на стоянках региона. Из украшений выделяется обильная коллекция бус-нашивок, которые Мортилье называл пуговицами, из Юдинова, и лишь единицы их, более крупных размеров, пока обнаружены в Супонево, Мезине, Елисеевичах I. Отличаются по форме подвески из бивня, и единичны подобные изделия из кораллов и янтаря, как было выше отмечено. Выделяются и памятники с произведениями искусства, начиная с женских статуэток до пластинок из бивня с разным орнаментом. Это, прежде всего, Елисеевичи I с реалистической женской статуэткой и «чурингами» со сложным орнаментом; Мезин с символическими женскими статуэтками с загадочной семантикой, костями, расписанными охрой, уникальными браслетами и геометрическим орнаментом-меандром. Оригинальны и произведения искусства Межиричей со схематизированными женскими статуэтками, черепом мамонта, расписанным охрой и стилизованными изображениями. Своеобразны и стилизованные статуэтки Добраничевки из янтаря и песчаника.

Верхнепалеолитические поселения Среднего Поднепровья дают достаточно полное представление о жизни, хозяйственной и творческой деятельности древних охотников на мамонтов. В фаунистических остатках преобладают кости мамонтов, наряду с другими животными открытых лесостепных пространств. Фундаментальные жилища, построенные из костей мамонтов, могли функционировать круглогодично.

О культурной принадлежности среднеднепровских памятников существуют разные точки зрения. Еще в 20-е годы В. А. Городцов причислял к мадленскому периоду в Европе три культурных области: западноевропейскую - приатлантическую; средневропейскую или дунайскую, и восточноевропейскую, отличающуюся своими особенностями (Городцов, 1923). П. П. Ефименко, ссылаясь на памятники Франции мадленской поры, считал, что в этот период чрезвычайного развития достигла обработка кости и рога, которые занимают ведущее место среди материалов, употреблявшихся для хозяйственных и других целей. Кости, рога северных оленей, бивни мамонтов были незаменимыми материалами для изготовления охотничьего вооружения и разных орудий труда. Каменные орудия, как основной материал, полагал он, использовали для изготовления орудий, которыми обрабатывали кости, рога, дерево, кожи. Появлялись новые средства. К основным признакам этого периода П. П. Ефименко относил и расцвет палеолитического искусства, тесно связанного с обработкой кости и рога. Произведения искусства отличались не только многочисленностью, а и разнообразием (Ефименко, 1938. С. 469, 470). К поселениям мадленского времени П. П. Ефименко относил Елисеевичи, Мезин, Супонево, Гонцы и Тимоновку I. Наиболее ранним памятником мадленской поры считал Мезин, рассматривая его как переходный к мадлену (Ефименко, 1953. С. 471). Ранним мадленом датированы Елисеевичи, кремневый материал которых сохраняет своеобразные «достаточно архаичные черты». По кремневому инвентарю близка к Мезину Супоневская стоянка, отнесенная тоже к раннему мадлену (Ефименко, 1953. С. 544, 546). Среднюю пору мадленской эпохи представляют Гонцы, инвентарь которых типичен «для позднейших палеолитических поселений Европы» (Ефименко, 1953. С. 550, 555). Тимоновская стоянка, богатая каменными изделиями, по П. П. Ефименко, похожа на Гонцы, но, вероятно, более позднего возраста (Ефименко, 1953. С. 546).

В Восточной Европе в течение почти всего мадленского периода весьма заметную роль играл мамонт. Особенность памятников мадленского времени — художественное творчество. А основными средствами охоты являлись наконечники дротиков, копий и гарпунов. Но в среднеднепровских памятниках гарпунов нет. П. П. Ефименко считал, что на памятниках, где гарпунов нет, их могли заменить наконечники дротиков.

Близкую к П. П. Ефименко позицию относительно культурной принадлежности памятников занимал П. И. Борисковский, относивший Мезин к раннему мадлену, а по кремневому

инвентарю напоминающий Супонево и Тимоновку, но более древний по возрасту, чем эти памятники (Борисковский, 1953. С. 286).

П. П. Ефименко и П. И. Борисковский рассматривали памятники как этапы или ступени развития в рамках мадленской эпохи. П. И. Борисковский замечал, что в позднем палеолите Русской равнины можно выделить определенные закономерности, сменяющие одна другую, что ранее считалось этапами. «Эти этапы были более сходны на узких территориях и менее сходны на более широких пространствах, где наряду с общими чертами сказывались и черты местного своеобразия» (Борисковский, 1959. С. 12, 13).

А. Н. Рогачев, признавая особенность среднеднепровских верхнепалеолитических памятников, считал их мадленскими по времени, а не по культуре (Рогачев, 1961).

И. Г. Шовкопляс делил стоянки на ранне-, средне- и позднемадленские, считая, что в них присутствуют зачастую тождественные кремневые орудия, и, выделяя их «в единую специфическую группу памятников, составляющих локальный вариант культуры мадленской поры Восточной Европы», который с полным основанием может быть назван мезинской культурой (Шовкопляс, 1965. С. 300).

В настоящее время иную точку зрения высказывают исследователи, относящие среднеднепровские памятники к эпиграветту. Р. Дебросс и Я. Козловский полагают, что основу эпиграветта Восточной Европы составили локальные традиции и индустрии центрально-европейского происхождения, появившиеся около 20 тыс. л. н. (Debross, Kosłowski, 1988. P. 94). На Среднем Днепре они выделили две группы памятников: мезинскую и елисеевичскую, близкие по структуре жилищ, костяному инвентарю и художественным изделиям. Я. Козловский подчеркивает однообразие индустрии Мезина и Межирич. Исследователи отмечают первую палеолитическую живопись в Восточной Европе, выделяют статуэтки, подчеркивая их стилизацию и гравировку, специфику жилищ, уделяя внимание кремневому и костяному инвентарю. В елисеевичскую группу они включили Юдиново и Тимоновские стоянки, указывая на однообразие и бедность каменного инвентаря. А женская статуэтка из Елисеевичей, по их мнению, отличается как от граветтских, так и костенковско-авдеевских. Особо выделены «чуринги» Елисеевичей. Все это было ранее замечено и российскими исследователями, кроме отнесения памятников к эпиграветту без существенных обоснований. К сожалению, не дано и определения эпиграветта у этих исследователей.

М. Отт полагал, что в центральных и восточных регионах эпиграветта не было, поскольку они были заселены мадленцами (Otte, 1981).

Среднеднепровские памятники мадленского времени к эпиграветту относят и украинские археологи. Ярче всего это нашло отображение в работах Л. Л. Зализняка. Эпиграветт или микрограветт, по Л. Л. Зализняку, — это позднепалеолитические кремневые комплексы Восточной и Центральной Европы с микрограветтским набором кремневых вкладышей для пазовых костяных наконечников. Для эпиграветта им выделено три типа микровкладышей с притупливающей ретушью: 1) микроострия и их обломки с притупливающей крутой ретушью по длинному краю; 2) треугольники-микроострия с притупливающей ретушью по краю и основанию; 3) четырехугольники микропластинки с притупливающей ретушью по краю и обоим концам. Микрограветтские микропластинки небольших размеров, длина их не превышает 4 см (Зализняк, 2000. С. 4–10). По Л. Л. Зализняку, полным аналогом эпиграветта является мадлен Западной Европы. К эпиграветту отнесено большинство памятников Украины, включая причерноморские степи, лесные и лесостепные зоны. Эпиграветтские памятники Украины датируются от максимального похолодания, около 20 тыс. л. н. до конца плейстоцена.

Памятники украинского эпиграветта, по Л. Л. Зализняку, выделяются региональной спецификой; для них типично стилизованно-геометризованное искусство; кремневый инвентарь близок к эпиграветту Франции «больше известному под названием мадлен», где преобладают предметы реалистического, а не схематизированного искусства (Зализняк, 2005. С. 35).

Большинство памятников Восточной Европы отнесено тоже к эпиграветту. Для происхождения эпиграветта Восточной Европы предложено пять версий: 1) от ориньяка; 2) от восточного граветта или виллендорфско-костенковской культуры; 3) ориньяка–восточного гра-

ветта; 4) от граветта; 5) комбинированный. Вероятность происхождения эпиграветта настолько широка, что допускает самые разные мнения.

М. В. Аниковичем была выделена Днепро-Донская историко-культурная область охотников на мамонтов, включающая памятники Среднего Днепра и Дона (Аникович, 1998. С. 35–66). Оба центра развития верхнего палеолита находятся в близких экологических условиях, но они существенно отличаются материальной культурой, что не позволяет их рассматривать как единое целое.

К. Н. Гаврилов, проанализировав археологические объекты среднеднепровских памятников, пришёл к выводу, что «в отличие от площадок костенковско-авдеевского типа, среднеднепровские хозяйственно-бытовые комплексы характеризуются большей степенью проявленности индивидуальных черт» (Гаврилов, 2007. С. 55). Структурные элементы культурного слоя среднеднепровских памятников на протяжении всего поздневалдайского периода являются одной из характерных черт. Учитывая их и, возможно, состав промысловых животных, К. Н. Гаврилов относит стоянки к единому хозяйственно-культурному типу охотников на мамонтов приледниковой зоны Восточной Европы.

Внутри среднеднепровской этнокультурной области, как было замечено М. Д. Гвоздовер и А. Н. Рогачевым, имелись самостоятельные культуры (Гвоздовер, Рогачев, 1969. С. 498–499).

И. Г. Шовкопляс предложил объединить памятники в одну специфическую группу, составляющую вариант культуры мадленской поры и назвать мезинской культурой (Шовкопляс, 1965. С. 300).

На основании анализа кремневого инвентаря Л. В. Греховой предложена юдиновско-тимоновская культура (Грехова, 1970). А кремневый комплекс Елисеевичей, по ее мнению, не имеет прямых аналогий в инвентаре верхнего палеолита Среднеднепровского бассейна (Величко, Грехова и др., 1997. С. 128–133).

Д. Ю. Нужным выделена межиричская культура, включающая памятники: Межирич, Добраничевка, Гонцы, Фастов, Бугорок (Нужный, 1997. С. 3–23). По мнению Д. Ю. Нужного и В. К. Пясецкого, следует рассматривать особо Мезин, ближайшим аналогом которого по типолого-статистическим данным кремневого инвентаря являются Бармаки (Нужный, Пясецкий, 2003. С. 61–70). Елисеевичи пока не имеют прямых аналогий.

При характеристике материалов Юдиновского поселения оно было отнесено к памятникам мадленского мира (Абрамова, Григорьева, 1997. С. 4). В рамках единой среднеднепровской области, ограниченной территориально и хронологически, З. А. Абрамовой предложено выделить следующие культуры: юдиновско-тимоновскую, включающую Юдиново, Тимоновские стоянки, Чулатово II, Бугорок; наряду с двумя другими: межиричской — Межирич, Добраничевка, возможно, Гонцы, последние требуют уточнения; мезинской — Мезин, Супонево (Абрамова, Григорьева, 1997. С. 136).

В. Ф. Копытин, проанализировав материалы каменного инвентаря Мезина и памятника гренской культуры, раннего ее этапа, Боровки, пришел к выводу, что Боровка — это продолжение развития мезинской культурной традиции. И тем самым Боровка заполняет «лауну» между верхнепалеолитическими и мезолитическими памятниками (Копытин, 2000. С. 130).

В работе «Эпиграветт Восточной Европы» Н. П. Оленковский, основываясь главным образом на взглядах исследователей, пришёл к выводу, что Мезин и Елисеевичи I — памятники разных культур, однако он не исключает, что «елисеевичская индустрия могла являться составляющей в процессе образования индустрии мезинской» (Оленковский, 2008. С. 337). Н. П. Оленковским предложена деснянская культура, включающая Чулатово I, II, Бугорок, Медвежий Яр, Миньевский Яр в Украине; Юдиново I, Тимоновка I, II, Карачиж, Борщево II (нижний слой), Заозерье, Шатрищи в России. Он считает эти памятники однокультурными и относит к «деснянской» культуре восточного эпиграветта.

Материальная культура среднеднепровских памятников мадленского времени, включающая жилища аносковско-мезинского типа, которые, по К. Н. Гаврилову, можно разделить на несколько вариантов «по способу укладки определенного рода костей»; однообразный кремневый инвентарь; костяные изделия и предметы искусства, геометрический орнамент, —

вот те общие данные, позволяющие объединить памятники в этнокультурную область и выделить внутри неё культуры. На фоне сходства каждый из памятников обладает своими особенностями, что было отмечено выше. Дальнейшие исследования внесут свои коррективы и уточнения.

Мадленские элементы, представленные в среднеднепровских памятниках: пластинчатая каменная индустрия; три основные группы орудий — резцы, скребки, пластинки и микропластинки с притупливающей ретушью; разнообразие костяных изделий, схематизм и стилизация произведений искусства — геометрический орнамент. Все перечисленное больше соответствует мадленской европейской культуре.

Сравним среднеднепровские поселения с некоторыми памятниками Центральной Европы, близкими по времени и культуре. Это, например, мадлен Швейцарии, реже упоминаемый, чем мадленские поселения Германии и Польши. В Швейцарии известно около 30 мадленских памятников, среди них гроты, навесы и стоянки открытого типа.

Швейцарский мадлен разделен на пять технокомплексов. Самый древний из них «А» датируется 19–18 тыс. л. н. Орудия его изготовлены, в основном, из отщепов, индекс пластинок слабый. Технокомплекс представлен средним слоем пещеры Капель (Braun, 2005. Рр. 25–44). Для технокомплекса «В» характерна пластинчатая индустрия. В Бурзек-Эрмижаже (нижний слой) много пластинок с притупливающей ретушью, около десятка треугольников; резцы срединные, скребки на пластинках, из других орудий упомянуты проколки, долотовидные, единичные зубчатые орудия и скребло. Имеются и костяные изделия.

Техноансамбль «С» отличается значительное количество костяных поделок, особенно предметов мобильного искусства, представленных в гроте Кесслерлох и соответствующих французскому мадлену IV и VI. Из каменных орудий отмечены резцы, преимущественно срединные, скребки и проколки на пластинках, пластинок с притупливающей ретушью немного.

Техноансамбль «Д» разделен на две группы: «Д-а» и «Д-б». Для группы «Д-а» характерны орудия Кесслерлоха и много пластинок с притупленным краем. Для группы «Д-б» — памятник Моозбюль, типичны пластинки с притупленным краем и прямоугольники; резцы двухгранные-срединные, скребки и проколки с длинным острием.

В пятом техноансамбле «Е», наряду с костяными изделиями, включая и произведения искусства, выразительны каменные орудия: пластинки с притупленным краем и тронкированными концами; двухгранно-срединные резцы, скребки на пластинках и острия «бек».

Коллекции костяных изделий среднеднепровских и мадленских памятников Швейцарии, набор каменных орудий, представленных тремя основными группами: резцами, скребками и пластинками с притупливающей ретушью различных конфигураций, свидетельствуют не только о хронологической, а и, в определенной мере, культурной близости памятников. Различия отражают, вероятно, локальные особенности: это, прежде всего, преобладание срединных резцов в швейцарских стоянках и боковых резцов в среднеднепровских поселениях.

П. П. Ефименко замечал, что нельзя рассматривать «мадленскую ступень в культурном отношении как нечто единое и вполне однотипное», здесь имелись свои локальные варианты «материального уклада культуры, связанные с теми или иными условиями исторического развития отдельных групп ее населения на ступени мадлена» (Ефименко, 1953. С. 545). П. И. Борисковский, имея в виду стоянки Десны, писал, что они представляют «сочетание обширных сложных поселений, богатых уникальных находок как в области первобытной техники, так и в области искусства» (Борисковский, 1953. С. 304).

Среднеднепровские древние охотники на мамонтов жили в мадленское время, 15–12 тыс. л. н., в условиях сурового позднеледникового, о чем свидетельствуют многочисленные даты, полученные в разных лабораториях мира (Abramova, Grigorieva, Zaitseva, 2001).

Искусство верхнепалеолитических памятников мадленского времени Среднего Поднепровья

Искусство — одна из форм творческой деятельности человека, отражающая его отношение к окружающему миру, в котором он живет.

Палеолитическое искусство — один из основных источников первобытной археологии, воспроизводящий разнообразные стороны жизни и духовной деятельности древних людей.

Произведение искусства и древнее творчество памятников Среднего Поднепровья до сих пор вызывают большой интерес и оживленные дискуссии.

Среднеднепровские поселения — это отдельная область развития верхнего палеолита. В рамках этого региона выделено несколько культур. Наиболее интенсивное заселение этой территории происходило в период поздневалдайского оледенения (Величко и др., 1997).

Среди памятников, датируемых 24–21 тыс. л. н., разнообразием изделий из бивня и кости, включая произведения искусства, выделяется Хотылево 2 — памятник восточного граветта, по К. Н. Гаврилову. Вместе с тем, он замечает: «женские статуэтки, лопаточки с навершиями и наконечники копий из бивня мамонта относятся к самостоятельным типам, которые аналогичны, но не идентичны костенковско-авдеевским» (Гаврилов, 2008. С. 77, 78).

Произведения искусства Среднего Поднепровья мадленского времени представлены несколькими группами: скульптурными изображениями, живописью и графикой. Для их изготовления в качестве сырья использовали бивень, трубчатые и плоские кости мамонтов, значительно реже — других животных. Антропоморфные статуэтки памятников по стилистике можно разделить на схематические и реалистические. Схематические представлены скульптурками из Мезина, Межирич, Добраничевки; реалистические — статуэткой из Елисеевичей.

Наибольшее количество антропоморфных статуэток происходит из Мезина, где ещё И. Г. Шовкоплясом было выделено два типа этих изделий, условно названных «птичками» и «фаллическими» фигурками. По данным И. Г. Шовкопляса, «фаллических» изображений найдено 17, «птичек» — 6. Мезинские скульптурки более объемны, несмотря на схематизм. «Фаллические» изображения по форме близки между собой, но различаются величиной. Они имеют вид продолговато-округлых стержней. Один их конец более длинный, округлый или слегка уплощен, второй конец притуплен, около него выделен валик. Большинство фигурок украшено резным орнаментом (Шовкопляр, 1965. С. 220–231). «Птички» тоже разной величины, они по форме напоминают контуры птиц, иногда с маленькой или едва намеченной овальной головкой, округлым и подтреугольным силуэтами туловища, удлиненным или овальным хвостом.

Поверхность «птичек» украшена резным орнаментом (Шовкопляр, 1965. С. 227–234). На лицевой поверхности туловища некоторых «птичек» и «фаллических» фигурок прорезан треугольник — знак женского пола. А. Д. Столяр считал мезинские треугольники знаками женского пола, то же значение имели, видимо, и углообразные изображения (Столяр, 1972. С. 210, 211).

В Мезине выделено и несколько переходных форм, напоминающих «птичек» и «фаллические» фигурки. Найдено несколько поделок из бивня, напоминающих, по И. Г. Шовкоплясу, антропоморфные скульптуры, передающие схематизированные человеческие фигуры. Однако, З. А. Абрамовой были высказаны сомнения относительно такой их интерпретации, из-за грубости и необработанности этих предметов она причислила их к обломкам бивней (Абрамова, 1962. С. 35).

К скульптуркам были отнесены две фигурки из бивня небольших размеров, напоминающие животных. На одном конце изображений имеются выступы, типа головок; а у одной фигуры на другом конце намечены ноги (Шовкопляр, 1965. С. 236). Но П. П. Ефименко считал эти условные изображения подвесками (Ефименко, 1953. С. 470. Рис. 223).

Мезинские статуэтки по схематизму напоминают подобные фигурки из памятников мадленского времени Центральной Европы, в частности Петерфельс и Гённерсдорф и другие.

Г. П. Григорьев считает скульптурные изображения изображениями женщин, имеющими соответствия во многих стоянках мадленского времени. Максимум схематизм достигает в изображении торса и ног. Вместе с тем, мезинские изображения отличаются от европейских мадленских рисунками на поверхности фигурок (Григорьев, 2008. С. 177).

Скульптурные изображения Межиричской стоянки выделяются стилем и размерами, уплощенностью форм. Они, как и мезинские, изготовлены из бивня. Межиричские статуэтки имеют удлиненные очертания. У них более продолговатая и узкая верхняя часть и более короткая и широкая нижняя. Рисунки на поверхности нанесены в виде линий и изображения треугольника. У одной статуэтки на ее надпоясничной части прорезаны продольные и поперечные

черточки. На нижней поверхности торса статуэтки нанесены треугольник с пересекающимися линиями. У другой статуэтки на лицевой стороне поверхности внизу изображены два треугольника с пересекающимися линиями. Третья скульптура с головой, на которой обозначено лицо: глаза диаметром 2 мм и рот длиной 5 мм. На тыльной стороне имеются линии. И. Г. Пидопличко упоминает еще один фрагмент статуэтки (Пидопличко 1976. С. 203–207; Филиппов, 2003. С. 207). Единственная реалистическая женская скульптура происходит из Елисеевичей. Высота её около 15 см. Скульптура хорошо моделирована: у нее удлинённый торс, узкие плечи, тонкая талия и немного утяжелённая нижняя часть; отсутствуют голова, руки и концы ног. Седалищная часть округлых очертаний плавно переходит в ноги. Врезанными линиями обозначены груди, внизу живота намечен треугольник. Массивные ноги впереди и сзади разделены (Поликарпович, 1940. С. 85. Рис. 2; Абрамова, 1962. С. 38)

Две стилизованные статуэтки найдены в Добраничевке. У них отсутствуют детали. Одна изготовлена из песчаника, вторая — из янтаря (Шовкопляс. 1972. С. 177–192).

Частью статуэтки считают поделку округлой формы из бивня Супоневской стоянки. По И. Г. Шовкоплясу, это головка антропоморфной статуэтки, обломанная с одной стороны, с частично сохранившейся шеей (Шовкопляс. 1952. С. 92).

Кроме женских изображений, в фигуративном искусстве Среднеднепровских памятников, имеются единичные скульптурные фигурки животных. Это две условные фигурки из Мезина, уже упомянутые; мамонт из Елисеевичей и головка птицы из Юдинова. Скульптурка мамонта из Елисеевичей сделана из известковистой конкреции. Она небольших размеров: длина 40 мм, высота 30 мм, ширина 18 мм. Мамонт изображен схематично. Несколько штрихов, нанесенных на известковистую конкрецию, передают достаточно верно облик животного. Скульптурные изображения из мергеля известны в Костенковских памятниках. Елисеевический мамонт отличается от них (Грехова, 1980. С. 4–7). Для Елисеевического мамонта характерны, по Греховой, две особенности: он передан в движении, имеет продолговатые пропорции тела. Костенковские мамонты статичны. В верхнем палеолите Среднего Поднепровья пока это единственное изображение мамонта.

Юдиновская головка птицы из рога северного оленя со слегка вытянутым приостренным клювом орнаментирована короткими косыми линиями (Будько, 1967. С. 27–28. Рис. 1).

Итак, скульптурные изображения представлены одной реалистической и серией схематизированных женских статуэток и четырьмя фигурками животных, две из них условные. Статуэтки отличаются стилистикой, формой, орнаментацией.

Вторую группу произведений искусства составляют живописные творения Мезина и Межирич. В Мезине обнаружено шесть костей с живописными рисунками. Нанесены они красной охрой. Живопись геометрического характера, напоминающая орнамент на скульптурах, пластинках, фрагментах бивня и других изделиях. Среди расписанных костей лопатка мамонта с зигзагообразными, параллельными между собой линиями; две нижние челюсти мамонтов, на боковой поверхности одной из них нанесены параллельные, слегка волнистые линии, на другой — группа линий нарисована горизонтально, другая группа размещена по отношению к ним вертикально, правее изображены два угла из сохранившихся; на обломке бедренной кости прорисованы параллельные косые линии; на фрагменте тазовой — три группы параллельных линий и угол; на обломке лопатки сохранились частично углы и остатки линий (Шовкопляс, 1965. Табл. LIV–LVI). Живописные рисунки на костях — это зигзагообразные и параллельные линии, углы, то есть геометрический орнамент, расписанный краской.

В Межиричах череп с живописным рисунком был обнаружен у входа в жилище. На лобной части черепа нанесены красной охрой линии, расположенные кустообразно, и короткие параллельные линии; между кустообразными контурами размещены круглые пятна (Пидопличко, 1969. С. 133–134).

Живописные рисунки Мезина и Межирич выделяются схематизмом, граничащим с условной символикой, характерной для скульптурных изображений.

Многообразны на Среднеднепровских поселениях произведения древней графики, предметы с геометрическим орнаментом. Выделяются ими, прежде всего, Мезинская стоянка. В первую очередь, это мезинские браслеты из бивня мамонта, отличающиеся оригинальностью и

сложностью орнамента. Браслетов обнаружено два, совершенно разных. Один сделан на широкой бивневой пластине с отверстиями на конце. Пластина изогнута и обработана с внешней и внутренней стороны. Лицевая сторона браслета украшена резным орнаментом из меандров и зигзагов, чередующихся между собой. Второй браслет сложный, из пяти узких бивневых пластинок с просверленными отверстиями на концах. По краям пластинок прорезаны короткие косые линии, которые при соединении пластинок образуют узор «елочка». В местах соединения «елочек» образуются узоры в виде меандров и ромбов (Шовкопляс, 1965. С. 237).

Мезинские фрагменты пластинок и бивней украшены зигзагами, меандрами, «елочками», прорезанными линиями. Композиции на фрагментах бивней — это сочетание разных геометрических орнаментов (Шовкопляс, 1965. Рис. LI–LIII).

Геометрический орнамент Межиричского поселения — это зигзаги, «елочки», линии. На крупном фрагменте бивня представлено шесть композиций на полосах, разделенных горизонтальными линиями: на средней полосе изображены четыре куполообразных заштрихованных рисунка, которые исследователи интерпретируют как жилища (Пидопличко, 1969. С. 134, 135).

В елисеевической стоянке значительную группу произведений составляют «чуринги» — пластины бивня с геометрическим орнаментом. Основной элемент их орнамента — линии, расположенные под углом. Разное сочетание прямых линий, углов создают орнамент из параллельных зигзагов и шестигранников. На некоторых «чурингах» наблюдается переход от шестигранников к зигзагам. Главный мотив композиций на «чурингах» — сетки из шестигранников (Поликарпович, 1968. С. 118–129; Величко и др., 1997. С. 137). Отдельную группу составляют бивни с нарезками и их фрагменты. Найдено четыре целых бивня и семь фрагментов. На одном бивне нарезки расположены по внешней дуге двумя группами. На другом бивне нарезки нанесены неравномерно на боковых сторонах. У третьего бивня основные нарезки на вогнутой поверхности и несколько коротких линий на внешней дуге. На отдельных фрагментах бивней и сколах нарезки сохранились частично. К. М. Поликарпович высказал предположение, что, возможно, нарезки на бивнях обозначали количество животных, убитых во время охоты (Поликарпович, 1968. С. 89–93). На фрагментах ребер и трубчатых костях нарезки расположены в определенном порядке.

В Юдиново, как и в большинстве памятников региона, был широко распространен геометрический орнамент, однако произведений фигуративного искусства найдено только два: упомянутая головка птицы и кость с гравированными изображениями (Григорьева, 2006. С. 65–69). На лицевой стороне плоской обгорелой кости прорезано три геометрических изображения, напоминающих по конфигурации: два — рыб, одно — птицу (Рис. 1). Верхние и нижние изображения удлиненной овальной формы с обоими заостренными концами. Левые, более широкие, концы напоминают больше головы рыб, правые, более узкие, — хвосты. Между верхней и нижней «рыбами», параллельно им изображена «птица». Она имеет контуры удлиненного овала с концом, похожим на голову птицы с выделенным заостренным клювом; правый конец изогнут кверху и заканчивается углом с отходящими от него линиями, возможно, обозначающими хвост птицы. Фигура «птицы» прорезана линиями, уходящими за пределы корпуса и напоминающими расправленные в полете крылья. Все три изображения расположены друг над другом. «Рыбы» и «птица» схематизированы и близки по форме к ромбовидному орнаменту, широко распространенному на поселении. Изображения рыб на памятнике вряд ли случайно. Люди жили на берегу р. Судости и вместе с продуктами наземных животных, убитых во время охоты, питались и рыбой, которую могли добывать, не покидая пределов поселения. Пока в Юдиново найден один позвонок крупной рыбы. Возможно, кости рыб не сохранились.

На Супоневской стоянке геометрическим орнаментом — меандрами, ромбами, зигзагами — украшены готовые изделия, и он прорезан на пластинах и фрагментах бивней (Шовкопляс, 1952. С. 81–94; Абрамова, 1962. С. 37–38).

В Гонцах известен бивень с гравировкой. Вдоль бивня прорезана тонкая линия, от которой под прямым углом отходят чередующиеся нарезки (Борисковский, 1953. С. 324).

В Кирилловской стоянке известны два бивня с гравировкой. Один из них напоминает бивень из Гонцов с продольной линией и чередующимися нарезками. На другом бивне прорезаны две изогнутые черты, заполненные внутри короткими косыми линиями (Борисковский, 1953. С. 168).

В Тимоновке I найдены в основном пластины и фрагменты бивней, обломки ребер с орнаментом. Основные элементы орнамента ромбы и треугольники. Зачастую орнамент покрывает всю поверхность пластин, реже небольшие участки (Абрамова, 1962. С. 37; Величко и др., 1977. С. 106, 107).

Итак, древнейшие графические изображения появились еще в палеолите. П. И. Борисковский отмечал, что зигзаги, ромбы, меандры, имея в виду мезинские изделия, представляют в одних случаях схематизацию реальных предметов, в других — орнамент, а иногда «то и другое»: «Трудно также и четко разграничить, в каких случаях перед нами схематизированное изображение реального предмета, за которым скрывается вполне реальное изображение, в каких случаях перед нами орнамент, просто украшающий вещь, а в каких случаях перед нами и то и другое (Борисковский, 1953. С. 281).

Что же касается каменного инвентаря поселений, то он довольно однообразен. Среди орудий в основном преобладают резцы для обработки камня и кости, пластины и пластинки с притупляющей ретушью, скребки, проколки. Долотовидные формы имели скорее подчиненное значение. При этом выделяются мезинские наконечники, проколки с длинным жалом и многожальные; супоневские резцы, хотя есть аналогичные резцы в незначительном количестве и в других памятниках.

Днепровские стоянки отличаются многообразием костяных, охотничьих и хозяйственных орудий. Среднее Поднепровье — один из важных густонаселенных в палеолите регионов Русской равнины. Мировую известность памятники получили благодаря жилищам из костей мамонтов, выразительным произведениям искусства, обильным коллекциям каменных и костяных предметов.

Каменные и костяные изделия Среднеднепровских поселений имеют большое сходство с европейскими памятниками мадленского времени. Еще в XIX веке Л. Нидерле заметил, что стоянки мадленского времени отличаются от предшествующих эпох тем, что каменная индустрия уступает место костяной и роговой индустрии (Нидерле, 1898. С. 32). К особенностям памятников мадленского времени П. П. Ефименко относил исключительно развитую обработку кости, рога, занявших ведущее место среди материалов, использованных древними людьми для изготовления предметов разного хозяйственного назначения и произведений искусства. Мадленское время, считал П. П. Ефименко, это время расцвета палеолитического искусства (Ефименко, 1938. С. 469–470).

Однако для Среднеднепровских поселений были характерны свои особенности: не во всех памятниках представлены женские статуэтки, живопись, геометрический орнамент в виде меандров и шестиугольников.

Тем не менее, поселения поздней поры верхнего палеолита Среднего Поднепровья являлись регионом, базировавшимся на довольно однообразном наборе каменных орудий, искусстве, геометрическом орнаменте, из элементов которого были созданы разнообразные композиции.

Литература

- Абрамова З. А. Палеолитическое искусство на территории СССР // САИ. Вып. А3–4. М.; Л., 1962.
- Абрамова З. А. Особенности сюжетного искусства в палеолитических памятниках Верхней Десны // Деснинские древности. Брянск, 1995.
- Абрамова З. А. Верхнепалеолитическое поселение Юдиново. Вып. 1. СПб., 1995.
- Абрамова З. А. К вопросу об аносовско-мезинском типе палеолитических жилищ на Русской Равнине // Традиции отечественной палеоэтнологии. СПб., 1997.
- Абрамова З. А., Григорьева Г. В. Верхнепалеолитическое поселение Юдиново. Вып. 3. СПб., 1997.
- Аникович М. В. Днепро-Донская историко-культурная область охотников на мамонтов: от «восточного граветта» к «восточному эпиграветту» // Восточный граветт / ред. Х. А. Амирханов. М., 1998.
- Борисковский П. И. Палеолит Украины // МИА. № 40. М.; Л., 1953.
- Борисковский П. И. Некоторые спорные вопросы периодизации позднего палеолита Русской равнины // Тезисы докладов. М., 1959.
- Будько В. Д. Юдиновское верхнепалеолитическое поселение // АО 1966 г. М., 1967.
- Величко А. А., Грехова Л. В., Губонина З. П. Среда обитания первобытного человека Тимоновских стоянок. М., 1977.
- Величко А. А., Грехова Л. В., Грибченко Ю. Н., Куренкова Е. И. Первобытный человек в экстремальных условиях среды. Стоянка Елисеевичи. М., 1997.
- Величко А. А., Грибченко Ю. Н., Куренкова Е. И. и др. Геохронология палеолита Восточно-Европейской равнины // Ландшафтно-климатические изменения, животный мир и человек в позднем плейстоцене и голоцене. М., 1999.
- Верещагин Н. К., Кузьмина И. Е. Остатки млекопитающих из палеолитических стоянок на Дону и Верхней Десне // ТЗИН. Т. 72. Л., 1977.
- Гаврилов К. Н. Археологические объекты верхнепалеолитических стоянок Среднего Поднепровья и Подесенья // Своеобразие и особенности адаптации культур лесной зоны Северной Евразии в финальном плейстоцене — раннем голоцене. М., 2007.
- Гаврилов К. Н. Верхнепалеолитическая стоянка Хотылево. М., 2008.
- Гвоздовер М. Д., Рогачев А. Н. Развитие верхнепалеолитической культуры // Лесс — перегляциал — палеолит на территории Средней и Восточной Европы. К VIII Конгрессу ИНКВА. Париж, 1969. М., 1969.
- Городцов В. А. Археология. Каменный век. Т. 1. М.; Пг., 1923.
- Городцов В. А. Социально-экономический строй обитателей Тимоновской палеолитической стоянки // СЭ. № 3. М.; Л., 1935.
- Грехова Л. В. Памятники эпохи палеолита и мезолита. Окский бассейн в эпоху камня и бронзы // Труды ГИМ, № 44, М., 1970.
- Грехова Л. В. Фигура мамонта из стоянки Елисеевичи // История и культура Евразии по археологическим данным. М., 1980.
- Грибченко Ю. Н., Куренкова Е. И., Тимирова С. Н., Воскресенская Е. В. Литолого-стратиграфические особенности позднепалеолитических стоянок Восточно-Европейской равнины // Верхний палеолит, верхний плейстоцен, динамика природных событий и периодизация археологических культур. Материалы Международной конференции, посвященной 90-летию А. Н. Рогачева. СПб., 2002.
- Григорьев Г. П. Отношение памятников Десны к мадленским памятникам Европы // Человек, адаптация, культура. М., 2008.
- Григорьева Г. В. Изображения из верхнепалеолитического поселения Юдиново // In situ. К 85-летию А. Д. Столяра. СПб., 2006.
- Ефименко П. П. Первобытное общество, Л., 1938.
- Ефименко П. П. Первобытное общество, Киев, 1953.
- Залізник Л. Л. Етнокультурі процеси у пізньому палеоліті та проблема епігравету // Археологія. № 2. Київ, 2000.
- Залізник Л. Л. Фінальний палеоліт і мезоліт континентальної України // Кам'яна Доба України. Вып. 8. Київ, 2005.
- Копытин В. Ф. У истоков гренской культуры. Боровка. Могилев, 2000.

- Левіцький У. Ф. Гонцівська палеолітична стоянка // Палеоліт і неоліт України. Т. 1, вып. 3. Київ, 1947.
- Мащенко Е. Н. Скелет и зубная система в индивидуальном развитии *Mammuthus primigenius* (Blum., 1799) Proboscidae, Elephantidae и некоторые черты биологии мамонта // Автореф. дисс. ... канд. биол. наук. М., 1998.
- Нидерле Д. Ю. Человечество в доисторические времена. СПб., 1898.
- Нужний Д. Ю. Проблема сезонної адаптації фінально-палеолітичних мисливців на мамонтов Середнього Поднепрров'я і нові епіграветські пам'ятки у басейні Трибужу // Археологія. № 2. Київ, 1997.
- Нужний Д. Ю., Пясецький В. К. Кам'яний комплекс верхньопалеолітичної стоянки Бармаки на Рівнещині та проблема інсування пам'яток мізинської індустрії на Волинській височані // Кам'яна Доба України. Вып. 2. Київ, 2003.
- Оленковский Н. П. Эпиграветт Восточной Европы. Херсон, 2008.
- Пидопличко И. Г. Палеолитические жилища из костей мамонтов на Украине. Киев, 1969.
- Пидопличко И. Г. Межиричские жилища из костей мамонтов. Киев, 1976.
- Поликарпович К. М. Работа по исследованию палеолита и эпипалеолита в БССР и Западной области в 1933–1935 гг. // СА. № 5, М.; Л., 1940.
- Поликарпович К. М. Палеолит Верхнего Поднепрров'я. Минск, 1968.
- Рогачев А. Н. Некоторые вопросы стратиграфии и периодизации верхнего палеолита Восточной Европы (о принципе геологической стратиграфии при изучении палеолита) // ТКИЧП. № 18, М., 1961.
- Рогачев А. Н. Об аносовско-мезинском типе жилищ на Русской равнине // КСИА. № 92. М.; Л., 1962.
- Рогачев А. Н., Аникович М. В. Поздний палеолит Русской равнины и Крыма // Археология СССР. Палеолит СССР. М., 1984.
- Рыбаков Б. А. Происхождение и семантика ромбического орнамента // Сборник Трудов НИИ художественной промышленности. Вып. 5. М., 1972.
- Саблин М. В. Палеозоология стоянок Верхней Десны: новые данные // Верхний палеолит — верхний плейстоцен; динамика природных событий и периодизация археологических культур. Международная конференция, посвященная 90-летию А. Н. Рогачева, СПб., 2002.
- Саблин М. В., Хлопачёв Г. А. Собаки из верхнепалеолитического поселения Елисеевичи I // *Stratum plus I*. СПб.; Кишинев; Одесса; Бухарест, 2001–2002.
- Столяр А. Д. К вопросу о социально-исторической дешифровке женских знаков верхнего палеолита // МИА. № 185, Л., 1972.
- Федоров В. В. Новые изображения рыб в палеолитических стоянках Европейской части СССР // КСИА. № 82, М.; Л., 1961.
- Филиппов А. К. Трасология верхнепалеолитических изделий из кости стоянки Межирич (Украина) // Петербургская трасологическая школа по изучению древних культур Евразии. СПб., 2003.
- Хлопачёв Г. А. Техника обработки бивня в эпоху верхнего палеолита (по материалам стоянок Центра Русской равнины) // Автореф. дисс. ... канд. ист. наук, СПб., 2004.
- Шовкопляс І. Г. Кістяні вироби Супоневської палеолітичної стоянки // Археологія, Київ, 1952.
- Шовкопляс І. Г. Супоневська палеолітична стоянка // Археологія. № 4. Київ, 1950.
- Шовкопляс И. Г. Мезинская стоянка. Киев, 1965.
- Шовкопляс И. Г. Добраничевская стоянка на Киевщине. Некоторые итоги исследования // МИА. № 7. Л., 1972.
- Abramova Z. A., Grigorieva G. V., Zaitseva G. I. The age of Upper Paleolithic sites in the middle Dnieper river basin // *An International Journal of Cosmogenic Isotope Research*. V. 43, No 2B. 2001. Proceedings of the 17th International Radiocarbon Conference, June 18–23, 2000, Israel.
- Debrosse R., Koslowski J. Hommes et climats a l'age des mammoths // *Paleolithique superieur d'Euroasia Centrale*. Paris, 1988.
- Braun I. V. Art mobilier magdalenien en Suisse // *Prehistoire Art et Societes*. Revue editée par la Societé Prehistorique Ariège Pyrenées. T. 60. 2005.
- Otte M. Le Gravettien en Europa Centrale // *Dissertationes archaeological*. Vol. 21. Brugge, 1981.

**UPPER-PALAEOLITHIC SITES OF THE MIDDLE DNEIPER REGION
OF THE MAGDALENIAN PERIOD**

The Middle Dnieper region is one of the centres of the Palaeolithic period in Eastern Europe. It is characterized by large settlement-sites giving us notions of the structure of the dwelling complexes, the life mode and economic activities of the ancient hunters.

Analysis of stone artefacts from the sites attests to a relatively stable and homogeneous set of tools. These include mostly burins, scrapers, blades and microblades with blunting retouch.

At the sites in question, the working of bone, particularly mammoth tusks, was widely developed. Bone tools include implements for hunting and household purposes, ornaments and pieces of art. The hunting armament included spearheads and dart-heads as well as arrowheads. Among the tools of household use were awls, needles, digging implements, polishers, "spatulas", hammers, needle-holders, etc. The ornaments included sewn-on beads, pendants in the form of plates from tusks, bracelets, diadems, pendants from animal teeth, mollusc shells, buckles etc. Pieces of art include female and animal figurines, painting on bones (Mezin, Mezhirich), engraved representations and geometric patterns. The stylized female representations from Mezin and Mezhirich resemble the Magdalenian images from Western and Central Europe.

Regarding the cultural belonging of the sites, there are differing opinions. A number of researchers attribute them to the epi-Gravettian culture. The classics of Palaeolithic studies P.P. Efimenko, P.I. Boriskovskiy, I.G. Shovkoplas et al. believed that they were Magdalenian. Z.A. Abramova proposed to distinguish within the limits of the Middle Dnieper region a number of cultures limited both territorially and chronologically. The younger sites of the Upper Palaeolithic of the Middle Dnieper were occupied 15-12 millennia BP as may be judged by radiocarbon dates.

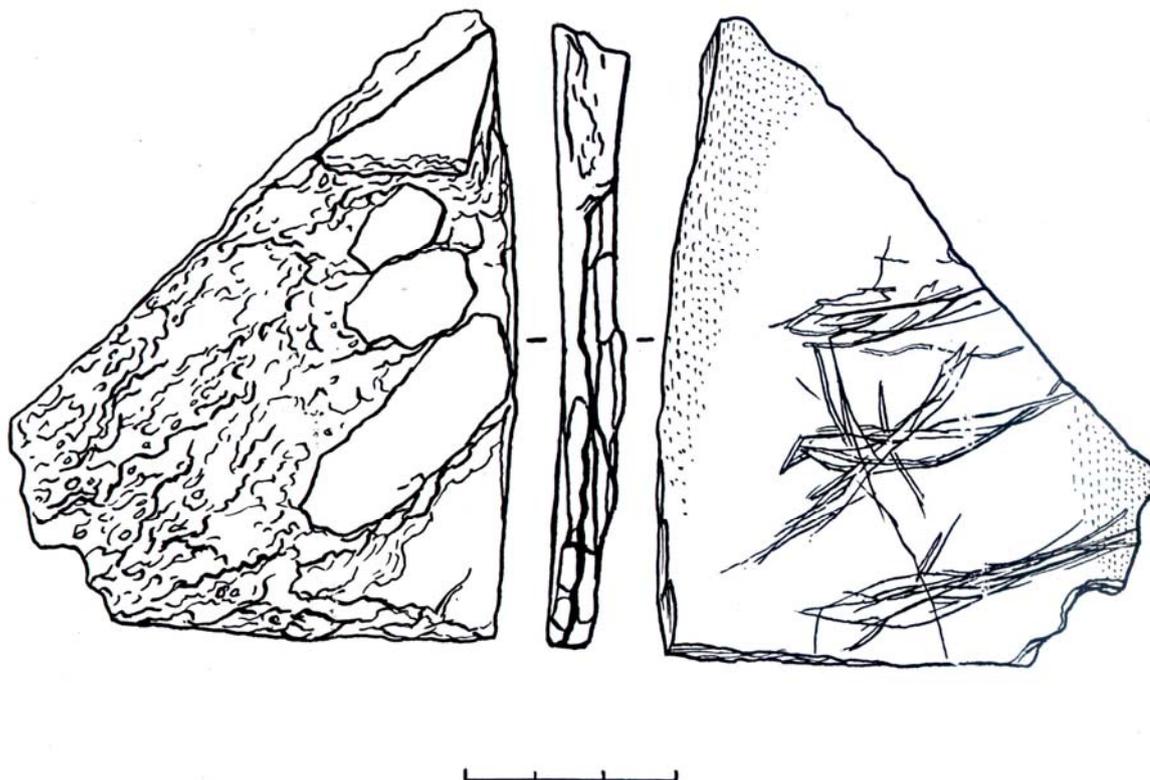

Рис. 1. Юдиново. Прорезанные изображения на плоской кости

А. А. Бессуднов

Институт истории материальной культуры РАН

ПАЛЕОЛИТИЧЕСКИЕ ПАМЯТНИКИ КОНЦА ПЛЕЙСТОЦЕНА В БАССЕЙНЕ ВЕРХНЕГО И СРЕДНЕГО ДОНА *

Проблематика поздней поры верхнего палеолита является наименее разработанной для территории бассейна Верхнего и Среднего Дона. В первую очередь это обусловлено состоянием источниковедческой базы в данном регионе, где, в отличие от территории Поднепровья, Подесенья и Северного Причерноморья, известны лишь единичные памятники этого времени. Однако обилие разновременных и разнокультурных стоянок ранней и средней поры верхнего палеолита в Костенках неизменно ставило перед исследователями вопрос о наличии памятников поздневалдайского времени в Костенках и за их пределами.

В последнее двадцатилетие на Дону были открыты и исследованы новые памятники, относящиеся к поздней поре верхнего палеолита, материалы большей части которых пока опубликованы лишь предварительно. Их культурная атрибуция и хронология во многом остаются проблематичными, лишь незначительная часть памятников имеет данные естественнонаучных методов, а основой культурных и хронологических построений является облик каменного инвентаря. Тем не менее, результаты исследований последних лет и критический анализ существующих источников позволяют вновь обратиться к этой тематике.

Общие представления о памятниках конца плейстоцена на Русской равнине

По существующим представлениям, время поздней поры верхнего палеолита на Русской равнине занимает хронологический промежуток от ~20 до ~13/12 тыс. л. н.¹, то есть соответствует периоду между максимумом оледенения и началом интерстадиала бёллинг². Период позднеледниковья сопровождается глобальными климатическими изменениями. По сравнению со средней порой верхнего палеолита происходит увеличение количества памятников (только около 80 стоянок с радиоуглеродными датами; рис. 1), при этом их основная концентрация прослеживается в бассейнах Десны и Днепра. В содержательном плане к поздней поре верхнего палеолита относятся памятники с типичным верхнепалеолитическим набором каменного инвентаря, развитой костяной индустрией и традициями домостроительства, которые в совокупности резко отличаются от финальнопалеолитических индустрий.

В каменном инвентаре памятников поздней поры верхнего палеолита большинство авторов отмечают присутствие ретушных резцов, скребков простых форм, наличие косоусеченных

* Работа выполнена в рамках научных проектов РГНФ № 13-11-48602, № 13-21-01006а(м) и по теме «Прерывистость и преемственность культурного развития палеолита Костенковской группы» в рамках Программы фундаментальных исследований Президиума РАН «Традиции и инновации в истории и культуре».

¹ Все даты в данной работе некалиброванные.

² В различных работах граница между поздним и финальным палеолитом варьирует от 14 до 12 тыс. л. н. (см. напр. Сеницын и др., 1997; Васильев и др., 2005; Жилин, Кольцов, 2008; Сорокин и др., 2009; Залізняк, 2010 и др.), что объясняется как локальными особенностями развития культуры на конкретных территориях, так и слабой обеспеченностью естественнонаучными данными «пограничных» памятников.

острий и орудий с притупленным краем при общем обеднении типологического набора по сравнению с граветийскими стоянками средней поры верхнего палеолита (Абрамова, Григорьева, 1997; Аникович, 1998; Лисицын, 1999; Гаврилов, 1994 и др.). При обобщении массива памятников этого периода на Русской равнине, отвечающих вышеназванным характеристикам каменного инвентаря, в литературе чаще всего используется термин «эпиграветт» или «восточный эпиграветт» (Kozłowski, 1986; Аникович, 1992, 1998 и др.; Zaliznyak, 1999; Cohen, 1999; Нужный, 2002; Чубур, 2001; Оленковский, 2008; Степанчук, 2008 и др.). При этом изначально термин «эпиграветт» употреблялся для обозначения каменных индустрий европейского Средиземноморья, следующих за граветтом и генетически с ним связанных. Памятники «классического» эпиграветта представлены на Апенинском полуострове и северном побережье Средиземного моря и в каменном инвентаре имеют мало общего с памятниками «восточного эпиграветта». Чаще всего в отечественной литературе под «эпиграветтом» подразумевается совокупность культур, существовавших в период позднеледникового, то есть фактически этот термин обладает лишь хронологическим смыслом. Следует отметить, что генетическая связь между эпиграветтом и граветтом в Восточной Европе оценивается по-разному, вплоть до полного ее отрицания (Лисицын, 1999). Интересна точка зрения отдельных исследователей, относящих некоторые памятники поздней поры к мадлену (Абрамова, Григорьева, 1997; 2005).

Помимо эпиграветта, который представляет собой масштабное явление, выделяется ряд локальных культурных образований (замятнинская культура в Костенках, каменнобалковская культура на Нижнем Дону, культура типа верхнего слоя Быки 7 в Посеймье и др.). Не исключено, что таким же локальным образованием является т. н. «эпиориньяк», стоянки которого располагаются в южных степях Причерноморья и характеризуются специфическим составом каменного инвентаря с высокими скребками-нуклеусами и микролитами с изогнутым профилем (Праслов, 1972; Сапожников, 2004; Кетрару и др., 2007 и др.). Возможно, что часть локальных культурных единиц, выделяемых различными авторами, могут относиться к таксонам более высокого ранга (технокомплексам): например, судя по облику каменного инвентаря стоянок каменнобалковской культуры (Гвоздовер, 1964), эта культура имеет много общего с эпиграветтом. Выраженные «ориньякоидные» черты отмечались при описании некоторых стоянок замятнинской культуры (Праслов, Иванова, 1982).

Хронологические рамки финального палеолита определяются временем 13/12–10/9,5 тыс. л. н., что соответствует дриасовому периоду конца плейстоцена (Васильев и др., 2005; Жилин, Кольцов, 2008; Лисицын, 2000; Зализняк, 1999; и др.). Нижняя граница соответствует времени исчезновения памятников верхнепалеолитического облика, верхняя граница определяется появлением мезолитических культур на рубеже плейстоцена и голоцена.

На современном этапе исследований на Русской равнине прослеживается три области распространения финальнопалеолитических стоянок, которые соответствуют различным культурным традициям (Лисицын, 2005). Наиболее изученными и широкими по распространению являются культуры с черешковыми наконечниками, занимающие лесную зону территории всей континентальной Европы. В северной части Русской равнины к ним относятся многочисленные стоянки традиций бромме и свидер, происхождение которых связано с южно-балтийскими памятниками (Синицына, 2005). Другая область концентрации памятников рубежа голоцена-плейстоцена расположена в низовьях Камы. Для этих памятников характерна специфическая индустрия, выраженная в сочетании пластинчатой и отщеповой техник первичного расщепления; среди изделий со вторичной обработкой присутствуют как типично верхнепалеолитические формы, так и своеобразные рубящие орудия и крупные микролиты-трапеции, при отсутствии микропластинчатого инвентаря (Галимова, 2001).

К финальному палеолиту на юге Русской равнины относится ряд стоянок, объединенных исследователями в единую культурную общность — стоянки Рогаликско-Передельского района, Царинка, Осокоровка (сл. Зв), Леонтьевка и др. (Горелик, 2001; Оленковский, 2008 и др.). Отличительными чертами «южной» группы финальнопалеолитических стоянок является преимущественно пластинчатая техника расщепления и наличие разнообразных микролитических изделий, среди которых выделяются специфические низкие трапеции-прямоугольники (Горелик, 2001).

Для юга Русской равнины особенно остро стоит проблема разделения верхне- и финальнопалеолитических памятников. Такая проблема отсутствует в лесной зоне северо-востока Русской равнины, где между местными «эпиграветскими» памятниками и пришлыми культурами с черешковыми наконечниками существует хронологическая лакуна и не фиксируется никакой генетической связи (Лисицын, 2005). На юге, наоборот, прослеживается непрерывное развитие культур в период 16–10 тыс. л. н., в каменном инвентаре которых присутствуют типичные верхнепалеолитические формы с тенденцией к микролитизации к началу голоцена.

Проблема существования памятников поздней поры верхнего палеолита в Костенках

Основу хронологических и культурных построений на Дону и в Восточной Европе в целом составляют многослойные памятники Костенковско-Борщевского района (Рогачев, 1957; 1961; Сеницын, 2006б; 2010 и др.). При этом последовательность отложений, которая является основой для построения различных моделей и схем развития палеолитических культур в Костенках, в полном виде за пределами Костенок не представлена. Следовательно, территориальная граница приложения моделей Костенок до сих пор остается неизвестной.

Классическая костенковская схема была сформирована в 50–60-е гг. А. Н. Рогачевым совместно с геологами Г. И. Лазуковым и А. А. Величко (Рогачев, 1957, 1961; Лазуков, 1957; Величко, Рогачев, 1969). Ее основу составляют две гумусовые толщи, разделенные прослойкой вулканического пепла. Соответственно трехчленной литологической схеме, все костенковские стоянки первоначально подразделялись на четыре, а затем на три хронологические группы. Исследуя различные стоянки с одинаковым стратиграфическим положением, А. Н. Рогачев пришел к выводу о многообразии археологических культур, существовавших в единое геологическое время. В то же время, основываясь на тезисе об отсутствии в Костенках геологических отложений максимума последнего оледенения (Лазуков, 1982), А. Н. Рогачев не признавал существование в Костенках памятников моложе 20–18 тыс. л. н., а молодые радиоуглеродные даты из стоянок признавались сомнительными (Рогачев, Аникович, 1984). По мнению Г. И. Лазукова (1979; 1982), первая надпойменная терраса Дона, с которой обычно связываются памятники позднего времени, датируется доосташковским временем, следовательно, приуроченные к ней стоянки не могут иметь поздневалдайский возраст. Принципиально отличной точки зрения придерживался М. Н. Грищенко (1974; 1976), считавший, что первая надпойменная терраса в долине Дона имеет два уровня — высокий или «костенковский» и низкий или «гремяченский», время образования которых относится исследователем к позднеледниковью. К высокому уровню приурочены стоянки Костенки 3, 4, 19, 21 и два нижних слоя Борщево 2; к низкому, наиболее молодому, — I слой Борщево 2.

В настоящее время относительно существования в Костенковско-Борщевском районе памятников поздней поры верхнего палеолита существует две точки зрения. А. А. Сеницын, вслед за А. Н. Рогачевым, считает, что верхняя граница существования палеолитических поселений в Костенках определяется временем 21–20 тыс. л. н. (Сеницын и др., 1997; 2002; Сеницын, 2008; 2010; и др.). Сторонниками отсутствия в Костенках отложений позднеледникового времени приводятся аргументы в пользу того, что здесь не представлены характерные для максимума оледенения криогенные деформации, тогда как на Гагаринской стоянке имеется мощный мерзлотный клин этого времени (Тарасов, 1979). В то же время, по мнению А. А. Величко, следы мерзлотных процессов на широте Костенок и южнее могут не проявляться (Величко и др., 1978). В пользу существования отложений поздневалдайского времени также могут свидетельствовать несколько уровней побурения выше гмелинской почвы, возможно, отвечающие фазам эфемерного почвообразования (Сеницын и др., 2004; Величко и др., 2009). Однако достоверных данных о соотношении горизонтов почвообразования с периодами потеплений беллинг и аллеред до недавнего времени не было не только в Костенках, но и на территории Подонья в целом. Вопрос о наличии отложений поздневалдайского времени в Костенках остается во многом дискуссионным, однако дополнительными аргументами в пользу их присутствия могут служить облик каменного инвентаря из ряда стоянок и серии молодых радиоуглеродных дат (Сеницын и др., 1997).

Основываясь на комплексе археологических, геологических и радиоуглеродных данных, М. В. Аникович (2005; 2009; Аникович и др., 2008) относил к поздней поре верхнего палеолита ряд стоянок. Им предложена детальная схема членения поздней хронологической группы в Костенках (25–15(14) тыс. л. н.) на три этапа, в основе которой лежат данные радиоуглеродного датирования и положение культурных слоев стоянок относительно гмелинской почвы. К наиболее позднему этапу (ШС), возраст которого определяется в пределах 20–15(14) тыс. л. н., М. В. Аниковичем относятся стоянки Костенки 11 (а, б), 2, 3, 19, 21 (I) и Борщево 1, культурные слои которых залегают выше гмелинской почвы. В данную группу также включаются Костенки 10, залегающие непосредственно под черноземом, но имеющие две древние радиоуглеродные датировки порядка 28 и 22 тыс. л. н. При этом большая часть стоянок определяется временем максимального похолодания около 18 тыс. л. н., а верхняя граница этапа совпадает со временем существования стоянки Борщево 1, имеющей компактную серию дат около 15 тыс. л. н. (Аникович, 2005; Аникович и др., 2008).

Наиболее остро стоит проблема определения возраста стоянки Борщево 2, расположенной на первой надпойменной террасе Дона. П. П. Ефименко и П. И. Борисковский, опираясь в основном на облик каменного инвентаря, рассматривали верхний культурный слой стоянки в качестве наиболее позднего, стоящего на рубеже следующей эпохи — неолита (Ефименко, Борисковский, 1953). При этом два нижних горизонта «еще тесно примыкают к собственно позднепалеолитическим памятникам» (Там же. С. 109). Изучение геоморфологической ситуации на стоянке показало, что верхний культурный слой сопоставляется с положением третьего культурного слоя Костенок 21, залегающего в гмелинской почве (Лазуков, 1982). Естественно-научные данные, полученные в результате исследования стоянки Ю. Ю. Цыгановым (1995), показали невозможность отнесения Борщево 2 к памятникам голоценового возраста, но и не дали оснований значительно удревнять ее возраст. Серия радиоуглеродных дат и результаты спорово-пыльцевого анализа позволили исследователю датировать памятник началом беллинга.

Отдельную проблему составляет многослойность стоянки — в некоторых случаях три уровня залегания находок рассматриваются в качестве одного сильно переотложенного слоя (Борисковский, Дмитриева, 1982). Несмотря на близкое типологическое сходство каменного инвентаря всех трех слоев (Цыганов, 1995), между ними имеются различия в сырьевом соотношении и фаунистическом наборе, что позволяет констатировать наличие на стоянке трех самостоятельных горизонтов находок. В настоящее время, основываясь на комплексе данных и, в первую очередь, учитывая технико-морфологические характеристики каменного инвентаря, большинство исследователей относит Борщево 2 к позднеледниковым памятникам (Амирханов, 1998, 2000; Аникович и др., 2008; Гаврилов, 2009; Оленковский, 2008 и др.).

Таким образом, имеющиеся данные скорее свидетельствуют в пользу присутствия памятников поздневалдайского времени в Костенках. В первую очередь, на это указывают серии радиоуглеродных дат и технико-морфологический облик каменного инвентаря из ряда стоянок. Относительно возраста низких террас и позиции в них культурных слоев не существует единого мнения, однако большая часть геологов также допускает возможность существования отложений позднеледниковья в регионе.

Хронология и периодизация памятников конца плейстоцена в бассейне Верхнего и Среднего Дона

В настоящее время в рассматриваемом регионе с разной степенью уверенности к поздней поре верхнего палеолита можно отнести 17 стоянок (рис. 2; Табл. 1).

Таблица 1. Памятники поздней поры верхнего палеолита на Верхнем и Среднем Дону

№	Памятник	Кол-во кам. инвентаря	Тип памятника	Вскрытая площадь	Культурная принадлежность	Источник
1.	Костенки 2	~5300	Долговременное поселение	>250 м ²	Замятнинская АК	(1, 2)
2.	Костенки 3	~2200	Кратковременная стоянка (?)	106,5 м ²	Замятнинская АК	(1, 2)
3.	Костенки 19	~19000	Стоянка-мастерская	~240 м ²	Замятнинская АК	(1, 2, 3)
4.	Костенки 11 (Ia)	16960	Долговременное поселение	>656 м ²	Замятнинская АК (?)	(1, 4)
5.	Костенки 11 (Iб)	747	?	35 м ²	?	(1)
6.	Костенки 21 (I)	~50	?	22 м ²	Замятнинская АК (?)	(1)
7.	Костенки 21 (II)	50	?	~170 м ²	?	(1)
8.	Костенки 10 (?)	>350	?	~116 м ²	Замятнинская АК (?)	(1)
9.	Борщево 1	~5000	Долговременное поселение (?)	392 м ²	«эпиграветт»	(1)
10.	Борщево 2 (I-III)	14499	?	~850 м ²	«эпиграветт»	(1, 12, 13)
11.	Дивногорье 1	>1250	Кратковременная стоянка	53 м ²	«эпиграветт»	(5, 7)
12.	Дивногорье 9	~70	Место забоя	202 м ²	«эпиграветт»	(5, 7)
13.	Самотоевка	>10000	Долговременная стоянка (?)	282 м ²	?	(7, 8, 9)
14.	Назаровка	410	Кратковременная стоянка	238 м ²	«эпиграветт» (?)	(9)
15.	Иволга	76	?	1,5 м ²	?	(10)
16.	Замятино 14	444	Кратковременная стоянка	637 м ²	«эпиграветт»	(6, 7)
17.	Масловка	76	?	~69 м ²	«эпиграветт» (?)	(11)

Источники: 1 — Праслов, Рогачев, 1982; 2 — Борисковский, 1963; 3 — Матюхин, 1996; 4 — Попов и др., 2004; 5 — Бессуднов и др., 2012; 6 — Бессуднов А.Н., Бессуднов А.А., 2011; 7 — Бессуднов, 2011; 8 — Бессуднов А.Н., Бессуднов А.А., 2012; 9 — Федюнин, 2010; 10 — Шабалин и др., 2004; 11 — Тарасов, 1983; 12 — Праслов, 1981; 13 — Цыганов, 1995.

Основное количество памятников поздней поры на Дону расположено в Костенковско-Борщевском районе, часть из которых представлена лишь горизонтами находок, а некоторые могут являться различными участками одного поселения (например, Костенки 10 и Костенки 11 (Iб) (по А. Н. Рогачеву); Костенки 11 (Ia) и Костенки 2 (Рогачев, Аникович, 1984); Костенки 3 и Костенки 21(I) (Иванова, 1985). Как следует из таблицы, рассматриваемые памятники значительно разнятся как по размерам исследованной площади, там и по объему и содержательности коллекций. Кроме того, при сравнении следует учитывать, что памятники могут отличаться между собой по различному функциональному назначению и времени обитания, что существенно сказывается на составе, а иногда и облике каменных изделий.

Другую проблему составляет абсолютный возраст стоянок (Табл. 2, рис. 11). Наиболее репрезентативные и относительно надежные серии радиоуглеродных дат имеются лишь для памятников в Дивногорье и для Борщево 1. Датировки Борщево 2 и Самотоевки дают более чем двухтысячелетний разброс, указывая лишь наиболее вероятный интервал времени их функционирования. Разброс дат для стоянок замятнинской культуры достигает 10 тыс. лет, при этом для каждой отдельно взятой стоянки нет даже двух относительно синхронных дат (Табл. 2). Стоит согласиться с мнением З. А. Абрамовой и А. А. Сеницына (2002), что такая ситуация с радиоуглеродными

датами для замаятинской культуры дает одинаковые основания как для отнесения ее к предыдущему хронологическому этапу, так и для выделения в отдельный этап.

Все отмеченные выше обстоятельства позволяют делать какие-либо теоретические построения лишь с известной долей условности.

Таблица 2. Радиоуглеродные даты стоянок поздней поры верхнего палеолита на Верхнем и Среднем Дону

<i>№</i>	<i>Индекс</i>	<i>Стоянка, контекст</i>	<i>Дата</i>	<i>Источник</i>
Костенки 2 (ст. Замаятина)				
1.	ГИН-93	Кость	11000±200	(1)
2.	ЛЕ-1599	Кость	16140±150	(1)
3.	ГИН-8570	Кость мамонта	17300±160	(1)
4.	ГИН-7992	Тазовая кость мамонта	23800±150	(1)
5.	ГИН-7993	Кость мамонта	37900±900	(1)
Костенки 3 (Глинище)				
6.	ГИН-8022	Кость мамонта	19800±210	(1)
Костенки 10 (Аносовка 1)				
7.	ГИН-8573	Кость мамонта и кость бизона	22600±1 000	(1)
8.	ГИН-8027	Кость мамонта	28250±300	(1)
Костенки 11 (Аносовка 2) (Ia)				
9.	ЛЕ-1403	Кость мамонта	10390±100	(1)
10.	ЛЕ-1645	Кость мамонта	14610±150	(1)
11.	ЛЕ-1704	Кость	16610±150	(1)
12.	ГИН-8079	Кости мамонта	18700±80	(1)
13.	ГИН-2532	Костный уголь	19900±350	(1)
Костенки 19 (ст. Валукинского)				
14.	ГИН-107	Кость	11800±500	(1)
15.	ЛЕ-1705	Кость	17420±150	(1)
16.	ГИН-8577	Кость мамонта	18700±600	(1)
Костенки 21 (Гмелинская ст.) (II)				
17.	ЛЕ-1437	Кость (метод Лонжина)	19100±150	(1)
18.	ЛЕ-1437б	Кость (метод Арсланова)	20250±100	(1)
19.	ЛЕ-1437в	Кость (комплексная методика)	22900±150	(1)
Борцево 1				
20.	ГИН-11197	Кость мамонта, раск. 1981 г.	15140±100	(1)
21.	ГИН-11198	Кость лошади, раск. 1981 г.	15200±100	(1)
22.	ГИН-11199	Кость мамонта, раск. 1981 г.	15200±200	(1)
23.	ГИН-8085	Кость мамонта, раск. 1923 г.	15600±70	(1)
24.	ЛЕ-3727	Кость мамонта, раск. 1980 г.	17120±110	(1)
Борцево 2				
25.	ГИН-88	Верхний к/сл., почва	12300±100	(1)
26.	ГИН-3261	Гиттия, нижн. прослой	12550±200	(1)
27.	ГИН-8084	Обож. кости лошади, раск. 1925 г.	10400±200	(1)
28.	ГИН-8415	Обож. кости лошади, раск. 1925 г.	10900±300	(1)
29.	ЛУ-742	Верхний к/сл., д/уголь	13210±270	(1)
30.	Мо-636	Верхний к/сл., гумус	11760±240	(1)
31.	ЛЕ-4865	Верхний к/сл., гор. 1, гумус	9520±300	(1)
32.	ЛЕ-4866	Верхний к/сл., гор. 1, гумус	9330±390	(1)
33.	ЛЕ-4867	Верхний к/сл., гор. 2, гумус	14030±280	(1)
34.	ЛЕ-4837	I к/сл., д/уголь	13480±720	(1)
35.	ЛЕ-4834	III к/сл., д/уголь	13540±300	(1)

36.	GrA-9249	Д/уголь	12720±140	(1)
		Самотоевка		
37.	ЛЕ-8566	Кости крупных млекопит.	13800±350	(2)
38.	ЛЕ-9104	Кости крупных млекопит.	13820±120	неопубл.
39.	ГИН-12852	Кости лошади	14730±100	(2)
40.	ЛЕ-8567	Кости крупных млекопит.	15600±550	(2)
41.	ГИН-12851	Очаг, почва с д/уголем	15900±150	(2)
		Дивногорье I		
42.	ЛЕ-8649	Кости лошади	12050±170	(3,5)
43.	ЛЕ-8648	Кости лошади	13380±220	(3,5)
44.	АА-	Кости лошади	13430±130	(6)
		Дивногорье 9		
45.	ГИН-14547	Верх почвы (бёллинг-?) выше слоев, д/уголь	11880±140	(5)
46.	ИГАН-4247	Верх почвы (бёллинг-?) выше слоев, д/уголь	12060±80	(5)
47.	ГИН-14548	Низ почвы (бёллинг-?) выше слоев, д/уголь	12090±100	(5)
48.	ЛЕ-8137	Сл. I, кости лошади	11400±120	(3,5)
49.	ЛЕ-8135	Сл. I, кости лошади	12980±180	(3,5)
50.	ЛЕ-8136	Сл. I, кости лошади	13150±200	(3,5)
51.	ЛЕ-8134	Сл. II, кости лошади	13100±200	(3,5)
52.	АА-90650	Сл. II, кости лошади	13430±130	(4,5)
53.	ЛЕ-8130	Сл. II, кости лошади	13370±240	(3,5)
54.	ЛЕ-8131	Сл. II, кости лошади	13560±240	(3,5)
55.	ЛЕ-8955	Сл. III, кости лошади	12250±350	(3,5)
56.	ГИН-13192	Сл. III, кости лошади	12350±200	(3,5)
57.	ЛЕ-9250	Сл. III, кости лошади	13820±130	(5)
58.	АА-90652	Сл. III, кости лошади	13870±140	(4,5)
59.	ЛЕ-8956	Сл. IV, кости лошади	13200±300	(3,5)
60.	ГИН-14540	Сл. IV, кости лошади	13650±320	(5)
61.	АА-90653	Сл. IV, кости лошади	13830±150	(4,5)
62.	ГИН-14541	Сл. V, кости лошади	12600±250	(5)
63.	ЛЕ-8957	Сл. V, кости лошади	13100±500	(3,5)
64.	ЛЕ-8932	Сл. V, кости лошади	13270±630	(3,5)
65.	АА-90654	Сл. V, кости лошади	13900±140	(4,5)
66.	ГИН-14543	Сл. VI, кости лошади	12140±300	(5)
67.	ГИН-14544	Сл. VIa, кости лошади	12540±470	(5)
68.	ЛЕ-9620	Сл. VI, кости лошади	13100±600	(5)
69.	ЛЕ-9619	Сл. VI, кости лошади	13800±150	(5)
70.	ЛЕ-8958	Сл. VI, кости лошади	13920±175	(3,5)
71.	ЛЕ-9102	Сл. VI, кости лошади	13940±180	(5)
72.	ЛЕ-9618	Сл. VI, кости лошади	14080±190	(5)
73.	АА-90655	Сл. VI, кости лошади	14430±160	(4,5)

Источники: 1 — Сеницын и др., 1997; 2 — Бессуднов А. Н., Бессуднов А. А., 2012; 3 — Бессуднов и др., 2012; 4 — Лаврушин и др., 2011; 5 — Бессуднов и др., 2013; 6 — Bessudnov, 2013.

Наиболее древними в рамках поздней поры верхнего палеолита являются стоянки замятнинской культуры в Костенках — по имеющимся данным время их существования приходится на максимум поздневалдайского оледенения (Аникович и др., 2008). Эта локальная культура состоит из ряда памятников, коллекции каменного инвентаря которых весьма отличаются между собой. Выделение замятнинской культуры происходило скорее не на основании сходства орудийных форм, а на противопоставлении иным индустриям/культурным традициям (например, различных вариантов граветта). Таким образом, велика вероятность, что при дальнейшем изучении относимых к ней стоянок, замятнинская культура может распасться на ряд самостоятельных индустрий с отдельными схожими типами изделий. Однако в каменном инвентаре

стоянок имеется ряд сходных черт: характерно преобладание мелких пластинчатых заготовок, применение мелкой нерегулярной ретуши, реже — крутой, широкое использование техники резцового скола (рис. 3). Среди изделий со вторичной обработкой выделяются орудия с подтеской концов, многофасеточные резцы и резцы с прямо- или косо-усеченной площадкой, пластинки с притупленным краем (иногда встречной ретушью). Скребки представлены в основном простыми формами. В зямятнинской культуре выделяются как стационарные поселения с долговременными жилищами (Костенки 2, Костенки 11(Ia)), так и кратковременные стоянки с легкими наземными сооружениями (Костенки 3, Костенки 19). Основу хозяйства составляла охота на мамонта, наиболее характерной чертой культуры являются округлые жилища аносовско-мезинского типа из костей мамонта с ямами-хранилищами по краям (Рогачев, Аникович, 1984; Аникович и др., 2008).

К этой же группе, возможно, относится стоянка Костенки 10, возраст которой некоторые исследователи считают достаточно поздним (Аникович и др., 2008). Следует отметить, что в фаунистическом наборе данной стоянки кости лошади количественно преобладают над костями мамонта (Верещагин, Кузьмина, 1977).

Ко времени существования около 16–15 тыс. л. н. бесспорно относятся стоянки Борщево 1 и Самотоевка, имеющие относительно компактные серии радиоуглеродных датировок (Табл. 2, рис. 11). Каменный инвентарь Борщево 1 характеризуется преобладанием ретушных резцов, среди которых имеются весьма специфические в форме параллелограмма или трапеции (рис. 4). Помимо простых скребков, в коллекции присутствуют изделия, выполненные на ретушированных пластинах и стандартизованная серия комбинированных орудий скребко-косоретушный резец. Выразительной серией представлены изделия с притупленным краем, среди которых особо выделяются атипичные наконечники с боковой выемкой разнообразных очертаний (рис. 4, б-9). По мнению М.В. Аниковича, в наличии имеются также несколько «типичных ножей шательперрон» (Аникович и др., 2008. С. 230). Костяной инвентарь представлен обломком острия округлого сечения из кости мамонта и просверленным резцом лошади. Положение культурного слоя Борщево 1 связано с суглинком в основании современной почвы. В фаунистической коллекции преобладают кости мамонта, развалы которых иногда интерпретируются как остатки жилища аносовско-мезинского типа (Векилова, 1953; Аникович и др., 2008). Фоновым видом на стоянке является лошадь. Некоторыми исследователями признается объединение Борщево 1 и деснинской стоянкой Мезин в одну археологическую культуру (Праслов, Рогачев, 1982; Рогачев, Аникович, 1984; Аникович и др., 2008).

При сходных радиоуглеродных датировках Самотоевка значительно отличается от Борщево 1 (Бессуднов, 2011). Стоянка представляет собой предположительно долговременное поселение с округлым в плане жилищем с очагом в центре. Расположенные по окружности ямы сближают это жилище с аносовско-мезинскими, однако оно значительно уступает в размерах и сконструировано без использования костей мамонта. Отдельное сходство обнаруживается с жилищами стоянок степной зоны, в частности с Осокоровкой (Колосов, 1964). Среди фаунистических остатков преобладают кости дикой лошади, при этом также присутствуют такие виды животных как лось, бобр, заяц и тур. Каменный инвентарь Самотоевки не находит аналогий в инвентаре Борщево 1. Самотоевская индустрия характеризуется преобладанием средних и длинных (до 9 см) пластинчатых заготовок, широким применением техники резцового скола, использованием мелкой нерегулярной ретуши (рис. 5, 6). В типологическом наборе ведущее место занимают резцы, особо отмечается «многофасеточность» большинства из них; интересны плоские и нуклевидные резцы. Преобладают скребки простых форм, однако присутствует выразительная серия миниатюрных округлых скребков с оформленным рабочим лезвием по всей или части окружности. В коллекции также имеется небольшая серия изделий с притупленным краем, среди которых выделяются геометрические микролиты. Весьма необычным для этого времени является отсутствие ретушных резцов и минимальное использование крутой ретуши. Отдельные аналогии в каменном инвентаре можно проследить с материалами зямятнинской культуры. В первую очередь это относится к нуклеусам для снятия микропластинок и многофасеточным резцам, общим также является распространенный прием вторичной обработки орудий при помощи мелкой нерегулярной, иногда приостряющей ретуши. Другие технологические

приемы и категории орудий значительно отличаются, при этом материалы стоянок, относящихся к замятнинской культуре, также неоднородны и имеют существенные различия. Стоит отметить присутствие в Борщеве 1 и Самотоевке схожих костяных острий, однако аналогичные «простые» формы острий встречаются на многих разновременных стоянках в Костенках — Костенки 4 (I, II), 8 (II), 14 (I, III), 15, 21 (III) (Праслов, Рогачев, 1982; Аникович и др., 2008; Сеницын, 2006а). Это существенно снижает культурную и хронологическую значимость данного вида изделий.

К этому же времени, вероятно, относятся Назаровка и Замятино 14. Материалы Назаровки малочисленны, однако ее расположение в сходных геоморфологических и стратиграфических условиях с Самотоевкой может свидетельствовать об их относительной геологической близости (Федюнин, 2008). В то же время, на данный момент имеется больше оснований отнести Назаровку к индустриям эпиграветтского круга (Федюнин, 2010), отличающихся от каменного инвентаря Самотоевки. Каменный инвентарь Замятино 14 (рис. 7) также непреставителен, но наличие скребков на ретушированных пластинах, ретушных резцов и небольшого количества микропластинок с притупленным краем прослеживает некоторое сходство с инвентарем Борщеве 1 (Бессуднов А.Н., Бессуднов А.А., 2011). В связи с этим интерес представляет обломок черешка (?) из коллекции Замятино 14 (рис. 7, 8), напоминающий обломки «атипичных» наконечников с боковой выемкой, присутствующих в Борщеве 1.

Наиболее позднюю группу в Подонье составляют Дивногорские стоянки и, предположительно, верхний слой Борщеве 2 (рис. 9). Возраст памятников в Дивногорье составляет порядка 14,5-13 тыс. л.н., а существование Борщеве 2 (I) соотносится с ранним дриасом или с началом интервала беллинг (Цыганов, 1995). Памятники этого времени представлены кратковременными стоянками без следов жилых конструкций. На Дивногорских стоянках представлена специфическая форма хозяйства, выраженная в массовой охоте на дикую лошадь (?). Весьма отличительной является связь стоянок с различной функциональной специализацией: место забоя — место разделки («kill site» — «butchering site»), аналогией которой в Восточной Европе можно обнаружить лишь в Амвросиевке (Борисковский, 1953; Кротова, 1994). Каменный инвентарь Дивногорья 1, 9 и Борщеве 2 имеет много общего. Техника первичного расщепления пластинчатая, в орудийном наборе преобладают скребки, в основном простых форм, и ретушные резцы (Бессуднов А. А., Бессуднов А. Н., 2010). Показательными являются орудия с притупленным краем, косоусеченные острия и тронкированные пластины (рис. 8, 9). Следует отметить наличие в разрезе Дивногорья 9 выше культуросодержащих горизонтов двух уровней почвообразования, соотносимых с беллингом и аллерёдом (Лаврушин и др., 2011; Sycheva, Bessudnov, 2012; Бессуднов и др., 2013). В коллекции каменного инвентаря Дивногорья 1 важной составляющей является некремневый компонент, выраженный различными терочниками и ложилами, что возможно является отражением функциональной специализации стоянки. Для индустрии Борщеве 2 (I) показательны единичные миниатюрные округлые скребки (рис. 10). Материалы двух нижних слоев Борщеве 2 показывают типологическую близость с верхним культурным слоем, однако в фаунистическом наборе доминирует мамонт (Цыганов, 1995). Нерешенным остается вопрос об условиях залегания горизонтов находок на стоянке, поэтому атрибуция второго и третьего культурного слоя на данный момент проблематична.

Также затруднительно определение возраста и таксономической позиции стоянок Масловка и Иволга, каменный инвентарь которых в обоих случаях (!) насчитывает 76 экз. В коллекции Масловской стоянки присутствуют всего два орудия — скребок и пластинка с притупленным краем (Тарасов, 1983). Орудийный набор из Иволги более представительен (12 экз.), количественно преобладают резцы, большая часть которых изготовлена на ретушированной площадке (Шабалин и др., 2004).

Каменный инвентарь рассмотренных памятников не обладает значительным разнообразием — для большинства из них характерно присутствие ретушных резцов, косоусеченных острий, скребков простых форм и изделий с притупленным краем. Такой типологический набор представлен на стоянках Борщеве 1, 2, Дивногорье 1, 2, 9, Замятино 14, Масловка, Иволга и Назаровка (?). Другую линию развития представляют памятники замятнинской археологической культуры в Костенках, специфической чертой которых является присутствие многофасе-

точных резцов и резцов с прямо- или косо-усеченной площадкой, орудий с подтеской концов, незначительного числа пластинок с притупленным краем. Отдельное место занимает Самотоевка, для каменного инвентаря которой характерны многофасеточные и плоские резцы, округлые скребки и небольшое число геометрических микролитов, при отсутствии ретушных резцов и пластинок с притупленным краем. Многофасеточность резцов сближает Самотоевку с памятниками замятнинской культуры, однако остальной набор инвентаря, фаунистическая коллекция и традиции домостроения значительно отличаются.

Заключение

По времени существования памятники поздней поры верхнего палеолита в бассейне Верхнего и Среднего Дона можно разделить на три хронологические группы: I группа (18–17 тыс. л. н.) — стоянки замятнинской культуры, Костенки 21 (I), Костенки 10 (?); II группа (16–15 тыс. л. н.) — Борщево 1, Самотоевка, Назаровка (?), Замятино 14 (?); III группа (14–13 тыс. л. н.) — Борщево 2 (I), Дивногорские стоянки (Табл. 3). Из-за малочисленности коллекций каменного инвентаря затруднительно определение таксономической позиции Масловки и Иволги. Отдельную проблему составляет датировка второго и третьего культурного слоев Борщево 2, типологический состав каменного инвентаря которых идентичен инвентарю верхнего слоя, однако значительно отличается по сырьевому составу и фаунистическому набору.

Табл. 3. Хронологическая последовательность памятников поздней поры в бассейне Верхнего и Среднего Дона

Тыс. л. н.	Памятники
13	Борщево 2 (верхний слой), Дивногорье 1, 9
14	
15	Борщево 1, Замятино 14 (?), Самотоевка, Назаровка (?)
16	
17	Замятнинская культура (Костенки 2, 3, 11 (Ia), 19), Костенки 21 (I) Костенки 10 (?)
18	
19	

Анализ основных характеристик памятников поздней поры в Подонье и их хронологического распределения показывает изменения в хозяйственной жизни человеческих коллективов в течение позднеледникового времени. В максимум оледенения представлены стационарные поселения с долговременными жилищами, для обитателей которых основным объектом охоты служил мамонт. В период 16–15 тыс. л. н. структура поселений остается неизменной, однако появляются небольшие кратковременные стоянки со слабо насыщенным культурным слоем. Если в Борщево 1 также присутствуют доказательства специализированной охоты на мамонта, то в более южной Самотоевке представлены уже другие промысловые виды животных, основу которых составляла дикая лошадь. Самые поздние палеолитические стоянки в регионе (14–13 тыс. л. н.) представляют собой совершенно иной тип хозяйства со специализированной (?) охотой на дикую лошадь при незначительной роли других видов. Поселения этого времени кратковременны и не имеют достоверно зафиксированных жилищ.

Таким образом, в бассейне Верхнего и Среднего Дона прослеживается динамичное развитие культур в поздневалдайское время. При этом приходится констатировать факт уменьшения численности стоянок в регионе по сравнению со средней порой верхнего палеолита, что, возможно, было связано с климатическими изменениями и вымиранием животных мамонтового комплекса. С исчезновением мамонтового комплекса происходит разделение человеческих коллективов: одни, вероятно, уходят на север и северо-запад вслед за холодолюбивыми животными, другие — распространяются по региону и начинают зависеть от других видов. Этим можно объяснить отсутствие памятников моложе 15–14 тыс. л. н. в Костенках (за исключением Борщево 2) и многообразии памятников этого времени в Поднепровье.

Благодарности

Автор выражает искреннюю благодарность Ю. А. Лаврушину и Н. Д. Буровой за возможность пользоваться неопубликованными данными. Отдельная признательность А. А. Сеницыну и А. Н. Бессуднову за неоднократные консультации и помощь при написании работы.

Литература

- Абрамова З. А., Григорьева Г. В. Верхнепалеолитическое поселение Юдиново. Вып. 3. СПб., 1997.
- Абрамова З. А., Григорьева Г. В. Стоянка Юдиново — поселение охотников на мамонта мадленского времени // Поздний палеолит Северной Евразии: палеоэкология и структура поселений. СПб., 2005.
- Абрамова З. А., Сеницын А. А. Искусство в контексте проблемы периодизации верхнего палеолита Костенок // Особенности верхнего палеолита Восточной Европы. Труды Костенковской экспедиции ИИМК РАН. Вып. 1 (ред. Сеницын А.А.). СПб., 2002.
- Амирханов Х. А. Восточный граветт или граветтоидные индустрии Центральной и Восточной Европы // Восточный граветт. М., 1998.
- Амирханов Х. А. Зарайская стоянка. М., 2000.
- Аникович М. В. Днепро-Донская историко-культурная область охотников на мамонтов: от «восточного граветта» к «восточному эпиграветту» // Восточный граветт. М., 1998.
- Аникович М. В. О хронологии палеолита Костенковско-Борщевского района // АЭАЕ. № 3 (23). Новосибирск, 2005.
- Аникович М. В. Адаптации к природным условиям и социокультурная адаптация в верхнем палеолите // Адаптация народов и культур к изменениям природной среды, социальным и техногенным трансформациям. М., 2009.
- Аникович М. В., Попов В. В., Платонова Н. И. Палеолит Костенковско-Борщевского района в контексте верхнего палеолита Европы. СПб., 2008.
- Березуцкая Т. Ю. Отчет к Открытому листу № 85 о проведении археологических исследований в Новохарьковском микрорайоне (Ольховатский район Воронежской области) в 1995 г. Архив ИА РАН. Ф. 1, р. 1, № 20442. 1996.
- Бессуднов А. А. Памятники поздней поры верхнего палеолита бассейна Верхнего и Среднего Дона. Автореферат дисс. ... канд. ист. наук. СПб., 2011.
- Бессуднов А. А., Бессуднов А. Н. Новые верхнепалеолитические памятники у хутора Дивногорье на Среднем Дону // РА. 2012. № 2.
- Бессуднов А. Н., Бессуднов А. А. Позднепалеолитическая стоянка Замятино 14 на Верхнем Дону // Палеолит и мезолит Восточной Европы (сб.ст. в честь 60-летия Х.А. Амирханова). М., 2011.
- Бессуднов А. Н., Бессуднов А. А. Позднепалеолитическая стоянка Самогоевка в бассейне Черной Калитвы // Проблеми дослідження пам'яток археології Східної України. Матеріали III Луганської міжнародної історико-археологічної конференції, присвяченої пам'яті С.Н. Братченка. Луганськ, 2012.
- Бессуднов А. Н., Бессуднов А. А., Бурова Н. Д., Лаврушин Ю. А., Спиридонова Е. А. Некоторые результаты исследований палеолитических памятников у хутора Дивногорье на Среднем Дону (2007-2011 гг.) // КСИА. 2012. № 227.
- Бессуднов А. Н., Сычева С. А., Бессуднов А. А., Лаврушин Ю. А., Чепалыга А. Л., Садчикова Т. А. Геоархеологические памятники Дивногорье 9 и 1 // Путеводитель научных экскурсий XII Международного симпозиума и полевого семинара по палеопочвоведению «Палеопочвы, педоседименты и рельеф как архивы природной среды» (10-15 августа, 2013, Курская и Воронежская области, Россия). М., 2013.
- Борисковский П. И. Палеолит Украины. МИА. 1953. № 40.
- Борисковский П. И., Дмитриева Т. Н. Боршево II // Палеолит Костенковско-Борщевского района на Дону. 1879-1979. Л., 1982.
- Васильев С. А., Абрамова З. А., Григорьева Г. В., Лисицын С. Н., Сеницына Г. В. Поздний палеолит Северной Евразии: палеоэкология и структура поселений. СПб., 2005.
- Веклова Е. А. Палеолитическая стоянка Боршево I // МИА. 1953. № 39.
- Величко А. А., Писарева В. В., Седов С. Н., Сеницын А. А., Тимирева С. Н. Палеогеография стоянки Костенки-14 (Маркина гора) // АЭАЕ. 2009. № 4 (40).
- Величко А. А., Рогачев А. Н. Позднепалеолитические поселения на Среднем Дону // Природа и развитие первобытного общества на территории Европейской части СССР. М., 1969.

- Верещагин Н. К., Кузьмина И. Е. Остатки млекопитающих из палеолитических стоянок на Дону и верхней Десне // Мамонтовая фауна Русской равнины и Восточной Сибири. Труды Зоологического института. Т. 72. Л., 1977.
- Гаврилов К. Н. Специфика кремневых комплексов среднеднепровских стоянок поздневалдайского времени (сравнительная типология предметов со вторичной обработкой) / Автореферат дисс. ... канд. ист. наук. М., 1994.
- Гаврилов К. Н. Женщина — зверь — орнамент. Культурная специфика в искусстве эпиграветта на Русской равнине // РА. 2009. № 4.
- Галимова М. Ш. Памятники позднего палеолита и мезолита в устье Камы. М.; Казань, 2001.
- Гвоздовер М. Д. Позднепалеолитические памятники Нижнего Дона // Борисковский П.И., Праслов Н.Д. Палеолит бассейна Днепра и Приазовья. САИ А1-5. 1964.
- Горелик А. Ф. Памятники Роголикско-Передельского района. Проблемы финального палеолита Юго-Восточной Украины. Киев-Луганск, 2001.
- Грищенко М. Н. Особенности среды обитания человека верхнего палеолита в бассейне Верхнего Дона // Первобытный человек, его материальная культура и природная среда в плейстоцене и голоцене. М., 1974.
- Грищенко М. Н. Плейстоцен и голоцен бассейна Верхнего Дона. М., 1976.
- Ефименко П. П., Борисковский П. И. Палеолитическая стоянка Боршево II // МИА. 1953. № 39.
- Жилин М. Г., Кольцов Л. В. Финальный палеолит лесной зоны Европы (культурное своеобразие и адаптация). М., 2008.
- Залізняк Л. Л. Фінальний палеоліт північного заходу Східної Європи. К., 1999.
- Залізняк Л. Л. Періодизація та культурна диференціація верхнього палеоліту України // Археологія. 2010. № 4.
- Иванова М. А. Структура Гмелинского палеолитического поселения. Автореферат дисс. ... канд. ист. наук. Л., 1985.
- Кетрару Н. А., Григорьева Г. В., Коваленко С. И. Верхнепалеолитическая стоянка Рашков VII. Кишинев, 2007.
- Колосов Ю. Г. Некоторые позднепалеолитические стоянки порожистой части Днепра (Осокоровка, Дубовая Балка, Ямбург) // Борисковский П.И., Праслов Н.Д. Палеолит бассейна Днепра и Приазовья. САИ А1-5. 1964.
- Кротова А. А. Позднепалеолитические охотники на бизонов Северного Причерноморья // Археологический альманах. 1994. № 3. Донецк.
- Лаврушин Ю. А., Бессуднов А. Н., Спиридонова Е. А., Холмовой Г. В., Джалл Э. Дж. Т., Ходжис Г. В. Л., Кузьмин Я. В., Кураленко Н. П. Высокоразрешающая последовательность местных природных событий в центре европейской части России 15–13 тыс. лет назад (С14 возраст) // Вестник Воронежского государственного университета. Геология, № 2. Воронеж, 2011.
- Лазуков Г. И. Геология стоянок Костенковско-Боршевского района // Палеолит и неолит. Т. 3. МИА. 1957. № 59.
- Лазуков Г. И. Геолого-геохронологическая характеристика стоянок Костенковско-Боршевского района и условия обитания позднепалеолитического человека // Верхний плейстоцен и развитие позднепалеолитической культуры в центре Русской равнины. Воронеж, 1979.
- Лазуков Г. И. Характеристика четвертичных отложений района // Палеолит Костенковско-Боршевского района на Дону. 1879–1979 / ред. Н. Д. Праслов, А. Н. Рогачев. Л., 1982.
- Лисицын С. Н. Эпиграветт или постграветт? (особенности кремневого инвентаря поздневалдайских памятников с мамонтовым хозяйством) // Stratum plus. № 1. СПб.; Кишинев, 1999.
- Лисицын С. Н. Финальный палеолит и ранний мезолит Днепро-Двинско-Волжского междуречья. Автореферат дисс. ... канд. ист. наук. СПб., 2000.
- Лисицын С. Н. Русская равнина на рубеже плейстоцена и голоцена: природная среда, системы расселения и адаптации человека позднеледникового // Васильев С. А., Абрамова З. А., Григорьева Г. В., Лисицын С. Н., Сеницына Г. В. Поздний палеолит Северной Евразии: палеоэкология и структура поселений. СПб., 2005.
- Матюхин А. Е. Палеолитические мастерские Восточной Европы. Автореф. соиск. ... докт. ист. наук. СПб., 1996.
- Нужний Д. Ю. Верхньопалеолітичні пам'ятки типу Межір'я та їхнє місце серед епіграветтських комплексів Середнього Дніпра // Кам'яна доба України. К., 2002.
- Оленковский Н. П. Эпиграветт Восточной Европы. Херсон, 2008.

- Попов В. В., Аникович М. В., Хоффекер Дж., Дудин А. Е., Пустовалов А. Ю., Чернышев С. С. Костенки 11 (Аносовка 2) // Костенки и ранняя пора верхнего палеолита: общее и локальное. Воронеж, 2004.
- Праслов Н. Д. Некоторые специфические формы орудий Мураловской палеолитической стоянки // КСИА. 1972. № 131.
- Праслов Н. Д. Столетие открытия палеолита в Костенках // КСИА. 1981. № 165.
- Праслов Н. Д., Иванова М. А. Костенки 21 // Палеолит Костенковско-Борщевского района на Дону. 1879–1979. Л., 1982.
- Праслов Н. Д., Рогачев А. Н. /ред./ Палеолит Костенковско-Борщевского района на Дону. 1879–1979. Л., 1982.
- Рогачев А. Н. Многослойные стоянки Костенковско-Борщевского района на Дону и проблема развития культуры в эпоху верхнего палеолита на Русской равнине // Палеолит и неолит СССР. Т. 3. МИА. 1957. № 59.
- Рогачев А. Н. Некоторые вопросы стратиграфии и периодизации верхнего палеолита Восточной Европы (о принципе геологической стратиграфии при изучении палеолита) // Вопросы стратиграфии и периодизации палеолита. Труды КИЧП. XVIII. М., 1961.
- Рогачев А. Н., Аникович М. В. Поздний палеолит Русской равнины и Крыма // Археология СССР. М., 1984.
- Сапожников И. В. Хронология и периодизация позднего палеолита Степной Украины // Археологический альманах. Вып. 16. Донецк, 2004.
- Синицын А. А. Отчет о работе Костенковской экспедиции ИИМК РАН в 2005 году. Архив ИА РАН. СПб, 2006а.
- Синицын А. А. Костенковская модель верхнего палеолита // Археологическое изучение Центральной России. Тезисы Международной научной конференции, посвященной 100-летию со дня рождения В.П. Левенка (13-16 ноября 2006 г.). Липецк, 2006б.
- Синицын А. А. Культурная и геологическая периодизация верхнего палеолита Восточной Европы: соотношение и проблема корреляции // Труды II(XVIII) Всероссийского археологического съезда в Суздале. Т.1. М., 2008.
- Синицын А. А. Культурные и адаптивные различия палеолита Костенок // Адаптация народов и культур к изменениям природной среды, социальным и техногенным трансформациям /отв. ред. А. П. Деревянко, А. Б. Куделин, В. А. Тишков/. М., 2010.
- Синицын А. А., Праслов Н. Д., Свеженцев Ю. С., Сулержицкий Л. Д. Радиоуглеродная хронология верхнего палеолита Восточной Европы // Радиоуглеродная хронология палеолита Восточной Европы и Северной Азии. Проблемы и перспективы (ред. А. А. Синицын, Н. Д. Праслов). СПб., 1997.
- Синицын А. А., Сергин В. Я., Хоффекер Дж. Ф. 120 лет исследований палеолита Костенок: традиции и тенденции // Особенности верхнего палеолита Восточной Европы. Труды Костенковской экспедиции ИИМК РАН. Вып. 1. СПб., 2002.
- Синицын А. А., Хоффекер Дж. Ф., Синицына Г. В., Спиридонова Е. А., Гуськова Е. Г., Форман Ст., Очередной А. К., Бессуднов А. А., Миронов Д. С., Рейнолдс Б. Костенки 14 (Маркина гора) // Костенки и ранняя пора верхнего палеолита Евразии: общее и локальное. Тезисы Международной конференции (23-26 августа 2004 г.). Воронеж, 2004.
- Синицына Г. В. Исследование финальнопалеолитических памятников в Тверской и Смоленской областях. СПб., 1996.
- Сорокин Л. Н., Ошибкина С. В., Трусов А. В. На переломе эпох. М., 2009.
- Степанчук В. Н. Динамика культурных трансформаций в палеолите Украины // Труды II(XVIII) Всероссийского археологического съезда в Суздале. Т.1. М., 2008.
- Тарасов Л. М. Гагаринская стоянка и ее место в палеолите Европы. Л., 1979.
- Тарасов Л. М. Масловка – палеолитическая стоянка на р. Воронеж // КСИА. 1983. № 173.
- Федюнин И. В. Памятник позднего палеолита в нижнем течении р. Черная Калитва на Среднем Дону // РА. 2008. № 4.
- Федюнин И. В. Материалы позднепалеолитической стоянки Самотоева на юге Среднего Дона (исследования экспедиции ВГПУ) // Археологические памятники Восточной Европы. Вып. 13. Воронеж, 2009.
- Федюнин И. В. Палеолит и мезолит Южного Подонья. Воронеж, 2010.

- Цыганов Ю. Ю.* Стоянка Борщево 2 и ее место в палеолите Восточной Европы. Автореферат дисс. ... канд. ист. наук. СПб., 1995.
- Чубур А. А.* Быки. Новый палеолитический микрорегион и его место в верхнем палеолите Русской равнины. Брянск, 2001.
- Шабалин М. И., Праслов Н. Д., Холмовой Г. В.* Открытие палеолита в окрестностях г. Воронежа // Вестник ВГУ. Геология. № 2. Воронеж, 2004.
- Bessudnov A. A.* Kill-butcher events in the Late Upper Palaeolithic sites in Divnogor'ye (Central Russia) // Abstracts book of 3rd Annual Meeting of European Society for the study of Human Evolution (19-21 September, Vienna, Austria). Vienna, 2013.
- Cohen V.* The population of South Russian plain after the maximum of the second Pleniglacial // *Folia Quaternaria*, 70. Krakow, 1999.
- Kozłowski J.* Gravettian in Central and Eastern Europe // *Advances in world Archaeology*. 1986. Vol. 5.
- Sycheva S. A., Bessudnov A. N.* Late Glacial paleosols (MIS 2) of the geoarcheological monument «Divnogor'e 9» // *Geomorphic processes and Geoarchaeology: from landscape archaeology to archaeotourism*. International conference held in Moscow-Smolensk, Russia, August 20-24, 2012. Extended abstracts. Moscow-Smolensk, 2012.
- Zaliznyak L.* 1999. Terminal Palaeolithic of Ukraine, Belarus and Lithuania (survey of cultural differentiation) // *Folia Quaternaria*, 70. Krakow, 1999.

A. A. Bessudnov

PALAEOLITHIC SITES OF THE LATE PLEISTOCENE TIME IN THE VALLEY OF UPPER AND MIDDLE DON

The issue of the Late Upper Paleolithic is the least developed in the valley of the Upper and Middle Don. This is primarily due to the state of the source base in the region, where, in contrast to the territory of the Dnieper, Desna and the Northern Black Sea coast, are known only a few sites of the Late Valdai time. Several new probably Late Upper Palaeolithic sites were discovered and investigated around Kostenki during two last decades. Their cultural attribution and chronology remains problematic in many aspects: only a small part of the sites has natural-science data, and the basis of cultural and historical reconstructions is the appearance of stone assemblages. However, the results of recent research and analysis of existing analytical base allowed to return to the problem..

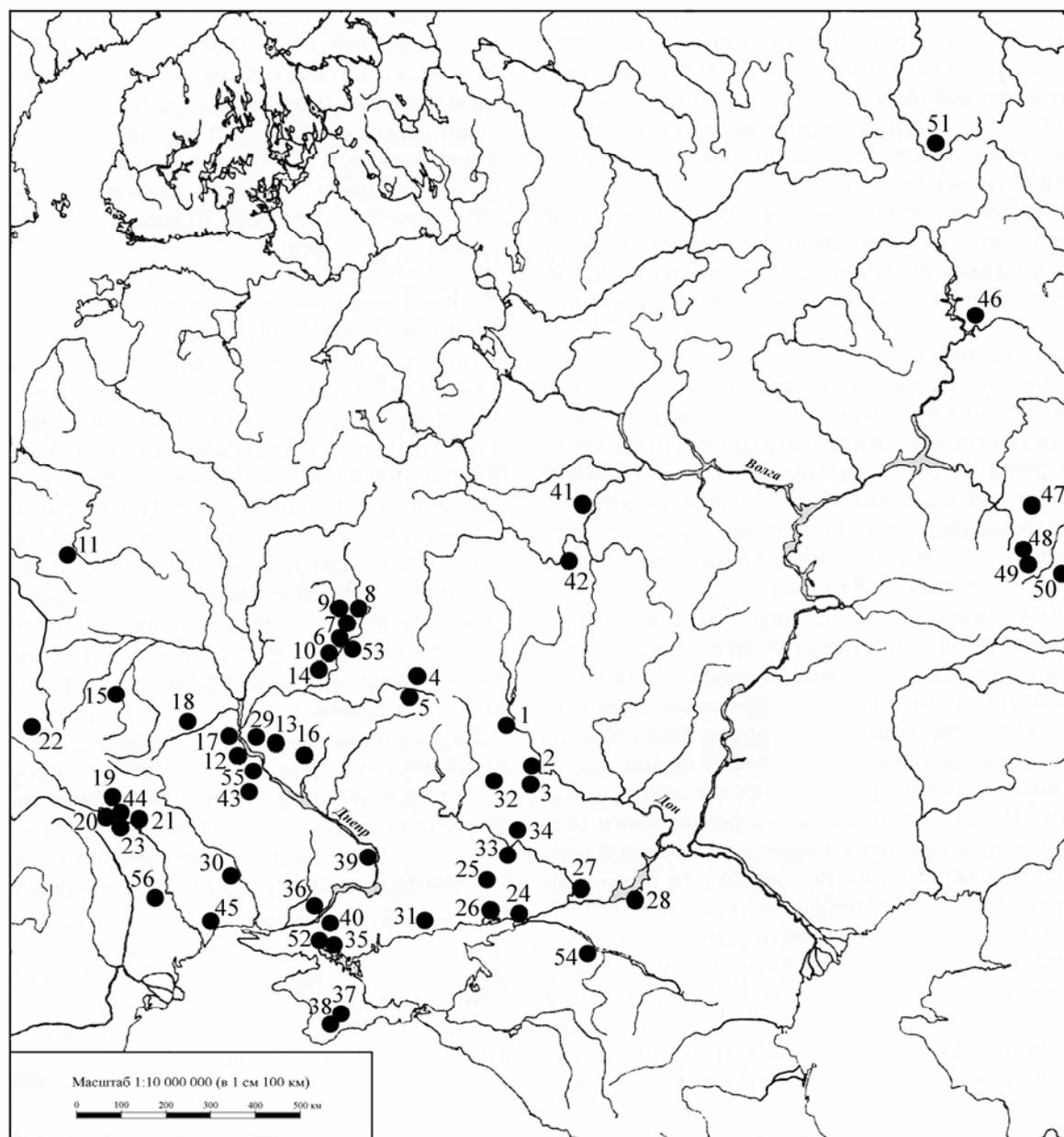

Рис. 1. Стоянки конца плейстоцена (20-10 тыс. л.н.) с радиоуглеродными датами в Восточной Европе.
 1 — Костенки; 2 — Дивногорье 1, 9; 3 — Самотоевка; 4 — Курск 1; 5 — Пены 2, Быки 7; 6 — Юдиново;
 7 — Елисеевичи 1, 2; 8 — Супонево; 9 — Тимоновка 1, 2; 10 — Чулатово 1; 11 — Ковальцы;
 12 — Копачив; 13 — Добраничевка; 14 — Мезин; 15 — Бармаки; 16 — Гонцы; 17 — Кирилловская;
 18 — Радомышль; 19 — Врублевцы; 20 — Молодова 5; 21 — Рашков 7; 22 — Львов 7; 23 — Косауцы;
 24 — Каменная балка 1, 2, Третий Мыс; 25 — Амвросиевка; 26 — Мураловка; 27 — Золотовка;
 28 — Похлебин 1, 2; 29 — Семеновка 1, 2, 3; 30 — Анетовка 2; 31 — Федоровка; 32 — Ямы;
 33 — Говоруха; 34 — Роголик 7, 12; 35 — Соленое озеро 1а, 6, 9, 9а, Вознесенка 4; 36 — Леонтьевка;
 37 — грот Буран-Кая 3; 38 — грот Скалистый; 39 — Васильевка 3; 40 — Дмитриевка; 41 — Карачарово;
 42 — Шатрище 1, 2; 43 — Гордашовка; 44 — Атаки; 45 — Большая Аккаржа; 46 — стоянка Талицкого;
 47 — Игнатъевская пещера; 48 — Капова пещера; 49 — Кульюрт-Тамак; 50 — Смеловская 2;
 51 — Медвежья пещ.; 52 — Нововладимировка 2; 53 — Севское мамонтовое местонахождение;
 54 — Юловская; 55 — Межиричи; 56 — Валя Морилор (рис. по: Синицын и др., 1997 с дополнениями)

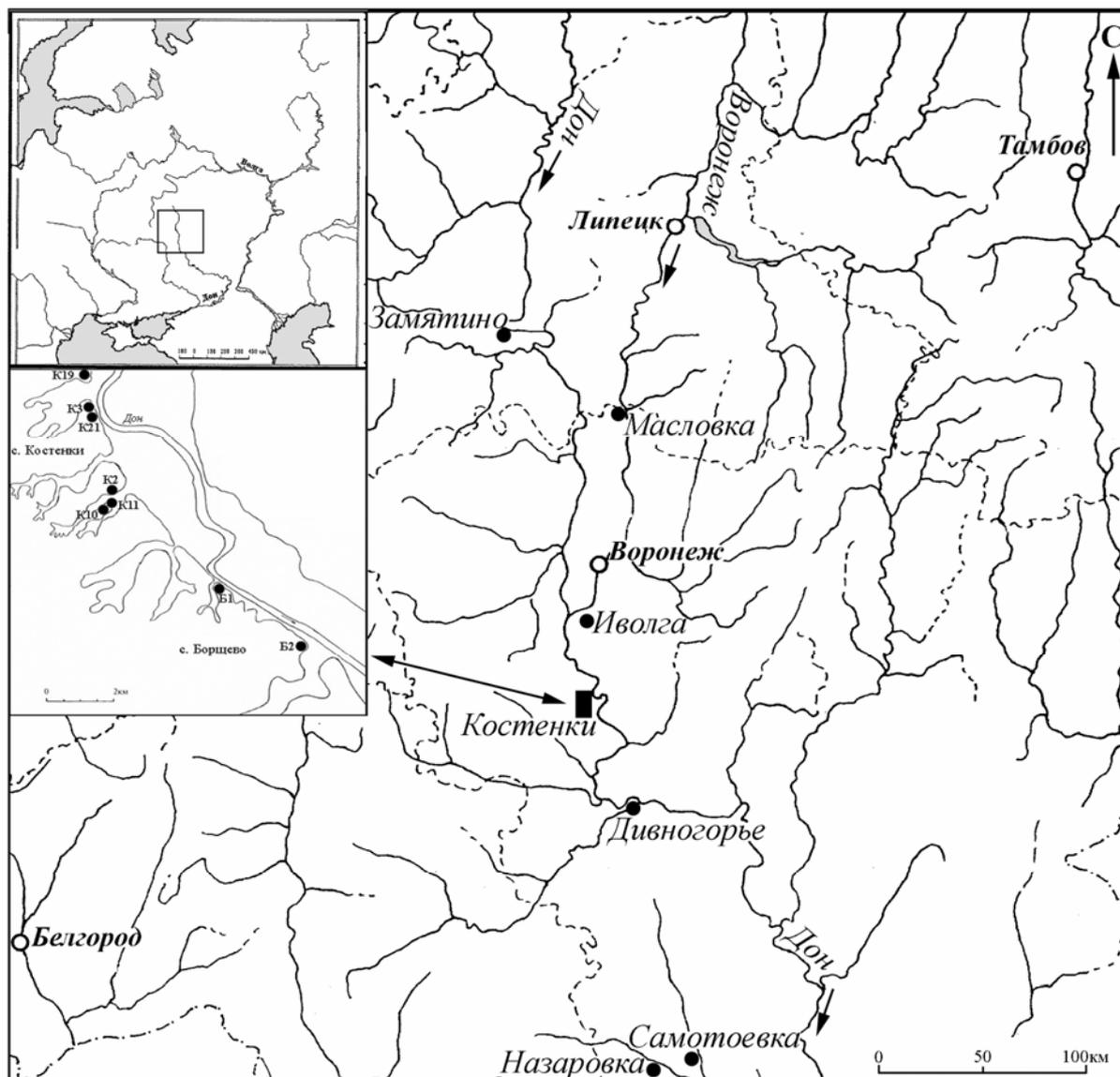

Рис. 2. Стоянки поздней поры верхнего палеолита в бассейне Верхнего и Среднего Дона. Пунктирами отмечены границы областей

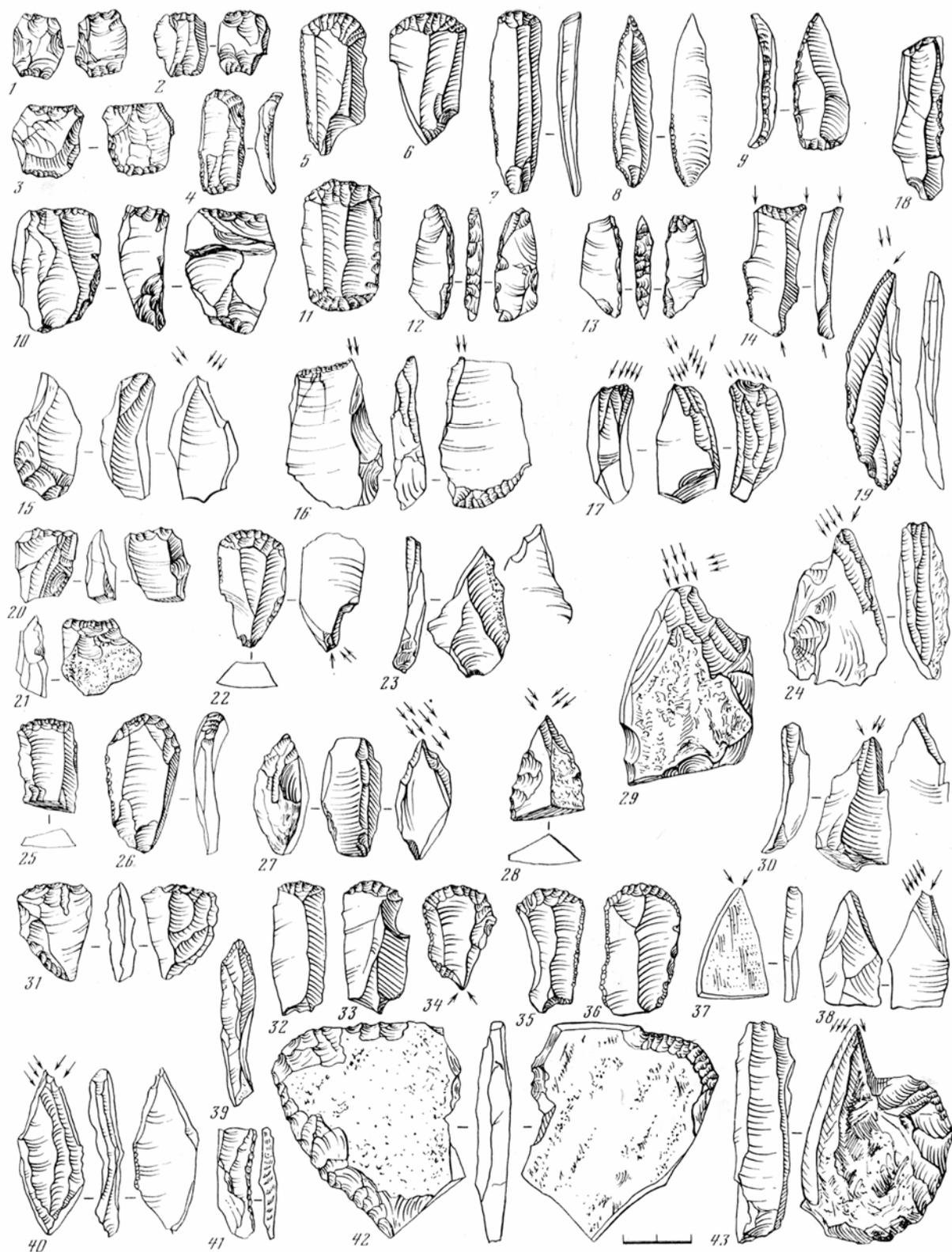

Рис. 3. Каменный инвентарь стоянок зямятинской культуры (по: Рогачев, Аникович, 1984). 1-19 — Костенки 2; 20-30 — Костенки 3; 31-43 — Костенки 19

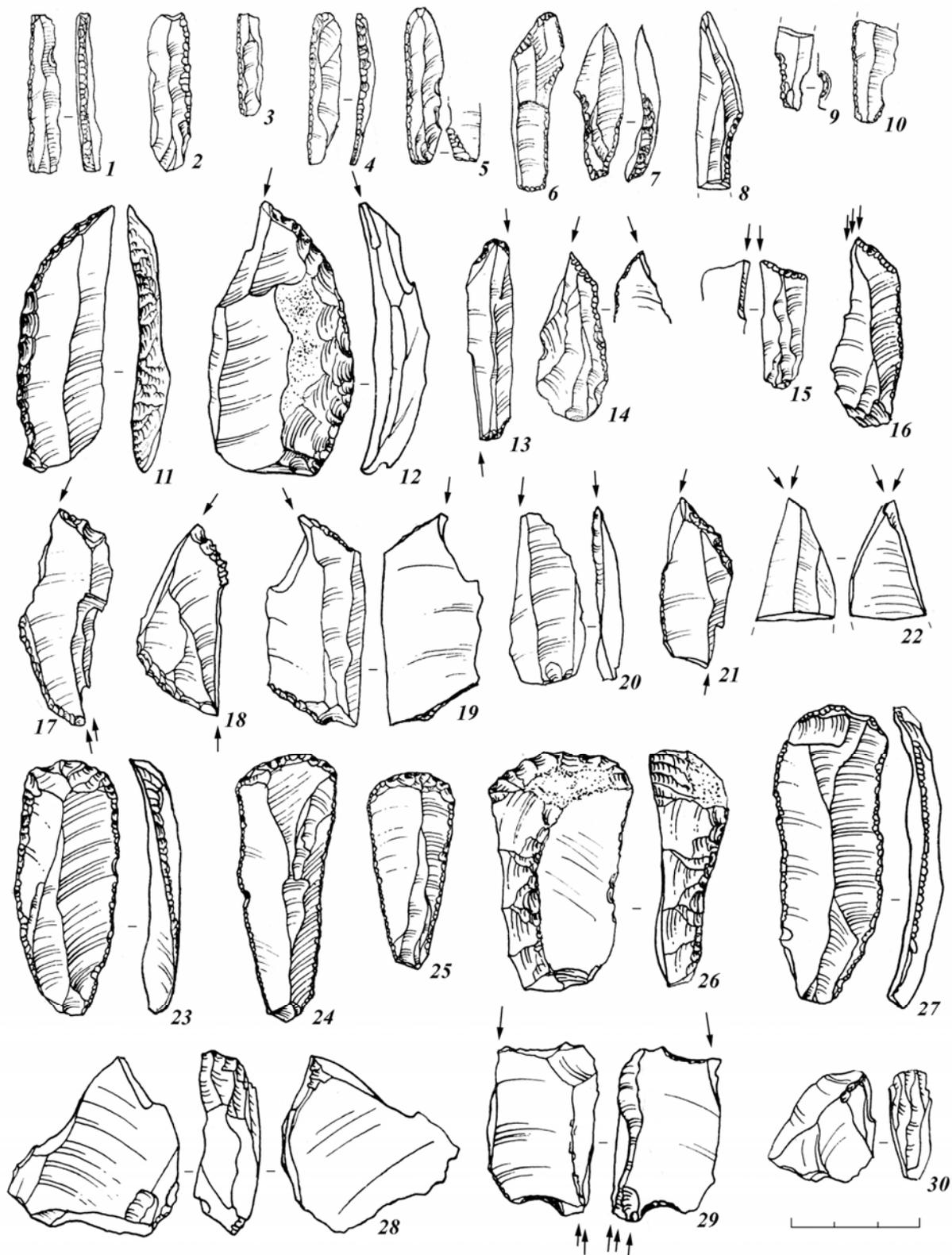

Рис. 4. Каменный инвентарь стоянки Борщево 1 (по: Векилова, 1953)

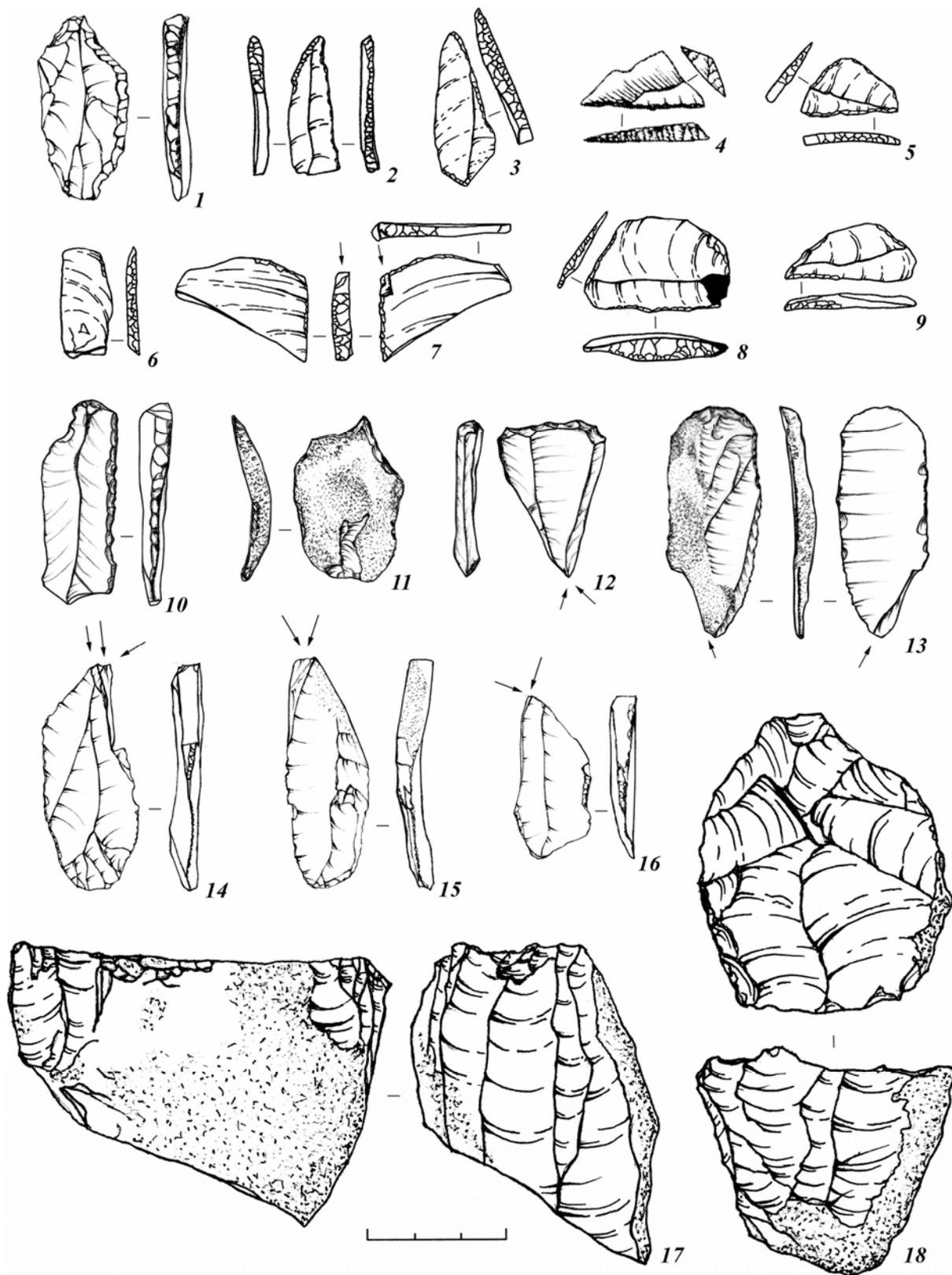

Рис. 5. Каменный инвентарь стоянки Самотоевка (черным цветом отмечены свежие сколы). 4 — рис. по: Федюнин, 2009

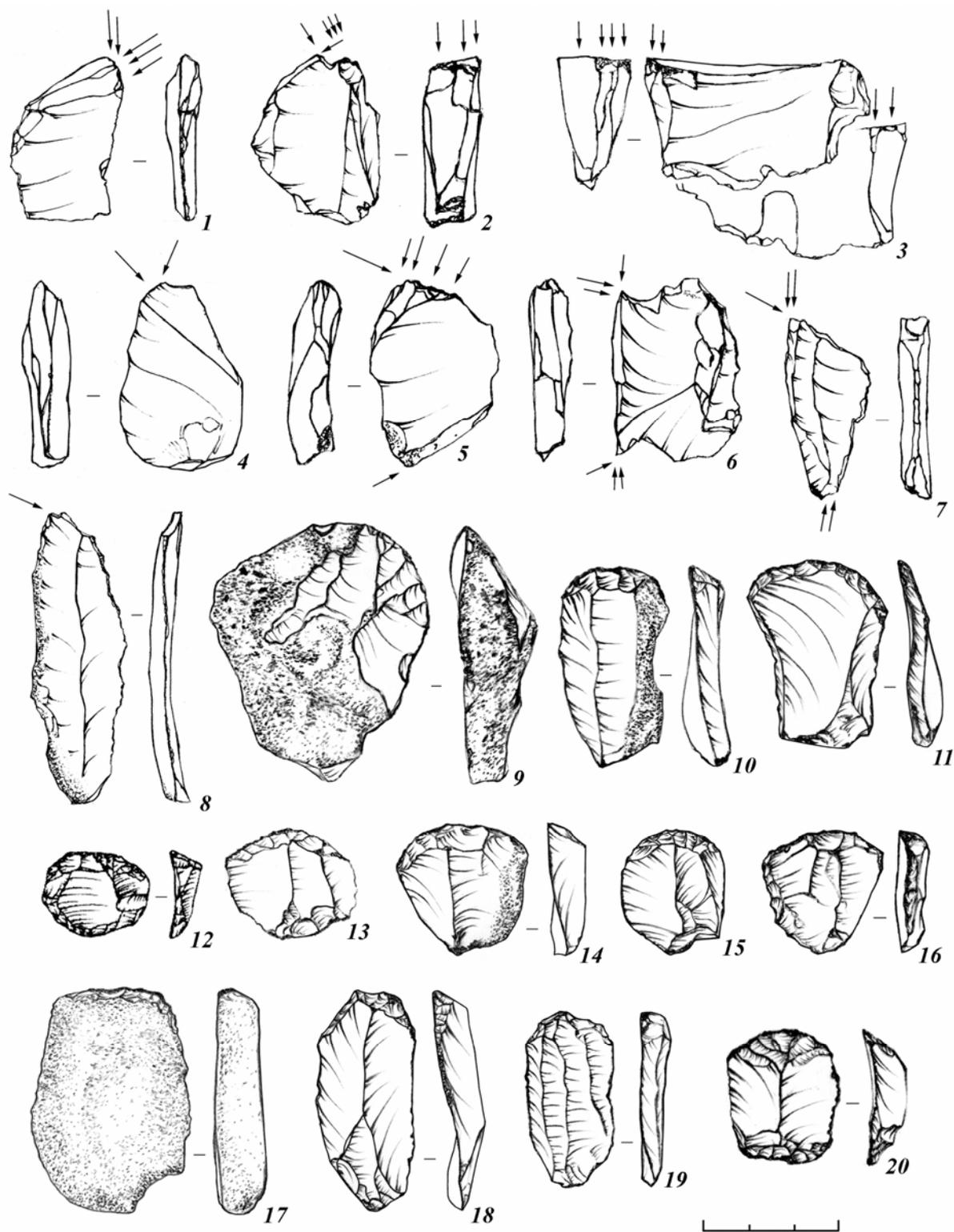

Рис. 6. Каменный инвентарь стоянки Самотоева. 12 — по: Березуцкая, 1996

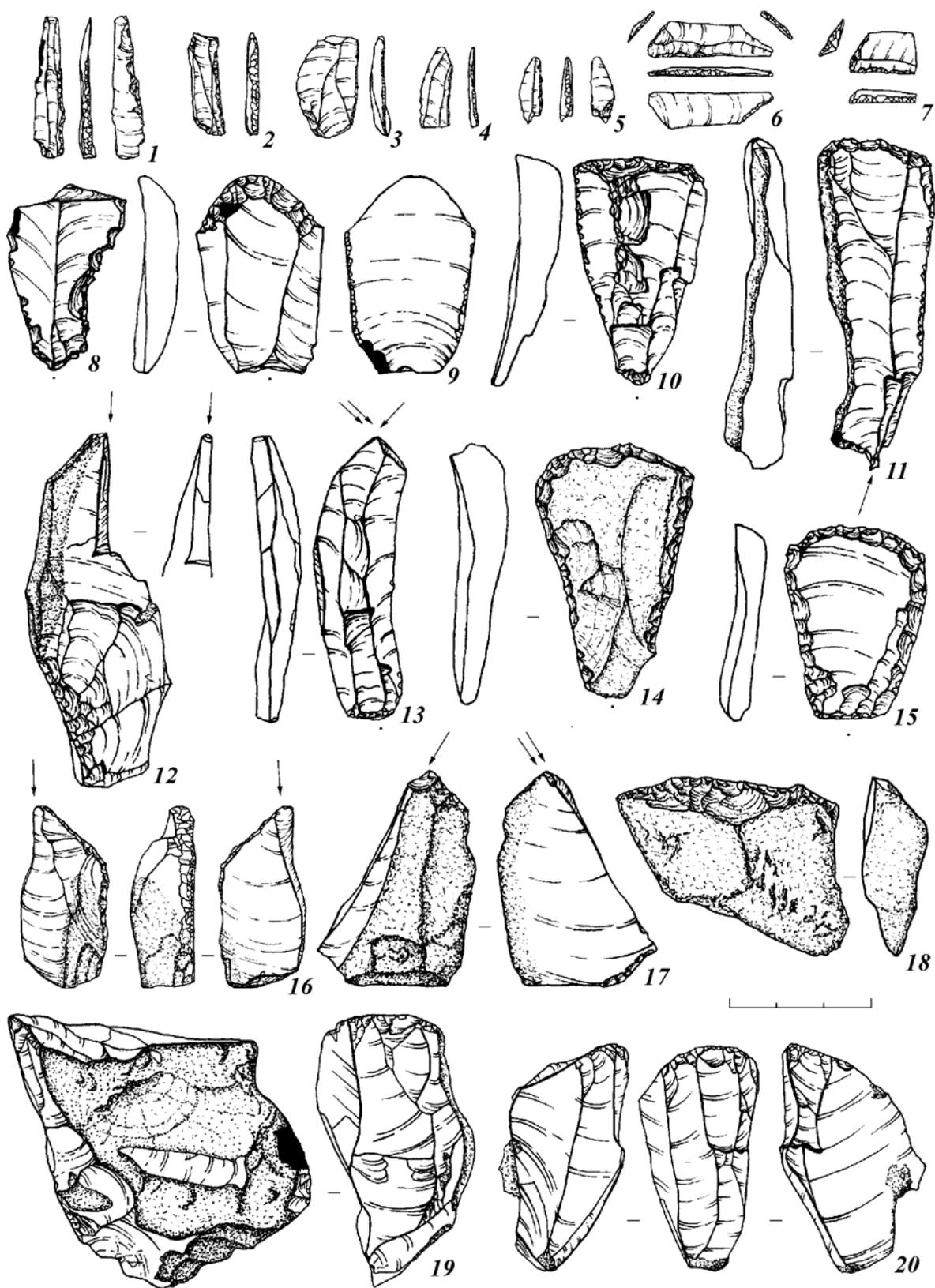

Рис. 7. Каменный инвентарь стоянки Замятино 14 (черным цветом отмечены свежие сколы)

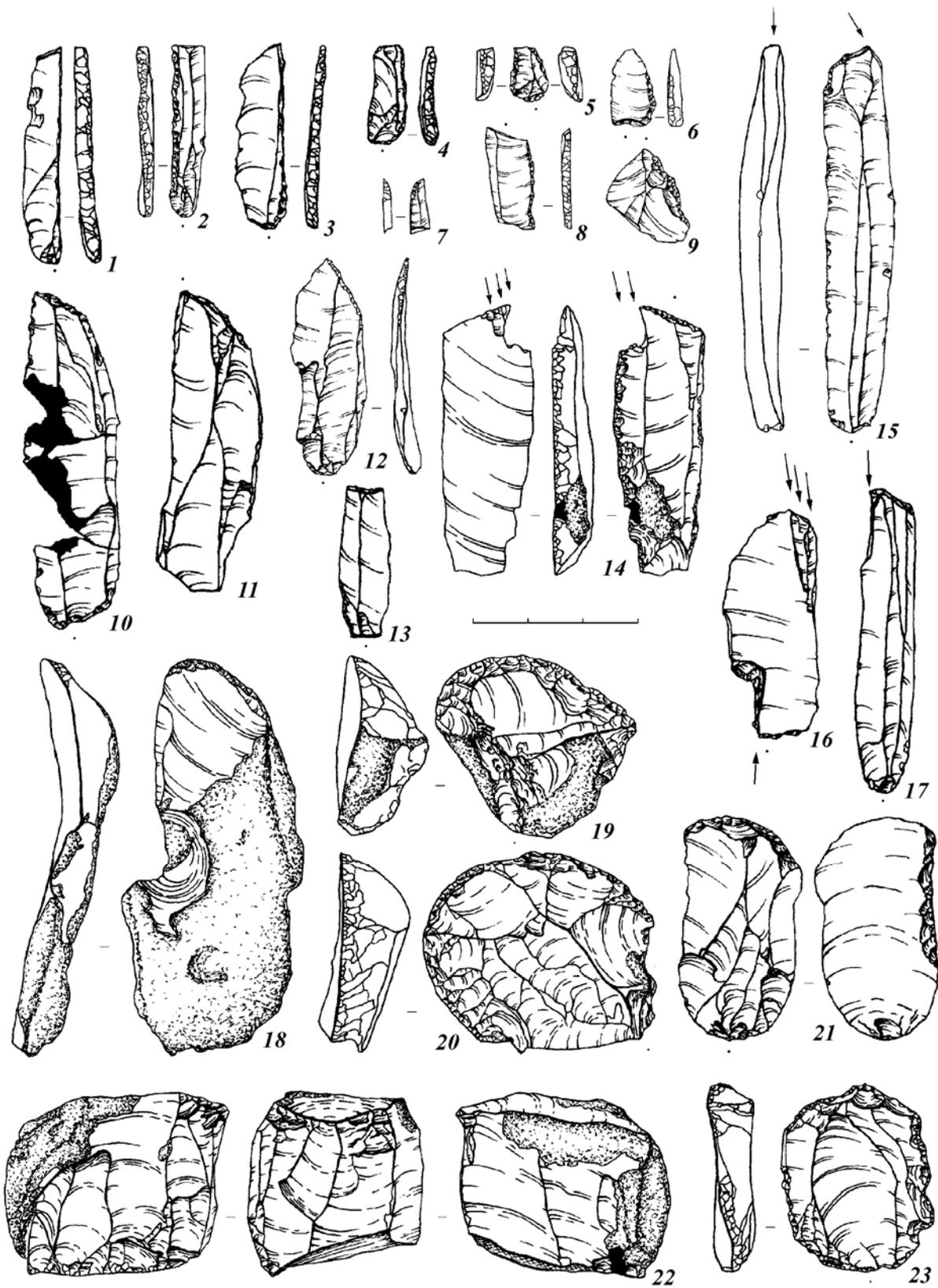

Рис. 8. Каменный инвентарь стоянки Дивногорье 1 (черным цветом отмечены свежие сколы)

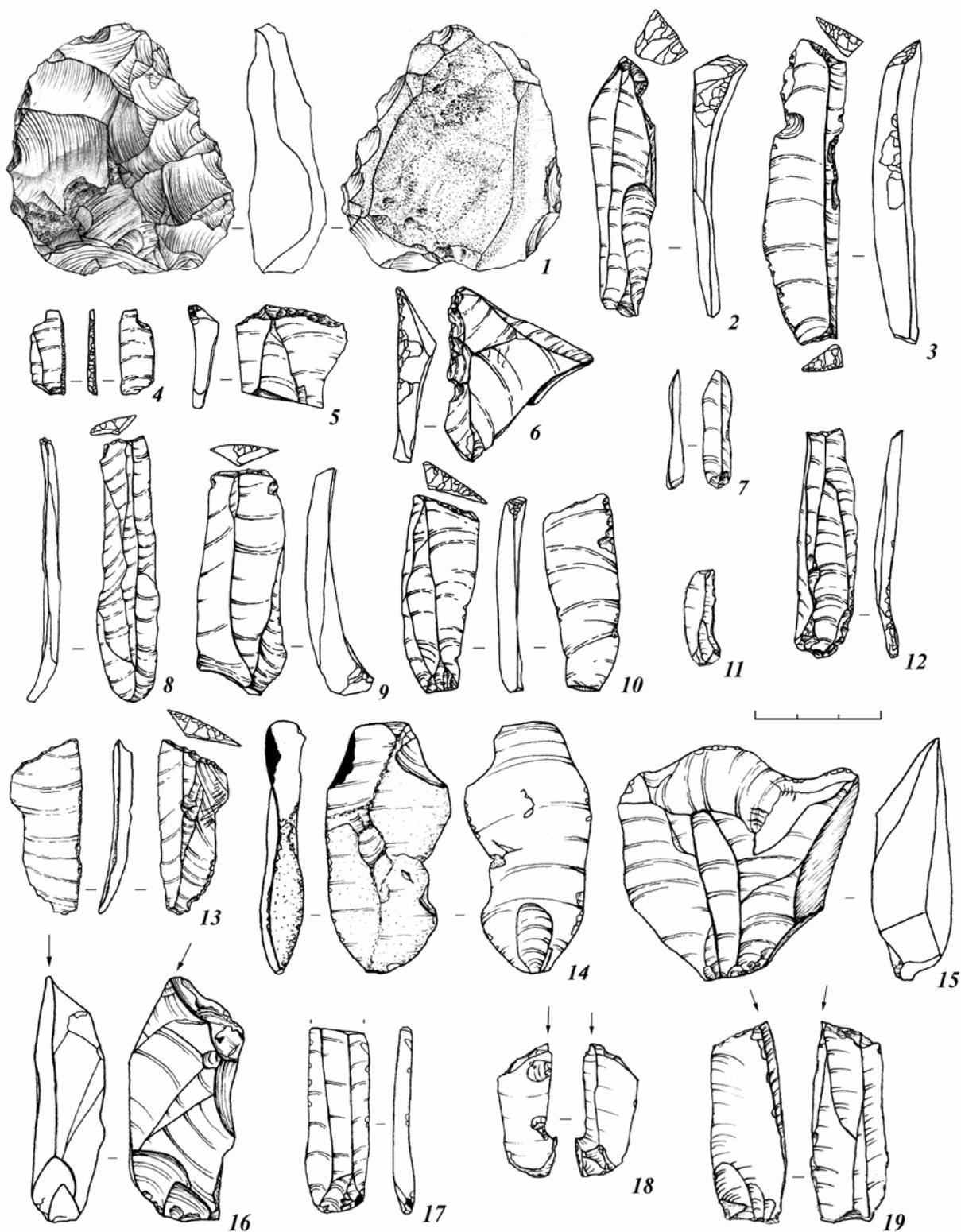

Рис. 9. Каменный инвентарь памятника Дивногорье 9 (черным цветом отмечены свежие сколы)

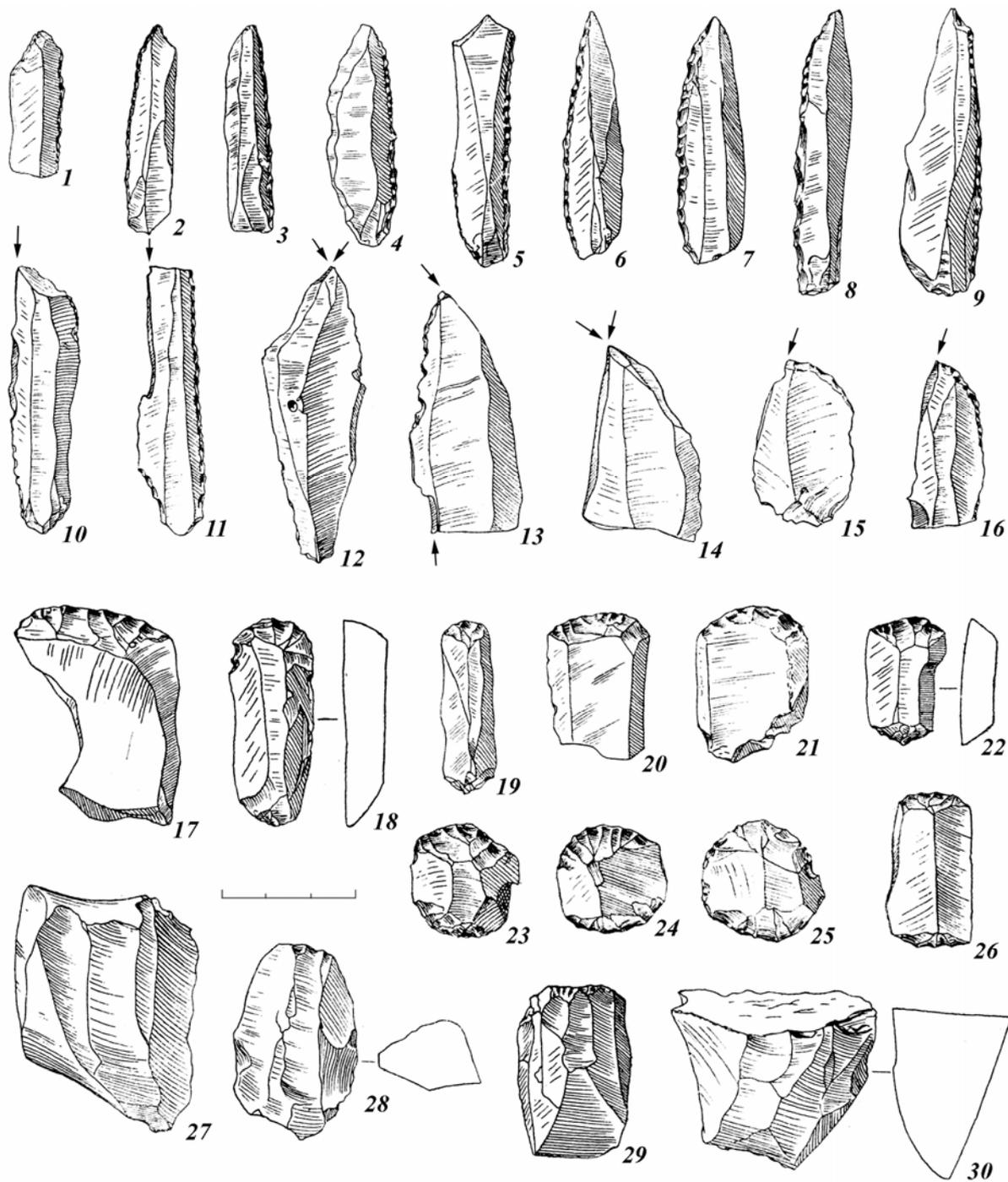

Рис. 10. Каменный инвентарь стоянки Борщево 2 (по: Ефименко, Борисковский, 1953)

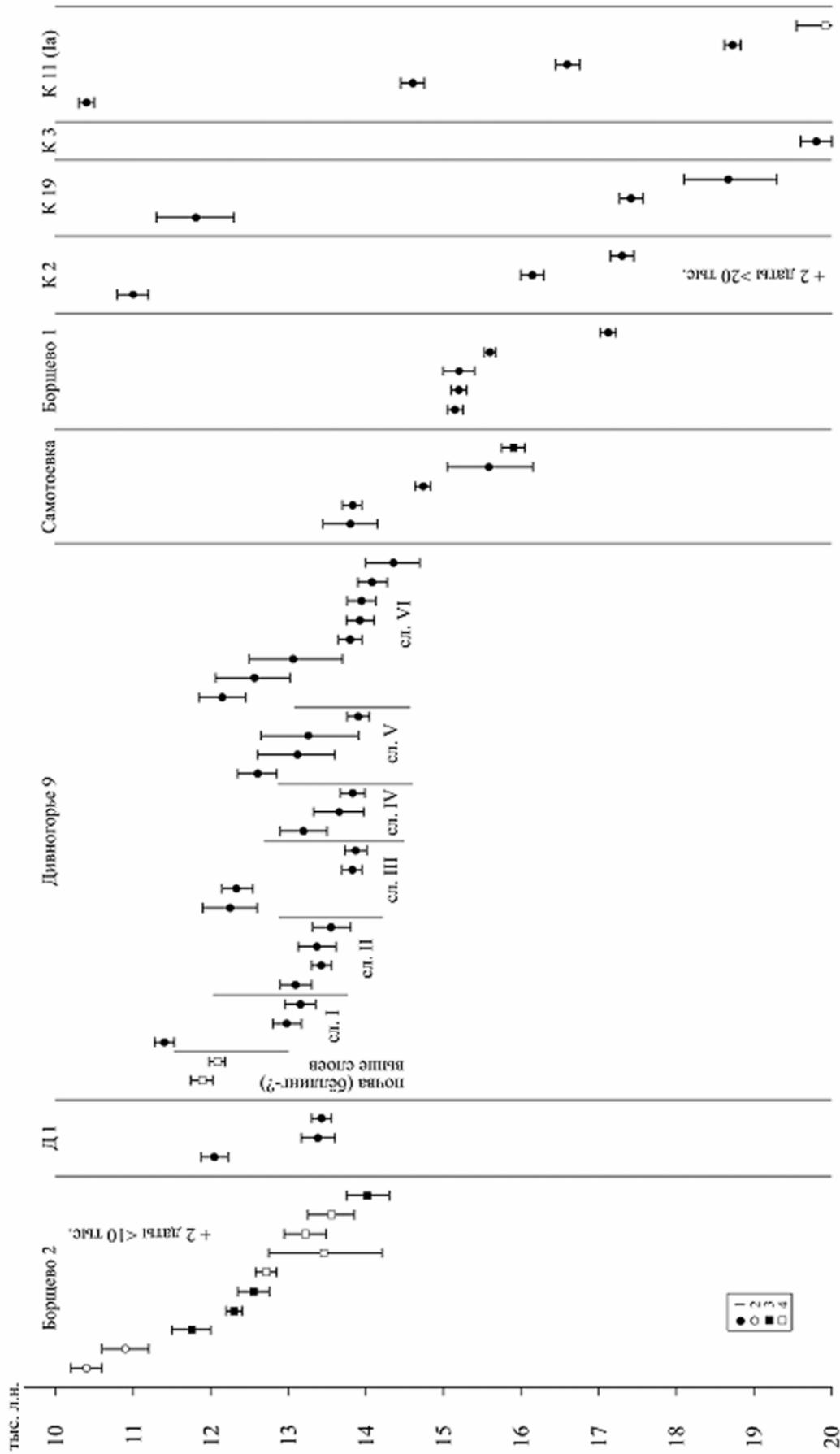

Рис. 11. Графическое распределение радиуглеродных дат стоянок конца плейстоцена на территории Верхнего и Среднего Дона (см. Табл. 3): 1 — кость; 2 — почва, гумус, гиттия; 3 — костный уголь; 4 — древесный уголь

Г. В. Синицына

Институт истории материальной культуры РАН

О МИГРАЦИЯХ И АВТОХТОННОМ РАЗВИТИИ КУЛЬТУР ФИНАЛЬНОГО ПАЛЕОЛИТА НА СЕВЕРО-ЗАПАДЕ РУССКОЙ РАВНИНЫ

Проблемам формирования археологических культур рубежа плейстоцена–голоцена после отступления последнего ледникового щита придается большое значение, поскольку оно происходило в период резкого изменения всей экосистемы.

По мнению Ю. А. Лаврушина (Лаврушин и др., 2002. С. 145): «изменение климата можно отнести к кризисному рубежу ледниковья. В Гренландии в это время повышение температуры составило 10°C. Для конца последнего оледенения, были свойственны следующие седиментационные события: лавинные скорости накопления флювиогляциальных отложений, своеобразный гидрологический режим речных потоков, который отличался отсутствием половодий, интенсивность склонового осадконакопления, в ходе которого происходило перекрытие в них речного стока. С позднеледниковьем связано исчезновение значительной части крупных млекопитающих животных верхнепалеолитического комплекса». Для этого же периода, в интервале 12–11 тыс. лет назад, зафиксировано кратковременное изменение магнитного поля Земли — экскурс гётенбург (Гуськова и др., 2006), который является важным хронологическим маркером. В археологии каменного века этот отрезок времени получил название финального палеолита, хронологические рамки которого определяются периодами бёллинг – молодой дриас.

Представления о хронологических рамках периодов шкалы Блитта-Сернандера существенно разнятся, как у отечественных исследователей (табл. 1), так и зарубежных авторов. На основании применения новых методов датирования, хронология периодов была уточнена. По модифицированной схеме (Маркова и др., 2008. С. 369) возраст периодов установлен в следующих хронологических рамках: бёллинга — 12400–12000 тыс. л. н.; дриаса II — 12000–11800 тыс. л. н.; аллерёда — 11800–10900 тыс. л. н.; дриаса III — 10900–10200 тыс. л. н. По новой схеме существенное изменение претерпели хронологические рамки стадиала дриаса II (табл. 1), похолодание внутри которого по изотопно-кислородным данным ($\delta^{18}O$) было относительно слабым.

Табл. 1. Возраст периодов схемы Блитта-Сернандера у разных авторов

Периоды Блитта- Сернандера	по Хотинскому, 1977		по Фаустовой, 1994		по Марковой и др., 2008	
	абсолютный возраст и продолжительность периодов		абсолютный возраст и продолжительность периодов		абсолютный возраст и продолжительность периодов	
дриас III	11–10.3 тыс. л. н.	~700	11–10.3 тыс. л. н.	~700	10.9–10.2 тыс. л. н.	~700
аллерёд	12–11 тыс. л. н.	~1000	12–11 тыс. л. н.	~1000	11.8–10.9 тыс. л. н.	~900
дриас II	12.2–11.8 тыс. л. н.	~400	12.3–12 тыс. л. н.	~300	12–11.8 тыс. л. н.	~200
бёллинг	12.8–12.2 тыс. л. н.	~600	12.8–12.3 тыс. л. н.	~500	12.4–12 тыс. л. н.	~400

Специфика экониши переходного периода заключается в сочетании различных видов популяций тундро-степных и лесных ландшафтов. «Участки с лесной растительностью были достаточно ограниченными и были приурочены, прежде всего, к бассейнам рек, к горным системам и возвышенностям (Маркова, Пузаченко, 2008. С. 167; 189), отсюда многообразие комплексов млекопитающих бёллинга–аллерёда. Северный олень обитал в Западной и в Восточной Европе. Южная граница его ареала достигала 43° с. ш. Находки остатков лошадей в позднеплейстоценовых местонахождениях Европы могут указывать на распространение как степных и тундростепных условий, так и на условия лесотундры и лесостепи» (Маркова, Пузаченко, 2008. С. 173). Редкие находки остатков лося в местонахождениях бёллинга–аллерёда дают представление о незначительной облесенности Европы в это время. В период возврата холода позднего дриаса «... степные виды продолжали бытовать значительно севернее границ их современного распространения. Криволинейный плейстоценовый комплекс по видовому составу преобразовался преимущественно в степной, с вкраплением степных элементов и реликтовых популяций плейстоценовых и арктических элементов» (Смирнов, 2008. С. 231).

Становится очевидным, что основу общей картины развития археологических культур финального палеолита могут составлять только региональные данные на основе корреляции культурной изменчивости с природно-климатическими условиями. Для Русской равнины Е. А. Спиридоновой (Спиридонова, Алёшинская, 1999), разработана детальная биостратиграфическая шкала палеоландшафтных изменений с шириной интервала 100–300 лет. Благодаря радиоуглеродным датам, в первую очередь мезолитических стоянок, относительная хронология памятников скорректирована с абсолютной шкалой астрономического времени, но, к сожалению, данные для стоянок финального палеолита пока единичны.

Из-за специфики осадконакопления этого времени (эрозии почв), плохой сохранности культурных слоев финальнопалеолитических стоянок, затруднено определение возраста памятников. Первостепенные вопросы хронологии и определения синхронности стоянок обычно решаются в таких условиях исключительно на основании сравнительно-типологического анализа археологических материалов. Сложившиеся современные представления о формировании культур остаются дискуссионными. Бедность источниковедческой базы привела, как пишет А. Н. Сорокин (Сорокин, 2011, С. 91), к тупиковой ситуации, выход из которой, лежит в поиске новых стратифицированных памятников. Бесспорно, новые памятники смогут дать принципиально другую информацию и наметить решение давно назревших проблем. В настоящее время применение таких методов датирования как палеомагнитный и геохимический, дает основания для пересмотра ранее предложенных хронологических схем культур финального палеолита на северо-западе Русской равнины.

На территории центра и северо-запада Русской равнины охарактеризованы следующие типы индустрий (археологические культуры) финального палеолита (рис. 1): эпиграветтская, тип акуллово, подольская (технокомплекс бромме-лингби), грэнская, песочноровская, иеневская, красносельская, рессетинская, возраст и генезис которых, являются дискуссионными. Синхронными им в Северной Европы являются культуры: гамбургская, федермессер, бромме-лингби, аренсбургская, свидерская. Именно с этими культурами, как более изученными, принято сопоставлять восточноевропейские коллекции.

В конце прошлого века доминировали представления на сложение культурных единиц в результате миграций. Финальный палеолит традиционно считался периодом охотников на северного оленя (Зализняк, 1989). Это представление возникло под влиянием чрезвычайно богатых фаунистических данных памятников долины Штельмоор, расположенных к северо-востоку от Гамбурга (Rust, 1943; Taute, 1968), где стоянки гамбургской и аренсбургской культур отражают интенсивную охоту на северного оленя в определенные сезоны года. Предполагали, что существуют своего рода «пищевые цепочки» миграций населения культур с черешковыми наконечниками стрел вслед за северным оленем, популяции которого распространялись на новые пастбища после отступления ледника. Усиление миграционных процессов на рубеже эпох, в условиях резких изменений климата, отмечали многие исследователи: на территории Дании (Andersen, 1988; Petersen, Johansen, 1996), Швеции (Larsson, 1996), Германии (Бозинский, 1997; Terberger, 1996), Польши (Schild, 1975; Sulgostowska, 1999), Белоруссии

(Чарняускі и др., 1996; Ксензов, 1994; 1999), Украины (Зализняк, 1989, Залізняк, 1998, Zaliznyak, 1999), России (Кравцов, 1991; Кольцов, 1994; Синицына, 1996; Sinitsyna, 1999; Zhilin, 1996). Я. -К. Козловский (Kozłowski, 2001) представляет наиболее полную картину расселения культур в приледниковой зоне Европы (рис. 2) в виде челночных миграций носителей мадленской культуры 15–14 тыс.от н.д. с запада, а с востока — распространение культур с геометрическими микролитами. Для финального палеолита С. К. Козловским (Kozłowski, 2006) показано освоение и взаимовлияние культур на северных территориях.

В это же время были разработаны хронологические схемы развития культур, в основу которых были положены комплексно изученные материалы стратифицированных памятников (стоянки Штелльмоор, Цаловане - Rust, 1943; Schild, 1975; Schild et al., 1999). Значение их остается до сих пор основополагающим и является фундаментом для построения хронологических схем культур финальнопалеолитического возраста для других территорий, где материалы представлены поверхностными сборами.

Федермессер

Одной из первых культур финальнопалеолитического возраста является культура федермессер, открытая еще в конце 19 века. История исследования и проблематика этой культуры освещена в значительном количестве работ, в том числе отечественных изданиях (Жилин, Кольцов, 2008. С. 15–34; Сорокин и др., 2009. С. 141–144).

Территория распространения культуры федермессер охватывает пространства от Франции до Польши. Ее происхождение связано с мадленской цивилизацией на равнинах Северной Европы во время аллерёда, в то время как охотники на северного оленя гамбургской культуры находились от них севернее, ближе к Скандинавии. В настоящее время есть мнение о связи между гамбургской культурой позднего этапа и группами федермессер. Стоянки федермессер временного и сезонного характера отражают хозяйственную деятельность охотников на лесных животных. По мнению Г. Бозинского (Бозинский, 1997) спектр используемого сырья культуры федермессер охватывал территории столь же значительные, как и степные – в мадленское время. В ландшафте аллерёда биомасса была существенно меньше, и поэтому группы людей были численно меньше и мобильнее (Bosinski, 1987, 1990). Г. Швабедиссен (Schwabedissen, 1954), выделял три фации федермессер, в основу которых были положены специфические типы инвентаря:

- а) группа Велен: скребки веерообразные, резцы карене, острия типа граветт, двойные удлиненные скребки;
- б) группа Тьёнгер: острия с угловатой спинкой (острия типа Кент);
- с) группа Риссен: техника пластинок средних размеров, много орудий на отщепках, мелкие острия типа федермессер, малое количество резцов.

К. Паддая (Paddaya, 1971) критиковал данное разделение, основанное на специфических типах инвентаря, поскольку в отдельных регионах они сосуществуют. Он полагал, что есть две хронологические группы федермессер, наиболее поздняя из которых характеризуется азильскими остриями, пластинами с косо усеченными концами и остриями с шипом. Й. Хан (J. Hahn, 1994), также выделял два хронологических этапа, но за основу брал технику расщепления культуры федермессер: а) группа Велен — пластинчатая техника на основе двуплощадочного нуклеуса встречного скалывания, которая дает регулярные пластины; б) группа Риссен — техника расщепления твердым отбойником, которая дает нерегулярные пластины и много орудий на отщепках. В целом, инвентарь культуры федермессер, прошедшей в своем развитии несколько этапов неоднороден. Самой яркой категорией орудий является охотничье оружие — клинки типа перочинного ножа (федермессеры), представляющие собой острия, выпуклый край которых, обработан крутой дорсальной ретушью.

По мнению Л. В. Кольцова (Кольцов, 2005. С. 57) на территории Восточной Европы такие орудия как острия типа перочинного ножа (Federmesser) встречаются редко: «...датированными они могут считаться только в двух памятниках — Тимоновке II и Борщеве 2 (верхний слой). Имеющиеся даты, в основном, совпадают с датировками этих вещей в Центральной Европе». В последующей монографической работе (Жилин, Кольцов, 2008. С. 15–34),

посвященной финальному палеолиту лесной зоны Европы, Л. В. Кольцов достаточно детально рассматривает проблематику культуры федермессер по памятникам, а проникновение острий типа перочинного ножа считает диффузным процессом (Жилин, Кольцов, 2008. С. 30). Однако, вопросы о диффузных влияниях можно рассматривать среди синхронных памятников, а радиоуглеродные даты и мамонтовая фауна Тимоновки II (табл. 2) указывают на более древний возраст, чем хронологические рамки культуры федермессер. Л. В. Грехова (Грехова, 1999. С. 78) на основании комплексного изучения Тимоновских стоянок, пришла к выводу о том, «что стояночный мыс в селе Тимоновка посещался и заселялся первобытным человеком неоднократно на протяжении всего позднеледниковья от 15 тыс. до 12 тыс. лет назад». Более того, с типологической точки зрения по Л. В. Греховой (Величко и др., 1977. С. 101) в Тимоновских стоянках представлены: косые острия, микрошательперрон, микрограветт, но не федермессеры, хотя последние типологически близки граветтийским формам.

Табл. 2. Даты Тимоновских стоянок по А. А. Синецкину, (в печати)

Индекс	Контекст, материал	¹⁴ C дата	Calendric Age calBP	68%ange calBP	Calendric Age calBC
Тимоновка 1					
ИГАН-82	Зуб мамонта, раск. 1928–29 гг.	12200±300	14407±531	13876–14938	12457±531
ГИН-8413	Зуб мамонта	14750±120	18068±341	17726–18409	16118±341
ГИН-8414	Кость мамонта	14530±120	17680±274	17406–17954	15730±274
ГИН-2003	К/уголь	15300±700	18502±758	17744–19260	16552±758
Тимоновка 2					
ЛУ-358	Кость	15110±530	18275±564	17711–18839	16325±564

На стоянке Борщево II авторами публикации острия интерпретированы как «острия в форме клинка типа перочинного ножа, в отличие от более архаичных острий типа Шательперрон и Граветт» (Ефименко, Борисковский, 1953. С. 91). Материалы многослойной верхнедонной стоянки Борщево II, изученной в начале 20 века и детально опубликованной (Ефименко, Борисковский, 1953), исследователи (Кравцов, 1998; Жилин, Кольцов, 2008) часто привлекают к решению вопросов о времени и путях заселения северо-запада Русской равнины. Интерес к материалам верхнего слоя этого памятника вызван дополнительными исследованиями в 1993–1994 гг., в результате которых получены новые данные естественнонаучных дисциплин: серия радиоуглеродных дат (табл. 3), данные спорово-пыльцевого анализа. Результаты полевых исследований позволили Ю. Ю. Цыганову (Цыганов, 1995. С. 7) подтвердить мнение предшествующих исследователей о единстве верхнего культурного слоя, который включал в себя 6002 предмета из темно-серого мелового кремня. В орудийном наборе преобладали количественно скребки (52.7%) над резцами (31.5%), острия с притупленным краем (22 экз.) вместе с пластинками с притупленным краем составляли 6% всех орудий (Цыганов, 1995. С. 9). Одним из признаков отличия материалов верхнего слоя от нижележащего среднего слоя является разница в использовании сырьевой базы. Инвентарь нижележащего среднего культурного слоя выполнен на 74.1% из цветного валунного кремня, в отличие от мелового кремня верхнего слоя. Как дополнительный аргумент в пользу единства верхнего культурного слоя Ю. Ю. Цыганов выделил смешанный кремневый материал — всего 338 предметов.

Фаунистические материалы стоянки Борщево II отражают специфику экониши конца плейстоцена. Здесь выявлено сочетание различных видов популяций тундро-степных и лесных ландшафтов. В верхнем слое представлены виды как лесной так и степной палеофауны: бык (*Bos* sp.), лось (*Alces machlis*), северный олень (*Rangifer tarandus*), волк (*Canis lupus*), лисица (*Vulpes* sp.), заяц (*Lepus* sp.), пещерная гиена (*Hyuena spelaea*), при этом доминировали кости лошади (*Equus caballus*). Функциональное определение стоянки — кратковременное сезонное стойбище, где было убито и съедено не менее восьми лошадей (Ефименко, Борисковский, 1953.

С. 109). Состав палеофауны дает возможность предполагать высокую степень адаптации древнего населения к различным эконишам. Н. А. Гей определены по результатам спорово-пыльцевого анализа условия существования поселения как доминирование «безлесного типа растительности». Палеоландшафты представляли собой степи. Сообщества древесных пород, приуроченные к долине реки, широкого распространения не имели (по Ю. Ю. Цыганову, 1995. С. 20). Несмотря на серию радиоуглеродных дат рубежа плейстоцена-голоцена, сравнительно-типологический анализ материальной культуры позволил Ю. Ю. Цыганову датировать верхней культурный слой Борщево 2 периодом бёллинга, а культурную принадлежность определить развитием граветтийских традиций.

Табл. 3. Даты стоянки Борщево 2 по А. А. Сеницыну, (в печати)

Индекс	Контекст, материал	¹⁴ C дата	Calendric Age calBP	68%ange calBP	Calendric Age calBC
ГИН-88	Верхний к/сл., почва	12300±100	14459±361	14098–14820	12509±361
ГИН-3261	Гиттия, нижн. прослой верх. сл.	12550±200	14842±439	14402–15281	12892±439
ГИН-8084	Обож. кости лошади, раск. 1925	10400±200	12190±351	11838–12541	10240±351
ГИН-8415	Обож. кости лошади, раск. 1925	10900±300	12765±357	12407–13122	10815±357
ЛУ-742	Верхний к/сл., д/уголь	13210±270	16100±530	15570–16630	14150±530
Мо-636	Верхний к/сл., гумус	11760±240	13718±316	13401–14034	11768±316
ЛЕ-4865	Верхний к/сл., гор. 1, гумус	9520±300	10842±402	10440–11244	8892±402
ЛЕ-4866	Верхний к/сл., гор. 1, гумус	9330±390	10597±542	10054–11139	8647±542
ЛЕ-4867	Верхний к/сл., гор. 2, гумус	14030±280	17269±368	16900–17637	15319±368
ЛЕ-4837	I (верх. сл.) к/сл., д/уголь	13480±720	16171±1070	15101–17241	14221±1070
ЛЕ-4834	III к/сл., д/уголь	13540±300	16398±553	15844–16951	14448±553
GgA-9249	Д/уголь	12720±140	15111±371	14739–15482	13161±371

Как видно из табл. 3 по серии радиоуглеродных дат возраст верхнего культурного слоя стоянки Борщево 2 определен в пределах от 15 300 до 8 600 Cal BC, а для некалиброванных от 9 300 до 14 000 BP, что позволяет предполагать частичную синхронность с культурой федермессер и возможные контакты. Однако, предпочтительнее принять объяснение, что сходство между разнокультурными, синхронными памятниками является «частично независимым результатом эволюции культурных систем, развивающихся разными путями, но по единой в целом модели, определяемой сходной экономикой, сходной природной средой, сходной технологией и сходным историческим прошлым» (Clarke, 1968. P. 322). Важно отметить, что острия типа перочинного ножа присутствуют в материалах стоянок культуры бромме, которая сосуществовала с культурой федермессер на исконной территории.

Бромме-лингби

Культура бромме (лингби) выделена Г. Кларком (Clark, 1936) и была датирована дриасом III на основании спорово-пыльцевого анализа отложений, к которым были приурочены находки. В середине 20 века Т. Матиассеном (Mathiassen, 1946) был изучен ее более древний, аллерёдский этап, представленный полным комплексом материалов стоянки Бромме на острове Зеландия. Поэтому термин "бромме" в западной археологии получил более широкое распространение.

Историография культуры бромме-лингби значительна по своему объему, (Andersen, 1988; Burdukiewicz, 1999; Clark, 1936; Eriksen, 1996; Fischer, 1985, 1990, 1991, 1996; Fischer, Nielsen, 1987; Hedges et al., 1995; Johansson, 1996; Larsson, 1996; Madsen, 1996; Mathiassen, 1946; Holm, 1996; Petersen, Johansen 1996; Salomonsson, 1964; Sørensen, 2010; Szymczak, 1999; Schwabedissen, 1954; Schild, 1996; Street et al., 1994; Satavicus, 2004; Taute, 1968.)

Территория распространения бромме охватывает пространства от Великобритании до Верхней Волги (рис. 3). Технокомплекс бромме-лингби выделен на основе целого ряда типологических, технологических, хозяйственных и экологических особенностей. В основе его идентификации лежит присутствие черешкового наконечника со строго определенными техническими, формальными и параметрическими показателями.

Учитывая то, что сложившиеся представления о структуре, распространении и дифференциации технокомплекса бромме базируются, в основном, на типологическом анализе, и, принимая во внимание, различную степень изученности территорий, включенных в ареал его распространения, можно предположить, что уже в аллерёдское время технокомплекс бромме получает распространение на очень широкой территории и, скорее всего, его широтное распространение было связано с миграцией населения. В пользу этого свидетельствует прерывистый характер выделенных локальных групп, что не свойственно диффузионным процессам, и значительно большее единообразие их материальной культуры на раннем (аллерёдском) этапе, чем на более поздних этапах. Согласно точки зрения Г. Бозинского (Бозинский, 1997), Ф. Рийда (Riede, 2008), Л. Соренсена (Sørensen, 2010), извержение вулкана Лаахер-Зее, которое произошло 12920 BP (10.932 Cal. до н. э.) имело сильное влияние на демографию всей приледниковой территории Европы.

Территориально собственно культура бромме занимает Данию, север Германии (Шлезвиг-Гольштейн) и южную часть Швеции. Типологический набор инвентаря бромме относительно прост и определяется тремя основными видами орудий: наконечниками стрел, резцами и скребками, изготовленными на грубых толстых пластинах, полученных в технике расщепления твердым отбойником с одноплощадочных нуклеусов

С. Андерсеном (Andersen, 1988) стоянки культуры бромме разделены на четыре группы в зависимости от функциональной нагрузки поселений и характера использования природных ресурсов.

1. Небольшие стоянки на высоких сухих моренных холмах без какой-либо привязки к пресной воде. Характеризуются преобладанием (до 100%) черешковых наконечников (tanged points) и определяются как места забоя охотничьей добычи (kill sites) — стоянки типа Knudshoved, Ommels Hoved. На стоянке Ommels Hoved обнаружено 110 наконечников стрел, 7 пластин и 1 скребок;

2. Стоянки с большим количеством черешковых наконечников и низким содержанием скребков и резцов. Определяются как охотничьи стойбища (hunting sites) — стоянки типа Lovenholm.

3. Стоянки с небольшим количеством орудий. Преобладает первичное расщепление. Есть скребки и резцы, черешковые наконечники стрел практически отсутствуют. Выделяет их как специализированные мастерские по расщеплению кремня (knapping sites) — памятники типа Langa 1.

4. Стоянки более крупных размеров определяемые как базовые поселения (base camps) (Bro, Segebro, Trollesgave), где представлен широкий спектр типов изделий.

Поселения второй и четвертой групп всегда расположены на песке недалеко от воды. Для стоянок третьей и четвертой групп значение имеет доступность источников хорошего кремневого сырья.

Стоянки занимают площадь примерно 50 кв. м. На стоянках четвертого типа обнаружены жилища, На стоянке Бро в Зеландии оно было округлой формы 6×7 м наземного типа с очагом внутри, вокруг которого распространены находки. На другой стоянке этого же типа Trollesgave находки также располагались близ очага, расположенного у естественной 7 м наземного типа с очагом внутри, вокруг которого распространены находки. На другой стоянке этого же типа Trollesgave находки также располагались близ очага, расположенного у естественной западины, коридорообразного вида. Рядом с жилищем располагались два внешних очага (Fischer, 1990), рядом с которыми находились крупные камни, возможно, места мастера по расщеплению кремня.

Дискуссии в литературе относительно культуры бромме касаются реконструкции экосистемы аллерёда. В ряде работ (Бозинский, 1997; Terberger, Lubke, 2007) аллерёд охарактеризован как лесная экониша, для которой, характерно распространение лесных видов животных, что

подтверждается находками остатков лесной фауны на стоянках культур федермессер и частично культуры бромме. В литературе присутствует другая точка зрения, отражающая специфику экониши аллерёда, которая заключается в сочетании различных видов популяций тундростепных и лесных ландшафтов. По мнению датских исследователей П. Петерсена, Л. Иохансен (Petersen, Johansen, 1996. С. 75–88) экономика культуры бромме базировалась на охоте на северного оленя при наличии на стоянках остатков представителей лесной фауны: лося, гигантского оленя, бобра, росомахи, косули. Стоянки культуры бромме в большом количестве располагались вдоль миграционных коридоров северного оленя, у границы леса (наиболее известный миграционный коридор: Сольбьерг–Вестерборг–Кнудховед). Да и в материалах стоянки Бромме состав палеофауны, где присутствуют остатки лося, северного оленя, бобра росомахи, лебедя, щуки также отражают специфику экониши переходного периода. Считается, что пути миграций охотников на северного оленя были относительно постоянными и происходили в возвратной форме.

При этом предполагается, что миграции населения были сезонными, вслед за оленем: весной двигались в северном направлении, а осенью — в южном. Интенсивность миграций связывается также с периодом отела животных в открытой тундре. Стоянки концентрировались у переправ, где животные были наиболее легкой добычей. Население бромме было адаптировано к изобию кремня на моренных землях Скандинавии. Скорее всего, специфика экониши аллерёда-дриаса III определила и специфику одновременного сосуществования различных типов адаптации.

Стоянки культуры бромме датированы различными методами (радиоуглеродным, термолюминисцентным и спорово-пыльцевым) временем аллерёда и младшего дриаса. Л. Соренсен (Sørensen, 2010) опубликовал, имеющиеся датировки по стоянкам, которые свидетельствуют о времени бытования культуры на протяжении одного тысячелетия в периоды аллерёда и дриаса III.

Табл. 4. Даты культуры бромме (11.500–10500 Cal. BC) (по Sørensen L. 2010)

стоянка	лаб.№.	культура	материал	BP	Cal. BC 1 std.	сноски
Норре-лингби	AAR-1511	возможно	кость	11570±110	11594–11347	Aaris-Sørensen 1995
Хёсслеберга	Ua-3296	возможно	кость	11390±90	11387–11227	Larsson et al. 2002
Хёсслеберга	LuA-4492	возможно	кость	11300±140	11360–11113	Larsson et al. 2002
Троллесгаве	K-2509	бромме	уголь	11100±160	11185–10944	Fischer 1996
Троллесгаве	K-2641	бромме	уголь	11070±120	11138–10952	Fischer 1996
Фенсмарк	OxA-3614	бромме	уголь	10810±120	10957–10783	Fischer 1996
Бромме	AAR-4539	бромме	лось кость	10720±90	10891–10746	Heinemeier & Rud 2000

О широком хронологическом диапазоне существования отдельных типов инвентаря бромме свидетельствуют радиоуглеродные датировки, полученные по анализу индивидуальных орудий из органики. Так, по топору, изготовленному из рога северного оленя, найденному в болоте Михельсмossen в Центральной Скании получена дата 10980±110 BP (OxA-2791) (Hedges et al., 1995). По мнению Л. Ларсона (Larsson, 1996) эта дата соответствует реальному возрасту находки и дает основание полагать, что топоры типа лингби могли существовать в начале младшего дриаса. По гарпунам с треугольным основанием, типичным для культуры бромме-лингби, из центральной Скании получены более молодые радиоуглеродные даты: 8360±90 BP (OxA-2789) и 8610±90 BP (OxA-2792). Л. Ларсон (Larsson, 1996) полагает, что такие формы могли существовать на территории южной Швеции довольно длительное время. Таким образом, если исходить из радиоуглеродных датировок, то получается, что культурные традиции бромме на исконной территории сохранялись более трех тысячелетий. Несмотря на выявленные миграции на юг и восток часть населения культуры бромме оставалась на своих исконных землях. Определение возраста данными естественно-научных дисциплин пока единичны (табл. 4) как единичны и исследованные раскопками стоянки. По А. Фишеру их всего 23 (Fischer, 1991, fig 11.5). Большое количество пунктов бромме на карте Дании объясняется тем, что были отмечены подъемные местонахождения наконечников стрел (Fischer, 1991, fig 11.4). На территории

Восточной Европы Л. Л. Зализняком (Зализняк, 1989; Зализняк, 2005) также картографированы местонахождения, без культурного слоя.

Картографирование памятников культурной традиции бромме (технокомплекса) позволяет выделить восемь локальных объединений, проблема одновременности существования которых составляет отдельный вопрос.

1. В. Тауте (Taute, 1968), используя материалы, накопленные более чем за двадцатилетний период исследования стоянок этой индустрии выделил классическую группу памятников культуры бромме-лингби (Дания, юг Швеции, Шлезвиг-Гольштейн) — основной ареал распространения культуры и южную ее группу в Северной Германии.

Л. Ларсоном (Larsson, 1996), по материалам памятников культуры бромме в Швеции, было выявлено несколько волн миграции носителей этой культуры, связанные с трансгрессией моря.

2. До недавнего времени указывалось только на южное и восточное направления распространения этой культурной традиции. Сейчас можно считать установленным, что западным пределом распространения наконечника бромме, является Южная Англия (Roberts & Barton, 2000).

Выявленные в собраниях музейных коллекций, наконечники стрел, по мнению авторов, относятся к этому специфическому типу. Характер поселений и типологический контекст наконечников остается неизвестным.

3. Северогерманская группа памятников культуры бромме была отделена В. Тауте (Taute, 1968) от классической (Дания, юг Швеции, Шлезвиг-Гольштейн). Отличительной ее особенностью является сосуществование с культурой федермессер, что рассматривается как прямое свидетельство южного направления распространения населения культуры бромме в аллерёдское время с территории, сплошь занятой ее носителями, на территории, ранее заселенные населением иной культурной традиции.

На территории Дании, Германии Швеции в дриасе III культуру бромме сменяет аренсбургская, в которой исследователями отмечено сохранение традиций бромме-лингби в изготовлении орудий, что дало основания А. Русту (Rust, 1958) и вслед за ним В. Тауте (Taute, 1968) связать генезис аренсбургской культуры с бромме.

4. На территории Польши найдены стоянки, датируемые аллерёдом и младшим дриасом, культурная принадлежность которых определяется как бромме-лингби. Данные естественнонаучных дисциплин имеются только для стоянки Цаловане, слоя Va, раскоп III — 11770±160 (Gd-2882) и 11190±65 GrN-5410), при этом вторая дата считается наиболее приемлемой (Schild et al., 1999. P. 245). Специфика наконечников этой группы состоит в меньших размерах заготовки (рис. 3). Для наконечника типа бромме со стоянки Рьдно специфика проявляется в уменьшение толщины заготовки.

На северо-востоке Польши К.Шимчаком (Szymczak, 1999) выделена культура перстунинан, технокомплекса бромме, которая на следующем этапе в дриасе III трансформируется в волкушанскую культуру, территория которой охватывает юго-восток Балтики, включая, по его мнению, Литву, Белоруссию.

Восточные пути миграции культуры бромме-лингби выявлены на территории Белоруссии на р. Россь, где исследована стоянка-мастерская Красносельский-5 (Черняускі и др., 1996). Материалы последней дают полный комплекс инвентаря, аналогичный культуре бромме. Хронология памятника Красносельский-5 определена на основании сравнительно-типологического анализа. На стоянке Красносельский – 6 представлен материал, имеющий аналогии в аренсбургской культуре (Черняускі и др., 1996.С. 64), что может свидетельствовать о развитии броммийской традиции на данной территории во времени. Калечиц, Обуховский (Калечиц, Обуховский, 2004) материалы позднего этапа с традициями бромме в след за Шимчаком называют волкушанской культурой, материалы которой присутствуют в Белоруссии в микрорегионе Мотоль-17.

5–6. На специфику черешковых наконечников Понеманья и сходство их с формами бромме впервые обратила внимание Р. К. Римантене (Римантене, 1971), но определяла их принадлежащими «прибалтийскому мадлену». Пропорции наконечников Понеманья и Поднепровья отличны от западных аналогов: так же как и в Польше в большинстве своем массивность заготовок, колеблется около 5 мм. Несмотря на различия в деталях, памятники четвертой, пятой

и шестой групп представляют собой единую культурную провинцию внутри ареала бромме. Ее специфика, скорее всего, связывается с более поздней хронологической позицией. Р. К. Римантене (Римантене, 1978) была предложена типологическая классификация наконечников стрел, в том числе типа бромме-лингби. Много позже А. Бутримас и Т. Остраускас (Butrimas, Ostrauskas, 1999) обосновали принадлежность черешковых наконечников к разным культурам.

7. Южная граница распространения технокомплекса проходит по территории Украины, где к бромме-лингби Л. Л. Зализняк (Зализняк, 1989, Залізняк, 1999, 2005, 2009) относит 12 наконечников стрел из разных местонахождений. Появление их в Украинском Полесье он связывает с миграцией культуры бромме-лингби, которая прошла в развитии несколько стадий: красносельская Е (дриас III), песочноровская (пребореал, бореал), типа Студенок (атлантикум) (Зализняк, 2005. С. 44; 101). Хронология материала была определена на основании сравнительно-типологического анализа. Красносельская культура была выделена по инвентарю (2145 экз.) из волинского кремня серого цвета из скопления Е (Красноселье Е), где материал был собран на площади 9×6 м, культурный слой отсутствовал. Типологически были выделены коллекции на других памятниках и отнесены к красносельской культуре, инвентарь которых характеризуется признаками присущими бромме-лингби — получение пластин в технике жесткого отбойника, во вторичной обработке — краевая дорсальная ретушь.

8. Восточная граница бромме проходит по территории Волговерховья, где, выявлены материалы подольской культуры, существовавшей в аллерёде-дриасе III (Сеницына и др., 1997; Сеницына, 2000; 2003; 2008), соотносимой с технокомплексом бромме-лингби. Это стоянки расположенные на северном берегу озера Волго в Тверской области (рис. 1): Баранова гора, Подол III/1, Подол III/2 (Сеницына, 1996), на которых установлено наличие колонки геологических отложений, начиная с конца бёллинга. Значение этих разрезов, включающих отложения бёллинга, дриаса среднего, аллерёда, дриаса младшего и пребореала, усиливается тем, что их возраст, первоначально установленный спорово-пыльцевым методом, был подтвержден данными палеомагнитного и геохимического анализов (Сеницына и др., статья в настоящем сборнике) - и коррелируется с результатами сравнительно-типологического анализа материальной культуры. Важно отметить, что образцы на палеомагнитный анализ, где выявлен экскурс гётенбург, были отобраны из культурного слоя, который сохранился небольшими линзами, что дает дополнительные основания, предполагать аллерёдский возраст первого этапа заселения стоянки Подол III/1 (Гуськова и др., 2006).

Компактное расположение стоянок на Верхней Волге, хронологическая близость (аллерёд-дриас III), своеобразие инвентаря позволили объединить их в археологическую культуру, по самому древнему памятнику Подол III/1 названную подольской. На основании данных естественнонаучных методов и сравнительно-типологического анализа материалов стоянок Подол III/1 и Подол III/2 прослежено два уровня обитания одной культурной традиции. Первый этап заселения приходился на период, возможно, с конца аллерёда, второй, фиксируется на стоянке Подол III/2, где выявлен культурный слой дриаса III с материальной культурой в конусе выноса селевого потока. Заключительным этапом дриаса III датирована стоянка Усть-Тудовка I, расположенная в Ржевском районе Тверской области на правом берегу Волги и левом берегу р. Тудовки (Спиридонова, Алешинская, 1996). К подольской культуре были отнесены стоянки Баранова гора (аллерёдский слой) (Сеницына, 2000), Тёплый ручей 2 (Мирецкий, 2007), Троицкое 3 (Ланцев, Мирецкий, 1996) и Усть-Тудовка 1 (Жилин, Кравцов, 1991), Ростиславль (Трусов, 2004, С. 42-52). Из семи стоянок подольской культуры четыре имеют естественнонаучные характеристики. Спорово-пыльцевые диаграммы имеются для стоянок Подол III/1, Подол III/2, Баранова гора, Усть-Тудовка 1.

На территории северо-запада Русской равнины все памятники технокомплекса бромме-лингби связаны с территорией богатой кремневым сырьем и представлены стоянками-мастерскими в Белоруссии на р. Россь (Черняускі и др., 1996) и на Верхней Волге (материалы подольской культуры) (Сеницына, 2000, 2006). Площадь стоянок варьирует в пределах 50 кв. м. Скорее всего, это были места кратковременных стойбищ с легкими наземными жилищами, где были источники кремневого сырья и воды.

Сырьем для изготовления орудий служила местная кремнистая порода светло-серого цвета в виде желвачных плиток крупного размера. Важно отметить, что из него были изготовлены почти все орудия этого комплекса, включая наконечники стрел (рис. 4: 1–7). Набор инвентаря аналогичен технокомплексу бромме, кроме наконечников стрел в коллекции присутствуют резцы (рис. 4: 8–12), скребки (рис. 4: 13–17), скребла (рис. 4: 19–20), единичными экземплярами представлены проколка (рис. 4: 18), тесла (рис. 4: 22, 23), одно из них с перехватом. Технология расщепления жестким отбойником характерна для обоих периодов (Sinitsyna, 2008). Основной тип заготовки: пластины, полученные в технике жесткого отбойника длиной 6–8 см, шириной 2–2.5 см и толщиной до 1 см. Конусовидные и призматические нуклеусы представлены как остаточными формами (рис. 4: 24–25), так и в начальной стадии расщепления (рис. 4: 26).

Второй хронологический этап в развитии подольской культуры представлен материалом стоянки Подол III/2 из заполнения ямы, образованной конусом выноса селевого потока. Орудия из отложений ямы представлены черешковыми наконечниками стрел (рис. 5: 1, 2, 3) на пластинах, полученных в технике жесткого отбойника, скребками (рис. 5: 6, 7). Для подольской культуры впервые появляются укороченные формы наконечников стрел (рис. 5: 1), напоминающие косолезвийные формы, широко распространенные в более позднее время. Сырье становится разнообразным, а пластины имеют размеры длиной около 5 см, шириной 1,5–2 см, толщиной в пределах 0,5–0,7 см (рис. 5: 5, 9). Первичные сколы треугольного сечения, более массивны, их толщина составляет 1–1,5 см. (рис. 5: 8, 12). Одной из характерных черт заготовки этого периода является наличие асимметрии в сечении заготовки (рис. 5: 5, 10). Использование жесткого отбойника определяется характерными признаками: наличием ударного бугорка с микроотщепком (рис. 5: 10), размерной ударной площадкой, глубокими негативами на остаточных формах нуклеусов (рис. 5: 11). Нуклеусы представлены конусовидными и призматическими формами (рис. 5: 13, 14, 18). В заполнении ямы имеются фрагменты нуклеусов, к которым подбираются отщепы (рис. 5: 15, 16, 17, 19, 20). Техника расщепления по материалам из заполнения конуса выноса селевого потока (дриас III) представлена тремя вариациями: жесткого, мягкого отбойника (рис. 5: 16–20) и отжима, судя по патинированной пластинке розового кремня (рис. 5: 4). Наличие последней трудно объяснимо, скорее всего, она была вовлечена в селевой поток.

Заключительный этап подольской культуры характеризуется материалами стоянки Усть-Тудовка 1 (Жилин, Кравцов, 1991), возраст отложений которой определен спорово-пыльцевым методом (Спиридонова, Алёшинская, 1999) и согласуется с данными сравнительно-типологического анализа.

На территории Волжского бассейна выявлены те же самые закономерности эволюции инвентаря, что и для всего круга культур с наконечниками бромме: в самом общем виде — уменьшение размера заготовок за счет распространения техники расщепления мягким отбойником и увеличения разнообразия форм орудий. В дриасе III почти на всей территории распространения технокомплекса бромме-лингби выявлены памятники в материальной культуре которых сохранены традиции бромме в изготовлении орудий. На исконной территории бромме это аренбургская культура, на р. Россь в Белоруссии к аренбургской культуре отнесена стоянка-мастерская Красносельский 6, расположенная неподалеку от стоянки-мастерской Красносельская 5, культурная принадлежность последней определена как бромме-лингби. На территории Польши, Белоруссии, Литвы традиции бромме выявлены в волкушанской культуре, в Украине — красносельской Е. То есть, на всех освоенных территориях эволюция бромме имела однородный характер и одинаковую направленность в развитии и, скорее всего, развитие шло одинаковыми темпами.

Столь широкое территориальное распространение культур с черешковыми наконечниками стрел Северной и Восточной Европы Л. Л. Зализняк (1989. С. 164) объясняет «благоприятными условиями для охоты на северного оленя, что явилось причиной миграций из Ютландии населения культуры Лингби».

Слабой стороной в этой аргументации является отсутствие палеофауны на стоянках технокомплекса бромме-лингби восточноевропейской территории. В силу специфики отложений данного периода она не сохранилась. Одним из свидетельств прямой миграции могло бы быть приносное сырье с других, предположительно, западных территорий, но таких свидетельств

нигде не установлено, напротив все исследованные памятники привязаны к местным сырьевым источникам (Сеницына, 2006).

Однако сходство инвентаря памятников подольской культуры и всего технокомплекса бромме, его редуцированный, обедненный характер, являются свидетельством мобильности населения, уменьшением групп населения, ведущих совместное хозяйство. В бассейне Верхней Волги технокомплексу бромме (подольской культуре) предшествовали как минимум два уровня обитания, что зафиксировано по материалам стоянки Баранова гора. Здесь единой линии развития не прослеживается, напротив выявлена смена верхнепалеолитических традиций новыми технологиями, что является подтверждением миграционного характера формирования культур в верхневолжском регионе. Другими словами носители традиции культуры бромме приходили не на пустое место. Все эти данные позволяют разделить мнение Л. Л. Зализняка о миграционных процессах с западных территорий в приледниковой зоне Европы.

По материалам стоянки Баранова гора можно предположить, что граветтская традиция позднего палеолита была прервана.

Материал из отложений бёллинга Барановой горы приурочен к гумусированным мало-мощным, небольшого размера, пятнам расплывчатых очертаний. Спорово-пыльцевой спектр этих отложений отражает ксерофитную перигляциальную фазу развития растительности с господством ели и сосны, скорее всего, отвечая заключительным фазам развития валдайского оледенения и характеризуя конечный этап межстадиала бёллинг (Сеницына и др., 2009).

Фаунистические остатки представлены мелкими кальцинированными фрагментами.

Коллекция кремневого инвентаря, происходящая из отложений бёллинга, немногочисленна. В основе техники первичного расщепления лежит получение широкой пластины и микропластинки. Четыре фрагмента микропластинок изготовлены из одного вида кремня и имеют стандартные размеры: длина 2.2 см, ширина 0.5–0.7 см (рис. 6: 14, 15, 16, 17). Скорее всего, они являются вкладышами одного орудия. В коллекции представлены сработанные формы призматических двуплощадочных и конусовидных нуклеусов (рис. 6: 23). Кроме традиционных орудий, таких как концевые скребки на широких пластинах (рис. 6: 22), в инвентаре присутствуют специфические формы: долотовидные орудия на пластинах (рис. 6: 20, 21), лезвия которых оформлены подтеской и поперечно ориентированным резцовым сколом на дистальных концах заготовки, вентральные скребки и скребла с приостренным лезвием (рис. 6: 24, 25). Наиболее выразительна двулезвийная проколка (рис. 6: 19) на массивном сколе. Короткие жальца ее, выделенные выемками, расположены на противоположных углах заготовки, по диагонали относительно друг друга. В инвентаре стоянки присутствуют комбинированное орудие: скребок с угловыми резцами (рис. 6: 18). Два последних типа изделий характерны для культур позднего палеолита. В целом, коллекция кремневого инвентаря из отложений бёллинга стоянки Баранова гора свидетельствует о сохранении традиций позднепалеолитических культур Русской равнины.

Предшествующий подольской культуре эпизод заселения стоянки связан со временем дриаса II, представленным археологическим материалом типа Акулово из гумусированных прерывистых линз, расположенных на участке ниже по склону от участка с отложениями бёллинга. По Е. А. Спиридоновой (Сеницына и др., 2009) в это время наряду с открытыми пространствами существовали небольшие перелески из березы и сосны с элементами перигляциальной флоры. Фаунистические остатки представлены мелкими кальцинированными фрагментами костей. Коллекция археологического материала выразительна по составу орудий, технике расщепления и четко отличается от материалов нижележащих (бёллинг) и выше лежащих (аллеред) отложений. Отличия прослеживаются по типу используемого кремня (моносырьевая база), по размерам заготовки, а также по технике вторичной обработки и типологии орудий. Расщепление кремня проводилось на стоянке, о чем свидетельствуют состав коллекции: отбойники, ретушеры, первичные отщепы (97% находок связано с расщеплением кремня). Нуклеусы представлены торцовыми и плосковыпуклыми призматическими формами (рис. 6: 5, 8). С них получали пластинки длиной от 9 см (в начальной стадии расщепления) до 3.5 см (рис. 6: 2). Основным типом заготовки является мелкая пластинка длиной около 3 см, шириной 1 см и толщиной 0.2 см. Судя по характеру заготовки, здесь применялся мягкий от-

бойник и прием шлифовки карниза. В коллекции присутствуют песчаниковые отбойники и гальки с шлифованными плоскостями. Типологический состав коллекции является выразительным и резко отличается от инвентаря культурного слоя предшествующего периода. Наряду с единственным наконечником стрелы с асимметричным коротким приостренным черешком, подработанным плоской вентральной ретушью (рис. 6: 1), здесь найдены резцы (2 экз.) — двугранный и поперечнолезвийный (рис. 6: 3, 4). Своеобразие инвентарю придают специфические формы скребел и микротесел. Скребла (14 экз.) имеют зубчатые лезвия, оформленные ступенчатой дорсальной ретушью с широким охватом заготовки (рис. 6: 9). Для многолезвийных скребел характерно схождение лезвий под острым углом (рис. 6: 6). Тёсла (5 экз.) отличаются мелкими размерами (от 3 до 7 см) и бифасиальной обработкой (рис. 6: 10, 11). Отличительной их чертой является наличие продольного обушка, оформленного крутой ретушью (рис. 6: 12, 13). Единичным предметом представлена проколка на кремневом осколке, асимметричное клювовидное жальце которой оформлено крутой краевой ретушью.

Типологический состав кремневого инвентаря из отложений дриаса II стоянки Баранова гора имеет аналогии в материалах стоянки Акулово, расположенной на озере Удомля в Тверской области. В. В. Сидоров (Сидоров, 1996), исследовавший стоянку Акулово, определяет ее возраст в пределах 15–13 тыс. лет назад на основании уровня залегания в отложениях аллювия верхней озерной террасы. Радиоуглеродную дату 9990 ± 70 л. н., полученную по углю из аллювия этой террасы, он считает омоложенной. Инвентарь стоянки Акулово и материалы из отложений дриаса II Барановой горы сопоставимы по технике плоско-торцового расщепления, характеру получаемой заготовки, технике вторичной обработки и типологическому составу инвентаря.

Сходство материальной культуры усиливает моносырьевая база. Весь инвентарь стоянки Акулово изготовлен из белого окремненного известняка. Развитие акуловской традиции на протяжении нескольких тысячелетий от освоения приледникового озера до середины голоцена В. В. Сидоров (Сидоров, 1996; 2009) видит в материалах стоянок Юрьевская горка 1, Васильево 1 и Курово 4, а прародину связывает с палеолитом Енисея, афонтовской культурой. В качестве доказательства столь далеких аналогий автор (Сидоров, 1996. С.90) приводит количественные показатели таких орудий как «скребла, галечные и рубящие орудия, многосторонние скребки». Однако афонтовская культура характеризуется З.А. Абрамовой (Абрамова, 1979) качественно другими признаками как в технике расщепления так и во вторичной обработке инвентаря. Для афонтовской культуры характерно: галечные орудия, многообразие скребел (20 типов), скребков и микроскребков, долотовидных орудий в коллекциях до 20% от общего количества. В целом, это полностью другой инвентарь, резко отличный от акуловской коллекции. Всё это дает основания считать проблему генезиса памятников акуловской традиции открытой.

Таким образом, в бассейне верхней Волги на ранних этапах финального палеолита выявлена смена позднепалеолитических традиций новыми технологиями. В период аллерёда – дриаса III получила распространение технологии бромме-лингби, возраст которой подтвержден данными естественнонаучных дисциплин (Синецкина и др., статья в настоящем сборнике).

Для периода дриаса III характерна поликультурность. В это время существует свидерская культура, памятники которой в большом количестве представлены на территории Польши, Литвы, Белоруссии, Украины, но стоянки, датированные естественнонаучными методами пока единичны: Цаловане и Витув в Польше (Schild, 1975; Schild et al., 1999), Кабеляй II в Литве (Ostrauskas, 1999). Возраст их находится в пределах дриаса III и пребореала. На территории России свидерских памятников исследованных комплексно, пока не представлено. Возраст стоянки Лукашенки в бассейне Западной Двины, атрибутированной как свидерская стоянка определен сравнительно-типологическим анализом (Желтова, 2003), также как и Марьино IV в бассейне Шексны (Косорукова, 2000). Единственный фрагмент свидерского наконечника на стоянке Подол III/2, не имеет контекста. Он сделан из черного кремня и может быть датирован только по аналогии с другими памятниками (Синецкина, Кильдюшевский, 1996).

На Русской равнине, кроме культур, миграционного характера, присутствуют индустрии с эпиграветскими традициями. А. Н. Сорокин (Сорокин, 1987) развивает точку зрения об автохтон-

ном развитии рессетинской культуры, в основе которой лежит прототип индустрии Гагарино. М. Г. Жилин (Жилин, 2004) приводит материалы стоянки Заозерье 1, как пример сохранения граветтских традиций. Определение возраста Заозерье 1 основано на сравнительно-типологическом анализе инвентаря и по условиям залегания находок сопоставимых с материалами позднепалеолитических стоянок. Х. А. Амирханов (Амирханов, 2002, 2004) проводит две линии развития технологических традиций: граветтских широких пластин (пластины шириной 3–4 см и длиной до 10 см) – от материалов Зарайской стоянки через Трегубово, Колтово 7 до иеневской раннемезолитической культуры, и узких пластин – от ст. Карачарово, Шатрищи, Заозерье I до бутовской культуры. К числу автохтонных культур относится гренская культура, возраст которой в настоящее время подтвержден данными палеомагнитного анализа и геоморфологии.

Гренская культура

В бассейне верхнего Днепра по материалам многослойной стоянки Вышегора I выявлена единая линия развития материальной культуры. Решение дискуссионных вопросов о формировании культурных единиц, диффузных явлениях, миграциях зависит от возможности определения хронологической позиции материалов. Именно эта основная задача находится в стадии формирования источниковедческой базы. Хронологический разрыв между верхнепалеолитической и финальнопалеолитической индустриями является основным аргументом против признания автохтонных моделей формирования культур. С накоплением новых данных хронологический hiatus между верхним палеолитом и мезолитом постепенно заполняется. Несмотря на отсутствие данных естественнонаучных дисциплин, подтверждающих возраст памятников, В. Д. Будько (Будько, 1966, 1970; Будько, Вознячук, 1969), датировал среднюю группу гренской культуры временем не ранее бёллингского и не позднее аллерёдского интерстадиалов. В. Ф. Копытин (Копытин, 2000) связывал происхождение гренской культуры с верхнепалеолитической Мезинской индустрией.

Проблематика гренской культуры подробно изложена в статье А.В. Колосова (Колосов статья в настоящем сборнике). В данном случае важно отметить, что решение вопроса генезиса гренской культуры (Будько, Вознячук, 1969; Будько, 1966, 1970; Ксензов, 1994, 1999, 2006; Копытин, 1999, 2000) намечилось после успешного применения палеомагнитного метода датирования отложений на многослойной стоянке Вышегора I, расположенной в верховьях Днепра в Смоленской области.

Стоянки-мастерские в истоках Днепра в Смоленской области были открыты в 1929 году В. Р. Тарасенко. Им были собраны коллекции каменного инвентаря на распаханых полях близ д. Аносово. В последующие годы, вплоть до 1985 года здесь проводились только сборы материала. На основании аналогий Н. Н. Гурина датировала их позднем палеолитом — началом мезолита и отнесла к кругу стоянок прибалтийского мадлена (Гурина, 1972). В последующие годы работы в истоках Днепра были продолжены Валдайской экспедицией ИИМК РАН под руководством автора. Из восьми обследованных пунктов на обоих берегах Днепра (рис. 7А) наиболее перспективным оказалось местонахождение Вышегора I, где было установлено наличие шести литологических слоев (рис. 7Б), вмещающих находки каменного века (рис. 8). По мнению Ю. А. Лаврушина (Сеницына и др., 2012б) в районе стоянки Вышегора I обнаружен полигональный микрорельеф, который, следуя классификации мерзлотоведов, следует рассматривать как реликтовый. Стоянка Вышегора I расположена на плоском днище гляциодепрессии. Раскопками исследовано 150 кв. м (Сеницына, 1996, 2008; Сеницына и др., 2012а; 2012б). Под дерном и современной почвой (6 сл.) мощностью 10–20 см залегает серая слабо гумусированная супесь мощностью 15–45 см – отложения вторичного обводнения (сл. 5); ниже идет погребенная почва с экскурсом гётенбург, мощностью 10–14 см (сл. 4), представленная темно-серой слабо гумусированной супесью, верхняя граница её мелко вспученная, почва фиксирует осушение полигона. Находки в слоях 6–4 представлены большим количеством инвентаря и большей частью локализованы вдоль полигональной трещины, но каких-либо хозяйственных объектов здесь не выявлено. Под слоем погребенной почвы зафиксировано клиновидное в сечении углубление, шириной 2 метра, в заполнении которого присутствует маломощная почва светло-палевой супеси (слой 3), ниже которой углубление заполнено плотным коричневатом-

бурым суглинком, насыщенным включениями марганца (слой 2). Находки, приуроченные к слою палевой супеси были локализованы тремя скоплениями внутри полигональной трещины и на её бортах.

Принципиальное значение для определения возраста на этом памятнике имеет обнаруженный палеомагнитный экскурс в погребенной почве, слое 4 и местоположение — в полигональной трещине (Sinitsyna, 2012; Сеницына и др., 2012а; 2012б). Естественные углубления и укрытия часто использовались древним человеком: на мадленской стоянке Вильчице в Польше (Fiedorczuk J., Schild, 1999), археологический материал находился в вертикальном или наклонном положении, большей частью вблизи боковых ограничений клиновидного углубления. Аналогичная ситуация отмечена на стоянке песочноровской культуры Комягино 2б, материал которой находился в «плечах» морозобойной трещины (Сорокин, 1985; 1987; 2012. С. 197).

В настоящее время это пока единственный памятник, имеющий определения возраста, однако уже сейчас анализ его материальной культуры показывает четкое отличие от технокомплекса бромме-лингби, в котором В. П. Ксензов (Ксензов, 1994; 1999), Л. Л. Зализняк (Зализняк, 1989, 2005) видели истоки гренской культуры. Отличие прослежено по технике расщепления, по составу инвентаря, по которому можно очертить территорию распространения одной традиции по всему верхнему течению Днепра и его притоков, включая территорию Белоруссии, Литвы и Польши (Kozłowski, 2006; Обуховский, 2007). На основании определения возраста материалов стоянки Вышегора I, возраст гренской культуры должен быть пересмотрен в сторону удрежнения, поскольку первый этап заселения стоянки (материал слоя 3 на Вышегоре I) лежит под почвой с экскурсом и может быть датирован древнее аллерёдского интерстадиала.

Типологический анализ инвентаря всех слоев, свидетельствует о сохранении традиции в материальной культуре на протяжении всего периода существования стоянки. Техника расщепления кремня нижнего слоя 3 представлена конусовидными и двуплощадочными призматическими нуклеусами (рис. 8: 31, 34), с которых получали в основном пластинчатые заготовки в технике жесткого и мягкого отбойников с пришлифовкой карниза.

Материальная культура нижнего слоя Вышегоры I имеет свою специфику в инвентаре, что проявляется в первую очередь в морфологии наконечников стрел, аналогии которым известны в материалах Понеманья (рис. 8: 18). Черешковые и поперечнолезвийные формы наконечников здесь сосуществовали. Единичные формы геометрических микролитов трапециевидной и сегментовидной формы представлены в коллекциях верхнепалеолитических стоянок: Мезин, Тимоновка I, Юдиново (Г. В. Григорьева — статья в настоящем сборнике). В более поздние периоды эти формы получили широкое развитие в ряде финальнопалеолитических культур автохтонного происхождения: гренской, песочноровской. Характер материальной культуры не противоречит определению возраста.

Количественно резцы доминируют в коллекции нижнего слоя, и представлены различными типами: поперечные (рис. 8: 24), боковые (рис. 8: 25), двугранные (рис. 8: 26), угловые (рис. 8: 30) и многофасеточные (рис. 8: 27). Кроме резцов, здесь присутствуют скребки на пластинах, включая двойные (рис. 8: 32, 36), и скребла на отщепках (рис. 8: 29, 33, 35). Своеобразие коллекции придает наличие проколов на пластинках и пластинах (рис. 8: 21, 22, 23) и большое количество скобелей (рис. 8: 28).

В слое погребенной почвы инвентарь залегал вдоль полигональной трещины и по типологическому составу был близок материалам из нижележащего слоя, но здесь увеличивается количество топоров с перехватом (рис. 8: 17). В коллекции присутствуют конусовидные и торцовые нуклеусы (рис. 8: 13, 15), с которых получали призматические пластинки (рис. 8: 16). В количественном соотношении в слое погребенной почвы также преобладают отходы производства (97,5%), скребки и резцы представлены равным количеством. Скребки - в основном концевые на пластинах (рис. 8: 14). Наконечники стрел выполнены на пластинах и пластинчатых отщепках (рис. 8: 8, 9, 10, 11, 12) и представлены разнообразными типами: прибалтийскими (рис. 8: 8), гренскими (рис. 8: 11), поперечнолезвийными (рис. 8: 10).

В вышележащем слое, который подразделен на слои 5 и 6 (современную почву) находки мало отличались от инвентаря из нижележащего слоя. Здесь был найден черешковый наконеч-

ник стрелы на пластине, с треугольным выступом на боковой стороне (рис. 8: 1), так называемая «плечиковая» форма, характерная для гамбургской культуры. Аналогичная форма присутствует в материалах Мезинской стоянки (Шовкопляс, 1965). В целом состав инвентаря повторяет набор из слоя погребенной почвы. Здесь также присутствуют боковые и поперечные резцы (рис. 8: 3, 4), но меняется количественный состав — концевые скребки на пластинах (рис. 8: 5) и на отщепах (рис. 8: 6, 7) составляют большинство орудий. Свообразие комплексу придают орудия типа «метчика» (рис. 8: 2) и скребка со скошенным лезвием (рис. 8: 6).

Аналогии инвентарю, особенно наконечникам стрел, имеются в близ расположенных аносовских стоянках-мастерских, при этом, в местонахождении Аносово I в коллекции присутствует наконечник типа бромме-лингби. Здесь важно отметить, что в коллекции стоянки Вышегора I подобных наконечников нет. Единственная форма из 3 слоя (рис. 10: 18) по конфигурации напоминающая тип бромме не может быть отнесена к формам данной культуры, поскольку выполнена на пластинке, полученной в технике мягкого отбойника, и размеры наконечника не соответствуют стандартам наконечников типа бромме (рис. 10: 1). Как тип, наконечник бромме-лингби описан в 1936 г. Г. Кларком (G. Clark, 1936. С.215). Наконечниками стрел лингби считаются крупные изделия на грубых пластинчатых заготовках с круторетушированными по краю широкими подпрямоугольными или заостренными черешками без подтески с брюшка. Более точное определение дано А. Фишером (Fischer, 1985. С.87). Наконечниками собственно культуры бромме принято считать позднепалеолитические формы (рис. 9А), чьи признаки соответствуют следующим критериям (рис. 9А: 1) дорсальная ретушь с двух краев черешка, которая расположена по обоим сторонам от ударного бугорка и, возможно, частичное ретуширование острия; 2) разница протяженности одного ретушированного края черешка (x) и другого (y) не превышает 1.5; 3) длина наконечника не может превышать длину черешка больше, чем в четыре раза и не может быть меньше, чем в два раза; 4) заготовка наконечника бромме должна быть получена с помощью твердого отбойника; 5) если не может быть установлено действие твердого отбойника, то длина должна быть как минимум 8 см, ширина как минимум 2.2 см, а вес в пределах 6,5 грамм. Если же отщеп был снят жестким отбойником, то длина должна варьировать на уровне 6 см.

Учитывая признаки, предложенные А. Фишером, аносовские формы наконечников стрел отличаются от бромме-лингби. В плане они скорее напоминают параллелограмм (рис. 9Б: 1) или ромб, при этом ударный бугорок снят ретушью (рис. 9Б: 2) или вообще расположен у пера и только единственная форма из сборов на Аносово I действительно может быть отнесена к типу бромме-лингби (рис. 9Б: 5). В данном случае важно установить хронологическую последовательность стоянок-мастерских в верховьях Днепра, поскольку памятники с наконечниками бромме-лингби всегда считались наиболее древними. Аносовским наконечникам аналогии имеются в материалах стоянки-мастерской Ладыжино 3, которую в предыдущих работах автор (Сеницына, 2008) относил к подольской культуре, на основании характера получаемых заготовок в технике жесткого отбойника. Однако вторичная обработка для ладыжинских наконечников, напротив, аналогична аносовским — в плане это формы параллелограмма или ромба, ретушью снят ударный бугорок (рис. 9: 6, 7). Хронология Ладыжино3 определена на основании спорово-пыльцевого метода временем дриаса III. Возможно, аносовские мастерские также могут быть датированы этим периодом и могут представлять следующий этап развития материальной культуры. Материалы нижнего слоя 3 стоянки Вышегора I, относятся к древнему этапу заселения Верхнеднепровского региона.

Типологическая характеристика наконечников стрел гренского типа дана в работе В. Обуховского (Обуховский, 2007), где показана обширная территория их распространения от верховьев Днепра до Вислы (Обуховский, 2007; S.Kozłowski, 2006). По наконечникам стрел стоянки Вышегора I может быть предложена их хронологическая последовательность на основании стратиграфии памятника (рис. 10).

Первые определения естественнонаучными методами хронологии стоянок финального палеолита северо-запада Восточной Европы, показывают, что существующие хронологические схемы культур позднеледниковья нуждаются в корректировке. Анализ материальной культуры в бассейне верхнего Днепра позволяет предполагать непрерывное развитие материальной куль-

туры, а также её более древний возраст по отношению к бромме. Следовательно, вопросы генезиса ряда культурных образований на основе бромме-лингби: гренской, песочноровской и других, также должны быть пересмотрены.

В целом, современное состояние проблемы заселения области верховьев Волги и Днепра на рубеже плейстоцена-голоцена, определяется состоянием источниковедческой базы. Накопленный археологический материал, и немногочисленные естественнонаучные данные, свидетельствуют о различных влияниях, обусловивших специфику материальной культуры населения этих территорий. В бассейне Верхней Волги на ранних этапах выявлена культурная прерывистость. В эпоху аллереда - раннего дриаса в Волговерховье сформировалась подольская культура традиции бромме-лингби, адаптированная к местным условиям и прошедшая несколько стадий развития. В бассейне Верхнего Днепра, прослеживается однолинейная эволюция гренской культуры эпиграветтской традиции, начиная как минимум с дриаса II.

Литература.

- Абрамова З. А.* Палеолит Енисея. Афонтовская культура. Новосибирск, 1979
- Амирханов Х. А.* Восточнограветтские технологические элементы в материалах поздней поры верхнего палеолита Поочья // Верхний палеолит – верхний плейстоцен. Динамика природных событий и периодизация археологических культур. СПб., 2002.
- Амирханов Х. А.* Восточнограветтские элементы в культурном субстрате волго-окского мезолита. // Проблемы каменного века Русской равнины. М., 2004.
- Бозинский Г.* Переход от мадлена к азилю как результат изменения окружающей среды (по материалам долины Рейна) // Развитие культуры в каменном веке. Краткое содержание докладов на Международной конференции, посвященной 100-летию Отдела археологии МАЭ. Санкт-Петербург, 1997.
- Будько В. Д.* Памятники свидеро-гренской культуры на территории Белоруссии. МИА. №126. «Наука», М.-Л., 1966.
- Будько В. Д.* Палеолит. Очерки по археологии Белоруссии. Наука и техника. Минск, 1970
- Будько В. Д., Вознячук Л. Н.* Палеолит Белоруссии и смежных территорий. Древности Белоруссии. Минск, 1969.
- Величко А. А., Грехова Л. В., Губонина З. П.* Среда обитания первобытного человека Тимоновских стоянок. М. 1977.
- Галимова М.Ш.* Памятники позднего палеолита и мезолита в устье реки Камы. Москва-Казань, 2001.
- Грехова Л. В.* Археологический аспект радиоуглеродных дат стоянки Тимоновка 1 // Исторический музей – энциклопедия отечественной истории и культуры. Труды ГИМ, вып. 103. М. 1999.
- Григорьева. Г. В.* Верхнепалеолитические памятники Среднего Поднепровья маденского времени. 2013. (Статья в настоящем сборнике)
- Гурина Н. Н.* Кремнеобрабатывающая мастерская в верховьях р. Днепра // Палеолит и неолит СССР. МИА № 185. , Т.VII . Изд-во «Наука» Л, 1972.
- Гуськова Е. Г., Распопов О. М., Иосифиди А. Г., Сеницына Г. В., Сеницын А. А.* Палеомагнитные исследования отложений многослойной стоянки Подол III/1 на озере Волго в Тверской области // ТАС. Вып. 6. Тверь, 2006.
- Ефименко П. П., Борисковский П. И.* Палеолитическая стоянка Боршево 2 // МИА, № 39. Л., 1953.
- Желтова М. Н.* Кремневые индустрии памятников финального палеолита и мезолита бассейна реки Усвячи // Древности Подвинья: исторический аспект. СПб., 2003
- Жилин М. Г.* Мезолит Волго-Окского междуречья: некоторые итоги изучения за последние годы // Проблемы каменного века Русской равнины. М. 2004.
- Жилин М. Г., Кольцов Л. В.* Финальный палеолит лесной зоны Европы (культурное своеобразие и адаптация). М., 2008. 313 с.
- Жилин М. Г., Кравцов А. Е.* Ранний комплекс стоянки Усть-Тудовка I // Археология Верхнего Поволжья. Материалы к Своду памятников истории и культуры РСФСР. – Нижний Новгород, 1991.
- Зализняк Л. Л.* Охотники на северного оленя Украинского Полесья эпохи финального палеолита. Киев, 1989.
- Зализняк Л. Л.* Передісторія України X–V тис. до н.е. Київ, 1998.

- Залізняк Л. Л. Фінальний палеоліт північного заходу Східної Європи (Культурний поділ і періодизація). Київ, 1999.
- Залізняк Л. Л. Фінальний палеоліт і мезоліт континентальної України. // Кам'яна доба України. Вип.8. Київ, 2005.
- Залізняк Л. Л. Мезоліт заходу Східної Європи // Кам'яна доба України. Вип.12. Київ, 2009.
- Калечиц Е. Г., Обуховский В. С. Этапы заселения Мотольского микрорегиона в каменном и бронзовом веках: по материалам поселения Мотоль-17 // Lietuvos Archeologia. T.25, Vilnius, 2004.
- Колосов А. В. Финальный палеолит и мезолит Белорусского доба . // Русский сборник Выпуск 4. (Труды кафедры отечественной истории древности и средневековья Брянского гос. университета им. акад. И.Г. Петровского, вып.9). Брянск, 2008.
- Колосов А.В. О заселении бассейна р. Сож в позднеледниковое время.2013. (Статья в настоящем сборнике)
- Кольцов Л. В. О первоначальном заселении Тверского Поволжья // Тверской археологический сборник. Вып. 1. Тверь. 1994.
- Кольцов Л. В. О некоторых элементах финального палеолита в Восточной Европе (лесная и лесостепная зоны)// Поздний палеолит Десны и Среднего Дона: хронология, культурогенез, антропология. Воронеж. 2005.
- Копытин В.Ф. Финальный палеолит и мезолит Верхнего Поднепровья. // Tanged points cultures in Europe in Europe. Lublin, 1999.
- Копытин В.Ф. У истоков гренской культуры. Боровка. Могилев, 2000.
- Косорукова Н.В. Мезолитические памятники в бассейне р.Шексны. // Тверской археологический сборник. Вып.4. Т.1. Тверь, 2000.
- Кравцов А. Е. К хронологии бутовской и иеневской мезолитических культур // СА № 2. М.,1991.
- Кравцов А. Е. К вопросу о генезисе иеневской культуры // Тверской археологический сборник. Вып 3. Тверь, 1998.
- Кравцов А.Е. Исследования на памятниках иеневской культуры (финальный палеолит – мезолит Волго-Окского бассейна) // Археологические открытия 1991 – 2004 гг. Европейская Россия. М., 2009.
- Кравцов А. Е., Коннов С. Б. Стоянка Ладыжино 3 (предварительные результаты исследований 1999 и 2000 гг.) //ТАС. Вып. 5. Тверь, 2002.
- Ксензов В. П. Мезолитические культуры Белорусского Подвинья и Поднепровья // Автореферат диссертации на соискание учен. степ. докт. истор. наук. Минск, 1994.
- Ксензов В. П. Новые памятники гренской культуры в Белорусском Поднепровье // Tanged Points Cultures in Europe. Lublin, 1999.
- Ксензов В. П. Мезолит Северной и Центральной Беларуси // Матэрыялы па археалогіі Беларусі . №13 Мінск, 2006.
- Лаврушин Ю. А., Спиридонова Е. А., Холмовой Г. В. Календарно-событийная стратиграфия позднего неоплейстоцена // Третье Всероссийское совещание по изучению четвертичного периода. Т.1. Смоленск, 2002 .
- Ланцев А. П., Мирецкий А. В. Стоянка Троицкое 3 - один из древнейших памятников Тверского Поволжья // ТАС. Вып. 2. Тверь, 1996.
- Леонова Е. В. К проблеме археологического содержания иеневской культуры Волго-Окского бассейна // Проблемы археологии каменного века (к юбилею М.Д. Гвоздовер). М. 2007
- Маркова А. К., ван Кольфсхотен Т., Бохнке Ш., Косинцев П. А., Мол И., Пузаченко А. Ю., Симакова А. Н., Смирнов Н. Г., Верпоорте А., Головачев И. Б. Эволюция экосистем Европы при переходе от плейстоцена к голоцену (24-8 тыс. л.н.) Коллективная монография. Отв. ред. А.К. Маркова, Т. Ван Кольфсхотен). М., 2008.
- Маркова А. К., Пузаченко А. Ю. Комплексы млекопитающих межстадиальных потеплений бёллинг-аллерёд (Bølling-Allerød Interstadial Complex – BAIC) (<12,4 - >=10.9 тыс. л.н.) // Эволюция экосистем Европы при переходе от плейстоцена к голоцену (24–8 тыс. л. н.) Коллективная монография. Отв. ред. А. К. Маркова, Т. ван Кольфсхотен). М., 2008..
- Мирецкий А. В. Финальнопалеолитическая стоянка Теплый ручей на Верхней Волге // Своеобразие и особенности адаптации культур лесной зоны Северной Евразии в финальном плейстоцене – раннем голоцене. М., 2007.

- Обуховский В. С. «Гренский след» в финальном палеолите междуречья Немана, Припяти и Вислы // Романовские чтения-3: сборник трудов Международной научной конференции (Могилёв, 23–24 ноября 2006 г.). Могилев, 2007.
- Римантене Р. К. Палеолит и мезолит Литвы. Вильнюс, 1971.
- Римантене Р. К. Типология палеолитических и мезолитических наконечников Прибалтики // Орудия каменного века. Киев, 1978.
- Сидоров В. В. 1996. Мезолит бассейна р. Съежи // ТАС. Вып. 2. Тверь, 1996.
- Сидоров В. В. Реконструкции в первобытной археологии. М., 2009.
- Сеницын А. А. Радиоуглеродная хронология палеолита Восточной Европы и Северной Азии. Проблемы и перспективы (15 лет спустя) (в печати).
- Сеницына Г. В. Исследование финальнопалеолитических памятников в Тверской и Смоленской областях // Археологические изыскания ИИМК РАН. Вып. 39. СПб., 1996.
- Сеницына Г. В. Финальный палеолит и ранний мезолит – этапы развития материальной культуры на верхней Волги // ТАС. Вып. 4, Т. 1. Тверь, 2000.
- Сеницына Г. В. Традиции лингби в материалах финальнопалеолитических стоянок верховьев Волги и Днепра // Древности Подвинья: исторический аспект. СПб., 2003.
- Сеницына Г. В. Сырье – как показатель определения возраста стоянок каменного века Валдая. Археологические Вести. Вып. 13. СПб., 2006.
- Сеницына Г. В. Заселение валдайской возвышенности на рубеже плейстоцена и голоцена // Пусть на север. Окружающая среда и самые ранние обитатели Арктики и Субарктики. М., 2008.
- Сеницына Г. В., Гуськова Е. Г., Распопов О. М., Иосифиди А. Г. О хронологии материалов многослойной стоянки финального палеолита Вышегора I в истоках Днепра // Первобытные древности Евразии. К 60-летию Алексея Николаевича Сорокина. М., 2012а.
- Сеницына Г. В., Гуськова Е. Г., Распопов О. М., Иосифиди А. Г., Кулькова М. А. Проблемы хронологии памятников рубежа плейстоцена – начала голоцена Северо-запада Русской равнины (статья в настоящем сборнике).
- Сеницына Г. В., Кильдюшевский В. И. Хронологические комплексы археологического памятника Подол III // ТАС. Вып. 2. Тверь, 1996
- Сеницына Г. В., Колокольцев В. Г. Кремневое сырье в материалах стоянки финального палеолита Вышегора I в истоках Днепра // Актуальные проблемы социально-гуманитарных наук: сб. науч. тр. Междунар. науч.-практ. конф., посвященной 100-летию МГУ имени А. А. Кулешова, Могилев, 2013 г.
- Сеницына Г. В., Лаврушин Ю. А., Спиридонова Е. А. Археологические материалы в позднеледниковых отложениях на северном берегу озера Волго в Тверской области // Квартер 2005. Материалы IV Всероссийского совещания по изучению четвертичного периода. Сыктывкар, 2005.
- Сеницына Г. В., Лаврушин Ю. А., Спиридонова Е. А., Гуськова Е. Г., Распопов О. М., Иосифиди А. Г. О хронологии археологических материалов и возрасте вмещающих отложений многослойной стоянки Баранова Гора в Тверской области // ТАС. Вып. 7. Тверь, 2009.
- Сеницына Г. В., Лаврушин Ю. А., Спиридонова Е. А. Геоархеологические объекты финального палеолита: Баранова гора, Подол III/1, Вышегора I на великом водоразделе Волги и Днепра // Феномен геоархеологической многослойности Байкальской Сибири. 100 лет Байкальской научной археологии: материалы Всерос. науч. конф., посвящ. 100-летию со дня открытия Б. Э. Петри Улан-Хады. Евразия в кайнозое. Стратиграфия, палеоэкология, культуры. Вып. 1. Иркутск. 2012б.
- Сеницына Г. В., Спиридонова Е. А., Лаврушин Ю. А. Природная Среда и возможные миграции первобытного человека на рубеже плейстоцена-голоцена на севере Русской Равнины и Скандинавии // Первые Скандинавские чтения. Этнографические и культурно-исторические аспекты. СПб., 1997.
- Смирнов Н. Г. Комплексы млекопитающих позднего дриаса (Younger Dryas – YD) (<=10.9 - >10.2 тыс. л. н.) // Эволюция экосистем Европы при переходе от плейстоцена к голоцену (24–8 тыс. л. н.) Коллективная монография. Отв. ред. А. К. Маркова, Т. ван Кольфсхотен). М., 2008.
- Сорокин А. Н. Комягино 2Б – новый мезолитический памятник в бассейне р. Десны // Новые материалы по истории племен Восточной Европы в эпоху камня и бронзы. – Труды ГИМ. Вып. 60. М. 1985.
- Сорокин А. Н. Культурные различия в мезолите бассейна р. Ока. // КСИА. Вып. 189. М., 1987.

- Сорокин А. Н. Мезолит Волго-Окского бассейна // Проблемы каменного века Русской равнины. М., 2004
- Сорокин А. Н. Проблемы мезолитоведения. М. 2006.
- Сорокин А. Н. Финальный палеолит Центральной России: есть ли выход из тупика // Труды III(XIX) Всероссийского археологического съезда. Том 1. Великий Новгород – Старая Русса. Санкт-Петербург, Москва, Великий Новгород, 2011.
- Сорокин А. Н. Лепота избранного. М., 2012.
- Сорокин А. Н., Ошибкина С. В., Трусов А. В. На переломе эпох. М., 2009.
- Спиридонова Е. А., Алешинская А. С. Особенности формирования и структуры растительного покрова Волго-Окского междуречья в эпоху мезолита // ТАС. Вып. 2. Тверь, 1996.
- Спиридонова Е. А., Алешинская А. С. Опыт применения палинологического анализа для периодизации мезолита Волго-Окского междуречья // Исторический музей – энциклопедия отечественной истории и культуры. Труды ГИМ. Вып. 103. М., 1999.
- Трусов А. В. Палеолит бассейна Оки. М., 2011.
- Фаустова М. А. Ритмы дегляциации на рубеже позднеледниково-голоцен // Короткопериодные и резкие ландшафтно-климатические изменения за последние 15000 лет. М., 1994.
- Федюнин И. В. Мезолитические памятники Среднего Дона. Воронеж. 2006.
- Хотинский Н. А. Голоцен Северной Евразии. М., 1977.
- Цыганов Ю. Ю. Стоянка Борщево 2 и ее место в палеолите Восточной Европы. Автореф. на соиск. уч. ст. к.и.н. СПб., 1995.
- Чарняўскі М. М., Кудрашоў В. Я., Ліпніцкая В. Л. Старажытныя шахцёры на Росі. Мінск, 1996.
- Шовкопляс И. Г. Мезинская стоянка. Киев, 1965
- Andersen S. A survey of the late palaeolithic of Denmark and Southern Sweden // De la Loire a l'Oder. Les civilisations du Paléolithique final dans le nord-ouest européen / ed. M. Otte/. Actes du Colloque de Liège 1985, vol. II. British Archaeological Reports, International Series, 444(II). Oxford, 1988
- Bosinski G. Upper and Final Palaeolithic Settlement Patterens in the Rheneland, West Germany // Upper Pleistocene Prehistory of Western Eurasia. (ed. H.L. Dibble, A. Montet-White) 1987.
- Bosinski G. Homo sapiens. L'histoire des chasseurs du Paléolithique supérieur en Europe (40000-10000 avant J.-C.). Paris, 1990.
- Burdukiewicz J. M. Tanged Points in the Sudeten Foreland // Tanged Points Cultures in Europe Lublin, 1999.
- Butrimas A., Ostrauskas T. Tanged point cultures in Lithuania // Tanged Points Cultures in Europe. T. XIII. Lublin. 1999.
- Clarke D. L. Analytical Archaeology. London., 1968.
- Clark G. The Mesolithic Settlement in Northern Europe. Cambridge, 1936.
- Eriksen B.V. Regional Variation in Late Pleistocene Subsistence Strategies. Southern Scandinavian Reindeer Hunters in a European Context // Acta Archaeologica Ludensia. Series in 8, № 24. Stockholm, 1996.
- Fiedorczuk J. & Schild R. Wilczyce – a new late Magdalenian site in Poland // Recent studies in the Final Palaeolithic of the European plain. Edited by Berit Valentin Eriksen & Bodil Bratlund. Proceedings of a U.I.S.P.P. Symposium, Stockholm, 1999.
- Fischer A. Late Palaeolithic Finds // Archaeological Formation Processes. The Representativity of Archaeological Remains from Danish Prehistory. København, 1985.
- Fischer A. A Late Palaeolithic “School” of Flint-Knapping at Trollesgave, Denmark. Results from Refitting // Acta Archaeologica. Vol. 60. København, 1990.
- Fischer A. Pioneers in deglaciated Landscapes: the Expansion and adaptation of Late Palaeolithic societies in Southern Scandinavia // The Late Glacial in north-west Europe: Human Adaptation and Environmental Change at the End of the Pleistocene. Council for British Archaeology. Report № 77. Oxford, 1991.
- Fischer A. At the Border of Human Habitat. The Late Palaeolithic and Early Mesolithic in Scandinavia // L. Larsson (ed.) / The Earliest Settlement of Scandinavia and its Relationship with neighbouring Areas. AAL. Series in 8°. № 24. Stockholm, 1996.
- Fischer A., Nielsen F. O. S. Senistidens Boplads ved Bromme // Aarboger for Nordisk Oldkyndighed og Historie 1986. København, 1987.
- Hahn J. Federmesser // In A. Leroi-Gourhan. Dictionnaire de la Préhistoire. Paris, 1994.

- Hedges R. E. M., Housley R. A., Bronk Ramsey C., van Klinken G. J.* Radiocarbon dates from the Oxford AMS system: Archaeometry datelist 20 // *Archaeometry*, 1995, vol. 37, part 2. 1995.
- Holm J.* The Earliest Settlement of Denmark. The Earliest Settlement of Scandinavia and its relationship with neighbouring areas. In: *The Earliest Settlement of Scandinavia and its relationship with neighbouring areas* (ed. by L. Larsson). // *Acta Archaeologica Ludensia. Series in 80, № 24.* Stockholm, 1996.
- Kozłowski J. K.* La recolonisation tardiglaciaire et les changements culturels à la limite Pléistocène – Holocène sur la Grande Plaine // *Préhistoire de la Grande Plaine du Nord de l'Europe, Actes du Colloque Chaire Francqui interuniversitaire au titre étranger (Université de Liège, 26 juin 2001).* ERAUL 99. Liège, 2001.
- Kozłowski S. K.* Mapping the Central/East European terminal Palaeolithic/Early Mesolithic // *Archaeologia Baltica. T. 7.* Klaipėda, 2006.
- Larsson L.* The colonization of south Sweden during the deglaciation. In: *The Earliest Settlement of Scandinavia and its relationship with neighbouring areas* (ed. by L. Larsson) // *Acta Archaeologica Ludensia. Series in 80, № 24.* Stockholm, 1996.
- Madsen B.* 1996. Late Palaeolithic Cultures of South Scandinavia — Tools, Traditions and Technology. In: *The Earliest Settlement of Scandinavia and its relationship with neighbouring areas* (ed. by L. Larsson). // *Acta Archaeologica Ludensia. Series in 80, № 24.* Stockholm, 1996.
- Mathiassen Th.* *En senglacial Boplads ved Bromme.* Aarbøger for nordisk Oldkyndighed og Historie. København, 1946.
- Ostrauskas T.* Kabelių 2-oji akmens amžiaus gyvenvietė // *Lietuvos archeologija.* Vilnius, 1999,
- Paddaya K.* The Late Palaeolithic of Netherlands — a Review № 11 // *Helinium.* 1971.
- Petersen P. V., Johansen L.* Tracking Late Glacial reindeer hunters in eastern Denmark. In: *The Earliest Settlement of Scandinavia and its relationship with neighbouring areas* (ed. by L. Larsson). // *Acta Archaeologica Ludensia. Series in 80, № 24.* Stockholm, 1996.
- Riede F.* The Laacher See-eruption (12,920 BP) and material culture change at the end of the Allerød in Northern Europe // *Journal of Archaeological Science.* 2008. Vol. 35, issue 3.
- Rust A.* *Die alt- und mittelsteinzeitlichen Funde von Stellmoor.* Neumunster, 1943.
- Rust A.* *Die jungpalaolithischen Zeltanlagen von Ahrensburg.* Offa-Bücher. Neumunster, 1958.
- Roberts A. J. & Barton R. N. E.* A Lyngby point from Mildenhall, Suffolk, and its implications for the British Late Upper Palaeolithic // *A Very Remote Period Indeed. Papers on the Palaeolithic presented to Derek Roe,* edited by S. Milliken, J. Cook. Oxford, 2000.
- Schild R.* Późny paleolit // *Prahistoria Ziemi Polskich. Paleolit i Mezolit. t.I,* edited by W. Chmielewski, W. Hensl. Wrocław-Warszawa-Kraków-Gdańsk, 1975.
- Schild R., Tobolski K., Kubiak-Martens L., Pazdur M. F., Pazdur A., Vogel C., Stafford T. W. J.* Stratigraphy, palaeoecology and radiochronology of the site of Calowanie // *Folia Quaternalia 70.* Krakow, 1999
- Schwabedissen H.* *Die Federmesser-Gruppen des nordwesteuropäischen Flachlands. Zur Ausbreitung des Spät-Magdalenien.* Neumunster. Vol. 9. Offa-Bücher. 1954.
- Sinitsyna G. V.* Problems of the Valdai Mesolithic // *Tanged Points Cultures in Europe.* Lublin, 1999.
- Sinitsyna G. V.* Blade technology of Eastern Bromme (Podol culture. Valdai Upland. Allerød-Dryas III. 11.8 – 10.2 ka). // *Prehistoric technology (40 years later). Functional studies.* - British Archaeological Reports (BAR). Int. series 1783. Oxford, 2008.
- Sinitsyna G. V.* Human adaptation to the Periglacial environment in the Late Palaeolithic. // *Geomorphic processes and geoarchaeology. From Landscape Archaeology to Archaeotourism.* International conference. Moscow-Smolensk, 2012.
- Sørensen L.* The Lacher see volcanic eruption challenging the idea of cultural disruption // *Acta Archaeologica.* Vol. 81, 2010.
- Sulgostowska S.* Final Palaeolithic Masovian Cycle and Mesolithic Kunda culture Relations // *Tanged Points Cultures in Europe / S. Kozłowski et al. (eds.).* Lublin, 1999.
- Sulgostowska Z.* Kontakty społeczności późnopaleolitycznych i mezolitycznych między Odrą, Dźwiną i Górnym Dniestrem. Studium dystrykcji wytworów ze skał krzemionkowych. Warszawa, 2005
- Szymczak K.* Late Palaeolithic Cultural Units with Tanged Points in North Eastern Poland // *Tanged Points Cultures in Europe / S. Kozłowski et al. (eds.).* Lublin, 1999.
- Taute W.* *Die Stielspitzen-Gruppen im nördlichen Mitteleuropa. Ein Beitrag zur Kenntnis der späten Altsteinzeit.* Fundamenta, Reihe A, Band 5. Köln, 1968

- Terberger T.* The Early Settlement of Northeast Germany (Mecklenburg-Vorpommern) (ed. by L. Larsson). //Acta Archaeologica Ludensia. Series in 8, № 24. Stockholm, 1996
- Terberger T., Lubke H.* Between East and West —Hamburgian in Northeastern Germany? //Studies in the Final Paleolithic Settlement of the Great European Plain / Ed. by M. Kobusiewicz, J. Kabacinski. Poznan, 2007.
- Zaliznyak L. L.* Tanged Point Cultures in the Western Part of Eastern Europe // Tanged Points Cultures in Europe / S. Kozłowski et al. (eds.). Lublin, 1999
- Zhilin M.* The Western Part of Russia in the Late Palaeolithic — Early Mesolithic. // The Earliest Settlement of Scandinavia and its relationship with neighbouring areas (ed. by L. Larsson). //Acta Archaeologica Ludensia. Series in 8, № 24. Stockholm, 1996.

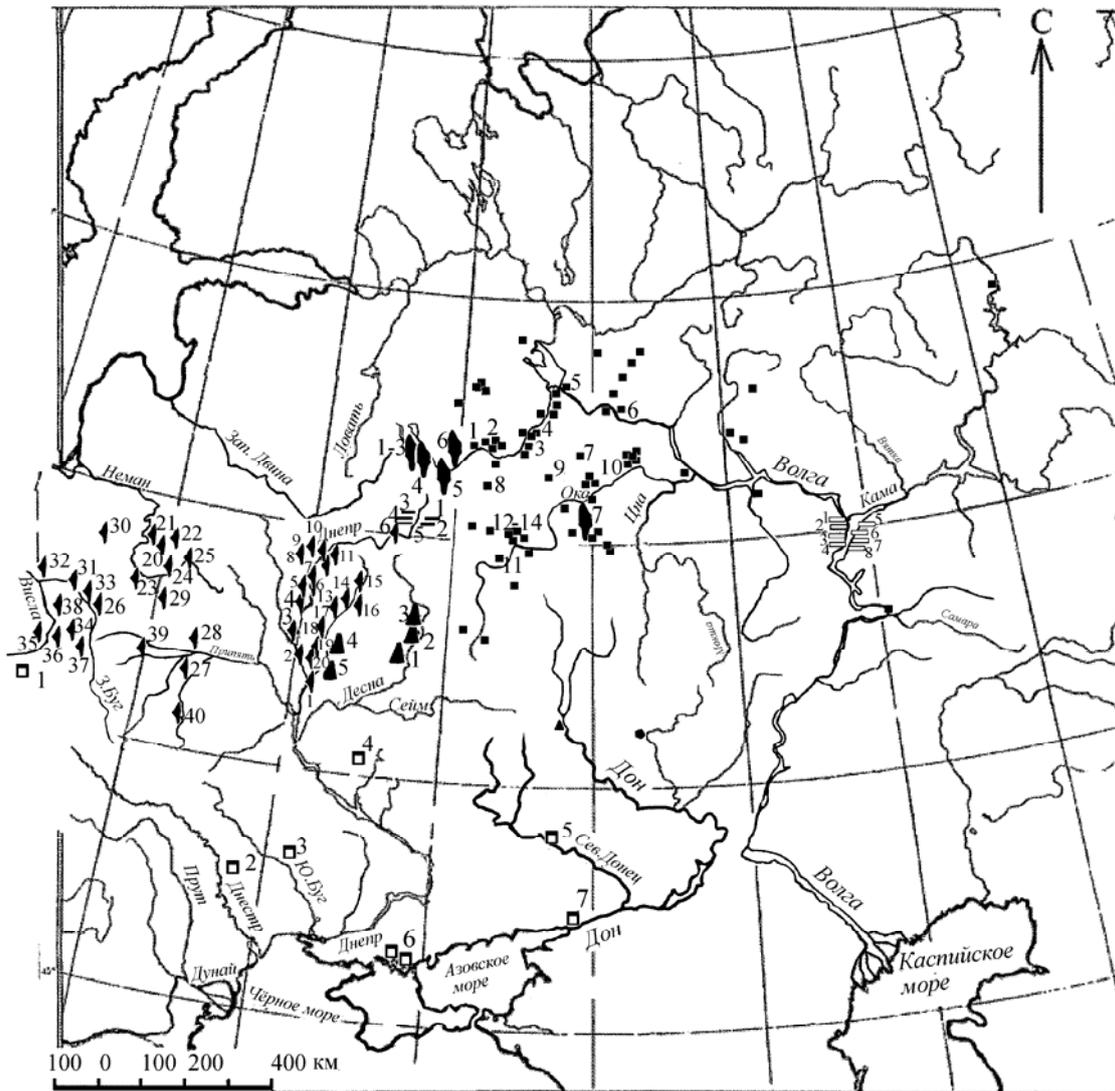
G. V. Sinitsyna

TO THE PROBLEM OF MIGRATIONS AND AUTOCHTHONOUS CULTURAL EVOLUTION IN THE FINAL PALEOLITHIC AT NORTHWEST RUSSIAN PLAIN

The problems of man's initial occupation of the northwest Russian plain freed of the glacial cover are discussed. The age of the sites related to this question indicates the first human appearance on the territory in the Bølling period. The earliest Final Palaeolithic industries in the Upper Volga basin are based on the Epigravettian technological traditions. During the Allerød times it was interrupted by the appearance of Bromme technocomplex (Podol culture as local Bromme variant of the Allerød-Drias III age). It indicates the sharp changes of indigenous traditions by cultural invasion, the most probable connected with migrations.

Sites of the Upper Dnieper basin provide evidences of the evolution on place of the Late Palaeolithic Epigravettian cultural traditions during the Final Palaeolithic epoch. Results of palaeomagnetic analyses and association of cultural layers at Vyshegora I site (Smolensk region) with the ancient polygonal micro relief provided evidences for Bølling-Drias III chronological position of the Grensk cultural sequences.

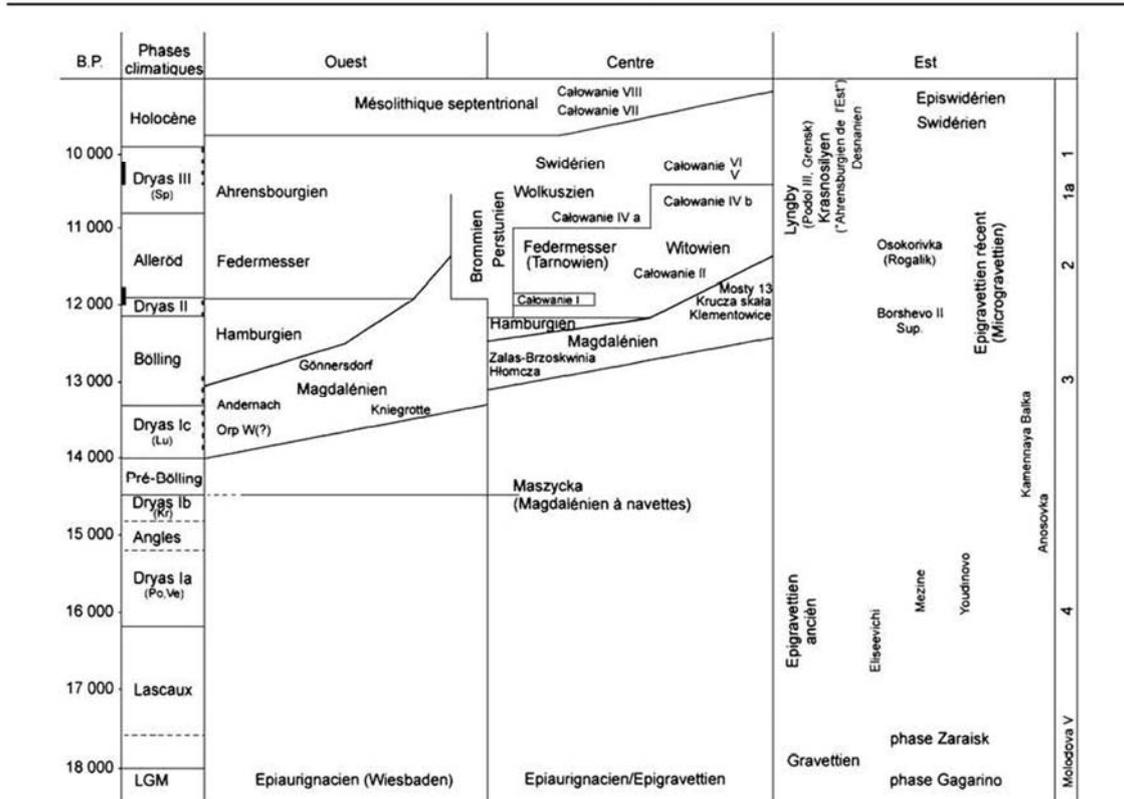
Migrational and autochthonous models are discussed as possible explanations of the cultural dynamics at the Pleistocene-Holocene boundary for the East European North-West.

- † – стоянки гренской культуры (по Копытину, 1999; Колосову, 2008; Обуховскому, 2007; Schild et al., 1999; Kozłowski S., 2006; Sulgostowska, 2005): 1 - Рекорд, 2 - Речица, 3 - Шихов, 4 - Веричев, 5 - Чигиринка, 6 - Коромка, 7 - Лудчицы, 8 - Дальнее Лядово, 9 - Боровка, 10 - Могилевская, 11 - Хвойная, 12 - Шклов Заречный, 13 - Гренск, 14 - Литвиновичи, 15 - Поклады II, 16 - Гронов, 17 - Горки, 18 - Журавель, 19 - Рудня, 20 - оз. Глинас, 21 - Эжаринас, 22 - Мяржжарис, 23 - Ковальцы, 24 - Збляны, 25 - Морино II, 26 - Голачево, 27 - Ласицк III, 28 - Борки, 29 - Красносельский VI, 30 - Жэчки Малэ, 31 - Станьковиче III, 32 - Осьница, 33 - Граннэ, 34 - Зембожицэ, 35 - Рыдно, 36 - Чернеюв, 37 - Бялка, 38 - Грабэ Старэ, 39 - Нобель, 40 - Чудви; ▲ – песчноровские стоянки (по Залізняку, 2005; Колосову, 2008): 1 - Гридасово, 2 - Песочный Ров, 3 - Комягино, 4 - Романовичи, 5 - Калинино; □ – эпиграветтские стоянки (по Залізняку, 2005): 1 - Клементовице, 2 - Ивашково, 3 - Владимировка, 4 - Журавка, 5 - Рогалик VII, 6 - Соленое озеро Ia, VI, 7 - Каменная Балка. ▲ - Борщево 2. ■ – стоянки финального палеолита и мезолита в верховьях Днепра: 1, 2 -Аносовская группа, 3 - Льнозавод IV, 4,5,6 - группа стоянок в районе д. Вышегора (1,2,3). ■ - стоянки иеневской культуры (по Жилину, 2004; Кравцову, 2009; Леоновой, 2007; Сорокину, 2004): 1 - Черная Грязь и Дмитровское 1, 2 - Иенево 2 и группа Староконстантиновские, 3 - Титово1, 4 - Авсерьгово 2, 5 - Пеньково, 6 - Сельцо, 7 - Становое 4, 8 - Дальний Остров, 9 - Группа Беливо, 10 - Исток I, Шильцова Заволь, 11- группа Ладыжино, 12 - Брагино, 13 - группа Умрышинки 3, 14 - группа Настасьино (всего 127 стоянок) □ – стоянки позднего и финального палеолита в устье Камы (по Галимовой, 2001): 1 - Камское устье 2, 2 - Лобач, 3 - Сюкеевский взвоз, 4 - Долгая Поляна, 5 - Беганчик, 6 - Семёновская, 7 - Косяковская и Любавская, 8 - Тетюшинская. ◆ – стоянки подольской культуры: 1-3 - Баранова гора, Подол III/1,2, 4 - Тёплый ручей 2, 5 - Усть-Тудовка I, 6 - Троицкое 3, 7 - Ростиславль. ● –(по Федонину, 2006): Плаутино 2

Рис. 1. Карта восточноевропейских культур финального палеолита и мезолита

La recolonisation tardiglaciaire et les changements culturels à la limite Pléistocène–Holocène sur la Grande Plaine

Lu–Luga, Kr–Kresta, Ve–Vepsovo.

Рис. 2. Хронологическая схема заселения Великих Европейских равнин в позднеледниковье (по: Kozłowski J. K., 2001. Fig. 5)

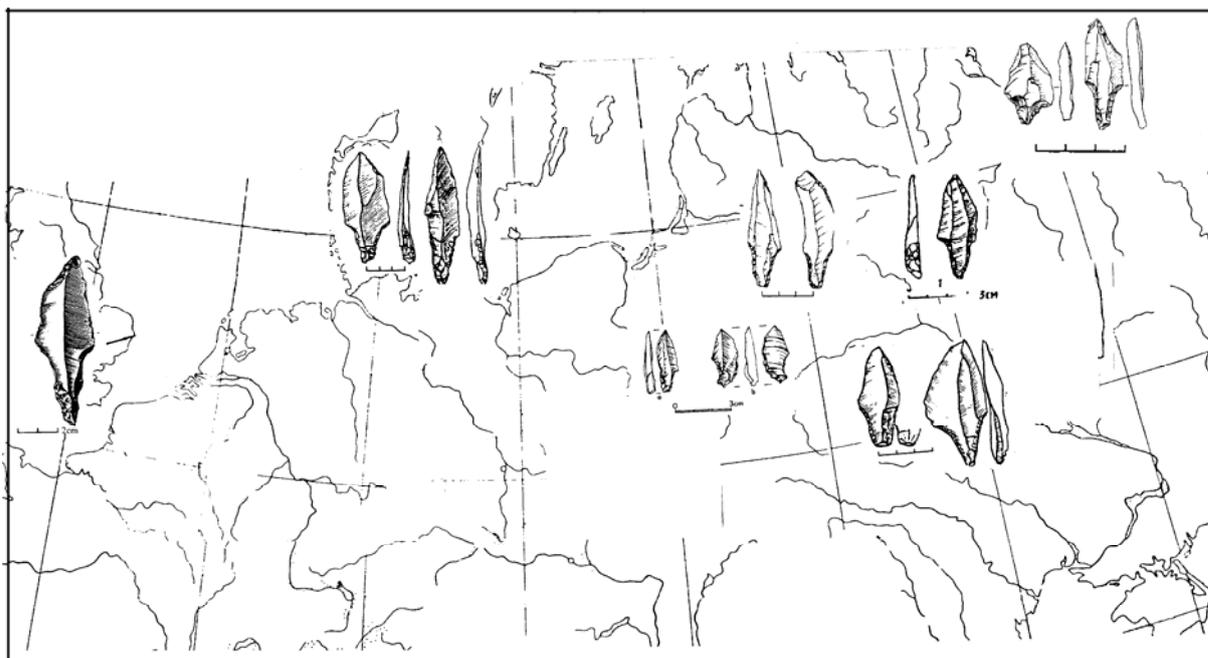

Рис. 3. Карта технокомплекса бромме в приледниковой зоне Европы

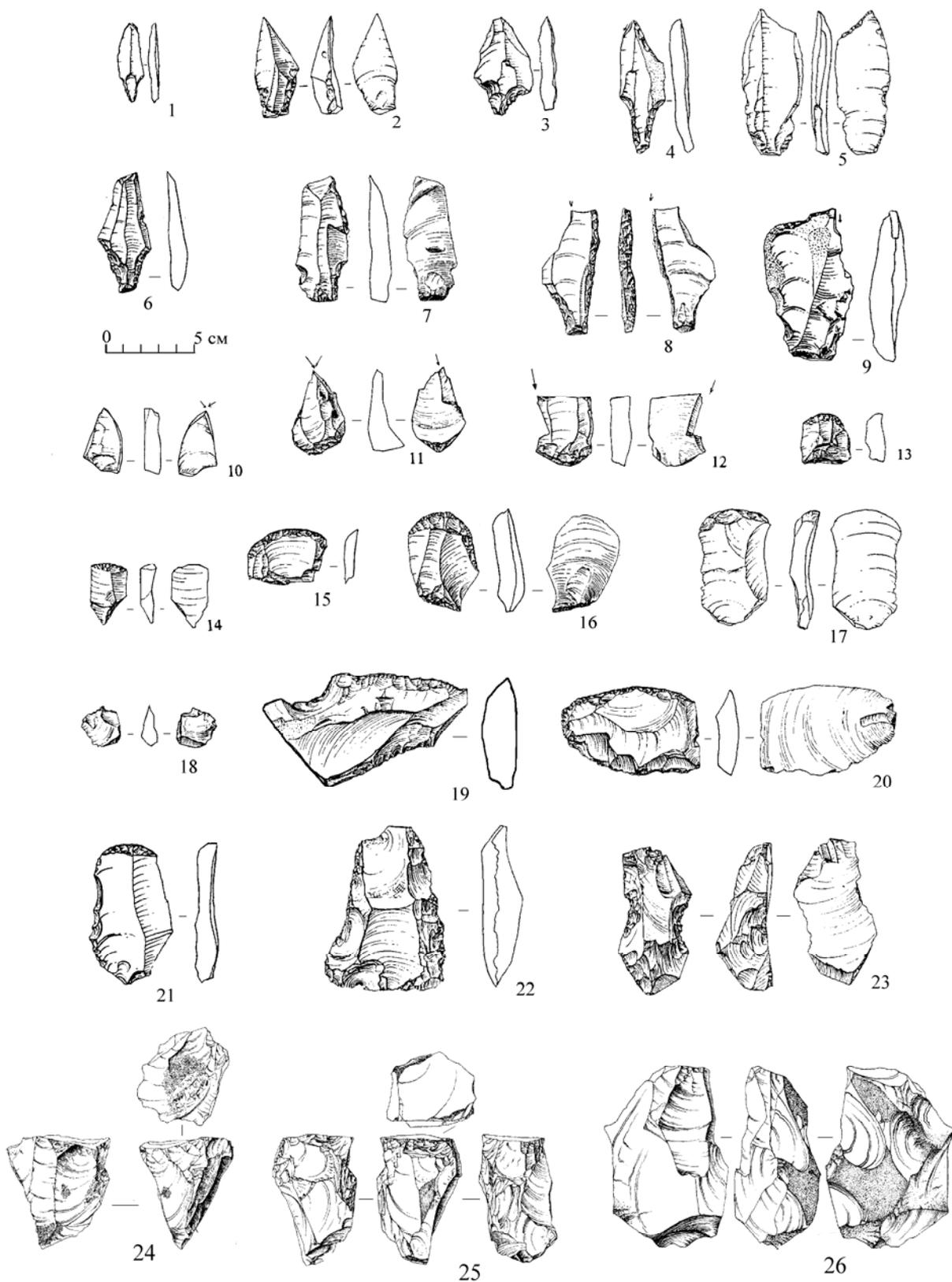

Рис. 4. Инвентарь подольской культуры

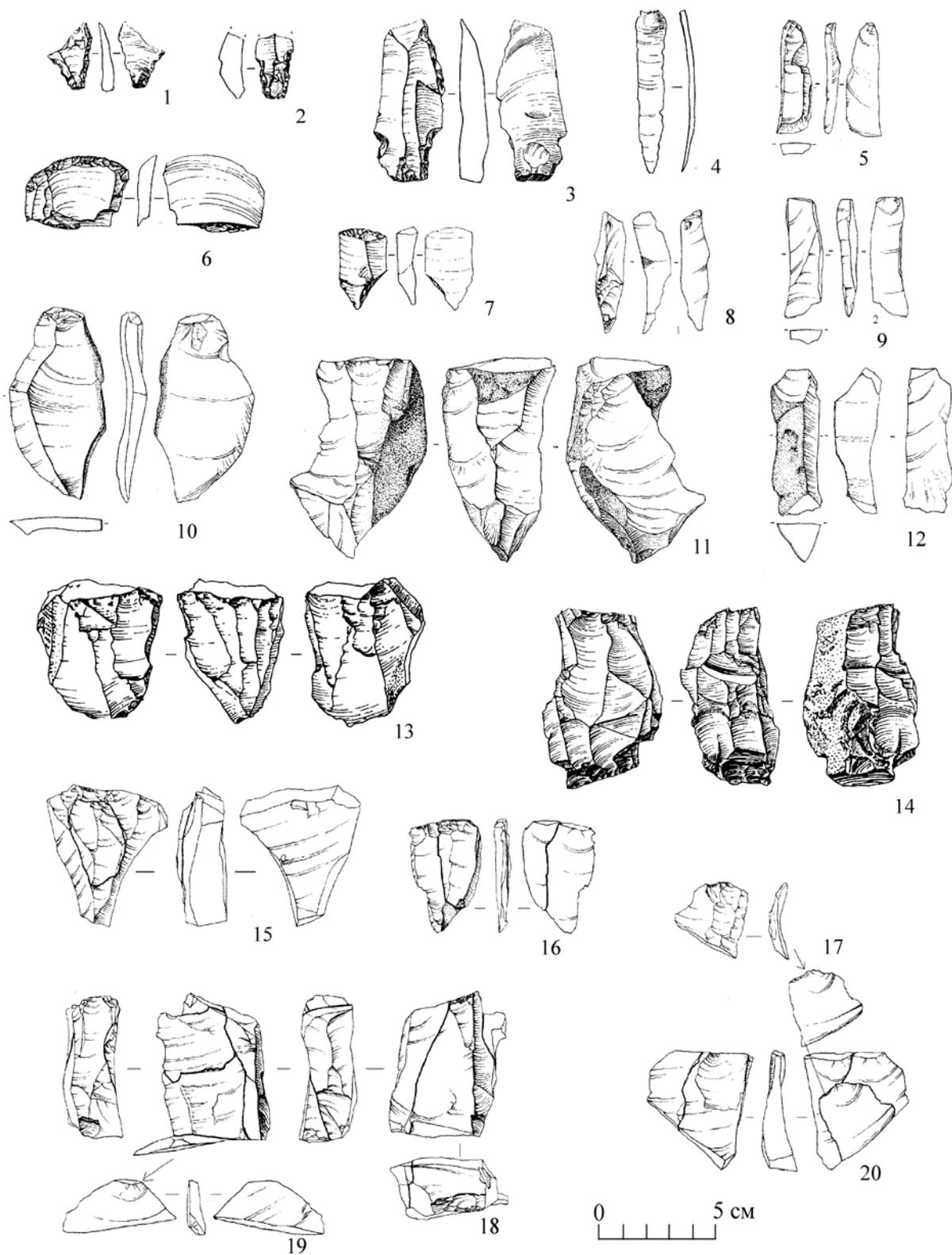

Рис. 5. Инвентарь подольской культуры из заполнения конуса выноса селевого потока стоянки Подол III/2

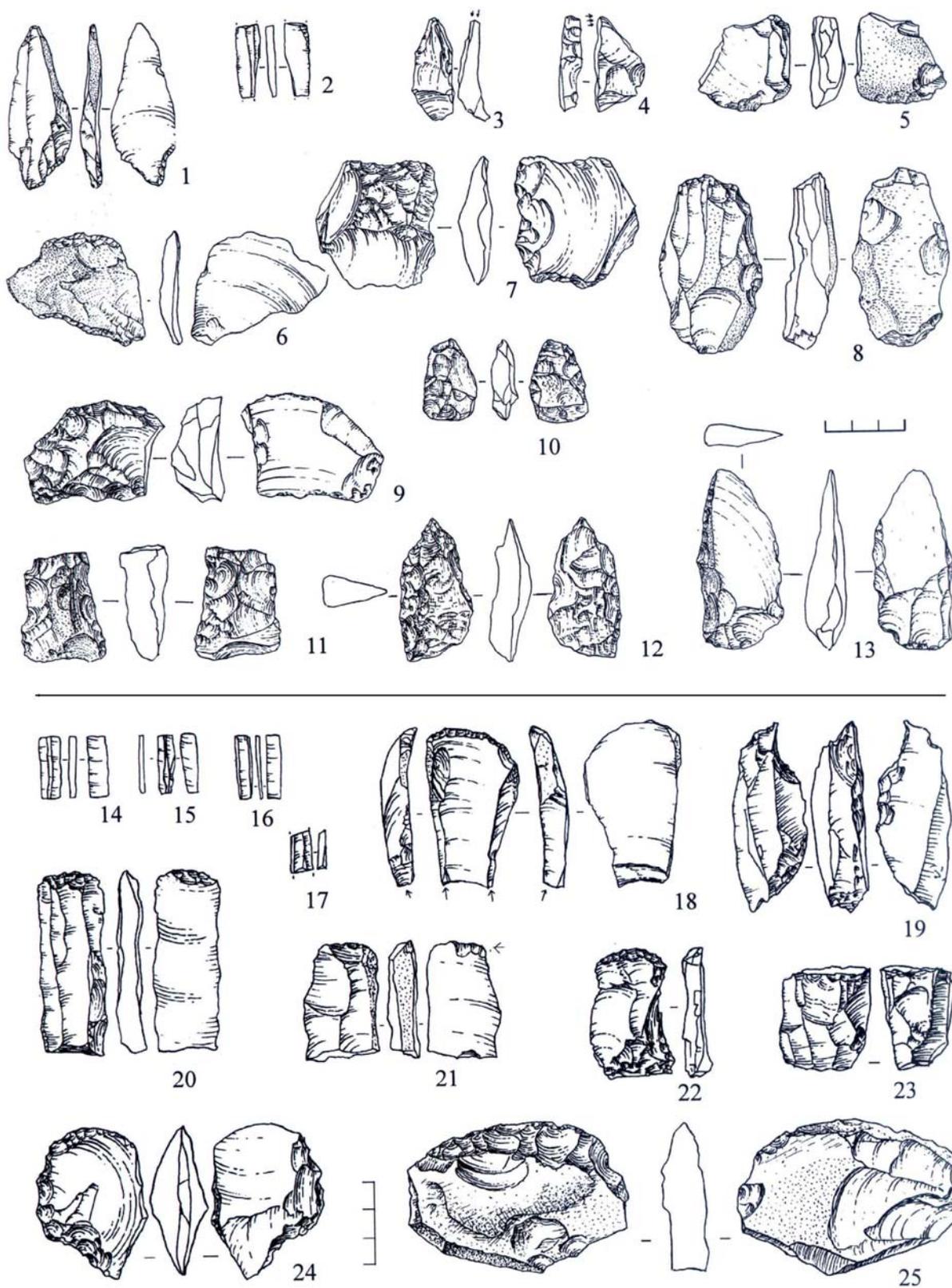

Рис. 6. Баранова гора. Инвентарь из отложений дриаса II (1–13) и бёллинга (14–25)

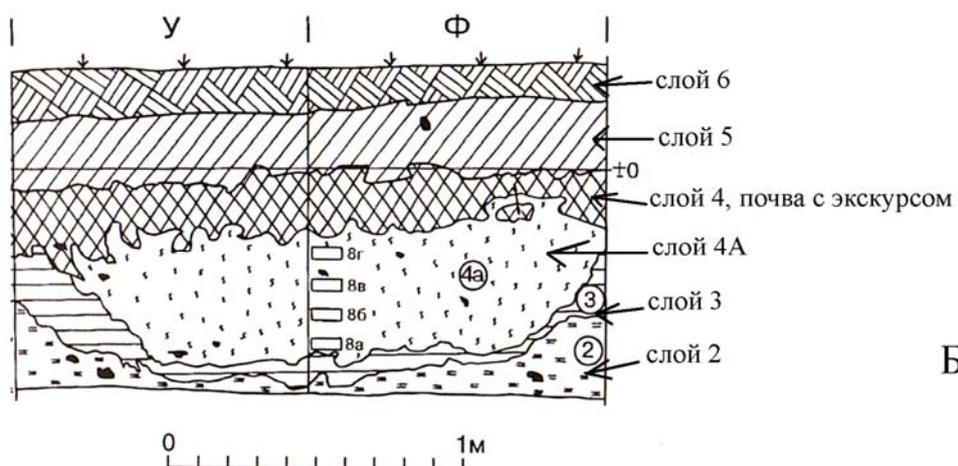
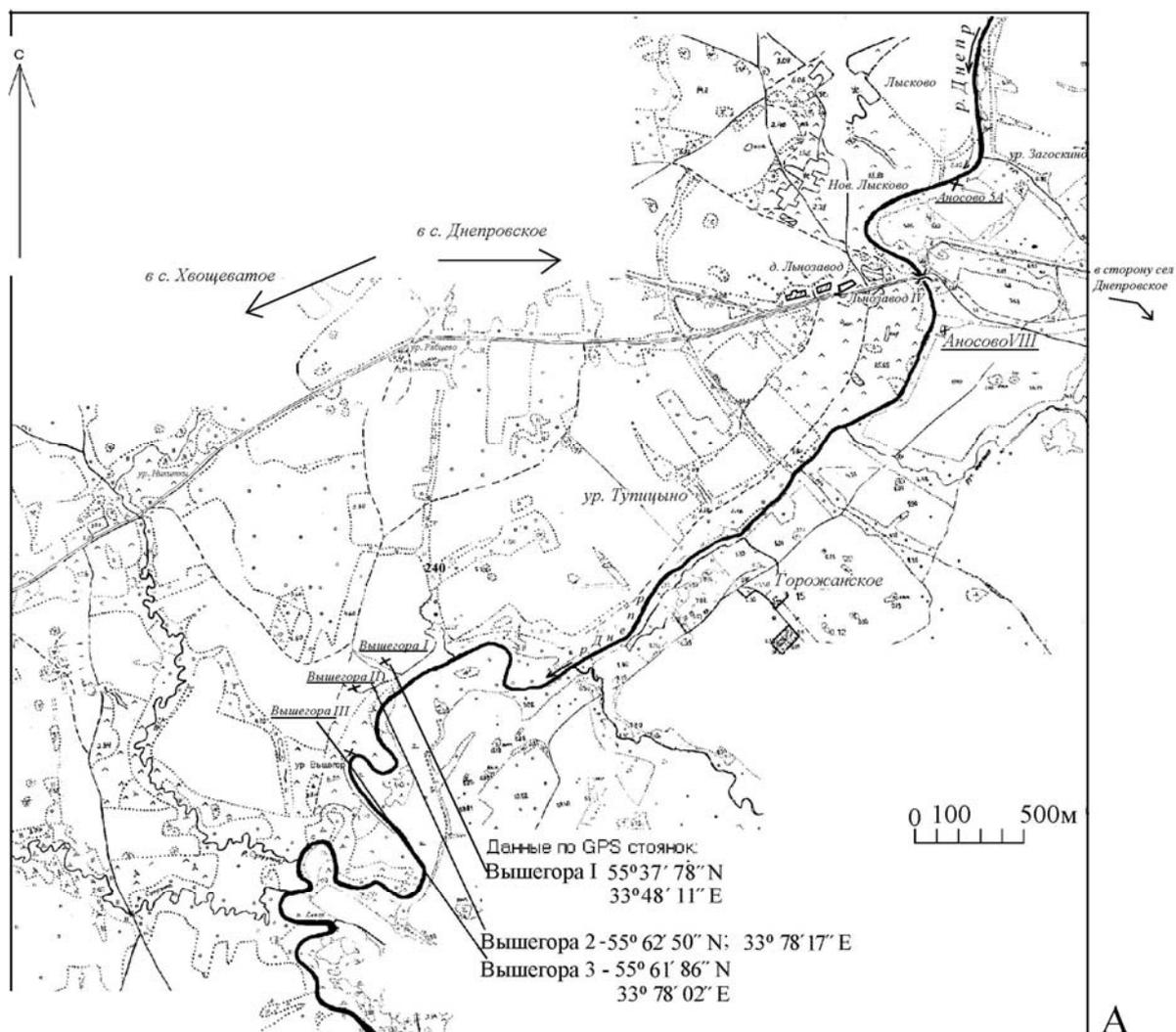

Рис. 7. А — карта местонахождения стоянок-мастерских в верховьях Днепра Новодугинского района Смоленской области; Б — Вышегора I. 1996. Разрез северо-западной стенки раскопа по линии кв. УФ–29

Рис. 8. Инвентарь стоянки Вышегора I

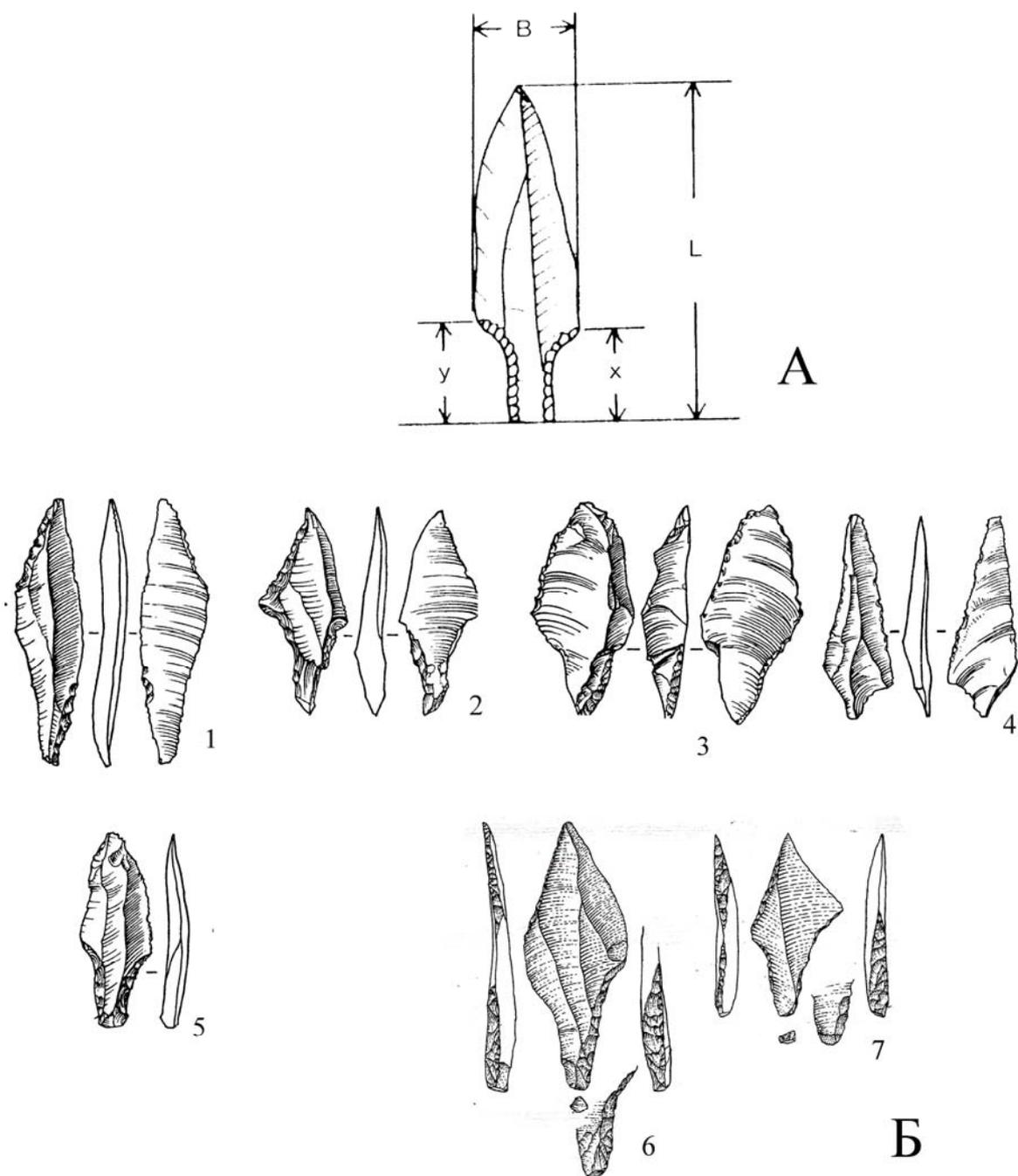

Рис. 9. Наконечники стрел: А — тип бромме по Фишеру (Fischer, 1985); Б — 1, 2 — Аносово IV; 3–5 — Аносово I (по: Гурина, 1972); 6, 7 — Ладыжино 3, шурф 1 (по: Кравцов, Кононов, 2002)

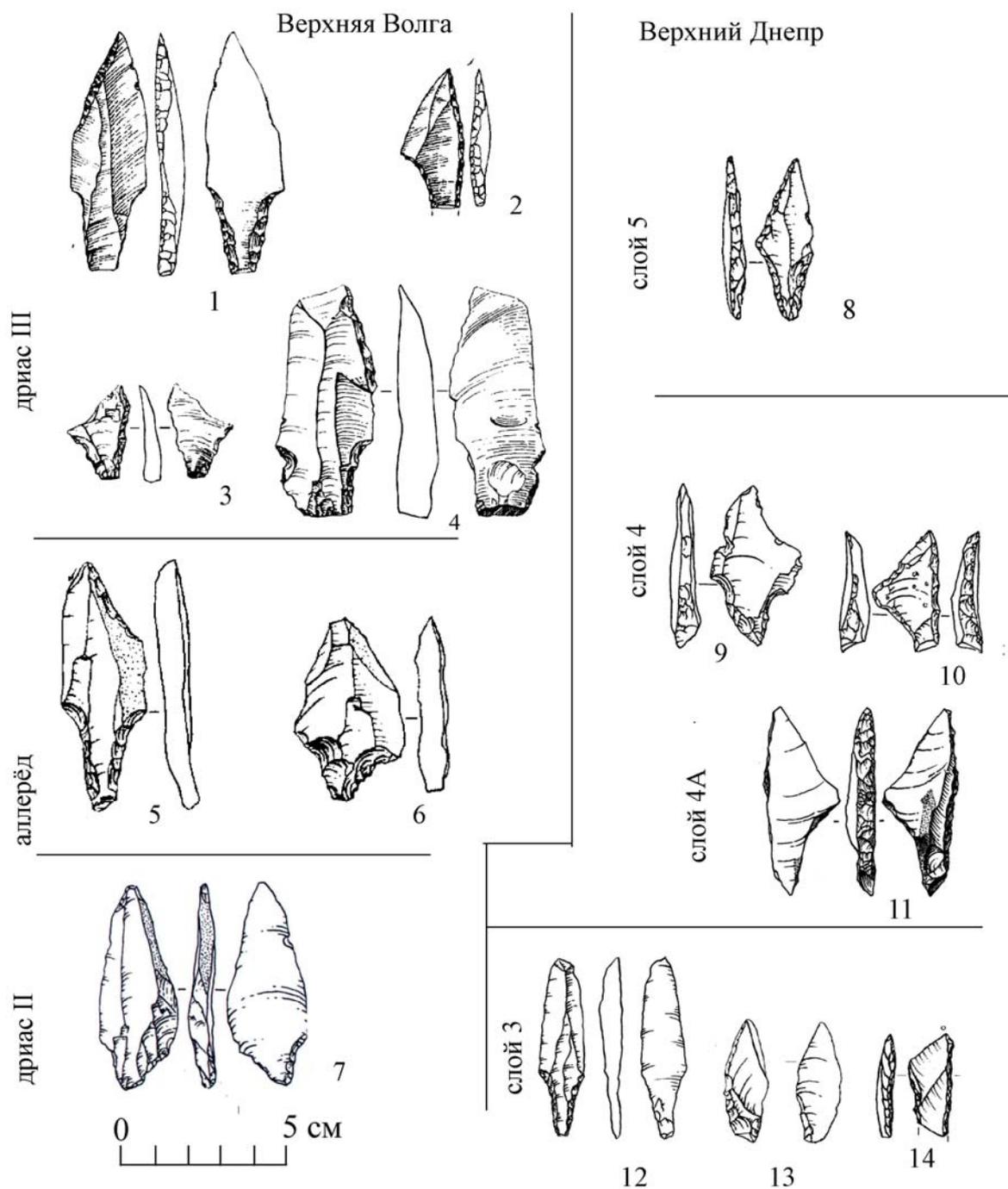

Рис. 10. Хронологическая схема наконечников стрел по материалам датированных стоянок: 1, 2 — Усть-Тудовка I; 3, 4 — из заполнения конуса выноса селевого потока (дриаса III) стоянки Подол III/2; 5, 6 — Подол III/1; 7 — Баранова гора, отложения дриаса II; 8–14 — Вышегора I

А. В. КОЛОСОВ

Могилевский государственный университет им. А.А. Кулешова, Могилев

О ЗАСЕЛЕНИИ БАССЕЙНА Р. СОЖ В ПОЗДНЕЛЕДНИКОВОЕ ВРЕМЯ

Бассейн р. Сож территориально охватывает современные восточные районы Могилевской и Гомельской областей Республики Беларусь и запад Смоленской и Брянской областей Российской Федерации. Эта территория, площадью водосбора в 41,2 тыс. кв. м, характеризуется развитой речной системой, представленной главными водными артериями — р. Сож с притоками Вихра, Волчас, Проня (справа), Хмара, Остер, Ипуть, Беседь, (слева). Основная часть посожского региона приурочена к зандровой равнине с холмистым рельефом водноледникового происхождения (Ландшафты Белоруссии, 1989. С. 209–214). Нижнее течение Сожа, южнее линии Гомель — Ветка, находится в пределах Полесской низменности, характеризующейся заболоченными ландшафтами со множеством эоловых образований (Там же. С. 244–245). Специфика региона определяется широким распространением мелового кремня, залегающего относительно неглубоко и встречающегося в обнажениях речной террасы в виде россыпей. Такое геоморфологическое положение Посожья стало определяющим фактором на пути освоения его территории в каменном веке и в некоторой степени определило своеобразие кремневого инвентаря отдельных памятников, топографически приуроченных к выходам сырья.

Настоящая статья предлагает дать краткую характеристику материалам, которые связаны с проблемой заселения рассматриваемого региона в позднеледниковую эпоху (14–10 тыс. лет назад), то есть времени, когда на фоне глобальных изменений климата, вызванных началом отступления последнего ледника, происходит трансформация культуры позднеледниковых охотников. Эти изменения закономерно были связаны с исчезновением мамонтового фаунистического комплекса и широким распространением популяции северного оленя, которая ознаменовала целую эпоху сезонных миграций древнего населения и стимулировала появление новых способов ведения охотничьего хозяйства, основанного на использовании дистанционного вида оружия — лука и стрел.

В историографии каменного века бассейна р. Сож сведения о финальном палеолите стали известны сравнительно недавно (Колосов, 2008; 2009а; 2009б; 2010). Единственным памятником, материалы которого датировались позднеледниковым временем или ранним голоценом, была Гренская стоянка (Будько, 1966. С. 35–46; Копытин, 1992. С. 32–38; Ксензов, 1997. С. 10). Это в определенной мере формировало мнение об окончательном заселении Посожья только после окончания ледниковой эпохи. Отдельные исследователи и вовсе считали, что бассейн р. Сож мог быть освоен лишь в конце мезолитического времени (Ксензов, 1997. С. 15). Естественно, пограничное положение Сожа между двумя крупными водными артериями — Днепром и Десной, где финальный палеолит сегодня достаточно хорошо изучен, не учитывалось. В стороне оставались и представления о геоморфологии посожского региона, характеризующегося, как было отмечено ранее, широким распространением и легкой доступностью кремневого сырья — неперемного условия эйкуменизации отмеченной территории в каменном веке. Новые материалы, полученные автором статьи по финальному палеолиту бассейна р. Сож, позволяют сегодня выразить свое отношение на проблему культурной адаптации рассматриваемого региона в позднеледниковое время и отказаться от прежнего мнения о его освоении только на мезолитическом этапе.

Основой для написания работы стало изучение многочисленных коллекций посожских стоянок, хранящихся в фондах Могилевского областного краеведческого музея им. Е. Рома-

нова, государственного историко-культурного учреждения «Гомельский дворцово-парковый ансамбль», фондохранилищах Института истории НАН Беларуси, археологической лаборатории им. В. Копытина Могилевского госуниверситета им. А. Кулешова. Для решения отдельных проблем статьи были использованы отчетные материалы, хранящиеся в архиве археологической научной документации Института истории и личном архиве В. Копытина.

В связи с этим автор своим долгом считает выразить глубокую признательность доктору исторических наук, профессору Е. Калечиц, позволившей использовать материалы ее полевых исследований при написании работы. Мы также искренне благодарны Г. Копытиной и О. Колеснёвой, которые предоставили возможность воспользоваться данными из личного архива В. Копытина.

Технокомплексы с листовидными и черешковыми наконечниками стрел

В бассейне р. Сож в настоящее время зафиксировано около 60 местонахождений эпохи финального палеолита (рис. 1–3). Основная их часть представлена поверхностными сборами с разновременных поселений, что, естественно, затрудняет разработку вопроса культурно-хронологического плана. В свете новых данных можно констатировать, что финальный палеолит рассматриваемой территории проявляет заметную поликультурность. При выделении финальнопалеолитических комплексов мы руководствовались результатами сравнительного типолого-технологического анализа, учитывавшего культурную специфику в способах первичной обработки камня и изготовления орудий труда, в частности, наконечников стрел, что позволило нам выделить некоторые группы памятников.

В первую группу мы объединили материалы стоянок, которые условно отнесены нами к технокомплексам с листовидными и черешковыми наконечниками стрел (25 местонахождений) (рис. 1): Баков-1, 1А, 3, Борисовичи-1, 3, Вознесенск, Ворновка (Подмосковщина), Горки, Дяговичи, Кленки-2, 5, 6, 7, Лобковичи, Осовцы-4 (Уза), Остров-1, 2, Первокривевский-3, Поклады-1, 5, Романовичи-1, Рудня-1 (Климовичский р-н), Чемерня, Чериков-5, 8.

Судя по морфологии нуклеусов и полученных с них сколов, техника расщепления кремня на этих стоянках была основана преимущественно на монофронтальном скалывании заготовок крупных размеров (пластин или пластинчатых отщепов) с помощью каменного отбойника. Нуклеусы представлены массивными одно- и двухплощадочными формами, имеют гладкую ударную площадку, скошенную под углом 80–90°. Группа сколов характеризуется отсутствием выраженной морфологии, преобладанием коротких, широких и толстых форм.

Наконечники стрел изготовлены на пластинах с четко выделенным со стороны спинки толстым черешком коротких или длинных пропорций без дополнительной вентральной подправки. Отдельные экземпляры напоминают известный в литературе тип лингби (Кленки-5, Первокривевский-3 и Чемерня).

На стоянке Первокривевский-3 обнаружен фрагмент черешковой части наконечника стрелы, имеющего толстый и длинный, вытянутый по оси изделия черешок, который выделен крутой ретушью со стороны спинки (рис. 13: 3). Изделие покрыто легкой патиной голубоватого цвета. Орудийный комплекс стоянки дополняется также скребками, ретушными и двугранными резцами, проколками, а также серий пластин и пластинчатых отщепов, дистальный конец которых подправлен мелкой дорсальной ретушью (рис. 13: 4–20).

Отдельного внимания заслуживают материалы стоянки Вознесенск. Интерес к данному местонахождению возник после знакомства с коллекцией находок, полученных в итоге поверхностных сборов экспедицией В. Копытина в 1995 г. (Копытин, 1998. С. 85) Основная часть артефактов представлена многочисленными одно- и двухплощадочными нуклеусами массивных размеров, отщепами и пластинами, что может свидетельствовать о наличии на стоянке мастерской по обработке кремня. Орудийный комплекс характеризуется находками скребков, резцов, ретушеров, проколов и острий, изделий с выемкой, грубых топоров. Поверхность отдельных предметов покрыта патиной белого и молочного цветов.

Интерес вызывает и топография стоянки. Памятник расположен на высокой 10–12-метровой террасе, у подножия которой протекает ручей, впадающий слева в р. Лобжанка (левый приток Сожа). Местонахождение расположено в 9 км юго-восточнее Первокривевского поселения

и руслу р. Сож. В 2008 г. памятник был повторно обследован автором статьи (Колосов, 2009а. С. 115). На момент изучения терраса, поверхность которой до этого распахивалась, густо поросла травой, что не дало возможности полноценно собрать подъемный материал. Единственными находками, случайно обнаруженными на свободных от растительности участках поля, являются одноплощадочный нуклеус, шесть отщепов и одна пластина, наконечник стрелы. Последний предмет изготовлен на крупном отщепе и относится к числу атипичных изделий культуры черешковых наконечников финального палеолита. Насад наконечника четко выделен полукрутой ударной ретушью со стороны спинки. По периметру изделие обработано такой же ретушью со стороны брюшка.

Ближайшее сходство первая группа местонахождений обнаруживает среди материалов стоянок Аносово (Гурина, 1972. С. 244–251), Берестеново (Ксензов, 2006. С. 16–39), Подол-3 (Синицына, 2008. С. 165–166), Красносельский-5 (Чарняўскі, Кудрашоў, Ліпніцкая, 1996. С. 56–61, 120–124), Волкуш-3 и 5 (Szymczak, 1995. S. 22, 27, 32–33, 41–44). Указанные памятники датируют в пределах аллереда — позднего дриаса, что не исключает присутствия более ранних по времени стоянок финального палеолита в Посожье. Отдельные формы орудий труда и наконечников стрел встречаются также среди отдельных гренских стоянок — Коромка и Хвойная (Копытин, 1992. С. 18–27, 67–68, рис. 3–4).

Увы, конкретизировать культурную принадлежность рассмотренных выше памятников в настоящее время невозможно, хотя заметно некоторое их сходство с культурой броммелинги. Особенно это отчетливо проявляется в формах черешковых наконечников стрел. Однако напрямую связать находки этих наконечников, как и всей рассматриваемой группы памятников, с культурной традицией броммелинги мы не можем. Поскольку основная часть коллекций представлена поверхностными сборами с разновременных поселений, присутствие в Посожье памятников лингбийской культуры требует привлечения надежной источниковедческой базы. Поэтому правильнее всего материалы стоянок первой группы пока следует объединять под общим названием «культура с листовидными и черешковыми наконечниками стрел» до выяснения действительной картины происхождения ее технокомплекса. Но если культурно-хронологическое определение этой группы стоянок, безусловно, ожидает своего специального исследования, то материалы следующих памятников отчетливо отражают специфику конкретных культурных явлений в Посожье.

Гренская культура

Гренская культура свое название получила по стоянке в урочище Гренск, расположенном на правом берегу р. Сож, на восток от д. Ворновка Кормянского района Гомельской области. Научное обоснование это культурное явление получило после работ В. Бudyко (1962; 1966), который собственно и выделил культуру, В. Ксензова (1988; 1994б; 1997; 1999; 2006), В. Копытина (1992; 1999; 2000; 2005), Е. Калечиц (1987; 2003). Проблема развития гренских древностей затрагивалась также в работах Л. Зализняка (1989; 1999; 2005), А. Кравцова и А. Сорокина (1991), А. Кравцова (Kravtsov, 1999), А. Сорокина (2002; 2004; 2006; Сорокин, Ошибкина, Трусов, 2009), Г. Синицыной (2008), К. Шимчака (Szymczak, 1995), С. Козловского (Kozlowski, 1999), З. Сульгустовски (Sulgostowska, 2005) и др.

Основная часть гренских стоянок концентрируется на территории Восточной Беларуси. В Посожье гренская культура представлена коллекциями десяти местонахождений (рис. 2), основная часть которых получена путем поверхностных сборов: Ворновка (Гренск), Гайковка (Печенеж), Гронов-1, Журавель, Литвиновичи (Телец), Подлужье-3, Поклады-2, Пролетарский-1А, Рудня (Славгородский р-н), Туришевичи (рис. 9–11). И только четыре стоянки этой культуры исследованы стационарно: Ворновка (Гренск) (Бudyко, 1966; Копытин, 1992. С. 32–48; 1994) (рис. 4), Журавель (Копытин, 1986) (рис. 5–6), Гайковка (Печенеж) (Копытин, 1973. С. 301–304, 310–312; 1975) и Поклады-2 (Колосов, 2005б. С. 16–25) (рис. 7–8).

Кремневая индустрия гренской культуры базировалась на использовании местных месторождений сырья — мелового кремня серого цвета. Его отличительной особенностью является наличие различных по характеру включений мела и других веществ органического и неоргани-

ческого происхождения, что не могло отразиться на качестве сырья и в процессе расщепления становилось причиной естественного брака.

Не меньшую роль в развитии гренской индустрии сыграл фактор доступности кремневого сырья. Основная часть гренских поселений приурочена к местам поверхностного распространения меловых пород с богатыми запасами кремня. В связи с этим кремневый инвентарь гренских стоянок, особенно расположенных на «сырье», характеризуется наличием желваков кремня, на поверхности которых сохраняются негативы двух-трех бессистемно нанесенных сколов, большим количеством отходов производства (до 80%). В орудийной деятельности наблюдается очевидное стремление к использованию естественно расколотых осколков кремня.

Начальным этапом в процессе расщепления кремня являлось создание пренуклеуса, которое сводилось к формированию ударной площадки поперечным усечением конкреции. Для этих целей преимущественно подбирались уплощенные желваки овальной формы, размеры которых в среднем достигали 50–80 мм в длину, 30–50 мм в ширину и 30–50 мм в толщину. С созданной ударной площадки делался первый продольный скол, который формировал плоскость расщепления и давал возможность провести новые снятия.

В отдельных случаях скалывание заготовок могло осуществляться и без предварительной подготовки ударной зоны. В коллекциях стоянок Гренск, Журавель и Печенеж имеются нуклеусы, ударной площадкой которых являлась естественная (корочная) поверхность. В свою очередь сколы, полученные с таких нуклеусов, на проксимальных концах сохраняют рудименты такой поверхности.

Техника расщепления была основана на принципе параллельного снятия заготовок с одной скалывающей поверхности, которая постепенно переходила на боковые стороны нуклеуса до полной его утилизации. Среди нуклеусов преобладают одноплощадочные ядрища (40–60%) при незначительном количестве двухплощадочных экземпляров. Немногочисленные группы образуют нуклеусы трехплощадочной формы (Гренск), дисковидные нуклеусы с радиальным скалыванием заготовок (Печенеж) и многоплощадочные ядрища.

Однако, несмотря на такое типологическое разнообразие нуклеусов, идея монофронтального скалывания заготовок в гренской культуре является доминирующей. Сами нуклеусы характеризуются широкой плоскостью расщепления, которая позволяла получать от двух до пяти сколов. Контрфронт остаточных ядрищ в 60–80% случаях не оформлен и сохраняет желвачную корку.

Ударные площадки нуклеусов преимущественно имеют гладкую поверхность. В процессе расщепления она могла подправляться двумя-тремя поперечными сколами или полностью переоформляться. Угол скалывания заготовок варьировал в пределах 55–90°, в среднем — 80–85°. Следов обработки кромки ударной площадки не наблюдается, и она выступает над плоскостью расщепления.

Для гренской культуры характерно использование техники твердого удара, о чем свидетельствуют находки кремневых отбойников (Гренск, Журавель, Поклады-2) и морфология сколов. Базовыми заготовками для орудий труда являлись отщепы и пластинчатые отщепы, реже пластины неправильной огранки. На проксимальных концах сколов сохраняется выразительный ударный бугорок и рудименты широкой, гладкой, в отдельных случаях корочной, поверхности ударной площадки. На основной части заготовок заметна рельефность ударной волны. Следы предварительного редуцирования кромки ударной площадки нуклеуса отсутствуют.

Отщепы характеризуются короткими, узкими (50–60%) и широкими (35–40%) формами. Индекс массивности пластин, количественно уступающих отщепам в 3–5 раз, соответствует тонким (около 50–60%) и толстым (30–40%) сколам. Поверхность спинки 40–60% отщепов и пластин сохраняет желвачную корку.

Во вторичной обработке гренским населением широко использовались: крутое и полукрутое ретуширование заготовок, направленное на изменение ее формы, техника резцового скола, оббивка. Если руководствоваться данными статистического анализа всех материалов на памятниках гренской культуры в Посожье, то мы можем указать, что среди орудий труда доминирующее положение занимают скребки разнообразных форм: концевые (преобладают), двойные, округлые, стрельчатые, с «шипом». Второй по количеству группой находок являются резцы. Среди них наиболее распространенным типом являются изделия с ретушированной

площадкой скола, резцы на сломе заготовки, двугранные и комбинированные резцы. Комплексы гренских стоянок дополняются изделиями с выемкой; угловыми и срединными проколками; симметричными и ассиметричными острями, отдельные из которых имеют клювовидное окончание; пластинами со скошенными ретушью концом; пластинами с притупленным краем; рубящими орудиями в виде клиновидных топоров, обработанных путем оббивки и топорилов с перехватом.

Однако связать массовые категории кремневого инвентаря (скребки, резцы, проколки, изделия с выемкой и др.) с гренским технокомплексом в силу смешанности материалов на основной части памятников и устойчивости форм этих орудий на протяжении каменного и бронзового веков не представляется возможным.

Определяющей группой находок для памятников гренской культуры являются наконечники стрел. Они представлены двумя основными группами: черешковыми и ассиметрично-черешковыми наконечниками с противоположной боковой выемкой (так называемый «гренский тип»). По способам оформления пера и насада группа черешковых наконечников проявляет заметную вариабельность. Так, выделяется тип простых черешковых наконечников на пластинчатой заготовке с естественным пером конвергентной формы. Острия отдельных наконечников подправлены крутой или полукрутой ретушью и, в зависимости от ее расположения, выделяются следующие варианты: ретушь нанесена только со стороны спинки или располагается исключительно со стороны брюшка, ретушь является противоположащей. Перо отдельных наконечников могло быть скошено и дополнительно подправлено резцовым сколом. Последний вариант наконечников со скошенным пером напоминает известный в литературе «аренбургский тип» предметов вооружения, но отличается от него расположением пера в дистальной части пластинчатой заготовки.

Свое разнообразие черешковые наконечники проявляют и в оформлении насада. Наиболее характерной чертой этой группы изделий является выделение черешка крутой или полукрутой ретушью со стороны спинки. Черешковая часть формировалась на проксимальном конце заготовки. Основа черешка в отдельных случаях могла быть сломанной или ретушированной, что сближает эти варианты наконечников с волкушанскими аналогами северо-восточной Польши и западной Беларуси (Абухоўскі, 2003; Obuchowski, 2009; Szymczak, 1995. S. 31–48). Имеются также наконечники, черешковая часть которых сформирована противоположащей ретушью. Насад отдельных предметов вооружения образован полукрутой ретушью со стороны брюшка (Гренск, Журавель).

Группу ассиметрично-черешковых наконечников с боковой выемкой объединяют следующие черты: одна сторона заготовки полностью ретуширована под углом 70–90°, противоположный край в черешковой части подчеркивается выемкой. Изделия имеют клиновидное сечение и характеризуются более устойчивыми формами. В. Копытин отмечал технологическую связь между морфологией заготовки, способами ее вторичной обработки и самой формой ассиметрично-черешковых наконечников (Копытин, 2000. С. 42–43). Последние, по мнению исследователя, должны были обеспечивать нанесение колюще-режущей раны (Копытин, 2000. С. 43). Функциональное изучение этой группы предметов показывает, что они использовались не только в качестве наконечников стрел, но и как вкладыши для охотничьего вооружения (Кольцов, 1972. С. 89–90; Кравцов, Жилин, 1995. С. 135–147). На отдельных наконечниках с боковой выемкой обнаружены следы от прокалывания шкуры (Поплевко, 2007. С. 202–211. Таб. XLVI).

По типу заготовки среди ассиметрично-черешковых наконечников выделяются экземпляры на отщепках и пластинах. Черешковая часть наконечников может находиться как на проксимальном, так и на дистальном конце заготовки. По форме пера выделяются наконечники с прямым и дугообразным краем.

Некоторое типологическое своеобразие имеют ассиметрично-черешковые наконечники, для которых в качестве заготовки использовалась пластина удлиненных пропорций. Одна из боковых латералей пластины полностью притуплялась полукрутой ретушью, а противоположная ее грань подчеркивалась выемкой, которая наносилась на 1/3 или 1/2 длины заготовки. По своей форме наконечники на пластинах занимают промежуточное положение между ассимет-

рично-черешковыми и черешковыми наконечниками. При этом основа таких наконечников могла быть специально сломана или обработана ретушью.

Отдельную группу образуют наконечники, черешок которых дополнительно обработан плоской вентральной ретушью. Они встречаются как среди черешковых (особенно изделий со скошенным пером), так и ассиметрично-черешковых наконечников с боковой выемкой (Гренск). Подобные формы предметов вооружения относят к числу гибридных (Сорокин, 2002. С. 132–150; Butrimas, Ostrauskas, 1999. Р. 267–270, fig. 4). Считается, что они сочетают в себе черты традиций кремнеобработки несвидерской, в нашем случае, гренской культуры (форма наконечника) и свидерской (прием плоской подтески черешка).

Однако происхождение так называемых «гибридных» форм наконечников остается дискуссионным. Во-первых, такие наконечники представлены единичными экземплярами и, подправку черешка плоской ретушью в данном случае можно рассматривать как случайность. Во-вторых, нельзя исключать вариант самостоятельного возникновения способа плоского ретуширования черешковой части наконечников, не характерного, подчеркиваем, для гренской культуры в целом. Для гренских наконечников наиболее характерным был прием поперечного усечения выступающего ударного бугорка одним-двумя и более однонаправленными сколами, что непременно вело к утончению базальной части черешка. В этом, на наш взгляд, видится некоторое отличие от классических свидерских способов обработки черешковой части наконечников плоской вентральной ретушью — более аккуратной и выдержанной, чем «гренская».

Рассматривая контекст гренской культуры, нельзя обойти вниманием сведения о жилищно-хозяйственных объектах ее памятников. Плохая сохранность органики в культурных отложениях гренских стоянок, которые включены в песчаный слой почвы, создает проблемы в изучении поселенческой структуры этого культурного явления, характера хозяйственного освоения бассейна р. Сож гренским населением на рубеже плейстоцена — начала голоцена. В настоящее время в Посожье можно указать только два пункта гренской культуры, на которых зафиксированы остатки хозяйственных объектов — Гренск (Будько, дневник за 1959 г.; отчет за 1960–1961, л. 11–41; отчет за 1961 г.; Будько, 1966. С. 35–46) и Поклады-2 (Колосов, 2005б. С. 16–25). Еще одна структура в виде остатков округлого жилища с очагом найдена в Поднепровье (Лудчица) (Копытин, 1992. С. 38–40, рис. 9).

Первые сведения о существовании каких-либо объектов на памятниках гренской культуры были получены В. Будько в 1959 г. на стоянке Гренск. В частности, исследователем отмечалась находка остатков очага (или очагов?), вокруг которого концентрировалась огромное количество расщепленного кремня, древесного и костного угля (Будько, Дневник за 1959 г.; Будько, Отчет за 1960–1961, л. 11–41; Отчет за 1961 г.; 1966. С. 35–46). К сожалению, попытки В. Копытина, продолжавшего исследования Гренской стоянки в 1970–1980-е гг., установить наличие и количество объектов в Гренске не увенчались успехом (Копытин, 1992. С. 32–38; 1994. С. 34–59).

Остатки подокруглого столба (0,26×0,35×0,12 м) и очага (0,45×0,50×0,08 м), зачищенных на глубине 0,48 м от дневной поверхности, были исследованы во время раскопок стоянки Поклады-2 в Среднем Посожье (Колосов, 2005б. С. 16–25). Южнее этих объектов на глубине 0,78 м был изучен еще один очаг овальной формы, похожей на цифру «восемь», размером 1,06×0,62×0,10–0,20 м.

Вопросы происхождения и хронологии памятников гренской культуры остаются во многом не решенными, что неоднократно подчеркивалось в литературе (Залізняк, 1999. С. 223; Калечиц, 1987. С. 117–119; 2003. С. 44–72; Копытин, 1992. С. 57). Впервые вопрос о генезисе гренской культуры был поставлен В. Будько (1966. С. 35–44). Формирование своей «свидерско-гренской культуры» он связывал с традициями «костенковско-авдиевской, елисеевической, юдиновской, тимоновской» позднепалеолитических культур (Будько, 1966. С. 42). Однако это предположение не имело под собой надежной фактологической базы и сразу вызвало соответствующую критику со стороны исследователей (Археалогія Беларусі, 1997. С. 39–40; Копытин, 1992. С. 11; 2000; Ксензов, 2006. С. 16–36; Формозов, 1975. С. 85–89).

На современном этапе историографии существует несколько гипотез относительно генезиса гренской культуры, которые с точки зрения методологии науки можно объединить в две

большие группы: миграционного и автохтонного происхождения. Сторонниками первой группы ученых являются украинский археолог Л. Зализняк и отечественный исследователь В. Ксензов (Зализняк, 1989; Зализняк, 1999; 2005; Ксензов, 1988; 1997. С. 7–11; 2006). При этом развитие представлений о генезисе гренской культуры последнего ученого шло параллельно с идеями Л. Зализняка.

Гренские памятники Л. Зализняк объединяет в рамках выделенной им красносельской культуры, происхождение которой выводится из традиций культуры восточного лингби. По мнению исследователя, во время аллередского потепления и в начале позднего дриаса лингбийское население в результате миграций смогло освоить обширную территорию: от бассейна р. Одер до верховьев Волги (Зализняк, 2005. С. 44–51). Часть лингбийских охотников, мигрировавших на юго-восток, стала той генетической основой, на которой впоследствии сформировалась красносельская культура. Территориально эта культура охватывала верхнее течение Немана, Припятское Полесье и Верхнее Поднепровье. Главным аргументом Л. Зализняка в подобных культурологических реконструкциях является наличие в красносельских (в том числе, и гренских) комплексах наконечников типа лингби (Зализняк, 2005. С. 44–49).

Мнение Л. Зализняка относительно генезиса гренской культуры, как отмечалось выше, разделял В. Ксензов (1988. С. 48–52; 1997. С. 7–11; 1999. С. 229–239; 2006. С. 16–39). Руководствуясь формами наконечников стрел, В. Ксензов происхождение гренской культуры вначале рассматривал в контексте развития аренсбургских традиций (Ксензов, 1988. С. 48–52), а несколько позже — лингбийских (Ксензов, 1997. С. 7–11; 1999. С. 229–239; 2006. С. 16–39).

По мнению В. Ксензова, предшествующими гренской культуре были стоянки Аносowo и Берестеново на Верхнем Днепре. Материалы этих памятников связывались с традициями культуры лингби, которая, по версии исследователя, стала «непосредственной генетической основой гренской культуры» (Ксензов, 2006. С. 16–39). Одним из главных направлений миграционных потоков лингбийского населения в Верхнее Поднепровье, по мнению В. Ксензова, был западный. Доказательством «западного» происхождения ранних комплексов гренской культуры являлось сходство форм черешковых наконечников стрел, известных среди лингбийских памятников на территории Понеманья и Припятского Полесья (Ксензов, 1997. С. 11; 2006. С. 36).

Другой взгляд на генезис гренской культуры выразил в своих работах В. Копытин (1992; 1999; 2000; 2005). В. Копытин и сторонники его взглядов принадлежат к группе ученых, которые придерживаются концепции автохтонного происхождения гренских древностей. Так, гренское население, по мнению этого исследователя, являлось прямым генетическим потомком мезинских культурных традиций позднего палеолита. Выводы В. Копытина основывались на анализе всех типобразующих форм кремневого инвентаря памятников гренской культуры, в результате чего удалось обнаружить «поразительное сходство» мезинских и гренских традиций в обработке кремня (Археологія Беларусі, 1997. С. 39–55; Копытин, 1992. С. 10–27; 1999. С. 257–261; 2000; 2005). Тем самым отрицалась возможность формирования гренской культуры на базе лингбийской. Распространение же черешковых наконечников стрел, так похожих по своей форме на лингбийские, объяснялось В. Копытиным конвергентным развитием финально-палеолитических культур Восточной Европы, оказавшихся в сходной экологической ситуации (Копытин, 2000. С. 134–135).

Позиции В. Копытина на генезис гренской культуры разделяет Е. Калечиц, но считает необходимым обратить внимание на поиски местного субстрата и возможную связь гренска с традициями Бердыжа, что подкрепляется более поздней датой ², полученной для этого верхнепалеолитического памятника Восточной Беларуси (Калечиц, 2003. С. 54).

Аналогичное мнение о возможной связи гренской культуры с поздним палеолитом Русской равнины в свое время выразил В. Бутько, который видел преемственность в формах черешковых наконечников стрел ранней группы стоянок гренской культуры и наконечников с боковой выемкой костенковско-авдеевской культуры (Бутько, Сорокина, 1969. С. 135).

Идеи автохтонного происхождения и развития гренских древностей придерживается Г. Синицына (2008. С. 168–170). Гренская культура, по мнению исследовательницы, является

² Имеется в виду дата 15100±250 лет (ОхА-716).

ярким примером развития местных традиций единого позднемедленского культурного пространства, которое сложилось на территории Верхнего Поднепровья на рубеже плейстоцена — голоцена. Этот факт подкрепляется не только представлениями о специфике кремневого инвентаря гренской культуры, который, по мнению Г. Сеницыной, заметно отличается от технокомплекса бромме-лингби, но и естественнонаучными датами, полученными для финальнопалеолитических памятников Валдайской возвышенности, о чем будет сказано ниже.

Само решение «гренского вопроса» упирается в отсутствие памятников, имеющих выраженную стратиграфию и характеризующихся «чистыми» и представительными комплексами вещевого материала. Следовательно, все возможные рассуждения о роли того или иного генетического компонента в сложении гренской культуры будут всегда иметь предварительный характер. Как впрочем, не менее дискуссионной для гренска является и хронология.

В этом отношении, за неимением абсолютных дат для гренской культуры, мнений на проблему определения ее временных рамок много и каждое из них базируется, в первую очередь, на результатах сравнительного и, преимущественно, типологического анализа кремневых комплексов. Первая хронологическая схема для гренской культуры была предложена В. Будько (1966. С. 35–46). За основу были взяты данные по стоянкам Гренск, Подлужье и Коромка. Стратиграфические наблюдения и представление об эволюционном развитии форм орудий труда этих памятников позволили В. Будько выделить три хронологических этапа в развитии «свидерско-гренской культуры». Памятники первого этапа им датировались ранним дриасом. Второй этап определялся временем не позднее белингского интерстадиала, третий приходился на аллеред (Там же. С. 35–46). Однако позднейшие исследования гренских стоянок обнаружили ошибочность взглядов В. Будько на проблему развития культуры и показали невозможность их применения для хронологических построений (Археологія Беларусі, 1997. С. 39–55; Копытин, 1992. С. 10–27, 32–47; Ксензов, 2006. С. 23–25).

В. Копытин выделял две хронологические группы памятников гренской культуры (Археологія Беларусі, 1997. С. 39–55; Копытин, 1992. С. 10–27, 32–47). В первую группу он включил стоянки Боровка, Коромка и Хвойная, и датировал их финальным палеолитом (12–10 тыс. лет назад). Вторая хронологическая группа была представлена стоянками Гренск, Могилевская, Лудчицы, Чигиринка и относилась к раннему мезолиту (10–8 тыс. лет назад). Такое хронологическое деление материалов гренской культуры, по мнению В. Копытина, было обосновано особенностями топографии стоянок: «все памятники раннего мезолита расположены ниже 150 м над уровнем моря» (Археологія Беларусі, 1997. С. 46), что не подтверждается современными научными исследованиями. Граница между комплексами финального палеолита и раннего мезолита В. Копытиным проводилась условно и строилась на представлении об эволюционном развитии техники расщепления кремня и отдельных форм орудий труда (Археологія Беларусі, 1997. С. 45–46; Копытин, 1992. С. 32).

Е. Калечиц, разделяя в целом взгляды В. Копытина на хронологию гренской культуры, с учетом данных палеогеографии предлагает удревнить ее на два-три тысячелетия, поскольку «территория Восточной Беларуси южнее Оршы могла быть обжита практически весь период позднеледниковья, даже с 15 тысячелетия, когда ледник окончательно покинул границы Беларуси» (Калечиц, 2003. С. 53).

С учетом новых геомагнитных датировок для памятников финального палеолита Валдайской возвышенности, отдельные из которых проявляют типологическое сходство со стоянками гренской культуры (Вышегора-1), Г. Сеницына предлагает «вернуться к точке зрения В. Д. Будько, который датировал среднюю группу гренской культуры временем не ранее белинга и не позднее аллереда, т. е. 12,7–1,8 т. л. н., что согласуется с определением возраста погребенной почвы на стоянке Вышегора I» (Сеницына, 2008. С. 170).

Безусловно, материалы Г. Сеницыной открывают новые перспективы в решении проблем генезиса и хронологии гренской культуры, характера культурно-исторических связей населения Верхнего Поднепровья в конце ледниковой эпохи. Однако следует помнить, что выводы В. Будько относительно хронологии выделенной им «свидерско-гренской культуры» строились на некорректной системе критики источников (Копытин, 1994. С. 34–59), поэтому нет никакой

необходимости накладывать абсолютные даты, полученные для памятников Валдая, на хронологическую схему В. Будько.

Л. Зализняк, рассматривая хронологию и периодизацию красносельской культуры, определил время развития ее кремневой индустрии поздним дриасом (Зализняк, 2005. С. 46–51). Он считает, что в конце аллередского потепления и в начале позднедриасового похолодания отмечается трансформация памятников восточного лингби в красносельскую культуру. Последняя в начале пребореала стала основой формирования иеневских и песочноровских древностей (Зализняк, 1999. С. 96–101; 2005. С. 46–51, 62). Переходными от красносельской к иеневской и песочноровской культурам, по мнению Л. Зализняка, являются верхнеднепровские памятники типа Боровка.

Концом финального палеолита и мезолитом датировал гренскую культуру В. Ксензов (1988. С. 48–52; 1997. С. 7–11; 2006. С. 29–31). В качестве хронологических реперов В. Ксензов использовал понятие об изменчивости форм орудий труда, скребково-резцовый показатель, наличие или отсутствие в составе коллекций геометрических микролитов — трапеций. Это позволило в развитии культуры выделить три хронологических этапа. Первый этап, по мнению В. Ксензова, приходился на поздний дриас (10800–10300 лет назад) и характеризовался материалами стоянок Аносово, Берестеново, Лудчицы и, возможно, Коромка. Второй этап датировался пребореалом — бореальным периодом (10300–8000 лет назад) и объединял стоянки Боровка, Орша-1, Гренск, Гута-1, Журавель, Песчаница и Хвойная. Третья хронологическая группа относилась к атлантическому времени (8000–7000 лет назад) и определялась материалами стоянок Рекорд, Речица-2 и Чижовка. Таким образом, посожские стоянки Гренск и Журавель относились к раннему мезолиту.

Однако такая схема временного развития гренской культуры не нашла поддержки среди отечественных исследователей (Археология Беларуси, 1997. С. 52; Калечиц, 2003. С. 47; Копытин, 1992. С. 12; 2000. С. 133), так как возраст некоторых гренских стоянок, определенных В. Ксензовым, не соответствовал реальной палеогеографической ситуации. Дискуссионным остается датирование отдельных памятников гренской культуры поздним мезолитом только на основании факта присутствия в коллекции трапеций. Действительно, высокие и средневысокие трапеции сопровождают кремневый инвентарь стоянок Рекорд и Речица-2. Но сами коллекции этих памятников созданы в результате поверхностных сборов. В них кроме гренских имеются материалы некоторых мезолитических и неолитических культур. Например, в кремневом инвентаре Речицы-2 вместе с гренским содержится выразительный комплекс находок кудлаевской культуры эпохи мезолита. Поэтому присутствие трапеций не является надежным показателем «позднемезолитичности» гренской культуры, поскольку относится к числу кудлаевских находок, что признавал и сам В. Ксензов (1988. С. 105–110; 1994б. С. 16, 25). Более того, коллекции стоянок Речица-2, Рекорд и Чижовка статистически не выражены, поэтому и не могут быть использованы для хронологических построений и тем более обоснования отдельного позднемезолитического этапа в развитии гренской культуры.

С учетом радиоуглеродных дат возникновение кремневых комплексов с трапециями в иеневской культуре междуречья Волги и Оки относится к другой половине пребореала — началу бореального времени (Кравцов, Сорокин, 1991. С. 38–60; Сорокин, 2004. С. 77–78; Kravtsov, 1999. P. 272–279). К такому выводу приходит и Л. Зализняк, когда рассматривает проблемы хронологии песочноровской культуры деснинского бассейна (Зализняк, 1999. С. 216–224; 2005. С. 60–62).

Обращая внимание на весь круг проблем гренской культуры, нельзя обойти вниманием работы польских исследователей. Так, С. Козловски начало формирования деснинской культуры, под которой понимаются комплексы с ассиметрично-черешковыми наконечниками с боковой выемкой, в том числе и гренские, ведет от IX тыс. до н. э. и доводит время ее существования до раннего голоцена (Kozłowski, 1999. P. 30–35). Именно после окончания ледниковой эпохи, как считает С. Козловски, происходит трансформация деснинских древностей в ряд «пост-деснинских» культур.

По мнению К. Шимчака деснинские элементы на памятниках северо-восточной Польши известны на протяжении аллереда — бореального времени (Szymczak, 1995. S. 70). Аналогичных взглядов придерживался и отечественный исследователь В. Обуховский, который допускал

возможное взаимодействие населения волкушанской культуры с гренским «не позднее середины дриаса III» (Обуховский, 2007. С. 159).

З. Сульгустовска для бореального времени отмечает широкие миграции гренского населения в западном направлении (Sulgustowska, 2005. S. 134). Причиной такой активной мобильности гренских охотников, как считает исследовательница, был поиск и добыча гематита, месторождения которого известны около местечка Рыдно. Однако, несмотря на наличие в кремневых комплексах стоянок указанной территории ассиметрично-черешковых наконечников с боковой выемкой, нельзя согласиться с тем, что население гренской культуры Верхнего Поднепровья и тем более Посожья — региона богатого на залежи мелового кремня — намеренно совершали столь дальние походы за сырьем совершенно другого качества. Это подтверждается и отсутствием изделий из гематита в кремневом инвентаре верхнеднепровских и посожских стоянок гренской культуры.

В настоящее время очень сложно решается вопрос об исторических судьбах гренского населения, особенно того, которое проживало в бассейне р. Сож. И если для В. Ксензова эта проблема оставалась открытой, то в современной историографии сложилось устойчивое мнение рассматривать гренскую культуру в качестве прямого генетического предка населения двух культурных традиций — иеневской в Волго-Окском междуречье и песочноровской в Среднем Подесенье (Археалогія Беларусі, 1997. С. 52; Залізняк, 1999. С. 223; 2005. С. 51, 60–62; Копытин, 1992. С. 46–47).

На основе аренсбургских и красносельских традиций, по данным Л. Зализняка, в Скандинавии сформировалась постаренбургская культурная зона, в которую, кроме иеневской и песочноровской культур, входили также культуры Фосна и Комса (Залізняк, 2005. С. 51). Аналогичных взглядов придерживается и С. Козловский, который считает, что в начале голоцена в междуречье Верхнего Днепра и Десны возникла «пост-деснинская» культура, близкородственная культурам европейского севера — Фосна и Комса (Kozłowski, 1999. P. 30–35).

По мнению В. Копытина и Е. Калечиц (Археалогія Беларусі, 1997. С. 55–67; Калечиц, 2003. С. 67–72; Копытин, 1992. С. 48–58), часть гренского населения, при опосредованном участии свидерского, стала генетической основой сожской культуры позднего мезолита (8000–6000 лет назад). Представления об этой локальной культуре строились на идее аккультурации традиций целого ряда мезолитических культур. Археологически это подтверждалось присутствием в составе кремневого инвентаря сожской культуры гренских (техника расщепления и орудия труда) и свидерских (наконечники стрел с плоской подтеской черешка) элементов.

Анализ коллекций опорных памятников сожской культуры показал, что конгломерат ее кремневых комплексов является результатом естественного (механического) смешения материалов разных культур, а не примером взаимодействия и взаимовлияния разнокультурных традиций, на базе которых впоследствии формировались отдельные локальные группы памятников (Колосов, 2005а. С. 8–14; 2005в. С. 8–12). Поэтому идею трансформации гренской культуры в некое новое и своеобразное явление позднего мезолита Посожья следует считать только моментом историографии. Тем более что сожская культура относилась к числу «постсвидерских культур» или «культур свидерских традиций» эпохи мезолита (Калечиц, 2003. С. 66–67; Копытин, 1992. С. 49, 54). Следовательно, в области противоречий оказалось мнение о роли гренской культуры в сложении сожских древностей.

В последнее время высказывается мнение о возможном удревнении иеневской культуры междуречья Волги и Оки (Сорокин, 2006. С. 68–85; Сорокин, Ошибкина, Трусков, 2009). Объективность абсолютных дат этой культуры ставится под сомнение, что, по мнению А. Сорокина, объясняется «феноменом натурального омоложения палинологических спектров и радиоуглеродных образцов» (Сорокин, 2006. С. 81). По времени иеневская культура, как считает А. Сорокин, может соответствовать финальному палеолиту и, следовательно, традиции иенева поставлены в один ряд с такими культурами как аренсбургская, гренская, песочноровская, устькамская. Этим признается культурное своеобразие иеневских древностей, генетически связанных, по мнению А. Сорокина, с кругом культур бромме-лингби (Сорокин, 2006. С. 81–82; Сорокин, Ошибкина, Трусков, 2009).

Если выводы А. Сорокина верны, тогда необходимо будет признать древность не только самой гренской культуры, что собственно согласуется с новыми датами Г. Синицыной по памятникам Валдайской возвышенности, но и иеневско-песочноровских комплексов с трапециями. Естественно, кремневый инвентарь гренской, иеневской и песочноровской культур типологически сближает общность форм отдельных орудий и, в первую очередь, ассиметрично-черешковых наконечников с боковой выемкой. Однако нельзя не заметить отсутствие в составе гренского технокомплекса геометрических микролитов (трапеций, треугольников, сегментов). С одной стороны, это может отражать локальную специфику гренских древностей на фоне иеневских и песочноровских, с другой — являться хронологическим показателем.

Правда, если строго подходить к трапециям как одному из критериев хронологического определения материалов культуры, то нельзя не заметить, что единичные формы известны и в некоторых комплексах гренской культуры. Например, грубая ассиметричная трапеция содержится в кремневом инвентаре стоянки Хвойная, которая по стратиграфическим наблюдениям датируется началом позднего дриаса (Копытин, 1992. С. 25–27; 1999. С. 272–279). Известны трапеции и в коллекции Гренской стоянки, но отсутствие выразительной стратиграфии памятника, наличие разновременных материалов не позволяют связать находки этих микролитов конкретно с гренским комплексом.

Для решения вопроса о времени появления в среде культуры ассиметрично-черешковых наконечников с боковой выемкой геометрических микролитов, как, впрочем, и культуры в целом, требуется привлечение надежных источников, обеспеченных данными естественных наук. На данном же уровне исследования речь должна вестись не о начале появления трапеций как таковых, а о начале наибольшего и, заметим, повсеместного их распространения. Этот факт, на наш взгляд, либо дает яркий пример технических новаций в среде культур охотников на северного оленя, связанных с изменением способов ведения хозяйства в условиях трансформации окружающей среды на рубеже плейстоцена — голоцена, либо появление микролитов может отражать культурную специфику. Но в любом случае, мы не вправе пока считать абсолютной истиной мнение о появлении комплексов с микролитами в иеневской культуре уже в позднеледниковое время, тем более что и ранних (финальнопалеолитических) дат для иеневских и песочноровских стоянок, на которых геометрические микролиты образуют серии, не известно.

В целом гренская, иеневская и песочноровская культуры — это не просто явления одного генетического порядка, а пример эволюции культурных и хозяйственных традиций населения в условиях трансформации окружающей среды в конце эпохи плейстоцена — начале голоцена. В данном случае понятия «гренская», «иеневская» и «песочноровская» культуры выступают своеобразным инструментом в изучении проблем круга культур ассиметрично-черешковых наконечников, распространенных в разных регионах Восточной Европы. В этом плане следует признать справедливым мнение Е. Леоновой, которая объединяет комплексы с ассиметричными наконечниками в «единое информационное пространство, границы которого, вероятно, менялись во времени» (Леонова, 2007. С. 147–148). Значит, культурное своеобразие Верхнего Поднепровья, волго-окского и деснинского бассейнов в составе этого единого пространства является показателем тех технических и хозяйственных изменений, роль в которых, безусловно, сыграл экологический фактор (Балакин, Нужный, 1990. С. 90–100).

Свидерская культура

История изучения свидерской культуры в Посожье берет свое начало еще в довоенное время. Анализ подъемного материала целой серии стоянок на Соже, открытых К. Поликарповичем в конце 1920 — начале 1930-х гг., позволило выделить отдельную «свидерскую стадию эпипалеолита» в бассейне этой реки (Паликарпович, 1928; 1930; Поликарпович, 1934; 1957). К. Поликарпович один из первых обратил внимание на сходство посожских памятников со стоянками Северной Украины и попытался провести аналогичные параллели со свидерскими стоянками Понеманья и Польши (Поликарпович, 1934. С. 77).

Проблема развития свидерских древностей в Восточной Беларуси и бассейне р. Сож в частности затрагивалась также в работах М. Воеводского (1934; 1950), А. Формозова (1954), В. Будько (1962; 1966), Н. Гуриной (1965; 1977), Р. Римантене (1971), Л. Кольцова (1977),

Л. Зализняка (1989; 1999; 2005) и др. Но в 1980–1990-е гг. в отечественной историографии сложилось особое отношение к интерпретации материалов памятников, в том числе и тех, которые первоначально относили к числу свидерских. На данном источниковедческом этапе были выделены отдельные локальные культуры, своеобразие которых подчеркивалось синтезом традиций целого ряда финальнопалеолитических и мезолитических культур — гренской и свидерской в составе сожской культуры позднего мезолита (Калечиц, 1987; 2003; Копытин, 1992; 1999), свидерской и лингбийской в контексте днепро-деснинских древностей (Ксензов, 1988; 1994а; 1994б; 1997; 2006).

На территории Восточной Беларуси памятники свидерской культуры отмечались только в трех пунктах, расположенных в бассейне Днепра — Яново-1 и 2 и Баркалабово (Калечиц, 2003; Копытин, 1992. С. 27–31; Ксензов, 1988; 1997. С. 11). Материалы Яновских стоянок, по данным В. Ф. Копытина, датировались финальным палеолитом, стоянка Баркалабово по времени относилась к раннему мезолиту (Копытин, 1992. С. 27–31). Таким образом, отмечалось, что в финальном палеолите — раннем мезолите отдельные группы свидерских охотников достигли правобережья Днепра, а их расселение в восточном направлении, т. е. на территорию Посожья, сдерживалось обитавшем здесь населением гренской культуры (Ксензов, 1997. С. 5–15).

В настоящее время от этого мнения пришлось отказаться, и с учетом новых данных следует признать факт малочисленности или полного отсутствия свидерских памятников как результат слабой изученности этого культурного явления на территории Восточной Беларуси (Колосов, 2009а; 2009б. С. 39–41; 2010. С. 77–89). Только в бассейне р. Сож удалось установить присутствие 22 местонахождений, на которых были обнаружены материалы свидерской культуры (рис. 3). В Нижнем Посожье сюда относятся стоянки Кленки-1, 3, 4, 5, 8, Присно, Рудня Споницкая-1 (Латки), Старое Село-6; Залядь-1, 2 и Романовичи-1 в бассейне р. Ипуть; Бартоломеевка и Новые Громыки (Аврамов Бугор) в бассейне р. Беседь. В среднем течении Сожа свидерские комплексы отмечены среди материалов стоянок Александровка-2 (Толкачевка), Борисовичи-1 и 3, Ворновка (Гренск), Горки (Угаревка), Костюковка (Взлужье), Рудня-1 (Климовичский р-н), Папоротки, Первокривичевский-3, (Среднее Посожье). На двух памятниках проведены стационарные работы — Горки (Копытин, 1992. С. 49–54) и Новые Громыки (Аврамов Бугор) (Калечиц, 1987. С. 20–26; 2003. С. 62–63).

Наиболее выразительный комплекс находок свидерской культуры в Посожье представлен в коллекции стоянки Первокривичевский-3. К свидерской культуре здесь относятся нуклеусы, которые имеют две противоположных ударных площадки, скошенных под углом 50–80° в сторону контрфронта. Остаточные ядрища характеризуются средними и крупными размерами — 60–100 мм в длину, 50–60 мм в ширину и 40–60 мм в толщину (рис. 12: 5–10). Боковые стороны и контрфронт нуклеусов подправлены поперечными сколами, карниз ударной площадки редуцирован. На скальвающей поверхности сохраняются негативы пластин или пластинчатых сколов правильной огранки, полученных в технике удара. Комплекс орудий труда включает серию скребков, резцов и проколов, изготовленных на длинных пластинчатых заготовках, а также наконечник стрелы, черешок которого слабо выражен полукрутой дорсальной ретушью и дополнительно подправлен плоской со стороны брюшка (рис. 13: 1).

К числу свидерских можно отнести отдельные находки стоянки Горки, которая ранее связывалась с сожской культурой и датировалась поздним мезолитом (8000–6000 лет назад). Анализ нуклеусов и сколов, полученных с них, отдельных форм орудий труда и предметов вооружения позволяет считать, что урочище Угаревка, где расположен памятник, посещалось неоднократно. В коллекции стоянки Горки выделяются материалы свидерской и гренской культур финального палеолита, бутовской культуры эпохи мезолита и среднеднепровской культуры бронзового века.

Источниковедческую условность коллекции стоянки Горки понимал, очевидно, и сам В. Копытин, который на протяжении 1974–1989 гг. исследовал 1668 кв. м культурных отложений стоянки. В личном архиве ученого содержится достаточно интересное, на наш взгляд, замечание по поводу одновременности материалов стоянки Горки (Колосов, 2005а. С. 13). В нем В. Копытин высказал предположение о неоднократном заселении урочища, а это значит, что

принимать весь комплекс находок памятника за единый и, тем более, эталонный образец для характеристики локальной культуры, не было необходимости.

Статистические методы обработки вещевого материала в данном случае оказались непригодными. Они не позволяют объективно оценить характер культурного освоения конкретного местонахождения, особенно если культурный горизонт на нем стратиграфически не выделяется. Признавал это и В. Копытин, считавший, что материалы стоянок с невыраженным культурным слоем «ничего существенного дать не могут в стратиграфическом отношении» (Копытин, Отчет за 1975 г. С. 3). В качестве примера приводилась стратиграфия стоянки Горки. Культурный слой этого памятника, отмечал В. Копытин, как и остальных местонахождений каменного века в Посожье, был установлен условно по границам вертикального распространения находок в подзолистом и иллювиальном горизонтах почвы.

Свидерский комплекс находок стоянки Горки характеризуют техника расщепления кремня и отдельные категории орудий труда. Процесс получения заготовок был подчинен исходной форме кремневого сырья. На стоянке Горки для этих целей использовались вытянутые по длине овальные и уплощенные желваки мелового кремня, встречающегося в обнажении первой надпойменной террасы, на которой расположено древнее поселение. Преимущество отдавалось кремневым конкрециям, размеры которых не превышали 50–80 мм, что, видимо, наложило свой отпечаток на параметры пластинчатых заготовок, характеризующихся короткими и узкими формами, и морфологию нуклеусов, 70% которых сохраняет желвачную корку на контрфронте.

Техника расщепления кремня на стоянке Горки была основана на принципе одностороннего параллельного снятия пластин и пластинчатых отщепов с одно- и двухплощадочных нуклеусов; боковые стороны и контрфронт ядрищ имеют поперечную подправку. Подготовка нуклеусов сводилась к формированию ударной площадки поперечным усечением. В ходе расщепления она подправлялась поперечными сколами. Карниз ударной площадки нуклеусов редуцирован. Угол скалывания заготовок составляет 54–90°.

К свидерской культуре в Горках следует отнести серию узких и длинных пластин, снятых с двухплощадочных нуклеусов. Эти сколы характеризуются параллельной и встречной ограниченной дорсальной поверхностью, рудиментами короткой, в отдельных случаях точечной, ударной площадки, предварительно подготовленной путем редуцирования карниза. Основная часть пластин была использована для производства наконечников стрел, пластин со скошенным концом, отдельных типов острий и проколов (рис. 14).

Среди наконечников стрел выделяются изделия с четким и слабовыраженным черешком, который со стороны брюшка дополнительно подправлен плоской ретушью (рис. 14: 1–8). По способам оформления пера выделяются наконечники, сохраняющие естественные очертания дистального конца заготовки. Острия отдельных экземпляров подправлены мелкой дорсальной ретушью, которая в некоторых случаях может дополнительно сочетаться с плоской обработкой вентрального фаса пластины. На стоянке Горки обнаружены также черешковые наконечники стрел со скошенным пером (тип Смячки-14А, рис. 14: 7).

В целом схожие черты, особенно в предметах вооружения, материалы посожских стоянок имеют со свидерскими памятниками финального палеолита Восточного Полесья, а также среди свидерских стоянок Литвы позднего дриаса — начала пребореального времени (Залізняк, 2005. С. 51–55; Неприна и др., 1989. С. 83–105; Римантене, 1971. С. 39–54, 53–61, 85–89; Šatawičius, 2005. P. 159–162).

Теперь следует обратиться к вопросу о роли свидерской культуры в сложении мезолита бассейна р. Сож. Находки отдельных наконечников стрел позднесвидерских форм, имеющих дополнительную обработку пера (Борисовичи-3, Горки), а также единичных трапеций (Баркалабово, Горки), допускают возможность обитания свидерского населения в Посожье в начале раннего голоцена. Однако в отечественном мезолитоведении сложилось особое мнение о характере развития свидерских традиций в рамках двух своеобразных локальных культур — сожской и днепро-деснинской (Калечиц, 1987; 2003; Копытин, 1992; 1999; Ксензов, 1988; 1994а; 1994б; 1997; 2006). Поэтому существует необходимость подробного рассмотрения материалов этих так называемых «постсвидерских» культур и определения их места в мезолите Восточной

Беларуси. Основанием такого пристального внимания к историографии сожских и днепродеснинских древностей является устоявшееся источниковедческое разночтение материалов одних и тех же памятников, которые привлекались для выделения этих культурных явлений.

Сожская мезолитическая культура была выделена В. Копытиным в 1970-е гг. в результате многолетнего изучения стоянок Посожья, верхнего течения Днепра и бассейна р. Березина (Копытин, 1977. С. 60–65; 1983. С. 46–51; 1992. С. 48–58, 64, 79–86). История изучения и круг проблем данной культуры неоднократно освещались в литературе (Калечиц, 1987. С. 5–10; 2003. С. 10–13; Копытин, 1992. С. 3–7; Ксензов, 1988. С. 11–15; 2006. С. 40–59). Напомним, что первоначально в локальную позднемезолитическую культуру были объединены памятники, которые, по мнению В. Ф. Копытина, наследует «мезинские культурные традиции со свидерскими элементами» (Копытин, 1977. С. 66). Основанием для такого вывода стали: 1) топография памятников (в основном, первая надпойменная терраса); 2) условия залегания культурных остатков (иллювиальный горизонт); 3) облик кремневого инвентаря (большой процент орудий на отщепах, преобладание скребков над резцами (2:1), распространение рубящих орудий) (Копытин, 1977. С. 60–65; 1983. С. 46–51).

В конце 1980-х–1990-е гг. четко обозначилась детализация вопросов, связанных с генезисом, хронологией и историческими судьбами населения сожской культуры. Так, в ареал культуры В. Копытин включил материалы стоянок бассейна р. Сож (Горки-2, Журавель, Клины-2, Присно), Днепра (Береговая Слобода, Новый Быхов-2, Рдица), Березины (Городок, Василевичи-2, Михайловка) и Беседи (Аврамов Бугор, Бабулин Бугор, Столбун) (Копытин, 1992. С. 48–58, 64, 79–86; 1999. С. 264–265). По мнению В. Копытина, данная культура представляла собой явление, сформированное на базе двух культурных традиций — гренской и свидерской (Копытин, 1992. С. 48; 1999. С. 264). Гренские черты прослеживались в технике расщепления кремня, основанной на монофронтальном снятии пластин и отщепов с одно- и двухплощадочных нуклеусов и отдельных типах орудий, основной заготовкой для которых был отщеп; свидерские — в формах наконечников стрел (Копытин, 1992. С. 48; 1999. С. 264).

Стандартный набор кремневого инвентаря сожской культуры, по В. Копытину (1992. С. 48–50; 1999. С. 264–265), включал черешковые наконечники стрел из пластин, имеющие слабовыраженный или острый черешок с дополнительной обработкой брюшка плоской ретушью; концевые скребки (доминируют) при наличии двойных, со скошенным рабочем краем, с «шипом», подокруглых и округлых форм; имеются скребловидные изделия и изделия с выемкой; ретушные, срединно-угловые и на сломе заготовки резцы. В коллекциях также встречались комбинированные орудия в виде модификаций скребков и резцов, скребков и проколов, скребков и скобелей. В группе колющих орудий выделялись симметричные и косые острия, сверла и проколки. Вкладышевые изделия представлены сечениями пластин, имеющих по краям следы утилизации или угловые резцовые сколы. Среди геометрических орудий присутствует незначительное количество трапеций. В числе рубящих указывались орудия овальной, трапециевидной и острообушной форм, топорики с перехватом.

Хронология сожской культуры, по мнению В. Копытина, укладывалась в пределах VI–V тыс. до н. э., а исторические судьбы населения связывались с формированием верхнеднепровской неолитической культуры (Копытин, 1992. С. 48, 59; 1999. С. 264).

Взгляды В. Копытина на генезис и хронологию сожской культуры разделяет Е. Калечиц (1987; 2003). При этом исследовательница отмечает особое положение памятников Центральной Беларуси, сформированных «на основе сильных культурных импульсов свидера со свойственной ему пластинчатостью», что «дает основание для выделения в Березинском бассейне специфического явления, не получившего пока названия» (Калечиц, 2003. С. 71).

Несколько иной подход в решении проблем финального палеолита и мезолита Верхнего Поднепровья содержится в работах В. Ксензова (1988; 1994а; 1994б; 1997; 2006). На основе полученных материалов первоначально им была выделена позднемезолитическая культура, получившая название «верхнеднепровская» (Ксензов, 1986. С. 11–19). Её территория, по мнению Ксензова, занимала обширные пространства бассейнов Березины, Днепра и Сожа.

В обобщающем монографическом исследовании «Палеолит и мезолит Белорусского Поднепровья» (Мн., 1988) исследователь предложил новую интерпретацию материалов в рамках

днепро-деснинской культуры, генетические корни которой будут связываться им со свидерской культурой (Ксензов, 1988. С. 41–52, 126).

В территориальном отношении эта «постсвидерская» культура, согласно В. Ксензову, была представлена памятниками Верхнего Поднепровья, Восточного Полесья и Среднего Подесенья (Ксензов, 1988. С. 41–105, 126). В своем развитии она прошла три этапа. К первому этапу были отнесены стоянки Яново, Дальнее Лядо, Лудчицы, Латки, Королева Слобода, Шихов, Верхи, Костюковка, ко второму — Балка-1, Бор, Залесье-4, Корост, Раска, Смячка-14А, Б, Г. Эти два этапа датировались ранним мезолитом в пределах пребореала — бореального времени (Ксензов, 1988. С. 48). Третий этап (начало VI — конец V тыс. до н. э.) представлен стоянками Береговая Слобода, Василевичи-2, Городок-4, Красновка-1А, Тайманово, Стасевка, Взлужье, Гайшин, Горки, Замостовье, Новый Быхов-2, Рдица, Студенец (Ксензов, 1988. С. 93–105).

Критериями для подобного хронологического деления памятников стали характерные для каждого хронологического этапа формы наконечников стрел и облик кремневого инвентаря в целом. Если на первом этапе, как считал В. Ксензов, были известны в основном симметричные наконечники стрел, выполненные в свидерской или постсвидерской манере, то на втором под влиянием гренской культуры в днепро-деснинских комплексах появляются ассиметричные наконечники (Ксензов, 1988. С. 93–105). Всего в материалах позднего этапа днепро-деснинской культуры В. Ксензовым было выделено семь типов наконечников (Ксензов, 1988. С. 95–96).

Характеризуя типологический состав кремневого инвентаря стоянок днепро-деснинской культуры, исследователь отмечал их территориальное различие, которое проявлялось, прежде всего, в выборе заготовки для изготовления орудий труда — пластина на Днестре и отщеп на Соже (Ксензов, 1988. С. 100). Это явление В. Ксензов объяснял двумя причинами: топографией стоянок Посожья, которые приурочены к выходам мела, содержащим кремневое сырье, и культурным влиянием извне. Он подчеркивал, что «коллекции памятников Посожья значительно многочисленнее, здесь больше скребков из вершинок конкреций, больше орудий из первичных отщепов, что однако не повлияло на присутствие днепро-деснинской культуре формы и типы орудий» (Ксензов, 1988. С. 100).

В 1990-е гг. В. Ксензов пересмотрел свои взгляды на хронологию днепро-деснинской культуры и уточнил ее происхождение (Ксензов, 1994а. С. 61–83; 1997. С. 11–15; 2006. С. 40–59). В первую, наиболее раннюю группу им были включены памятники Смячка-14А, Б, Г, Бор, Балка, Залесье, Раска, Баркалабово, Шихов, Королева Слобода, Латки, Чижаха, которые по типологическому составу коллекций однообразны. В инвентаре второй хронологической группы (Береговая Слобода, Рдица, Новый Быхов-2, Городище-2, Красновка-1А, Михайловка, Горки, Загорины-1, Дорошевичи, Лясковичи, Рожавка-1) появляются «ранее неизвестные формы орудий» (Ксензов, 1994а. С. 76–77; 1997. С. 14).

Это различие, по мнению исследователя, основывалось на присутствии в коллекциях днепро-деснинских памятников поздней группы простых черешковых наконечников без подправки насада плоской ретушью и наконечников с боковой выемкой (Ксензов, 1994а. С. 71, 77; 1997. С. 14; 2006. С. 40–59). Кроме этого, в поздних комплексах, как считал В. Ксензов, встречаются вкладышевые орудия, ланцетовидные наконечники, наиболее характерные для стоянок бассейна р. Березина, пластины с затупленным краем, трапеции (Ксензов, 1994а. С. 71, 74, 77; 1997. С. 14; 2006. С. 40–59).

Генетические корни днепро-деснинской культуры В. Ксензов считал возможным искать среди памятников свидерской (иволистные и черешковые наконечники с плоской вентральной обработкой насада, концевые скребки удлиненных пропорций, срединные и ретушные резцы на пластинах, рубящие орудия с перехватом, техника расщепления, основанная на снятии пластин с двухплощадочных нуклеусов) и лингбийской (черешковые наконечники, наконечники с боковой выемкой) традиций (Ксензов, 1994а. С. 82–83; 1997. С. 15; 2006. С. 56). Основываясь на данном положении, В. Ксензов ставил под сомнение возможность формирования сожской культуры на базе свидерской и гренской культур, что объяснялось отсутствием в Посожье свидерских памятников и малочисленностью гренских (Ксензов, 1997. С. 11).

По мнению В. П. Ксензова, основным типом-заготовкой для орудий труда днепро-деснинской культуры была пластина, что является свидерской чертой (Ксензов, 1997. С. 11–12,

14–15). Пластинчатость особенно подчеркивалась для памятников бассейна р. Березина. И только на стоянках Посожья, как считал В. Ксензов, в качестве заготовки широко использовался отщеп. Это стало основанием для выделения двух локальных групп: «западной (бассейн Березины) и восточной (бассейны Сожа и Днепра)» (Ксензов, 1994а. С. 77–78; 1997. С. 15).

Таким образом, в рассуждениях исследователей мезолита Восточной Беларуси наблюдалась попытка обоснования культурной специфики конкретной территории, которая выражалась в идее синтеза традиций ряда финальнопалеолитических и мезолитических культур. При этом для характеристики выделенных локальных культур использовались коллекции одних и тех же памятников, что вызывало некоторые недоразумения.

Первое противоречие возникло уже в самом названии культур. Оставалось не понятным: сожская и днепро-деснинская культуры — это два разных культурных явления или одно, но выраженное в разных названиях? Понятие «сожская культура» появилось на страницах публикации не случайно, поскольку именно в Посожье были получены достаточно выразительные коллекции, позволившие выделить и дать характеристику этому культурному явлению. Понятие «днепро-деснинская культура» в территориальном отношении было шире и охватывало не только бассейны Березины, Верхнего Днепра, Сожа, но и Средней Десны и нижней Припяти.

В. Копытин считал ошибочным включение деснинских материалов в состав днепро-деснинской культуры, так как они дают яркий пример распространения геометрических микролитов, не характерных для Верхнего Поднепровья (Копытин, 1992. С. 50–51). Однако деснинский бассейн в культурном отношении проявляет многообразие (Сорокин, 1986. С. 28–35; Зализняк, 1989; 1991; 2005) и, по мнению В. П. Ксензова, не справедливо не замечать близость кремневого инвентаря верхнеднепровских поселений днепро-деснинской культуры и стоянок типа Смячка-14. Последние им были включены в круг памятников раннего этапа днепро-деснинской культуры (Ксензов, 1994а. С. 66).

Между тем, Е. Калечиц подвергает сомнению возможность объединения в рамках днепро-деснинской культуры различных «в геоморфологическом отношении и по насыщенности кремнем областей» (Калечиц, 2003. С. 71). А. Сорокин признает днепро-деснинскую культуру историографически несостоятельной и считает, что кремневые комплексы этой культуры смешаны (Сорокин, 2002. С. 124–125). По мнению Л. Зализняка сожская или днепро-деснинская древности появились в результате взаимодействия двух культур и не являются уникальными явлениями в мезолите Верхнего Поднепровья (Зализняк, 1999. С. 230). Смешанные памятники являются либо свидерскими, либо гренскими, в зависимости от того, какие из признаков этих культур доминируют (Зализняк, 1999. С. 230). В этой связи Л. Зализняк считает эталонную для сожской культуры стоянку Горки свидерской и датирует ее кремневый инвентарь началом пребореального времени (Зализняк, 1999. С. 229).

По нашему мнению, концепция формирования днепро-деснинской культуры, по В. Ксензову, ничего нового не предлагает и во многом противоречива. В противовес схеме генезиса сожской культуры В. Копытина «свидер+грэнск», им была предложена своя культурологическая модель мезолита Белорусского Поднепровья, не меняющая в целом суть понятия конгломератной культуры — «свидер (на раннем этапе)+лингби (на позднем)».

В. Ксензов считал, что свидерское население Полесья испытало «сильное влияние (со стороны культуры лингби — А. К.), в результате чего появляются памятники, сочетавшие в инвентаре свидерские и позднелингбийские черты» (Ксензов, 1997. С. 15; 2006). Однако грэнская культура у этого же автора возникла на лингбийской основе, что отчетливо проявляется в наличии «массивных широколиственных наконечников с толстым черешком, обработанным только по краям» и черешковых ассиметричных наконечников (Ксензов, 1997. С. 11; 2006). Процесс заселения северных районов Верхнего Поднепровья населением лингби, считал В. Ксензов, «фиксируют памятники Эжяринас 16, Дярежничя 31, Глинас 6, Красносельский 5, 7 и др.» (Ксензов, 1997. С. 11), которые являются «вторым генетическим компонентом» днепро-деснинской культуры (Ксензов, 1997. С. 15). Следовательно, если происхождение грэнской культуры В. Ксензовым выводилось из лингбийской, которая также являлась одним из генетических компонентов днепро-деснинских древностей, являлось ли обоснованным отрицание сожской культуры В. Копытина?

Теперь обратимся к хронологии и интерпретации кремневого инвентаря памятников сожской и днепро-деснинской культуры. Нерешенность этих вопросов подчеркивается отсутствием дат, полученных с помощью естественнонаучных методов, четко стратифицированных памятников, слои которых не сохраняют органику. Поэтому единственный выход из этого положения исследователи видели в анализе кремневого инвентаря, основанным на сравнительной типологии. В качестве датирующих признаков отмечались: топография стоянок, скребково-резцовый показатель, распространение различных форм наконечников, присутствие в коллекциях незначительного количества трапеций. Обратим внимание, что соотношение скребков и резцов отнюдь не свидетельствует о возрасте памятника, а может говорить о специфике хозяйственной деятельности или специализации по изготовлению определенных типов орудий труда (Калечиц, 2003. С. 72).

Наличие наконечников типа Хинтерзее (Коромка, Горки, Журавель) и трапеций также не может являться надежным индикатором для датировки памятников позднемезолитическим возрастом. Первые происходят из нестратифицированных стоянок и, по верному замечанию А. Сорокина, определяются типологически (Сорокин, 2002. С. 62). В отношении трапеций можно заметить, что время их появления относится еще к заключительным этапам палеолита. В материалах иеневской и песочноровской культур, как отмечалось ранее, они получают распространение в пребореальное время (Зализняк, 1999. С. 216–224; 2005. С. 60–62; Кравцов, Сорокин, 1991. С. 38–60; Сорокин, 2004. С. 77–78; Kravtsov, 1999. P. 272–279). По данным Л. Л. Зализняка, находки трапеций на свидерских стоянках Полесья могут свидетельствовать либо о поздних примесях, либо о раннем их появлении, поскольку в Раске и Смячке-14 они обнаружены в четких стратиграфических условиях (Неприна, Зализняк, Кротова, 1986. С. 92–93, 107).

Для ранней группы памятников, которую В. П. Ксензов датирует пребореалом — бореалом (10300–8000 лет назад), как отмечалось выше, характерно «типологическое однообразие», которое проявляется в распространении черешковых постсвидерских наконечников (Ксензов, 1997. С. 12, 14). Однако происхождение «второго генетического компонента», отчетливо проявляющегося в комплексах позднего этапа (8000–7000 лет назад), «связано с появлением в финальном палеолите в южной части лесной зоны Восточной Европы населения культурной традиции лингби...» (Ксензов, 1997. С. 15). И далее: «Вероятно, на рубеже плейстоцена-голоцена оно вступило в контакт со свидерским населением, проживавшем в основном на территории Полесья...». После этого «смешанное население мигрирует на восток, в деснинский регион, где оставляет памятники ранней группы», а затем «на север, освоив к концу мезолита бассейны Сожа, Верхнего Днепра, Березины в южных и центральных частях Беларуси» (Там же).

Если на рубеже плейстоцена-голоцена появляются памятники «смешанной традиции», то правомерно ли утверждение о «типологическом однообразии» кремневого инвентаря раннего этапа днепро-деснинской культуры? Наглядно это противоречие отражено и в приложенных к статьям иллюстрациях (Ксензов, 1994. С. 72, 78; 1997. С. 12–13), где вместе с «постсвидерскими» формами наконечников стрел ранней группы памятников демонстрируются «лингбийские» черешковые и «грэнские» ассиметричные с боковой выемкой, известные также в комплексах позднего этапа днепро-деснинской культуры (ср., например, рис. 3: 3–4 с рис. 4: 3–4 — Ксензов, 1997. С. 12–13). Не совсем понятен и тезис о «сильном влиянии населения лингби на свидерцев», которое проявляется только лишь в наличии «черешковых наконечников и наконечников с боковой выемкой» (весь остальной типологический набор связан со свидерской культурой) (Ксензов, 1997. С. 15).

Не менее противоречивой была схема формирования сожской позднемезолитической культуры, особенно по части происхождения этой культуры на базе грэнских традиций. На данный момент нам неизвестно, какая группа памятников грэнской культуры могла стать генетическим компонентом для сожских древностей. Ведь грэнские материалы, судя по публикациям, типологически неоднородны, что признавал и сам В. Ф. Копытин. Например, кремневый комплекс стоянки Боровка ученый связывал с мезинскими традициями, а Коромку — с Межричами и Добраничевкой (Копытин, 1992. С. 14–25; 1999. С. 258–260). На это положение дел обратили внимание А. Кравцов и А. Сорокин, которые предположили, что на территории Верхнего Поднепровья имеются «чистые» аренсбургские памятники типа Боровка и синкретические

типа Коромка, сочетающие в себе аренбургские и свидерские черты, при условии источниковедческой надежности последних (Кравцов, Сорокин, 1991. С. 16).

Кроме этого, одностороннее параллельное снятие заготовок с одно-, двухплощадочных нуклеусов при неоформленном контрфронте, как отмечалось в литературе, было характерно не только для гренской техники расщепления, но для памятников свидерской культуры — Баркалабово на Верхнем Днепре и группы стоянок в устье р. Смячь на Средней Десне. Очевидно, характер сырья и специфика памятников, территориально приуроченных к выходам меловых пород, содержащих в обилии кремневое сырье, наложили свой отпечаток на типологический состав и облик кремневого инвентаря в Посожье. Следовательно, причины разногласий по преимущественному использованию того или иного типа заготовки, попытки увязать этот факт с определенной культурной традицией (лингбийской, гренской или свидерской) кроются в геоморфологических особенностях тех регионов, где работали исследователи.

Еще одно противоречие наглядно выступает, когда В. Копытин связывал формирование сожской культуры с поселениями типа Баркалабово, которые он характеризует как свидерские и сравнивает «с памятниками позднего этапа бутовской и неманской мезолитических культур, что обусловлено общей свидерской основой их формирования» (Копытин, 1992. С. 49, 54). Во-первых, «памятники типа Баркалабово» образовывала коллекция всего одной стоянки — Баркалабово, поэтому о выделении отдельного типа памятников здесь не может быть и речи. Во-вторых, за признанием факта выделения отдельного типа памятников, признаем факт локальности свидерской культуры. В-третьих, как справедливо заметила Е. Калечиц, между памятниками свидерской и сожской культур существует хронологический разрыв в две тысячи лет (Калечиц, 2003. С. 66). А это делало не ясным: либо сожская культура сформировалась в раннем мезолите и ее материалы требовали соответствующего удревнения, либо «свидерская культура продолжала развиваться на мезолитическом этапе» (Там же).

Между тем, Е. Калечиц в решении этого вопроса приняла последнюю версию. В критическом обзоре проблем мезолита Восточной Беларуси исследовательница отмечала особое положение мезолитических памятников Нижнего Посожья, где было зафиксировано развитие свидерских традиций, особенно в бассейнах Ипути и Беседи (Там же). При этом «сильные импульсы» культурных влияний свидера доводились Е. Калечиц до конца неолита, и доказывалось это присутствием постсвидерских наконечников стрел в кремневом инвентаре стоянок верхнеднепровской неолитической культуры. По этому поводу Е. Калечиц отмечает следующее: «Материалы мезолитических поселений Нижнего Посожья, в отличие от расположенных севернее, несут отчетливые следы преемственности свидерской традиции кремнеобработки, которые сохранялись здесь и в неолите» (Там же). Получается, что в мезолите бассейна р. Сож существовало, по крайней мере, две локальные группы памятников: одна из них отчетливо просматривается в материалах стоянок Нижнего Посожья, другая — среди стоянок, «расположенных севернее» (Там же).

Однако такое территориальное различие среди памятников свидерской традиции в низовьях Сожа и группы стоянок «расположенных севернее» объясняется Е. Калечиц фактом давления «постсвидерцев» на местное гренское население: «По-видимому, племена свидерской традиции (постсвидерцы), проникшие в Нижнее Посожье, на мезолитическом этапе развития расселились в бассейнах Ипути и Беседи, оттеснив местное гренское население к северу» (Там же. С. 67).

Насколько возможной и реальной была экспансия «племен постсвидерцев» в бассейн р. Сож, приведшая к оттоку части аборигенного гренского населения на север ареала, об этом, по мнению Е. Калечиц, позволяют судить данные палеодемографии.

Впервые в отечественной историографии Е. Калечиц попыталась провести реконструкцию демографической ситуации в каменном веке Восточной Беларуси (Калечиц, 2003. С. 163–167), предупредив, правда, о несовершенстве использованного ею метода подсчетов, основанного на оценке «количества биомассы, приходящейся на единицу площади, с учетом естественного прироста, не нарушающего экологическое равновесие» (Там же. С. 164–165). И все же Е. Калечиц, например, для гренской культуры в финальном палеолите определяет 25 человек, составлявших одну общину, которая обитала на площади 860 кв. км (Там же. С. 164).

Но буквально через 1,5–2 тысячи лет, после окончания ледниковой эпохи гренское население возросло в 60 (!) раз и составило 1500 человек или 50 общин, проживавших теперь на территории 45 тыс. кв. км (Там же). Следовательно, для того чтобы «оттеснить» гренских охотников из Нижнего Посожья, количество «постсвидерцев» в раннем мезолите должно быть или пропорционально равным, или превосходить численно. Однако это не согласуется с ранее высказанным мнением Е. Калечиц о малочисленности свидерских поселений в восточной части Белорусского Полесья и Верхнего Поднепровья (Там же. С. 66).

Даже если признать де-факто «свидерское давление» в низовьях Сожа на местное гренское население, то становится очевидной противоречивость всей концепции сложения сожской культуры, по которой: «Синтез гренских и свидерских традиций привел к созданию сожской культуры — генетической основы верхнеднепровской неолитической» (Калечиц, 2003. С. 67).

Противоречивый характер приобрел и тезис о совпадении ареалов гренской и сожской культур. «Поскольку ядро ареала гренской культуры, — пишет Е. Калечиц, — находится на территории верховий долин Днепра, Сожа и их притоков, естественно, что сменившие их поселения сожской культуры концентрируются там же» (Там же. С. 71). Следовательно, площадь распространения стоянок сожской культуры должна была соответствовать прежним размерам территории обитания гренских охотников в раннем мезолите, т. е. приблизительно 45 тыс. кв. км (Там же. С. 164). Но население сожской культуры, предполагает Е. Калечиц, насчитывало всего 500 человек или 15 общин против 50 гренских, объединявших ранее около 1500 человек. Само же сожское население проживало на территории площадью всего лишь 16 тыс. кв. км (Там же). И это вновь вызывает очередной вопрос: почему 8–6 тыс. лет назад зона обитания и количество сожских охотников сократились в три раза, тем более что в позднем мезолите в Верхнем Поднепровье, как считали исследователи, сложились весьма благоприятные природно-климатические условия и само население сожской культуры стало более оседлым (Там же. С. 66)?

Удивительным является и то, что и сожская, и днепро-деснинская культуры относились к кругу культур свидерских традиций. И это несмотря на то, что генетической основой, например, сожских древностей была гренская культура (техника расщепления, формы орудий труда) при сохранении *некоторых элементов* свидерской. Главным же критерием «свидерскости» кремневых комплексов стоянок Верхнего Поднепровья и Посожья являлось, безусловно, наличие в них «вплоть до развитого неолита постсвидерских наконечников стрел» (Там же. С. 67). К числу «постсвидерских» относились наконечники из пластин, черешок которых «как правило, подработан плоской ретушью с брюшка и выделен путем двухстороннего ретуширования со стороны брюшка или противоположащей ретушью со спинки и с брюшка» (Там же. С. 65).

Однако наличие в комплексах Посожья черешковых наконечников с плоской подтеской черешка не обязательно может быть напрямую связано со свидерской культурой. Ибо присутствие свидера на этой территории в эпоху мезолита и его роли в сложении неолитических культур требует серьезного источниковедческого обоснования. Открытие в бассейне р. Сож памятников бутовской и кудлаевской культур, в кремневом инвентаре которых также содержатся черешковые наконечники стрел, характеризующиеся как «постсвидерские», не обязательно теперь связываются только со свидерской культурой (Сорокин, 2006; Сорокин, Ошибкина, Трусов, 2009).

Естественно, все это осложняет решение вопроса о характере развития свидерских традиций на протяжении мезолита в Посожье. И, к сожалению, на данном этапе историографии мы не располагаем тем фактическим материалом, который позволит нам или напрямую связывать свидер с мезолитом рассматриваемого региона, или говорить об отдельной локальной группе памятников, возникшей на свидерской основе.

На наш взгляд, и сожская, и днепро-деснинская культуры, которые ранее включались в круг памятников постсвидерских традиций, не имеют самостоятельного значения в мезолите Верхнего Поднепровья и Посожья. В их комплексах мы не находим подтверждения представления о «слиянии» традиций разных культур, основной из которых была свидерская (Колосов, 2005а. С. 8–14; 2005в, С. 8–12; 2006. С. 74–76). Здесь нет также каких-либо специфических, типобразующих признаков, которые могли бы характеризовать эти культурные явления как локальные. Скорее всего, если речь идет о новой локальной культуре, то здесь, прежде всего, должны выступать не просто представления о заимствованиях, а идеи об эволюционном или

инновационном пути развития технокомплекса нового культурного образования. И неважно, будет это сожская, днепро-деснинская или другая так называемая конгломератная культура, состав ее находок должен отражать качественно новые технические изменения, в том числе и те, которые могли появиться в результате аккультурации традиций. И данные археологии по финальному палеолиту и мезолиту Посожья пока не дают и, вероятно, не дадут окончательного ответа на вопрос об условиях сложения и механизме культурного взаимодействия на этой территории.

На примере сожской и/или днепро-деснинской культур мы имеем дело только с понятием о простом заимствовании готовых форм (в первую очередь, наконечников стрел), которые выполнены в абсолютно разных технологических традициях: либо свидерских, либо гренских, либо лингбийских и т. д. Кроме этого, для характеристики сожских и днепро-деснинских древностей были использованы коллекции, синкретический комплекс находок которых является результатом механического смешения разнокультурных и разновременных материалов, что теперь не вызывает сомнений.

Таким образом, присутствие нестратифицированных памятников финального палеолита и мезолита в Посожье, наличие типологически разнородных в культурном и хронологическом отношении форм кремневого инвентаря делают проблемным установление источниковедческой надежности имеющихся материалов. Значит ли это, что нам следует отказаться от возможности использования такого круга источников? Считаем, что нет, поскольку их изучение, по крайней мере, дало возможность обосновать для посожского региона финальный палеолит. Тот факт, что нам удалось обнаружить явление синкретизма в результате смешанности материалов, очень важен для понимания того культурного многообразия, которое сложилось на рассматриваемой территории в конце позднеледникового времени.

На примере памятников финального палеолита бассейна р. Сож появляется возможность говорить о материалах не менее трех культурных явлений: технокомплексов с листовидными и черешковыми наконечниками стрел, гренской и свидерской культур. Естественно, на данном источниковедческом уровне пока сложно говорить о генезисе и развитии кремневого инвентаря отдельных финальнопалеолитических памятников Посожья, особенно группы стоянок, отнесенных нами к кругу культур с листовидными и черешковыми наконечниками стрел, что определяет перспективные направления будущих исследований в этом направлении.

Каталог памятников финального палеолита в бассейне р. Сож

Гомельская область

Ветковский район

1. **Бартоломеевка** (Ветковский г/с). Стоянка на останце первой надпойменной террасы левого берега р. Беседь, в 0,35 км на север от фермы д. Бартоломеевка, возле моста через мелиоративный канал, в урочище Звезда. Открыла в 1978 г. и обследовала в 1979 г. Е. Калечиц, в 1992 г. — Ю. Ободенко и С. Кабишев.

В песчаных раздувах собраны многочисленные продукты расщепления кремня, концевые скребки, резцы, изделия с выемкой, проколки, черешковые наконечники стрел, отдельные из которых имеют дополнительную подправку насада плоской ретушью со стороны брюшка, рубящие орудия, отщепы и пластины с ретушью.

Хронология и культурная принадлежность: финальный палеолит (свидерская культура) (Фонды ИИ НАНБ; фонды ГомДПА; Калечиц, 1987. С. 137).

Новые Громыки (Аврамов Бугор) (Неглюбский с/с). Стоянка на первой надпойменной террасе левого берега р. Беседь, в 0,2 км на юго-запад от д. Новые Громыки, в урочище Аврамов Бугор.

Памятник открыла в 1975 г. и исследовала в 1977–1981 гг. Е. Калечиц на площади 775 кв. м. Обследовали в 1976 и 1985 г. Е. Калечиц, в 1988 г. — Е. Калечиц и Н. Бычков, в 1992 г. — Ю. Ободенко. Культурные отложения в виде расщепленного кремня, керамического материала эпохи неолита, бронзового и раннего железного веков, эпохи Древней Руси и позднего средневековья имеют мощность до 0,4 м, залегают в светло-желтом песке и стратиграфически не вы-

ражены. На площади раскопа обнаружены остатки двух жилищ округлой формы и 24 очага, которые датированы мезо- и неолитическим временем.

За годы работ на стоянке собрана достаточно представительная коллекция кремневого инвентаря (32631 ед.). Кремневый комплекс представлен многочисленными одно-, двух-, многоплощадочными и дисковидной формы нуклеусами, отщепами, пластинами, мелкими осколками. Среди изделий со вторичной обработкой (911 ед.) выделяются концевые, двойные, подокруглые и с «шипом» скребки, ретушные, срединные, на углу сломанной заготовки резцы, проколки, остря, изделия с выемкой, наконечники стел с четко выделенным черешком, имеющим плоскую вентральную подправку.

Хронология и культурная принадлежность: среди изделий из кремня, основная часть которых датируется эпохой мезолита, неолита, бронзовым веком, присутствуют материалы финального палеолита (свидерская культура) (Фонды ИИ НАНБ; Археологія і нумізматыка, 1993. С. 466; Калечиц, 1987. С. 20–26, 137; 2003, С. 62–63).

2. **Пролетарский-1А** (Светиловичский с/с). Стоянка на первой надпойменной террасе левого берега р. Сож, в 0,4 км южнее бывшего пос. Пролетарский. Открыли и обследовали в 1992 г. Ю. Ободенко и С. Кабишев.

Культурный слой на памятнике стратиграфически не прослеживается и разрушен эоловыми процессами. Кремневый инвентарь представлен отщепами и пластинами, концевыми скребками, ретушными и на углу сломанной заготовки резцами, черешковыми и ассиметричными с боковой выемкой наконечниками стрел. Один из наконечников с боковой выемкой имеет размеры 5,6×2,1×0,5 мм и покрыт патиной белого цвета.

Хронология и культурная принадлежность: финальный палеолит (грэнская культура) (Фонды ГомДПА; Ободенко, Отчет по археологическому обследованию территории Ветковско-го района Гомельской области в 1992 г. Т. 1. С. 132–133).

3. **Присно** (центр с/с). Стоянка на 5–6-метровом останце первой надпойменной террасы правого берега р. Сож, в 1,2 км юго-западнее северной окраины д. Однополье, в 1,2 км юго-восточнее устья р. Липа. Открыла в 1971 г. и обследовала в 1974–1979, 1983, 1985 гг. Е. Калечиц, в 1986 и 1988 г. — Е. Калечиц и Н. Бычков.

Культурный слой памятника нарушен в результате эоловой деструкции почвы. Среди находок отщепы, пластины, нуклеусы, концевые скребки, ретушные резцы, изделия с выемкой, черешковые наконечники стрел, отдельные из которых имеют подправку черешка плоской ретушью со троны брюшка.

Хронология и культурная принадлежность: финальный палеолит (свидерская культура) (Фонды ИИ НАНБ; фонды ГомДПА; Калечиц, 1987. С. 137).

4. **Рудня Споницкая-1 (Латки)** (Ветковский г/с). Стоянка на левом берегу р. Сож, в 0,3 км западнее д. Рудня Споницкая, в урочище Латки. Открыл в 1923–1925 гг. А. Кропоткин, обследовали в 1920-е гг. К. Поликарпович, в 1960-е гг. В. Бudyко и И. Тихоненков, в 1971, 1975–1976, 1978–1980 гг. Е. Калечиц, в 1975 г. Ю. Ободенко.

В раздувах песка собраны многочисленные отщепы, пластины, одно-, двух- и многоплощадочные нуклеусы, концевые скребки, ретушные, двугранные и на углу сломанной заготовки резцы, изделия с выемкой, черешковые наконечники стрел, проколки и остря.

Хронология и культурная принадлежность: финальный палеолит (свидерская культура) (Фонды ИИ НАНБ; фонды ГомДПА; Археологія і нумізматыка, 1993. С. 545; Бudyко, Вознячук, 1969; Калечиц, 1987. С. 137; Палікарповіч, 1932а. С. 218–221; Тихоненков, 1966. С. 256–261).

5. **Старое Село-6** (Хальчанский с/с). Стоянка на 5–7-метровом останце первой надпойменной террасы правого берега р. Сож, в 0,8 км юго-западнее фермы (южная окраина д. Старое Село), в урочище Городище. Открыл в 1966 г. В. Бudyко, обследовали в 1973 г. Ю. Ободенко, в 1975, 1978, 1980 г. — Е. Калечиц, в 1991–1992 гг. — Ю. Ободенко и С. Кабишев.

Кремневый инвентарь представлен продуктами расщепления кремня, концевыми скребками, проколками, острями, свидероидным наконечником стрелы.

Хронология и культурная принадлежность: финальный палеолит (свидерская культура) (Фонды ИИ НАНБ; фонды ГомДПА; Калечиц, 1987. С. 137).

6. **Чемерня** (Светиловичский с/с). Стоянка на первой надпойменной террасе правого берега р. Сож, в 0,35 — 0,4 км северо-восточнее д. Чемерня, напротив городища. Открыл в 1928 г. К. Поликарпович, обследовали в 1966–1967 гг. В. Будько, в 1975–1982 гг. Е. Калечиц.

Среди находок: отщепы и пластины, концевые скребки, черешковый наконечник типа Лингби.

Хронология и культурная принадлежность: финальный палеолит (технокомплекс с листовидными и черешковыми наконечниками стрел) (Фонды ИИ НАНБ; ГомДПА; Калечиц, 1987. С. 138; Поликарпович, 1968).

Гомельский район

7. **Залядь-1** (Улуковский с/с). Стоянка на 5–7-метровой первой надпойменной террасе правого берега р. Ипуть, в 0,25 км юго-восточнее д. Залядь, южнее сельского кладбища. Культурный слой распахивается. Площадь памятника 80×30 м. Открыла в 1977 г. и обследовала в 1979–1980 гг. Е. Калечиц, в 1986 и 1988 г. — Е. Калечиц и Н. Бычков, в 1977–1978 гг. — Ю. Ободенко.

Среди находок обнаружены нуклеусы, пластины и скребки, наконечники стрел на пластинах с плоской подтеской черешка.

Хронология и культурная принадлежность: финальный палеолит (свидерская культура) (Фонды ИИ НАНБ; фонды ГомДПА; Археология і нумізматыка, 1993. С. 260; Калечиц, 1987. С. 138).

8. **Залядь-2** (Улуковский с/с). Стоянка на мысовидной площадке 5–7-метровой первой надпойменной террасе правого берега р. Ипуть, в 0,25–0,3 км юго-восточнее восточной окраины д. Залядь, в 50 м южнее стоянки Залядь-1. Культурный слой распахивается. Площадь памятника 80×30 м. Открыла в 1977 г. и обследовала в 1979–1980 гг. Е. Калечиц, в 1986 и 1988 г. — Е. Калечиц и Н. Бычков, в 1977–1978 гг. — Ю. Ободенко.

Комплекс находок представлен нуклеусами, пластинами, скребками, ретушными и на углу сломанной пластины резцами, наконечниками стрел на пластинах с плоской вентральной подтеской черешка.

Хронология и культурная принадлежность: финальный палеолит (свидерская культура) (Фонды ИИ НАНБ; фонды ГомДПА; Археология і нумізматыка, 1993. С. 260; Калечиц, 1987. С. 138).

9. **Кленки-1 (Ильич-1)** (Улуковский с/с). Стоянка на 5–7-метровой надпойменной террасе левого берега р. Сож, в 1,8 км юго-западнее западной окраины д. Ильич, на левом склоне лога Горелый Олес, на третьем внутреннем мысу от устья лога. Культурный слой распахивается. Площадь памятника 100×40 м. Открыл в 1977 г. Ю. Ободенко. Обследовали в 1977–1979 гг. Ю. Ободенко, в 1979 г. Е. Калечиц, в 1986 г. Е. Калечиц и Н. Бычков.

Среди находок продукты расщепления кремня (одно-, двухплощадочные нуклеусы, отщепы, пластины), скребки, резцы, изделия с выемкой.

Хронология и культурная принадлежность: финальный палеолит (свидерская культура) (Фонды ИИ НАНБ; фонды ГомДПА; Калечиц, 1987. С. 138).

10. **Кленки-2 (Ильич-2)**, д. (Улуковский с/с). Стоянка на 3–4-метровой надпойменной террасе левого берега р. Сож, в 1,7 км юго-западнее д. Ильич, на правом склоне лога Горелый Олес. Открыл в 1976 г. Ю. Ободенко. Обследовали в 1977 — 1979 гг. Ю. Ободенко, в 1979 г. Е. Калечиц, в 1986 г. Е. Калечиц и Н. Бычков.

Кремневый инвентарь представлен продуктами расщепления кремня, скребками, резцами, изделиями с выемкой.

Хронология и культурная принадлежность: финальный палеолит (технокомплекс с листовидными и черешковыми наконечниками стрел) (Фонды ИИ НАНБ; фонды ГомДПА; Калечиц, 1987. С. 138).

11. **Кленки-3 (Ильич-3)** (Улуковский с/с). Стоянка на 10–12 метровой надпойменной террасе левого берега р. Сож, на юго-западной окраине д. Ильич, в 0,4 км от железнодорожного моста. Открыл в 1973 г. и обследовал в 1973–1977 гг. Ю. Ободенко, в 1979 г. Е. Калечиц.

Собраны продукты расщепления кремня, скребки, резцы, изделия с выемкой, свидероидные черешковые наконечники стрел.

Хронология и культурная принадлежность: финальный палеолит (свидерская культура) (Фонды ИИ НАНБ; фонды ГомДПА; Калечиц, 1987. С. 138).

12. **Кленки-4 (Ильич-4)** (Улуковский с/с). Стоянка на 5–7-метровой надпойменной террасе вдоль старицы левого берега р. Сож, в 1,25 км северо-восточнее северной окраины д. Ильич, в 1,1 км от железнодорожного моста вверх по течению р. Сож. Открыл в 1972 г. Ю. Ободенко. Обследовала в 1979 г. Е. Калечиц.

Обнаружены продукты расщепления (одно- и двухплощадочные нуклеусы, отщепы и пластины), скребки, резцы, изделия с выемкой.

Хронология и культурная принадлежность: финальный палеолит (свидерская культура) (Фонды ИИ НАНБ; фонды ГомДПА; Калечиц, 1987. С. 138).

13. **Кленки-5 (Ильич-5)** (Улуковский с/с). Стоянка на 6–8 метровой надпойменной террасе левого берега р. Сож, в 1,4 км юго-западнее западной окраины д. Ильич, на приустьевой площадке мыса стреловидной формы. Открыл в 1972 г. и обследовал в 1974–1980 гг. Ю. Ободенко, в 1979 г. Е. Калечиц.

Обнаружены продукты расщепления кремня, скребки, резцы, изделия с выемкой, черешковые наконечники стрел, отдельные из которых имеют подправку насада плоской вентральной ретушью.

Хронология и культурная принадлежность: финальный палеолит (технокомплекс с листовидными и черешковыми наконечниками, свидерская культуры) (Фонды ИИ НАНБ; фонды ГомДПА; Калечиц, 1987. С. 138).

14. **Кленки-6 (Ильич-6)** (Улуковский с/с). Стоянка на мысу 7–8 метровой надпойменной террасе левого берега р. Сож, в 0,5 км запад-юго-западнее западной окраины д. Ильич, между стоянками Кленки-3 и Кленки-5. Открыл в 1976 г. Ю. Ободенко, обследовала в 1979 г. Е. Калечиц.

Кремневый инвентарь содержит продукты расщепления кремня, скребки, резцы, изделия с выемкой, отщепы с ретушью, клювовидные острия и проколки.

Хронология и культурная принадлежность: финальный палеолит (технокомплекс с листовидными и черешковыми наконечниками стрел) (Фонды ИИ НАНБ; фонды ГомДПА; Калечиц, 1987. С. 138).

15. **Кленки-7 (Ильич-7)** (Улуковский с/с). Стоянка на мысу 5–7-метровой надпойменной террасе левого берега р. Сож, в 1,9 км юго-западнее западной окраины д. Ильич, на левом склоне лога Горелый Олес, впадающего в пойму р. Сож, в междуречье Сожа и Ипути. Культурный слой разрушается распашкой. Площадь памятника 100×40 м. Открыл в 1973 г. и обследовал в 1977–1979 гг. Ю. Ободенко, в 1979 г. Е. Калечиц, в 1986 г. Е. Калечиц и Н. Бычков.

Обнаружены продукты расщепления кремня, скребки, резцы, изделия с выемкой.

Хронология и культурная принадлежность: финальный палеолит (технокомплекс с листовидными и черешковыми наконечниками стрел) (Фонды ИИ НАНБ; фонды ГомДПА; Калечиц, 1987. С. 138).

16. **Кленки-8 (Ильич-8)** (Улуковский с/с). Стоянка на 5–7-метровой надпойменной террасе левого берега р. Сож, в 1,9 км юго-западнее западной окраины д. Ильич, на левом склоне лога Горелый Олес, впадающего в пойму р. Сож, в междуречье Сожа и Ипути. Открыла в 1979 г. Е. Калечиц, обследовали в 1986 г. Е. Калечиц и Н. Бычков. Культурный слой распаивается. Площадь памятника 100×40 м.

Коллекция находок представлена продуктами расщепления кремня, концевыми скребками, ретушными и на сломе заготовки резцами, изделиями с выемкой, свидероидными наконечниками стрел.

Хронология и культурная принадлежность: финальный палеолит (свидерская культура) (Фонды ИИ НАНБ; фонды ГомДПА; Калечиц, 1987. С. 138).

17. **Осовцы-4 (Уза)** (Давыдовский с/с). Стоянка на 5–7-метровой террасе в междуречье Сожа и Узы, в 1 км северо-западнее северной окраины д. Уза, южнее западной окраины город-

ского кладбища «Осовцы». Открыла в 1976 г. и обследовала в 1978 и 1983 г. Е. Калечиц, в 1986 г. — Е. Калечиц и Н. Бычков.

Собраны пластины, отщепы, фрагмент наконечника стрелы или острия, ретушный резец, отщепы с ретушью.

Хронология и культурная принадлежность: финальный палеолит (технокомплекс с листовидными и черешковыми наконечниками стрел) (Фонды ИИ НАНБ; фонды ГомДПА; Калечиц, Бычков, отчет за 1986 г. С. 14).

18. **Романовичи-1** (Улуковский с/с). Стоянка на 4–5-метровом останце первой надпойменной террасы правого берега р. Ипуть, в 0,5 км восточнее д. Романовичи.

Открыла в 1977 г. и обследовала в 1978–1981 гг. Е. Калечиц в 1986 и 1988 г. — Е. Калечиц и Н. Бычков, в 1977 г. Ю. Ободенко.

Кремневый инвентарь включает продукты расщепления кремня, скребки, резцы, изделия с выемкой.

Хронология и культурная принадлежность: финальный палеолит (технокомплекс с листовидными и черешковыми наконечниками стрел, свидерская культура) (Фонды ИИ НАНБ; фонды ГомДПА; Калечиц, 1987. С. 138).

Кормянский район

19. **Ворновка (Гренск)** (центр с/с). Стоянка на останце первой надпойменной террасы, в 2 км восточнее д. Ворновка, в 0,25 восточнее д. Лядцы. Открыл в 1927 г. К. Поликарпович, исследовали в 1959–1961 гг. В. Будько (60 или 90 кв. м), в 1977, 1980–1981 гг. В. Копытин (380 кв. м). Обследовали в 1971 г. Е. Калечиц, в 1977 г. Ю. Ободенко, в 2005 г. Е. Калечиц и А. Колосов. Культурный слой залегает в светло-желтом песке на глубине 0,1–0,5 м от дневной поверхности.

Кремневый инвентарь памятника включает 3699 ед. (по материалам раскопок В. Копытина), в том числе многочисленные одно- и двухплощадочные нуклеусы, отщепы, пластины, мелкие осколки. Среди орудий труда (204 ед.) выделяются концевые, двойные подокруглые и «шипом» скребки, ретушные, срединные и угловые резцы, проколки, острия, изделия с выемкой. Предметы вооружения представлены двумя основными типами: черешковыми и ассиметричными с боковой выемкой (рис. 4: 1–6, 9–24). Наибольшее типологическое разнообразие проявляет первая группа наконечников, в первую очередь, за счет разных способов оформления пера. В связи с этим выделяются наконечники с естественным заострением пера, наконечники, перо которых подправлено или скошено ретушью, дополнительно подправлено резцовым сколом. Единичные экземпляры имеют плоскую подтеску черешковой части со стороны брюшка и относятся к числу наконечников свидерских форм (рис. 4: 20).

Хронология и культурная принадлежность: финальный палеолит (гренская и свидерская культуры) (Фонды ИИ НАНБ; фонды МОКМ; Археологія і нумізматика, 1993. С. 201; Будько, отчет за 1960–1961, л. 11–41; отчет за 1961 г.; 1966. С. 35–46; Будько, Дневник за 1959 г.; Калечиц, 1987. С. 140; Копытин, 1992. С. 32–38; 1994. С. 34–59; Палікарповіч, 1928. С. 463–472).

20. **Ворновка (Подмосковщина)** (центр с/с). Стоянка на песчаных всхолмлениях 5–7-метровой надпойменной террасы правого берега р. Сож, в 0,5 км северо-восточнее д. Ворновка, в урочище Подмосковщина. Открыл в 1930 г. К. Поликарпович. Обследовали в 1971 г. Е. Калечиц, в 1977 г. Ю. Ободенко.

Среди находок продукты расщепления кремня, концевые скребки, срединные резцы.

Хронология и культурная принадлежность: финальный палеолит (технокомплекс с листовидными и черешковыми наконечниками стрел) (Фонды ИИ НАНБ; фонды ГомДПА; Калечиц, 1987. С. 140).

21. **Костюковка (Взлужье)** (Золотомирский с/с). Стоянка на правом берегу р. Сож, южнее д. Костюковка, в урочище Взлужье. Открыл и обследовал в 1927 г. К. Поликарпович.

Среди находок представлены отщепы, пластины, нуклеусы, скребки, резцы, свидероидные наконечники стрел на пластинах с плоской подтеской черешка со стороны брюшка.

Хронология и культурная принадлежность: финальный палеолит (свидерская культура) (Калечиц, 1987. С. 141; Палікарповіч, 1928. С. 420–424).

22. **Литвиновичи** (центр с/с). Стоянка в междуречье р. Сож и Мужанка, в урочище Телец. Открыл и обследовал в 1927 г. К. Поликарпович.

Кремневый инвентарь содержит отщепы, пластины, нуклеусы, концевые скребки, резцы, черешковые и ассиметричные с боковой выемкой наконечники стрел.

Хронология и культурная принадлежность: финальный палеолит (грэнская культура) (Фонды ИИ НАНБ; Калечиц, 1987. С. 141; Палікарповіч, 1928. С. 432–436).

23. **Остров-1** (Коротьковский с/с). Стоянка на мысовидном возвышенном участке, высотой 3–11 м над уровнем поймы левого берега р. Добрич, в 0,2–0,3 км западнее западной окраины д. Остров, западнее сельского кладбища. Открыл и обследовал в 1996 г. Ю. Ободенко.

На площади памятника обнаружены многочисленные продукты расщепления, представляющие полный цикл производственной обработки сырья, встречающегося непосредственно на памятнике, отбойники и наковали, концевые скребки, рубящие орудия и их заготовки.

Хронология и культурная принадлежность: финальный палеолит (технокомплекс с листовидными и черешковыми наконечниками стрел) (Фонды ГомДПА; Ободенко, Отчет отделу археологии Института истории АН РБ по археологической разведке на территории Гомельской области в 1996 г. Т. 1. С. 31–32. Таб. 5–11).

24. **Остров-2** (Коротьковский с/с). Стоянка на 2–5-метровой надпойменной террасе левого берега р. Добрич, в 1,8 км западнее западной окраины д. Остров, «за устьем первого от деревни лога, прорезающего борт долины». Открыл и обследовал в 1996 г. Ю. Ободенко.

Находки представлены исключительно отщепами, нуклеусами, ретушным резцом.

Хронология и культурная принадлежность: финальный палеолит (технокомплекс с листовидными и черешковыми наконечниками стрел) (Фонды ГомДПА; Ободенко, Отчет отделу археологии Института истории АН РБ по археологической разведке на территории Гомельской области в 1996 г. Т. 1. С. 30. Таб. 12: 5, 7).

Чечерский район

25. **Турищевичи** (Чечерский с/с). Стоянка на 10–12-метровой второй надпойменной террасе правого берега р. Сож, в 0,2 км северо-восточнее д. Турищевичи, южнее ручья Подобчого, в урочище Пелева. В настоящее время склоны и площадка террасы густо поросли лесом, что затрудняет проведение полномасштабных работ на памятнике. Вместе с тем вдоль дороги, идущей на д. Ворновка Кормянского района, А. Колосову удалось собрать представительную коллекцию кремневого находок, среди которых многочисленные одно-, двухплощадочные и аморфные нуклеусы, отщепы, пластины, концевые скребки, ретушные резцы, изделия с выемкой, скребловидное изделие, рубящие орудия, отдельные из которых имеют перехват, ассиметричный наконечник стрелы грэнского типа (рис. 9–11).

Открыл в 1927 г. К. Поликарпович, обследовали в 1950-е гг. В. Будько, в 1971 и 1974 гг. Е. Калечиц, в 2006 г. А. Колосов.

Хронология и культурная принадлежность: финальный палеолит (грэнская культура) (Фонды ИИ НАНБ; фонды МГУ; Очерки, 1970. С. 59; Калечиц, 1987. С. 144; Палікарповіч, 1928. С. 475–476).

Могилевская область

Климовичский район

26. **Борисовичи-1** (Лобжанский с/с). Стоянка на 3–4-метровой первой надпойменной террасе левого берега р. Сож, в 1 км западнее д. Борисовичи, в 0,1 км юго-восточнее устья безымянного ручья (левый приток Сожа), в 0,25 км восточнее захороненной д. Игнатовка. Открыл и обследовал в 1994 г. В. Копытин, в 2005 и 2008 гг. — А. Колосов.

На вспаханном поле собраны нуклеусы, отщепы, пластины, свидероидный наконечник стрелы с выделенным полукрутой ретушью черешком, подправленным плоской ретушью с брюшка. Представительна серия концевых скребков, ретушных и на сломе заготовки резцов, изделий с выемкой, рубящих орудий, пластин и отщепов с ретушью.

Хронология и культурная принадлежность: финальный палеолит (технокомплекс с листовидными и черешковыми наконечниками стрел, свидерская культура) (Фонды МГУ; Копытин, 1998. С. 70; Колосов, 2009а).

27. **Борисовичи-3** (Лобжанский с/с). Стоянка на 4-метровой первой надпойменной террасе левого берега Сожа, в 0,25 км западнее д. Борисовичи и курганного могильника, в 0,2 км восточнее стоянки-1. Открыл и обследовал в 2008 г. А. Колосов.

Культурный слой памятника разрушается пахотой. На площади 120×50 м обнаружены многочисленные нуклеусы, отщепы и пластины, а также орудия труда: концевые скребки, скребловидное изделие, отщепы с ретушью, пластина со скошенным ретушью концом, свидероидный наконечник стрелы, средневысокая трапеция.

Хронология и культурная принадлежность: финальный палеолит (технокомплекс с листовидными и черешковыми наконечниками стрел, свидерская культура) (Фонды МГУ; Колосов, 2009а).

28. **Вознесенск (Муравец)** (Тимоновский с/с). Стоянка на 10–12-метровой террасе левого берега безымянного ручья (левый приток р. Лобжанка), в 1 км северо-западнее бывшего пос. Вознесенск, на северо-западной окраине бывшей д. Муравец. Открыл в 1995 г. и обследовал в 1998 г. В. Копытин, в 2008 г. А. Колосов.

Культурный слой памятника нарушен пахотой. Среди собранных находок многочисленные одно- и двухплощадочными нуклеусы, отщепы и пластинами. Орудийный комплекс характеризуется находками скребков, резцов, ретушеров, проколов и острий, изделий с выемкой, грубых топоров, черешкового наконечника дротика. Поверхность отдельных предметов покрыта патиной белого и молочного цветов.

Хронология и культурная принадлежность: финальный палеолит (технокомплекс с листовидными и черешковыми наконечниками стрел) (Фонды МГУ; Копытин, 1998. С. 85, Колосов, 2009а. С. 115).

29. **Рудня-1** (Лобжанский с/с). Стоянка на 4-метровой первой террасе левого берега р. Сож (2,8 км), в 0,6 км северо-западнее д. Рудня. Открыл в 1994 г. В. Копытин, обследовал в 2005–2006 гг. А. Колосов. Памятник исследован в 2007–2008 гг. А. Колосовым на площади 350 кв. м. Культурный слой залегает в светло-желтом песке на глубине 0,1–0,5 м и частично нарушен пахотой.

Кремневый инвентарь памятника насчитывает 35356 артефактов, среди которых 1095 изделий имеют вторичную обработку поверхности. Основной фон коллекции представляют находки эпохи неолита. К числу финальнопалеолитических относятся отдельные формы одно- и двухплощадочных нуклеусов, концевых скребков, ретушных и двугранных резцов, черешковых наконечников стрел, отдельные из которых имеют подправку насада фасетками плоской ретушью со стороны брюшка.

Хронология и культурная принадлежность: финальный палеолит (технокомплекс с листовидными и черешковыми наконечниками стрел, свидерская культура) (Фонды МГУ; Колосов, 2009а; Копытин, 1998. С. 76).

Костюковичский район

30. **Гайковка (Печенеж)** (Деряженский с/с). Стоянка на правом берегу р. Деряжня, в 0,1 км юго-западнее д. Печенеж и 0,5 км д. Гайковка, на берегу древнего заболоченного озера. Открыл в 1929 г. К. Поликарпович, исследовал в 1972 г. В. Копытин на площади 265 кв. м. Культурный слой залегает в оглеенном лесе на глубине 0,4–0,5 м, нарушен делювиальными процессами и пахотой. На площади памятника обнаружены остатки двух размывших очагов.

Кремневый инвентарь, полученный в итоге раскопок, насчитывает 1974 артефакта, в том числе продукты расщепления кремня (одно- и двухплощадочные и аморфные нуклеусы, отщепы, пластины) и орудия труда (351 ед.): концевые, двойные и округлые скребки, ретушные, двугранные и на сломе заготовки резцы, проколки, изделия с выемкой, рубящие орудия труда, топоры и тесла, пластины и отщепы с ретушью, черешковые наконечники стрел.

Хронология и культурная принадлежность: финальный палеолит (грэнская культура) (Фонды МОКМ; Археалогія і нумізматэка, 1993. С. 148; Археалогія Беларусі, 1997. С. 60–61;

Калечиц, 1987. С. 147; Копытин, 1973. С. 301–304, 310–312; 1992. С. 32–47; Палікарповіч, 1927. С. 235–247).

Краснопольский район

31. **Папоротки** (Сидоровский с/с). Стоянка на правом берегу р. Якушевка. в 0,7 км северо-восточнее устья, на мысу, ограниченном поймами рр. Сож и Якушевка с западной и южной стороны, в 2 км западнее д. Папоротки. Открыл в 1927 г. К. Поликарпович, обследовал в 1996 г. В. Копытин.

Кремневый инвентарь включает куски и конкреции кремня, свидероидные наконечники стрел, концевые скребки из пластин, ретушные резцы, острия, пластины и их обломки, отщепы, отдельные из которых имеют мелкую ретушь по краю.

Хронология и культурная принадлежность: финальный палеолит (свидерская культура) (Фонды МОКМ; Копытин, 1996. С. 57; Палікарповіч, 1930, С. 412).

Кричевский район

32. **Дяговичи** (Краснобудский с/с). Стоянка на второй надпойменной террасе левого берега р. Остер, в 2,5 км северо-восточнее д. Дяговичи. Открыл и обследовал в 2008 г. А. Колосов.

В обнажении террасы собраны немногочисленные отщепы и пластины палеолитического облика; поверхность отдельных артефактов патинирована.

Хронология и культурная принадлежность: финальный палеолит (технокомплекс с листовидными и черешковыми наконечниками стрел) (Фонды МГУ; Колосов, 2009а).

33. **Лобковичи (Староселье)** (центр с/с). Стоянка на первой надпойменной террасе правого берега р. Сож, ниже устья р. Черная Натопа, в 1,5 км восточнее северной окраины д. Лобковичи, в 1 км юго-западнее д. Староселье. Культурный слой памятника разрушается пахотой. Открыл в 1931 г. К. Поликарпович, обследовали в 1998 г. В. Копытин, в 2004 г. А. Колосов.

На поверхности распаханной террасы найдены единичные пластины и отщепы, отдельные из которых покрыты патиной белого цвета.

Хронология и культурная принадлежность: финальный палеолит (технокомплекс с листовидными и черешковыми наконечниками стрел) (Калечиц, 1987. С. 147; Колосов, 2009а; Палікарповіч, 1932б. С. 229).

34. **Первокричевский-3** (Костюшковский с/с). Стоянка на 7–10-метровой террасе правого берега р. Сож, в 0,25 км восточнее пос. Первокричевский, с северной стороны курганного могильника, в урочище Испуды. Открыл в 1931 г. К. Поликарпович, обследовали в 1998 г. В. Копытин и в 2004 г. А. Колосов Исследовал А. Колосов в 2005 г. на площади 220 кв. м. Культурный слой памятника нарушен пахотой.

Коллекция кремневого инвентаря, полученная в итоге раскопок, насчитывает 2391 ед., в том числе 157 орудий со вторичной обработкой. Среди находок встречены конкреции и осколки кремня, одно-, двух-, многоплощадочные и дисковидной формы нуклеусы, отщепы, пластины, мелкие осколки, черешковые наконечники стрел, по форме схожие с наконечниками типа лингби; свидерские наконечники, черешковая часть которых дополнительно обработана плоской ретушью со стороны брюшка; концевые и двойные скребки; ретушные, двугранные и на сломе заготовки резцы; острия и проколки, изделия с выемкой, пластины со скошенным ретушью концом, пластины с притупленным краем, скребловидные и рубящие орудия (рис. 12–13).

Хронология и культурная принадлежность: финальный палеолит (технокомплекс с листовидными и черешковыми наконечниками стрел, свидерская культура) (Фонды МГУ; Колосов, 2009а; Палікарповіч, 1932б. С. 229–230).

35. **Поклады-1** (Костюшковский с/с). Стоянка на первой надпойменной террасы правого берега р. Сож, в 1,5 км юго-западнее д. Поклады, между кладбищем и дачным поселком, на протяжении до 400 м при ширине до 90 м. Культурный слой памятника частично нарушен пахотой. Открыл в 1931 г. К. Поликарпович, обследовали в 1969 г. В. Будько, в 1998 г. В. Копытин, в 2004 г. А. Колосов.

Кремневый инвентарь характеризуется находками нуклеусов и отщепов, пластин, а также черешковым наконечником стрелы, скребками, резцами, остриями.

Хронология и культурная принадлежность: финальный палеолит (технокомплекс с листовидными и черешковыми наконечниками стрел) (Фонды МГУ; Калечиц, 1987. С. 147; Паликарпович, 1932б. С. 230).

36. Поклады-2 (Костюшковский с/с). Стоянка на 3–5-метровой первой надпойменной террасе правого берега р. Сож, в 1,3 км юго-западнее д. Поклады, северо-восточнее кладбища и курганного могильника, в лесу. Открыл в 1998 г. В. Копытин, исследовал в 2004 г. А. Колосов на площади 90 кв. м. Культурный слой залегает в светло-желтом песке на глубине 0,1–0,6 м, нарушен поселениями неолита, бронзового и раннего железного веков, эпохи средневековья и современными захоронениями сельского кладбища. На площади раскопа обнаружены остатки двух очагов и столбовой ямки.

Кремневый инвентарь насчитывает 873 артефакта. Среди находок: продукты расщепления кремня (нуклеусы, отщепы, пластины, мелкие осколки), концевые и двойные скребки, ретушные, на сломе заготовки и двугранные резцы, изделия с выемкой, острия, проколки, рубящие орудия, черешковые и ассиметричные наконечники стрел гренского типа, пластины и отщепы с ретушью (рис. 7–8).

Хронология и культурная принадлежность: финальный палеолит (гренская культура) (Фонды КриКМ; Колосов, 2005. С. 16–25).

37. Поклады-5 (Костюшковский с/с). Стоянка на второй надпойменной террасе правого берега р. Сож, в 2 км северо-восточнее д. Поклады, в 0,8 км южнее очистных сооружений, на опушке леса. Открыл в 1998 г. В. Копытин, обследовал в 2004–2005 гг. А. Колосов.

В обнажении террасы собраны продукты расщепления кремня, двугранные резцы, концевой скребок, изделие с выемкой и ретушер.

Хронология и культурная принадлежность: финальный палеолит (технокомплекс с листовидными и черешковыми наконечниками стрел) (Фонды МГУ; Колосов, 2009а).

Славгородский район

38. Александровка-2 (Толкачевка) (Гиженский с/с). Стоянка на 4–5-метровой первой надпойменной террасе правого берега р. Сож, ниже устья р. Лобчанка, в 1,2 км восточнее д. Александровка 2-я, возле курганного могильника. Открыл в 1928 г. К. Поликарпович, обследовали в 1936 г. А. Коваленя, в 1972 и 1997 г. В. Копытин.

Коллекция находок представлена продуктами расщепления кремня (одно- и двухплощадочные нуклеусы, пластины и их фрагменты, отщепы). Среди орудий труда изделия с выемкой, пластина с притупленным ретушью краем, концевые скребки, дублированный ретушный резец, свидероидный черешковый наконечник стрелы.

Хронология и культурная принадлежность: финальный палеолит (свидерская культура) (Фонды МОКМ; Калечиц, 1987. С. 148; Поликарпович, 1957. С. 133–134).

39. Рудня (Васьковичский с/с). Стоянка на правом берегу р. Песчанка, протекающей по пойме Сожа, в 1 км южнее д. Рудня и кладбища, в 60 м западнее бровки террасы, в 1,3 км восточнее шоссе Рудня — Гайшин. Открыл в 1928 г. К. Поликарпович, обследовал в 1997 г. В. Копытин.

Коллекция кремневого инвентаря включает отщепы, фрагменты пластин, ассиметричный черешковый наконечник стрелы гренского типа.

Хронология и культурная принадлежность: финальный палеолит (гренская культура) (Фонды МОКМ; Копытин, 1997. С. 80–81; Поликарпович, 1957. С. 127).

Чериковский район

40. Баков-1 (Езерский с/с). Стоянка на 5–6-метровой надпойменной террасе правого берега р. Сож, в 200 м северо-восточнее д. Баков. Открыл в 1928 г. К. Поликарпович, обследовали в 1972 г. В. Копытин, в 2000 г. А. Колосов.

Среди находок продукты расщепления кремня (нуклеусы, отщепы), концевые скребки, ретушный резец и отщепы с ретушью.

Хронология и культурная принадлежность: финальный палеолит (технокомплекс с листовидными и черешковыми наконечниками стрел) (Фонды МГУ; Калечиц, 1987. С. 150; Колосов, 2009а; Поликарпович, 1957. С. 75).

41. **Баков-1А**, д. (Езерский с/с). Стоянка на второй надпойменной террасе правого берега р. Сож, в 0,1–0,15 км западнее стоянки-1. Открыл в 2000 и обследовал в 2008 г. А. Колосов.

Вдоль дороги на д. Журавель обнаружено около 30 кремневых артефактов: пренуклеус, отщепы, отдельные из которых имеют ретушь по краю, изделие с выемкой, трансверсальный резец, три концевых скребка на ретушированных заготовках и скребок-изделие с выемкой. Поверхность отдельных находок патинирована.

Хронология и культурная принадлежность: финальный палеолит (технокомплекс с листовидными и черешковыми наконечниками стрел) (Фонды МГУ; Колосов, 2009а).

42. **Баков-3** (Езерский с/с). Стоянка на первой надпойменной террасе правого берега р. Сож, в 1,6 км юго-западнее д. Баков, в 0,4 км юго-восточнее бывшего пос. Ремидовщина, восточнее дороги Полипень — Ремидовщина, выходящей в пойму реки. Открыли и обследовали в 2006 г. А. Колосов и А. Песковский.

В обнажении террасы собраны одно- и двухплощадочные нуклеусы, отщепы, пластины, концевые скребки, резец на сломе заготовки, изделия с ретушью и ретушер.

Хронология и культурная принадлежность: финальный палеолит (технокомплекс с листовидными и черешковыми наконечниками стрел) (Фонды МГУ; Колосов, 2009а).

43. **Горки** (Сормовский с/с). Стоянка на первой надпойменной террасе правого берега р. Сож, в 1,5 км юго-западнее д. Горки, в урочище Угаревка. Открыл в 1928 г. К. Поликарпович, исследовал в 1974–1989 гг. В. Копытин на площади 1668 кв. м, обследовал в 2000–2002 гг. А. Колосов. Культурный слой памятника залегает в светло-желтом песке на глубине 0,2–0,5 м, нарушен поселениями эпохи средневековья.

В результате раскопок обнаружено 52895 ед. кремневого инвентаря: многочисленные обломки кремня и конкреции, одно-, двух- и многоплощадочные нуклеусы, отщепы, пластины и мелкие осколки. Изделия со вторичной обработкой представлены концевыми и двойными скребками, ретушными, на сломе заготовки, двугранными и комбинированными резцами, проколками, остриями, скобелями, скребловидными и рубящими орудиями, двумя трапециями, ассиметричным и черешковыми наконечниками стрел, отдельные из которых выполнены в свидерской и постсвидерской манере (рис. 14).

Хронология и культурная принадлежность: финальный палеолит (технокомплекс с листовидными и черешковыми наконечниками стрел, свидерская культура) (Фонды МОКМ; фонды МГУ; Археалогія Беларусі, 1997. С. 55–59; Археалогія і нумізматыка Беларусі, 1993. С. 182; Калечиц, 1987. С. 150; Копытин, 1992. С. 49–54; 1999. С. 264; Поликарпович, 1957. С. 60).

44. **Журавель** (Сормовский с/с). Стоянка на 5–6-метровой первой надпойменной террасе правого берега р. Сож, в 1,5 км юго-западнее бывшей д. Журавель, в урочище Мел. Культурный слой залегает в светло-желтом песке на глубине 0,2–0,6 м. Открыл в 1928 г. К. Поликарпович. Исследовали в 1934 г. К. Поликарпович (12 кв. м), в 1972–1973 гг. В. Копытин (130 кв. м); обследовала в 1978 г. Е. Калечиц.

Коллекция находок, полученная в процессе раскопок В. Ф. Копытина, насчитывает 6247 ед.: конкреции и их обломки, одно- двух и многоплощадочные нуклеусы (рис. 5), отщепы, пластины, мелкие осколки. Орудия труда (293 ед.) представлены черешковыми наконечниками стрел, отдельные из которых напоминают тип Хинтерзее, один имеет ассиметричную форму заготовки и два — плоскую подтеску черешка со стороны брюшка (рис. 6: 1–7). Массовые категории орудий образуют концевые, двойные и округлые скребки, ретушные, двугранный и на углу сломанной заготовки резцы, острия и проколки, изделия с выемкой, скребла, рубящие орудия, пластины и отщепы с ретушью (рис. 6: 8–24).

Хронология и культурная принадлежность: финальный палеолит (грэнская культура) (Фонды МОКМ; Археалогія Беларусі, 1997. С. 59–60; Археалогія і нумізматыка, 1993. С. 253; Калечиц, 1987. С. 150; Копытин, 1986. С. 131–138; Поликарпович, 1957. С. 66–71).

45. **Чериков-5** (центр района). Стоянка на второй надпойменной террасе правого берега р. Сож (0,7 км), в 500 м юго-западнее г. Чериков, в 1,3 км южнее городского кладбища, восточ-

нее дороги на д. Мирогощ, севернее урочища Крутой Ров. Открыл в 2000 г. и обследовал в 2002 г. А. Колосов

На поверхности распаханной террасы собраны отщепы и пластины, отдельные из которых имеют ретушь, нуклеусы, куски кремня со следами обработки. Часть изделий на поверхности сохраняет патину белого цвета.

Хронология и культурная принадлежность: финальный палеолит (технокомплекс с листовидными и черешковыми наконечниками стрел) (Фонды МГУ; Колосов, 2009а).

46. **Чериков-8** (центр района). Стоянка на левом берегу безымянного ручья, в 0,9 км западнее хлебозавода г. Чериков, на поле, в урочище Победное. Открыл и обследовал в 2002 г. А. Колосов.

Вдоль бровки распаханной террасы встречаются отщепы, пластины, одноплощадочные нуклеусы, ассиметричный черешковый наконечник стрелы, заготовка черешкового орудия, изделия с выемкой.

Хронология и культурная принадлежность: финальный палеолит (технокомплекс с листовидными и черешковыми наконечниками стрел, свидерская культура) (Фонды МГУ; Колосов, 2009а).

Литература

- Абухоўскі В.* Знаходкі крамянёвых і каменных вырабаў ад палеаліту да ранняга жалезнага веку з тэрыторыі Беларусі ў фондах Дзяржаўнага Археалагічнага Музея ў Варшаве. Варшава, 2003
- Археалогія Беларусі: у 4 т. Т. 1: Каменны і бронзавыя вякі.* Мн., 1997.
- Археалогія і нумізматыка Беларусі.* Мн., 1993.
- Балакин С. А., Нужный Д. Ю.* Хозяйственно-экономическое развитие в голоцене и проблема археологических критериев мезолита // Каменный век на территории Украины: Некоторые аспекты хозяйства и этнокультурных связей. Киев, 1990.
- Будько В. Д.* Палеолит Белоруссии: Автореф. дисс. ... канд. ист. наук: 07.00.06. Л., 1962.
- Будько В. Д.* Памятники свидерско-грэнской культуры на территории Белоруссии // МИА. № 126. М.; Л., 1966.
- Будько В. Д., Вознячук Л. Н.* Палеолит Белоруссии и смежных территорий (итоги исследований за годы советской власти) // Древности Белоруссии. Мн., 1969.
- Будько В. Д., Сорокина Р. А.* Поздний палеолит Северо-Запада Русской равнины // Природа и развитие первобытного общества. М. 1969.
- Воеводский М. В.* К вопросу о ранней (свидерской) стадии эпилеполита на территории Восточной Европы // Труды АИЧПЕ. Вып. 5. М.; Л., 1934.
- Воеводский М. В.* Мезолитические культуры Восточной Европы // КСИИМК. 1950. Вып. XXXI.
- Гурина Н. Н.* Новые данные о каменном веке северо-западной Белоруссии // МИА. № 131. М.; Л., 1965.
- Гурина Н. Н.* К вопросу о некоторых общих и особенных чертах мезолита лесной и лесостепной зон европейской части СССР // КСИИМК. 1977. Вып. 149.
- Гурина Н. Н.* Кремнеобрабатывающая мастерская в верховьях Днепра // МИА. № 185. Л., 1972.
- Зализняк Л. Л.* Охотники на северного оленя Украинского Полесья эпохи финального палеолита. Киев, 1989.
- Зализняк Л. Л.* Фінальний палеоліт північного заходу Східної Європи. Київ, 1999.
- Зализняк Л. Л.* Фінальний палеоліт і мезоліт континентальної України. Культурний поділ та періодизація // Кам'яна доба України. Вип. 8. Київ, 2005.
- Калечиц Е. Г.* Памятники каменного и бронзового веков Восточной Белоруссии. Мн., 1987.
- Калечиц Е. Г.* Человек и среда обитания. Восточная Беларусь. Каменный век. Мн., 2003.
- Колосов А. В.* История изучения и проблемы историографии сожской мезолитической культуры // Веснік МДУ імя А.А. Куляшова. 2005а. № 4.
- Колосов А. В.* Мезолитическая стоянка Поклады-2 в Кричевском Посожье // Гістарычна-археалагічны зборнік. 2005б. № 20.
- Колосов А. В.* О некоторых проблемах изучения сожской культуры эпохи мезолита Могилёвского Поднепровья // Шляхі Магілёўскай гісторыі: зборнік навуковых прац удзельнікаў IV Міжнароднай навук. канферэнцыі (Магілёў, 23–24 чэрвеня 2005 г.). Магілёў, 2005в.

- Колосов А. В.* Сожская мезолитическая культура: проблемы изучения // Романовские чтения-2: сб. трудов Международной научной конференции (Могилев, 10–11 ноября 2005 г.). Могилев, 2006.
- Колосов А. В.* Финальный палеолит и мезолит Белорусского Посожья // Русский сборник: труды кафедры Отечественной истории древности и средневековья Брянского государственного университета им. И.Г. Петровского. Вып. 4. Брянск, 2008.
- Колосов А. В.* Археологические древности Могилевского Посожья (по материалам экспедиций 2002 — 2008 гг.). — Могилёв, 2009а.
- Колосов А. В.* Финальный палеолит Посожья: новые данные — новые вопросы // Романовские чтения-V: сборник трудов Международной научной конференции (Могилёв, 27–28 ноября 2008 г.). Могилёв, 2009б.
- Колосов А. В.* Финальный палеолит и мезолит Посожья // Матэрыялы па археологіі Беларусі. Вып. 18. 2010.
- Кольцов Л. В.* Мезолитический слой стоянки Алтыново // КСИА. 1972. Вып. 131.
- Кольцов Л. В.* Финальный палеолит и мезолит Южной и Восточной Прибалтики. М., 1977.
- Копытин В. Ф.* Новые данные по мезолиту Юго-Восточной Белоруссии // The Mesolithic in Europe. Warszawa, 1973.
- Копытин В. Ф.* Позднемезолитическая стоянка Печенеж // КСИА. 1975. Вып. 141.
- Копытин В. Ф.* Мезолит Юго-Восточной Белоруссии // КСИА. 1977. Вып. 149.
- Копытин В. Ф.* Поздний мезолит Посожья // Изыскания по мезолиту и неолиту СССР. Л., 1983.
- Копытин В. Ф.* К характеристике мезолита Верхнего Поднепровья (по материалам стоянки Журавель) // Палеолит и неолит. Л. 1986.
- Копытин В. Ф.* Памятники финального палеолита и мезолита Верхнего Поднепровья. Могилёв, 1992.
- Копытин В. Ф.* Некоторые итоги изучения Гренской стоянки // Гістарычна-археалагічны зборнік. № 5. 1994.
- Копытин В. Ф.* Археологические памятники Краснопольского района Могилевской области. Могилев, 1996.
- Копытин В. Ф.* Археологические памятники Славгородского района Могилевской области. Мн., 1997.
- Копытин В. Ф.* Археологические памятники Климовичского района Могилевской области. Могилев, 1998.
- Копытин В. Ф.* Финальный палеолит и мезолит Верхнего Поднепровья // Tanged points cultures in Europe. Lublin, 1999.
- Копытин В. Ф.* У истоков гренской культуры. Боровка. Могилев, 2000.
- Копытин В. Ф.* Финальный палеолит Верхнего Поднепровья как историческая эпоха // Гістарычна-археалагічны зборнік. 2005. № 20.
- Кравцов А. Е., Сорокин А. Н.* Актуальные вопросы Волго-Окского мезолита. М., 1991.
- Кравцов А. Е., Жилин М. Г.* Опыт функционально-планиграфического анализа мезолитической стоянки Беливо-4Г-северная // РА. 1995. № 2.
- Ксензов В. П.* Поздний мезолит Белорусского Правобережья Днепра // СА. 1986. № 1.
- Ксензов В. П.* Палеолит и мезолит Белорусского Поднепровья. — Мн., 1988.
- Ксензов В. П.* Мезолитическая днепро-деснинская культура // Гістарычна-археалагічны зборнік. 1994а. №5.
- Ксензов В. П.* Мезолитические культуры Белорусского Подвинья и Поднепровья: автореф. дисс. ... д-ра. ист. наук: 07.00.06. Мн. 1994б.
- Ксензов В. П.* Финальный палеолит и мезолит Поднепровья Беларуси // РА. 1997. № 1.
- Ксензов В. П.* Новые памятники гренской культуры в Белорусском Поднепровье // Tanged pointes cultures in Europe. Lublin, 1999.
- Ксензов В. П.* Мезолит Северной и Центральной Беларуси // Матэрыялы па археологіі Беларусі. 2006. Вып. 13.
- Ландшафты Белоруссии* / под общ. ред. Г.И. Марцинкевич, Н.К. Клицуновой. Мн., 1989.
- Леонова Е. В.* К проблеме археологического содержания иеневской культуры Волго-Окского бассейна // Проблемы археологии каменного века (к юбилею М.Д. Гвоздовер). М., 2007.
- Неприна В. И., Зализняк Л. Л., Кротова А. А.* Памятники каменного века Левобережной Украины. Киев, 1986.
- Обуховский В. С.* «Гренский след» в финальном палеолите междуречья Немана, Припяти и Вислы // Романовские чтения-3: сборник трудов Международной научной конференции (Могилёв, 23–24 ноября 2006 г.). Могилев, 2007.

- Очерки по археологии Белоруссии: в 2-х ч. Ч. 1. Мн., 1970.*
- Палікарповіч К. М.* Нэолітычная стаянка каля балота Печанеж на Калініншчыне // Гістарычна-археалагічны зборнік. 1927. № 1.
- Палікарповіч К. М.* Дагістарычныя стаянкі сярэдняга і ніжняга Сажа (па досьледах 1926 г.) // Працы кафедры археалёгіі. Т. 1. Мн., 1928.
- Палікарповіч К. М.* Дагістарычныя стаянкі сярэдняга Сажа. Матэр'ялы абсьледваньня 1927 г. // Працы кафедры археалёгіі. Т. 2. Мн., 1930.
- Палікарповіч К. М.* Знахадкі рэштак чацьвярцічнай фаўны на тэрыторыі БССР // Прыцы сэкцыі археалёгіі. Т. 3. Мн., 1932а.
- Палікарповіч К. М.* Досьледы культур каменнага і бронзавага перыодаў у БССР у 1930–1931 гг. // Прыцы сэкцыі археалёгіі. Т. 3. Мн., 1932б.
- Поликарпович К. М.* Палеолит и мезолит БССР и некоторых соседних территорий Верхнего Поднепровья // Труды АИЧПЕ. Вып. IV. М.; Л.-Новосибирск, 1934.
- Поликарпович К. М.* Стоянки среднего Посожья // Материалы по археологии БССР. Т. 1. Мн., 1957.
- Поликарпович К. М.* Палеолит Верхнего Поднепровья. Мн., 1968.
- Поплевко Г. Н.* Методика комплексного исследования каменных индустрий // Труды Института истории материальной культуры. Т. 23. СПб., 2007.
- Римантене Р. К.* Палеолит и мезолит Литвы. Вильнюс, 1971.
- Синицына Г. В.* Заселение Валдайской возвышенности на рубеже плейстоцена — голоцена // Путь на Север: окружающая среда и самые ранние обитатели Арктики и Субарктики. Материалы международной конференции. М., 2008.
- Сорокин А. Н.* Мезолит бассейнов Десны и Оки (по материалам работ Деснинской экспедиции) // КСИА. 1986. Вып. 188.
- Сорокин А. Н.* Мезолит Жиздринского Полесья. Проблема источниковедения мезолита Восточной Европы. М., 2002.
- Сорокин А. Н.* Мезолит Волго-Окского бассейна // Проблемы каменного века Русской равнины; под ред. Х.А. Амирханова. М., 2004.
- Сорокин А. Н.* Проблемы мезолитоведения. The Mesolithologic Problems. М., 2006.
- Сорокин А., Ошибкина С., Трусов А.* На переломе эпох. М., 2009.
- Тихоненков И. М.* Кремневый инвентарь стоянки Латки // Вопросы истории и археологии. Мн., 1966.
- Формозов А. А.* Периодизация мезолитических стоянок Европейской части СССР // СА. 1954. Т. 21.
- Формозов А. А.* Использование подъемного материала с донных стоянок в археологических исследованиях // КСИА. 1975. Вып. 75.
- Чарняўскі М. М., Кудрашоў В. Я., Лінніцкая В. Л.* Старажытныя шахцёры на Росі. Мн., 1996.
- Vutrimas A., Ostrauskas T.* Tanged points cultures in Lithuania // Tanged pointes cultures in Europe. Lublin, 1999.
- Kozłowski S.K.* The tanged Points Complex // Tanged points Cultures in Europe. Lublin, 1999.
- Kravtsov A.E.* Concerning the dating of the yenevo culture // Tanged pointes cultures in Europe. Lublin, 1999.
- Obuchowski W.* Materiały paleolityczne i mezolityczne z zachodniej Białorusi // Swiatowit. Vol. XVI. IAU Warszawski, 2009.
- Šatavičius E.* Swidrų kultūra Lietuvoje // Lietuvos archeologija. T. 29. Vilnius, 2005.
- Sulgosłowska Z.* Kontakty społeczności późnopaleolitycznych i mezolitycznych między Odrą, Dzwina i górnym Dniestrem. Warszawa, 2005.
- Szymczak K.* Epoka kamienia Polski północno-wschodniej na tle środkowoeuropejskim. Warszawa, 1995.

Архивные материалы

- Будько В. Д.* Дневник о работе в Бердыже в 1959 г. // Архив археологической научной документации ГНУ «Институт истории НАН Беларуси». Арх. № 395.
- Будько В. Д.* Отчет о работах в Гренске в 1960–1961 гг. // Архив археологической научной документации ГНУ «Институт истории НАН Беларуси». Арх. № 346.
- Будько В. Д.* Отчет об исследовании памятников свидерско-грэнской культуры в 1961 г. // Архив археологической научной документации ГНУ «Институт истории НАН Беларуси». Арх. № 206, 206а (альбом).
- Калечиц Е. Г., Бычков Н. В.* Отчет о полевых исследованиях 1986 г. Сожского отряда // Архив археологической научной документации ГНУ «Институт истории НАН Беларуси». Арх. № 965.

Копытин В. Ф. Отчет об археологических работах на территории Верхнего Поднепровья в 1975 году // Архив археологической научной документации ГНУ «Институт истории НАН Беларуси». Арх. № 508.

Ободенко Ю. В. Отчет по археологическому обследованию территории Ветковского района Гомельской области в 1992 г. Т. 1 // Фонды ГомДПА. Гомель, 1993.

Ободенко Ю. В. Отчет отделу археологии Института истории АН РБ по археологической разведке на территории Гомельской области в 1996 г. Т. 1: Кормянский, Ветковский, Добрушский районы // Фонды ГомДПА. Гомель, 1996.

A. V. Kolosov

ABOUT SETTLING OF THE BASIN OF THE SOZH RIVER IN THE LATE-GLACIAL PERIOD

In this paper, characterization is presented of materials concerned with the problem of settlement of the region in question during the final Palaeolithic (14 (12) – 10 millennia years BC). On the basis of methods of comparative typological and technological analysis, the present author has distinguished three groups of sites. The first group is arbitrarily attributed to the technological complexes with the tanged and leaf-shaped arrowheads (25 find-spots). Some particular sites display a resemblance to the cultural tradition of Bromme-Lingby (Klenki-5, Pervokrichevsky-3 and Chemernya).

The second group of sites is represented by artefacts of the Grensk culture. In the region of the Sozh River, now ten sites of this culture are known. The specifics of the Grensk culture are displayed in the technique of working flint, based on the use of firm strike, and the forms of tools made from blanks in the form of flake and blade-flake, or more rarely blade. Arrowheads constitute two main groups: tanged and asymmetrically tanged points with an oppositely positioned lateral recess (“Grensk type”).

Of the third group of sites, artefacts of the Swiderian culture are characteristic. In the basin of the Sozh River, 22 sites have been revealed with the classical for the Swiderian culture bidirectional cores for making blades, as well as the flake blanks proper. The latter are of a regular shape and some had been used for making tools. Among the tools from the Sozh sites there are blades with a bevelled distal end and arrowheads with a distinct or poorly identifiable tang with a peculiar flat retouch on the ventral face.

Appended to this paper is a catalogue of sites of the Final Palaeolithic period (totally 47 sites are included) known by now in the Sozh area. The catalogue presents a topographical description of each archaeological site with notes on its present-day geographic and administrative situation, a brief characterization of the finds, their chronological and cultural belonging, the history of the site’s investigations with reference to respective publications.

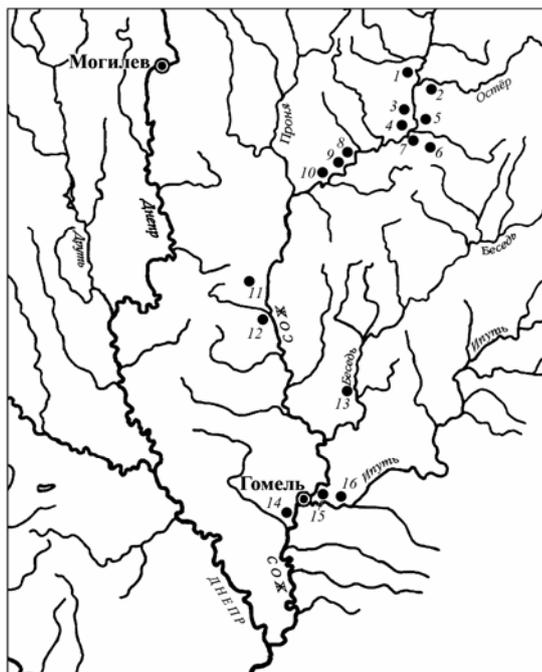

Рис. 1. Карта технокомплексов с листовидными и черешковыми наконечниками стрел в бассейне р. Сож:
 1 — Лобковичи; 2 — Дяговичи; 3 — Первокривичский-3; 4 — Поклады-1, 5; 5 — Рудня-1 (Климовичский р-н); 6 — Вознесенск (Муравец); 7 — Борисовичи-1, 3; 8 — Чериков-5, 8; 9 — Горки (Угаревка);
 10 — Баков-1, 1А, 3; 11 — Остров-1, 2; 12 — Ворновка (Подмосковщина); 13 — Чемерня;
 14 — Осовцы-4 (Уза); 15 — Кленки-2, 5, 6, 7; 16 — Романовичи-1

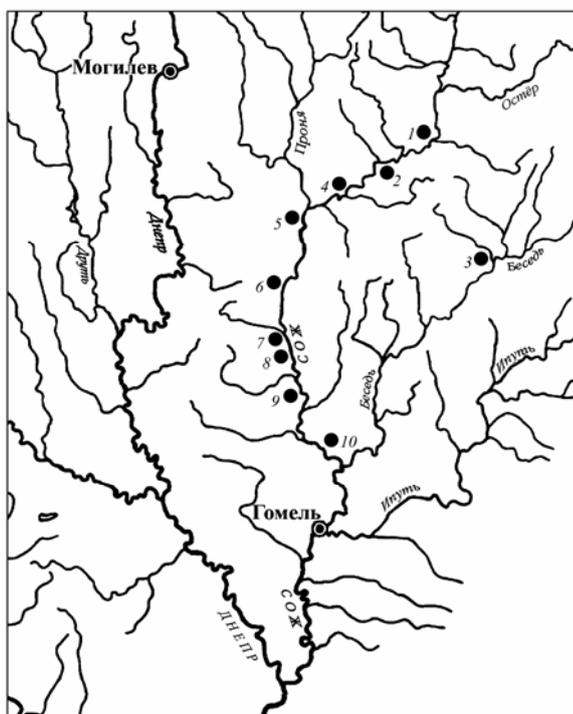

Рис. 2. Карта памятников grenской культуры в Посожье: 1 — Поклады-2; 2 — Гронов-1;
 3 — Гайоковка (Печенеж); 4 — Журавель; 5 — Рудня (Славгородский р-н); 6 — Литвиновичи (Телец);
 7 — Ворновка (Гренск); 8 — Турищевичи; 9 — Подлужье-3; 10 — Пролетарский-1А

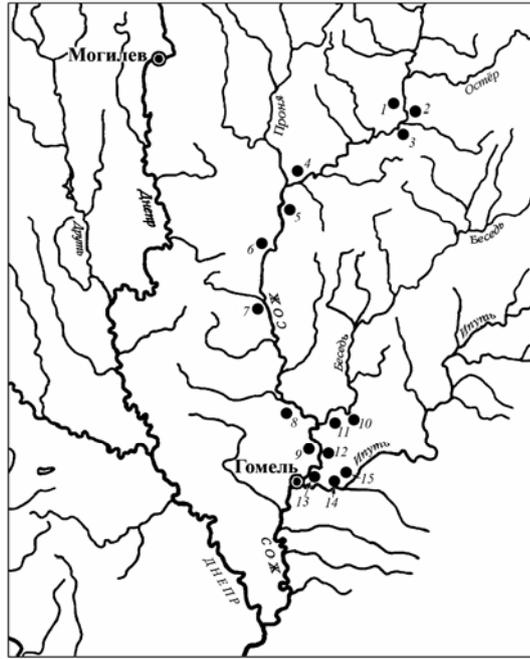

Рис. 3. Карта памятников свирской культуры в бассейне р. Сож: 1 — Первокривеский-3; 2 — Рудня-1 (Климовичский р-н); 3 — Борисовичи-1, 3; 4 — Александровка (Толкачевка); 5 — Папоротки; 6 — Костюковка (Взлужье); 7 — Ворновка (Гренск); 8 — Присно; 9 — Старое Село-6; 10 — Новые Громьки (Аврамов Бугор); 11 — Бартоломеевка; 12 — Кленки-1, 3, 4, 5, 8; 13 — Рудня Споницкая-1 (Латки); 14 — Романовичи-1; 15 — Залядь-1, 2

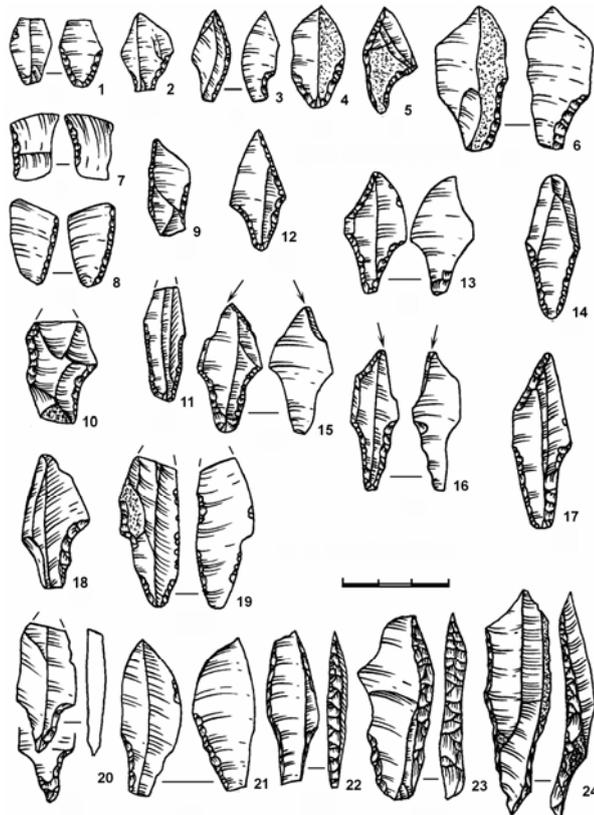

Рис. 4. Ворновка (Гренск): 1-6, 9-24 — наконечники стрел; 7-8 — трапеции (1-19, 21-24 — по материалам исследований В. Копытина; Копытин, 1994; 20 — поверхностные сборы А. Колосова, 2005 г.)

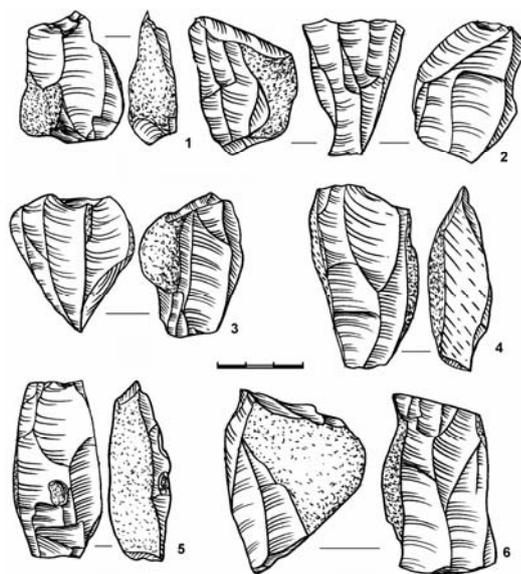

Рис. 5. Журавель: 1–6 — нуклеусы (по материалам исследований В. Копытина; Копытин, 1986)

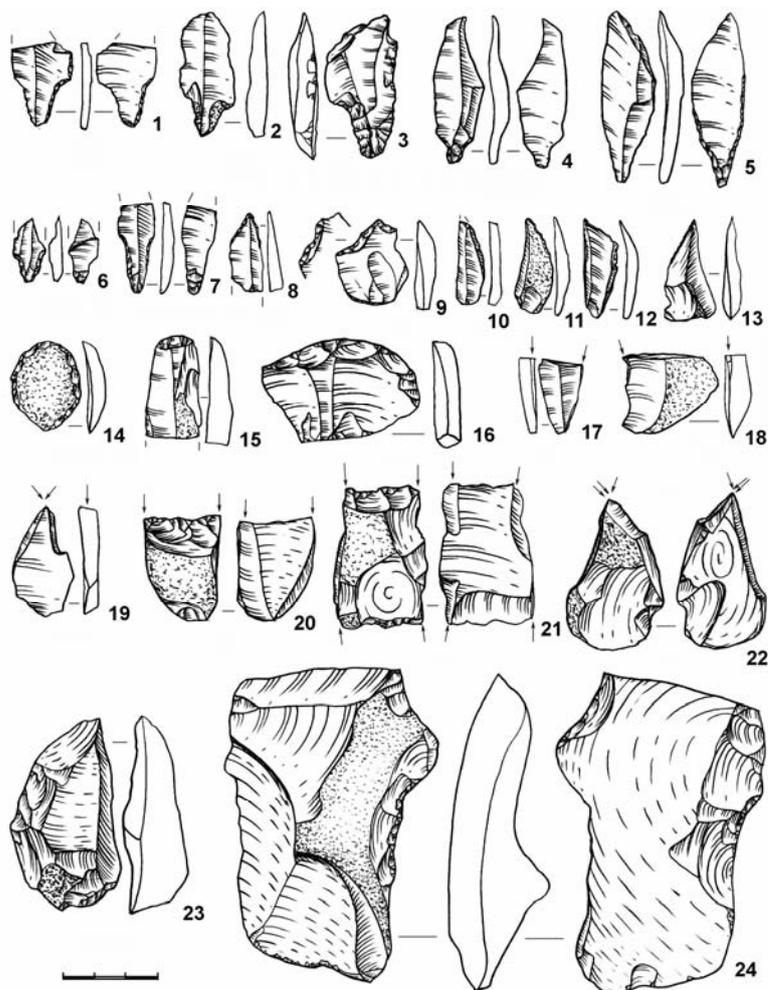

Рис. 6. Журавель: 1–7 — наконечники стрел; 8–9 — проколки;
10–13 — пластины с ретушированным концом; 14–16 — скребки; 17–22 — резцы;
23–24 — рубящие орудия (по материалам исследований В. Копытина; Копытин, 1986)

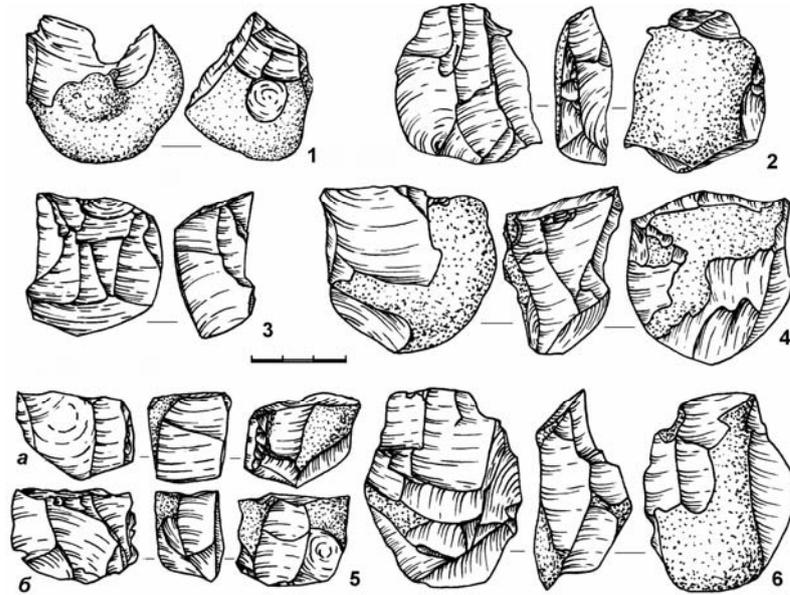

Рис. 7. Поклады-2: 1–6 — нуклеусы (по материалам исследований А. Колосова; Колосов, 2005б)

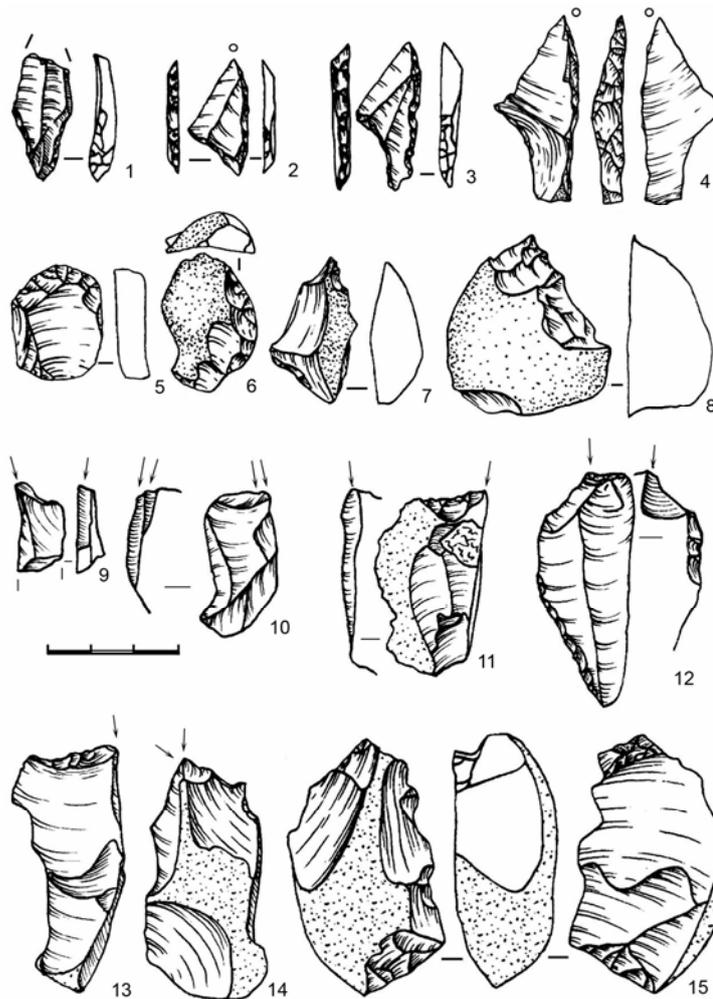

Рис. 8. Поклады-2: 1–4 — наконечники стрел; 5–6 — скребки; 7–8 — проколки; 9–14 — резцы; 15 — рубящее орудие (по материалам исследований А. Колосова; Колосов, 2005б)

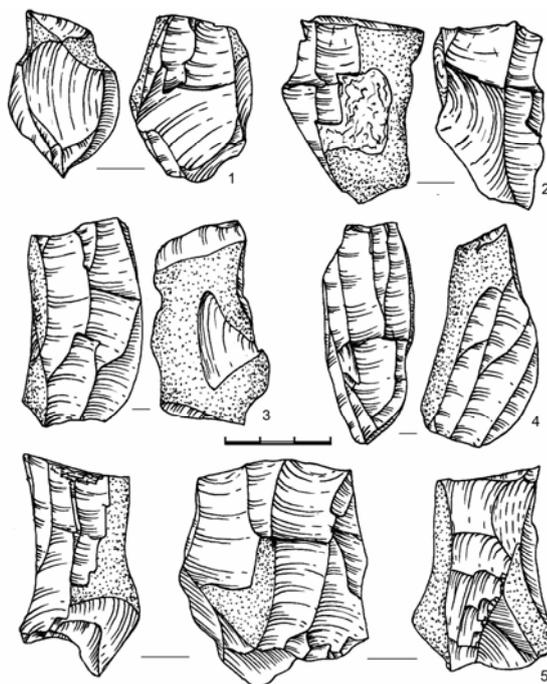

Рис. 9. Турищевичи: 1–5 — нуклеусы (поверхностные сборы А. Колосова, 2006 г.)

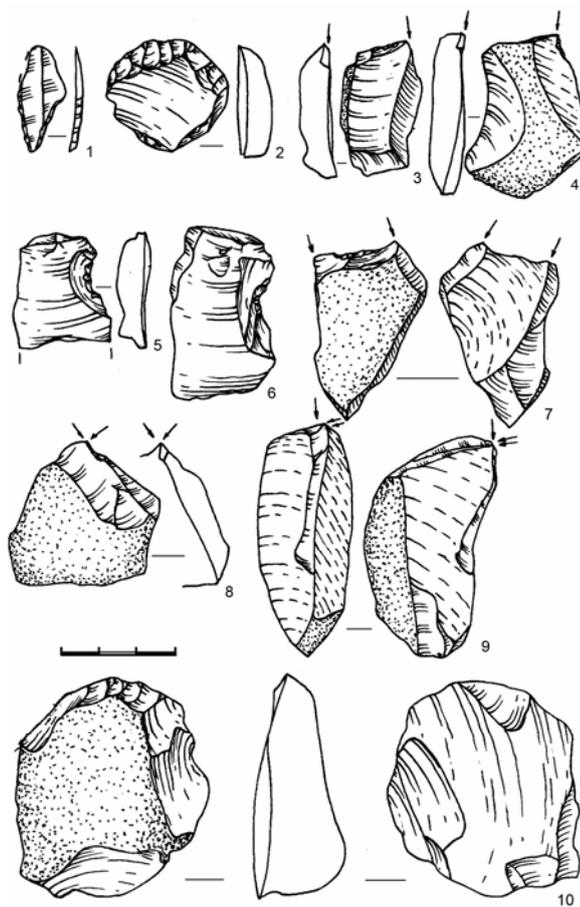

Рис. 10. Турищевичи: 1 — наконечник стрелы; 2 — скребок; 3–4, 7–9 — резцы; 5–6 — изделия с выемкой; 10 — скребловидное изделие (поверхностные сборы А. Колосова, 2006 г.)

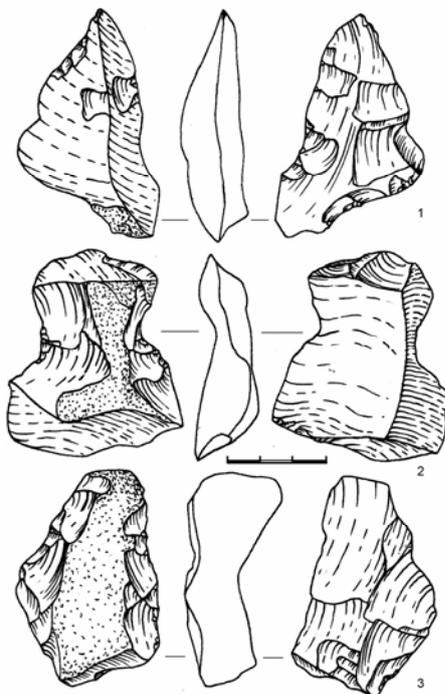

Рис. 11. Турищевичи: 1–3 — рубящие орудия (поверхностные сборы А. Колосова, 2006 г.)

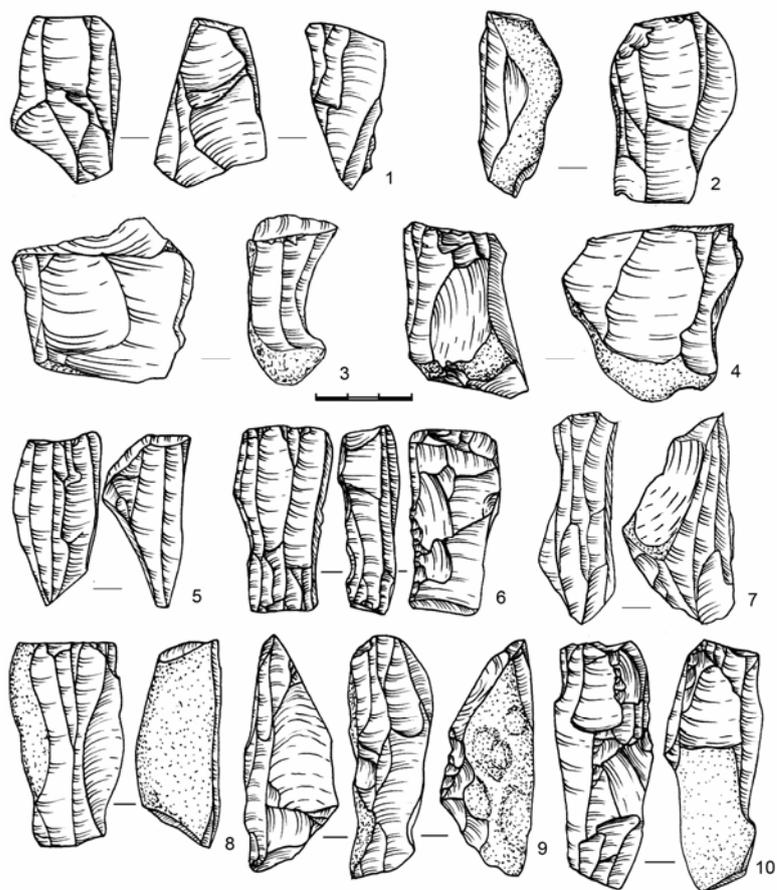

Рис. 12. Первокривческий-3: 1–10 — нуклеусы (по материалам исследований А. Колосова; Колосов, 2009а)

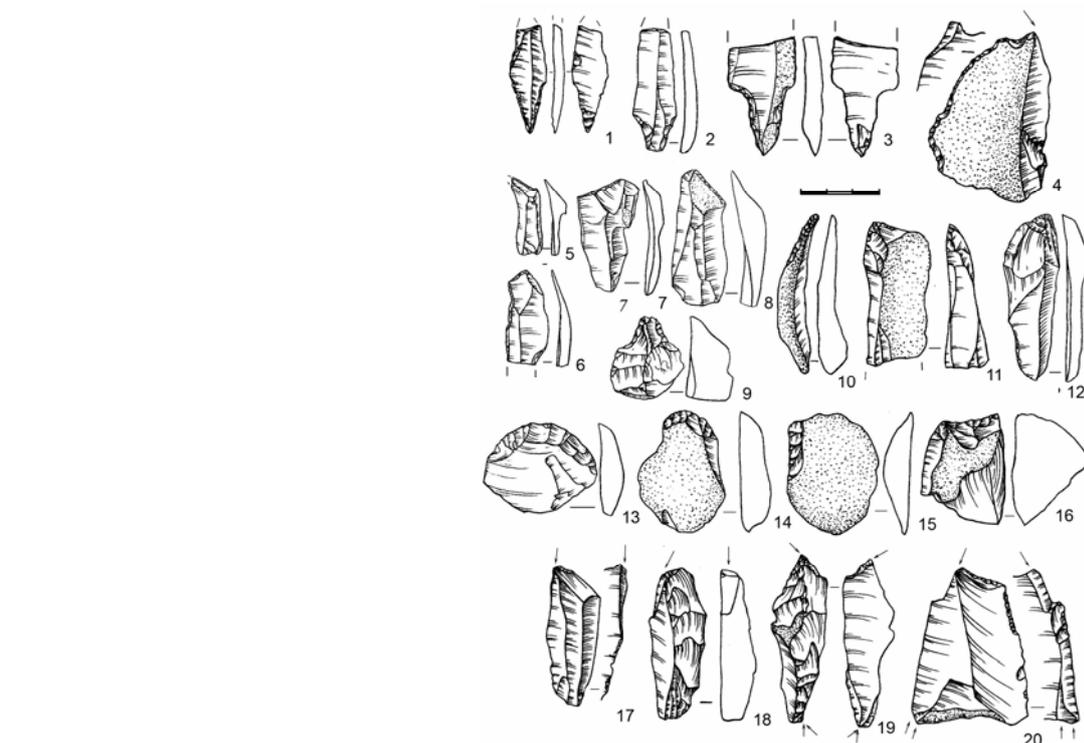

Рис. 13. Первокривчевский-3: 1–3 — наконечники стрел; 4, 17–20 — резцы; 5–8 — пластины с ретушированным дистальным концом; 9–10 — перфораторы; 11–12 — остря; 13–16 — скребки (по материалам исследований А. Колосова; Колосов, 2009а)

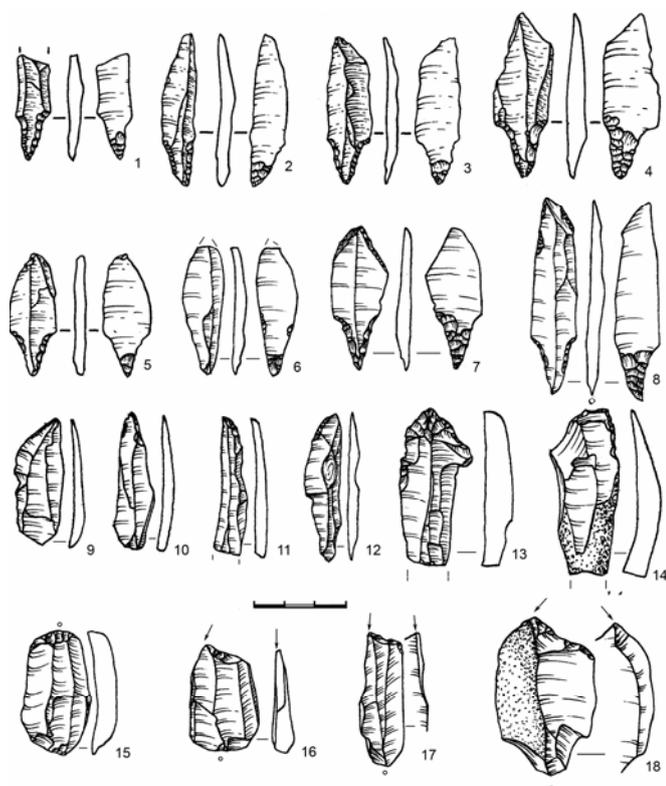

Рис. 14. Горки: 1–8 — наконечники стрел; 9–14 — остря; 15 — скребок; 16–18 — резцы (по материалам исследований В. Копытина; Копытин, 1992)

О. Л. Липницкая

Белорусский государственный университет

ПРОБЛЕМА ЗАСЕЛЕНИЯ ЗАПАДА БЕЛАРУСИ НА РУБЕЖЕ ПЛЕЙСТОЦЕНА–ГОЛОЦЕНА (ПО МАТЕРИАЛАМ КС-5)

Комплекс археологических памятников на правом берегу р. Россь (рис. 1) был открыт в 1984–1985 годах в ходе разведок, проведенных О. Л. Липницкой и В. Е. Кудряшовым (подъемный материал и шурфование). Самым ранним памятником, датированным на основании сравнительно-типологического анализа, является стоянка Красносельский-5 (КС-5), аналогии инвентарю которой известны в стоянках культуры броме-лингби Дании, существовавшей в постледниковый период. По материалам этого памятника в настоящее время можно предполагать заселение запада Беларуси в аллереде-дриасе младшем.

Долина р. Россь в среднем ее течении протекает через восточную окраину Волковысской возвышенности. В районе пос. Красносельский моренные возвышения подходят к самому берегу реки. В теле морены на небольшой глубине, а местами выходя на поверхность, залегают кремненосные меловые отторженцы (рис. 1, врезка). На поверхности отторженцев-линз и в пространстве между ними встречается множество расщепленных кремней, целых конкреций, которые длительное время, начиная с палеолита, использовались местным населением.

Такое положение в бассейне среднего течения Росси стало определяющим фактором заселения его территории в каменном веке и определило своеобразие кремневого инвентаря памятников.

Поселение Красносельский-5 находится в урочище Хвойное на правом берегу р. Россь западнее разработанной меловой линзы «Рейста» на выступе террасы на 3 м выше меженного уровня реки, на расстоянии 1,1 км на северо-запад от д. Мачулино Волковысского района. В 1985–1986, 1988–1990 гг. (Липницкая, архивные материалы) раскопками были охвачены северная и центральная части поселения, в 1988 г. — южная окраина. Всего вскрыто 774 м² (рис. 2:А и Б).

Хозяйственные ямы, очаги и скопления кремня. В процессе раскопок зафиксированы пятнадцать очагов, ям, а также скопления кремней и камней (рис. 2А и В).

В юго-западном углу раскопа 1985 г. в культурном слое на глубине 0,3 м от современной дневной поверхности было обнаружено компактное скопление расщепленных кремней (ядрище, пластинки, отщепы, осколки) размером 0,4 м (в поперечнике) и мощностью 0,03 м (рис. 2А, 1985: 1); песок с культурными остатками слегка отличается по интенсивности окраски.

В этом же раскопе была расчищена яма размером 1,2 × 0,9 м неправильной овальной формы (рис. 2А, 1985: 2; Рис. 2В, разрез F–F₁). На глубине 0,8 м от дневной поверхности, 0,47 м песка (культурного слоя) обнаружено скопление из двух десятков плотно прилегающих друг к другу кремней, размер ямки в диаметре 0,3 м.

В 3 м севернее ямы обнаружен черешковидный наконечник, обработанный крутой односторонней ретушью (рис. 2А, 1985: 8; рис. 3: 2).

В северо-западном углу раскопа 1985 года расчищено зольное пятно размером 2 × 4,2 м неоднородной окраски (от серого до темно-серого цвета) и нечетких очертаний (рис. 2А, 1985: 3). В заполнении много кремня (отщепы, скребок с краевой ретушью по краям), угли,

кости. Здесь же обнаружены компактное скопление кремня и черешковый наконечник стрелы с обработкой острия (рис. 3: 1).

Очаг в виде овала размерам $0,6 \times 0,6$ м зафиксирован в южной части раскопа 1989 года (рис. 2В, разрез А–А₁), заполнение — темно-серый песок с угольками, глубина ямки 0,36 м. Южнее выявлено овальное пятно размерами $0,3 \times 0,4$ м, глубина очаговой ямки 0,39 м (рис. 2В, разрез С–С₁) и два пятна очагов размерами $0,6 \times 0,5$ м и $0,4 \times 0,48$ м, глубиной соответственно 0,26 и 0,31 м, заполнение — темно-серый песок с угольками.

В раскопе 1989 года обнаружено большое скопление (рис. 2А, 1989: 5) камней (около 60 ед.) и кремней (отщепы). Форма скопления округлая в плане диаметром 0,7 м. Камни расстрескались от воздействия огня.

В северном углу раскопа 1990 г. выявлен очаг с хорошо сохранившимися углями, кремнями, кусками глиняной обмазки, заполнение темно-серого и красноватого цветов, среди кремней — три отщепа, четыре осколка и чешуйка (рис. 2В, разрез В–В₁).

В южной части раскопа этого же года выявлено небольшое овальное пятно с углями размером $0,3 \times 0,5$ м, в заполнении которого был темно-серый песок, два кремня, угли, глубина ямы очага 0,17 м. (рис. 2В, разрез Е–Е₁).

Много угольков и несколько кремней найдено в очаге, который размещался в раскопе 1990 г, глубина ямы 0,41 м, размеры сильно вытянутого овала $1,2 \times 0,7$ м (рис. 2А – 6; рис. 2В, разрез D–D₁).

В раскопе 1988 года выявлены пятно от очага с угольками, кусками глиняной обмазки, размеры очаговой ямки $0,8 \times 0,6$ м, наибольшая глубина 0,92 м; ямка размерами $0,42 \times 0,52$ м, глубиной 0,24 м, заполнение — темно-серый песок, мелкие угольки. Вокруг много керамической массы — куски глиняной обмазки.

В заполнении очага диаметром 0,6 м, глубиной 0,3 м найдено четыре фрагмента керамики с расчесами, четыре отщепа, восемь осколков, угли. Наконец, здесь же были выявлены скопления обожженных (12) камней: одно размером до 0,1 м и второе компактное скопление камней меньших размеров залегало на глубине 0,03–0,07 м.

Планиграфический анализ раскопанных площадей КС-5 показал, что культурный слой в южной части выступа террасы имеет смешанный характер: вместе с двумя черешковыми наконечниками стрел (рис. 2А — 1988) обнаружены фрагменты керамики, куски глиняной обмазки, орудия более позднего облика. Материалы северных и центральных раскопанных площадей дают основание предполагать существование памятника в аллереде-дриасе младшем.

Стратиграфия раскопов разная, но преобладала следующая:

а) почва дерново-подзолистая, нижний контакт невыразительный, неровный, переход в нижележащий горизонт плавный, много кротовин. Концентрация находок — девять кремневых единиц на 1 м^2 в среднем, мощность 0,2 м;

б) песок светло-серого цвета переходящего к серому, мелкозернистый, неслоистый, в западной части раскопа выклинивается. Находки — 19 единиц на 1 м^2 , мощность 0,1 м;

в) песок желтовато-бурый, мелкозернистый, неслоистый, в верхней части удерживает культурные находки. В среднем семь единиц на 1 м^2 , мощность 0,4 м.

Основная масса находок первых годов раскопок найдена во втором слое, в почве и третьем слое — по 25 и 20,6%,

Собственно культурный слой, окрашенный в более темный серый цвет, был прослежен в восточных частях разрезов южных стенок раскопов, с ним связана основная масса кремневых изделий. Планиграфически ямы и очаги тесно связаны с кремневым инвентарем, в связи с этим часть кремневых изделий обожжены.

В восточной части раскопов большая часть артефактов найдена на большей глубине — в третьем и четвертом слоях снятия (слой снятия 10–15 см), соответственно 27 и 37%; меньше найдено в пятом — 23%; в первых двух слоях (почвенных) находки встречаются редко (2 и 10%). То есть, культурный слой несколько углубляется, что объясняется более поздней (современной) подсыпкой при работах вдоль железнодорожного полотна. Степень насыщенности культурного слоя памятника колеблется в среднем от 159 единиц до 21 единицы на 1 м^2 .

Следует отметить большую насыщенность кремневыми изделиями в северной (где отмечены находки Лингби) и особенно в южной частях выступа террасы. Последнее обстоятельство можно объяснить смешанным характером этого культурного слоя, когда в южной части террасы останавливались древние люди, связанные с начавшимся функционированием шахтных разработок (Гурина, 1972; 1976. С. 127).

Кремневые изделия изготовлены из местного красносельского сырья. Кремень темно-серого, серого, светло-серого цветов в виде конкреций разных форм и размеров с меловой коркой толщиной до 1 мм, на изломе имеет белые и светлые включения овальной и круглой форм диаметром до 1 см, большое светлое пятно — ядро конкреции.

Кремневый инвентарь. Коллекция кремневых артефактов на КС-5 богата, за пять лет раскопок собрано около 38 тыс. кремней. Изделий со вторичной обработкой выявлено 545, что составляет 1,43% от всей коллекции.

Коллекция кремневых артефактов включает наконечники стрел — 29 (5,32%), скребки — 145 (26,6%), резцы — 82 (15%), резцовые сколы — 19 (3,5%), скребла — 10 (1,8%), рубящие орудия — 39 (7,15%), трапеции — 7 (1,3%), остря — 3 (0,5%), проколки — 3 (0,5%), пластинки с притупленной спинкой — 7 (1,3%), треугольник — 1, пилку — 1, микропластинки с ретушью — 3 (0,5%), пластинки со скошенным краем — 4 (0,7%), отщепы с ретушированными выемками — 24 (4,4%), отбойники — 13 (2,4%), ретушер — 1, пластинки с ретушью — 20 (3,7%), осколки с ретушью — 135 (24,8%), кремневые изделия бронзового века — 10 (1,8%).

Среди наконечников стрел имеются симметричные и асимметричные с черенком, который выделяется крутой ретушью со спинки, треугольные наконечники со струйчатой ретушью, крупный треугольный наконечник с плоской ретушью и черенковые части наконечников (рис. 3: 1–11).

Резцы представлены поперечно-ретушными, трансверсальными с ретушью боковой стороны, двугранными, созданными двумя расходящимися сколами, одно и двугранными на сломе заготовки, одногранными на пятке заготовки, боковыми, комбинированными на разных концах заготовок и резцовыми сколами (рис. 4: 14–19).

Скребки изготовлены на массивных отщепах с округлым и скошенным рабочим краем. Угол скребковой ретуши — 45–60°, высота рабочего края 0,7–1 см, на средних по размерам отщепах с выпуклым и скошенным рабочими краями высота ретуши 0,5–1,0 см, угол 50–60°. Найдены ногтевидный скребок на мелком отщепе, двойные концевые, округлые и обломки скребков (рис. 4: 1–4, 7–13).

На остриях-пластинах сходящиеся боковые стороны обработаны плоской и краевой ретушью со спинки. Проколки-сверла изготовлены на ребристой пластине и осколке, их остря обработаны противоположащей ретушью (рис. 4: 5–6).

Микропластинки найдены двух разновидностей: с притупленным боковой стороной и поперечным концом и только с притупленной боковой стороной (рис. 3: 12, 13).

Трапеции разнообразны по сырью и способам обработки. Есть симметричные трапеции, на сечениях пластин, симметричные с ретушью основы и асимметричные с ретушью основы (рис. 3: 17–19, 23, 24).

Пластинки с притупленным краем представлены двумя типами: с двумя притупленными боковыми краями и поперечным концом и со скошенным крутой ретушью поперечным концом (рис. 3: 25, 26).

Скребла в коллекции имеют одно или два лезвия.

Рубящие инструменты: топор трапециевидный, подтесанный сколами с четырех сторон; подчетыреугольный топор с подтесанным лезвием (рис. 6); обломок обушка подтреугольного топора; утилизированный из нуклеуса топор, тесловидное орудие и несколько заготовок овальной, подтреугольной формы и с прямым лезвием.

Кроме того, в коллекции имеются орудия, которые по типу ретуши с большой долей уверенности можно отнести к бронзовому веку: пластина трехгранная размером 8,2 × 2,8 см, обе стороны которой обработаны нерегулярной ретушью. Такие пластины называют «нож с заострением», «остроконечные пластины», «острия».

Четыре скребка с ретушью, близкой к струйчатой, которая была нанесена на боковые стороны осколков-заготовок, сохраняют большие участки меловой корки (рис. 4: 4). Два осколка с участками аналогичной ретуши, одна пластинка размером $4,3 \times 1,5$ см четырехгранная. Скребковой ретушью (60° , узкие высокие фасетки) обработана левая половина верхнего конца пластины, по правой стороне с брющка мелкой ретушью выделены две выемки. Такие изделия называют «скребок-скобель», «пластина со скребковой ретушью».

Одна проковка на отщепе. Острие выделено нерегулярной ретушью с двух сторон — со спинки и с брющка (рис. 4: 5).

Один крупный обломок широкой пластины 6×4 см с участком корки, на котором нерегулярной плоской ретушью обработана левая сторона со спинки, правая — с брющка.

Кроме того, найдены шесть отщепов с ретушированными выемками, пять отщепов с участками мелкой ретуши, пять крупных отщепов с участками корки и нерегулярной ретушью, 18 отщепов и осколков с небольшими участками ретуши.

Технология первичного расщепления представлена нуклеусами (652), их обломками (59), сколами (1074), отщепами (12 496), пластинами (1872), ретушерами (31), чешуйками (7239), отбойниками (6), всего 22429 артефактов.

Средняя длина одноплощадочных нуклеусов 59 мм, ширина 42 мм, толщина 29 мм, индекс удлиненности (отношения длины к ширине) — 1,49, индекс массивности (отношения ширины к толщине) — 1,53. В качестве сырья для одноплощадочных нуклеусов в половине случаев использованы фрагменты конкреций, в 1/3 случаев — скол, а также куски и отщепы. Половина ударных площадок гладкие, остальные — двухгранные, многогранные и изредка фасетированные, «карниз» (край ударной площадки) подработан только у пяти экземпляров. Угол, с которого производилось скалывание, от 75° до 90° , но чаще всего $80\text{--}85^\circ$; шесть одноплощадочных нуклеусов сохранили ребро или его часть, которое было подготовлено поперечной подтеской для снятия так называемого затерса (продольного скола оживления), у двух нуклеусов имеется «киль» — подтесан нижний конец нуклеуса. С одноплощадочных нуклеусов скалывали и осколки, и смешанные негативы.

Двуплощадочных нуклеусов выявлено меньше (20,5%), их средняя длина 68 мм, ширина 38, толщина 28 мм, индекс удлиненности 1,97, массивности — 1,38, т. е. двуплощадочные нуклеусы более стройные, чем одноплощадочные. В качестве сырья в равной мере использованы фрагменты конкреций, куски, сколы, осколки. Ударные площадки в большинстве случаев (62,5%) представлены гладкими сколами, у остальных нуклеусов — двух- (16,6%), многогранные (12,5%) и фасетированные (18,6%). Ориентация площадок у 2/3 нуклеусов скошенная, угол скалывания колеблется от 50 к 100° , чаще $80\text{--}85^\circ$ (75% нуклеусов).

Среди сколов с нуклеусов много крупных сколов, снятых с нуклеуса и захвативших его нижний конец («с захлестом»), два — от двуплощадочных нуклеусов, остальные — от одноплощадочных, 29 крупных и мелких сколов несут на себе почти всю поверхность скалывания. В коллекции насчитывается 24 скола оживления площадок, два скола, снятые параллельными ударами, семь узких поперечных сколов (поперечное снятие) — всего 44 поперечных скола (21%).

Продольных сколов значительно больше — 122 экземпляра (58,6%), из них 48 сколов, на которых сохранилась продольное, подтесанное с одной стороны ребро, шесть сколов, снятых параллельно, следующим ударам в продольном направлении, 28 продольных сколов с негативами и 20 обломков продольных сколов. Кроме того, найдено восемь крупных угловых продольных сколов с нуклеусов и 12 угловых массивных сколов.

Самый массивный материал — осколки (с ударными бугорками) — насчитывает 2096 экземпляров (41,35%). Пластин в 10 раз меньше — 4,12%. Всего 79 целых пластин. Они сняты с помощью посредника, т. е. имеют точечную пятку или близкую к ней и фасетированный проксимальный конец, девять из них имеют относительно правильные призматические очертания, 29 пластин обладают более массивной пяткой, у восьми экземпляров — фасетированный конец, очертания неправильные; 31 фрагмент представляют медиальные части пластин, 10 микропластинок и их фрагментов.

При раскопках и камеральной обработке были произведены ремонтные работы. Особое внимание уделялось скоплениям. Удалось подобрать друг к другу 10 пар отщепов, причем одна пара представляет собой крупные продольные сколы с нуклеусов, один — продольный скол оживления нуклеуса, шесть отщепов последовательно и шесть массивных осколков с желтоватой меловой коркой подклеены друг к другу (рис. 5: 4, 6). Составлена целая конкреция из 16 фрагментов. С конкреции снята «шапка»: с одной стороны подработан «карниз» и снято несколько осколков (один с участком корки). Кроме того, подклеены друг к другу 12 фрагментов кремневых изделий, но расколотых умышленно. Во-первых, необходимо отметить, что два фрагмента, подобранные друг к другу, найдены на разных квадратах, в разных скоплениях (рис. 2А, 1986: 7, 8). Во-вторых, большая часть предметов, которые подбирались в процессе ремонта, выявлена в скоплении на квадратах (рис. 2А, 1989: 9; рис. 5: 4, 6). Именно в этом скоплении концентрировались и нуклеусы.

Кроме того, на раскопе 1968 года (рис. 2А, 1990: 10) на глубине 0,25 м от дневной поверхности (при выборке третьего слоя) выявлено скопление кремней, в котором выявлены нуклеусы: 17 одноплощадочных, 11 двухплощадочных и пять обломков нуклеусов.

Кроме того, в скоплении найдены первичные сколы (5 единиц; 1,7%), сколы оформления площадки типа «таблетка» с коркой (4; 1,3%), сколы удаления желвачной корки (15; 5,1%), сколы оформления плоскости скалывания (13; 4,4%), сколы удаления ребер (20; 6,8%), угловатые сколы (при переоформлении) (4; 1,4%), поперечные сколы подправки площадки (7; 2,4%), сколы-заготовки — осколки (27; 9,2%), обломки осколков (13; 4,4%), пластины (10; 3,4%), обломки (21; 6,8%), мелкие осколки (29; 9,9%), чешуйки (25; 8,5%), куски (11; 3,7%), резцовые сколы (6; 1,7%), продольные сколы нуклеусов, так называемые *zatepse* (4; 1,4%), сколы продольные с фрагментами двух ударных площадок, так называемые *dwupiętniki* (2; 0,7%), осколки ретушированные (6; 2,0%). Всего в скоплении находилось 297 единиц.

Поскольку скопление находилось *in situ*, проводились ремонтные работы. В скоплении подобраны друг к другу нуклеусы с осколком, два последовательно сколотые продольные сколы с поперечной подтеской, дважды попарно по два осколка, три осколка вместе с участками корки (один из них — скол удаления ребра).

Размещение памятника поблизости от кремненосных меловых линз, высокий процент отходов производства, их состав позволили отнести памятник Красносельский-5 к типу стоянок-мастерских и по изученным материалам датировать его довольно широко — от эпохи финального палеолита до бронзового века (Синицына, 2008)

Анализ планиграфии раскопов (хозяйственные объекты, распределение кремневого инвентаря), а также появление новых публикаций (Калечыц и др., 2010) и выявление ближайшего сходства кремневого инвентаря среди материалов стоянок Аносово (Гурина, 1972. С. 244–251), Берестеново (Ксензов, 2006 С. 16–39), Подол-3 (Синицына, 2008, С. 165–166), Волкуш-3 и 5 (Szymczak, 1995. S. 22, 27, 32–33, 41–44) дают возможность выделить в памятнике КС-5 комплекс, который датируется в пределах аллереда – позднего дриаса и конкретизировать культурную его принадлежность, отметив заметное сходство с культурой бромме-лингби. Особенно отчетливо это проявляется в формах черешковых наконечников стрел.

Архивные материалы

Липницкая О. Л. Отчеты об археологических исследованиях в 1985–1986, 1988–1990 гг. Архив отдела археологии Института истории Национальной академии наук Беларуси. №№ 819, 1055, 1069, 1195, 1237.

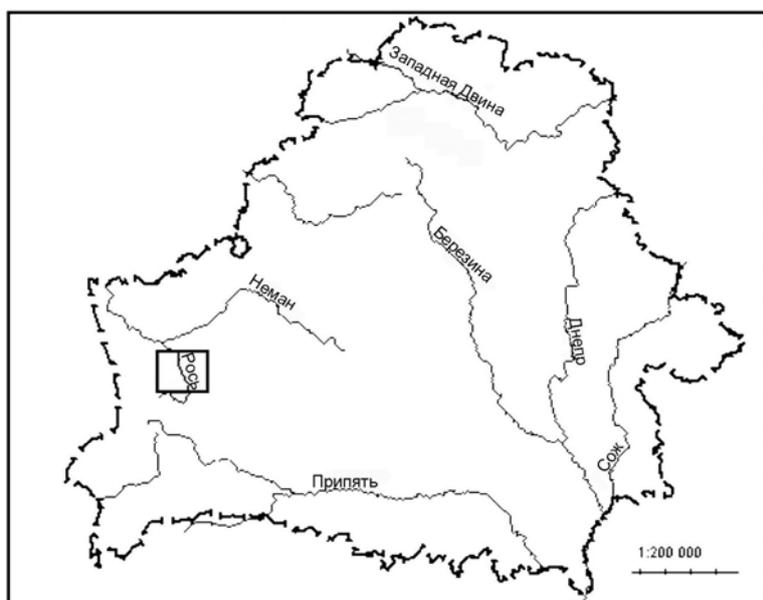
Литература

- Гурина Н. Н. Кремнеобрабатывающая мастерская в верховьях Днепра // МИА. № 185. Л., 1972.
- Гурина Н. Н. Древние кремнедобывающие шахты. Л., 1976.
- Калечыц А. Г., Коласау А. У., Абухоускі В. С. Палеалітычныя помнікі Беларусі: культурна-храналагічная ідэнтыфікацыя крыніц. Мінск. 2010. С. 40–42; мал. 39–41, 58, 59.
- Ксензов В. П. Мезолит Северной и Центральной Беларуси // Матэрыялы па археалогіі Беларусі. 2006. Вып. 13.
- Синицына Г. В. Заселение Валдайской возвышенности на рубеже плейстоцена — голоцена // Путь на Север: окружающая среда и самые ранние обитатели Арктики и Субарктики. Материалы международной конференции. М., 2008.
- Чарняўскі М. М., Кудрашоў В. Я., Липницкая В. Л. Старажытныя шахцёры на Росі. Мінск. 1996. С. 56–61, 120–124.
- Szymczak K. Epoka kamienia Polski północno-wschodniej na tle środkowoeuropejskim. Warszawa, 1995.

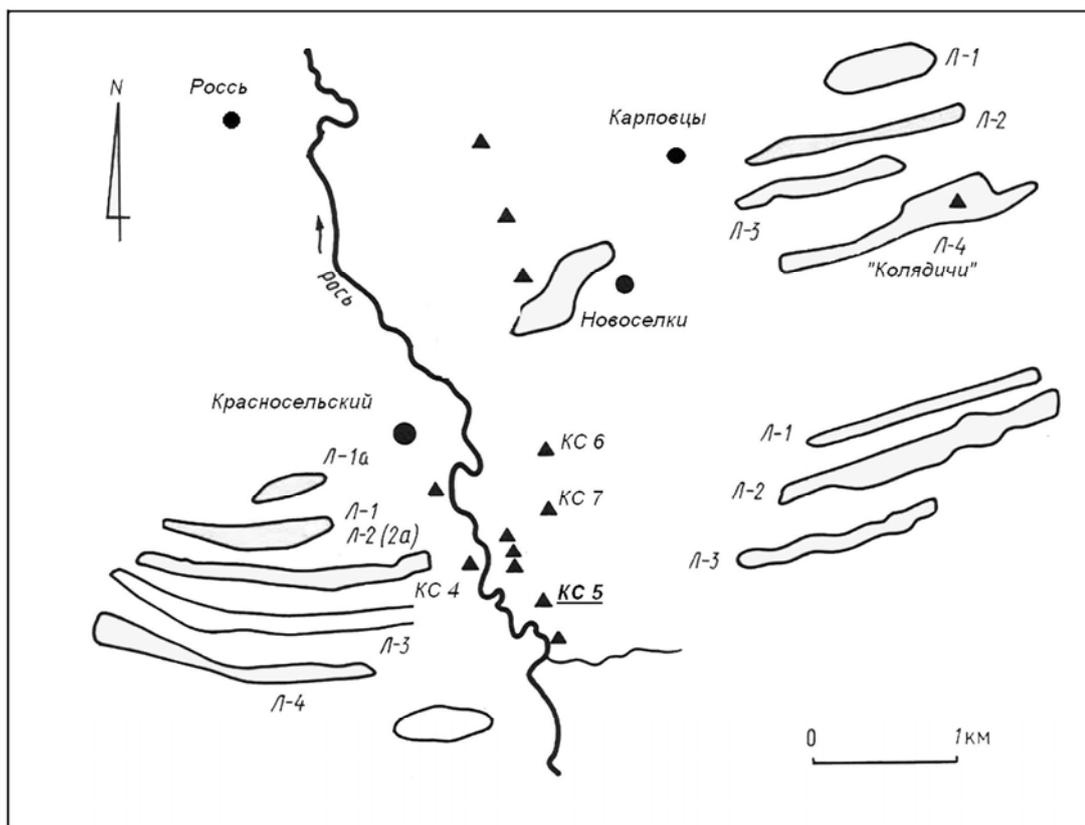
O. L. Lipnitskaya

THE PROBLEM OF SETTling OF THE WEST BELARUS AT THE TURN OF THE PLEISTOCENE AND HOLOCENE PERIODS (ACCORDING TO FINDS FROM KS-5)

The present article discusses finds from the site of Krasnosel'skiy-5 (KS-5, Grodno Oblast, Republic of Belarus). Analysis of the plan of the excavated areas, distribution of the flint tools from KS-5, identification of the closest relations of the flint artefacts with those of other assemblages have enabled to distinguish a complex which is dated to within the range of the Allerød to the Younger Dryas period and to obtain an idea of its cultural belonging which suggests a marked similarity with the Lingby culture.

A

Условные обозначения: Л-1, Л-2, ... - меловые линзы; ▲ - стоянки-мастерские;
● - населенные пункты.

B

Рис. 1. А — карта Республики Беларусь со врезкой района Красносельского комплекса.
Б — карта памятников Красносельского комплекса

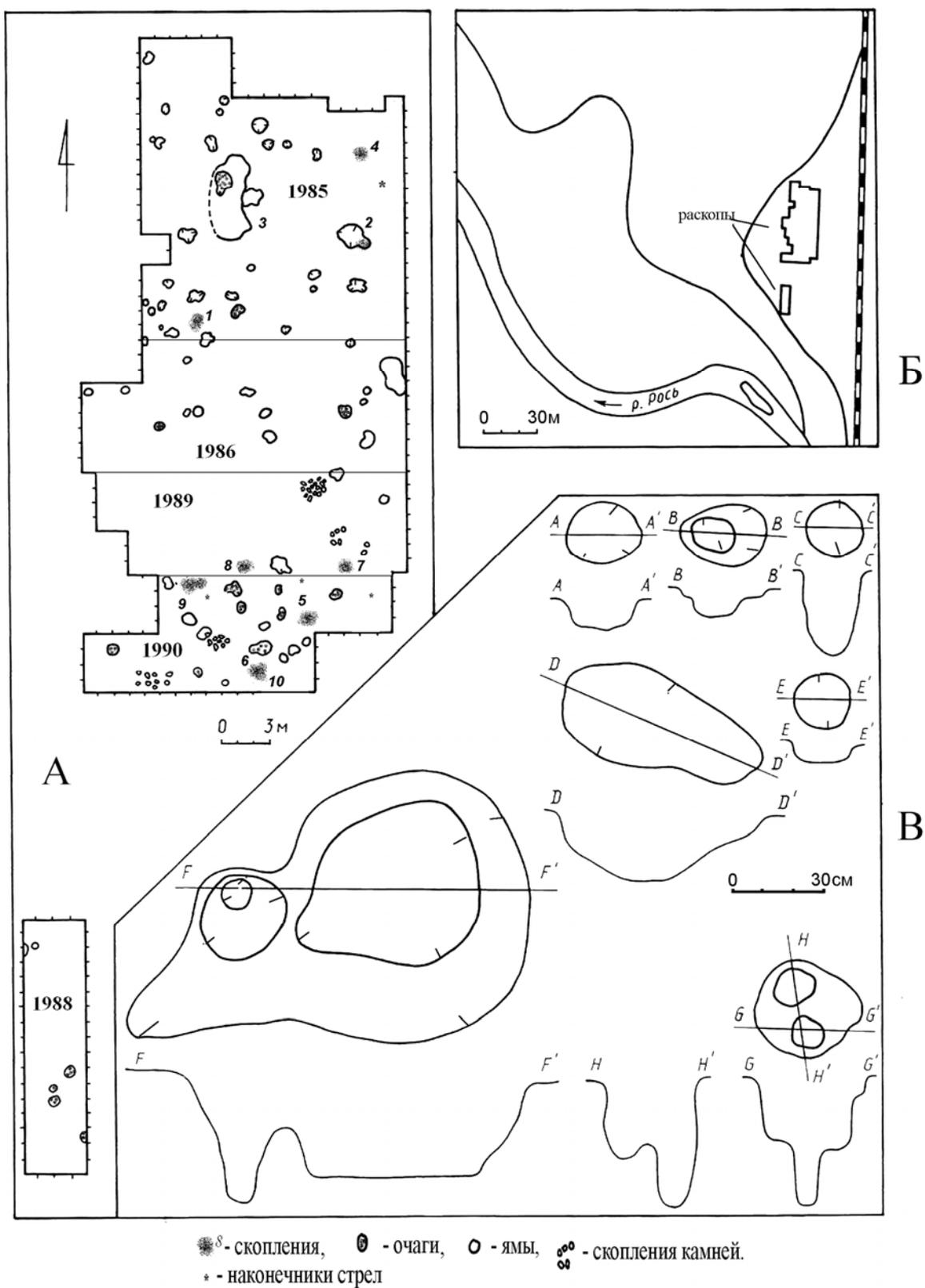

Рис. 2. Красносельский 5. А — план раскопов, Б — ситуационный план стоянки, В — планы и профили ям

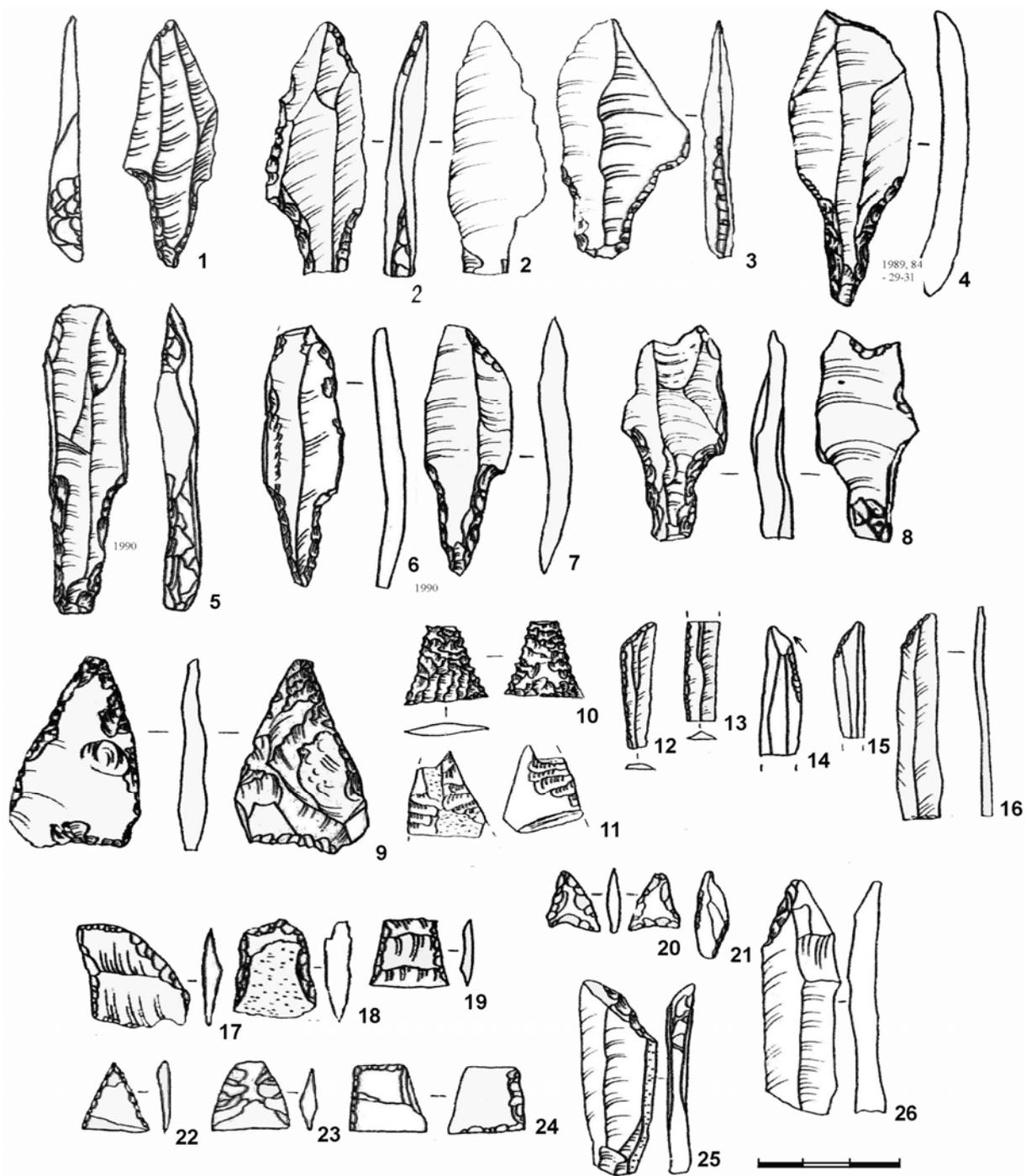

Рис. 3. Красносельский 5. Кремневые изделия: 1–1 — наконечники стрел;
12–13 — пластины с притупленной спинкой; 14 — острие яниславицкого типа;
15, 16, 21, 25, 26 — пластины со скошенным концом; 17–19, 23, 24 — трапеции; 20, 22 — треугольники

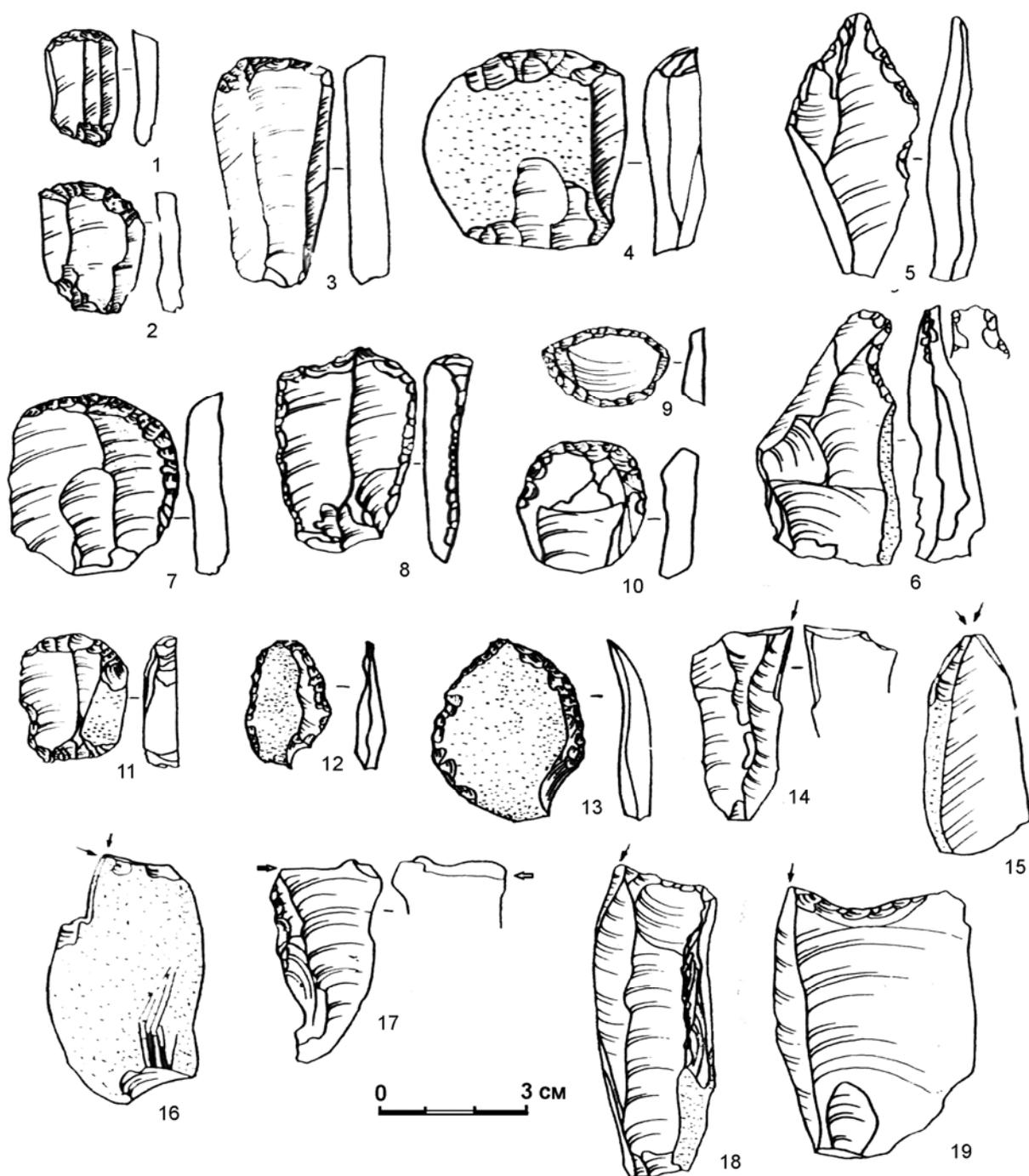

Рис. 4. Красносельский 5. Кремневые изделия: 1-4, 7-13 — скребки, 5, 6 — проколки, 14-19 — резцы

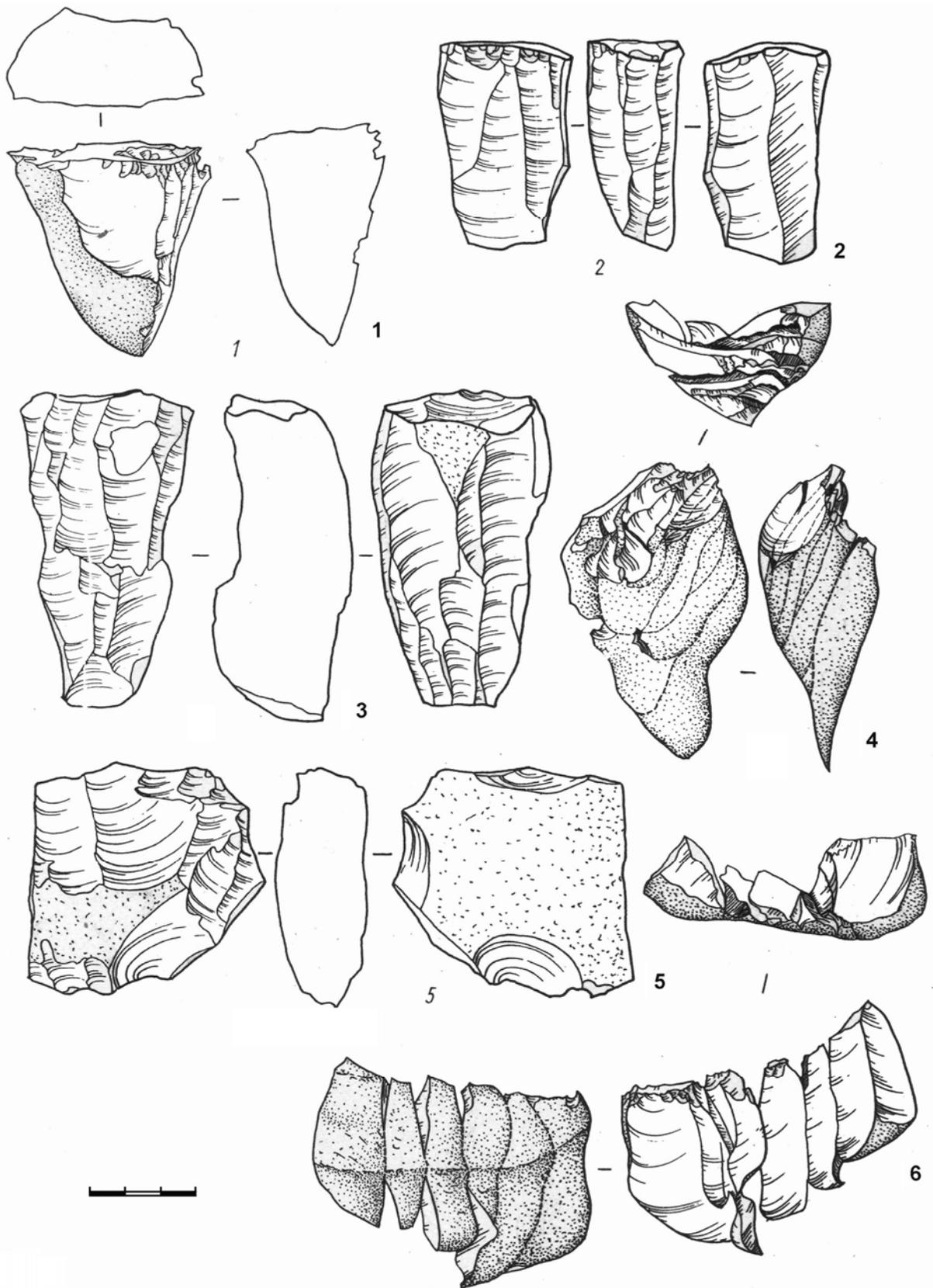

Рис. 5. Красносельский 5. Кремневые изделия: 1–3, 5 — нуклеусы; 4, 6 — ремонт нуклеусов

Г. В. Синицына¹, Е. Г. Гуськова², О. М. Распопов³, А. Г. Иосифиди⁴,
М. А. Кулькова⁵

ПРОБЛЕМЫ ХРОНОЛОГИ ПАМЯТНИКОВ РУБЕЖА ПЛЕЙСТОЦЕНА — НАЧАЛА ГОЛОЦЕНА СЕВЕРО-ЗАПАДА РУССКОЙ РАВНИНЫ

Хронологические рамки финального палеолита охватывают рубеж плейстоцена — начала голоцена: периоды беллинг — молодой дриас. Для этого временного отрезка характерно катастрофическое изменение климата Земли. Геологи выделяют несколько факторов (солнечная активность — Зубаков, 1986. С. 264–265; взаимодействие Земля — Космос — Хаин, 1994. С. 90; Добрецов, Коваленко, 1995. С. 24; палеомагнитные изменения экскурс гётенбург — Zijderveld, 1967; Mörner, 1977), послуживших причиной резких изменений климата.

Изменение окружающей среды затронуло огромные пространства и послужило причиной миграций многочисленных популяций. По данным археологии, с этим периодом связана смена высокоразвитой мадленской цивилизации общеевропейского распространения кругом более мелких культур охотников на северного оленя, ведущих подвижный образ жизни. Определение возможных путей миграций и контактов различных групп населения в древности невозможно без установления хронологии стоянок.

Разработка хронологической шкалы для стоянок финального палеолита северо-запада Русской равнины находится в начальной стадии. Основным методом для определения культурно-хронологической принадлежности стоянок являлся до недавнего времени метод аналогий. Такой уровень исследования во многом определен степенью сохранности культурных слоев стоянок финального палеолита из-за эрозии почв, к которым приурочены стоянки. Археологический материал этой эпохи представлен в подавляющем большинстве в переотложенном состоянии и смешанными комплексами.

Первостепенное значение в этих условиях приобретают материалы памятников с частично сохранившимся культурным слоем этого периода. Валдайской экспедицией ИИМК РАН в 1990 г. на северном берегу озера Волго, близ д. Ланино в Тверской области (рис. 1) были открыты и исследованы (1990–1996) стоянки Подол III/1, Подол III/2, Баранова гора (Синицына, 1996). В материальной культуре этих памятников присутствовали выраженные элементы культуры бромме-лингби, существовавшей в Дании в аллерёде — начале дриаса младшего. Дальнейшие исследования стоянки Баранова гора, расположенной 400 м западнее от стоянки Подол III/1 (рис. 2), позволили выделить отложения, к которым приурочены культурные остатки, начиная с конца бёллинга — фазы позднеледникового потепления климата. Здесь были зафиксированы отложения всех периодов позднегляциального комплекса: бёллинга, дриаса среднего, аллерёда, дриаса младшего и пребореала. Генетической линии развития в инвентаре из различ-

¹ Институт истории материальной культуры РАН, Санкт-Петербург.

² Институт земного магнетизма, ионосферы и распространения радиоволн РАН, Санкт-Петербургский филиал, Санкт-Петербург.

³ Институт земного магнетизма, ионосферы и распространения радиоволн РАН, Санкт-Петербургский филиал, Санкт-Петербург.

⁴ Всероссийский нефтяной научно-исследовательский геологоразведочный институт, Санкт-Петербург.

⁵ Государственный педагогический университет им. А. И. Герцена, Санкт-Петербург.

ных слоев стоянки Баранова гора прослежено не было, напротив, в каждом культурном слое материал отражал культурно-хронологическое своеобразие.

Для определения хронологии археологического материала были применены естественно-научные методы датирования отложений, к которым приурочены остатки культурных слоев: спорово-пыльцевой, палеомагнитный, геохимический анализы для отложений стоянки Подол III/1, включая радиоуглеродный анализ, а для стоянки Баранова гора (Сеницына и др., 2009) — анализы спорово-пыльцевой и палеомагнитный.

Применение данных палеомагнитного и геохимического анализов важно для корректировки заключений, сделанных на основе сравнительно-типологического анализа материальной культуры. Наиболее полно изучена стоянка Подол III/1, расположенная на узкой наклонной площадке между озером Волго и прилегающим коренным склоном, сложенным известняками карбонового возраста. Геолого-морфологическое исследование и стратиграфия памятника описаны Ю. А. Лаврушиным (Сеницына и др., 1997). Здесь зафиксировано наличие разнородных отложений: озерных; пролювиальных; образований, связанных с жизнедеятельностью древнего человека. Е. А. Спиридоновой (Спиридонова, Алёшинская, 1999) проведен спорово-пыльцевой анализ всей толщи отложений памятника и сделано заключение о принадлежности слоя II стоянки Подол III/1 к завершающему этапу межстадиала аллеред. Отложения в конусе выноса на стоянке Подол III/2 отнесены ко времени младшего дриаса (дриаса III).

В настоящее время можно говорить о первом успешном опыте датирования памятника финальнопалеолитического возраста палеомагнитным и геохимическим методами. Ниже приводится корреляционная таблица стратиграфических напластований на разных участках стоянки Подол III/1, откуда были взяты образцы на спорово-пыльцевой, палеомагнитный и геохимический анализы (рис. 3А, Б, В; табл. 1).

Табл. 1. Описание разрезов стоянки Подол III/1 на разных участках памятника

Слой	Периоды Б-С	Разрез южной стенки на кв. Г-8, 1995 г. (образцы на спорово-пыльцевой анализ) *	Разрез северной стенки на кв. б-9, 2002 г., (образцы на палеомагнитный анализ)	Разрез западной стенки, кв. А-4, 1990 г. (образцы на геохимический анализ)
VII I	Sa 2	Пачка горизонтально-слоистых песков, мощностью до 0.5 м, соответствующих одному из высоких уровней озера		Гл. 0–30 см. № 68, обр.13. Среднезернистый песок желтого цвета. Полевой шпат — 7%, кварц — 74%, глины — 19%. Гл. 30–47 см. № 67, обр. 12. Супесь желтовато-коричневого цвета, без археологических находок. Полевой шпат — 7%, кварц — 70%, глины — 23%. Гл. 47–52 см. № 66, обр. 11. Песок серого цвета, с включениями мелких костей. Артефактов не найдено. Полевой шпат — 7%, кварц — 77%, глины — 16%.
VII	Sa 1	современная почва, представленная темно-серым гумусированным песком с беспорядочно распределенной щебенкой известняка, мощностью до 0.15 м, к которой приурочены позднесредневековые находки.		Гл. 52–60 см. № 65, обр.10. Темно-серый мелкозернистый песок, содержит мелкие включения костных остатков. Полевой шпат — 14%, кварц — 86%, глины — 0.
VI	ATL	черный гумусированный песок со щебенкой, мощностью до 0.6 м (4-я погребенная почва), в который включены находки раннего средневековья.	4-я погребенная почва, черный гумусированный песок (образцы 1–3).	Гл. 60–70 см. № 64, обр. 9. Темно-серый среднезернистый песок, гумусированный, с включениями гальки и гравия. Полевой шпат — 10%, кварц — 74%, глины — 16%.

V		3-я погребенная почва — интенсивно гумусированный песок темно-серого цвета, мощностью 0.07–0.08 м. Имеет прерывистый характер и прослеживается только в южной части памятника. Находки эпохи неолита.	Песок бурый, гумусированный, мощностью 0.2–0.45 м (образцы 5–14).	Гл. 70–101 см. № 63, обр. 5. Песок коричневатого-серого цвета, богатый органическим материалом (бореал). Полевой шпат — 7%, кварц — 74%, глины — 19%.
IV		Гумусированный коричневатого-серый песок (2-я снизу погребенная почва) мощностью до 0.1 м; находки эпохи неолита. Бореальный период.	Вторая погребенная почва — бурый песок, мощностью 10–15 см, неолит (образцы 16–25).	Гл. 101–105 см. № 62, обр. 4. Среднезернистый песок коричневого цвета, богатый органическим материалом. Культурный слой (пребореал). Полевой шпат — 14%, кварц — 74%, глины — 12%.
III	В нет	Толща гомогенного слабогумусированного желтого песка мощностью до 0.4 м. В песке встречается редкий гравий, мелкая щебенка. По своему типу строения не исключено, что отложения слоя III представляют собой материал склонового смыва. Пыльцы не обнаружено	Слабогумусированный грязно-желтый песок мощностью до 30 см (образцы 26–31). В песке встречается редкий гравий, мелкая щебенка. К слоям 2, 3 приурочены находки стоянки финального палеолита.	Гл. 105–110 см. № 61, обр. 3. Тонкозернистый серовато-коричневый песок, богатый органическим материалом. Культурный слой (пребореал). Полевой шпат — 14%, кварц — 74%, глины — 12%.
II	AL	Бурый ожелезненный песок, представляющий горизонт вмывания. Нижний контакт — типично почвенный — с мелкими клиновидными структурами. В верхней части отмечена концентрация известняковой щебенки.	Линзы бурого гумусированного ожелезненного песка — остатки нижней (первой) погребенной почвы аллередского времени (образцы 32–41 по северной стенке; 47–49 по восточной) (образцы 45–46 восточной стенки отобранные из верхнего горизонта почвы, представленного косослоистыми отложениями).	Гл. 110–130 см. № 60, обр. 2. Мелкозернистый песок серо-желтого цвета, содержащий включения органического материала (аллеред). Полевой шпат — 7%, кварц — 51%, глины — 42%.
I		В основании раскопа I вскрыта толща отложений озерного прибрежного вала, представленная желто-серыми разнозернистыми песками с отчетливо выраженной косой слоистостью, имеющей падение 8–10° в сторону озерной впадины (слой I). Вскрытая толща песков имеет мощность до 0.3 м. Эти отложения фиксируют высокий уровень озерного водоема.	В основании разреза залегают толща желто-серых разнозернистых косослоистых песков видимой мощностью до 20 см (глубина прокопа) на восточной стенке (образцы 42–46 по северной стенке; 50–51 по восточной) слой 1, кв. А-4	Гл. 130–150 см. № 59, обр. 1. Светло-желтый мелкозернистый песок, кв. А-4. (плейстоцен). Полевой шпат — 21%, кварц — 79%, глины — 0/

* В данной стратиграфической колонке важно отметить, что: 1) между первой (аллередской) почвой и нижележащими озерными отложениями есть стратиграфический перерыв; 2) концентрация щебенки в кровле почвы связана с выносом материала селевым грязекаменным потоком (пролювий), который образовывал конус выноса, причлененный к прибрежному валу со стороны коренного склона, зафиксированного в раскопе II; 3) формирование почвы происходило при существенно более низком стоянии уровня воды в озерном водоеме.

Палеомагнитный анализ является одним из наиболее перспективных современных методов определения возраста геологических отложений, получивший широкое распространение в археологии палеолита. Многочисленные палеомагнитные исследования датированных геологических объектов, проведенные за последние 60 лет во многих палеомагнитных лабораториях мира, показали, что кроме существования стационарного поля Земли (поля центрального осевого диполя) наблюдаются временные интервалы, когда геомагнитное поле не соответствует полю диполя — так называемые экскурсы геомагнитного поля. Экскурсы представляют собой резкие колебания направления геомагнитного поля в виде импульсных выбросов, сменяющихся стационарным полем. По продолжительности геомагнитные экскурсы занимают сотни и тысячи лет. Естественно, что в реальных геологических разрезах явления такой продолжительности могут быть записаны неполно или вообще не зафиксированы, их амплитуда занижена, аномальные направления геомагнитного поля представлены всего несколькими точками. Первое условие, при выполнении которого возможно считать палеомагнитную запись экскурсом, — это повторяемость записи в параллельных разрезах. Однако палеомагнитные записи истинных экскурсов могут быть частично или полностью стерты или затушеваны за счет вторичного «вязкого» намагничивания пород, химических изменений минералов при выветривании и т. д. Неудивительно, что разрезов, где записаны экскурсы, значительно меньше, чем разрезов, в которых эти записи отсутствуют. Отсюда следует вывод, важный при изучении экскурсов — присутствие экскурса в разрезе является более значимым фактором, чем его отсутствие.

Не так давно в литературе ещё обсуждался вопрос о реальности экскурсов, сейчас сомнений в их реальности нет. Экскурсы, как временные реперы, находят широкое применение во многих отраслях наук о Земле: стратиграфии, геохронологии, седиментологии, тектонике, палеонтологии и климатологии. В последнее время палеомагнитный анализ получил широкое распространение в изучении археологии палеолита.

Для экскурсов во временном интервале до 50000 лет назад в настоящее время приняты следующие названия и оценки времени их протекания: Этруссия (или Стерно) — 2800 лет, Соловки — (6–8000) лет, Гётенбург — (11–13000) лет, Моно — (26–28000) лет и Каргаполово (или Лашамп) — (39–42000) лет назад.

Надежда на фиксацию в разрезе стоянки одного из таких экскурсов, Гётенбурга, возраст которого определяется хронологическими рамками Аллереда — Среднего Дриаса, явилось основанием для отбора образцов и осуществления палеомагнитного анализа. Для этих целей в 2002 г. на стоянке Подол III/1, (кв. 6-9) по разрезам северной и восточной стенок раскопа 1995 г. были отобраны образцы по правилам, изложенным В. В. Кочегурой (1992). Особое внимание следует уделять географической ориентации осей образцов и наиболее точному определению координат исследуемого объекта (для стоянки Подол III/1 — $\varphi=58^\circ\text{N}$, $\lambda=33^\circ\text{E}$). Отбор образцов проводился по вертикальным профилям северной и восточной стенок раскопа с шагом, равным диаметру стеклянных ампул, вдавливаемых в осадок вплотную друг к другу. Для анализа было принято 48 образцов отложений песка и ископаемых почв, 41 из северной и семь из восточной стенок раскопа (рис. 3Б, табл. 1). Затем при палеомагнитных исследованиях измеряются два параметра — вектор естественной остаточной намагниченности J_n , характеризующийся величиной и двумя углами — наклонения I и склонения D ; и скалярный параметр — магнитная восприимчивость K , отражающий содержание ферромагнитного минерала в каждом из образцов. Углы склонения D и наклонения I напрямую связаны с направлением геомагнитного поля в момент отложения осадка.

Измерение магнитных характеристик при проведении палеомагнитного анализа требует специальной аппаратуры и методики исследования; подробное описание аппаратуры и сопутствующих материалов приведено по статистике Фишера (Fisher, 1953). Палеомагнитный анализ образцов стоянки Подол III/1 проводился в Лаборатории палеомагнитных реконструкций ВНИГРИ вед. н. с. к. ф. н. А. Г. Иосифиди (Гуськова и др., 2006).

Результаты первичных измерений представлены на рис. 4, где изображено совмещение по значениям магнитных характеристик образцов северной и восточной стенок (отмечены специальными значками) и изменение величин J_n , K , D и I в зависимости от глубины отбора вниз по разрезу. Образцы №№ 1–44 (41 шт.) отобраны по вертикали из северной стенки (образцы 30,

39, 42 разрушены при отборе), образцы №№ 45–51 (7 шт.) — из восточной стенки на уровне нижнего слоя северной стенки.

Как видно по рис. 4, распределение значений J_n и K отражает литологический состав разреза. До образца № 20 (~50 см вниз по разрезу) среднее значение $K \sim 4 \times 10^{-4}$ СИ, что говорит о равномерном распределении магнитной фракции в образцах на этом участке разреза (образцы 1–3 — современная почва, 4–20 — песок бурый до рыжего и верхняя погребенная почва), затем среднее значение K снижается до $K \sim 1,5 \times 10^{-4}$ СИ, а в отложениях нижней погребенной почвы (образцы 32–1) снова наблюдается увеличение до $K_{cp} \sim 2,5 \times 10^{-4}$ СИ. Распределение значений магнитной восприимчивости K для образцов восточной стенки (№№ 45–51) повторяют ход K в образцах северной стенки (№№ 32–38).

Распределение значений J_n (рис. 4А) по средним значениям J_n также можно разбить на три участка: для образцов 1–20 среднее значение $I_n \sim 9$ мА/м, затем наблюдаются вариации J_n в пределах (1–10) мА/м, а далее пик значений $I_n = 10$ мА/м совпадает с ходом магнитной восприимчивости K для образцов северной стенки на уровне образцов №№ 31–44.

Наиболее информативным в магнитохроностратиграфическом отношении является распределение значений углов склонения D и наклоения I вектора естественной остаточной намагниченности J_n , напрямую связанных с направлением геомагнитного поля в момент осаждения осадка.

Для экскурсов характерно появление отрицательных углов наклоения I — в северном полушарии с амплитудой более 60° .

Как можно видеть на рис. 4, уже при рассмотрении первичных данных измерений углов D и I видно, что для образцов северной стенки на участке №№ 29–41 и для образцов восточной стенки на участке №№ 46–50 наблюдаются более низкие значения углов I и даже отрицательные; распределение углов D на этих участках выглядит более равномерным.

Чтобы избавиться от возможной вторичной «паразитной» намагниченности, в процессе палеомагнитных исследований проводится магнитная «чистка» образцов путём размагничивания их в переменном магнитном поле с последовательно возрастающей амплитудой или ступенчатого терморазмагничивания образцов с последующим охлаждением их в немагнитном пространстве после каждого нагрева. Часто проводится и временная чистка, когда образцы помещаются в различном положении относительно геомагнитного поля или в магнитный экран, где воздействие этого поля сведено до нуля. Такая процедура «чистки» позволяет определить как компонентный состав намагниченности, так и тип ферромагнитного минерала — носителя намагниченности в каждом из образцов.

Для возможности сопоставления результатов палеомагнитных исследований, проведенных в различных лабораториях мира, в научных статьях приняты правила представления определенного графического материала (Палеомагнитология, 1982). Пример изображения результатов магнитной чистки образцов северной и восточной стенок представлен на рис. 5, где изображены кривые размагничивания при нагревании (№№ 27, 35, 46) и переменным магнитным полем (№ 34), стереограммы направлений вектора J_n в процессе чистки и диаграммы Зийдervельда (Zijderveld, 1967) для определения компонентного состава намагниченности J_n . Эти результаты свидетельствуют о том, что магнитной фракцией в исследуемых образцах является в основном магнетит, так как температура Кюри, то есть температура разрушения естественной остаточной намагниченности, превышает 550°C ; для части образцов возможно присутствие гематита. Во всех случаях наблюдается не менее двух компонент намагниченности J_n .

После первичных измерений исследуемые образцы на две недели были помещены в магнитный экран, что должно было снять вторичную намагниченность, а затем проводилась процедура терморазмагничивания до 250°C . В результате было показано, что изменения углов D и I по сравнению с первичными измерениями превышают 60° как на участке северной стенки (№№ 27–44), так и восточной (№№ 45–51), и тем самым подтверждают возможное наличие экскурса. Поскольку отложения нижней погребенной почвы разреза по результатам спорово-пыльцевого анализа сопоставляются с Аллерёдом, экскурс следует сопоставить с экскурсом геомагнитного поля Гётенбург (как минимум 11000).

Экскурс Гётенбург впервые был открыт на породах в Швеции в 1977 г. (Mörner, 1977; Мёрнер и др., 2001), затем в колонках осадков Баренцева, Балтийского и Белого морей на литологической границе голоцен — плейстоцен (Гуськова Е. Г. и др., 2004). Этот экскурс обнаружен по образцам лёссов и ископаемых почв восточноевропейской части Русской равнины (Величко, Светлицкая, 1988) и на материале археологического памятника Большой Якорь в Сибири (Бураков, Начасова, 1992). Экскурс Гётенбург считается довольно коротким по продолжительности, как и экскурс Этруссия, в пределах 200–300 лет (Петрова и др., 1992), поэтому его запись встречается гораздо реже, чем более продолжительных (до 2000–5000 лет) экскурсов Моно или Каргаполово.

Для идентификации экскурсов геомагнитного поля вычисляются так называемые виртуальные геомагнитные полюсы, т. е. координаты полюсов, которым соответствуют значения D и I в месте отбора образцов. Определение виртуальных полюсов даёт возможность сравнивать траектории движения их, полученные для географически удалённых объектов.

Траектория движения виртуальных полюсов по образцам (№№ 44–32) зоны экскурса северной стенки разреза Подол III/1 представлена на рис. 6А. Полюс со средних широт западного полушария (начало экскурса) спускается к экватору, затем наблюдается «выброс» снова в северные широты и переход к южным широтам восточного полушария; после небольшой «возвратной» петли почти вдоль нулевого меридиана полюс снова возвращается к северным широтам западного полушария (конец экскурса).

На рис. 6Б представлена траектория виртуального геомагнитного полюса для зоны экскурса по образцам восточной стенки (№№ 51–45), которая в общих чертах повторяет траекторию для северной стенки, за исключением «выброса» на север. При рассмотрении схемы отбора образцов (рис. 3Б) можно предположить, что в восточной стенке эти образцы просто не попали в коллекцию, так как «пятно» здесь гораздо меньше, чем у северной стенки. Направление остальных участков траекторий совпадает вполне удовлетворительно, если учесть, что для северной стенки разрушены образцы № 42 и № 39.

На рис. 6Б представлена и траектория движения виртуального геомагнитного полюса для экскурса Гётенбург по результатам работы (Величко, Светлицкая, 1988), причём каждая точка является усреднённым значением по десяти образцам. Как можно видеть, полного обращения геомагнитного поля здесь не наблюдается, но понижение угла наклона I около нулевого меридиана отмечается.

Эти результаты убеждают в том, что для изученного разреза отмечен именно экскурс Гётенбург, причём по малому количеству образцов, что наблюдается весьма редко. Кроме того, результаты для северной и восточной стенок можно рассматривать как полученные для параллельных разрезов (т. е. в двух различных точках одного слоя).

После археологического, основанного на сравнительном анализе инвентаря, палинологического и палеомагнитного, геохимического анализа, проведенный на этом же памятнике, можно рассматривать как третий естественно-научный метод определения возраста культурных слоев стоянки Подол III/1, выполненный М. А. Кульковой в Лаборатории археологической технологии ИИМК РАН.

Образцы были отобраны на соседнем участке кв. А-4 (рис. 3В). Если палеомагнитный анализ подтвердил данные спорово-пыльцевого и сравнительно-типологического анализов, то геохимический анализ показал наличие отложений пребореального комплекса.

Минеральный состав отложений был определен с помощью макроминералогического исследования (под бинокуляром) и с помощью ИКС (табл. 2)

Химический состав отложений был определен методом рентгено-спектрального флуоресцентного анализа (табл. 3)

Табл. 2. Минеральный состав отложений стоянки Подол III/1

Глубина (см)	п.ш	кварц	глина	п.ш./кварц	глина/кварц
150–130	21	79	0	0.27	0.00
130–110	7	51	42	0.14	0.82
110–105	14	74	12	0.19	0.16
105–101	14	74	12	0.19	0.16
101–70	7	74	19	0.09	0.26
70–60	10	74	16	0.14	0.22
60–52	14	86	0	0.16	0.00
52–47	7	77	16	0.09	0.21
47–30	7	70	23	0.10	0.33
30–0	7	74	19	0.09	0.26

Для интерпретации результатов применялись методы математической статистики. Корреляционный анализ позволил разделить совокупность элементов на три группы с наиболее высокими корреляционными связями: терригенная составляющая 1) SiO_2 — входит в состав кварца, 2) A_2O_3 , K_2O , Na_2O , Ва — соединения алюмосиликатных минералов. Аутигенная составляющая 3) CaO , Mn , LOI — комплексы, входящие в состав карбонатов и органического материала. Первый фактор факторного анализа имеет наибольшую факторную нагрузку 48,5%. Его формула $\text{LOI}_{(0,59)}/\text{K}_2\text{O}_{(-0,98)}$, $\text{Al}_2\text{O}_3_{(-0,89)}$. Антагонизм этих ассоциации комплексов может отражать изменение уровня воды в озере. Увеличение органического материала в данном типе осадка отражает формирование отложений в поверхностных условиях, формирование почвенных горизонтов. Высокое содержание комплексов, связанных с терригенными минералами, характерно для отложений, формирующихся в мелководных, прибрежных озерных условиях (рис. 7).

Соотношения $\text{Fe}_2\text{O}_3/\text{CaO}$, $\text{Al}_2\text{O}_3/\text{SiO}_2$ были выбраны для оценки относительной влажности климата (рис. 9, 10). В гумидной климатической обстановке соотношение $\text{Fe}_2\text{O}_3/\text{CaO}$ отражает соотношение гидроксидов и оксидов железа, формирующихся во влажных климатических условиях к карбонату кальция, устойчивому в достаточно сухих климатических условиях, по данным А. В. Македонова (1985), Э. И. Гагариной (2004), Vorming Jahn et al. (2001). Соотношение $\text{Al}_2\text{O}_3/\text{SiO}_2$ отражает степень устойчивости глинисто-полевошпатовых минералов по отношению к кварцу. Этот показатель уточнялся данными соотношения содержания глины к кварцу (рис. 8).

Для характеристики изменения относительной температуры использовался показатель $\text{Na}_2\text{O}/\text{K}_2\text{O}$, который отражает степень преобразования полевошпатовых минералов в слюди-глинистые минералы в результате инсоляции по данным W. Shotyk, D. Weiss (2001). Соотношение содержания полевошпатовых минералов к кварцу также характеризует степень устойчивости этих минералов в процессе температурных изменений.

Антропогенная нагрузка в зоне развития этих отложений оценивалась абсолютным содержанием P_2O_5 (%), определенным для этих отложений.

Реконструкция ландшафтно-климатических условий (рис. 3В).

Глубина 150–130 см — № 59, обр. 1. Светло-желтый мелкозернистый песок. Отложения были сформированы в ледниковое время. Климат может быть охарактеризован как очень холодный и сухой. Содержание органики очень незначительное — около 0,5%. Антропогенное воздействие отсутствует.

Гл. 130–110 см — № 60, обр. 2. Мелкозернистый песок серо-желтого цвета, содержащий включения органического материала. Отложения формируются в прибрежной части водоема. По сравнению с условиями формирования предыдущего горизонта, отложения этого слоя образуются в условиях более теплого и влажного климата. Количество органического материала в отложениях увеличивается до 1,5%. Содержание P_2O_5 в отложениях увеличивается до 0,4%, что может характеризовать появление древнего населения в регионе развития этих отложений (при сопоставлении с данными спорово-пыльцевого анализа условия формирования этого слоя соответствуют позднеледниковому времени).

Табл. 3. Химический состав отложенной стоянки Подол III/L

Глубина (см)	SiO ₂	Al ₂ O ₃	TiO ₂	Fe ₂ O	MnO	MgO	CaO	Na ₂ O	K ₂ O	P ₂ O ₅	Cr	Ba	LOI	Na ₂ O/ K ₂ O	Al ₂ O ₃ /SiO ₂	LOI/Ca	Fe ₂ O ₃ / CaO
150–130	89.8	5.01	0.083	0.98	0.0362	0.05	0.711	1	1.77	0.086	0.0109	0.0423	0.36	0.56	0.056	0.51	1.38
130–110	85.7	6.42	0.12	1.57	0.0488	0.05	0.857	1.06	2.1	0.408	0.0127	0.0503	1.22	0.50	0.075	1.42	1.83
110–105	85.5	6.52	0.166	1.62	0.0481	0.05	0.829	0.964	1.97	0.394	0.026	0.0376	1.29	0.49	0.076	1.56	1.95
105–101	86.2	6.12	0.176	1.74	0.0474	0.05	0.831	0.83	1.85	0.381	0.0464	0.0479	1.25	0.45	0.071	1.50	2.09
101–70	86.5	6.33	0.145	1.61	0.0458	0.05	0.776	0.893	2	0.195	0.0171	0.0513	1.22	0.45	0.073	1.57	2.07
70–60	87.4	4.67	0.137	1.25	0.062	0.05	1.19	0.706	1.68	0.167	0.0084	0.0405	2.3	0.42	0.053	1.93	1.05
60–52	88.6	4.13	0.177	1.25	0.0587	0.05	1.21	0.707	1.64	0.166	0.0071	0.0345	2.52	0.43	0.047	2.08	1.03
52–47	88.8	4.37	0.134	1.16	0.059	0.05	1.11	0.581	1.4	0.126	0.0066	0.0263	2.6	0.42	0.049	2.34	1.05
47–30	86	5.29	0.316	1.55	0.0563	0.05	0.662	0.497	1.69	0.135	0.0078	0.0329	3.96	0.29	0.062	5.98	2.34
30–0	91.3	3.89	0.158	0.94	0.0276	0.05	0.503	0.586	1.5	0.063	0.008	0.0355	0.82	0.39	0.043	1.62	1.86

Гл. 110–105 см — № 61, обр. 3. Тонкозернистый серовато-коричневый песок, богатый органическим материалом. В период формирования этих отложений происходит уменьшение уровня воды в водоеме. Отложения были сформированы в прибрежных условиях. Климатические условия изменяются в сторону большего увлажнения и потепления. Содержание P_2O_5 — 0,39% остается повышенным и может характеризовать дальнейшее развитие поселений древнего населения в этом микрорегионе.

Гл. 105–101 см — № 62, обр. 4. Среднезернистый песок коричневого цвета, богатый органическим материалом. Формирование отложений этого горизонта происходит в условиях, аналогичных условиям для отложений на глубине 110–105 см. Антропогенная нагрузка высокая, содержание P_2O_5 — 0,38%,

Гл. 101–70 см — № 63, обр. 5. Песок коричневатого-серого цвета, богатый органическим материалом. Формирование отложений происходит в прибрежных условиях. Климатические условия все еще достаточно влажные и теплые. Антропогенная нагрузка падает, но все еще остается достаточно высокой, содержание P_2O_5 — 0,20%. Возможно, популяция древнего населения несколько уменьшилась, по сравнению с предыдущим периодом.

Гл. 70–60 см — № 64, обр. 9. Темно-серый среднезернистый песок, гумусированный, с включениями гальки и гравия. Уровень воды в водоеме резко уменьшается. Происходит формирование почвенного слоя. Климат в период формирования этого слоя изменяется в сторону более сухих и теплых условий. Содержание органического материала увеличивается до 1,9%. Содержание P_2O_5 — 0,16%, что характеризует уменьшение антропогенного воздействия на водоем.

Гл. 60–52 см — № 65, обр. 10. Темно-серый мелкозернистый песок. Формирование отложений происходит в поверхностных условиях, формирование почвенного слоя. Климат сухой, происходит небольшое похолодание. Антропогенная нагрузка практически не изменяется.

Гл. 52–47 см — № 66, обр. 11. Песок серого цвета. Условия формирования отложений аналогичны условиям формирования горизонта 60–52 см. Антропогенная нагрузка уменьшается. Содержание P_2O_5 — 0,12%,

Гл. 47–30 см — № 67, обр. 12. Супесь желтовато-коричневого цвета. Происходит изменение условий формирования отложений. Уровень воды повышается, но условия формирования прибрежные. Происходит резкое увлажнение климата и потепление. Содержание органического вещества достигает 5,9%. Антропогенная нагрузка низкая.

Гл. 30–0 см — № 68, обр. 13. Среднезернистый песок желтого цвета. Формирование отложений происходит в условиях влажного, прохладного климата. Содержание органического вещества уменьшается до 1,6%. Антропогенная нагрузка отсутствует.

Условия накопления отложений и их состав позволяют выделить несколько циклов осадконакопления. Сравнение условий формирования отложений с данными спорово-пыльцевого анализа дают возможность отнести эти циклы к определенному голоценовому периоду.

Цикл 1. Глубина 150–130 см. Условия ледникового времени. Антропогенная нагрузка отсутствует.

Цикл 2. Глубина 130–110 см. Условия позднеледникового времени. Высокая антропогенная нагрузка. В озере высокий уровень воды.

Цикл 3. Глубина 110–70 см. Условия пребореального, бореального, атлантического периодов. Уровень воды в озере уменьшается. Антропогенная нагрузка на водоем высокая.

Цикл 4. Глубина 60–47 см. Условия атлантического, суббореального периодов. Уровень воды в водоеме резко уменьшается. Происходит формирование почвенного горизонта. Антропогенная нагрузка на водоем низкая.

Цикл 5. Глубина 47–0 см. Условия субатлантического периода. Уровень воды в водоеме увеличивается. Антропогенная нагрузка отсутствует.

Геохимические кривые, отражающие ландшафтно-климатические характеристики, представлены на рис. 7–14.

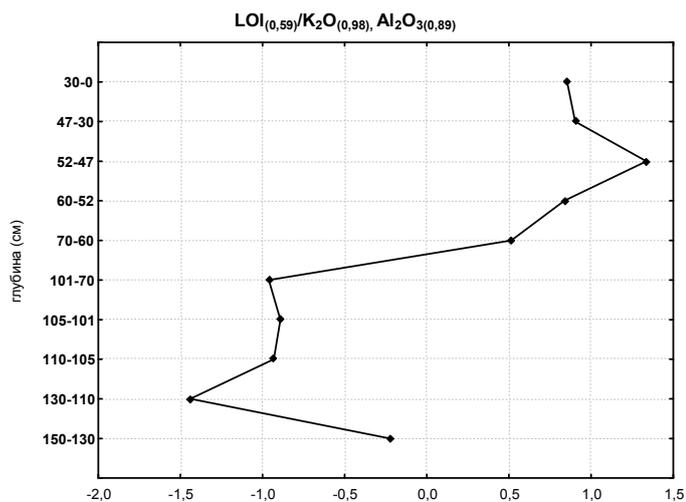

Рис.7. Подол III/1. Изменение глубины водоёма по данным LOI_(0,59)K₂O_(0,98),Al₂O_{3(0,89)}

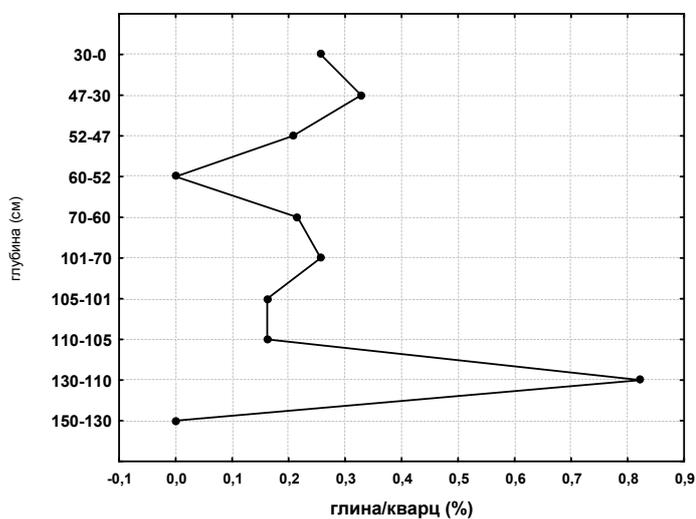

Рис.8. Подол III/1. Изменение относительной влажности. Глина/кварц (%)

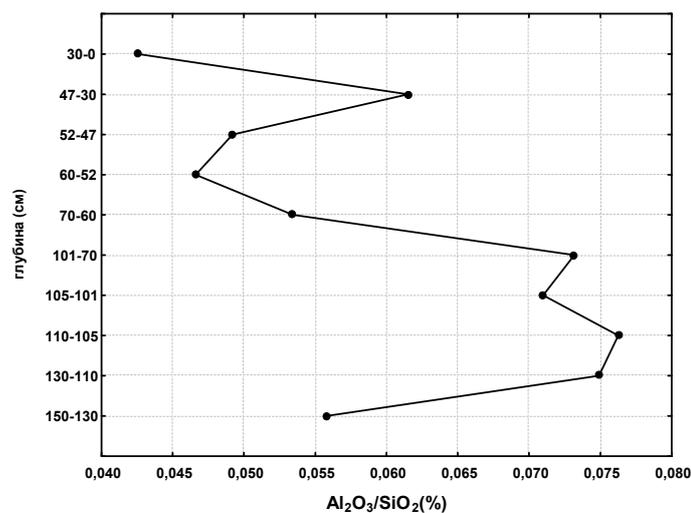

Рис.9. Подол III/1. Изменение относительной влажности по данным Al₂O₃/SiO₂(%)

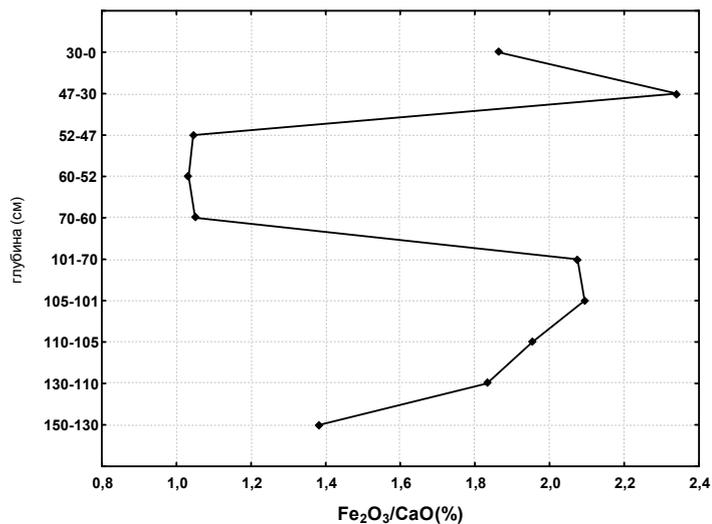

Рис. 10. Подол III/1. Изменение относительной влажности Fe₂O₃/CaO (%)

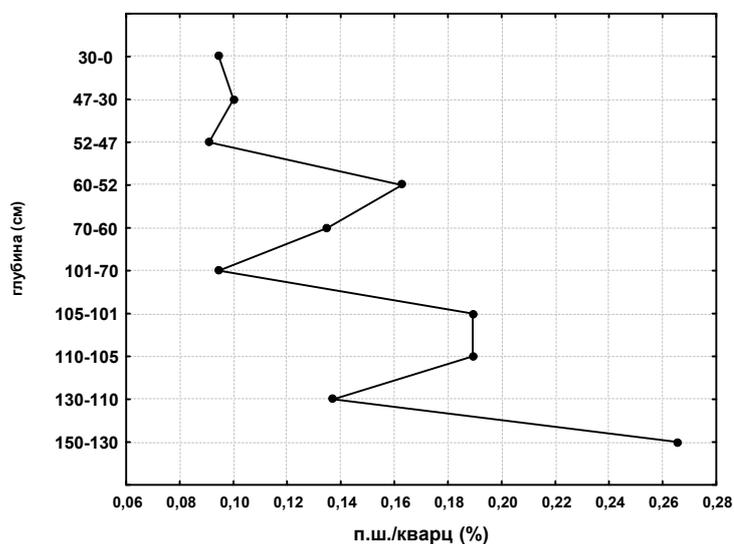

Рис. 11. Подол III/1. Изменение относительной температуры по данным п.ш./кварц (%)

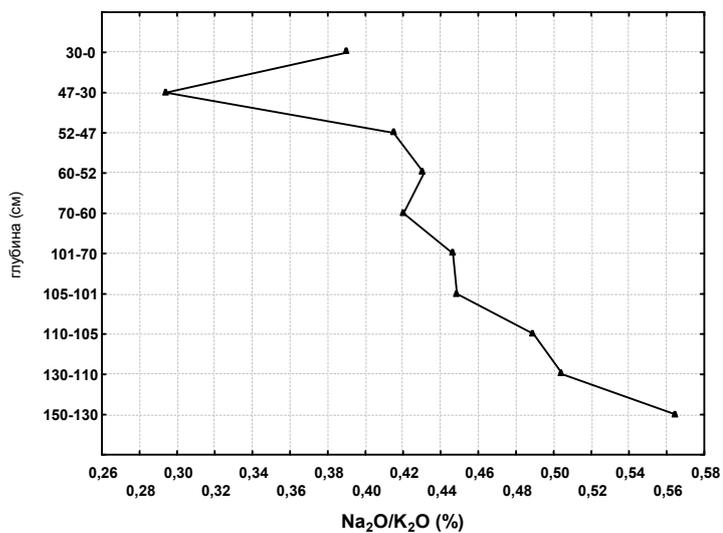

Рис. 12. Подол III/1. Изменение относительной температуры по данным Na₂O/K₂O (%)

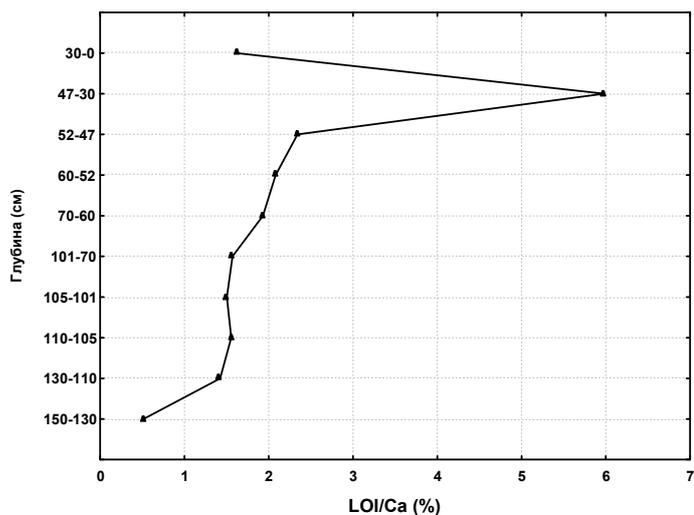

Рис.13. Подол III/1. Изменение содержания органики по данным LOI/Ca (%)

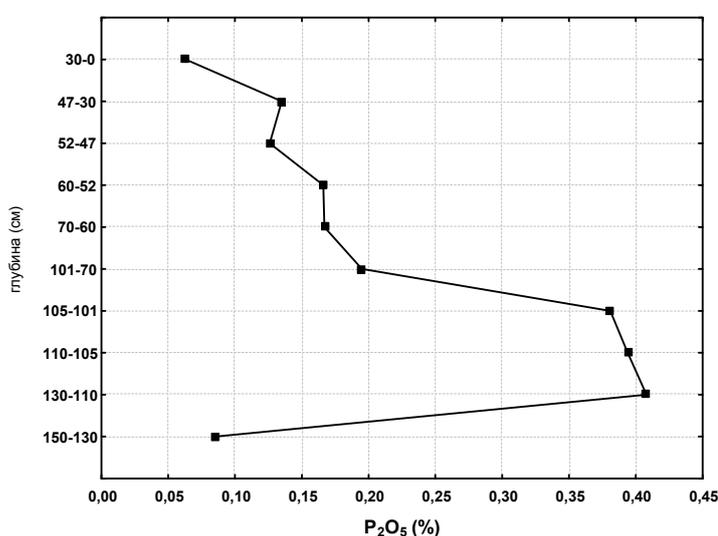

Рис.14. Подол III/1. Изменение антропогенной нагрузки по данным P₂O₅ (%)

Важно отметить, что датировка нижнего культурного слоя стоянки Подол III/1 с инвентарем бромме подтверждена различными методами.

Составление региональных периодизационных схем является в настоящее время первоочередной задачей для рассмотрения вопросов генезиса культур. Единичные данные естественнонаучных дисциплин для стоянок финального палеолита на территории Волговерховья пока показывают картину прерывистого развития культурных традиций.

Е. А. Спиридонова (Спиридонова, Алешинская, 1997. С. 132) отнесла отложения второго литологического слоя стоянки Подол III/1 к концу межстадиала аллерёд, исходя из результатов анализа развития растительности. По ее мнению «спектры по развитости пыльцевой флоры, а также ее составу характеризуют позднеледниковый этап, когда значительные площади помимо лесных массивов были заняты полыньниками и лугами различного состава. В наиболее благоприятных условиях увлажнения и тепла существовали островные леса, образованные сосной, березой и елью. По-видимому, здесь получил отражение завершающий этап межстадиала аллеред». На настоящий момент на территории северо-запада Русской равнины пока неизвестно более древних стоянок культурной традиции бромме.

В Дании, где культура бромме-лингби изучена начиная с 19 века, возраст ее определен более древними рамками: аллередом — началом дриаса младшего. Технокомплекс развитого бромме стоянки Троллесгав датирован по данным палинологического анализа поздним аллерё-

дом, по данным термолюминисцентного анализа — 12 тыс. от н. д. и радиоуглеродным анализом 11100 BP (Fischer, 1991. P. 110). Исходя из аналогий инвентаря и существующих определенных возрастов, появление археологической культуры этого облика на территории Волговерховья, скорее всего, можно связать с миграцией древнего населения вокруг приледниковой зоны, с территории центральной Европы на северо-запад. На соседней стоянке Баранова гора, где зафиксированы позднеледниковые отложения от беллинга до пребореала, культурный слой с находками типа бромме-лингби связан также с аллередскими отложениями (Сеницына и др., 2009), однако по материальной культуре установить преемственность в развитии не представляется возможным. Напротив, инвентарь из нижележащего слоя, приуроченного к отложениям дриаса II, отличается своеобразием, аналогии которому известны в инвентаре стоянки Акулово, расположенной в Тверской области, а также прослеживаются некоторые черты сходства (наличие обушковых форм) с материалами культуры федермессер. На стоянке Баранова гора в слое дриаса II представлен оригинальный орудийный комплекс со своеобразной техникой первичного расщепления и вторичной обработки (Сеницына и др., 2009).

«Переслаивание» различных культурных традиций на оз. Волго не является исключением и прослеживается на других многослойных стоянках, например, на многослойной стоянке Становое 4 (Жилин, 2004), отражая возвратно-миграционные процессы небольшого количества разных по культурной принадлежности групп населения.

В настоящее время на территории верхневолжского региона выявлено около десяти памятников, относящихся к культурной традиции бромме-лингби: Подол III/1, Подол III/2, Баранова гора (Сеницына, 1996); Теплый ручей 2 (Мирецкий, 2007); Троицкое 3 (Ланцев, Мирецкий, 1996); Усть-Тудовка 1 (Жилин, Кравцов, 1991). Признаки культурной традиции бромме-лингби отражены в памятниках волго-окского междуречья: Ростиславль (Трусов, 2004; 2010) Ладыжино 3 (Кравцов, Кононов, 2002).

По наиболее древнему памятнику Подол III/1, давшему наиболее многочисленный и разнообразный кремневый инвентарь, была выделена археологическая культура технокомплекса бромме-лингби (подольская, по Сеницыной, 2000), существовавшая на рубеже аллерёда-дриаса III. При этом наиболее точное определение возраста, кроме сравнительно-типологического анализа и примененных естественнонаучных методов, дал спорово-пыльцевой анализ. В настоящее время датировка подольской культуры подтверждена методами палеомагнитного и геохимического анализов отложений, к которым приурочен археологический материал.

Применение палеомагнитного метода для определения возраста вмещающих отложений было успешно использовано на многослойной стоянке Вышегора I в верховьях Днепра (рис. 1А). Определение относительной хронологии материалов позволило по-новому рассматривать проблемы автохтонного развития культурных традиций и вопросов заселения региона на рубеже плейстоцена-голоцена на территории Великого водораздела. Вплоть до недавнего времени дискуссия об автохтонном или миграционном характере происхождения финальнопалеолитических культур верховьев Днепра основывалась на материалах, возраст которых устанавливался на основании сравнительно-типологического анализа археологического материала. Наличие временного промежутка в 3–5 тыс. лет между верхнепалеолитическими и финальнопалеолитическими культурами было основным аргументом В. П. Ксензова (1999; 2006) в дискуссии с В. Ф. Копытиным (1999; 2000) против автохтонного развития культур каменного века этой территории. Продолжение дискуссии связано с определением хронологической позиции материалов.

Стоянки-мастерские в истоках Днепра в Смоленской области были открыты в 1929 году В. Р. Тарасенко. Им были собраны коллекции каменного инвентаря на распаханных полях близ д. Аносово. В последующие годы, вплоть до 1985 года здесь проводились только сборы материала. На основании аналогий Н. Н. Гурина (1972) датировала их поздним палеолитом — началом мезолита и отнесла к кругу стоянок прибалтийского мадлена. Работы последующих лет подтвердили эту точку зрения. Из восьми обследованных пунктов в истоках Днепра (рис. 15) наиболее перспективным оказалось местонахождение Вышегора I (рис. 16), где было установлено наличие различных литологических слоев, вмещающих находки каменного века (Сеницына, 1996). Раскопками исследовано 150 кв. м (рис. 17). Стоянка находится на слабонаклонной в сторону Днепра поверхности днища Верхнеднепровской гляциодепрессии (определение

Ю. А. Лаврушина). Пойма Днепра имеет высоту 5–6 м. Террасовые уступы здесь отсутствуют. На поверхности выражен древний полигональный макрорельеф. Полигоны заполнены отложениями тонкой светло-палевой супеси, разделенными бурыми суглинками с кремневыми конкрециями, известняками и валунами гранита. Здесь выделено шесть литологических слоев. Под дерном и современной почвой (сл. 6) мощностью 10–20 см залегает серая слабо гумусированная супесь мощностью 15–45 см (сл. 5), отложения вторичного обводнения; ниже идет погребенная почва мощностью 10–14 см (сл. 4), представленная темно-серой слабо гумусированной супесью, верхняя граница её мелко вспученная, почва фиксирует осушение полигона. Слой 4а представлен плотной коричневато-бурой супесью, насыщенной включениями марганца, за счет чего слой имеет пятнистую окраску; содержит большое количество кремней и древесных угольков, преимущественно в верхней части. Этот слой более мощный и широкий на кв. У–Ф-30, чашеобразный в сечении, на северных квадратах через 5–6 метров приобретает форму подтреугольного заполнения. Слой 4А имеет ограниченную протяженность около 12 м, только в корытообразном углублении с падением 5–10 см на 1 м в сторону Днепра, а на кв. Ы, Э-41 в северном направлении и на кв. П, Р-25 в южном направлении уже не фиксируется. Находки в слоях 6, 5, 4, 4А представлены большим количеством инвентаря и большей частью локализованы вдоль полигональной трещины, но каких-либо хозяйственных объектов здесь не выявлено. Под слоем погребенной почвы (сл. 4) зафиксировано клиновидное в сечении углубление шириной 2 метра, в заполнении которого присутствует маломощная почва светло-палевой супеси (слой 3), ниже которой углубление заполнено плотным коричневато-бурым суглинком, насыщенным включениями марганца (слои 2–1). Находки, приуроченные к слою палевой супеси, были локализованы тремя скоплениями внутри полигональной трещины и на её бортах.

Лабораторные палеомагнитные исследования и обработка полученных данных проводились по выше описанной методике, примененной на разрезах стоянок Подол III/1 и Баранова гора.

Для этих целей в 2007 г. на стоянке Вышегора I был расширен разрез вдоль северо-западной стенки раскопа, по линии кв. Х, Ц, Ч-35. На кв. Ч-36 под прямым углом врезано углубление так, чтобы ориентация отбора образцов была по западной и северной стенкам.

Отбор производился по вертикальным профилям раскопа с шагом, равным диаметру стеклянной ампулы, вдавливаемой в осадок. По разрезу западной стенки было отобрано 33 образца. Из северной стенки образцы не были отобраны из-за большого количества кротовин.

Стратиграфия на месте отбора образцов является типичной для всего памятника и выглядит следующим образом (снизу вверх):

- слой 6 (дерн, современная почва), на западной стенке образцы 1–5;
- слой 5 (серая гумусированная супесь), на западной стенке образцы 6–8;
- слой 4 (погребенная почва), на западной стенке образцы 9–20;
- слой 4а (коричневато-бурая супесь), на западной стенке образцы 21–28;
- слой 3 (палевая супесь), на западной стенке образцы 29–31;
- слой 2–1 (бурый суглинок), на западной стенке образцы 32–33.

В соответствии со схемой разреза западной стенки (рис. 18) изменяются и палеомагнитные характеристики образцов (рис. 19). Значение магнитной восприимчивости K вниз по разрезу до образца № 29 образца не превышает значения $K \sim 0.13 \times 10^{-3}$ СИ (табл. 4) и только для двух образцов значения K составляют $\sim 0.24 \times 10^{-3}$ СИ (№29) и $K \sim 0.19 \times 10^{-3}$ СИ (№ 30), что свидетельствует о равномерном распределении ферромагнитного минерала. Значения естественной остаточной намагниченности J_n вниз по разрезу до образца № 15 находятся в пределах (0.4–2.7) мА/м, постепенно увеличиваясь вниз по разрезу до значения $J_n = 52.5$ мА/м. При распределении значений угла склонения D следует отметить образцы №№ 1, 11, 13, которые выделяются на фоне общей тенденции; для распределения значений угла наклона I в этом же отношении отметим образцы №№ 1, 5, 9 и 11. Для всех образцов производилась термоочистка при нагреве до 150°C и охлаждении в немагнитном пространстве для оценки возможной вторичной намагниченности под воздействием современного геомагнитного поля; полученные результаты также представлены на рис. 20 и в табл. 4. Особенно заметные результаты термоочистки отмечаются вверху разреза. Образец № 1 изменяет знак угла наклона I , значение угла наклона I для образца № 11 доходит до -9.0° . В табл. 4 приводятся и координаты виртуальных па-

леомагнитных полюсов F и L после термоочистки, рассчитанные по географическим координатам места отбора образцов $\varphi=55^{\circ}37'N$, λ палеополюса= $38^{\circ}48'E$ (рис. 16) по GPS. Тенденция к понижению координаты палеополюса F, которая является одним из признаков возможного экскурса палеомагнитного поля (Мёрнер и др. 2001), отмечается для образцов №№ 5, 6 и 11 (табл. 4, рис. 21). Виртуальные палеомагнитные полюсы (ВПП) расположены в районе Северной Америки и Восточной Азии; проследим последовательно участки траектории ВПП для 30 образцов разреза Вышегора I.

Табл. 4. Палеомагнитные характеристики образцов западной стенки разреза Вышегора I (до и после чистки 150°C)

образец	$K \cdot 10^{-3}$ СИ, 20°	J_n , мА/м	D°_{20}	I°_{20}	a°_{95}	D°_{150}	I°_{150}	a°_{95}	F°_{150}	L°_{150}	A°_{95}
1	0.12	1.83	167.7	-70.9	0.1	327.0	70.3	0.1	71.1	314.8	0.2
2	0.12	2.39	338.2	45.9	0.0	332.3	45.4	0.1	55.4	259.9	0.1
3	0.08	1.89	6.9	57.4	0.2	6.4	53.4	0.1	68.5	198.4	0.1
4	0.11	1.68	342.6	57.9	0.2	307.7	62.0	0.1	54.8	305.8	0.1
5	0.10	0.81	334.8	26.0	0.3	298.4	29.0	0.1	28.8	288.3	0.1
6	0.10	0.97	26.5	66.7	0.3	131.7	73.4	0.2	30.5	59.4	0.3
7	0.10	1.93	42.1	74.5	0.1	63.4	74.0	0.1	57.0	87.7	0.2
8	0.09	1.53	337.3	63.8	0.1	302.7	70.5	0.1	57.9	326.6	0.2
9	0.07	0.58	7.9	36.6	1.0	351.2	21.9	0.1	45.8	225.4	0.1
10	0.07	0.90	359.3	56.5	0.3	319.9	79.2	0.0	67.2	356.7	0.0
11	0.12	2.69	249.0	-2.2	0.2	254.8	-9.0	0.1	-12.4	313.0	0.1
12	0.08	0.43	91.8	55.5	0.6	39.2	64.4	0.5	64.0	126.3	0.7
13	0.08	1.41	17.7	45.2	0.1	24.5	38.9	0.4	52.2	174.1	0.4
14	0.09	1.68	5.9	79.5	0.2	348.9	66.8	0.1	81.2	268.0	0.2
15	0.10	1.19	50.5	61.7	0.2	52.7	59.5	0.1	52.7	123.7	0.1
16	0.11	3.21	29.6	59.3	0.2	45.5	62.0	0.0	58.7	125.8	0.0
17	0.09	4.29	30.7	60.0	0.1	38.9	62.8	0.0	63.0	130.2	0.0
18	0.08	4.66	2.5	66.2	0.0	8.2	66.1	0.1	81.7	171.9	0.1
19	0.08	3.43	15.6	72.7	0.0	15.0	75.2	0.0	79.5	74.3	0.0
20	0.08	3.17	8.2	76.2	0.1	8.0	74.8	0.0	82.3	62.7	0.0
21	0.09	4.49	31.5	61.2	0.1	31.0	61.0	0.1	66.0	142.7	0.1
22	0.13	7.86	39.5	73.5	0.0	37.3	75.6	0.0	69.6	85.5	0.0
23	0.09	12.00	13.4	59.7	0.0	12.2	59.4	0.1	73.1	179.2	0.1
24	0.10	11.40	3.0	62.4	0.0	3.1	61.6	0.1	77.6	202.3	0.1
25	0.09	10.50	19.5	59.9	0.0	20.8	61.2	0.2	71.4	157.5	0.3
26	0.11	30.30	347.2	45.4	0.1	346.5	50.7	0.2	64.6	240.6	0.2
27	0.09	43.20	358.4	67.7	0.0	355.6	69.6	0.1	86.9	272.3	0.2
28	0.08	12.80	337.2	74.4	0.0	345.1	72.4	0.0	81.4	326.6	0.0
29	0.24	52.50	344.4	50.8	0.1	343.1	52.1	0.0	64.7	248.0	0.0
30	0.19	33.70	8.1	55.5	0.1	6.0	55.1	0.2	70.2	198.5	0.2

Образцы №№ 30–26 образуют петлю с движением против часовой стрелки; координата F изменяется в пределах 86.9° – 64.6° (табл. 4), и долгота L — в пределах 326.6° – 240.6° ; затем для образцов №№ 23–15 — второе понижение (петля) координаты F до 52.7° (№ 15); с образца № 14 начинается экскурс палеомагнитного поля (учитывая временные рамки разреза Вышегора I, очевидно, гётенбург) с отклонениями до широты $F \sim 30^{\circ}$ (образцы № 6 и 5) и возвращением практически в «исходное положение» (образец № 1). Траектория движения ВПП во время экскурса отдельно представлена на рис. 21 еще более наглядно видна на рис. 22. На рис. 23 повторно представлена траектория движения ВПП для экскурса гётенбург по образцам западной

стенки разреза Вышегора I в сравнении с траекторией движения ВПП для восьми образцов (№№ 8–1) северной стенки разреза Баранова гора после термоочистки до 180°C (условия отбора образцов сохранены в обоих случаях). Очевидно, можно говорить о совпадении участков траектории движения ВПП: сохраняется уменьшение широты F палеополюса вплоть до перехода

в южное полушарие и повторный «виток» с возвращением в более высокие широты, наиболее выразительны для образцов северной стенки разреза Баранова гора (Сеницына и др., 2009)

На основании проведенных полевых работ 2007 года из всех 33 тщательно проанализированных образцов из западной стенки разреза Вышегора I удалось установить факт наличия экскурса гётенбург и определить возраст погребенной почвы как аллередский. Впервые для стоянок конца плейстоцена Верховьев Днепра удалось получить определение возраста вмещающих отложений, что особенно важно, так как нижележащий материал, локализованный скоплениями в слое 3, древнее и предварительно возраст его может быть определен предшествующим временем — как минимум интерстадиалом бёллинг.

Аналогии инвентарю стоянки Вышегора I из различных слоев прослеживаются с памятниками наиболее древними на территории Литвы (Римантене, 1971; 1978; Butrimas, Остраускас, 1999), ранним этапом гренской культуры в верхнем Поднепровье Белоруссии, генезис и хронология которой является предметом длительной дискуссии. Состав инвентаря не противоречит датировке стоянки Вышегора I поздним — финальным палеолитом. Первые определения возраста погребенной почвы позволяют вернуться к точке зрения В. Д. Будько о хронологических рамках гренской культуры, средней ее группы. В. Д. Будько датировал их временем не ранее бёллингского и не позднее аллерёдского интерстадиалов, то есть в рамках 12.7–11.8 тыс. лет назад, что согласуется с определением возраста погребенной почвы на стоянке Вышегора I. В этом плане точка зрения В. Ф. Копытина (1999; 2000) об автохтонном развитии и сохранении позднепалеолитической традиции в верхнем Поднепровье находит свое подтверждение. Основного аргумента о наличии хронологического разрыва между позднеплейстоценовыми и финальнопалеолитическими культурами больше не существует. Типологический анализ инвентаря всех слоев свидетельствует о сохранении традиции в материальной культуре на протяжении всего периода существования стоянки Вышегора I.

Таким образом, применение естественнонаучных методов датирования вмещающих отложений позволяет предполагать о развитии автохтонных эпиграветгийских культур в бассейне верхнего Днепра. Датировка стоянок на северном берегу озера Волго (Подол III/1 и Подол III/1) различными методами показала, что они несколько моложе памятников технокомплекса бром-лингби Северной Европы, что дает основания предполагать возможность миграции древнего населения вокруг приледниковой зоны, с территории центральной Европы на северо-запад.

Литература

- Бураков К. С., Начасова И. Е. Палеомагнитное исследование археологического памятника «Большой Якорь» // Геомагнетизм и аэрономия. Т. 32. № 6. М., 1992.
- Величко А. А., Светлицкая Т. В. Палеомагнитные реперы позднего плейстоцена центра Русской равнины // Доклады АН СССР. Т. 300. № 2. М., 1988.
- Гагарина Э. И. Микроморфологический метод исследования почв. Учебное пособие. — СПб., 2004.
- Гуськова Е. Г., Распопов О. М., Пискарев А. Л., Дергачев В. А., Мёрнер Н.-А. Тонкая структура геомагнитного поля за последние 30000 лет по намагниченности осадков Баренцева моря // Геомагнетизм и аэрономия. Т. 44. М., 2004.
- Гуськова Е. Г., Распопов О. М., Иосифиди А. Г., Сеницына Г. В., Сеницын А. А. Палеомагнитные исследования отложений многослойной стоянки Подол III/1 на озере Волго в Тверской области // ТАС. Вып. 6. Тверь, 2006.
- Добрецов Н. Л., Коваленко В. И. Глобальные изменения природной среды // Геология и геофизика. Т. 36. № 8. М., 1995.
- Жилин М. Г. Костяная индустрия мезолита лесной зоны Восточной Европы. — М., 2001.

- Жилин М. Г. Культурное взаимодействие в раннем мезолите лесной зоны Восточной Европы // Евразия. Этнокультурное взаимодействие и исторические судьбы. Тезисы докладов научной конференции. М., 2004.
- Жилин М. Г., Кравцов А. Е. Ранний комплекс стоянки Усть-Тудовка I // Археология Верхнего Поволжья Материалы к своду памятников истории и культуры РСФСР. Нижний Новгород, 1991.
- Зализняк Л. Л. Охотники на северного оленя Украинского Полесья эпохи финального палеолита. — Киев, 1989.
- Зализняк Л. Л. Передісторія України X–V тис. до н. е. — Київ, 1998.
- Зубаков В. А. Глобальные климатические события плейстоцена. — Л., 1986.
- Кольцов Л. В. О первоначальном заселении Тверского Поволжья // ТАС. Вып. 4. Тверь, 1994.
- Кочегура В. В. Применение палеомагнитных методов при геологической съёмке шельфа. — СПб., 1992.
- Кравцов А. Е., Кононов С. Б. Стоянка Ладыжино 3 (предварительные результаты исследований 1999 и 2000 гг.) // ТАС. Вып. 5. Тверь, 2002.
- Ланцев А. П., Мирецкий А. В. Стоянка Троицкое 3 — один из древнейших памятников Тверского Поволжья // ТАС. Вып. 2. Тверь, 1996.
- Македонов А. В. Методы литофациального анализа и типизация осадков гумедных зон. — Л., 1985.
- Мёрнер Н.-А., Петрова Г. Н., Пилипенко О. В., Распопов О. М., Трубихин В. М. Появление экскурсов на фоне изменения магнитного поля Земли // Физика Земли. № 10. 2001.
- Мирецкий А. В. Финальнопалеолитическая стоянка Теплый ручей на Верхней Волге // Своеобразие и особенности адаптации культур лесной зоны Северной Евразии в финальном палеолите — раннем мезолите. М., 2007.
- Палеомагнитология / Храмов А. Н., Гончаров Г. И., Комиссарова и др. Л., 1982.
- Петрова Г. Н., Нечаева Т. Б., Поспелова Г. А. Характерные изменения геомагнитного поля в прошлом. — М., 1992.
- Римантене Р. К. Палеолит и мезолит Литвы. — Вильнюс, 1971.
- Сеницына Г. В. Исследование финальнопалеолитических памятников в Тверской и Смоленской областях // Археологические изыскания. Вып. 39. СПб., 1996.
- Сеницына Г. В. Финальный палеолит и ранний мезолит — этапы развития материальной культуры на Верхней Волге // ТАС. Вып. 4. Тверь, 2000.
- Сеницына Г. В. Традиции лингби в материалах финальнопалеолитических стоянок верховьев Волги и Днепра // Древности Подвинья: исторический аспект. СПб., 2003.
- Сеницына Г. В., Спиридонова Е. А., Лаврушин Ю. А. Природная среда и возможные миграции первобытного человека на рубеже плейстоцена-голоцена на севере Русской Равнины и Скандинавии // Первые Скандинавские чтения. Этнографические и культурно-исторические аспекты. СПб., 1997.
- Сеницына Г. В., Лаврушин Ю. А., Спиридонова Е. А., Гуськова Е. Г., Распопов О. М., Иосифиди А. Г. О хронологии археологических материалов и возрасте вмещающих отложений многослойной стоянки Баранова гора в Тверской области // ТАС. Вып. 7. Тверь, 2009.
- Спиридонова Е. А., Алёшинская А. С. Опыт применения палинологического анализа для периодизации мезолита Волго-Окского междуречья // Исторический музей — энциклопедия отечественной истории и культуры. М., 1999.
- Трусов А. В. Финальнопалеолитическая стоянка Ростиславль (предварительное сообщение) // Археология Подмосковья. Материалы научного семинара. М., 2004.
- Хаин В. Е. Основные проблемы современной геологии (геология на пороге XXI в.). — М., 1994.
- Borming Jahn, Sylvain Gallet, Jiamao Han. Geochemistry of the Xining Jixian sections, Loess Plateau of China: eolian dust provenance and paleosol evolution during the last 140 ka. // Chemical Geology. Vol. 178. 2001.
- Fischer A. Pioneers in deglaciated landscapes: The expansion and adaptation of Late Palaeolithic societies in Southern Scandinavia // The Late Glacial in north-west Europe: Human adaptation and environmental change at the end of the Pleistocene. Council for British Archaeology. Research Report 77. Oxford. Edited by N. Barton, A. J. Roberts, d.a. Roe. Oxford, 1991.
- Fisher R. A. Dispersion on a sphere. // Proceedings Royal Society London, ser. A, № 217. London, 1953.
- Mörner N.-A. The Gothenburg magnetic excursion. // Quaternary Research. Vol. 7, № 3. New-York; London, 1977.

Shotyk W., Weiss D., Kramers J.D. Geochemistry of the peat bog of Etang de la Gruere, Jura Mountains, Switzerland and its record of atmospheric Pb and lithogenic trace metals (Sc, Ti, Y, Zr, REE) since 12,370 14C yr BP // *Geochemica et Cosmochemica Acta*. Vol. 65. No 14. 2001.

Zijderveld J. D. A. A.-C. demagnetization of rocks: analysis of results. *Methods in paleomagnetism*. 1967.

G. V. Sinitsyna, E. G. Gus'kova, O. M. Raspopov, A. G. Iosifidi, M. A. Kul'kova

**PROBLEMS OF THE CHRONOLOGY OF SITES DATED TO THE TURN
OF THE PLEISTOCENE AND THE EARLY HOLOCENE
IN THE NORTH-WESTERN AREA OF THE RUSSIAN PLAIN**

The age of the sites (Podol III/1 and Podol III/2, Baranova Gora) of the Bromme-Lingby cultural tradition at Lake Volgo has been estimated through comparative typological, palynological, palaeomagnetic and geochemical analyses. The cultural layer of the site of Podol III/1 corresponds to the Allerød deposits where palaeomagnetic Göthenburg excursion has been recorded.

Dating of the camp-sites by different methods has demonstrated that they are slightly younger than the sites of the Bromme-Lingby technocomplex in Northern Europe, suggesting that there were migrations of the ancient population from the territory of northern Europe to the Russian Plain.

In the Dnieper River upper reaches Late Paleolithic gravettien tradition is traced. In pool of the top Dnepr application of natural-science methods of dating of containing adjournment allows to assume development автохтонных эпиграветтийских cultures during a late — final paleolith.

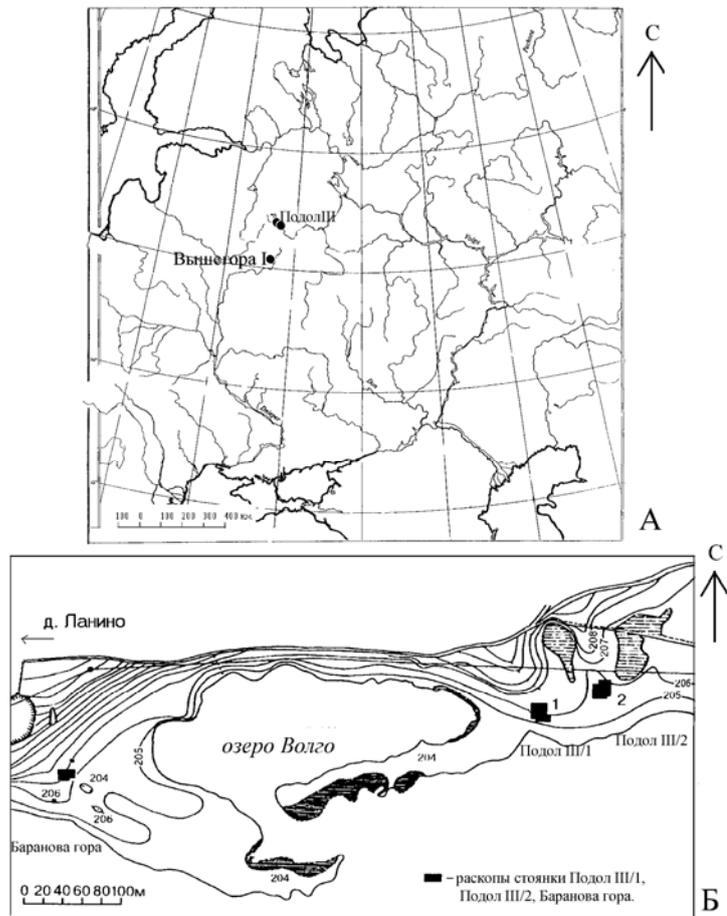

Рис.1. Подол III/1. Топографический план стоянки: А — положение на Русской равнине; Б — положение на северном берегу оз. Волго

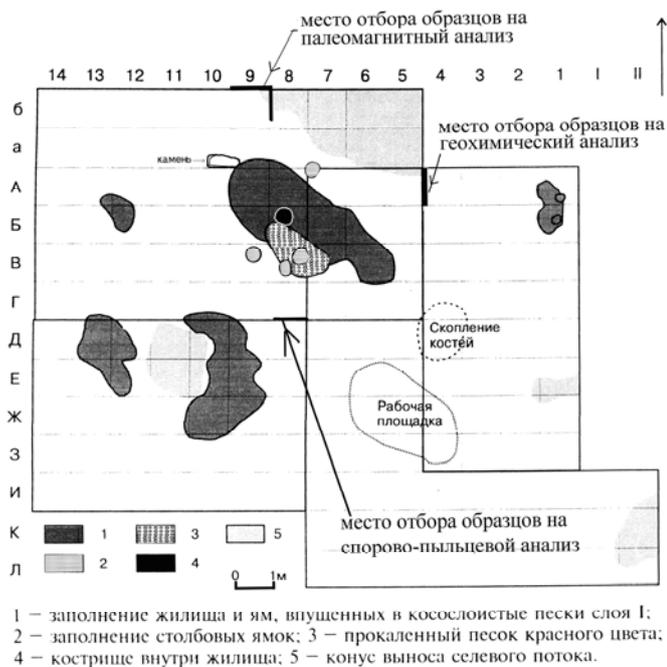

Рис. 2. Подол III/1. Схема раскопа 1990–1996 гг.

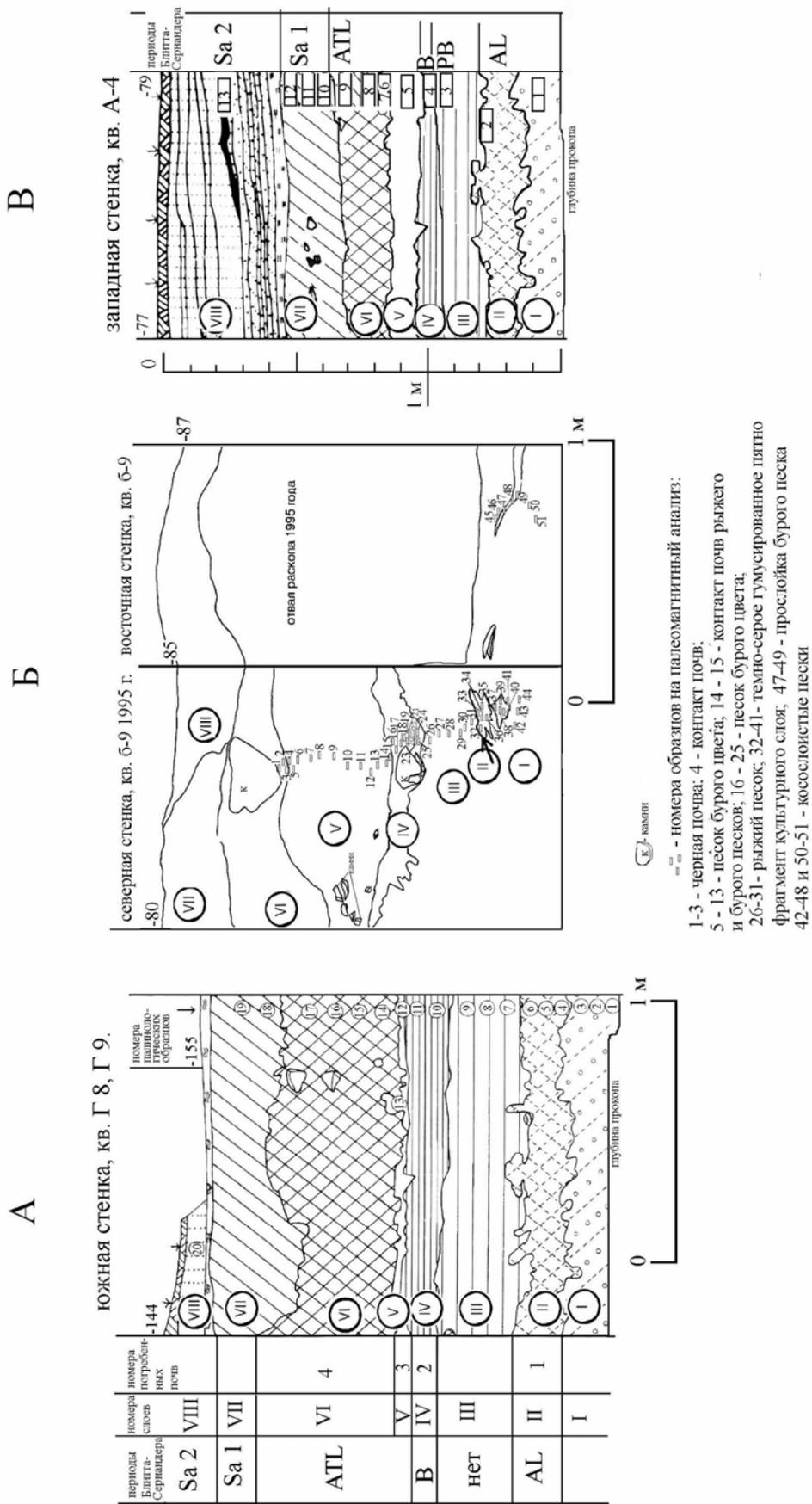

Рис. 3. Подолл III/1. Разрезы стоянки Подолл III/1 на разных участках памятника:
 А - разрез южной стенки на кв. Г-8, 1995 г., место отбора образцов на спорово-пыльцевой анализ;
 Б - разрез северной и восточной стенок на кв. б-9, 2002 г., место отбора образцов на палеомагнитный анализ;
 В - разрез западной стенки на кв. а-4, 1990 г., место отбора образцов на геохимический анализ

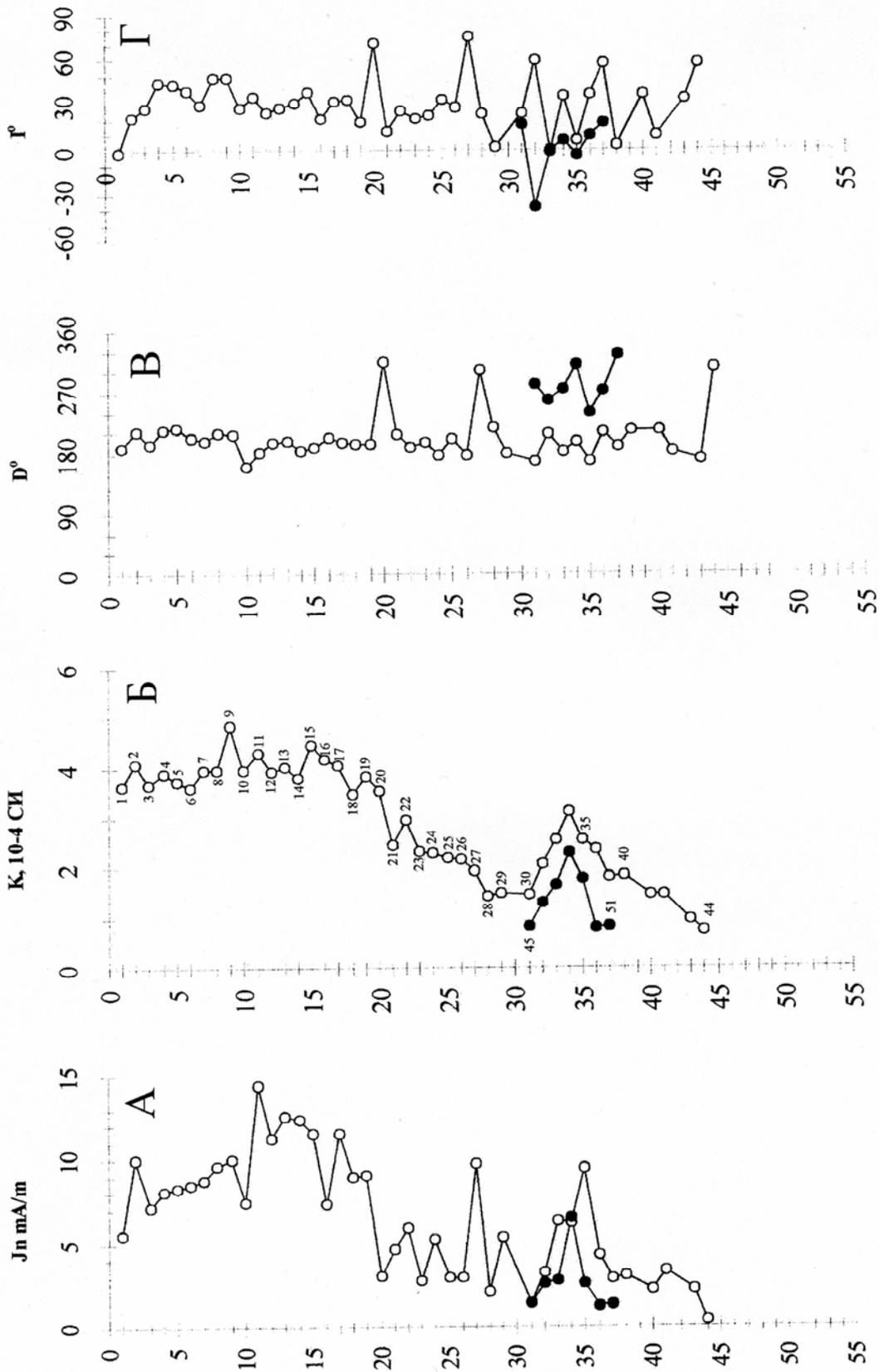

Рис. 4. Подол III/1. Изменение характеристик естественной остаточной намагниченности пород отложений стоянки Подол III/1. А — естественная остаточная намагниченность, Б — магнитная восприимчивость, В — угол склонения, Г — угол наклонения (первичные измерения). Образцы: 1—44 — северная (полые кружки) и восточная стенка (залитые кружки)

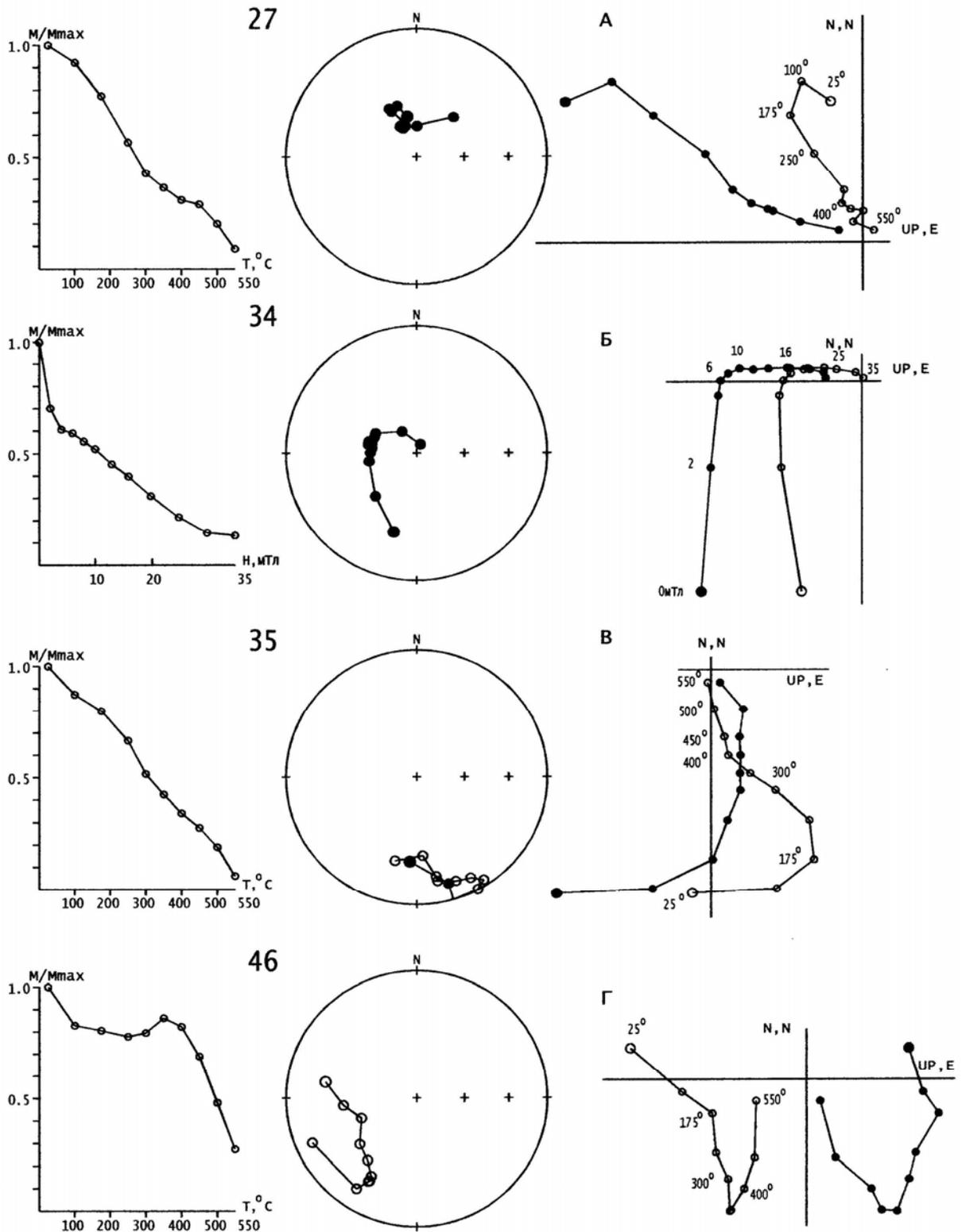

Рис. 5. Подол III/1. Кривые терморазмагничивания (А, В, Г) и размагничивания переменным магнитным полем (Б), стереограммы и диаграммы Зийдверльда для образцов северной (№№ 27, 34, 35) и восточной (№ 46) стенок.

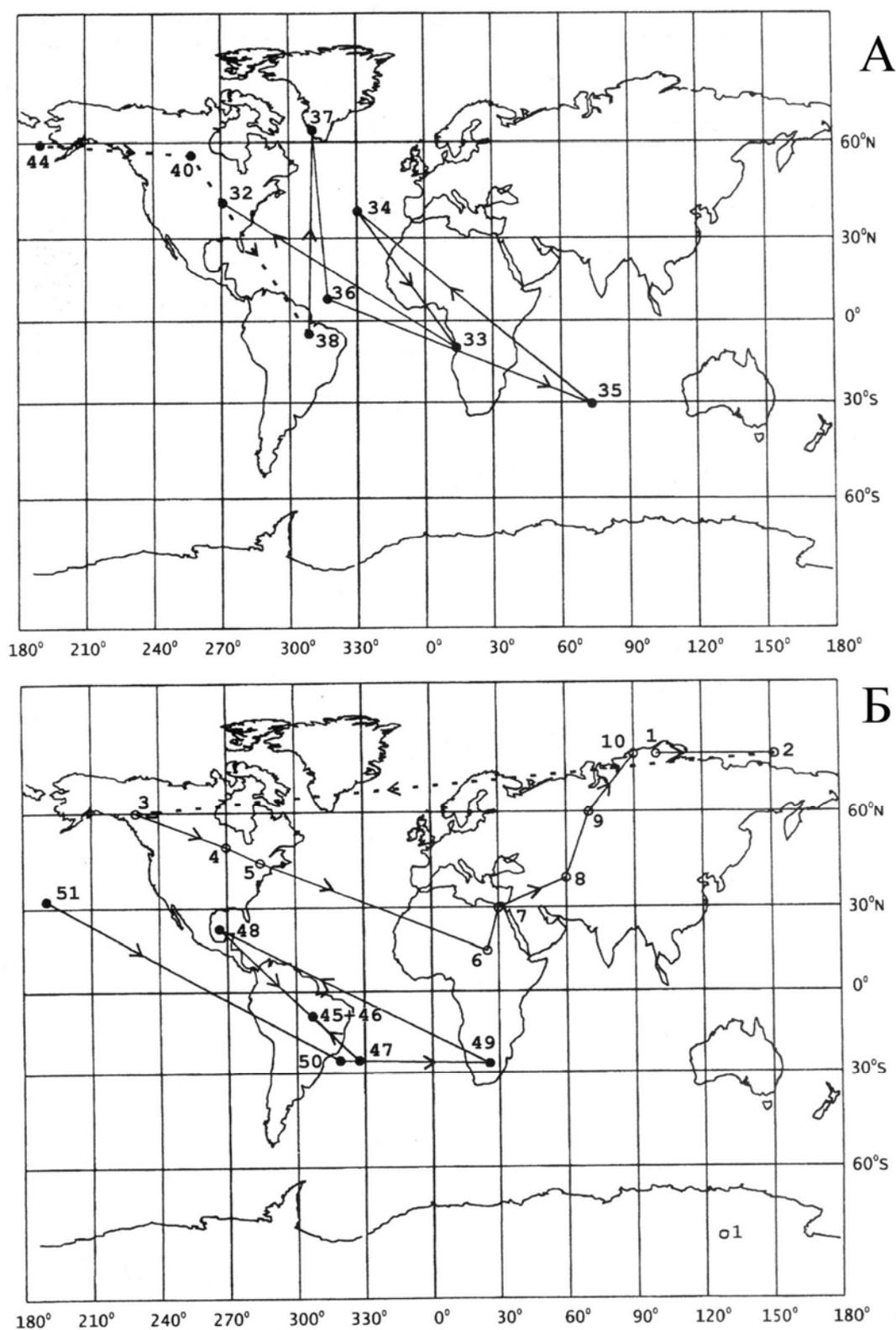

Рис. 6А. Подол III/1. Траектории движения виртуальных полюсов по образцам зоны экскурса северной (А) и восточной (Б) стенок. 1 — траектория движения виртуальных полюсов (по Величко, Светлицкая, 1988). Цифры — номера образцов со стоянки Подол III/1

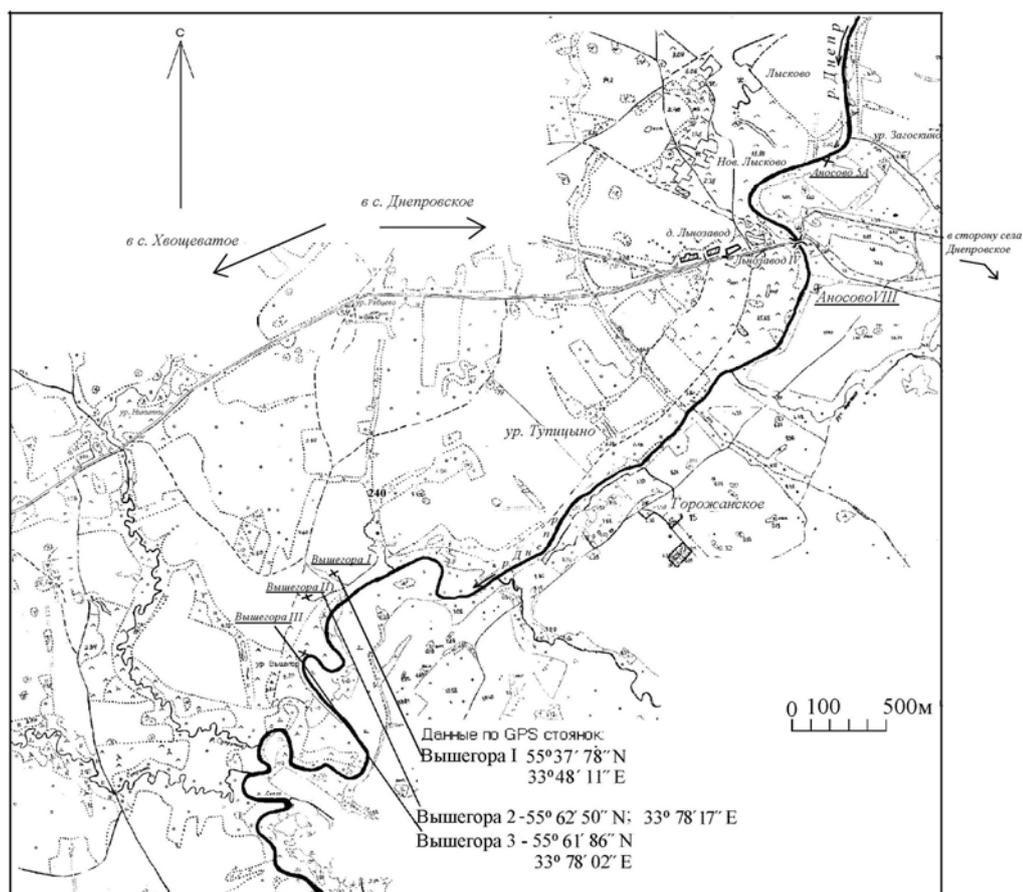

Рис.15. Карта местонахождения археологических стоянок близ с. Хвощеватое, Новодугинского района, Смоленской области

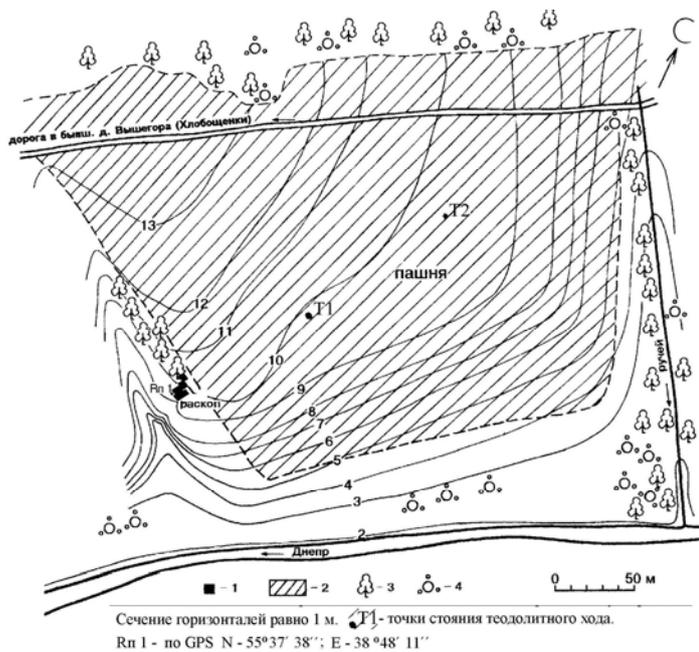

Рис. 16. Вышегора I. 2002, 2007. Топографический план местности. Условные обозначения: 1 — раскоп; 2 — пашня; 3 — лиственные деревья; 4 — кустарник

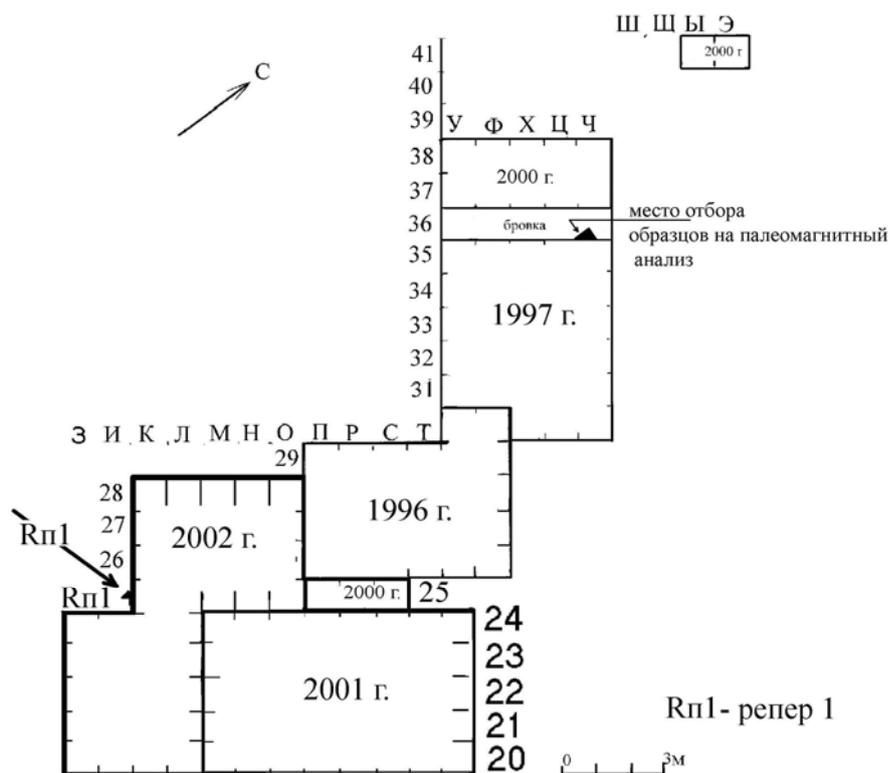

Рис. 17. Вышегора I. Схема раскопов по годам. Место отбора образцов на палеомагнитный анализ

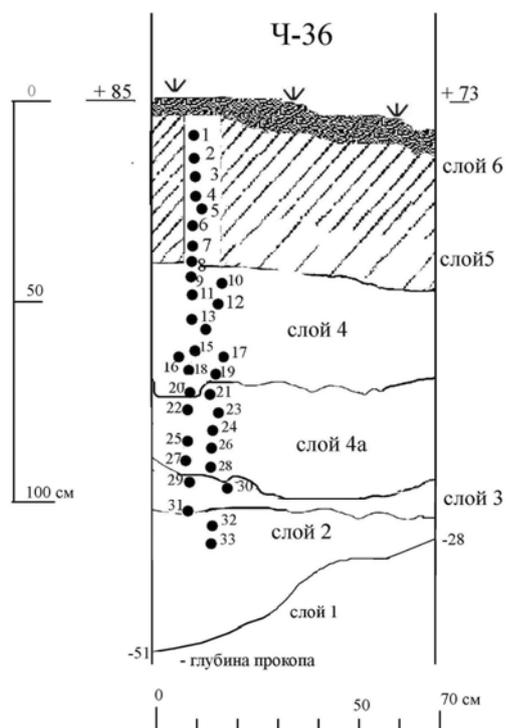

Рис. 18. Вышегора I. 2007. Схема отбора образцов из разреза западной стенки, кв. Ч-36.
 1–7 — слой современной почвы; 8 — контакт слоя современной почвы и погребенной почвы;
 9–14, 16–20 — слой 4, погребенная почва; 15 — контакт слоев 4 и 4а; 21–28 — слой 4а;
 29–30 — слой 3; 31 — контакт со слоем 2; 32–33 — буряя глина

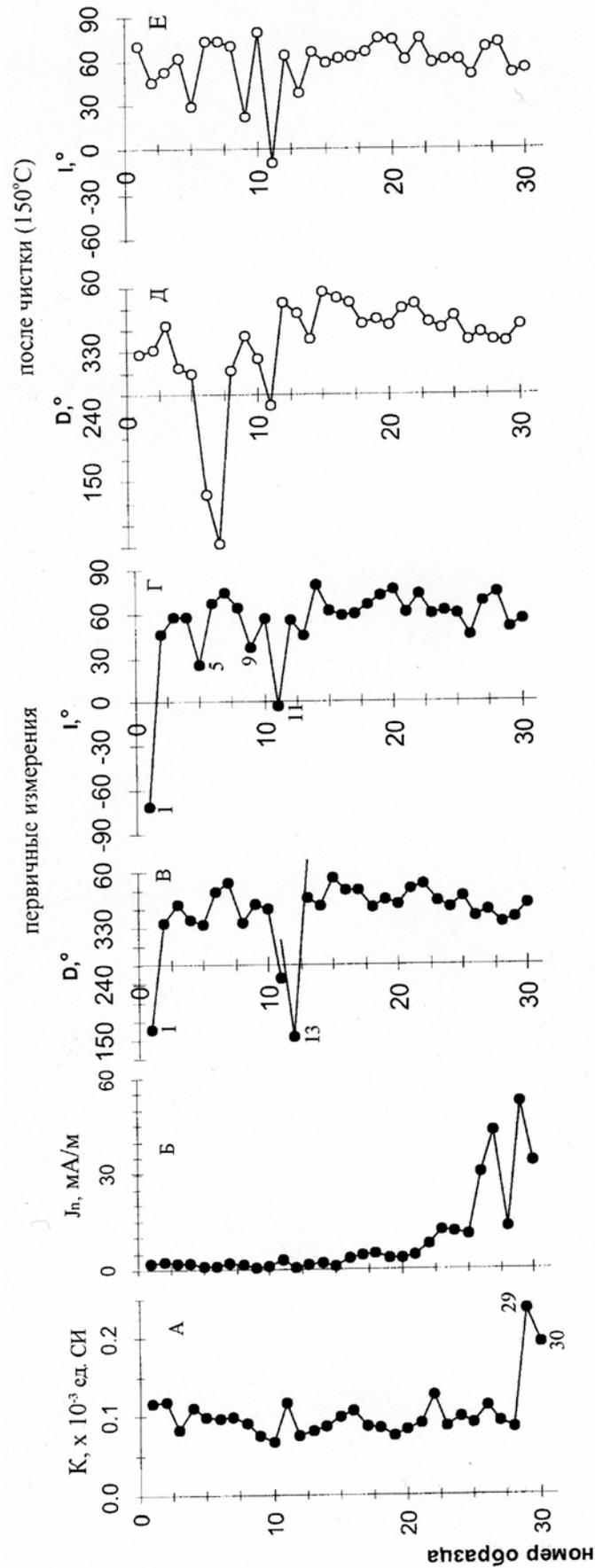

Рис. 19. Вышегора I. 2007. Палеомагнитные характеристики образцов по разрезу Вышегора I, Смоленская область

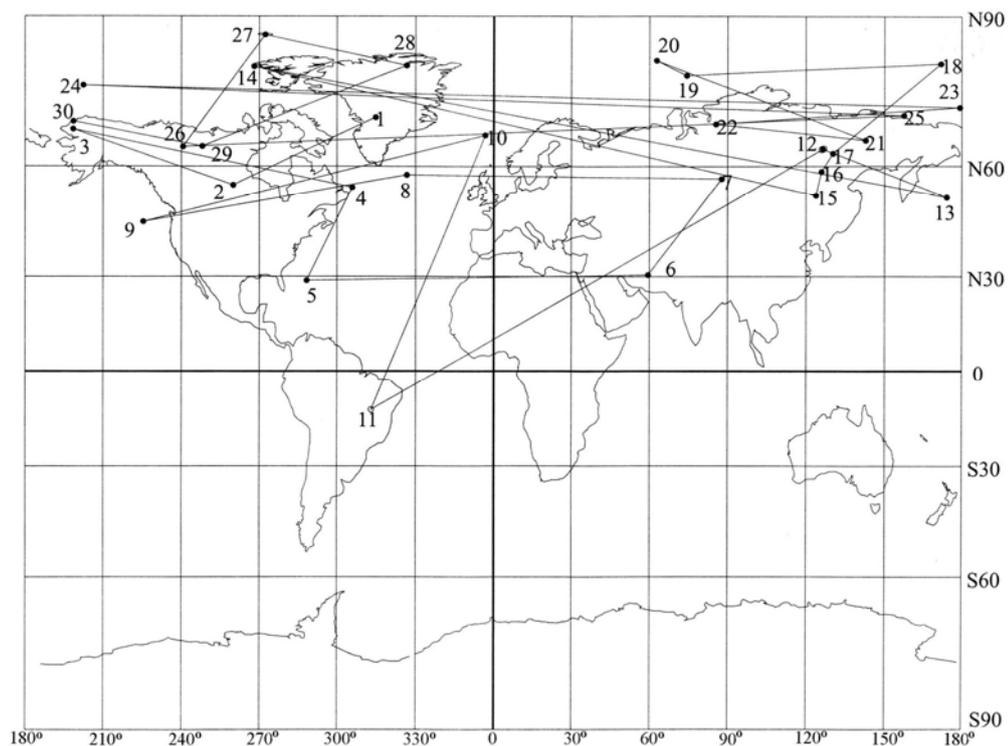

Рис. 20. Вышегора I. 2007. Стереографическая проекция распределения — первичного измерения направлений естественной остаточной намагниченности до чистки и после чистки (150° С) — образцов разреза западной стенки разреза Вышегора I

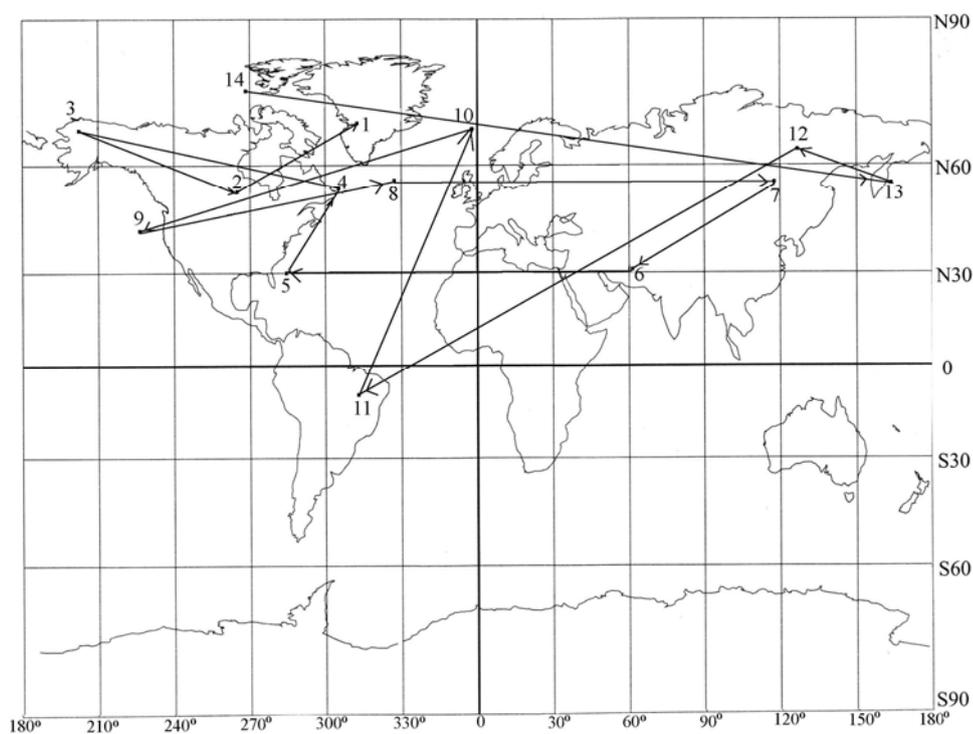

Рис. 21. Вышегора I. 2007. Траектория движения виртуального палеомагнитного полюса (ВПП) по образцам западной стенки разреза Вышегора I (образцы 14–1)

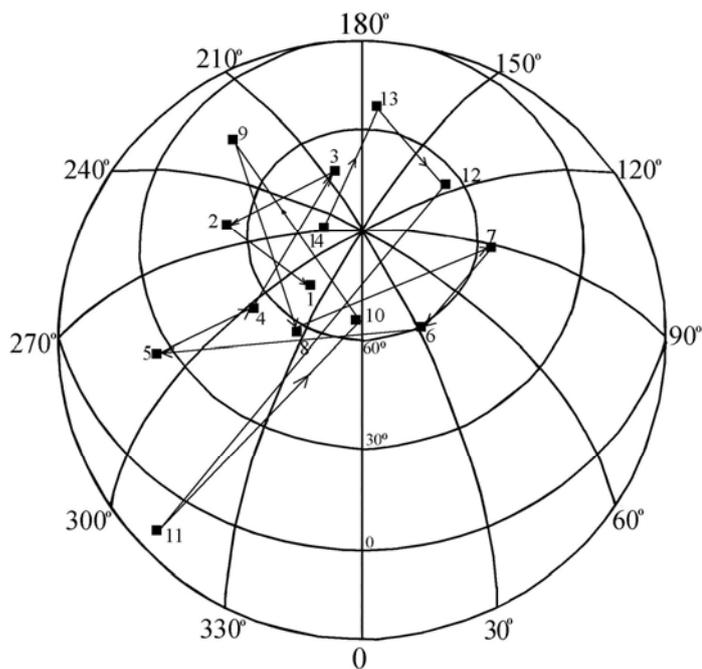

Рис. 22. Вышегора I. 2007. Траектория движения виртуального палеомагнитного полюса (ВПП) по образцам западной стенки разреза Вышегора I (образцы 14–1), другая проекция рисунка 21

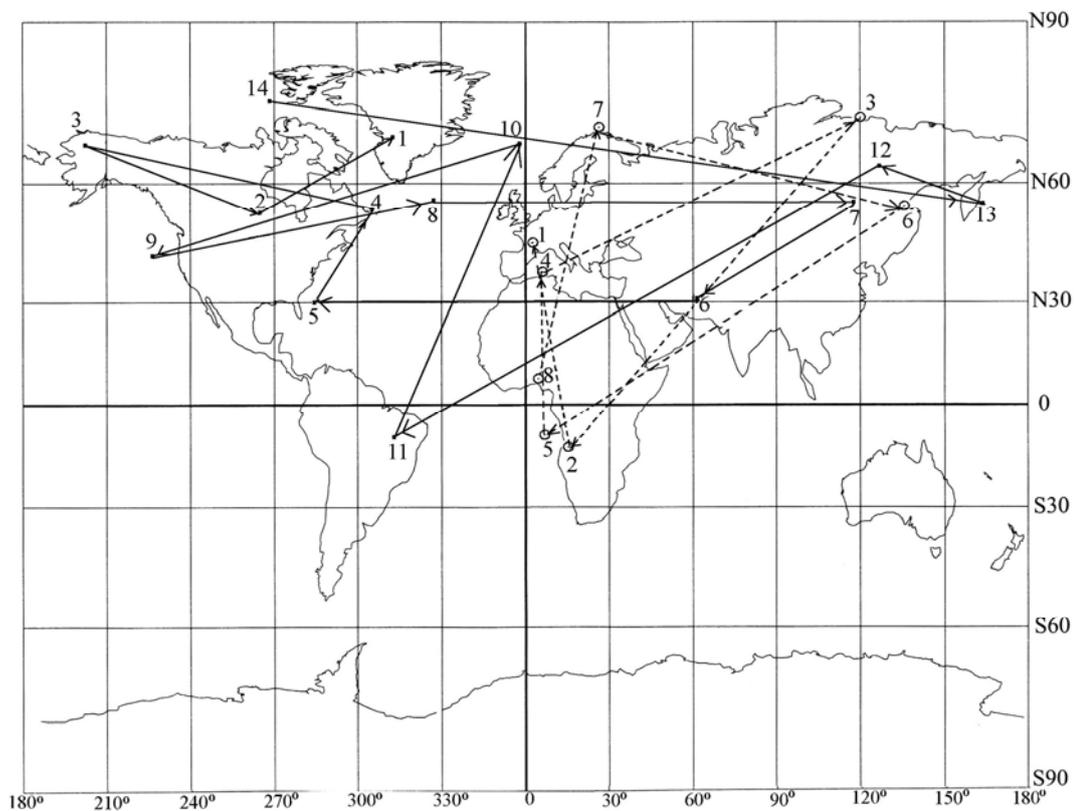

Рис. 23. Вышегора I. 2007. Траектория движения виртуального палеомагнитного полюса по образцам западной стенки разреза Вышегора I (образцы 14–1) в сравнении с траекторией движения ВПП для образцов северной стенки разреза Баранова гора (образцы №№ 8–1)

Список сокращений

АА	—	Археологический альманах
ААНД ДНУ	—	“Інстытут гісторыі НАН Беларусі” – Архіў археалагічнай навуковай дакументацыі
АО	—	Археологические открытия
АЭАЕ	—	Археология, этнография и антропология Евразии
БГУ	—	Белорусский государственный университет
Бел НИИГ	—	Белорусский научно-исследовательский институт геологии
Бюл. КИЧП	—	Бюллетень Комиссии по изучению четвертичного периода ИИМК РАН – Институт истории материальной культуры РАН
ГАИМК	—	Государственная Академия истории материальной культуры
ДАН БССР	—	Доклады академии наук БССР
ДБ	—	Древности Белоруссии
ИАЭт СО РАН	—	Институт археологии и этнографии (Сибирское отделение РАН)
ИГ РАН	—	Институт географии РАН
ИГ и Г НАНБ	—	Институт геохимии и геофизики Национальной академии наук Беларуси
ИИ АНБ	—	Институт истории Национальной академии наук Беларуси Дзяржаўнай навуковай установы “Інстытут гісторыі НАН Беларусі”
ИИМК РАН	—	Институт истории материальной культуры РАН
КИЧП	—	Комиссии по изучению четвертичного периода
КСИА	—	Краткие сообщения института археологии АН СССР
КСИА АН УССР	—	Краткие сообщения Института археологии Академии наук УССР
МАБ	—	Матэрыялы па археалогіі Беларусі
МИА	—	Материалы и исследования по археологии СССР
МОИП	—	Московское общество испытателей природы
ПАК	—	Працы археалёгічнай камісіі
ПКА	—	Працы кафедры археалёгіі
РА	—	Российская археология
СА	—	Советская археология
САИ	—	Свод археологических источников
СЭ	—	Советская этнография
ТАС	—	Тверской археологический сборник
ТЗИН	—	Труды Зоологического института РАН
Труды АИЧПЕ	—	Труды Ассоциации по изучению четвертичного периода Европы
BAR	—	British Archaeological Reports. Oxford
BSPF	—	Bulletin de la Société Préhistorique Française
INQUA	—	The International Union for Quaternary Research
UNESKO	—	The United Nations Educational, Scientific and Cultural Organization

Содержание

<i>от редакции</i>	3
<i>А. А. Синицын</i> . Граветт Костенок в контексте граветта Восточной Европы	4
<i>Е. Г. Калечиц</i> . История изучения палеолита Беларуси	33
<i>М. Н. Желтова</i> . Место каменных индустрий Костёнок 4 в контексте верхнего палеолита Европы	86
<i>Г. В. Григорьева</i> . Верхнепалеолитические памятники Среднего Поднепровья мадленского времени	110
<i>А. А. Бессуднов</i> . Палеолитические памятники конца плейстоцена в бассейне Верхнего и Среднего Дона	127
<i>Г. В. Синицына</i> . О миграциях и автохтонном развитии культур финального палеолита на северо-западе Русской равнины	152
<i>А. В. Колосов</i> . О заселении бассейна р. Сож в позднеледниковое время	182
<i>О. Л. Липницкая</i> . Проблема заселения запада Беларуси на рубеже плейстоцена–голоцена (по материалам КС-5)	222
<i>Г. В. Синицына, Е. Г. Гуськова, О. М. Распопов, А. Г. Иосифиди, М. А. Кулькова</i> . Проблемы хронологии памятников рубежа плейстоцена — начала голоцена северо-запада Русской равнины	233
Список сокращений	261

ПРОБЛЕМЫ ЗАСЕЛЕНИЯ СЕВЕРО-ЗАПАДА ВОСТОЧНОЙ ЕВРОПЫ В ВЕРХНЕМ
И ФИНАЛЬНОМ ПАЛЕОЛИТЕ (КУЛЬТУРНО-ИСТОРИЧЕСКИЕ ПРОЦЕССЫ)

Сборник научных статей под редакцией к.и.н. Г.В. Сеницыной

Компьютерная обработка Н. А. Лазаревская

Издание сборника осуществлено при финансовой поддержке
Российского гуманитарного научного фонда (РГНФ), № 09-01-00573а/Б

Подписано в печать 23.10.2013 г. Формат 60×84¹/₈
Усл. печ. л. 30.4. Тираж 300 экз.

Отпечатано методом оперативной полиграфии
в ООО ЭлекСис, 195112, СПб., Новочеркасский пр., д.1